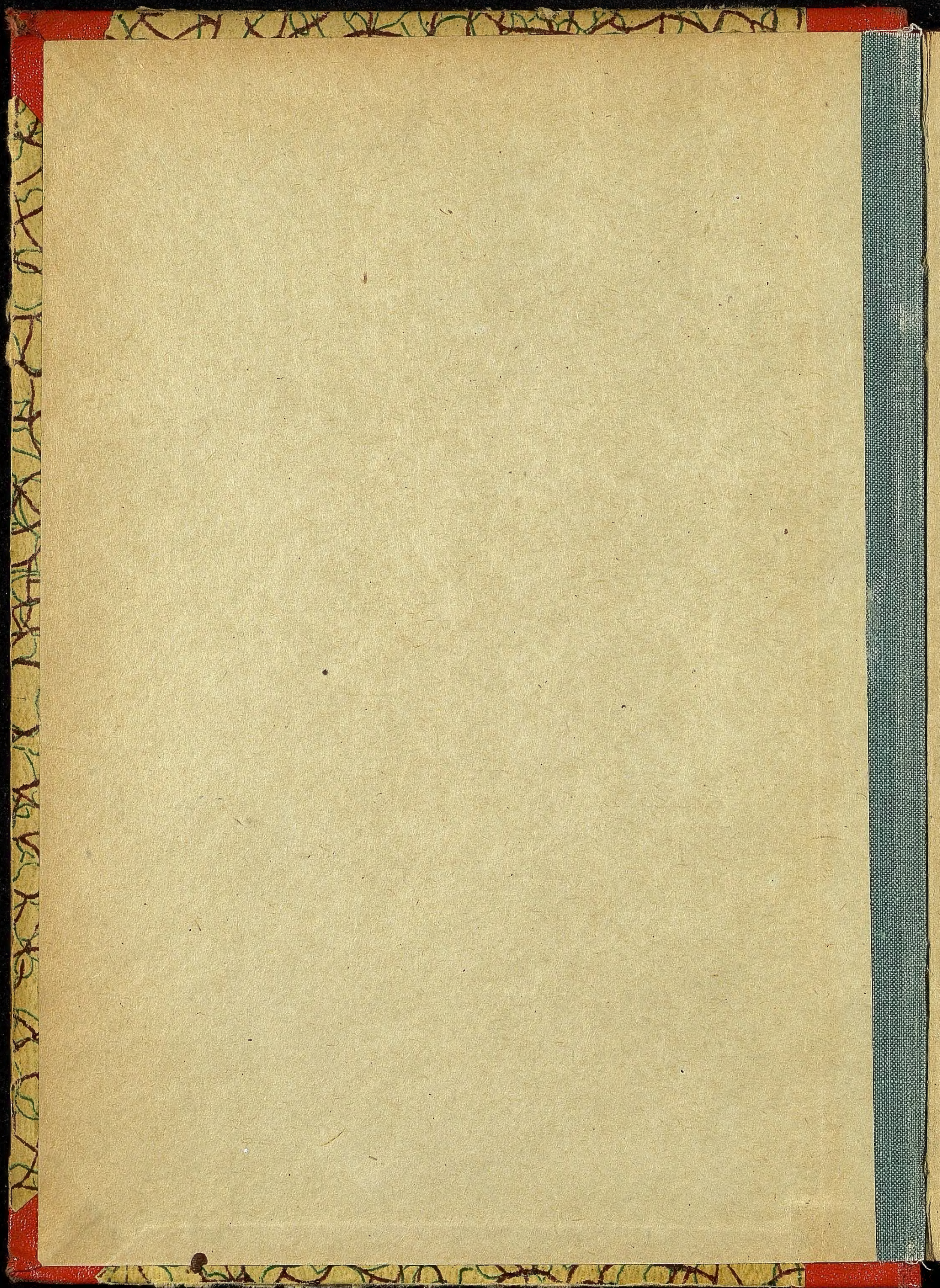
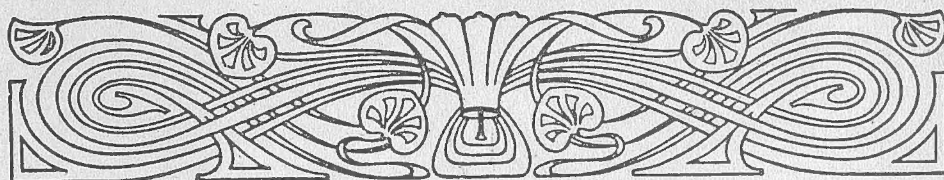

ДОРЕФОРМЕННАЯ РОССІЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

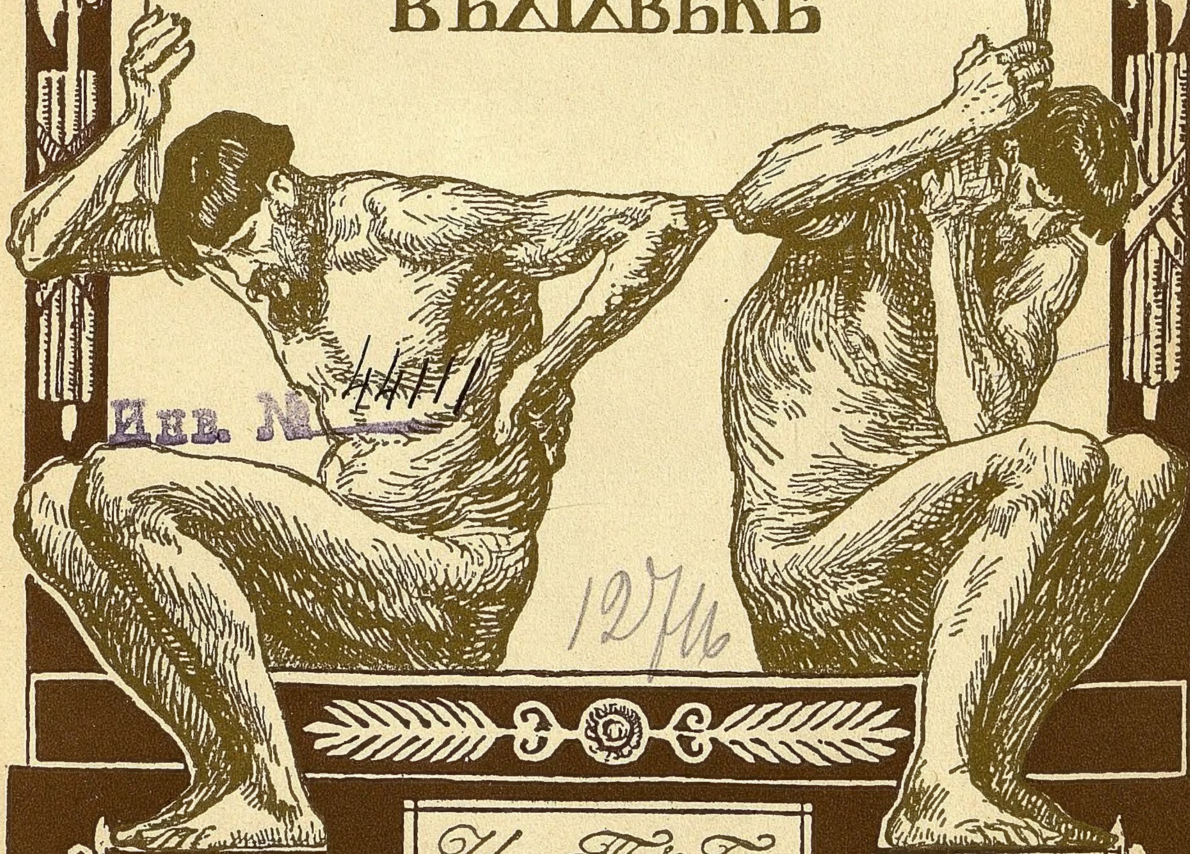
Оглавленіе I-го тома.

(Часть первая, отдѣлъ первый.)

Подробное оглавленіе см. въ концѣ I части (II т.)

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ

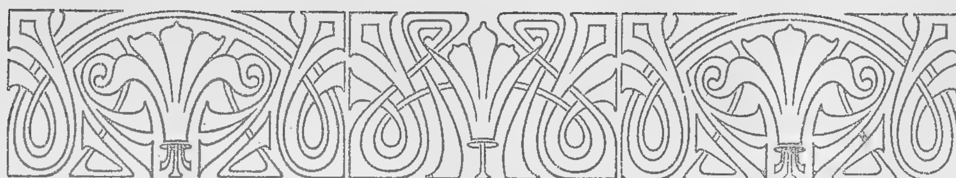
Томъ. № 1.

Изд. Т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К°

Л. Пастернакъ

ЕКСТЪ ОТПЕЧАТАНЪ ВЪ ТИПО-
РАФІИ „РУССКАЯ СКОРОПЕЧАТНЯ"
.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИНИНСКІЙ
КАНАЛЪ, 94.

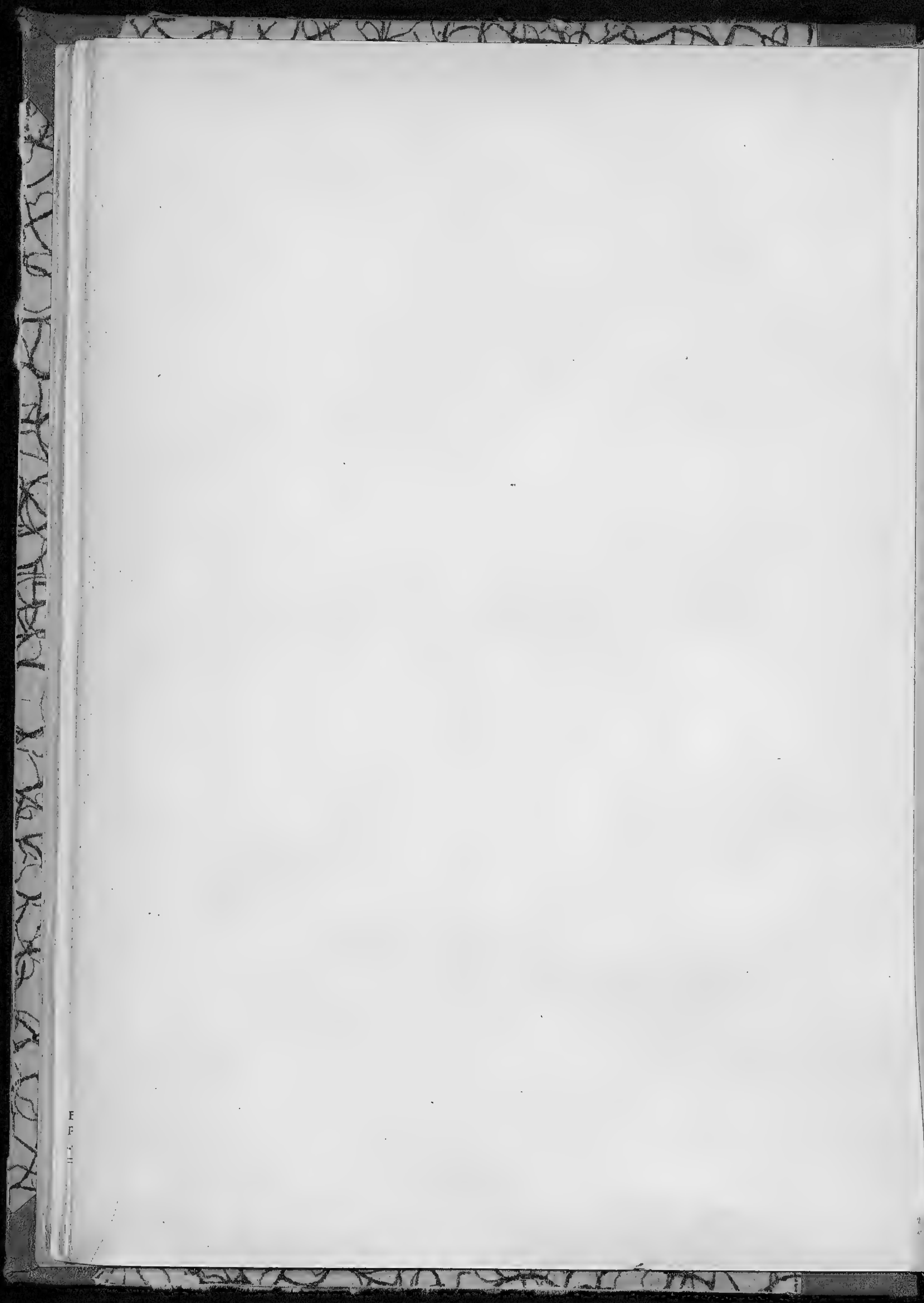
ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТЪ ОТПЕЧАТАНЪ
ВЪ ТИПОГР. МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ
СООБЩ. (Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.)
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ФОНТАНКА, 117.

Портреты, помѣщенные въ I томѣ.

Объяснительный указатель художест. приложеній см. въ концѣ I-ой части (II т.).

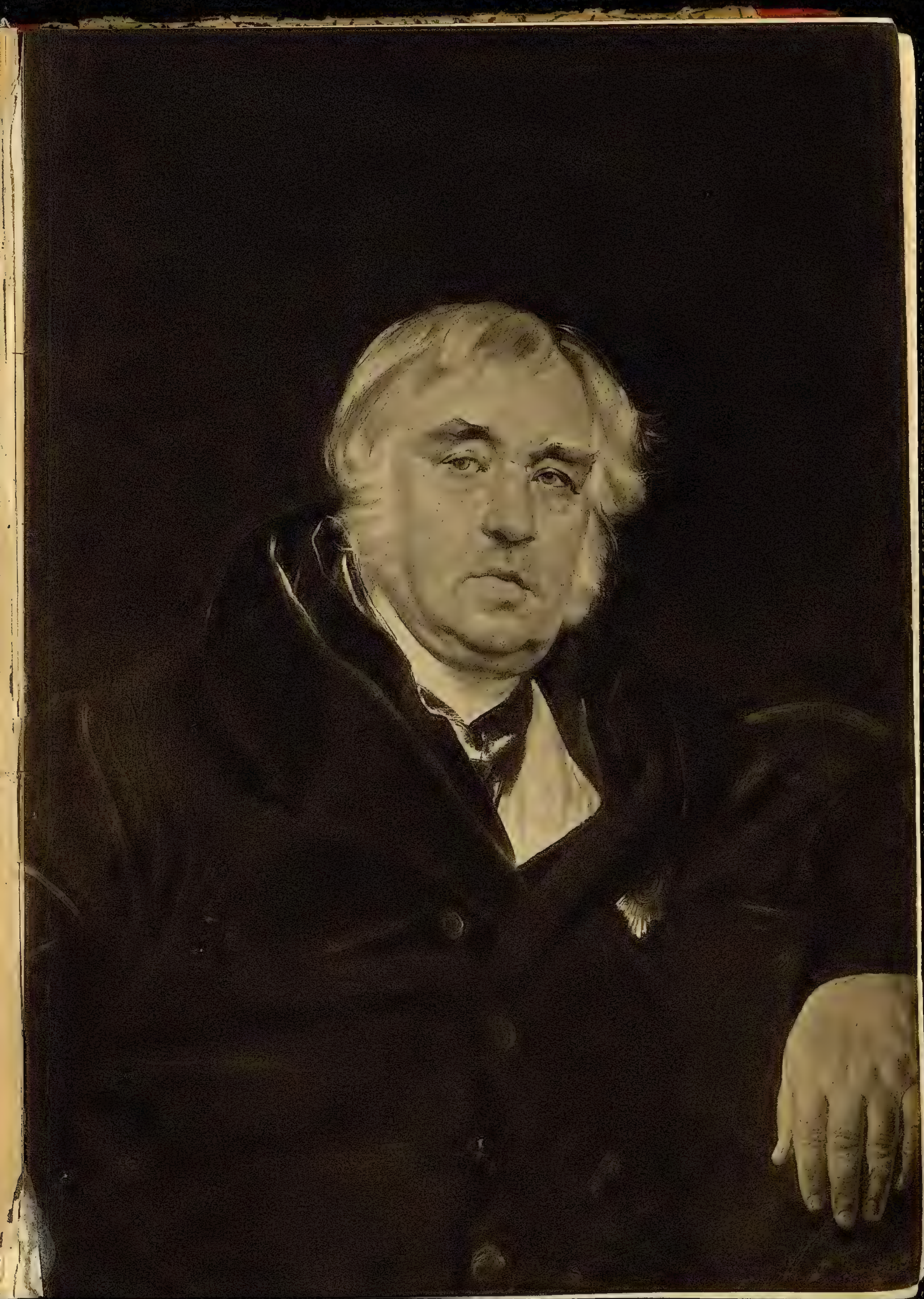
1

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Съ портрета, писаннаго К. П. Брюлловымъ

(Румянцевскій музей въ Москвѣ).

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

Россія въ концѣ XVIII вѣка.

(М. Н. Покровскаго).

Хозяйство.—Общество.—Государственная власть.

I. Хозяйство. Въ первый годъ царствованія Павла Петровича (указами 10 и 18 декабря 1796 г.) были отмѣнены въ Россіи послѣднія натуральныя подати: до этого времени подушныя часто вносились не деньгами, а хлѣбомъ. Даже остзейскіе крестьяне платили „провіантомъ и фуражомъ", а крестьяне Западной Россіи—мукою. Правительство отказывалось требовать отъ плательщиковъ, чтобы они непремѣнно превращали хлѣбъ въ деньги: хлѣбъ-товаръ еще не былъ вполнѣ обыденнымъ явленіемъ. Около того же времени вся цѣнность нашего хлѣбнаго вывоза не превышала милліона рублей; притомъ свободный вывозъ былъ разрѣшенъ только въ 1800 году по просьбѣ петербургскаго купечества. Какъ остатокъ старины, все-таки была сохранена вывозная пошлина по 30 коп. съ четверти. Внутреннюю торговлю одинъ наблюдательный и вдумчивый современникъ характеризуетъ такъ: „Имперія есть такой пространности, что самый перевозъ хлѣба съѣдаетъ всѣ барыши,.. а черезъ самое сіе въ продажѣ своего произращенія земледѣлецъ не много пользы получаетъ". Оттого на рынокъ сбывали только избытки,—но и тѣ старались продать у себя дома, не вывозя никуда. „Донынѣ часто или по большей части благородные продаютъ произведенія своихъ деревень въ самыхъ тѣхъ деревняхъ, не утруждая ихъ крестьянъ перевозомъ". Покупателями являлись обыкновенно сосѣди, у которыхъ хлѣбъ не уродился, рѣже купцы *). Благодаря слабому развитію внутренней торговли, еще въ первой половинѣ XIX вѣка разница въ цѣнахъ на хлѣбъ для различныхъ частей Россіи доходила до 1000%: когда въ Курской губерніи четверть хлѣба стоила полтора рубля, въ Псковской она продавалась въ то же время за 14—15 рублей.

Обмѣнъ предметами первой необходимости всегда служитъ лучшимъ показателемъ распространенности мѣнового хозяйства вообще: Россія 1800 года, подобно средневѣковой Европѣ, знала правильную и постоянную торговлю лишь „предметами роскоши",—тѣмъ, чего нельзя достать всегда и всюду, или что нужно только тон-

*) Кн. Щербатовъ. Сочин., I, стр. 639 и 205.

кому верхнему слою населенія. Покупали желѣзо, соль, заграничные и „колоніальные" товары, вина, фрукты, лучшіе сорта матерій. Масса старалась обходиться вовсе безъ обмѣна, довольствуясь ресурсами „натуральнаго" хозяйства. Средневѣковой торговлѣ соотвѣтствовала и средневѣковая техника: отвѣты помѣщиковъ Вольному Экономическому Обществу (въ 60-хъ гг.), Болотовъ и Щербатовъ вполнѣ сходятся на этотъ счетъ. Отдѣльная барская запашка была лишь исключеніемъ: въ большинствѣ, барская и крестьянская земли лежали черезполосно и обрабатывались одинаково крестьянскимъ инвентаремъ. Подобно средневѣковому рыцарю, нашъ помѣщикъ XVIII вѣка своего хозяйства не велъ, питаясь отъ крестьянскаго; мы увидимъ позднѣе, что это не единственная черта сходства съ феодальной эпохой. Удобреніе было новинкой, его всегда отмѣчаютъ съ похвалой, какъ теперь крестьянское травосѣяніе, напр. И оно почти такъ же мало распространено, какъ и отдѣльная барская запашка. Орудіемъ обработки—крестьянской и помѣщичьей земли одинаково—служила соха. Только немногіе помѣщики-англоманы, въ родѣ Растопчина, выписывали изъ-за границы усовершенствованныя орудія, но съ ними приходилось выписывать и заграничныхъ работниковъ, которые могли бы научить и барина, и его крестьянъ, какъ съ этими орудіями обращаться.

Сельскохозяйственное англоманство вовсе не было однако чудачествомъ отдѣльныхъ помѣщиковъ: новое хозяйство уже стучалось въ тысячи дверей. Чѣмъ ближе къ началу XIX в., тѣмъ больше мы встрѣчаемъ на однообразномъ средневѣковомъ фонѣ новыхъ яркихъ пятенъ. Наряду съ обычнымъ типомъ имѣнія, основательно защищеннымъ черезполосицей и принудительнымъ сѣвооборотомъ отъ новыхъ техническихъ вѣяній, анкета Вольнаго Экономическаго Общества даетъ намъ иногда и другой типъ—съ выдѣленной барской запашкой, съ „раціональной" эксплуатаціей крестьянскаго труда, доходящей почти до размѣровъ Николаевской эпохи. Характерно, что такія имѣнія—уже настоящія сельскохозяйственныя предпріятія — встрѣчаются намъ преимущественно по берегамъ большихъ судоходныхъ рѣкъ: четырехъ-пятидневная барщина отмѣчена анкетой для Рязанской губерніи, напр. Обмѣнъ шелъ по линіи наименьшаго сопротивленія и тянулъ за собой сельскохозяйственный капитализмъ.

Литература, болѣе чуткая именно къ новымъ явленіямъ, уже въ концѣ восемнадцатаго вѣка отмѣтила послѣдній шагъ, который могло сдѣлать барщинное хозяйство на этомъ пути. Всѣмъ извѣстенъ заинтересовавшій Пушкина разсказъ Радищева о помѣщикѣ, отнявшемъ у крестьянъ все ихъ достояніе, такъ что у нихъ не осталось ни клочка земли, ни коровы, ни даже курицы, а все свое „скудное пропитаніе" получали они отъ помѣщика. На поляхъ противъ этого мѣста „Путешествія" Екатерина II отмѣтила, что это написано „для приведенія въ омерзеніе тѣхъ помѣщиковъ, кои пашни отнимаютъ у крестьянъ"— ни однимъ словомъ не отвергая существованія такихъ помѣщиковъ. И это полупризнаніе императрицы находитъ себѣ подтвержденіе въ словахъ серьезнаго, вовсе

не склоннаго къ сатирѣ агронома Рычкова: „Есть такіе строгіе помѣщики“, — говоритъ онъ, — „которые крестьянамъ своимъ одного дня на себя работать не даютъ, а, давая всѣмъ ихъ семействамъ мѣсячный провіантъ, употребляютъ ихъ на господскія работы повседневно“. *Плантаціонное хозяйство*, превращеніе всей пашни имѣнія въ барскую запашку, а крестьянъ въ механизмъ для ея обработки, вопреки Болтину, вовсе не было чуждо Екатерининской эпохѣ, по крайней мѣрѣ, ея концу. Но это были еще только первыя ласточки: настоящій расцвѣтъ помѣщика-„плантатора“ увидѣли 30-е — 40-е годы девятнадцатаго вѣка. „Интенсификація барщины“ развивалась медленно. Во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка пашня въ барщинномъ имѣніи—тамъ, гдѣ существовала отдѣльная барская запашка,—обыкновенно дѣлилась между бариномъ и крестьянами поровну, и соотвѣтственнымъ образомъ распредѣлялся крестьянскій трудъ. Извѣстный указъ императора Павла о трехдневной барщинѣ считается однимъ изъ первыхъ шаговъ къ упраздненію крѣпостного права. Вѣроятно, это и было въ намѣреніяхъ Павла: такъ поняли дѣло и многіе современники, напр., поэтъ Руссовъ, воспѣвшій указъ 1797 г. въ такихъ выраженіяхъ: „Далъ имъ (крестьянамъ) полну волю свободну въ праздникъ быть отъ дѣлъ. Разсѣкъ на части ихъ недѣли, чтобъ три дня барину потѣли, а три дня жали свой загонъ“. Но, кромѣ обязательнаго праздничнаго отдыха, который при сельскихъ работахъ, стоящихъ въ такой тѣсной зависимости отъ погоды, конечно, плохо соблюдался,— указъ Павла не вносилъ ничего существенно новаго. Разсѣкать на двѣ равныя части рабочую недѣлю крестьянина заставляло землевладѣльца равенство барской и крестьянской запашки.

Главнымъ препятствіемъ къ капитализаціи крѣпостного хозяйства были, какъ мы видѣли, плохіе пути сообщенія—и, въ результатѣ, дороговизна перевозки. Болѣе дорогіе фабрикаты выгоднѣе перевозить, чѣмъ дешевое сырье. Многіе помѣщики старались поэтому обработать сырье у себя на мѣстѣ, и уже въ такомъ обработанномъ видѣ пустить свои продукты на рынокъ. Хлѣбъ перерабатывался главнымъ образомъ въ водку: какое значеніе имѣло винокуреніе въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, видно изъ того, что уже въ половинѣ восемнадцатаго вѣка дворянство домогалось сдѣлать винокуренные заводы своей привилегіей, чего и добилось при Петрѣ III. Въ Комиссіи для сочиненія новаго уложенія (1767 г.) оно пошло дальше и устами ярославскихъ дворянъ просило, чтобы къ вину были присоединены всѣ „издѣлія, сочиняющіяся изъ льна, пеньки и другихъ земляныхъ економическихъ произращеній“. Этого добиться не удалось, но и безъ привилегіи полотняное ткачество росло быстро—съ 1742 до 1767 г. количество полотняныхъ мануфактуръ выросло съ 20 до 88, и почти всѣ новыя были въ рукахъ дворянъ. Съ того же 1742 года число суконныхъ фабрикъ поднялось съ 16 до 76, и Щербатовъ отмѣчаетъ, что именно въ это время „дворяне начали въ оныя вступать“. По вѣдомостямъ мануфактуръ коллегіи за 1773 г. одна треть всѣхъ фабрикатовъ вырабатывалась на дворянскихъ фабрикахъ. Почти 50%

свѣхъ суконныхъ фабрикъ принадлежало въ началѣ XIX в. дворянамъ, а въ числѣ фабрикантовъ мы встрѣчаемъ самыя знатныя фамиліи—князей Барятинскаго, Юсупова, Шаховского, Хованскаго, Урусова, Щербатова, Прозоровскаго, графа Разумовскаго, Безбородко, Салтыкова и др.—всего болѣе 50 титулованныхъ и нетитулованныхъ дворянъ и лишь 12 купцовъ. На фабрикахъ, конечно, примѣнялся тотъ же крѣпостной трудъ, что и въ сельскомъ хозяйствѣ—барщина въ полѣ замѣнялась для крестьянъ барщиной на мануфактурѣ. Какова была эта барщина, видно изъ отзыва одного современника: „Крестьяне говорятъ: въ этой деревнѣ фабрика — съ такимъ видомъ, какъ-будто хотятъ сказать: въ этой деревнѣ чума". Фабричная барщина—или, по крайней мѣрѣ, ея распространеніе—была, нужно прибавить, дворянской привилегіей: съ 1762 года купцамъ было запрещено покупать крестьянъ къ фабрикамъ, какъ это разрѣшилъ имъ Петръ Великій.

Какъ велика была площадь, захваченная новымъ хозяйствомъ къ началу XIX вѣка? У насъ есть два указанія на это,—одно довольно точное, но, къ сожалѣнію, очень косвенное, другое болѣе прямое, но зато далеко не точное. Сельскохозяйственному предпринимателю нуженъ капиталъ, какъ и всякому другому. Нечего и говорить, что дворяне и въ этомъ случаѣ были привилегированнымъ сословіемъ: въ 1786 году Екатериной II былъ учрежденъ заемный банкъ для дворянства,—нуждавшимся капиталъ выдавала казна подъ залогъ имѣнія. Въ 1800 году въ этомъ банкѣ было заложено 160.000 душъ крестьянъ (какъ извѣстно, имѣнія въ то время опредѣлялись количествомъ крестьянъ, а не земли). Въ Россіи къ 1800 году считалось 9 милліоновъ крѣпостныхъ мужского пола: заложенныя имѣнія охватывали, такимъ образомъ, 1,77% общаго числа крѣпостныхъ крестьянъ. Но, во-первыхъ, далеко не всегда дворянскіе займы шли на производительныя цѣли; во-вторыхъ, не всѣ дворяне обращались за нужнымъ имъ для хозяйства капиталомъ въ заемный банкъ,—иные могли располагать для этой цѣли другими ресурсами. Какъ бы то ни было, *слабое* распространеніе сельскохозяйственнаго капитализма констатируется довольно опредѣленно. Болѣе прямыя указанія можно было бы извлечь изъ приблизительнаго подсчета барщинныхъ имѣній, сдѣланнаго извѣстнымъ изслѣдователемъ исторіи русскаго крестьянства, В. И. Семевскимъ. Согласно этому подсчету, въ 14 губерніяхъ нечерноземной полосы (Костромская, Вологодская, Нижегородская, Ярославская, Олонецкая, Калужская, Петербургская, Владимирская, Новгородская, Московская, Тверская, Смоленская, и Псковская) 45% помѣщичьихъ крестьянъ были на барщинѣ, а въ черноземной полосѣ (губерніи Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Пензенская и Воронежская)—74%. Сразу видно преобладаніе барщиннаго хозяйства на югѣ, гдѣ имѣніе новаго типа, имѣніе—предпріятіе, имѣло наиболѣе благопріятныя условія роста, гдѣ земля наиболѣе щедро возвращала затраты. Но дальше этого общаго наблюденія итти не приходится: въ подсчетѣ не выдѣлены эти имѣнія новаго типа,

съ болѣе или менѣе „раціональной“ эксплуатаціей крестьянскаго труда, изъ массы имѣній съ традиціонной средневѣковой барщиной, т. е. такихъ, гдѣ часть земли пахалась крестьянами не для себя, а для барина, но гдѣ послѣдній, собственно, не велъ самостоятельнаго хозяйства, подчиняясь принудительному сѣвообороту наравнѣ со всѣми крестьянами.

Зато вполнѣ опредѣленны параллельныя цифры *оброчныхъ* имѣній, приводимыя тѣмъ же изслѣдователемъ: 55% для сѣверныхъ нечерноземныхъ губерній и 26% для черноземной полосы. Рѣчь здѣсь идетъ не о натуральномъ оброкѣ, который нерѣдко сосуществовалъ вмѣстѣ съ барщиной, а о *денежномъ*. Капитализмъ проникалъ въ русскую деревню конца XVIII вѣка не только черезъ помѣщика: крестьянинъ, можетъ быть, еще чаще появлялся на рынкѣ—то въ качествѣ продавца своихъ продуктовъ, то какъ продавецъ своей рабочей силы. Послѣднее, главнымъ образомъ, имѣло мѣсто на сѣверѣ, гдѣ отхожіе промыслы давно отодвинули на второй планъ малодоходное здѣсь земледѣліе. Гораздо любопытнѣе оброкъ на черноземномъ югѣ: здѣсь всего вѣроятнѣе косвенная эксплуатація новаго хозяйства помѣщикомъ, который предоставлялъ вѣдаться съ рынкомъ и рисковать крестьянамъ, регулярно учитывая въ свою пользу львиную долю крестьянскихъ барышей. Что доля была, дѣйствительно, львиная, въ этомъ, сознательно и нечаянно, признаются намъ сами помѣщики. Вотъ что писалъ въ 1785 году одинъ казанскій помѣщикъ своему приказчику: „О крестьянахъ, что они неимущіе и ходятъ по міру, отнюдь ко мнѣ не пиши; мнѣ это ножъ. Я хочу воровъ разорить и довести пуще прежняго,—такъ они милы мнѣ; почти и я отъ нихъ допущенъ ходити съ кузовомъ по міру. Уповаю и надѣюсь до тысячи рублей взыскать съ нихъ безъ всякаго сумнительства и разоренія. Мужикъ сѣръ, но умъ не чортъ у него съѣлъ“. Отецъ екатерининскаго фаворита Зубова самъ признавался, что, „будучи изъ самыхъ убогихъ помѣщиковъ“, онъ „нажилъ себѣ немалое имѣніе отъ сбора черезчуръ великихъ податей съ мужиковъ своихъ.

Эксплуатація крестьянина тутъ уже часто становилась совершенно не „раціональной“. Сплошь и рядомъ доходовъ крестьянина не хватало на уплату одновременно казенныхъ и барскихъ повинностей, и онъ долженъ былъ растрачивать свой капиталъ—земледѣльческія орудія, скотъ и т. д. Крѣпостные генерала Леонтьева въ челобитной своему барину (60-е годы) жалуются, что они „продали послѣдніе изъ домишковъ своихъ, экипажишки (телѣги) и скотъ“, и то могутъ уплатить лишь часть оброка.

Это торопливое использованіе новыхъ источниковъ дохода указываетъ намъ на ближайшую, непосредственную причину происходившаго переворота: ростъ потребностей помѣщичьяго класса. „Европеизація“ внесла въ обиходъ русскаго дворянина такія статьи расхода, которыя были совсѣмъ неизвѣстны его дѣду временъ императрицы Анны или Елизаветы. По запискамъ Болотова легко прослѣдить это усложненіе дво-

рянской жизни—размѣры оброка даютъ ему статистическую иллюстрацію: отъ 2 руб. въ 60 гг. оброкъ доходитъ до 5 въ 90-хъ, правильно повышаясь на 1 рубль въ каждое десятилѣтіе. Но помѣщикъ былъ бы чудотворцемъ, если бы по мѣрѣ роста своихъ потребностей онъ выбивалъ рубль за рублемъ изъ стоявшаго на одномъ мѣстѣ крестьянскаго хозяйства. Очевидно, что помѣщикъ лишь пользовался—безсознательно—какими-то общими теченіями, гнавшими хозяйство впередъ независимо отъ поверхностной „европеизаціи" высшаго класса. Однимъ изъ такихъ теченій, подмывавшихъ старые устои экономической жизни всегда и всюду съ неизмѣнной правильностью является *ростъ населенія.* Цѣлый рядъ фактовъ указываетъ намъ, что во второй половинѣ XVIII вѣка центральная Россія уже перешла за тотъ предѣлъ плотности населенія, при которомъ послѣднее могло прожить обычными для прежней поры пріемами хозяйства. 80-е годы отмѣчены рядомъ голодовокъ, напомнившихъ одному новѣйшему изслѣдователю 1891 годъ. Какъ и теперь, въ высшемъ обществѣ съ ужасомъ разсматривали черную клейкую массу, которой должно было питаться крестьянство подъ видомъ хлѣба. Въ 1782 году четверть ржи стоила 1 р. 30 коп., а въ 1786 г. цѣна дошла до 4 рублей; въ 1788 г. четыре рубля стоила уже четверть лебеды! Голодъ 80-хъ гг. вполнѣ оправдалъ тѣ жалобы на малоземелье, какія въ 60-хъ гг. намъ встрѣчаются въ отвѣтахъ помѣщиковъ Вольному Экономическому Обществу и въ 70-хъ у Щербатова. „По причинѣ великаго числа народа, населяющаго сію губернію",—говоритъ онъ о Московской (еще Петровскаго раздѣленія) губерніи,—„многія деревни такъ безземельны остаются, что ни съ какимъ прилежаніемъ не могутъ себѣ на пропитаніе хлѣба достать".

Населеніе центральной Россіи (Петровской, не считая пріобрѣтеній Екатерины II), съ 1762 по 1796 годъ увеличилось на 50%,—съ 19 милліоновъ до 29, а съ 1722 по 1796—на 105% (14 и 29 милл.). Эти цифры будутъ еще рельефнѣе, если мы припомнимъ, что за предшествующій семнадцатый вѣкъ численность населенія Россіи стояла почти на одномъ уровнѣ—13—14 милліоновъ. Къ царствованію Екатерины сгладились, наконецъ, результаты тѣхъ опустошеній, которыя послѣдовательно наносились Московской Руси смутой, войнами царя Алексѣя и Великой Сѣверной войной, и русское народное хозяйство вновь начало поступательное движеніе—почти отъ того уровня, на какомъ оно стало при Грозномъ и Годуновѣ.

Но, какъ всегда бываетъ на первыхъ порахъ, отрицательные результаты „относительнаго перенаселенія" сказываются сильнѣе положительныхъ. Если населеніе Московской и Нижегородской губерній, не будучи въ состояніи „на пропитаніе себѣ хлѣба достать" земледѣліемъ, „для того принуждено другими работами оный сыскивать", по словамъ Щербатова, такъ что здѣсь малоземелье давало толчокъ обрабатывающей промышленности, то въ другихъ мѣстахъ люди просто голодали, молча или съ бунтомъ, или же бѣдѣ помогали самой простой палліативной мѣрой—

переселеніями. При несвободѣ крестьянъ послѣдніе были въ рукахъ или помѣщиковъ, или правительства. Къ 90-мъ годамъ особенно учащается продажа крѣпостныхъ на вывозъ—для заселенія пустыхъ земель, главнымъ образомъ, на юго-востокѣ. Интересно, что здѣсь анкета Вольн. Экон. Общ. отмѣтила какъ разъ новый типъ имѣній—съ большой барщиной и большой барской запашкой. Дѣятельность правительства выразилась, главнымъ образомъ, въ колонизаціи Новороссіи, причемъ, какъ извѣстно, сквозь пальцы смотрѣли и на бѣглыхъ крѣпостныхъ. Всѣми этими средствами—съ присоединеніемъ голоднаго тифа и другихъ болѣзней, до чумы включительно — населеніе разрѣжалось настолько, что старый способъ хозяйничанья удовлетворялъ потребностямъ оставшихся, и можно было еще долго не ломать себѣ головы надъ придумываніемъ новыхъ. Одно относительное перенаселеніе двигало бы хозяйственную эволюцію вѣрнымъ, но черепашьимъ шагомъ, и если съ первыхъ лѣтъ XIX вѣка дѣло пошло быстрѣе, то это потому, что теперь, какъ разъ во-время, вступилъ новый факторъ развитія. Мы уже упоминали, что въ концѣ царствованія Екатерины нашъ хлѣбный вывозъ по цѣнности не превышалъ одного милліона рублей: въ 1802—4 гг. онъ уже составлялъ 8.187.000 р., а въ 1847—перешелъ за семьдесятъ милліоновъ. Около эпохи наполеоновскихъ войнъ Россія становится „житницей Европы“—и прежде всего Англіи: не даромъ Англія имѣла самаго надежнаго союзника въ Александрѣ I. Заграничный рынокъ сразу опредѣлилъ и внѣшнюю политику русскаго государя и внутреннюю—русскаго помѣщика.

2. Общество. „Понятно всякому“,—говорилъ въ Комиссіи 1767 года депутатъ курскаго дворянства Стромиловъ,— „что въ обширной монархіи надо быть особливому роду, который имѣлъ бы обязанность служить государству и изъ среды своей замѣщать власти средніе, поставленныя между государемъ и народомъ, и который, будучи предназначенъ къ тому природою, воспитывался бы въ правилахъ и знаніяхъ, привычныхъ тому состоянію, какое онъ въ государствѣ занимать будетъ, и предметомъ своего награжденія ставилъ бы только честь и славу, оставляя изъ вида покой и обогащеніе. Родъ этотъ и есть дворянство“.

Государь царствуетъ, дворянство управляетъ... Несмотря на заимствованную у Монтескье терминологію („власти средніе“—des pouvoirs intermédiaires), здѣсь не было никакого политическаго западничества. То, что говорилъ Стромиловъ, нельзя было назвать даже идеологіей, въ собственномъ смыслѣ этого слова: если исключить нѣкоторыя громкія фразы, мы имѣемъ предъ собой простую формулировку отношеній, уже существовавшихъ въ наличности,—а отнюдь не изображеніе болѣе или менѣе отдаленнаго идеала. Монтескье далъ лишь очень удобную и „приличную“ оболочку для чисто-русскаго явленія, притомъ далъ незадолго до того, какъ характерныя черты явленія стали стираться и блѣднѣть.

Посмотримъ сначала на дворянина въ его деревнѣ. Въ XVII вѣкѣ отвѣтственный агентъ правительства съ очень обширными полномочіями,

въ XVIII помѣщикъ является почти государемъ въ миніатюрѣ. Крестьяне такъ и называются сплошь и рядомъ его „подданными" и перестаютъ быть подданными непосредственно государства. Въ 1741 году, при вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны, крѣпостныхъ уже не приводятъ къ присягѣ. Обращаясь къ своему барину, крестьяне употребляютъ почти тѣ же формулы, къ какимъ прибѣгали въ семнадцатомъ вѣкѣ подавшіе прошеніе на царское имя. Крѣпостные генералъ-аншефа Леонтьева писали къ нему въ 1760 году такъ: „Государю нашему Николаю Михайловичу. Бьютъ челомъ и плачутся подмосковной вашей, Государь, Загарской волости, разныхъ деревень крестьяне... Государь нашъ надъ нами, сиротами, смилуйся и учини милосердный указъ".

Землевладѣлецъ и раньше имѣлъ очень широкое право наказанія своихъ крестьянъ: оно составляло неотъемлемую часть патріархальной власти, которую помѣщикъ Московской Руси унаслѣдовалъ отъ своего предшественника—боярина-вотчинника удѣльной эпохи. Но Московская Русь старалась держать въ извѣстныхъ границахъ вотчинныя права: въ XVIII вѣкѣ они расширяются. При Елизаветѣ Петровнѣ помѣщику предоставлялось ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь, причемъ правительство отказывалось само спрашивать у помѣщика о мотивахъ такого распоряженія. Другими словами, онъ судилъ въ этомъ случаѣ безапелляціонно. При Екатеринѣ II онъ получилъ право также безапелляціонно ссылать своихъ крѣпостныхъ даже на каторгу, т.-е. налагать на нихъ наиболѣе тяжелое уголовное взысканіе, потому что смертная казнь тогда была отмѣнена. Только въ самомъ концѣ восемнадцатаго вѣка мы встрѣчаемъ попытку суда вмѣшаться въ одну помѣщичью расправу: графа Каменскаго судъ запрашиваетъ, за что именно онъ ссылаетъ въ Сибирь такихъ-то крестьянъ. И это обидѣло Каменскаго, какъ нѣчто совершенно необычное и неприличное. Но даже и такихъ слабыхъ ограниченій мы не встрѣчаемъ по отношенію къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Въ XVII вѣкѣ законъ не ставилъ предѣловъ этому наказанію, но эти предѣлы зналъ обычай. Котошихинъ, котораго трудно заподозрить въ желаніи прикрасить русскую дѣйствительность, разсказываетъ, что изувѣчившій своего человѣка баринъ подвергался наказанію, а пострадавшій вознаграждался изъ барскаго имущества. За убійство крѣпостного человѣка полагалась даже смертная казнь. Сто лѣтъ спустя наши суды отказывались постановлять приговоръ по такимъ дѣламъ „за неимѣніемъ точныхъ указовъ". Немногіе процессы, возникавшіе по этому поводу, шли не обычнымъ путемъ и кончались наказаніемъ виновныхъ только благодаря вмѣшательству верховной власти. Обычай, о которомъ говоритъ Котошихинъ, былъ совершенно забытъ.

Не только право наказанія расширилось—то же было и съ областью примѣненія помѣщичьяго суда. Въ Московскую эпоху и землевладѣлецъ, подъ страхомъ строгой отвѣтственности, не смѣлъ вмѣшиваться въ „губныя" дѣла, т. е. въ дѣла о разбоѣ, убійствѣ и воровствѣ, подлежавшія вѣдѣнію губныхъ учрежде-

ній. Уложеніе оговорило по имени только разбой: въ восемнацдатомъ вѣкѣ это толковали такъ, что всѣ вины кражи стали судиться помѣщикомъ. И еще сводъ законовъ, изданный при Николаѣ I, предоставляетъ послѣднему право окончательнаго рѣшенія по всѣмъ дѣламъ, не влекущимъ за собой для виновнаго лишенія всѣхъ правъ состоянія. Только въ исключительныхъ случаяхъ, стало быть, правительственный судъ могъ вмѣшиваться въ дѣло, возникшее въ помѣщичьемъ имѣніи. Но и тутъ за помѣщикомъ признавалось право, по крайней мѣрѣ, произвести слѣдствіе. Помѣщикъ, подвергнувшій своихъ людей пыткѣ по подозрѣнію въ поджогѣ, не считался превысившимъ власть.

Широкія судебныя полномочія должны были стѣснять самихъ помѣщиковъ, особенно когда они не жили въ своихъ деревняхъ, и приходилось передавать свои полномочія управителю. Въ такихъ случаяхъ являлась потребность точно формулировать способы примѣненій своего права, чтобы не потерпѣть убытковъ отъ жестокаго или невѣжественнаго управляющаго. Отвѣтомъ на эту потребность были помѣщичьи судебники— одна изъ самыхъ любопытныхъ чертъ крѣпостного права XVIII вѣка. Примѣромъ такого „уложенія о наказаніяхъ", настоящаго „частнаго закона" на феодальный образецъ, могутъ служить сочиненные графомъ Румянцевымъ „пункты, по которымъ имѣютъ во всѣхъ низовыхъ нашихъ вотчинахъ управители, приказчики, старосты за разныя преступленія крестьянъ наказывать". Наказанія шли по извѣстнымъ градаціямъ, соразмѣрно съ тяжестью вины. За ссору и брань— нарушеніе общественной тишины по теперешней терминологіи—брали 10 к. штрафу. За побои—30 коп. и, кромѣ того, на три дня „заключать въ цѣпь". За кражу, какъ бы мала она ни была, у виновнаго отбирали все имѣніе и самого его сѣкли плетьми, а при первомъ случаѣ ставили безъ очереди въ рекруты. Особенно строго каралось оскорбленіе должностныхъ лицъ, напр., старосты, „при исполненіи ими служебныхъ обязанностей": пять рублей штрафа и наказаніе плетьми.

Такъ изъ судебной власти помѣщика сама собой вытекала и его законодательная власть. Судья и законодатель, онъ чувствовалъ себя настоящимъ государемъ, и жилъ, какъ прилично этому званію. У богатаго барина позапрошлаго вѣка былъ свой дворъ съ придворными званіями на нѣмецкій ладъ. У К. Разумовскаго мы найдемъ кофешенковъ, мундшенковъ, келлермейстеровъ и даже полицеймейстера. У Шереметева въ Кусковѣ было даже нѣчто въ родѣ гвардіи — 12 гусаръ съ „гусарскимъ командиромъ". Для этого придворнаго штата существовалъ придворный этикетъ, иногда очень детально выработанный и закрѣпленный письменной „инструкціей".

Но дворъ — это часть представительная, внѣшняя: въ вотчинномъ государствѣ были достаточно развиты и органы управленія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. У богатаго барина было и нѣчто въ родѣ совѣта министровъ, носившаго названіе „домовой канцеляріи" или „оберъ-конторы". Завѣдывавшіе ими были государственными людьми въ миніатюрѣ. „Они докладывали о дѣлѣ вмѣстѣ съ

своимъ проектомъ резолюціи, подписаннымъ ими единогласно, или съ мнѣніями и представленіями, а графъ (рѣчь идетъ о В. Г. Орловѣ), по разсмотрѣніи всего дѣла и мнѣнія конторы, возвращалъ ихъ въ контору со своимъ утвержденіемъ или измѣненнымъ приказомъ". Въ „Уложеніи" того же Орлова опредѣленъ и порядокъ сношеній центральнаго управленія съ мѣстными учрежденіями. Въ контору поступали дѣла по проступкамъ крестьянъ, которыя мѣстныя власти не могли рѣшить, съ обстоятельно мотивированнымъ мнѣніемъ о томъ, кто правъ, кто виноватъ и какому наказанію подлежитъ виновный. Суворовъ пытался даже выработать особыя формы для крестьянскихъ прошеній, поступавшихъ въ „оберъ-контору".

Какъ хорошій государь заботится не только о матеріальномъ, но и о духовномъ благѣ своихъ подданныхъ, такъ и баринъ хлопоталъ не только о водвореніи порядка между своими подданными, но и о спасеніи ихъ души. Румянцевъ за нехожденіе въ церковь по праздничнымъ днямъ назначалъ штрафъ въ 10 коп., а за непристойное поведеніе въ церкви—2 коп. Строго также слѣдили помѣщики за православіемъ своихъ крѣпостныхъ, преслѣдуя отпаденіе въ расколъ. Наряду съ этой заботой о духовномъ благосостояніи крестьянъ по старому образцу, мы встрѣчаемъ у господъ и своего рода „просвѣтительный абсолютизмъ". Уже самое устройство двороваго управленія требовало отъ служащихъ извѣстнаго образованія, по крайней мѣрѣ, грамотности. Еще А. П. Волынскій, въ своей инструкціи управителю (20-е годы XVIII в.) рекомендовалъ обучить грамотѣ 8 или 9 дворовыхъ мальчиковъ, которые могли бы потомъ сдѣлаться конторщиками; были помѣщики, которые обучали грамотѣ своихъ лакеевъ. Но у Татищева уже отмѣчается нравственная обязанность господина дать своимъ людямъ образованіе, безъ чего послѣдніе не могутъ какъ слѣдуетъ исполнять свои религіозныя обязанности. Литература восемнадцатаго вѣка внушала, по крайней мѣрѣ, интеллигентному меньшинству, и болѣе общія соображенія о преимуществахъ для самихъ помѣщиковъ извѣстнаго образованія народа. Въ Коммиссіи для сочиненія новаго уложенія графъ Строгановъ, разсказавъ объ одномъ случаѣ убійства крестьянами своего помѣщика, прибавилъ: „Я увѣренъ, почтенное собраніе, что если бы просвѣщеннѣе сей родъ людей былъ, то конечно бы подобныхъ свирѣпствъ мы свидѣтелями не были... Вы сами видите, сколь училища для крестьянства полезны, и когда оные изъ тьмы невѣжества выйдутъ, тогда и достойными себя сдѣлаютъ пользоваться собственностью и вольностью".

Какъ это было и съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ Екатерины II, цивилизаторскія наклонности помѣщиковъ находили себѣ мѣсто больше на бумагѣ и на словахъ, нежели въ ихъ деревняхъ. О заведеніи школъ для крестьянъ говорятъ нѣсколько дворянскихъ наказовъ „Комиссіи", но иностранцамъ, ѣздившимъ по Россіи, не удалось видѣть ни одной школы...

Итакъ, на всемъ почти пространствѣ Россіи дѣйствовали одновременно двѣ администраціи: одна общегосударственная, вѣдавшая самихъ помѣщиковъ, затѣмъ всѣхъ „свобод-

ныхъ“, т.-е. некрѣпостныхъ людей и, кромѣ того, по нѣкоторымъ вопросамъ, людей крѣпостныхъ. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ послѣдніе имѣли дѣло съ администраціей другого рода, администраціей барской, особой для имѣній каждаго особаго владѣльца. Какъ ни странно это кажется, но, только убивъ или ограбивъ кого-нибудь, крестьянинъ пріобрѣталъ полныя гражданскія права, ибо за эти преступленія его судилъ общій судъ, наравнѣ со всѣми свободными людьми. Во всѣхъ остальныхъ проявленіяхъ своей жизни, хорошихъ и дурныхъ, онъ не выходилъ изъ области барской юрисдикціи, былъ прежде всего „подданнымъ“ своего барина, а потомъ уже государства.

Мы говорили до сихъ поръ о „государствѣ“, противополагая его дворянскому управленію: но могло ли „государство“ сохранить свою самостоятельность по отношенію къ дворянской Россіи? Для того, кто не видитъ въ государствѣ метафизической сущности, носящейся надъ „обществомъ“, какъ духъ Божій носился надъ первобытнымъ хаосомъ, покажется странной даже постановка такого вопроса. Государство есть организація классоваго господства, и господствующій классъ долженъ былъ управлять всей Россіей такъ же, какъ каждый отдѣльный его членъ управлялъ своими крестьянами. Но этотъ фактъ, несомнѣнный для Россіи XVIII вѣка такъ же, какъ онъ несомнѣненъ для всѣхъ вѣковъ и народовъ, затушевывается своеобразными формами этого государства. Наша привычка къ централизаціи заставляетъ насъ искать одного, „главнаго“ учрежденія, которое находилось бы въ дворянскихъ рукахъ и вліяло бы на жизнь всей страны сразу. Не найдя его, мы начинаемъ думать, что дворянство было лишено участія въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, по крайней мѣрѣ, участія постояннаго, что оно было самостоятельно лишь въ удовлетвореніи своихъ второстепенныхъ нуждъ и интересовъ. *Личная* форма управленія наводитъ насъ, и довольно естественно, на мысль, что и его основной пружиной были *личные* же, а не классовые интересы. Но уже современные наблюдатели прекрасно видѣли, что это только *форма*, и даже такіе, которые больше всѣхъ могли бы быть ослѣплены этой формой. „Ты знаешь,—говорила Екатерина II своему статсъ-секретарю Попову,—съ какой осторожностью поступаю я въ изданіи своихъ узаконеній. Я разбираю обстоятельства, извѣдываю мысли просвѣщенной части народа и по нимъ заключаю, какое дѣйствіе указъ мой произвести долженъ. Когда же напередъ увѣрена я въ общемъ одобреніи, тогда выпускаю я мое повелѣніе и имѣю удовольствіе видѣть то, что ты называешь слѣпымъ повиновеніемъ,—и вотъ основаніе власти неограниченной. Но будь увѣренъ, что слѣпо не повинуются, когда приказаніе мое не приноровлено къ обычаямъ и когда я слѣдовала бы одной моей волѣ, не размышляя о слѣдствіяхъ“. Сорокъ лѣтъ спустя, доказывая, что Россіи не нужны никакія учрежденія, а нужна лишь крѣпкая личная власть, Карамзинъ писалъ Александру I: „Правила, мысли народныя лучше всѣхъ бренныхъ формъ удержатъ будущихъ государей въ предѣлахъ законности.

Чѣмъ? Страхомъ — возбудить всеобщую ненависть въ случаѣ противоположной системы царствованія".

Мы нисколько не ошибемся, если подъ „просвѣщенной частью" народа Екатерины и всѣмъ „народомъ" Карамзина мы будемъ разумѣть дворянство: Екатерина не рѣшилась сдѣлать ни одного шага по направленію къ освобожденію крестьянъ,—хотя искренно желала этого въ началѣ царствованія,—конечно, потому, что не была увѣрена въ „общемъ одобреніи" такого шага со стороны тѣхъ, кому принадлежали крестьяне. А Карамзинъ и писалъ-то для Александра свою записку именно затѣмъ, чтобы тотъ не сдѣлалъ чего-нибудь, что могло бы дать „мыслямъ" народной массы нѣкоторое вліяніе на ходъ дѣлъ. Фразеологія эпохи просвѣщенія такъ же мало должна насъ обманывать въ этомъ случаѣ, какъ и въ рѣчи дворянскаго депутата Комиссіи 1767 года, приведенной выше. На порогѣ XIX вѣка люди не были уже такъ наивны, какъ въ дни императрицы Елизаветы Петровны, откровенно признававшейся въ своемъ манифестѣ, что она вступала на престолъ „по желанію всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, *а наипаче лейбъ-гвардіи полковъ*..."

Русскій царь восемнадцатаго вѣка могъ управлять только съ согласія своего дворянства. Анна Леопольдовна и Петръ III были грозными примѣрами для тѣхъ, кто вздумалъ бы держаться „противоположной системы царствованія". Павелъ Петровичъ не понялъ этого—и заплатилъ жизнью за свою ошибку. Реформы Александра I кончились ничѣмъ благодаря тому, что не отвѣчали интересамъ „первенствующаго въ имперіи сословія", а реформы Екатерины II были болѣе удачны лишь потому, что только облекли въ юридическую одежду заявленныя этимъ сословіемъ пожеланія. Характерно, что пожеланія не шли дальше *мѣстнаго* управленія. Уже цитированный выше (гл. 1-я) ярославскій наказъ Комиссіи 1767 года выражалъ желаніе, чтобы „всѣ дѣла, яко малыя ссоры въ земляхъ, въ потравахъ, въ порубкѣ лѣса, въ малыхъ дракахъ, въ долгахъ крестьянскихъ и прочія подобныя, были суждены учрежденными на то выборными комиссарами *отъ дворянства*". „Что принадлежитъ до судей по городамъ, то не безполезно быть разсуждается выбирать того уѣзда *дворянамъ* изъ собратій своихъ". Оба требованія, какъ извѣстно, сполна были удовлетворены „реформами" 1770—80-хъ гг. Положеніе о губерніяхъ создало цѣлый рядъ мѣстныхъ судебныхъ органовъ, вполнѣ или отчасти пополнявшихся выборными отъ мѣстнаго общества, и преимущественно отъ мѣстнаго дворянства; а во главѣ уѣздной полиціи былъ поставленъ выбиравшійся дворянами капитанъ-исправникъ, съ обязанностями даже нѣсколько шире проектированныхъ ярославскимъ дворянствомъ для своего „комиссара". Наконецъ, по жалованной грамотѣ 1785 г., дворяне каждаго уѣзда и губерніи получили организацію, вѣдавшую ихъ мѣстные сословные интересы, что также отвѣчало требованіямъ наказовъ: „Учредить ежегодныя собранія дворянства во всякой провинціи". Эти собранія получили даже политическое право—право петицій,—подавать ходатайство

прямо на высочайшее имя, единственное очень скромное политическое право, какое когда-либо имѣлось у подданныхъ русскаго государя. Косвенно это давало дворянству возможность контроля надъ мѣстной администраціей, на дѣйствія которой дворяне могли жаловаться непосредственно государю, но эти жалобы могли касаться лишь *мѣстныхъ* дѣлъ. Въ центральномъ управленіи дворяне не были представлены,—и не добивались этого. Конституціонные проекты Панина и кн. Щербатова или не находили отклика среди дворянства, или даже не выходили за предѣлы чистокабинетной работы. Центральная власть была еще такъ мало активна, такъ рѣдко и спорадически вмѣшивалась въ народную жизнь, что постоянное участіе въ ней не представляло еще большой цѣны въ глазахъ дворянина XVIII вѣка.

Помѣщики и ихъ „подданные" почти исчерпывали собою тогдашнее общество. Не статистически, конечно. Крѣпостные крестьяне составляли не болѣе 53% всего населенія, дворяне едва ли болѣе 1%. Но тѣ и другіе давали самыя крупныя, типическія черты общественной физіономіи. По типу ихъ отношеній строились всѣ прочія. Самый многочисленный разрядъ населенія послѣ помѣщичьихъ крестьянъ составляли крестьяне казенные—разныхъ наименованій—государственные, экономическіе (бывшіе монастырскіе), удѣльные—почти треть всего населенія Россіи. Для нихъ „бариномъ" теоретически было государство, а на практикѣ—тѣ чиновники, которые ими завѣдывали. По отношенію къ государству они, съ ихъ землей, были такимъ же объектомъ частной собственности, какъ крѣпостные по отношенію къ помѣщику. Подобно послѣднимъ, они платили оброкъ, кромѣ податей государственнаго характера. Подобно крѣпостнымъ, они не имѣли права совершать какія бы то ни было сдѣлки, если на то не было согласія владѣльца, въ данномъ случаѣ, правительства. Съ ихъ купчими землями казна обращалась совершенно такъ же, какъ помѣщикъ съ землями своихъ крестьянъ: временами, когда это казалось выгоднымъ, за государственными крестьянами признавалось право на такія земли. Временами же у крестьянъ безъ церемоніи отбирались купчія, закладныя, „поступныя" и тому подобные документы, а земля поступала въ казну. Сравненіе государства съ помѣщикомъ при такихъ порядкахъ само собою навертывалось подъ перо самихъ тогдашнихъ дѣятелей, распоряжавшихся судьбами казеннаго имущества. Одинъ изъ секретарей императрицы Екатерины II писалъ ей въ 1765 году: „В. И. В. не соизволитель высочайше указать тѣмъ черносотнымъ и дворцовымъ крестьянамъ и въ продажѣ и въ закладѣ... земель учинить запрещеніе, а чтобы они оныхъ земель своими родовыми, или прадѣдами и отцами ихъ покупными не именовали—имѣющіяся у нихъ крѣпости отобрать и впредь не писать, а *дѣлить имъ земли* и раздавать въ волостяхъ недостаточнымъ *равномѣрно такъ, какъ и помѣщики своихъ крестьянъ по числу людей, кто что снести можетъ, уравниваютъ*". Совершенно естественно, что этимъ живымъ имуществомъ казна распоряжалась такъ же, какъ и всякимъ другимъ: каждое вступленіе

на престолъ, напримѣръ, въ числѣ другихъ наградъ, сопровождалось и раздачей казенныхъ крестьянъ въ частную собственность. Такимъ путемъ при Павлѣ Петровичѣ въ одинъ день 82 тысячи государственныхъ крестьянъ сдѣлались крѣпостными.

Не нарушалъ цѣльности этой средневѣковой картины и русскій городъ XVIII вѣка. Можно даже сказать, что городъ былъ болѣе средневѣковымъ, чѣмъ деревня. Экономическая привилегированность помѣщика сказывалась и въ томъ, что онъ легче и скорѣе переходилъ къ новымъ формамъ хозяйства,—снималъ сливки съ зарождавшагося капитализма. Прежде всего городское населеніе составляло статистически ничтожный элементъ общей массы. Абсолютная численность городского населенія медленно росла за восемнадцатый вѣкъ; точнѣе всего мы можемъ учесть число посадскихъ людей, плательщиковъ налоговъ, — болѣе или менѣе аккуратно отмѣчавшихся поэтому ревизіями. Вторая ревизія отмѣтила посадскихъ 24 слишкомъ тысячъ больше, чѣмъ первая, третья—на 16 тысячъ больше, чѣмъ вторая. Но если мы возьмемъ процентное отношеніе посадскаго населенія ко всей совокупности податного населенія Россіи, то увидимъ, что послѣднее росло быстрѣе перваго. По вычисленію новѣйшаго изслѣдователя посадской общины XVIII вѣка, это отношеніе составляло: для первой ревизіи 3,2%, а для третьей (1762 года) лишь — 3,1%. Составъ этого маленькаго кусочка населенія какъ нельзя болѣе типиченъ для до-капиталистической эпохи. Мелкіе хозяева, „ремесленники“ разнаго рода въ немъ рѣшительно преобладали. Въ Москвѣ 1760-хъ гг., по одному офиціальному документу, тотъ же изслѣдователь насчиталъ: мелкихъ торговцевъ („торгуютъ въ городѣ“) 46,2% (а съ сидѣльцами и приказчиками 58,7%), ремесленниковъ 14,4, а „чернорабочихъ“, даже съ „дряхлыми и увѣчными вмѣстѣ“ всего 22,3%. Въ такомъ крупномъ промышленномъ центрѣ, какъ Москва, представители наемнаго труда составляли не болѣе 1/5 населенія. Мѣста, гдѣ ихъ было больше, являются рѣдкимъ исключеніемъ,—притомъ, такъ какъ въ этомъ числѣ мы встрѣчаемъ очень мелкіе посады, гдѣ едва ли можно предположить развитую промышленность, то не было бы ничего удивительнаго, если бы подъ „чернорабочими“ этихъ посадовъ скрывались просто крестьяне, контрабандой занимавшіеся торговлей или ремеслами. Сама торговля носила типичный для среднихъ вѣковъ мелко-ремесленный характеръ. Крупныя состоянія — до ста тысячъ рублей и выше — были единичнымъ исключеніемъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1760-хъ гг. самый крупный капиталъ купцовъ *первой* гильдіи составлялъ 5.000 рублей, а самый мелкій—всего 150. Въ уѣздныхъ городахъ торговля, разумѣется, была еще мельче: въ первой половинѣ вѣка самый богатый тотемскій купецъ имѣлъ не выше 300 рублей собственнаго капитала. Не мудрено, что тогдашніе „капиталисты“, принявшись за промышленность, не могли выдерживать конкурренціи даже съ мелкимъ ремесломъ — и два или три раза во второй половинѣ вѣка московскіе „фабриканты“ должны были взывать къ помощи насаждавшаго крупное

производство начальства — противъ цеховой мастерской, хотя наша цеховая промышленность никогда даже приблизительно не достигала размѣровъ западно-европейской поздняго средневѣковья.

3. Государственная власть. „Ты да я, я да ты — мы одни будемъ всѣ дѣла дѣлать", говорилъ Павелъ Петровичъ одному изъ своихъ генералъ-прокуроровъ. „Одно мое движеніе" — не безъ самодовольства говорила еще раньше Екатерина — „даетъ всему направленіе, куда идти должно". Если помѣщичья вотчина XVIII вѣка была государствомъ въ миніатюрѣ, то государство было лишь вотчиной въ большомъ видѣ. Крѣпостное право имѣло свою логику: не отдѣляя хозяина отъ государя въ самомъ себѣ, дворянинъ Екатерининской — и даже Александровской — эпохи, не умѣлъ произвести такого раздѣленія и въ своемъ государѣ. Эта неумолимая логика крѣпостного права навязывала людямъ, даже затронутымъ „просвѣщеніемъ", едва понятные для насъ политическіе взгляды. Очень звучное эхо этихъ взглядовъ мы находимъ опять-таки у Карамзина, знаменитая „записка" котораго по очень вѣрному замѣчанію одного изъ новѣйшихъ историковъ, была компиляціей изъ всѣхъ разговоровъ, какіе авторъ слышалъ вокругъ себя. Карамзинъ не представляетъ себѣ иного управленія, кромѣ личнаго: лица для него — все, учрежденія — ничто. Главное заблужденіе Сперанскаго — „излишнее уваженіе къ *формамъ* государственной дѣятельности". Формы сами по себѣ ничего не значатъ, слѣдуетъ „искать людей". Сіе искусство избирать людей и обходиться съ ними есть первое для государя россійскаго: безъ сего искусства тщетно будетъ искать народнаго блага въ органическихъ уставахъ!" Все дѣло будетъ сдѣлано, если удастся найти 50 хорошихъ губернаторовъ; они обуздаютъ корыстолюбіе чиновниковъ, укротятъ жестокихъ господъ, возстановятъ правосудіе, успокоятъ земледѣльцевъ, ободрятъ купечество и промышленность, сохранятъ пользу казны и народа...

Можно видѣть здѣсь отголоски „просвѣтительнаго" индивидуализма. По поводу губернатора — провидѣнія можно припомнить вольтеровскую теорію государя-философа, тоже своего рода ходячаго провидѣнія для своихъ тупыхъ и невѣжественныхъ подданныхъ, и практику Іосифа II, который тоже „одинъ всѣ дѣла дѣлалъ", безпощадно ломая всякіе „органическіе уставы". Но все это была бы лишь привычная западная одежда для явленія вполнѣ національнаго, какъ Монтескье для дворянскихъ депутатовъ Комиссіи 1767 года. Нужно прибавить, что Карамзинъ объ этой одеждѣ и не заботился. Къ его времени показной космополитизмъ русскихъ вольтерьянцевъ успѣлъ уже смѣниться такимъ же внѣшнимъ и показнымъ патріотизмомъ. Источникъ карамзинской идеологіи былъ гораздо ближе къ русскому дворянину начала прошлаго вѣка, чѣмъ Вольтеръ и Іосифъ II. Стоитъ перечесть много разъ воспроизводившуюся — ужъ очень она характерна! — переписку Карамзина со своимъ бурмистромъ, чтобы найти этотъ источникъ тамъ, гдѣ ему и быть должно: въ нравахъ и обычаяхъ крѣпостной вотчины. Сравните грозный приказъ „отца и судьи"

своихъ подданныхъ: „Кликушамъ объявить моимъ господскимъ именемъ, чтобы онѣ унялись и перестали кликать“, съ указами императора Павла, воспрещавшими танцовать вальсъ и носить круглыя шляпы, — и послѣдніе покажутся вамъ жалкимъ подражаніемъ первому.

Исторія нашихъ государственныхъ учрежденій восемнадцатаго вѣка показываетъ намъ ту же картину, какъ и исторія помѣщичьей власти за то же время: сдержки, налагавшіяся традиціей и обычаями, понемногу уступаютъ, — чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе — и оставляютъ мѣсто ничѣмъ не стѣсняемому личному усмотрѣнію. Царь Московской Руси, въ обычномъ порядкѣ, никогда не дѣйствовалъ безъ думы, безъ совѣтниковъ: самое большее, къ чему онъ стремился, это замѣнить совѣтниковъ, навязанныхъ ему судьбой людей „великой породы“, попадавшихъ въ думу изъ-за своего происхожденія, совѣтниками по своему выбору. Задача была окончательно разрѣшена первыми Романовыми. Петру уже не приходилось бороться съ аристократической думой: отъ нея осталось почти-что пустое мѣсто. Скоро это мѣсто было занято новымъ учрежденіемъ, члены котораго были уже просто чиновники, назначаемые и смѣняемые по произволу государя и передъ нимъ отвѣтственные. Но сенатъ Петра Великаго все же, по старой памяти, былъ учрежденіемъ, — „мѣстомъ государственнымъ“, — онъ не былъ достаточно гибкимъ орудіемъ личной воли; и вотъ отъ учрежденія очень скоро остается одна форма. При сенатѣ, — а въ сущности надъ сенатомъ — уже при Петрѣ появляется генералъ-прокуроръ, который, по словамъ такого знатока административныхъ порядковъ, какъ Панинъ, „все могъ и все дѣлалъ“, и на котораго другой, не менѣе свѣдущій человѣкъ, Державинъ, жаловался, что онъ „присвоилъ себѣ всю власть самодержавную“. Державину можно было бы на это возразить, что „злоупотребленіе“ генералъ-прокурора касается только офиціальнаго носителя самодержавной власти: ни инструкція Петра, ни еще болѣе выразительная въ своей неофиціальной формѣ, инструкція Екатерины II кн. Вяземскому, не устанавливаютъ для дѣйствій ген.-прокурора никакого другого критерія, кромѣ личной воли самодержца. „Въ чемъ вы будете сумнительны“, — писала Вяземскому Екатерина II — „спроситесь со мною и совершенно надѣйтесь на Бога и на меня, а я, видя такое ваше угодное мнѣ поведеніе, васъ не выдамъ“.

Всѣ второстепенные отдѣлы администраціи мало-по-малу тоже сосредоточивались въ рукахъ личныхъ агентовъ власти. Для эволюціи учрежденій XVIII вѣка очень характерно, что какъ разъ новыя дѣла, незнакомыя Московской Руси, поручались обыкновенно лицамъ, а не коллегіямъ: столичной полиціей управлялъ генералъ-полицеймейстеръ, почтами — генералъ-почтъ-директоръ. Бергъ-коллегія — вѣдомство горныхъ заводовъ — при Аннѣ Ивановнѣ тоже стала управляться бюрократически. Но положеніе генералъ-прокурора въ государствѣ ясно показывало, что всѣ наиболѣе важныя дѣла онъ возьметъ въ свои руки. Уже при Петрѣ онъ, черезъ своихъ прокуроровъ, стоялъ къ коллегіямъ въ такихъ же отно-

21

Василій Андреевичъ Жуковскій.

Съ портрета, писаннаго К. П. Брюлловымъ.
(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

Василій Андреевичъ Жуковскій.

Съ портрета, писаннаго К. П. Брюлловымъ.
(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°.

шеніяхъ, какъ и къ сенату. Коллегіи были такъ запуганы, что, по подлинному выраженію Екатерины II, „одну лишь форму канцелярскую исполняли, *а думать не смѣли*“. „Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся — неописанное“, прибавляетъ она, и винитъ въ этомъ сенатъ: но для энергичнаго генералъ-прокурора сенатъ былъ лишь формой, прикрывавшей его единоличную дѣятельность. Совершенно естественно, что въ концѣ концовъ самостоятельное существованіе коллегій нашли излишнимъ — въ 70-хъ гг. закрыли ихъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ не подходятъ къ новой системѣ губернскихъ учрежденій 1775 года. Остались только три коллегіи: военная, адмиралтейская и иностранная. Войско, флотъ и дипломатія были въ рукахъ самостоятельныхъ министровъ: все остальное управленіе было въ рукахъ генералъ-прокурора. Вмѣсто финансовыхъ учрежденій, созданныхъ Петромъ, камеръ и штатсъ-коллегій, подъ начальствомъ ген.-прокурора, при его канцеляріи была устроена экспедиція государственныхъ доходовъ изъ 4 отдѣленій: доходнаго, расходнаго, контрольнаго и для сбора недоимокъ. Черезъ губернскихъ прокуроровъ онъ держалъ подъ своимъ надзоромъ все мѣстное управленіе, а какъ надзиратель за высшей судебной инстанціей, сенатомъ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ всѣ тяжебныя дѣла. Въ Россіи, кромѣ фаворитовъ императрицы, не было человѣка, который бы отъ него не зависѣлъ. Даже такому фанатическому поклоннику личнаго управленія, какъ императоръ Павелъ, ничего не оставалось сюда прибавить: расширить власть своего перваго министра на практикѣ онъ не могъ. Стоитъ отмѣтить попытку ея теоретическаго расширенія. Въ первомъ году новаго столѣтія — 1800 — въ числѣ мѣстъ, которыми завѣдывалъ ген.-прокуроръ, появилось одно новое, подъ страннымъ заглавіемъ: „Экспедиція государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства“. Задачи этой экспедиціи были не менѣе обширны, чѣмъ ея названіе: между прочимъ, она должна была „открывать точный путь, по которому бы не только рукодѣлія, но даже и самыя произведенія природы искусствомъ и тщаніемъ могли бы быть приводимы въ лучшее часъ отъ часу состояніе и совершенство“. Съ подчиненіемъ генералъ-прокурору „самыхъ произведеній природы“ ему, очевидно, нечего было болѣе желать...

Записки двухъ секретарей императрицы Екатерины II, Храповицкаго и Грибовскаго, даютъ очень наглядное изображеніе того, какъ примѣнялась вся эта система на практикѣ. Едва ли можно найти государство, гдѣ управленіе велось бы болѣе „по-домашнему“, нежели Россія XVIII вѣка. Правительство величайшей въ мірѣ имперіи помѣщалось въ двухъ комнатахъ: одна изъ нихъ была уборная государыни, другая — ея спальня. Къ десятому часу утра въ первой изъ нихъ собирались всѣ высшіе чиновники, имѣвшіе дѣла для доклада. Дежурный камердинеръ стоялъ у дверей спальни и по очереди впускалъ туда докладчиковъ, — начиная всегда съ оберъ-полицеймейстера города Петербурга. Вошедшій находилъ государыню, сидящею на простомъ стулѣ, за небольшимъ письменнымъ сто-

ликомъ; напротивъ стоялъ другой такой же столикъ для докладчика. Онъ отвѣшивалъ низкій поклонъ — Суворовъ кланялся въ землю,—цѣловалъ руку, по данному знаку садился за столикъ противъ императрицы и докладывалъ. Бесѣда почти всегда происходила съ глазу на глазъ: присутствіе третьяго лица считалось знакомъ немилости и недовѣрія къ докладчику. Императрица всѣмъ интересовалась и все желала знать: за небольшимъ „выгибнымъ" столикомъ разрѣшались всевозможныя дѣла, отъ самыхъ важныхъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики до мелкихъ дворцовыхъ ссоръ. Распоряженія относительно спектакля въ Эрмитажѣ смѣнялись разговоромъ о предполагавшемся раздѣлѣ Турціи; потомъ выбиралась табакерка для придворнаго, котораго нечѣмъ было больше пожаловать. Возникалъ вопросъ, что дѣлать съ флотскими капитанами, которые убѣжали съ поля битвы отъ шведовъ (дѣло происходитъ въ 1789 году). Государыня жаловалась, что шведская война не даетъ ей покою: у нея больше военныхъ хлопотъ, чѣмъ у самого главнокомандующаго. Закупленъ ли хлѣбъ для интендантства, сколько и по какой цѣнѣ? Велѣно справиться оберъ-полицеймейстеру, сколько и гдѣ провіанту зазимовало. Во Владимирѣ при рекрутскомъ наборѣ брали взятки: надо разобрать и это дѣло. Всѣ эти военныя мелочи тѣмъ досаднѣе, что онѣ отнимаютъ время у болѣе важныхъ вопросовъ. Генералъ-прокуроръ не сошелся съ государственнымъ совѣтомъ по вопросу о новомъ выпускѣ ассигнацій,— а деньги были нужны больше чѣмъ когда-нибудь. „Каждый о своемъ думаетъ,—сердилась императрица,—а я должна все рѣшать". Но на каждомъ шагу она и сама навязываетъ себѣ хлопоты. Гвардейскій солдатъ укралъ образъ изъ дворцовой церкви: цѣлый день Екатерины II ушелъ на разборъ „околичностей" этого дѣла. Московскій главнокомандующій пишетъ, что его полиція задержала какого-то странника, въ желѣзныхъ веригахъ: велѣно снять вериги, потому что никто не долженъ самъ себя изнурять, а дѣло тщательно изслѣдовать— „очевидно, это фанатикъ".

Слѣдя по запискамъ Храповицкаго за этимъ ураганомъ самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, ежедневно проносившихся черезъ императорскую спальню, можно подумать, что дѣла отнимали у государыни все время и что ея существованіе было настоящей каторгой. Не тутъ-то было: тамъ и сямъ въ тѣхъ же запискахъ вы увидите Екатерину и за русской исторіей, и за сочиненіемъ комедіи, на прогулкѣ или въ театрахъ. Каждый вечеръ въ ея покояхъ или въ Эрмитажѣ собиралось все придворное общество, гдѣ императрица была, конечно, центромъ общаго вниманія и дирижеромъ общей бесѣды: такой вечеръ долженъ былъ утомлять не меньше любого дѣлового засѣданія. И между всѣмъ этимъ ежедневно находилось время для любимаго занятія Екатерины II—работы надъ политическими проектами, безъ которыхъ она, по собственнымъ словамъ, не могла прожить дня и которыхъ она не оставляла до послѣднихъ лѣтъ жизни: въ эти послѣдніе годы ее больше всего занималъ проектъ преобразованія сената. Первое чувство, которое выносишь изъ этого перечня

повседневныхъ занятій Екатерины, — удивленіе передъ ея необычайной энергіей. На этомъ чувствѣ обыкновенно историки и останавливаются. Но затѣмъ возникаетъ простой житейскій вопросъ: вѣдь въ суткахъ Екатерины были тѣ же 24 часа, что и у обыкновеннаго смертнаго; сколько же изъ всѣхъ этихъ 24 часовъ уходило собственно на тѣ разнообразныя государственныя дѣла, которыя занимали ея вниманіе ежедневно? Всего на всего три часа: на доклады отводилось время отъ 9 до 12 часовъ утра. Тутъ удивленіе передъ энергіей императрицы можетъ смѣниться или восторгомъ ея геніальностью, позволявшей ей въ немного часовъ переработать такую массу матеріала, какой другому хватило бы на нѣсколько дней или это удивленіе можетъ смѣниться совсѣмъ инымъ чувствомъ...

Эта послѣдняя смѣна настроенія знакома не однимъ историкамъ Екатерины II,—ее случалось переживать и ея современникамъ. Державинъ въ молодости былъ восхищенъ грандіозностью политическихъ плановъ императрицы и долго находился подъ ихъ обаяніемъ—до тѣхъ поръ, пока, въ качествѣ постояннаго докладчика, не увидѣлъ ее за работой. Тутъ его мало-по-малу постигло полное разочарованіе: онъ сталъ замѣчать, что великая преобразовательница просто-напросто не понимаетъ многихъ административныхъ вопросовъ, о которыхъ ей докладываютъ. Съ тактомъ свѣтской женщины она обыкновенно очень ловко отдѣлывалась отъ своего собесѣдника общими фразами,—и собесѣдникъ, съ своей стороны, по большей части имѣлъ достаточно такта, чтобы не настаивать на категорическомъ отвѣтѣ. У Державина не всегда доставало этого такта, и онъ, стараясь просвѣтить свою государыню, начиналъ входить въ дѣловыя подробности. Екатерина сердилась и отвѣчала иногда наобумъ; онъ спорилъ и доказывалъ, что ея рѣшеніе противорѣчитъ законамъ, которые она сама издала. Императрица окончательно выходила изъ себя, заявляла, что она самодержавна и слушать ничего не хочетъ. На этомъ споръ, конечно, прекращался...

Державинъ былъ не совсѣмъ правъ, досадуя за это на императрицу: овладѣть всей массой мелочей, изъ которыхъ состояла тогдашняя система управленія, на это не хватило бы никакихъ способностей. Если непосредственные докладчики подмѣчали, случалось, грубые промахи у императрицы, то безпристрастные современные наблюдатели были не лучшаго мнѣнія о самихъ докладчикахъ. Одинъ изъ такихъ наблюдателей совершенно вѣрно замѣтилъ, что всего лучше знали дѣла столоначальники; при такомъ режимѣ они и являлись истинными „государственными людьми" и вершителями судебъ имперіи. Къ такому заключенію и пришелъ впослѣдствіи, какъ извѣстно, Николай I. Но Екатерина не только не всегда находила рѣшеніе для представлявшихся ей вопросовъ, она не могла запомнить всей массы рѣшеній, которыя она давала. Эта забывчивость императрицы была виною не одного траги-комическаго эпизода,— характерный случай въ этомъ родѣ представляетъ дѣло сибирскаго губернатора Якобія. Онъ обвинялся въ томъ, что самовольно хотѣлъ начать

войну съ Китаемъ, переманивъ изъ китайскаго подданства въ русское одно кочевое племя. Дѣло его тянулось въ сенатѣ 7 лѣтъ и не было кончено; императрица потеряла терпѣніе и потребовала дѣло къ себѣ, чтобы рѣшить его лично. Въ Царское Село привезли три кибитки, нагруженныя бумагами, и нѣсколько дюжихъ гайдуковъ не безъ усилій водворили эти кипы въ кабинетъ государыни; къ дѣлу былъ приложенъ сенатскій экстрактъ (краткое изложеніе) на 3.000 листахъ. Екатерина имѣла терпѣніе прослушать весь этотъ экстрактъ и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ такого чтенія, вспомнила, наконецъ, что Якобій дѣйствовалъ по ея собственному секретному повелѣнію. Сенатъ о немъ, конечно, не зналъ—секретныя повелѣнія ему не сообщались—государыня забыла, а подсудимый не смѣлъ напоминать—опять-таки потому, что повелѣніе было секретное. Семь лѣтъ работы высшаго въ имперіи учрежденія и цѣлый годъ труда самой императрицы ушли на то, чтобы поправить результаты простой забывчивости.

Екатерина была убѣждена, что эти досадные промахи немного портятъ дѣло и что въ общемъ ея „маленькое хозяйство" идетъ отлично. Но это была иллюзія: на самомъ дѣлѣ „хозяйство" шло такъ худо, какъ только оно могло итти при подобныхъ порядкахъ. Къ концу ея царствованія Россія почти не знала другихъ денегъ, кромѣ мѣди и ассигнацій. Серебра въ казначействѣ было такъ мало, что серьезно заходила рѣчь о перечеканкѣ въ монету столовыхъ сервизовъ государыни, и отъ этого отказались только потому, что денегъ это дало бы все равно немного, а шумъ вышелъ бы большой. Придворные актеры по 9 мѣсяцевъ не получали жалованья,—а эта часть была едва ли не больше на глазахъ императрицы, нежели какой другой отдѣлъ управленія. Что дѣлалось за глазами, объ этомъ можно судить по такому примѣру: во время шведской войны 1788—90 гг. на русскихъ корабляхъ часто разрывало пушки; наведенное слѣдствіе обнаружило, что пушки эти отлиты еще Петромъ В. въ Воронежѣ и, значитъ, служатъ уже около ста лѣтъ: оставалось удивляться не тому, что онѣ подчасъ лопаются, а тому, что въ общемъ онѣ все-таки продолжаютъ служить. При этомъ воровство всюду шло совершенно неистовое. „Непостижимо, что происходитъ,—писалъ внукъ Екатерины, Александръ Павловичъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти бабушки (въ мартѣ 1796 года):—всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка,—это ужасно".

ГЛАВА I.

Павелъ Петровичъ.

(М. Н. Покровскаго).

Не трудно видѣть, что между *сущностью* государственной власти, какъ она сложилась въ Россіи къ концу восемнадцатаго вѣка, и ея *формой* рано или поздно должно было возникнуть непримиримое противорѣчіе. Власть должна была выражать интересы *класса*, но она была въ рукахъ *лица* и по необходимости отражала вкусы, настроенія и даже капризы этого лица. Въ феодальной монархіи, опирающейся на замкнутое, „натуральное“ хозяйство, этотъ личный факторъ не опасенъ. Какъ бы тиранически ни былъ настроенъ носитель власти, онъ можетъ проявлять свое настроеніе только по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, которыя имѣютъ съ нимъ дѣло непосредственно. Повліять на судьбу цѣлаго класса онъ не въ силахъ—экономическая независимость отдѣльныхъ хозяйствъ дѣлаетъ неуязвимыми для центральной власти хозяевъ. Сама эта власть настолько зависитъ отъ личныхъ услугъ и натуральныхъ приношеній подданныхъ, что она должна передъ ними заискивать, а не они передъ ней: безъ доброй воли подданныхъ она почти моментально перестанетъ быть властью. По мѣрѣ развитія денежнаго, капиталистическаго хозяйства картина мѣняется: власть получаетъ въ свои руки прочные и постоянные источники дохода; личныя услуги она можетъ теперь покупать, а не выпрашивать; на мѣсто ненадежныхъ *вассаловъ*, съ которыми приходилось договариваться и спорить, индивидуальность которыхъ приходилось уважать, становятся безличные и послушные *чиновники*. По мѣрѣ развитія обмѣна и централизаціи хозяйственной жизни страны районъ дѣйствія центральной власти расширяется: въ область личнаго усмотрѣнія попадаютъ уже не только индивидуальные, но и общіе интересы. Отъ каприза властвующаго лица начинаетъ зависѣть судьба не только лицъ, но и цѣлыхъ общественныхъ группъ. Логическимъ выводомъ изъ новыхъ хозяйственныхъ условій была бы, конечно, замѣна личной власти общественными учрежденіями. Но логика исторіи работаетъ медленно. Чѣмъ богаче власть, тѣмъ больше личныхъ существованій и интересовъ съ нею связано—тѣмъ больше у нея защитниковъ, уже не изъ классовыхъ побужденій, а просто изъ личной корысти. Съ другой стороны, наиболѣе въ это время сознательная и лучше всѣхъ организованная обще-

ственная группа—крупные землевладѣльцы—теряетъ съ каждымъ шагомъ экономическаго прогресса столько же, сколько выигрываетъ личная власть. Капиталистическое хозяйство разлагаетъ крѣпостныя отношенія, почва подъ помѣщикомъ становится все болѣе зыбкой, и онъ все чаще долженъ обращаться за помощью къ той же личной власти. Скоро безъ этой помощи онъ уже не въ состояніи вести хозяйство, и власть можетъ не считаться больше съ его оппозиціей. Она то добродушно терпитъ его безсильное брюзжанье, то сразу кладетъ ему конецъ грозными окриками, когда оно начинаетъ ей надоѣдать. А новые классы, создаваемые капитализмомъ, сначала слишкомъ еще слабы и слишкомъ мало сознательны: они тоже сплошь и рядомъ прибѣгаютъ къ помощи той же личной власти, не понимая, какой дорогой цѣной покупаютъ они минутную выгоду. При такихъ условіяхъ агонія личнаго абсолютизма можетъ длиться десятки и даже сотни лѣтъ. Во Франціи еще послѣднимъ Валуа въ XVI вѣкѣ пришлось наткнуться на оппозицію въ лицѣ дворянства, но прошло ровно два столѣтія, пока въ странѣ не оказалось ни одной общественной группы, которая смогла бы поддержать абсолютизмъ. Въ болѣе молодыхъ странахъ капиталистическое—а за нимъ и политическое—развитіе идетъ быстрѣе: но и тутъ общественная логика далеко отстаетъ отъ индивидуальной. На первыхъ порахъ *личные* конфликты разрѣшаются личнымъ же путемъ: нравы крѣпостной вотчины и здѣсь сохраняютъ всю свою силу. Убійство крѣпостными жестокаго барина и убійство Павла I его придворными—два совершенно параллельныя явленія.

Фигура императора Павла—слишкомъ благодарный литературный сюжетъ, чтобы не удостоиться цѣлаго ряда самыхъ разнообразныхъ „историческихъ характеристикъ", начиная отъ „сантиментальнаго тигра" (Герценъ) до „коронованнаго Гамлета" (г. Шильдеръ). Излишне говорить, что Павелъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ: это былъ просто очень ограниченный человѣкъ съ развинченной нервной системой. Въ частной жизни онъ сошелъ бы въ могилу съ репутаціей крайней сварливости и неспособности ни къ какому серьезному дѣлу. И только его высокое положеніе сдѣлало эти далеко не поэтическія свойства „исторической загадкой". Нервная неуравновѣшенность Павла была замѣтна даже людямъ столь мало интеллигентнымъ, какъ его камердинеръ и премьеръ-министръ Кутайсовъ: привыкнувъ, по своей обязанности цирюльника, пускать кровь и считая, въ простотѣ души, это средство всеисцѣляющимъ, Кутайсовъ высказывалъ сожалѣніе, что онъ не пустилъ кровь Павлу въ день восшествія послѣдняго на престолъ. Именно этимъ своимъ медицинскимъ недосмотромъ царскій камердинеръ объяснялъ нѣкоторые акты управленія своего государя. Классическое средство цирюльниковъ едва ли бы помогло въ данномъ случаѣ. Но Кутайсовъ совершенно правильно обратилъ вниманіе на патологическій характеръ „системы" Павла Петровича. И тѣ внезапныя, катастрофическія, можно сказать, смѣны настроенія, которыя

отражались въ этой „системѣ“, современный психіатръ нисколько не задумался бы отнести подъ рубрику „истеріи“. Изъ подлинныхъ словъ самого Павла мы знаемъ, что у него въ молодости бывали галлюцинаціи. А изъ показаній современниковъ мы знаемъ, что онъ не чуждъ былъ и алкоголизма — главнаго порока его отца. На придворныхъ концертахъ,— разсказываетъ, напримѣръ, одинъ изъ такихъ современниковъ, въ антрактахъ въ изобиліи разносилось вино и больше всѣхъ пилъ самъ императоръ. Грубыя выходки противъ Маріи Ѳедоровны и старшихъ сыновей Павла, обратившія на себя общее вниманіе и, несомнѣнно, ускорившія катастрофу 11 марта 1801 года, имѣли мѣсто какъ разъ послѣ такого концерта. Но алкоголизмъ самого Павла могъ лишь сыграть роль послѣдняго удара—разрушеніе нервной системы всегда подготовляется пороками родителей. И въ этомъ случаѣ на первомъ мѣстѣ приходится поставить отмѣченное уже выше свойство Петра III, котораго его приближенные „рѣдко заставали трезвымъ и въ полномъ умѣ и разумѣ“ (Болотовъ).

Уже это естественное патологическое сближеніе, отецъ—алкоголикъ, сынъ—истерикъ, достаточно говоритъ противъ довольно распространенной легенды о не-царственномъ будто бы происхожденіи Павла Петровича *). Если мы присмотримся къ болѣе индивидуальнымъ признакамъ этого узкаго и неглубокаго ума, наслѣдственныя черты выступятъ передъ нами еще ярче. У Павла въ чрезвычайно рѣзкой и отталкивающей формѣ проявляются, вторично на русскомъ престолѣ, свойства, чуждыя Романовымъ въ собственномъ смыслѣ, т.-е. потомству Михаила Ѳедоровича до Елизаветы Петровны включительно. Среди послѣднихъ мы встрѣчаемъ деспотовъ крупнаго стиля, какъ Петра I, напримѣръ. Но мы не встрѣчаемъ у нихъ того мелочного деспотизма и капризливаго, дѣтскаго самодурства, которые такъ характерны для перваго императора Голштинскаго дома. Отъ всѣхъ привычекъ и поступковъ Петра Ѳедоровича шелъ острый запахъ мелкаго нѣмецкаго двора, гдѣ „цезарскимъ“ наклонностямъ приходилось упражняться на разныхъ миніатюрныхъ объектахъ, въ родѣ крысъ, собакъ или, самое большее, крѣпостныхъ лакеевъ. Павелъ уже больше привыкъ къ русской обстановкѣ и могъ размахнуться шире отца,—крысъ и левретокъ смѣнили придворные и гвардейскіе офицеры. Но по существу его деспотизмъ оставался узко-личнымъ, и, заведя въ Россіи настоящую систему террора, уступавшаго развѣ террору Петра Великаго, Павелъ сумѣлъ употребить эту грандіозную машину только для удовлетворенія личныхъ мелкихъ страстей.

*) Въ послѣднее время эту легенду взялъ подъ свое покровительство В. И. Семевскій, считающій, — вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими историками, — отцомъ Павла Сергѣя Салтыкова. Но мемуары Екатерины II, главный нашъ источникъ въ этомъ случаѣ, не даютъ категорическаго отвѣта на вопросъ —при всѣхъ описанныхъ тамъ обстоятельствахъ Павелъ все же *могъ* быть сыномъ своего номинальнаго отца (см. особ. 165 стр. рус. изд. мемуаровъ Екатерины), а бьющія въ глаза наслѣдственныя черты показываютъ, что онъ и *былъ* имъ въ дѣйствительности.

Оттого въ немъ, несмотря на все желаніе нѣкоторыхъ историковъ придать ему романтическій обликъ, такъ мало трагическаго,—больше того,—такъ много невыносимо тривіальнаго. Изъ-за всѣхъ сценъ „цезаранскаго безумія" этого цезаря постоянно смотритъ на насъ та архипрозаическая фигура въ шлафрокѣ и ночномъ колпакѣ, которую нашли въ императорской спальнѣ офицеры, ворвавшіеся туда въ ночь 11 марта.

Это отсутствіе широты и фантазіи, эта тривіальная любовь къ конкретнымъ мелочамъ, къ „кухоннымъ подробностямъ", съ особенной силой сказывались въ томъ, что составляло спеціальное „царское ремесло" императоровъ Голштинской династіи—въ дрессировкѣ и обученіи солдатъ. Подобно своему сыну Николаю I, Павелъ могъ бы сказать, что плацпарады—его „истинное, единственное удовольствіе". Но и въ это любимое дѣло, дѣло его жизни, долженствовавшее лечь въ основу „возрожденія" Россіи, онъ не сумѣлъ внести ничего дальше досаднаго копированія ненужныхъ мелочей съ устарѣвшаго образца. И нѣтъ ничего характернѣе для этого ума, лишеннаго всякаго подобія обобщеній, какъ то, что свою копировальную работу онъ началъ именно въ тотъ моментъ, когда образецъ самымъ осязательнымъ образомъ доказалъ свою устарѣлость въ революціонныхъ войскахъ. Въ то же время, какъ ненавидѣвшій якобинцевъ Суворовъ съ разительной быстротой схватлилъ и усвоилъ то новое и свѣжее, что было въ военной тактикѣ революціи—бой колоннами вмѣсто тонкихъ развернутыхъ линій арміи Фридриха Великаго,—не менѣе Суворова ненавидѣвшій якобинцевъ Павелъ не нашелъ у нихъ ничего новаго, кромѣ круглыхъ шляпъ и фраковъ, на которые и обрушился всей тяжестью самодержавной власти *).

Наслѣдственныя особенности перваго русскаго императора XIX вѣка сами по себѣ были достаточны, чтобы оттолкнуть отъ него даже мало требовательное общество. Но исторія, которой иногда доставляетъ удовольствіе создавать классически законченные типы, позаботилась развить эти особенности въ такомъ направленіи, что онѣ стали совершенно нестерпимы для любого сколько-нибудь культурнаго общежитія. Русское свѣтское общество временъ Екатерины II сохранило въ себѣ достаточно „патріархальности": самой императрицѣ, какъ извѣстно, случалось бивать своихъ фрейлинъ по щекамъ. Но такія вещи дѣлались у себя дома, въ будничной обстановкѣ — въ публикѣ старались подражать нравамъ парижскаго салона и очень гордились этимъ. Тѣмъ рѣзче должно было быть впечатлѣніе отъ вступленія на престолъ Павла. Въ своемъ гатчин-

---

*) „Первымъ геройскимъ подвигомъ новаго правительства", разсказываетъ въ своихъ запискахъ Тургеневъ, „была непримиримая, безпощадная борьба съ самыми страшными врагами русскаго государства — съ круглыми шляпами, съ фраками и жилетами. На другой же день 200 полицейскихъ и драгуновъ бѣгали по улицамъ и, по особому распоряженію, срывали со всѣхъ прохожихъ круглыя шляпы, которыя тутъ же уничтожались; у всѣхъ фраковъ обрѣзывались торчащіе воротники, а жилеты, по приказанію капраловъ и унтеръ-офицеровъ, разрывались на куски" (Брикнеръ, „Смерть Павла I", рус. пер., стр. 24).

скомъ уединеніи онъ успѣлъ основательно отвыкнуть отъ общества „порядочныхъ“ людей. Его обычной компаніей тамъ были офицеры его гатчинской гвардіи,—трехъ захудалыхъ батальоновъ, нехотя уступленныхъ сыну Екатериной II и предназначенныхъ служить началомъ русскаго „возрожденія“. Отчасти антипатичныя черты характера самого Павла, отчасти всѣмъ извѣстная антипатія императрицы къ сыну, распространившаяся и на его войско (гатчинскимъ мундирамъ было строго запрещено показываться на петербургскихъ улицахъ), сдѣлали полки наслѣдника чѣмъ-то опальнымъ, — туда шли только люди, не могшіе разсчитывать на какую-либо карьеру въ обычномъ порядкѣ службы. Всѣ, кого выгнали изъ службы за пьянство, за неспособность, кто запятналъ себя безнравственными поступками, собирались въ Гатчину; такъ какъ милость Павла была для нихъ единственнымъ прибѣжищемъ, то они сносили отъ своего командира все,—самую грубую брань и даже побои. Какую форму должны были принять деспотическія наклонности Павла при такихъ условіяхъ, не трудно себѣ представить.

Когда послѣ смерти Екатерины II, Гатчина переѣхала въ Петербургъ, нравы аристократическаго салона быстро смѣнились нравами гатчинской караулки. Началось съ дворца, гдѣ все тотчасъ приняло новый видъ: „загремѣли шпоры, тесаки, ботфорты и будто по завоеваніи города ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ“ (Державинъ). Дворцовая публика должна была, ни минуты не медля, приспособиться къ новымъ порядкамъ; каково ей это доставалось, показываетъ судьба самого Державина. Павелъ назначилъ его „правителемъ“ преобразованнаго имъ государственнаго совѣта. Державину приказъ показался очень неяснымъ: онъ не могъ понять, будетъ ли онъ засѣдать въ совѣтѣ наравнѣ съ прочими членами, или будетъ только его секретаремъ, — правителемъ дѣлъ. Онъ рѣшился просить у императора разъясненій. Павелъ совсѣмъ не привыкъ видѣть въ своихъ гатчинцахъ такую щепетильность и страшно разгнѣвался: „Глаза его, какъ молніи, засверкали, и онъ, отворя двери, во весь голосъ закричалъ стоящимъ передъ кабинетомъ Архарову, Трощинскому и прочимъ: —Слушайте, онъ почитаетъ себя въ совѣтѣ лишнимъ! Поди назадъ въ сенатъ и сиди у меня тамъ смирно, а не то я тебя проучу!— Какъ ни былъ вышколенъ придворный стихотворецъ, но послѣ такого пріема онъ вышелъ изъ царскаго кабинета „въ безпамятствѣ“. Скоро всѣ могли убѣдиться, что это не была случайная вспышка, а обычная манера императора выражать свое неудовольствіе. Всего чаще приходилось ее испытывать на себѣ военнымъ людямъ. Одинъ заслуженный екатерининскій полковникъ признавался, что, идя на смотръ предъ Павломъ, онъ „ужасался болѣе, нежели идя на штурмъ Праги“.

Уже въ своихъ военныхъ распоряженіяхъ Павелъ долженъ былъ сталкиваться съ интересами не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ группъ,—въ томъ числѣ и самой вліятельной группы, дворянства. Несмотря на то, что повинность обяза-

зательной военной службы была съ дворянства снята еще въ 1762 году, молодые дворяне, по традиціи, все же начинали съ военной службы. Павелъ узаконилъ этотъ обычай: начинать при немъ можно было *только* съ военной службы; дворяне были къ ней прикрѣпощены. Притомъ самая служба дворянской молодежи сдѣлалась гораздо тяжелѣе: прежде можно было лѣтъ десять числиться и получать чины раньше, чѣмъ попасть въ казарму. Теперь каждаго, записавшагося въ службу, немедленно требовали въ строй, и уже нельзя было, пользуясь протекціей, записывать дѣтей чуть не въ пеленкахъ. Службу гатчинскаго образца рѣдкій могъ пройти „безъ штрафовъ", особенно на глазахъ у Павла: за 4 года и 4 мѣсяца своего царствованія послѣдній „выкинулъ изъ службы" 7 фельдмаршаловъ, болѣе 300 генераловъ и свыше 2.000 штабъ и оберъ-офицеровъ. Между тѣмъ, указомъ 16 ноября 1797 года дворяне, выключенные изъ службы, лишены были права служить по выборамъ отъ дворянства и *даже участвовать въ нихъ*. Неудачная военная карьера лишала члена господствующаго сословія самой важной сословной привилегіи.

Вопросъ о правѣ государственной власти лишать дворянство его привилегій возникалъ еще при Екатеринѣ II въ Комиссіи для сочиненія новаго уложенія. Теорія абсолютной монархіи не укладывалась въ рамки сословнаго государства: Екатерина, логично съ точки зрѣнія абсолютизма, требовала, чтобы право давать и отнимать дворянское достоинство принадлежало исключительно ей; дворяне, не менѣе логично съ точки зрѣнія сословныхъ привилегій, находили, что дворяниномъ нужно родиться, а нельзя сдѣлаться и что права, обезпеченнаго „жалованной грамотой", никто не можетъ отнять. „Жалованная грамота" дворянству 1780 года свела споръ къ своего рода компромису: неограниченное право пожалованія осталось за государемъ, но лишить дворянина выгодъ и преимуществъ, связанныхъ съ дворянскимъ достоинствомъ, въ обычномъ порядкѣ было нельзя: дворянинъ и въ тюрьмѣ оставался дворяниномъ. и былъ, въ силу своихъ привилегій, освобожденъ отъ самаго тяжелаго и позорнаго вида наказанія — кнутомъ или плетьми. Руководствуясь этой статьей „жалованной грамоты", гласившей, что „тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго", суды не приговаривали преступниковъ-дворянъ къ кнуту. Но „жалованная грамота" сама не была ничѣмъ гарантирована: мечты отдѣльныхъ „монархистовъ" о центральномъ дворянскомъ представительствѣ такъ и остались мечтами. Екатерина II ее соблюдала: будетъ ли также поступать и ея преемникъ? Зная характеръ Павла Петровича, заранѣе можно было отвѣтить отрицательно. На докладѣ сената по поводу одного уголовнаго дѣла, рѣшеннаго согласно „жалованной грамотѣ", императоръ положилъ (3 января 1797 года, т.-е. всего черезъ два мѣсяца по вступленіи на престолъ) такую резолюцію: „Какъ скоро снято дворянство, то уже и привилегія до него не касается. По сему и впредь поступать". На основаніи этого указа уголовныхъ преступниковъ изъ дворянъ начали, сверхъ лишенія дворянства, прину-

ждать къ наказанію кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей, заклейменію и ссылкѣ въ тяжкую работу. Павелъ очень дорожилъ своимъ толкованіемъ „жалованной грамоты“: 13 апрѣля того же года указъ былъ вновь подтвержденъ.

Но странно было бы лишать дворянство его привилегій и въ то же время оставлять за нимъ тѣ права и тѣ учрежденія, которыя были созданы для осуществленія и защиты этихъ привилегій. Екатерининское законодательство предоставило дворянству право петицій—первое *политическое* право, которое когда-либо имѣли русскіе подданные. Указъ Павла (отъ 4 мая 1797 года) постановилъ, чтобы „ни отъ кого и ни въ какихъ мѣстахъ прошеній, многими подписанныхъ, не принимать“. Составленіе такихъ „прошеній“ дворянствомъ въ законномъ порядкѣ было, кромѣ того, крайне затруднено тѣмъ, что дворянскія собранія при Павлѣ почти не собирались: губернскія не разрѣшались вовсе, уѣздныя съ трудомъ и были поставлены подъ строгій надзоръ мѣстной бюрократіи. „Отвращеніе дворянства (къ режиму Павла), писалъ прусскій посланникъ, „превосходитъ все, что можно сказать. Полная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ и безпрерывныя нововведенія доводятъ его до отчаянія. *Только городское простонародье и крестьяне любятъ своего государя*“...

Павелъ, конечно, ни на минуту не думалъ о „классовыхъ противорѣчіяхъ“, когда издавалъ свои указы. Онъ руководился исключительно минутнымъ капризомъ или инстинктивнымъ отвращеніемъ ко всякому стѣсненію своей личной воли. На долю перваго приходится отнести указъ о трехдневной барщинѣ, о которомъ говорилось выше (стр. 3), несомнѣнно имѣвшій въ виду облегчить положеніе помѣщичьихъ крестьянъ, но оставшійся мертвой буквой. На долю второго приходится громадное большинство распоряженій Павла. Вотъ какъ характеризовалъ его „систему“ его старшій сынъ меньше, какъ черезъ годъ послѣ вступленія отца на престолъ *): „Безпорядокъ, господствовавшій въ дѣлахъ и безъ того въ слишкомъ сильной степени, лишь увеличивался еще болѣе. Военные почти все свое время теряютъ исключительно на парадахъ. Во всемъ прочемъ рѣшительно нѣтъ никакого строго опредѣленнаго плана. Сегодня приказываютъ то, что черезъ мѣсяцъ будетъ отмѣнено. Доводовъ никакихъ не допускается, развѣ тогда, когда все зло совершилось. Наконецъ, чтобъ сказать однимъ словомъ, благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ на выворотъ“. И тѣмъ не менѣе, помимо и даже противъ своей воли, все „перековеркавъ“, Павелъ не могъ измѣнить законовъ исторіи,—и, сдѣлавшись врагомъ господствующаго класса, сталъ воплощеніемъ надеждъ и чаяній классовъ угнетенныхъ. Въ этомъ случаѣ особенно характерна привязанность къ Павлу солдатъ, тѣхъ самыхъ гвардейскихъ солдатъ, которыхъ онъ такъ мучилъ своей шагистикой. 2 и 4 августа 1797 года въ Павловскѣ произошла тревога, потому, какъ сообщаетъ въ

*) Письмо Александра Павловича къ Лагарпу отъ 27 сентября 1797 г.

письмѣ къ Нелидовой императрица Марія Ѳеодоровна, что войска думали, будто случилась „бѣда во дворцѣ“. „Ихъ не нужно бы пріучать къ этой мысли,—прибавляетъ императрица,—что во дворцѣ можетъ случиться бѣда“. Но 11 марта 1801 года всѣ четыре года Павлова царствованія носились въ воздухѣ,—и непонравившаяся императрицѣ мысль гвоздемъ сидѣла въ головахъ солдатъ. 11 декабря тревога повторилась въ Петербургѣ; солдаты опять говорили: „Бѣда сдѣлалась во дворцѣ“. Павелъ поблагодарилъ войска за усердіе. Въ роковую ночь офицерамъ только съ большимъ трудомъ удалось помѣшать преображенскимъ гренадерамъ броситься въ царскую спальню и перебить заговорщиковъ. „Тиранноубійство“, которымъ начинается девятнадцатый вѣкъ въ русской исторіи, къ сожалѣнію, отнюдь не было дѣломъ возмущенной народной совѣсти. Это была месть господствующаго и привилегированнаго класса за попытку коснуться грубой рукой его интересовъ и привилегій.

„Система“ первыхъ лѣтъ царствованія угрожала только юридическому обезпеченію тѣхъ выгодъ, какимъ пользовалось дворянство. Но въ жизни не каждый день приходится сталкиваться съ формальнымъ правомъ. Притомъ же императорскіе указы не могли измѣнить обычаевъ: суды, наполненные выборными отъ дворянства, продолжали покровительствовать своему сословію и послѣ того, какъ дворянинъ былъ сравненъ съ „подлыми“ людьми въ области уголовной репрессіи. Несмотря на указъ 3 января, случаи примѣненія тѣлеснаго наказанія къ дворянамъ были рѣдки и вызывали общую сенсацію, — когда прогнали сквозь строй капитана Кирпичникова или засѣкли полковника Грузинова, объ этомъ говорила вся дворянская Россія, между тѣмъ какъ крестьянъ или мѣщанъ такая участь постигала ежедневно, и на это никто не обращалъ вниманія. Мы не знаемъ, примѣнялся ли болѣе строго законъ, лишавшій провинившихся дворянъ избирательныхъ правъ. Словомъ, пока деспотизмъ ограничивался областью *права*, съ нимъ можно было мириться: онъ сталъ абсолютно невыносимъ, когда капризы императора коснулись *экономическихъ основъ* жизни дворянства. „Павелъ,—пишетъ со словъ современниковъ декабристъ фонъ-Визинъ, — сперва врагъ французской революціи, готовый на всѣ пожертвованія для ея подавленія, раздосадованный своими недавними союзниками, которымъ справедливо приписывалъ неудачи, испытанныя его войсками послѣ славной кампаніи Суворова въ Италіи, вдругъ совершенно измѣняетъ свою политическую систему и не только мирится съ первыми консулами французской республики, умѣвшими ловко польстить ему, но становится восторженнымъ почитателемъ Наполеона Бонапарта и угрожаетъ войною Англіи. Разрывъ съ нею наносилъ неизъясненный вредъ нашей заграничной торговлѣ. Англія снабжала насъ произведеніями — и мануфактурными, и колоніальными— за сырыя произведенія нашей почвы. Эта торговля открывала единственные пути, которыми въ Россіи притекало все для насъ (!) необходимое. Дворянство было обезпечено въ вѣрномъ полученіи доходовъ со своихъ

помѣстій, отпуская за море хлѣбъ, корабельные лѣса, мачты, сало, пеньку, ленъ и проч. *Разрывъ съ Англіею, нарушая матеріальное благосостояніе дворянства, усиливалъ въ немъ ненависть къ Павлу, и безъ того возбужденную его жестокимъ деспотизмомъ.* Мысль извести Павла какимъ бы то ни было способомъ сдѣлалась почти всеобщей" *).

Образовавшійся заговоръ былъ однимъ изъ самыхъ элементарныхъ, какіе знаетъ исторія. Принципіальная сторона въ немъ совершенно отсутствовала, говорило исключительно задѣтое шкурное чувство.

Техника заговора была такъ же примитивна, какъ и его „идейное" содержаніе. О немъ зналъ весь дворянскій Петербургъ. 11-го марта у княгини Бѣлосельской былъ званый вечеръ. За ужиномъ одинъ изъ гостей, вынувъ изъ кармана часы, сказалъ по-французски: „Ну, великому императору теперь плохо приходится!" Всѣ замолкли,—но никто не спросилъ объясненія: всякій понималъ, въ чемъ дѣло. Не приходилось скрываться даже отъ полиціи, потому что главный начальникъ полиціи, петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Паленъ, былъ въ то же время и главою заговора. Роль Палена во всей этой исторіи была крайне двусмысленная. Въ настоящее время можно считать установленнымъ, что не онъ былъ душою дѣла, чѣмъ его считалъ, напримѣръ, еще фонъ-Визинъ. Идея заговора сложилась въ кругу высшей русской аристократіи,—иниціаторомъ былъ, повидимому, Н. П. Панинъ, а ближайшими руководителями—Зубовы, послѣдній фаворитъ Екатерины и его братья. То, что сестра Зубовыхъ, Жеребцова, была близка съ англійскимъ посланникомъ Витвортомъ, едва ли является чистой случайностью—въ этомъ дѣлѣ интересы русской знати и англійской торговли были слишкомъ близки. Хотя, конечно, тутъ дѣло шло не объ англійскихъ деньгахъ,—*подкупать* русскихъ дворянъ на такое дѣло не было ни малѣйшей надобности. Но Паленъ не былъ и рукою заговора—пассивнымъ исполнителемъ чужихъ велѣній: нападеніемъ на царскую спальню непосредственно командовалъ извѣстный Беннигсенъ. Послѣдній разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что Паленъ въ рѣшительную минуту держался въ сторонѣ, возбуждая этимъ подозрѣнія не то въ трусости, не то въ предательствѣ. Получается впечатлѣніе, что этимъ исправнымъ нѣмцемъ на русской службѣ руководило вполнѣ бюрократическое желаніе не потерять своего высокаго положенія. Онъ понималъ, что репрессивныя мѣры противъ заговора, опиравшагося на все высшее петербургское общество, безполезны; что не менѣе безполезно оказывать какія бы то ни было услуги Павлу, въ расчетѣ на его признательность: черезъ мѣсяцъ услуга была бы позабыта, и Паленъ могъ быть „вышвырнутъ изъ службы", какъ это съ нимъ однажды уже и случилось. Стакнувшись съ заговорщиками, можно было гораздо вѣрнѣе спасти свою карьеру въ случаѣ весьма вѣроятной ихъ удачи. На случай же неудачи всегда можно было ихъ выдать, разыгравъ роль

*) „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка". Спб., 1905. Записки ф.-Визина. Стр. 134.

ловкаго полицейскаго, который „все зналъ“ и „спасъ“. Послѣднiй расчетъ въ рѣшительный моментъ проглянулъ, кажется, слишкомъ грубо— и Паленъ карьеры не дѣлалъ. Но и опасность была велика, — гораздо больше, чѣмъ представляли себѣ заговорщики. Крѣпостной мужикъ въ гвардейскомъ мундирѣ едва не сорвалъ всего дѣла. Только появленiе молодого императора остановило преображенскiй караулъ, готовившiйся исполнять „долгъ присяги“ по отношенiю къ убiйцамъ Павла. И только положительное, категорическое извѣстiе о смерти Павла заставило солдатъ присягнуть этому молодому императору.

Роль Александра и всей царской семьи въ заговорѣ 11 марта 1801 года болѣе понятна психологически, но въ своихъ подробностяхъ не болѣе выяснена, чѣмъ роль Палена. Рѣчь объ устраненiи Павла отъ престола заходила еще при Екатеринѣ: въ концѣ 1796 года былъ заготовленъ манифестъ, передававшiй корону непосредственно Александру Павловичу, съ исключенiемъ отъ престолонаслѣдiя его отца. Юридически этотъ актъ не представлялъ ничего чрезвычайнаго: дѣйствовавшiй еще тогда законъ Петра В. (отмѣненный лишь Павломъ 7 апрѣля 1797 года) вполнѣ допускалъ выборъ царствующимъ государемъ себѣ преемника. Опубликованiе манифеста было назначено на 24 ноября—день именинъ императрицы, но она умерла 6-го, не успѣвъ сдѣлать никакого распоряженiя. О проектѣ манифеста, несомнѣнно, знали, съ одной стороны, Александръ и Марiя Ѳедоровна, съ другой—Павелъ. Что послѣ этого Павелъ неоднократно возвращался къ мысли замѣнить, въ качествѣ своего наслѣдника, ставшаго ему ненавистнымъ сына какимъ-нибудь другимъ лицомъ, это вполнѣ понятно. Незадолго до катастрофы намѣтилось и подходящее лицо — четырнадцатилѣтнiй племянникъ Павла, принцъ Евгенiй Виртембергскiй. Съ другой стороны, и Александръ долженъ былъ привыкнуть къ мысли, что если когда-нибудь онъ сдѣлается императоромъ, то едва ли это произойдетъ естественнымъ путемъ. Между тѣмъ, роль государя-реформатора и благодѣтеля своего народа очень улыбалась ему тогда, какъ показываетъ уже цитированное выше извѣстное письмо его къ Лагарпу. Въ то же время онъ не могъ не понимать, что дѣло идетъ, при русскихъ нравахъ XVIII вѣка, отнюдь не просто объ „удаленiи въ частную жизнь“, куда-нибудь на берега Рейна или въ Швейцарiю, — что устраненнаго наслѣдника ждетъ участь несчастнаго Ивана Антоновича. Чувство классоваго самосохраненiя заставило дворянъ устроить заговоръ—чувство личнаго самосохраненiя должно было заставить ихъ будущаго государя примкнуть къ нему. Какъ далеко шло его участiе въ заговорѣ—просто ли онъ „зналъ“ и „далъ согласiе“, какъ старается внушить читателямъ большинство историковъ, щадя монархическiя чувства, или же на его долю досталась болѣе активная роль, какъ можно догадаться по его необычайно своевременному появленiю передъ солдатами — на это наши источники пока не даютъ категорическаго отвѣта.

ГЛАВА II.

Александръ I.

(1801—1815).

(М. Н. Покровскаго).

Первая русская революція XIX вѣка ничего не измѣнила въ физіономіи русскаго общества — потому что она и вызвана была нежеланіемъ общественныхъ перемѣнъ. Напротивъ, это была въ высшей степени консервативная революція, какъ мы видѣли. Прогрессистомъ, хотя и безсознательнымъ, хотя въ дикой и нелѣпой формѣ, былъ Павелъ. Дворянство временъ Екатерины II считало свою позицію на хребтѣ русскаго крестьянства несокрушимой и неприступной. Четырехлѣтнее правленіе Павла было грознымъ предостереженіемъ. На другой день послѣ смерти ненавистнаго императора дворяне спѣшатъ сильнѣе окопаться, еще поднять стѣны и углубить рвы, предупредить всякую возможность еще разъ „все перековеркать",—т. е. потрясти основы дворянскаго господства и благополучія.

Потребность гарантировать чѣмъ-нибудь права и преимущества „первенствующаго въ имперіи сословія" составляетъ исходную точку такъ называемаго „общественнаго движенія въ первые годы царствованія Александра I". Русская читающая публика долгое время жила въ совершенномъ невѣдѣніи этой стороны русскаго либерализма начала XIX вѣка. Историки-индивидуалисты, все сводившіе въ концѣ концовъ на вліяніе „добрыхъ" и „злыхъ" людей, усердно выписывали, съ одной стороны, свѣтлаго Ормузда—Александра, его молодыхъ друзей, Сперанскаго и т. д., съ другой,—мрачнаго Аримана, въ лицѣ „старыхъ служивцевъ", консерваторовъ и крѣпостниковъ. Какія общественныя группы стояли за тѣми и другими, это оставалось совершенно невыясненнымъ. Только опубликованные въ послѣднее время документы (въ особенности бумаги гр. П. А. Строганова) дали возможность присмотрѣться къ спору „молодыхъ друзей" и „старыхъ служивцевъ" въ болѣе реальной обстановкѣ, показавъ, прежде всего, что разница между Ормуздомъ и Ариманомъ не такъ уже велика. И только недавно же для публики стали доступны полностью проекты Сперанскаго, и явилась возможность изучить ихъ дѣловую сторону, не ограничиваясь отдѣльными громкими фразами, какъ это было раньше.

Порядку, обезпечивавшему дворянство при Павлѣ, угрожало *лицо*. Отъ новаго императора ждали гарантій, прежде всего, противъ *личнаго произвола*. Александръ оправдалъ ожиданія очень быстро. 26 марта 1801 г., черезъ двѣ недѣли послѣ вступленія на престолъ, онъ упразднилъ „совѣтъ при императорскомъ дворѣ", влачившій при Павлѣ самое жалкое существованіе: подъ конецъ онъ собирался только для цензуры иностран-

ныхъ книгъ, а когда ихъ вовсе было запрещено привозить изъ-за границы, исчезло и это занятіе. Столь дискредитированное въ общественномъ мнѣніи учрежденіе могло только мѣшать. Вмѣсто него, указомъ 30-го марта былъ учрежденъ „Совѣтъ непремѣнный изъ лицъ, довѣренностью нашею и общею почтенныхъ“. Назначеніе Совѣта, говорилъ указъ, состоитъ въ томъ, чтобы „постановить силу и блаженство имперіи Всероссійской на незыблемомъ основаніи закона“. „Оградивъ два первыя состоянія подданныхъ нашихъ непоколебимыми правами и преимуществами“, продолжалъ указъ, „мы призываемъ Совѣтъ къ уваженію послѣдняго изъ нихъ“. Совѣтъ долженъ „... вдохнуть духъ жизни и бодрости въ нижнія состоянія людей“. Дѣла изъ Совѣта вносятся на утвержденіе государя, „когда большинствомъ голосовъ будутъ уважены. Не имѣющія сего уваженія остаются безъ дѣйствія“.

Итакъ, новыя узаконенія не будутъ больше продуктомъ личной воли: они будутъ пропускаться черезъ фильтръ „избраннаго сословія“ (такъ называется „непремѣнный Совѣтъ“ въ указѣ 30-го марта) и отвергнутыя большинствомъ лицъ, „довѣренностью общею почтенныхъ“, они не могутъ получить обязательнаго для всѣхъ значенія. Торжественно возстановленная Александромъ „жалованная грамота“ дворянству (манифестъ 2-го апрѣля 1801 г.) находилась теперь подъ надежной охраной. Но тотъ же указъ 30 марта уже содержалъ въ себѣ указаніе, что грамотѣ можетъ грозить опасность съ другой стороны: указъ напоминалъ Совѣту о существованіи „послѣдняго“ изъ общественныхъ классовъ тогдашней Россіи, крѣпостного крестьянства,—а 16 мая въ Совѣтѣ уже обсуждался вопросъ о непродажѣ крестьянъ безъ земли. Только что успокоенное „первенствующее сословіе“ должно было опять обезпокоиться.

Освобожденіе крестьянъ отвѣчало, повидимому, личнымъ желаніямъ Александра I. Въ 1807 году онъ говорилъ генералу Савари: „Я хочу вывести народъ изъ того варварскаго состоянія, въ которомъ онъ находится при существованіи торга людьми. Я скажу даже болѣе. Если бы образованность была на болѣе высокой степени, я уничтожилъ бы рабство, если бы даже это стоило мнѣ жизни“. Современникъ объяснялъ это вліяніемъ воспитателя Александра, Лагарпа, который „глубоко внѣдрилъ въ сердце своего воспитанника религіозное уваженіе къ человѣческому достоинству“ (Стурдза).

Можно было бы прослѣдить и другую идейную связь: вліяніе французской революціи на Александра было болѣе сильно и непосредственно, чѣмъ это обыкновенно себѣ представляютъ. Бабушка, Екатерина II, когда ему было четырнадцать лѣтъ, читала съ нимъ конституцію 1791 года и объясняла ему причины революціи. Его друзья,—въ особенности бывшій членъ якобинскаго клуба Строгановъ,—приносили ему живыя, непосредственныя впечатлѣнія великой борьбы*). Онъ настолько проникся

*) Въ бесѣдахъ съ Чарторыйскимъ (въ 1796 году) Александръ говорилъ, что онъ „ненавидитъ деспотизмъ повсюду во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ одинаковое право всѣ лю-

ими, что принесъ съ собой на престолъ даже республиканскую терминологію эпохи: въ одной запискѣ, писанной уже императоромъ Александромъ, высказывается задушевное желаніе стать когда-нибудь „полезнымъ гражданиномъ своего отечества“ (citoyen utile de la patrie). И еще за нѣсколько недѣль до смерти, въ самый разгаръ аракчеевщины, Александръ сказалъ одному изъ своихъ домашнихъ—человѣку, передъ которымъ не нужно и не интересно было рисоваться: „Что бы обо мнѣ ни говорили, но я жилъ и умру республиканцемъ“.

Какъ ни рѣзокъ былъ контрастъ этихъ словъ императора съ тогдашнимъ дѣйствительнымъ положеніемъ его имперіи, при данной обстановкѣ мы не имѣемъ основаній заподозрѣвать ихъ искренность. Но именно этотъ контрастъ и показываетъ намъ, что дѣло было совсѣмъ не въ искренности или неискренности Александра,—какъ нерѣдко въ раздраженіи утверждали его современники. Если республиканизмъ Александра не помѣшалъ аракчеевщинѣ, то и его „религіозное уваженіе къ человѣческому достоинству“ нисколько не помѣшало бы дальнѣйшему прогрессу крѣпостного права: что именно и случилось въ свое время съ Екатериной II. Первыя трещины въ старомъ порядкѣ, обнаружившіяся какъ разъ при Александрѣ I, обязаны своимъ появленіемъ вовсе не его личнымъ взглядамъ. Наоборотъ, эти послѣдніе становятся намъ понятны только въ связи съ общей перемѣной воззрѣній на крѣпостное право со стороны извѣстной части дворянства. Эту перемѣну мы можемъ прослѣдить отъ эпохи гораздо болѣе ранней, чѣмъ начало XIX вѣка. Когда Екатерина II предложила въ 1765 году Вольному Экономическому Обществу извѣстную тему: „Что выгоднѣе для земледѣлія, чтобы земледѣлецъ имѣлъ въ собственности землю, или только движимое имѣніе“, и на эту тему Беарде де Лаббэ отвѣтилъ, вполнѣ согласно со взглядами самой императрицы, что для успѣшности земледѣлія необходимо право собственности крестьянина на его землю—а для этого, въ свою очередь, необходимо освободить крестьянина, ибо рабъ собственности имѣть не можетъ,—въ обществѣ, и Вольномъ Экономическомъ, и вообще дворянскомъ, произошелъ большой и весьма знаменательный расколъ. Одни, какъ Сумароковъ, заявляли, что „свобода крестьянская не только обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежитъ“. Но большинство въ самомъ В. Э. О. настояло на томъ, чтобы сочиненіе дижонскаго академика было удостоено преміи и напечатано по-русски,—съ очевидною цѣлью популяризаціи его идей въ широкихъ кругахъ. Въ особенности ожесточенную обструкцію встрѣтило второе

ди, что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за французскою революціей, что осуждая ея ужасныя крайности, онъ желаетъ успѣховъ республикѣ и радуется имъ, что онъ желалъ бы всюду видѣть республики и признаетъ эту форму правленія единственно сообразной съ правами человѣчества...“ „Наслѣдственность престола-установленіе несправедливое и нелѣпое, верховную власть должна даровать не случайность рожденія, а голосованіе народа, который сумѣетъ избрать наиболѣе способнаго къ управленію государствомъ“. См. статью *В. И. Семевскаго*, „Былое“ 1906 года, № 1, с. 28.

предложеніе—о напечатаніи книги Беардэ де Лаббэ'я по-русски. Споры длились 4 мѣсяца,—и кончились въ пользу печатанія лишь благодаря настойчивости и энергіи защитниковъ книги. Въ числѣ этихъ защитниковъ мы встрѣчаемъ какъ разъ представителей *крупнаго* землевладѣнія: Орловыхъ, Чернышева, Сиверса и др. Уже тогда, въ 60-хъ гг. XVIII вѣка, идея *личнаго* освобожденія крестьянъ не была въ этихъ кругахъ непопулярна.

Если мы присмотримся къ экономическому положенію крупнаго русскаго землевладѣнія при Екатеринѣ II, мы безъ труда получимъ разгадку явленія. Почти всѣ наиболѣе крупныя вотчины были на оброкѣ; почти всѣ владѣльцы такихъ вотчинъ не жили въ нихъ, а пребывали въ Петербургѣ при дворѣ. Именно наблюденіе надъ ближайшимъ къ ней кругомъ привело Екатерину къ неправильному выводу, что у помѣщиковъ „всѣ деревни почти на оброкѣ“. Въ то время, какъ владѣлецъ барщиннаго имѣнія видѣлъ въ себѣ, прежде всего, владѣльца крѣпостныхъ „душъ“, живой рабочей силы,—хозяинъ имѣнія на оброкѣ долженъ былъ видѣть въ себѣ, главнымъ образомъ, собственника земли и получателя ренты. При переходѣ къ капиталистическому строю первый заботился о томъ, чтобы какъ можно лучше использовать трудъ своихъ крестьянъ,—второй о томъ, чтобы поднять ренту; если этого можно было достигнуть путемъ юридическаго раскрѣпощенія, но сохранивъ при этомъ экономическую зависимость крестьянъ отъ владѣльца, онъ ничего бы не имѣлъ противъ.

Раскрѣпощеніе, наоборотъ, само по себѣ могло бы стать источникомъ денежнаго дохода, если бы оно произошло не сразу, а постепенно, и притомъ не даромъ, а съ выкупомъ. Популярнѣйшій теоретикъ русскаго „лэндлордизма“ Александровской эпохи, адмиралъ Мордвиновъ, такъ именно и предполагалъ организовать освобожденіе крестьянъ. „Свободу“, писалъ онъ, „слѣдуетъ давать не сразу, а постепенно, въ видѣ награды трудолюбію и пріобрѣтаемому умомъ достатку: ибо симъ только ознаменовывается всегда зрѣлость гражданская“. Онъ приводитъ и детальную расцѣнку „выкупныхъ платежей“—не за землю, а за личность крестьянина. Дороже всего оцѣниваются, какъ это понятно, мужчины въ наиболѣе работоспособномъ возрастѣ: отъ 20 до 40 лѣтъ выкупъ составляетъ 1500—2000 рублей за „душу“. Напротивъ, за дѣтей отъ 2 до 5 лѣтъ назначается лишь по 100 р., а за стариковъ старше 50 лишь 500 р. Люди старше 60 лѣтъ, т. е. совершенно негодные въ качествѣ работниковъ, отпускаются совсѣмъ даромъ.

Одновременное и повсемѣстное освобожденіе всѣхъ крѣпостныхъ Мордвиновъ считалъ для Россіи (т. е. для землевладѣльцевъ) своего времени крайне невыгоднымъ. „Въ странѣ малонаселенной, говоритъ онъ, и гдѣ денежные капиталы столь еще рѣдки, что едва ли безъ затрудненія могутъ быть оплачиваемы паханіе и посѣвы прежде возвращенія жатвою издержекъ, на оные употребленныхъ, переходъ съ мѣста на мѣсто работниковъ не можетъ быть безъ вреда и разстройства сельскихъ хозяйствъ“. Напротивъ „когда Россія получитъ

избытокъ въ денежныхъ капиталахъ и земля войдетъ въ дорогую цѣну, тогда, естественно, никто изъ расчетливыхъ владѣльцевъ не пожелаетъ имѣть на ней работниковъ, коимъ половинную часть достоянія своего удѣлять должно за ихъ работу, и тогда, конечно, сословіе нынѣшнихъ крестьянъ (рабовъ) само по себѣ уничтожится".

Какъ видимъ, русская аристократія начала прошлаго вѣка прекрасно понимала связь между развитіемъ капитализма и переходомъ къ вольнонаемному труду. Для нея это былъ только вопросъ времени. Во всякомъ случаѣ, принципіальныя возраженія противъ эмансипаціи Александръ I могъ услыхать не съ этой стороны: они явились, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, изъ среды провинціальнаго дворянства, экономическія понятія котораго настолько же отставали отъ только что изложенныхъ взглядовъ, насколько отсталыми были методы и пріемы его хозяйства. Но мы сейчасъ видѣли, что и для крупной земельной знати уже экономически было далеко не безразлично, *какъ* совершится освобожденіе: тѣмъ болѣе было ей это не безразлично *политически*. Такое освобожденіе, которое усилило бы и безъ того достаточно тяготѣвшую надъ дворянствомъ личную власть, вовсе не входило въ ея интересы. Въ глазахъ экономически-прогрессивной части дворянства необходимымъ условіемъ эмансипаціи была выгодная, съ точки зрѣнія дворянскихъ интересовъ, конституція.

Эта мысль высказывалась, повидимому, въ александровскомъ обществѣ такъ же опредѣленно и всѣми буквами, какъ мы это дѣлаемъ сейчасъ. Такъ именно приходится понимать показаніе декабриста Каховскаго передъ слѣдственной коммиссіей. „Я слышалъ, говорилъ онъ, что многіе изъ помѣщиковъ, *даже приближенныхъ къ государю**), согласны были отречься отъ правъ своихъ, освободить крестьянъ, но съ тѣмъ, чтобъ монархъ ограничилъ власть престола". Если подчеркнутыя слова Каховскаго не были просто ядовитымъ намекомъ по адресу тѣхъ, кто чинилъ расправу надъ декабристами, то нужно признать, что онъ вѣрно намѣтилъ ту соціальную группу, изъ которой должны были выходить подобные проекты. Хорошимъ образчикомъ ихъ служитъ другое предложеніе того же Мордвинова—„предложеніе" уже не экономическаго, а политическаго характера. По проекту Мордвинова, государственное устройство Россіи представляется въ слѣдующемъ видѣ. Во главѣ государства стоитъ императоръ, но онъ осуществляетъ свою законодательную власть вмѣстѣ съ „Государственной Думой" или „Думой Вельможъ". Члены послѣдней, подобно англійскимъ пэрамъ, назначаются государемъ, но затѣмъ уже несмѣняемы, и званіе ихъ наслѣдственно по праву первородства. Каждый „вельможа", при пожалованіи въ это званіе, получаетъ изъ казенныхъ имуществъ не менѣе 10.000 душъ крестьянъ. Въ этихъ имѣніяхъ „вельможи" отнюдь не могутъ вести барщиннаго хозяйства: они должны предоставить въ распоряженіе крестьянъ $^4/_5$ всей пахотной и луговой земли, крестьяне же платятъ имъ оброкъ. На остав-

*) Курс. нашъ. М. П.

шейся $^1/_5$ „вельможа“ можетъ вести самостоятельное хозяйство при помощи или своихъ крестьянъ, „но на добровольныхъ токмо условіяхъ“, или наемныхъ работниковъ. Крестьяне этихъ имѣній могутъ пріобрѣтать свободу за узаконенную цѣну.

Одновременно съ насажденіемъ въ Россіи политической аристократіи должно было итти, такимъ образомъ, и насажденіе прогрессивнаго хозяйства. Нѣтъ надобности прибавлять, что кадры „вельможъ“ вовсе не предполагалось создавать заново, силою самодержавной власти: идеаломъ Мордвинова отнюдь не былъ сенатъ Наполеона I, несмотря на нѣкоторое формальное сходство проектируемой имъ „Государственной Думы“ съ этимъ учрежденіемъ. Эти кадры должна была дать уже существующая въ наличности знать: ядро „Думы“ должны были составить „12 князей Владиміра, тѣ, кои существуютъ“, вмѣстѣ съ „избраннѣйшими“ членами государственнаго совѣта и нѣкоторыми генералами; перечень намѣченныхъ генераловъ даетъ опять-таки почти сплошь знатнѣйшія русскія фамиліи—къ „плебеямъ“ можно причислить только одного Милорадовича.

Таковъ былъ фонъ, на которомъ развертывалась борьба за „политическую свободу“ въ первое десятилѣтіе XIX вѣка. Мы напрасно стали бы считать Мордвинова какимъ-то закоренѣлымъ крѣпостникомъ, какъ это готовы сдѣлать нѣкоторые либеральные историки. Отнюдь нѣтъ: для тогдашнихъ великосвѣтскихъ радикаловъ, „молодыхъ друзей“ Александра, Мордвиновъ былъ рѣшительно лѣвымъ. Въ своихъ стремленіяхъ поощрить въ Россіи болѣе прогрессивныя формы помѣщичьяго хозяйства, онъ разсчитывалъ не на одну знать и, „чтобы сдѣлать что-нибудь для крестьянъ“, предлагалъ разрѣшать крестьянамъ государственнымъ и удѣльнымъ покупать земли (безъ крѣпостныхъ). Весьма возможно, что имъ же былъ внушенъ и дальнѣйшій проектъ, въ дневникѣ Строганова приписанный самому императору: разрѣшить этимъ крестьянамъ покупку и населенныхъ имѣній, но съ тѣмъ, чтобы права новыхъ владѣльцевъ относительно крѣпостныхъ были очень ограничены. „Молодые друзья“ единодушно возстали противъ этого „слишкомъ большого нововведенія“ — и разрѣшеніе было ограничено землями ненаселенными. Попутно опять всплылъ и другой вопросъ, занимавшій Александра и негласный „комитетъ“ его друзей съ самыхъ первыхъ засѣданій: вопросъ о запрещеніи помѣщикамъ продавать крѣпостныхъ поштучно, безъ земли. Вполнѣ „сочувствуя“ этой мѣрѣ,— какъ они и вообще „сочувствовали“ ограниченію крѣпостного права, „молодые друзья“ и здѣсь выказывали осторожность, достойную убѣленныхъ сѣдинами старцевъ. „Дѣло требуетъ серьезнаго вниманія“, разсуждали они; „къ чему спѣшить?“ Строгановъ очень хвалитъ Кочубея, который сначала горячо отстаивалъ проектъ указа, но потомъ тоже убѣдился, что „спѣшить не надо“ и что „дѣло заслуживаетъ серьезнаго вниманія“. На одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій (именно томъ, гдѣ обсуждалось разрѣшеніе крестьянамъ покупать землю) Новосильцевъ въ особенности опасался того впечатлѣнія, которое запрещеніе продавать крестьянъ по-

штучно можетъ произвести среди помѣщиковъ. „Ихъ нужно щадить, говорилъ онъ, чтобы потомъ ими воспользоваться“; какъ именно, онъ, впрочемъ, не объяснилъ. Указаніе на „опасность“ со стороны дворянства передъ свѣжей могилой Павла показалось, однако же, другимъ друзьямъ молодого императора слишкомъ безтактнымъ,—и они поспѣшили затушевать впечатлѣніе отъ словъ Новосильцева, причемъ Строгановъ произнесъ горячую рѣчь, ярко изображая безсиліе русскаго дворянства, и подчеркивая, что Россія есть государство деспотическое, гдѣ царь можетъ дѣлать все, что вздумается. Эту рѣчь обыкновенно цитируютъ, когда хотятъ иллюстрировать политическое направленіе „русскаго якобинца“: но она очень далека отъ того, чтобы служить profession de foi Строганова, и гораздо больше можетъ служить доказательствомъ его талантовъ, какъ царедворца. Когда патетическій моментъ прошелъ, къ нему и его товарищамъ вернулась ихъ прежняя мудрая осторожность, развернувшаяся во всей красѣ въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, гдѣ зашла рѣчь объ освобожденіи остзейскихъ крестьянъ по почину ландтага, т. е. мѣстнаго дворянства. „Графъ Кочубей, пишетъ Строгановъ, считалъ этотъ вопросъ очень деликатнымъ и требующимъ серьезнаго размышленія. Онъ боялся, что, въ виду уже очень упрочившейся репутаціи императора, какъ сторонника освобожденія крестьянъ, опасно будетъ дозволить одной изъ губерній разрѣшить занятія этимъ вопросомъ—постепенно, движеніе можетъ распространиться и на другія губерніи“... Строгановъ вполнѣ къ нему присоединился, заявляя, что „не можетъ безъ страха видѣть, какъ такой предметъ будетъ обсуждаться въ многочисленномъ собраніи...“ Новосильцевъ и Чарторыйскій на этотъ разъ оказались лѣвѣе бывшаго члена якобинскаго клуба. Но, говоря вообще, всѣ они были солидарны въ „великомъ принципѣ—никого не обижать“, а прежде всего помѣщиковъ. Когда, въ одномъ очень живомъ засѣданіи (9 ноября 1803 года), Александръ слишкомъ сильно сталъ наступать на интересы послѣднихъ, и напомнилъ, между прочимъ, ихъ защитникамъ о возможности новой пугачевщины („...если масса населенія начнетъ кричать и почувствуетъ свою силу, это можетъ стать опаснымъ...“), они въ свой чередъ, уже всѣмъ хоромъ, напомнили ему нѣкогда сконфузившій ихъ аргументъ Новосильцева: „Мы отвѣтили ему указаніемъ на послѣдствія, къ какимъ можетъ привести ссора съ дворянствомъ (les conséquences d'attaquer trop la noblesse), которое также составляетъ значительную массу и легко можетъ пріобрѣсти вліяніе...“

Идеалы „молодыхъ друзей“ въ крестьянскомъ вопросѣ лучше всего могутъ быть обрисованы словами самого Строганова, къ которымъ нечего ни прибавить, ни убавить: „Задача въ томъ, чтобы провести (освобожденіе крестьянъ) безъ потрясеній—если нельзя выполнить этого условія, лучше совсѣмъ ничего не дѣлать. *Нужно щадить собственниковъ* (il y a à menager les propriétaires) и итти къ своей цѣли посредствомъ ряда указовъ, которые, не обижая ихъ (собственниковъ), произведутъ нѣкото-

рое улучшеніе въ положеніи крестьянъ". Прогрессъ долженъ медленнымъ быть—это изобрѣтеніе не нашихъ дней; оно уже было знакомо либераламъ Александровской эпохи, вышедшимъ изъ того же соціальнаго круга, какъ и современные намъ сторонники мирной и постепенной эволюціи. Но, какъ мы видѣли, отъ медленнаго и постепеннаго освобожденія крестьянъ и „крѣпостники", въ родѣ Мордвинова, были отнюдь не прочь: споръ между Ормуздомъ и Ариманомъ шелъ вовсе не изъ-за принциповъ, а, какъ мы скоро увидимъ, просто изъ-за личнаго вліянія на императора.

Но прежде надо покончить съ крестьянскимъ вопросомъ. Споры объ освобожденіи разрѣшились закономъ, который теперь, когда мы знаемъ ихъ подкладку, долженъ намъ казаться не узкимъ и жалкимъ, какимъ онъ часто изображался, а, напротивъ, есьма широкимъ и либеральнымъ. Указъ о „вольныхъ хлѣбопашцахъ", вышедшій 20 февраля 1803 года, разрѣшалъ помѣщикамъ заключать съ крестьянами троякаго рода условія. Крестьяне могли или 1) немедленно выкупиться на волю за извѣстную сумму, получая при этомъ земельный надѣлъ; 2) уплачивать выкупъ въ разсрочку, съ тѣми же послѣдствіями; 3) превратиться въ пожизненныхъ или наслѣдственныхъ арендаторовъ помѣщика, крѣпкихъ землѣ и обязанныхъ извѣстными повинностями или оброкомъ, натуральнымъ или денежнымъ. Характерно требованіе,— оставшееся, впрочемъ, на бумагѣ,— чтобы крестьяне, выкупаясь на волю по новому закону, переходили отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному. Но еще болѣе характерно, что иниціаторомъ указа былъ именно одинъ изъ „старыхъ служивцевъ", гр. С. П. Румянцевъ. Ставя освобожденіе крестьянъ въ зависимость отъ доброй воли помѣщика, указъ не могъ вызвать противодѣйствія сѣрой дворянской массы. Въ то же время онъ шелъ навстрѣчу той болѣе прогрессивной части помѣщиковъ, которая понимала, что, по мѣрѣ развитія капиталистическаго хозяйства, барщинный трудъ будетъ становиться все менѣе и менѣе выгоднымъ для самихъ землевладѣльцевъ, что батракъ съ надѣломъ (какъ разъ его и создавала третья форма освобожденія по указу 20 февраля) и есть грядущій типъ сельскохозяйственнаго работника.

Споры о *политическихъ реформахъ*, происходившіе одновременно и во вновь созданномъ — для публики — государственномъ совѣтѣ, и въ устроенномъ Александромъ I для себя Негласномъ Комитетѣ изъ его „молодыхъ друзей", были гораздо менѣе интересны, чѣмъ пренія о реформѣ соціальной. Практически, все сводилось къ вопросу о правахъ и преимуществахъ *сената*. Исходная точка обоихъ направленій и „молодого", и „стараго" была одна и та же: свѣжія воспоминанія о только что минувшемъ царствованіи наталкивали на нее слишкомъ сильно. Взгляды императора Павла на предметъ были до необычайности просты и хорошо резюмируются въ одномъ его разговорѣ со вновь назначеннымъ имъ генералъ-прокуроромъ сената, Беклешовымъ. „Зналъ ли ты прежнихъ генералъ-прокуроровъ? спросилъ у него Павелъ при первомъ ихъ свиданіи: ка-

кой былъ генералъ-прокуроръ Куракинъ! какой — Лопухинъ! А теперь ты да я, я да ты: впередъ мы одни будемъ дѣла дѣлать". Итакъ, единственный министръ для „всѣхъ дѣлъ", назначаемый и смѣняемый, когда будетъ угодно государю: черезъ полгода послѣ этой много обѣщавшей бесѣды Беклешовъ былъ уже уволенъ не только отъ званія генералъ-прокурора, но и вовсе отъ службы. Такой порядокъ управленія глава „старыхъ служивцевъ", гр. Воронцовъ, отказывался признать самодержавнымъ, такъ какъ „власть самодержавная" дѣйствуетъ „по закону". „Въ одной Турціи дѣла управляются визирями, пашами и т. под." замѣчаетъ онъ, не безъ ядовитаго намека на павловскихъ генералъ-прокуроровъ. Но какъ же устранить возможность произвола, не трогая, теоретически, принципа самодержавія? Воронцовъ видитъ одинъ выходъ: поручить управленіе не одному лицу, а корпораціи, „мѣстамъ, извѣстное сословіе лицъ составляющимъ". Этимъ „не токмо отсѣкаются всѣ неудобства личнаго управленія, но и самой самодержавной власти пріобрѣтается новая подпора: невозможность дѣйствовать по произволу все обращаетъ къ закону". Такимъ мѣстомъ Воронцовъ считалъ сенатъ: по его мнѣнію, именно такое значеніе имѣлъ сенатъ Петра В. и послѣдующихъ государей до Павла I. Всѣ повелѣнія государя проходятъ черезъ сенатъ, который, если находитъ эти повелѣнія „неудобными и для народа отяготительными", „дѣлаетъ самодержавной власти представленія". Идеаломъ Воронцова является, такимъ образомъ, французскій парламентъ стараго порядка съ его droit de remontrances. Но парламентъ старой Франціи состоялъ изъ членовъ *несмѣняемыхъ*, купившихъ свои мѣста или получившихъ ихъ по наслѣдству. Этимъ и обезпечивалась его независимость, которой не могъ имѣть русскій сенатъ, составлявшійся изъ чиновниковъ, назначенныхъ правительствомъ. Проектъ Воронцова, очевидно, предполагалъ иной составъ сената, нежели прежде; какой—самъ онъ не говоритъ, но у другихъ „старыхъ служивцевъ" мы находимъ старое желаніе, приходившее еще шляхетству 1730 г., чтобы *сенаторы избирались дворянствомъ*. Державинъ предлагалъ даже все управленіе государствомъ передать въ руки дворянства: всѣ должности въ администраціи по его проекту должны были замѣщаться сенатомъ изъ числа кандидатовъ (2 и 3), выбранныхъ дворянскими обществами. Если бы это предложеніе осуществилось, то не дворянамъ былъ бы вовсе закрытъ доступъ на службу. Самые выборы въ сенатъ Мордвиновъ (въ проектѣ, болѣе раннемъ, чѣмъ изложенный нами выше и прочитанномъ въ засѣданіи Совѣта 1 мая 1802 г.) предлагалъ организовать такъ. Каждая губернія присылаетъ въ сенатъ по два депутата, выбираемыхъ губернскимъ дворянскимъ собраніемъ на трехлѣтній срокъ. Какъ и дворянскіе предводители, жалованья они не получаютъ, носятъ званіе сенаторовъ, и представляютъ въ сенатѣ интересы своей губерніи. Бывшій якобинецъ, Строгановъ, и здѣсь ухитрился стать правѣе „старыхъ служивцевъ": онъ высказывался за наслѣдственность званія сенатора.

Итакъ — „самодержавная“ (на бумагѣ) власть подъ бдительнымъ контролемъ дворянскаго собранія: вотъ каковъ былъ, въ началѣ XIX в., политическій идеалъ верхняго слоя дворянскаго общества, — того слоя, который одинъ только и мыслилъ тогда политически изо всего дворянства; дворянская масса еще не успѣла тогда формулировать своихъ желаній, а когда она это сдѣлала, то ея взгляды оказались гораздо элементарнѣе даже этого скромнаго идеала. Во всякомъ случаѣ, она не противодѣйствовала своимъ знатнымъ лидерамъ. Императоръ Александръ I также не былъ противъ конституціи: и тогда, и гораздо послѣ онъ утверждалъ, что онъ „любитъ конституціонныя учрежденія и думаетъ, что всякій порядочный человѣкъ долженъ ихъ любить“. Спеціально противъ избранія сенаторовъ дворянствомъ онъ, повидимому, тоже ничего не имѣлъ. И, однако же, дворянская конституція въ 1802—1803 гг. не состоялась. Напротивъ, усилилось бюрократическое, личное начало въ управленіи, которое хотя и безсознательно, но тѣмъ не менѣе весьма настойчиво, насаждалъ Павелъ.

Солидарная въ вопросѣ соціальномъ, крупная знать довольно рѣзко раздробилась на двѣ группы въ вопросѣ политическомъ. Не нужно забывать, что правящій классъ („генералитетъ“, по терминологіи Петровскаго времени) у насъ рекрутировался все изъ той же группы крупныхъ землевладѣльцевъ: не дворянскій, „ротюрьерскій“ элементъ среди высшаго чиновничества, столь сильный въ старой Франціи, у насъ до послѣдняго времени появлялся наверху бюрократической лѣстницы лишь случайно. Созданная самодержавіемъ, наша землевладѣльческая знать цѣпко за него держалась. Аристократическіе проекты въ духѣ кн. Щербатова были бы болѣе важны какъ разъ для средняго дворянства,—но оно не въ состояніи было бы ихъ понять. Для дворянства придворнаго вопросъ о вліяніи на ходъ государственнаго управленія былъ больше всего вопросомъ о формѣ этого вліянія. Оно даже и при Павлѣ успѣло отстоять свои интересы — хотя, правда, при помощи чрезвычайныхъ мѣръ. Но Павелъ былъ ненормальнымъ явленіемъ, и чѣмъ больше времени протекало со дня его смерти, тѣмъ больше верхи дворянскаго общества привыкали къ мысли, что теперь все само собою пойдетъ нормальнымъ порядкомъ. Чѣмъ дальше отъ непосредственной опасности, тѣмъ больше выступали на первый планъ интересы и соперничества отдѣльныхъ мелкихъ группъ и котерій — пока аристократически-либеральное движеніе „дней Александровыхъ прекраснаго начала“ не разбилось на мелкіе ручейки, которые уже не въ силахъ были подмыть глыбу „самовластія“.

Мы видѣли, что „радикалъ“ Строгановъ стоялъ за наслѣдственный сенатъ,—т. е. за независимость состава высшаго въ имперіи учрежденія отъ выборовъ, хотя бы дворянскихъ. Не трудно замѣтить, что здѣсь дѣйствовало не одно увлеченіе англійской палатой пэровъ, и ужъ, конечно, не вражда и недовѣріе къ дворянству. Интересы послѣдняго, напротивъ, были очень близки сердцу „молодыхъ друзей“—и тотъ же Строгановъ былъ очень обрадованъ, когда Александръ,

въ своемъ проектѣ „деклараціи правъ“ русскихъ подданныхъ (ее предполагалось издать по случаю коронаціи въ 1801 году), принялъ за основу свободу и *собственность*. Но друзья Александра вовсе не хотѣли поступаться *своей* властью въ пользу кого бы то ни было, хотя бы и дворянства. Это ревнивое желаніе—удержать вліяніе на императора исключительно въ своихъ рукахъ, изолировать его съ его реформаторскими планами, по возможности, даже отъ высшаго дворянства, красною чертою проходитъ черезъ всѣ записки Строганова. „Нужно вывѣдать у императора“ *) писалъ послѣдній въ своемъ „общемъ планѣ“, въ самомъ началѣ занятій Негласнаго Комитета, „въ чемъ состоятъ его проекты; если онъ думаетъ, что нужно начать съ конституціи, надо оспаривать эту идею; затѣмъ, нужно ему дать почувствовать, что онъ не долженъ позволять, чтобы у кого бы то ни было явилось малѣйшее подозрѣніе о какихъ бы то ни было реформахъ. Нужно императору вести себя такъ, чтобы всѣ были убѣждены, что все останется постарому“... „Главное основаніе, съ которымъ всѣ другія должны сообразоваться, это—*тайна*“. Можно подумать, что эта непроницаемая тайна должна была прикрыть приготовленія къ коренной ломкѣ всего и всѣхъ: ничуть не бывало; на первую очередь Строгановъ не идетъ далѣе *административной* реформы. Щекотливыхъ вопросовъ, въ родѣ освобожденія крестьянъ, „друзья“ касались, какъ мы видѣли, съ необычайной осторожностью. Тайна должна была устранить отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Негласнаго Комитета то самое дворянство, интересы котораго въ немъ опекались. „Расположеніе человѣческаго ума, въ которомъ каждый можетъ легко убѣдиться“, откровенно говоритъ Строгановъ, „состоитъ въ томъ, что люди гораздо легче подчиняются абсолютной необходимости, нежели тому, съ чѣмъ они могли бы спорить или противъ чего они могли бы бороться“... Реформы, придуманныя „молодыми друзьями“, должны были явиться передъ обществомъ именно въ образѣ абсолютной необходимости. Съ этой точки зрѣнія, всякое припущеніе къ власти дворянства „раньше времени“,—въ формѣ ли выборныхъ сенаторовъ или чего иного, должно было разсматриваться, какъ большое зло. Когда Александръ склонялся къ проекту выборнаго сената, Строгановъ ему это отсовѣтовалъ. Съ наслѣдственнымъ сенатомъ легче мирились, потому что „друзья“ сами надѣялись туда попасть,—и, вообще, его составъ можно было бы подобрать подъ покровомъ той же благодѣтельной „тайны“. По этой же причинѣ „друзья“ при всемъ ихъ „радикализмѣ“ были и противъ какого бы то ни было расширенія правъ существовавшаго въ наличности сената. „Дать сенату значительныя права“, говорилъ Новосильцевъ, „значитъ связать себѣ руки такъ, что нельзя будетъ выполнить всего задуманнаго на общую пользу, и встрѣтить въ невѣжествѣ этихъ людей помѣху, которая имѣла бы опасныя послѣдствія въ случаѣ борьбы между верховной властью и правительственными учрежденіями“. Самъ Александръ не прочь былъ

*) Буквально: „заставить его объясниться“—faire s'expliquer l'Empereur.

дать сенату „охранительную власть“, т. е. контроль надъ администраціей. Но его сотрудники замѣтили ему, что такая власть будетъ призрачна, что „истинная охрана заключается въ организаціи политическаго строя и въ общественномъ мнѣніи“.

Итакъ, неофиціальный комитетъ желалъ министерства, отвѣтственнаго передъ представителями общественнаго мнѣнія. Но получить послѣднихъ можно было, только давъ конституцію: а мы видѣли, что она откладывалась въ самый дальній ящикъ. Сначала нужно было „узнать дѣйствительное положеніе дѣлъ“, потомъ „реформировать различныя части администраціи“: все это время у власти должны были стоять, разумѣется, „молодые друзья“. Чтобы исполнить „все, задуманное ими на общую пользу“, они должны были воспользоваться всѣми правами и средствами самодержавной власти: а для этого, на первыхъ порахъ, нужно было не только не ограничивать самодержавія, а, напротивъ, развязать ему руки, освободивъ императора отъ коллегіальныхъ учрежденій, наполненныхъ „старыми служивцами“ и могущихъ затормозить дѣло. Вотъ какимъ путемъ конституціонные проекты привели „молодыхъ друзей“ къ усиленію бюрократическаго элемента въ нашемъ управленіи, путемъ созданія министерствъ (манифестъ 8 сентября 1802 года). Чрезвычайно любопытно, что въ основу новаго учрежденія легъ планъ, выработанный при императорѣ Павлѣ. Конкурентомъ ему явилась только бюрократическая система наполеоновской Франціи: на одно изъ засѣданій Строгановъ приносилъ французскій календарь; но французское раздѣленіе показалось императору слишкомъ дробнымъ.

Коллегіи смѣнились отдѣльными чиновниками, поставленными императорской волей. Вся ихъ „отвѣтственность“ сводилась къ тому, что они должны были ежегодно представлять свои отчеты въ сенатъ, составленный, по прежнему, тоже изъ чиновниковъ. Причемъ дѣла, „подлежащія особливой тайнѣ“, изъ отчета исключались: другими словами, министръ давалъ отчетъ въ чемъ и какъ хотѣлъ. Но и эта формальная отвѣтственность не имѣла никакого юридическаго смысла: все ея значеніе въ конституціонномъ государствѣ основывается на томъ, что министръ можетъ отказаться подписать указъ государя, если находитъ его незаконнымъ, и такой указъ, не „контрассигнированный“ министромъ, силы не имѣетъ: а если министръ подпишетъ незаконный указъ, онъ подлежитъ суду. Когда адмиралъ Мордвиновъ спросилъ Александра I, предоставляетъ ли онъ это право своимъ новымъ министрамъ, и будутъ ли обязательны указы, ими не подписанные, императоръ отвѣтилъ, что высочайшій указъ долженъ быть исполненъ во всякомъ случаѣ, даже если онъ и не контрассигнированъ министромъ. Въ первой реформѣ центральнаго управленія при Александрѣ I не были осуществлены, такимъ образомъ, даже тѣ скромныя гарантіи, какихъ требовали умѣреннѣйшіе изъ „старыхъ служивцевъ“. Слабымъ отголоскомъ этихъ требованій было предоставленное сенату право „представлять“ верховной власти объ отмѣнѣ законовъ, неудобныхъ къ исполненію. Но это право было ограничено зако-

нодательствомъ предшественниковъ Александра I: когда же сенатъ попытался, однажды, „представить“ о неудобствѣ одного закона, изданнаго самимъ Александромъ, его ходатайство было отклонено такъ внушительно, что онъ больше не пытался повторять такихъ „представленій“. Въ результатѣ, первый періодъ реформъ, вмѣсто „конституціи, основанной на народномъ духѣ“, завершился появленіемъ въ Россіи учрежденія, напоминавшаго елизаветинскій сенатъ обширностью своихъ полномочій, но гораздо болѣе бюрократическаго—*комитета министровъ*. Комитетъ законодательствовалъ, судилъ дѣла, даже уже разобранныя сенатомъ, руководилъ внѣшней политикой въ отсутствіе государя, хлопоталъ о студентахъ виленскаго университета, „впадшихъ въ разные пороки“ или „неспособныхъ къ продолженію наукъ“, обсуждалъ вопросъ, какимъ образомъ исправлять уклоняющихся отъ исповѣди и причастія—словомъ, былъ все во всемъ. Ничего болѣе удаленнаго отъ „свободной конституціи“ и представить себѣ нельзя.

Къ самому концу этой эпохи (къ 1803 г.) относится первый конституціонный проектъ Сперанскаго, тогда секретаря при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Кочубеѣ,—одномъ изъ „молодыхъ друзей“, какъ мы знаемъ. Изъ проекта, который, судя по всему, отражаетъ въ себѣ не столько взгляды самого Сперанскаго, сколько его начальства, хорошо видно, какія ближайшія перспективы представлялись тогда правящему кружку. „Планъ образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ Россіи“ рѣзко отличается отъ тѣхъ политическихъ проектовъ, съ какими намъ приходилось сталкиваться на предыдущихъ страницахъ. И тамъ на бумагѣ сохранялось самодержавіе: но на каждомъ шагу подчеркивалась ограниченность якобы самодержавной власти законами. Сперанскій подчеркиваетъ именно неограниченность власти императора. „Верховная власть въ Россіи, говоритъ онъ,—государь самодержавный, соединяющій въ особѣ своей власть законодательную и исполнительную и располагающій неограниченно силами государства“. Оттого у насъ учрежденія законодательныя и исполнительныя не могутъ существовать сами собой, а только по уполномочію самодержавной власти: „они въ существѣ своемъ суть два отдѣленія государева кабинета“. Члены двухъ *сенатовъ*, какъ называетъ Сперанскій эти „отдѣленія“, законодательнаго и исполнительнаго, назначаются одинаково государемъ: лишь „для различія и большаго въ народѣ впечатлѣнія каждое отдѣленіе сената должно имѣть свойственное ему одѣяніе“.

Сопоставляя этотъ проектъ съ первыми заявленіями Александра I, мы получаемъ впечатлѣніе чего-то рѣзко реакціоннаго. Но это впечатлѣніе ошибочное: конечныя цѣли тѣ же, что и прежде, только онѣ отодвигаются въ неопредѣленное будущее. Чиновничій сенатъ долженъ со временемъ превратиться въ „настоящую монархическую систему“, когда „развитіемъ просвѣщенія и сопряженіемъ многихъ обстоятельствъ, *отъ времени зависящихъ*, созрѣетъ возможность лучшаго управленія“. Вотъ почему авторъ „Плана“ и называетъ проектированныя имъ учрежденія „но-

вымъ порядкомъ вещей", отлично сознавая, что по существу они представляютъ мало новаго. „Ни сенатъ законодательный, ни сенатъ исполнительный не могутъ сдѣлать движенія безъ воли Государя, въ существѣ своемъ они суть только непосредственное его орудіе и собственной силы не имѣютъ. Между тѣмъ наружною важностію своею и составомъ они утверждаютъ народное мнѣніе, возводятъ его ближе къ идеямъ монархическимъ и ставятъ Россію на одной чредѣ съ прочими государствами европейскими, не отнимая ничего отъ силы ей необходимаго самодержавія... Но въ мнѣніи народномъ представляютъ мѣста внѣшнія и умѣряютъ собою самодержавіе".

Итакъ, *сейчасъ* нельзя ограничить самодержавіе, — въ данную минуту оно необходимо для Россіи (читай: для „молодыхъ друзей" Александра I): но нужно пріучать народъ къ формамъ ограниченной монархіи, чтобы ввести настоящую конституцію, когда „просвѣщеніе" достигнетъ надлежащей высоты,—что будетъ, по всему судя, очень нескоро. Новыя учрежденія сами по себѣ ничего не измѣняютъ, но они послужатъ школою для общественнаго мнѣнія: ихъ значеніе не столько политическое, сколько педагогическое... Самъ авторъ—или, вѣрнѣе, редакторъ—„Плана", Сперанскій, вполнѣ точно резюмировалъ впечатлѣніе отъ этого документа, сказавъ одному иностранцу, что „не вѣритъ въ возможность установленія политической свободы въ Россіи".

Одинъ маленькій эпизодъ окончательно дорисовалъ итоги первой серіи „реформъ": онъ относится уже къ 1805 году. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Александръ не безъ торжественности уничтожилъ Тайную Экспедицію, высшій органъ политической полиціи при Павлѣ Петровичѣ. Уѣзжая на войну, въ 1805 г., онъ возстановилъ эти учрежденія подъ другимъ названіемъ. Дѣла по охраненію „всеобщаго спокойствія и тишины гражданъ и облегченія народнаго продовольствія" были, какъ и при Павлѣ, выдѣлены изъ общаго, предусмотрѣннаго законами, порядка. Для разбора ихъ экстреннымъ порядкомъ, не стѣсняясь принятыми формальностями, былъ учрежденъ особый комитетъ изъ трехъ лицъ. Сначала это учрежденіе было временное, съ 1807 года оно стало постояннымъ. „Для характеристики дѣятельности комитета", говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Александра I, „достаточно сказать, что самымъ дѣятельнымъ членомъ его являлся А. С. Макаровъ, который когда-то былъ преемникомъ Шешковскаго по Тайной Экспедиціи"...

Такимъ образомъ, турниръ изъ-за конституціи между кучкою „монархистовъ", уцѣлѣвшихъ отъ временъ кн. Щербатова, и молодыми „радикалами", счастливо сочетавшими идеи французской революціи съ талантами придворнаго человѣка, кончился, довольно неожиданно, воскресеніемъ режима XVIII вѣка въ наиболѣе характерныхъ его проявленіяхъ. Не было только свойственныхъ покойному Павлу I эксцессовъ,—потому что режимъ примѣнялся людьми, умственно нормальными: но „духъ" системы былъ рѣшительно тотъ же. Исходъ либеральнаго движенія первыхъ лѣтъ александровскаго царствованія даетъ возможность, прежде всего, измѣрить

степень его *глубины*. Ничего подобнаго не могло бы случиться съ политическимъ движеніемъ, въ которомъ заинтересованы массы: но не только массы русскаго народа, а и подавляющее большинство дворянъ были совершенно равнодушны къ политическимъ проектамъ какъ „старыхъ служивцевъ", такъ и „молодыхъ друзей". Для средней руки помѣщика того времени всѣ политическіе интересы сводились къ заботѣ о томъ, чтобы сверху не вмѣшивались въ его личную жизнь и въ его хозяйство. Первое было достаточно гарантировано переворотомъ 11 марта 1801 года— Александръ, какъ мы видѣли, не прочь былъ бы посягнуть на второе, но здѣсь всѣ партіи, и „молодые", и „старые", были солидарны въ защитѣ помѣщичьихъ интересовъ. Рядовому дворянину больше ничего не было нужно. Тѣмъ, каковъ будетъ составъ сената и какія будутъ предоставлены ему права, этотъ дворянинъ интересовался гораздо менѣе, нежели тѣмъ, кто будетъ назначенъ губернаторомъ въ его губернію, или кого выберутъ предводителемъ. Равнодушіемъ широкихъ слоевъ объясняется и самый характеръ борьбы: она велась людьми одного воспитанія и общественнаго положенія, боровшимися не за жизнь, а только за вліяніе въ высшихъ сферахъ. Оттого реакція и выразилась не въ разгромѣ побѣжденной стороны, а только въ нѣсколькихъ почетныхъ отставкахъ. Такъ, были уволены или ушли сами А. Р. Воронцовъ, авторъ записки о правахъ сената (вскорѣ умершій), Державинъ и Мордвиновъ. Словомъ, это была не борьба партій въ теперешнемъ грубомъ пониманіи этого слова, а изящная великосвѣтская дуэль, послѣ которой противники, слегка поранивъ другъ друга, разстаются съ учтивыми поклонами и обоюдными комплиментами.

Откладывая „свободную конституцію" въ долгій ящикъ, ни Александръ, ни его друзья не ожидали, вѣроятно, что очень скоро придется опять заниматься этимъ дѣломъ, — притомъ заниматься спѣшно въ обстановкѣ, не дававшей времени для какихъ-либо политико-педагогическихъ экспериментовъ. Вдобавокъ, на этотъ разъ содѣйствіе, и даже сознательное участіе по крайней мѣрѣ „общества", если не народа, являлось совершенно необходимымъ: конституціонные проекты должны были подвергнуться впервые практическому испытанію. И на этотъ разъ попытка „конституціи, основанной на народномъ духѣ" окончилась плачевно: „народный духъ", въ лицѣ помѣщиковъ, выказалъ рѣшительную враждебность къ конституціи. Но теперь обстановка борьбы была иная: страсти разгорѣлись, и новое пораженіе конституціоналистовъ кончилось уже настоящей катастрофой для „главнаго виновника".

Эта вторая серія реформъ, вѣрнѣе попытокъ реформы, Александра I падаетъ, какъ извѣстно, на 1808— 1812 годы и связана съ именемъ Сперанскаго. Совершенно лишнее было бы здѣсь объяснять, что она, какъ и первая, вовсе не была продуктомъ чьего бы то ни было личнаго творчества, тѣмъ болѣе творчества Сперанскаго, этого геніальнаго секретаря, абсолютно лишеннаго способности создать что бы то ни было оригинальное,—но зато съ несравненной бы-

стротой усваивавшаго и приспособлявшаго къ поставленной другими цѣли чужія идеи. Если исходной точкой первой серіи реформъ было царствованіе Павла и впечатлѣніе, произведенное этимъ царствованіемъ на дворянство, то исходной точкой второй серіи была внѣшняя политика Александра и отраженіе ея уже не на одномъ дворянствѣ, а на всей массѣ населенія.

Многіе историки по поводу этой внѣшней политики много останавливаются на личныхъ взглядахъ императора Александра и на томъ идеалѣ международныхъ отношеній, какой у него сложился. Не трудно, однако же, замѣтить, что, каковы бы ни были личные взгляды русскаго государя, позиція Россіи въ наполеоновскихъ войнахъ не могла быть иной, чѣмъ какой она была въ дѣйствительности. Всѣ международныя комбинаціи того времени располагались по двумъ опредѣляющимъ линіямъ, которыми были: во-первыхъ, коммерческое соперничество двухъ крупнѣйшихъ морскихъ державъ тогдашней Европы, Англіи и Франціи; во-вторыхъ политическое соперничество „стараго порядка", олицетвореніемъ котораго служила Австрія, и новаго соціальнаго строя, сѣмена котораго разносились по всѣмъ странамъ Европы французскими арміями. Не могло быть сомнѣній въ томъ, на чью сторону должна стать Россія. Страна крѣпостного права могла быть лишь случайно и кратковременно союзницей страны гражданскаго равноправія и наполеоновскаго кодекса; напротивъ, совершенно естественно, что Австрія и во время и послѣ наполеоновскихъ войнъ постоянно искала и находила опору въ матеріальномъ могуществѣ своей восточной сосѣдки. О тѣсной экономической связи между Россіей и Англіей намъ уже приходилось говорить по поводу царствованія Павла. Не даромъ „отечественная" война была проведена Александромъ за счетъ англійскихъ субсидій,—какъ это прямо утверждалъ другъ Александра, Волконскій, въ одномъ разговорѣ съ его преемникомъ. Если въ первомъ случаѣ—столкновеніи Наполеона съ Австріей—вмѣшательство или невмѣшательство Россіи могло, до нѣкоторой степени, регулироваться взглядами лицъ, руководившихъ русской внѣшней политикой, то во второмъ случаѣ выбора не было: Россія не могла допустить пораженія Англіи или разгрома ея торговли.

Туманныя мечтанія императора Александра относительно его обязанностей, какъ члена международной семьи государей, или относительно внесенія въ дипломатію „началъ евангельскихъ", всего меньше играли роли въ вопросѣ о присоединеніи Россіи къ коалиціи, хотя естественно, что самъ онъ и многіе его современники все объясняли именно ими.

Съ первыхъ же шаговъ обнаружилось, что александровская Россія,—вѣрнѣе говоря, Россія XVIII вѣка, такъ какъ перемѣны, совершившіяся съ тѣхъ поръ, были слишкомъ неглубоки и незначительны—совершенно не приспособлена къ борьбѣ съ революціонной Франціей.

Успѣхи Суворова (въ кампаніи 1799 г.) оказались случайностью,—вдобавокъ то новое и оригинальное, что было въ его тактикѣ, не нашло себѣ продолжателей и подражателей. Исковерканная по устарѣвшему прус-

скому образцу армія раздѣлила участь своего образца, и даже опередила его въ этомъ отношеніи: уже первая кампанія кончилась разгромомъ, какого русскіе не видали со временъ Нарвы. Для продолженія войны приходилось прибѣгать къ чрезвычайнымъ рессурсамъ: къ этому именно времени относится первое обращеніе новаго правительства къ широкимъ массамъ. Въ началѣ зимы 1806 г. былъ изданъ манифестъ объ ополченіи (или *милиціи*, какъ его тогда называли). Дворянство, къ которому, какъ распорядителю судьбами большей половины крестьянства, ближайшимъ образомъ относилась эта мѣра, воспользовалось ею для нѣкоторыхъ, довольно знаменательныхъ, политическихъ манифестацій: въ Москвѣ, напримѣръ, командиромъ милиціи былъ избранъ Мордвиновъ, хотя онъ не принадлежалъ къ составу московскаго дворянства и, въ качествѣ адмирала, имѣлъ мало отношенія къ сухопутной войнѣ. Но мечтавшее о „конституціи, основанной на народномъ духѣ", правительство хотѣло заинтересовать въ своей внѣшней политикѣ и „народъ"—явивъ при этомъ весьма характерныя доказательства того, какъ оно понимало „народный духъ". Одновременно съ манифестомъ объ ополченіи появился указъ синода, приглашавшій духовенство внушать народу, что дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о защитѣ православной вѣры; что Наполеонъ вошелъ въ соглашеніе съ ненавистниками имени христіанскаго и пособниками всякаго нечестія, іудеями, и, совершенно серьезно прибавлялъ указъ, задумалъ похитить священное имя Мессіи. Простой народъ повѣрилъ этому и, дѣйствительно, сталъ считать французскаго императора антихристомъ; можно себѣ представить изумленіе этого народа, когда, годъ спустя, съ антихристомъ былъ заключенъ не только миръ, но и союзъ.

Блестящая побѣда покрыла бы всѣ эти шероховатости: но и вторая кампанія противъ Наполеона (1806—1807 гг.) кончилась пораженіемъ. Фридландъ былъ менѣе позоренъ, чѣмъ Аустерлицъ, но русская армія была истощена и обезкуражена гораздо болѣе, чѣмъ въ 1805 году. Воевать дольше было нельзя—приходилось капитулировать передъ „врагомъ рода человѣческаго".

Однимъ изъ условій этой капитуляціи (Тильзитскаго мира 1807 г.) было принятіе Россіей „континентальной системы", т. е. полный разрывъ сношеній съ Англіей.

Нечего и говорить, какой это былъ ударъ для зарождавшагося русскаго капитализма. Съ исчезновеніемъ англійскихъ кораблей изъ русскихъ гаваней фрахты страшно вздорожали, а морская торговля соотвѣтственно упала. Фабрикаты стали дороги, а сырье некуда было сбывать. Застой въ дѣлахъ вызвалъ отливъ денегъ изъ Россіи, а исчезновеніе металлическихъ денегъ съ русскаго рынка повело къ быстрому паденію курса ассигнацій: въ три года онѣ съ 67 к. за рубль упали до 25 коп., въ $2^1/_2$ раза. Соотвѣтственно этому упалъ, конечно, и дѣйствительный, неноминальный, доходъ правительства, собиравшаго налоги ассигнаціями. Къ 1810 году оно имѣло уже около 105 милліоновъ р. дефицита при бюджетѣ въ 230 милліоновъ. Чтобы на-

полнить эту брешь, при отсутствіи кредита за границей, приходилось поднять налоги, поднять сразу очень высоко надъ прежнимъ уровнемъ. Если отъ сокращенія заграничной торговли непосредственно пострадалъ всего больше помѣщичій классъ, главный продавецъ сырья и главный потребитель привозныхъ товаровъ, и немногочисленное въ тогдашней Россіи купечество, — то разстройство государственнаго хозяйства долженъ былъ почувствовать весь народъ.

Какъ отозвался народъ на всю эту цѣпь явленій государственнаго и народнаго хозяйства, созданныхъ первой неудачной борьбой съ Наполеономъ и Тильзитскимъ миромъ, на этотъ счетъ современники не расходятся. Уже въ 1809 г. Сперанскій указывалъ на „всеобщее неудовольствіе" и наклонность къ пессимистическимъ объясненіямъ „всего настоящаго". „Съ горечью, но съ достовѣрностью можно сказать, говоритъ онъ, что въ настоящемъ положеніи всѣ мѣры правительства, требующія не физическаго только, но моральнаго повиновенія, не могутъ имѣть дѣйствія". А два года спустя тѣ же мысли высказывалъ и антагонистъ Сперанскаго, Карамзинъ: „Россія наполнена недовольными; жалуются въ палатахъ и въ хижинахъ; не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правленію; строго осуждаютъ его цѣли и мѣры".

Сравнительно съ первыми годами XIX вѣка картина радикально измѣнилась. Тогда политическая реформа не являлась настоятельной необходимостью ни для правительства, ни для общества: предметъ болѣе или менѣе жгучаго интереса, она составляла лишь въ тѣсныхъ кружкахъ высшаго, придворнаго дворянства. Какъ относилось общество къ реформѣ теперь, послѣ Тильзита, это оставалось еще загадкой. Но реформа уже была или, по крайней мѣрѣ, казалась необходимостью для правительства. „Въ настоящемъ положеніи, писалъ въ той же запискѣ Сперанскій, нельзя даже съ успѣхомъ наложить какой-нибудь налогъ, къ исправленію финансовъ необходимо нужный: ибо всякая тягость народная приписывается единственно самовластію. *Одно лицо государя отвѣтствуетъ народу за всѣ постановленія,* совѣтъ же и министры всегда, во всякой мѣрѣ тягостной, могутъ отречься отъ участія тамъ, гдѣ нѣтъ публичныхъ установленій". „Публичныя установленія", т. е. учрежденія, которыя бы въ извѣстной мѣрѣ ограничивали верховную власть, казались теперь нужными самой этой власти, чтобы снять съ нея часть той отвѣтственности, которая была слишкомъ тяжела для плечъ одного человѣка. „Старые служивцы" хлопотали о расширеніи *правъ*, если и не всего общества, то, по крайней мѣрѣ, его командующаго класса: теперь дѣло шло гораздо болѣе о томъ, чтобы раздѣлить съ правительствомъ часть обязанностей и отвѣтственности. Совершенно понятно, что со стороны „общества" первое должно было встрѣтить болѣе сочувствія, чѣмъ второе. Судьба проектовъ Сперанскаго будетъ для насъ во многихъ отношеніяхъ загадкой, если мы не примемъ въ расчетъ этого обстоятельства.

Если присмотрѣться ближе къ столь знаменитому въ нашей литературѣ „Введенію къ уложенію государствен-

4

Императоръ Александръ I.

Съ портрета, писаннаго В. Л. Боровиковскимъ.

(Историческій музей въ Москвѣ).

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

ныхъ законовъ", представленному Сперанскимъ Александру I въ октябрѣ 1809 г., основная тенденція выступитъ передъ нами ярче, нежели это кажется съ перваго взгляда. Планъ Сперанскаго вовсе не такая кабинетная, чисто теоретическая работа, какой ее часто представляютъ. Теоретическій характеръ носитъ, собственно, введеніе, гдѣ Сперанскій излагаетъ свои общіе политическіе взгляды. Какъ и слѣдуетъ ожидать отъ документа, составленнаго по порученію государя, который „жилъ и умеръ республиканцемъ", это введеніе отличается значительнымъ радикализмомъ въ области общихъ вопросовъ. Принципъ раздѣленія властей, точно такъ же, какъ и принципъ исхожденія всякой власти отъ народа, поставленъ здѣсь совершенно прямо и открыто. „Три силы движутъ и управляютъ государствомъ, говоритъ Сперанскій: сила законодательная, исполнительная и судная. Начало и источникъ сихъ силъ въ народѣ: ибо онѣ не что другое суть, какъ нравственныя и физическія силы людей въ отношеніи къ общежитію". Положеніе русскихъ подданныхъ безъ обиняковъ характеризуется, какъ „политическое рабство". Совершенно согласно съ ученіемъ буржуазнаго либерализма, которое прекрасно усвоилъ и не безъ краснорѣчія развиваетъ Сперанскій, выдвигается несовмѣстимость самодержавія съ экономическими интересами капиталистическаго общества. „Къ чему законы, распредѣляющіе собственность между частными людьми, когда собственность сія ни въ какомъ предположеніи не имѣетъ твердаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда скрижали ихъ каждый день могутъ быть разбиты о первый камень самовластія?—Жалуются на запутанность финансовъ. Но какъ устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ общаго довѣрія, гдѣ нѣтъ публичнаго установленія, порядокъ ихъ охраняющаго?" Но ламентаціи относятся болѣе къ прошлому, нежели къ настоящему и будущему: хотя „государство наше стоитъ нынѣ во второй эпохѣ феодальной системы, то-есть въ эпохѣ самодержавія" но, „безъ сомнѣнія, имѣетъ прямое направленіе къ свободѣ". Притомъ, свободная Россія будетъ имѣть очень важное преимущество передъ другими конституціонными государствами. „Конституціи во всѣхъ почти государствахъ устрояемы были въ разныя времена, отрывками, и по большей части среди жестокихъ политическихъ превращеній. Россійская конституція одолжена будетъ бытіемъ своимъ не воспаленію страстей и крайности обстоятельствъ, но благодѣтельному вдохновенію верховной власти, которая, устроивъ политическое бытіе своего народа, можетъ и имѣетъ всѣ способы дать ему самыя правильныя формы".

Что касается учрежденій, проектированныхъ Сперанскимъ, то ихъ планъ вытекаетъ не столько изъ общихъ идей автора, сколько изъ тѣхъ практическихъ потребностей, которыя руководили въ эту минуту правительствомъ.

По проекту Сперанскаго, верховная власть должна была дѣйствовать впредь съ четырьмя учрежденіями: министерствомъ—органомъ исполнительной власти; государственной думой—органомъ законодательства; се-

натомъ, который представлялъ собою судебную власть. Наверху всей системы предполагалось „сословіе, въ коемъ всѣ сіи распорядки должны соединиться и чрезъ которое власть державная будетъ на нихъ дѣйствовать и принимать ихъ дѣйствіе“. Это былъ государственный совѣтъ— единственное учрежденіе проекта, которое дѣйствительно осуществилось. Члены министерства, конечно, назначались государемъ. Члены государственной думы избирались, но не народомъ, а губернскими думами, которыя въ свой чередъ состояли изъ выборныхъ отъ уѣздныхъ думъ, а эти послѣднія выбирались думами волостными. Сенатъ состоялъ изъ членовъ, избранныхъ губернскими думами и утвержденныхъ государемъ. Члены государственнаго совѣта назначались императоромъ по его усмотрѣнію.

Три учрежденія, олицетворяющія собою исполнительную, законодательную и судебную власть, должны быть равны, по теоріи Сперанскаго. Но первая изъ этихъ властей идетъ отъ императора, вторая отъ народа. Хотѣлъ ли Сперанскій предоставить народу одинаковую долю участія въ управленіи, какъ и государю? Повидимому, да; въ дѣйствительности, вовсе нѣтъ. Равенство исполнительной и законодательной власти въ парламентскихъ государствахъ обусловливается тѣмъ, что палата можетъ заставить министерство выйти въ отставку, а министры могутъ посовѣтовать главѣ государства распустить палату. Столкновеніе между законодательною и исполнительною властью и разрѣшается тѣмъ или другимъ путемъ, въ зависимости отъ того, на чью сторону становится общественное мнѣніе страны. По русской конституціи, проектированной Сперанскимъ, исполнительная власть, при согласіи государя, всегда можетъ сначала отсрочить, а потомъ и вовсе распустить палату—„совершенно уволить всѣхъ членовъ государственной думы“. Но дума не можетъ заставить министровъ выйти въ отставку; проектъ не вводитъ отвѣтственности министровъ въ парламентскомъ смыслѣ этого слова, т. е. контроля думы надъ общей политикой министерства. Дума можетъ требовать отвѣта у министра только въ случаѣ явнаго нарушенія послѣдними конституціи, причемъ преданіе виновнаго суду зависитъ все-таки не отъ думы, а отъ государя. Другими словами, страной можетъ управлять министръ, даже уличенный думой въ явномъ нарушеніи конституціи... Планъ претендуетъ на очень точное и послѣдовательное раздѣленіе властей сверху до низу, отъ государства до волости, низшей самоуправляющейся единицы. Насколько, однако, законодательство дѣйствительно изолировано отъ вмѣшательства исполнительной власти? И на этотъ вопросъ не приходится отвѣчать утвердительно. Во-первыхъ, законодательный починъ исключительно принадлежитъ правительству: законопроекты вносятся въ думу только министрами или членами государственнаго совѣта; сами члены думы этимъ правомъ не пользуются *). Во-вторыхъ,

*) „Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что предложеніе закона должно предоставить исключительно правительству. Пространство Имперіи, разнообразіе населенія и степень нашего просвѣщенія требуютъ, чтобы правительство имѣло всю возможную силу дѣй-

преніями, при обсужденіи этихъ законопроектовъ, руководитъ предсѣдатель, *назначенный* государемъ, а не выбранный думою. Въ-третьихъ, система выборовъ даетъ правительству полную возможность обезпечить свои интересы въ самой широкой степени: выборы, какъ мы видѣли, *четырехстепенные*. Члены государственной думы избираются довольно тѣснымъ кружкомъ—губернскими думами,—а послѣднія, въ свою очередь, выходятъ не изъ прямыхъ, а изъ трехстепенныхъ выборовъ: губернская дума избирается уѣздными, уѣздная волостными, и лишь послѣднія прямо избирателями. Современному читателю нѣтъ нужды объяснять, какое колоссальное административное давленіе могло быть организовано при такой системѣ,—тѣмъ болѣе, что о гарантіяхъ правильности выборовъ Сперанскій не распространяется.

Умѣренно и осторожно надѣляя общество политическими правами, программа Сперанскаго и въ соціальной области гораздо консервативнѣе, чѣмъ можно судить по ея смѣлому введенію. Сперанскій предлагаетъ начать реформу съ надѣленія всѣхъ одинаковыми *гражданскими* правами: этого, однако, совсѣмъ не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что всѣ подданные русскаго императора должны стать равноправными. Это не обозначаетъ даже немедленной отмѣны крѣпостного права: „дворянство сохранитъ свою привилегію, говоритъ Сперанскій, но лишь на нѣкоторое время“. „Рабы однако же всегда и вездѣ существовали“, прибавляетъ онъ въ утѣшеніе себѣ и своему читателю. „Въ самыхъ республикахъ число ихъ почти равнялось числу гражданъ, а участь ихъ тамъ была еще горше, чѣмъ въ монархіяхъ“. „Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы въ Россіи не могло оно (рабство) уничтожиться, если приняты будутъ къ тому дѣйствительныя мѣры. *Но чтобы мѣры сіи были дѣйствительны, онѣ должны быть постепенны*“. Угрожаемое лишеніемъ своей „прерогативы“ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, дворянство въ данную минуту должно было получить крупное приращеніе къ этой „прерогативѣ“: политическія права, т. е. право избирать и быть избираемыми въ мѣстныя, а черезъ нихъ и въ государственную думу, предоставлялось исключительно *землевладѣльцамъ*. „Народъ рабочій имѣетъ общія права гражданскія, но не имѣетъ правъ политическихъ. Переходъ изъ сего класса всѣмъ отверзтъ, *кто пріобрѣлъ недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ* и исполнилъ повинности, коимъ обязанъ былъ по прежнему состоянію“. Подчеркнутыя нами строки показываютъ, что не только владѣльцы движимаго капитала *), но и мелкіе

ствовать во благо, и сила сія въ одномъ только злоупотребленіи ея должна быть умѣряема. Если источники законовъ поставить въ нѣкоторыхъ случаяхъ внѣ предѣловъ державной власти, тогда можетъ произойти безмѣрное въ видахъ разнообразіе и несвязность; тогда часто въ законодательномъ сословіи будетъ теряться время въ предложеніяхъ невмѣстныхъ или неблаговременныхъ... правительство можетъ быть поставлено въ непріятное положеніе отвергать или не давать своего утвержденія на такіе предметы, кои будутъ законодательнымъ сословіемъ приняты“.

*) „Домашніе слуги, ремесленные и рабочіе люди и подёнщики“, „хотя бы они и имѣли собственность, въ капиталахъ со-

земельные собственники не пользовались, по конституціи Сперанскаго, правомъ голоса: иными словами, что право это было предоставлено исключительно *помѣщикамъ*. Правда, что политическія права помѣщикъ пріобрѣталъ не въ силу своего дворянскаго происхожденія, а „не иначе, какъ на основаніи собственности“ *): но, во-первыхъ, тутъ не было ничего принципіально новаго, ибо безземельные дворяне и въ дворянскихъ выборахъ не участвовали. А во-вторыхъ, это была оговорка чисто теоретическая, ибо помѣщики не-дворяне составляли ничтожное исключеніе, и должны были еще надолго таковымъ остаться, такъ какъ дворянское землевладѣніе сохраняло, попрежнему, свою главную привилегію: за дворянствомъ оставалось „особенное право пріобрѣтать недвижимыя имѣнія населенныя, управляя ими по закону“. Трудно сказать, что имѣла въ виду послѣдняя оговорка: совершать беззаконные поступки надъ своими крестьянами помѣщики никогда не имѣли права. Вопросъ былъ въ томъ, какъ удержать въ границахъ закона полновластнаго владѣльца крѣпостныхъ людей—и на этотъ вопросъ конституція Сперанскаго не даетъ точнаго и яснаго отвѣта: съ одной стороны, какъ будто крестьянамъ предполагалось дать „общія права гражданскія“—къ „народу рабочему“, получавшему эти права, „причисляются всѣ *помѣстные крестьяне*, мастеровые, ихъ работники и домашніе слуги“. Съ другой стороны, мы видѣли, что принять „дѣйствительныя“ мѣры къ упраздненію крѣпостного права предполагалось лишь „постепенно“. А составленная исключительно изъ помѣщиковъ государственная дума едва ли очень хлопотала бы объ ускореніи хода этого дѣла. И въ этомъ пунктѣ планъ Сперанскаго оказывается такимъ же неискреннимъ и половинчатымъ, какъ и во всѣхъ другихъ.

Сперанскій предлагалъ ввести всѣ задуманныя учрежденія сразу, поставить все на одну карту. Расчетъ отдаленнаго предшественника гр. Витте былъ довольно правильный: дворянство, какъ мы уже видѣли, не представляло изъ себя сплоченной массы, въ него входили разные элементы, въ томъ числѣ и такіе, которые нашли бы выгоднымъ для себя поддержи-

стоящую“, права голоса не получаютъ. Исключеніе дѣлается лишь для крупныхъ торговцевъ и фабрикантовъ, „имѣющихъ капиталъ промышленности въ извѣстномъ количествѣ“.

*) Любопытно, что *дворянскую* конституцію Сперанскій обосновываетъ аргументами, обычными въ тогдашней *буржуазной* литературѣ. „Законъ составляется въ защиту лица и собственности. Слѣдовательно, положивъ право личное равнымъ, чѣмъ болѣе пріемлетъ участія въ собственности, тѣмъ естественно болѣе печется онъ о ея охраненіи. Сверхъ сего, самое пріобрѣтеніе собственности въ обыкновенномъ порядкѣ предполагаетъ разумъ и трудолюбіе... Слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія, что люди, имѣющіе собственность, всѣ безъ различія должны быть допускаемы къ участію въ правахъ политическихъ. (NS. Мы видѣли, что на практикѣ и это не такъ, и что „къ участію въ правахъ“ допускаются лишь крупные собственники. М. П.). Но если вмѣстѣ съ ними допустить къ сему участію и людей, собственности не имѣющихъ, тогда голосъ и сужденіе сихъ послѣднихъ по числу ихъ, безъ сомнѣнія, возьметъ перевѣсъ, и, слѣдовательно, всѣ избирательныя силы народа перейдутъ въ руки тѣхъ самыхъ, кои наименѣе въ добротѣ сихъ выборовъ имѣютъ участія и наименѣе способовъ къ ихъ усмотрѣнію“.

вать правительство. Съ этой точки зрѣнія очень характерно, что крупнѣйшій изъ идеологовъ высшей знати, Мордвиновъ, какъ разъ около 1809—1810 г. вновь выступилъ со своими проектами созданія въ Россіи пэрства, по англійскому образцу. И повидимому, эти проекты были встрѣчены благосклонно какъ императоромъ, такъ и его секретаремъ. Наиболѣе сознательный, хотя и наиболѣе опасный въ то же время, элементъ, такимъ образомъ, самъ предлагалъ свою поддержку. Что касается сѣрой дворянской массы, то за правительствомъ въ первую минуту, несомнѣнно, былъ бы перевѣсъ и матеріальной силы, и ума, и организаціи: четырехстепенные выборы давали возможность такъ подобрать составъ думы, какъ только желательно правительству, а отсутствіе иниціативы, фактическая безотвѣтственность министровъ и назначенный предсѣдатель заранѣе обезвреживали всякую оппозицію, которая могла бы тамъ оказаться. Но Александръ, видимо, не хотѣлъ сразу формально ограничивать свою власть, хотя бы на бумагѣ и только юридически: онъ смутно чувствовалъ, что съ дворянствомъ можно столковаться и не такой дорогой цѣной. Въ этомъ случаѣ чутье реальности спасло императора отъ ошибки, въ которую готова была вовлечь его слишкомъ прямолинейная логика его секретаря. Средство, которое онъ испробовалъ, было весьма нелогическое, какъ мы сейчасъ увидимъ—оно стояло даже въ вопіющемъ противорѣчіи съ логикой: но его оказалось достаточно въ данныхъ обстоятельствахъ. Изъ всего плана Сперанскаго Александръ рѣшилъ осуществить, въ видѣ задатка, одинъ государственный совѣтъ.

Собственно, кадры этого учрежденія уже были на лицо. Основанный при Екатеринѣ, влачившій самое жалкое существованіе при Павлѣ, государственный совѣтъ въ первую минуту новаго царствованія сыгралъ роль тріумфальной арки, черезъ которую прошелъ молодой императоръ во всемъ блескѣ новыхъ политическихъ идей. Ухватились за злосчастный павловскій совѣтъ, посадили туда людей „довѣренностью нашею и *общею* почтенныхъ“ и предоставили этимъ людямъ „утвердить силу и блаженство имперіи россійской на незыблемомъ основаніи закона“. Въ смыслѣ декораціи все это было очень прилично: но это была только декорація. Въ дѣйствительности, люди „довѣренностью общею почтенные“, были просто на просто старые чиновники, выслужившіеся при Екатеринѣ II и Павлѣ; въ глазахъ Александра и его друзей они никакимъ авторитетомъ не пользовались; государь почти не заглядывалъ въ свой „непремѣнный“ совѣтъ: за четыре года, до Аустерлица, онъ былъ въ немъ всего два раза, —да еще три раза подъ рядъ непосредственно послѣ Аустерлица. Важнѣйшія реформы этого періода — учрежденіе министерствъ, напримѣръ,—были введены совершенно помимо совѣта. Словомъ, разъ сыгравъ свою роль декораціи, „непремѣнный“ совѣтъ былъ сданъ въ архивъ и подъ конецъ занимался только разборомъ тяжебныхъ дѣлъ, возникавшихъ по прошеніямъ на высочайшее имя. Отъ него осталась, однако, форма: когда вновь зашла рѣчь о „публичныхъ установленіяхъ“,

этой формой рѣшили опять воспользоваться.

Проба была произведена довольно внезапно. Всего четыре лица, кромѣ Александра и Сперанскаго, знали о предполагаемой реформѣ государственнаго совѣта за мѣсяцъ до ея осуществленія; самъ Аракчеевъ узналъ о ней только накапунѣ и такъ обидѣлся, что немедленно же хотѣлъ выйти въ отставку. 31 декабря 1809 г. намѣченные императоромъ члены будущаго совѣта получили повѣстки, приглашавшія ихъ собраться на другой день въ одной изъ залъ Шепелевскаго дворца, гдѣ должно было помѣститься новое учрежденіе.

Въ 9 часовъ утра 1-го января явился туда Александръ и открылъ засѣданіе рѣчью, „какой никогда еще Россія не слышала съ высоты престола", говоритъ его новѣйшій историкъ. Въ сущности мы находимъ здѣсь уже хорошо знакомыя фразы, высказывавшія желаніе императора, „чтобы благосостояніе имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на постановленіяхъ". Но она была болѣе откровенна и болѣе обѣщала, нежели всѣ подобные манифесты прежняго времени. Александръ сказалъ, что онъ „давно чувствовалъ недостатокъ твердаго порядка въ дѣлахъ". „Одно личное дѣйствіе власти въ великомъ разнообразіи дѣлъ государственныхъ не можетъ сохранить единства". Императоръ признавался, такимъ образомъ, что порядка въ государствѣ мало, и что онъ, своими единоличными усиліями, не берется его возстановить. „Порядокъ и единообразіе дѣлъ государственныхъ требуютъ, чтобы было одно средоточіе для общаго ихъ соображенія", и этимъ средоточіемъ должно быть установленіе, а не лицо. „Лица умираютъ, одни установленія живутъ и въ теченіе вѣковъ охраняютъ основанія государствъ". Этимъ средоточіемъ и будетъ вновь учреждаемый совѣтъ, „установленіе непремѣнное и къ самому существу имперіи принадлежащее".

Эту послѣднюю фразу многіе современники поняли такъ, что государственный совѣтъ есть учрежденіе, обязательное для самой верховной власти, что государь, если бы и захотѣлъ, не можетъ его уничтожить. Согласно этому пониманію, совѣтъ въ ряду учрежденій занимаетъ будто бы такое же мѣсто, какъ законъ Павла о престолонаслѣдіи въ ряду законовъ. Но сами русскіе государи вовсе не смотрѣли такъ на дѣло: совѣтъ еще при Александрѣ успѣлъ нѣсколько измѣнить свое положеніе, при Николаѣ оно измѣнилось еще болѣе, и ни тогда, ни послѣ онъ вовсе не являлся *необходимымъ* сотрудникомъ государя во всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Въ совѣтѣ больше, нежели въ какомъ бы то ни было изъ нашихъ центральныхъ учрежденій нужно различать временное и случайное отъ постояннаго и нормальнаго. Въ 1810 г. совѣтъ былъ пробной конституціей: этимъ прежде всего и объясняются особенности его первоначальнаго устройства. Въ его компетенцію входило, прежде всего, *законодательство*: ни одинъ новый законъ не будетъ изданъ, ни одинъ старый не будетъ отмѣненъ безъ согласія совѣта. Всякое толкованіе закона въ случаѣ его неясности, всѣ болѣе крупныя мѣры исполнительнаго характера также идутъ черезъ

Гр. Ѳ. В. Растопчинъ.

Julius Sittenfeld. Berlin

совѣтъ. „Ежегодныя смѣты общихъ государственныхъ приходовъ и расходовъ, способы ихъ уравненія, назначеніе новыхъ издержекъ... всѣ чрезвычайныя финансовыя мѣры", словомъ, *бюджетъ* также обсуждается совѣтомъ. Сюда представляются отчеты всѣхъ министерствъ. Наконецъ, важнѣйшіе факты внѣшней политики, объявленіе войны, заключеніе мира, предварительно обсуждаются въ совѣтѣ.

Словомъ, совѣту предоставлялось все то, что въ конституціонныхъ государствахъ предоставляется собранію народныхъ представителей. Но отъ этихъ собраній совѣтъ очень отличался—своимъ составомъ. Въ совѣтѣ не было членовъ ни по избранію, ни по праву рожденія, а *только по назначенію государя*. Даже члены императорской фамиліи становились членами совѣта не иначе, какъ по спеціальному назначенію. Притомъ, эти назначенные государемъ совѣтники присутствуютъ въ совѣтѣ только, пока этого желаетъ государь: члены совѣта не несмѣняемы, они могутъ быть уволены въ отставку, какъ и всякіе другіе чиновники.

Парламентъ по назначенію... Про сенатъ Петра В. наши историки-юристы любили говорить—и совершенно несправедливо—что это было нѣчто „неслыханное и невиданное". Съ полнымъ правомъ это можно было бы сказать о государственномъ совѣтѣ, созданномъ Александромъ Павловичемъ. Зачѣмъ понадобилось такое странное учрежденіе тогдашнему правительству? Отвѣтъ на это далъ самъ его организаторъ, Сперанскій, въ первомъ же всеподданнѣйшемъ отчетѣ о дѣятельности государственнаго совѣта,—отвѣтъ, поражающій своею до цинизма доходящею откровенностью. „Есть мѣры", говоритъ онъ здѣсь, „кои одно лицо, даже и всемогущее, не можетъ или не должно принимать на свою отвѣтственность: таковы подати и налоги. Несвойственно и неприлично верховной власти представляться въ видѣ непрерывной нужды и умножать народныя тягости. Пусть разсчитываютъ ихъ министры, *присуждаетъ совѣтъ*, а государь долженъ только прилагать къ нимъ печать. Бываютъ и могутъ быть положенія критическія, въ коихъ тяжесть сія должна быть нарочито увеличена. Таковъ есть случай войны. Здѣсь государь долженъ защищать отечество, а дѣло его совѣта есть измѣрять и налагать мѣру частныхъ пожертвованій. *Совѣтъ долженъ въ нихъ отвѣтствовать, сколько бы они ни казались чрезмѣрными*".

Итакъ, совѣтъ 1810 года былъ попыткой создать учрежденіе, которое раздѣлило бы съ государемъ отвѣтственность въ критическую минуту. Въ случаѣ, если бы попытка оказалась удачной, если бы общество отнеслось съ сочувствіемъ къ новому учрежденію, оно могло бы быть расширено,—рядомъ съ совѣтомъ явилась бы государственная дума. Выраженіемъ общественнаго мнѣнія и была записка Карамзина „О древней и новой Россіи": изъ нея можно было убѣдиться, что дворянское общество по прежнему гораздо больше занято неприкосновенностью соціальнаго строя, нежели усовершенствованіемъ политическаго. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ очень вѣрно охарактеризовалъ записку Карамзина, сказавъ, что это была компиляція

изъ всѣхъ разговоровъ, какіе авторъ слышалъ вокругъ себя. Карамзинъ далъ программу „средняго дворянина“, точно такъ же, какъ Воронцовъ далъ въ свое время программу русскихъ „монаршистовъ“ изъ придворной знати. Тѣмъ любопытнѣе сравнить эти двѣ программы: насъ поразитъ чрезвычайно рѣзкій контрастъ. Воронцовъ и его товарищи видѣли все спасеніе въ учрежденіяхъ; источникъ всякаго зла, по ихъ мнѣнію, заключался въ управленіи посредствомъ лицъ. Карамзинъ, повидимому, не представляетъ себѣ иного управленія, кромѣ личнаго: лицо для него все, учрежденія ничто. Главное заблужденіе Сперанскаго,—на котораго, не называя его по имени, онъ намекаетъ довольно ясно—„излишнее уваженіе къ *формамъ* государственной дѣятельности“. Формы сами по себѣ ничего не значатъ: слѣдуетъ „искать людей“. „Сіе искусство избирать людей и обходиться съ ними есть первое для государя россійскаго: безъ сего искусства тщетно будетъ искать народнаго блага въ органическихъ уставахъ!“ Министерство и совѣтъ могутъ быть полезны только въ томъ случаѣ, если ихъ будутъ составлять „мужи, знаменитые разумомъ и честію“. Въ послѣднемъ словѣ можно, пожалуй, видѣть еще слабый отголосокъ широкой и стройной аристократической теоріи кн. Щербатова: но это только отголосокъ. Все мѣстное управленіе, которымъ особенно дорожили дворяне, строится на личномъ принципѣ, упрощенномъ почти до той степени, какую онъ имѣлъ при Павлѣ. Все дѣло будетъ сдѣлано, если удастся найти 50 хорошихъ губернаторовъ: они обуздаютъ корыстолюбіе чиновниковъ, укротятъ жестокихъ господъ, возстановятъ правосудіе, успокоятъ земледѣльцевъ, ободрятъ купечество и промышленность, сохранятъ пользу казны и народа. „Хорошій губернаторъ“ долженъ быть ходячимъ провидѣніемъ, и притомъ не столько милостивымъ, сколько грознымъ. „Страхъ гораздо дѣйствительнѣе, гораздо обыкновеннѣе всѣхъ иныхъ побужденій для смертныхъ“. „Строгость, безъ сомнѣнія, непріятна для сердца чувствительнаго“, но безъ нея не обойдешься. Необходимы „грозные указы“, и гроза надъ тѣми, кто долженъ слѣдить за исполненіемъ этихъ указовъ: нужно строго смотрѣть за судьями. „Спасительный страхъ долженъ имѣть вѣтви“: пусть каждый начальникъ отвѣчаетъ за подчиненныхъ. Терроръ сверху единственное средство обезпечить благонадежность администраціи: приведенныя выше психологическія основанія этой системы Карамзинъ подкрѣпляетъ авторитетомъ Макіавелли. И нужно признать, что въ презрѣніи къ человѣку русскій историкъ нисколько не уступаетъ итальянскому мыслителю. „Не должно позволять“, говоритъ онъ, „чтобы кто-нибудь въ Россіи смѣлъ торжественно представлять лицо недовольнаго... Дайте волю людямъ, они засыплютъ васъ пылью. Скажите имъ слово на ухо — они лежатъ у ногъ вашихъ“.

Часто думаютъ, что Карамзинъ, презирая подданныхъ, уважалъ зато власть, повелѣвавшую этими „лѣнивыми и лукавыми“ рабами. Но это совершенно ошибочно,—его психологія гораздо послѣдовательнѣе. И для власти единственная узда все тотъ

же всеспасающій страхъ: учрежденія, въ качествѣ сдержекъ этой власти, ни къ чему не ведутъ. Ходячая мысль XVIII вѣка, что „не персоны должны управлять закономъ, а законъ персонами“, что законъ долженъ быть выше минутнаго проявленія личной воли хотя бы и самодержавнаго государя, это общее мѣсто нашихъ дворянскихъ либераловъ щербатовской школы кажется Карамзину новостью, смѣшной, но и небезопасной въ то же время. „Кому дадимъ право блюсти неприкосновенность закона?“ спрашиваетъ онъ. „Сенату ли? совѣту ли? кто будутъ члены ихъ? выбираемые государемъ или государствомъ? Въ первомъ случаѣ они—угодники царя; во второмъ—захотятъ спорить съ нимъ о власти: вижу аристократію, а не монархію. Далѣе, что сдѣлаютъ сенаторы, когда монархъ нарушитъ уставъ? Представятъ о томъ его величеству? А если онъ 10 разъ посмѣется надъ ними, объявятъ ли его преступникомъ? Возмутятъ ли народъ? Всякое доброе русское сердце содрогнется отъ сей мысли. Двѣ власти государственныя въ одной державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, а право безъ власти есть ничто“... Всякая попытка ограничить власть государя учрежденіями—только „мудрованія ученическія“, которыя нужно оставить: но это не значитъ, чтобы Карамзинъ былъ противникомъ всякаго ограниченія власти. „Правила, мысли народныя лучше всѣхъ бренныхъ формъ удержатъ будущихъ государей въ предѣлахъ законной власти; чѣмъ? *страхомъ возбудить всеобщую ненависть въ случаѣ противоположной системы царствованія*“.

Какъ видимъ, Карамзинъ принимаетъ систему Павла Петровича со всѣми его послѣдствіями: доброе русское сердце, содрогавшееся при одной мысли о бунтѣ народа, очень хладнокровно принимало дворцовый переворотъ, почти какъ нормальную мѣру „обузданія“ будущихъ государей „въ злоупотребленіяхъ власти“. Это очень далеко отъ того монархическаго легитизма, какой обыкновенно приписываютъ Карамзину: но зато это очень сближаетъ русское дворянство начала XIX вѣка съ предшествующимъ поколѣніемъ. Своеобразная конституція, основанная на взаимномъ страхѣ государя и подданныхъ, вовсе не была личнымъ изобрѣтеніемъ Карамзина: Іоаннъ VI, Петръ III и Павелъ Петровичъ были готовыми образчиками для того, кто хотѣлъ теоретизировать на этой почвѣ. Проекты „монархической“ конституціи и были попыткой сдѣлать шагъ впередъ отъ этой первобытной системы къ болѣе совершеннымъ формамъ политической жизни,—отъ „деспотіи“, какъ ее понималъ Монтескье, къ „монархіи“. Для Щербатова, Воронцова, Мордвинова, деспотія была пройденной ступенью: для Карамзина это было послѣднее слово политической мудрости.

Было бы совершенно напрасно объяснять такой поворотъ вправо реакціей національнаго чувства, какъ это иногда дѣлаютъ. Наполеоновскія войны, говорятъ, привили русскому дворянству любовь къ своему и отвращеніе къ иноземному: за разговоръ на французскомъ языкѣ въ гостиныхъ брали штрафъ и даже пытались замѣнить шляпки кокошниками. Но дальше этихъ дѣтскихъ проявленій показнаго патріотизма дѣло никогда не шло: въ интимномъ кругу, гдѣ не

передъ кѣмъ было рисоваться, продолжала господствовать болѣе удобная и привычная французская рѣчь, а патріотическія восклицанія часто обдумывались на французскомъ языкѣ и только потомъ переводились на русскій: извѣстно, что и патріотическое предисловіе къ „Исторіи Государства Россійскаго“ было сначала набросано по-французски. Въ запискѣ „О древней и новой Россіи“ не мало патріотическихъ фразъ, но едва авторъ переходитъ изъ области общихъ мѣстъ на дѣловую почву, какъ сейчасъ же оказывается во власти тѣхъ западныхъ, преимущественно французскихъ образцовъ, какіе онъ привыкъ копировать съ дѣтства. „Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное государство около тысячи лѣтъ“, съ паѳосомъ восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, „для того ли около ста лѣтъ трудятся надъ сочиненіемъ своего полнаго Уложенія, чтобы торжественно предъ лицомъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную въ Парижѣ шестью или семью экс-адвокатами и экс-якобинцами?“ Такое негодованіе вызываетъ въ Карамзинѣ одно подозрѣніе, что Сперанскій въ своемъ уложеніи, — еще не опубликованномъ, — хочетъ сдѣлать заимствованія изъ наполеоновскаго Кодекса. Но возьмите административный идеалъ самого Карамзина, его „хорошаго губернатора“ и вы увидите весьма точную копію наполеоновскаго префекта, представителя императорскаго абсолютизма въ департаментѣ, во все вмѣшивающагося и за всѣмъ слѣдящаго. И всего дальше этотъ Карамзинскій идеалъ отъ того „національнаго“ административнаго образца, который онъ такъ одобрялъ, отъ екатерининскаго губернатора, гостепріимнаго хозяина губернскаго дворянскаго общества, въ которомъ онъ былъ не столько начальникомъ, сколько „первымъ дворининомъ въ губерніи“.

Если искать „національной“ подкладки въ политическомъ міросозерцаніи Карамзина, то ее придется найти не въ области политическихъ формъ, — эти формы, какъ и всякія другія въ то время, всегда были заимствованныя. „Національнымъ“ былъ тотъ соціально психологическій субстратъ, которымъ въ сознаніи русскаго дворянина начала XIX в. окрашивались всѣ формы. Этотъ субстратъ давало крѣпостное право и крѣпостная вотчина со всѣми ея порядками. Въ своей запискѣ Карамзинъ съ великимъ трудомъ и, очевидно, нехотя признается, что крѣпостное право есть зло. Нужно прочесть его переписку съ бурмистромъ его деревни, чтобы представить себѣ, какъ серьезно понималъ онъ свои господскія права и какъ искренно онъ вѣрилъ въ свое помѣщичье призваніе. Мы приведемъ отрывокъ изъ одного письма, очень извѣстнаго, но слишкомъ яркаго, чтобы его можно было опустить. „Пишешь ты ко мнѣ, бурмистръ, что, хотя и приказалъ я женить крестьянскаго сына Романа Осипова на дочери бывшаго повѣреннаго Архипа Игнатьева, но міромъ крестьяне того не приказали: кто же изъ васъ смѣетъ противиться господскимъ приказаніямъ? Думаю, что это по глупости вашей, и для того вамъ на сей разъ спускаю, но снова приказываю вамъ непремѣнно женить упомянутаго Романа на дочери Архиповой и не отдавать его въ рекруты.

А если впередъ осмѣлится міръ не исполнить въ точности моихъ предписаній, то я не оставлю сего безъ наказанія. Всякія господскія повелѣнія должны быть святы для васъ: *я вамъ отецъ и судья.* Мое дѣло знать, что справедливо и для васъ полезно... Кликушамъ объявить моимъ господскимъ именемъ, чтобы онѣ унялись и перестали кликать. Если же не уймутся, то приказываю тебѣ высѣчь ихъ розгами, ибо это обманъ и притворство"...

Присмотрѣвшись къ этимъ домашнимъ порядкамъ русскаго дворянина Александровской эпохи, мы ясно увидимъ, гдѣ этотъ дворянинъ нашелъ свой—уже дѣйствительно національный—идеалъ государственнаго устройства. Государь—провидѣніе, посредствомъ страха управляющій своими рабами-подданными, это увеличенный въ милліонъ разъ и нѣсколько—очень мало — идеализованный глава большого крѣпостного хозяйства. Русскій національнзмъ Карамзина на провѣрку оказывается соціальнымъ консерватизмомъ: старыя политическія формы должны были обезпечить старый общественный строй. А у дворянства какъ разъ въ эту минуту были основанія опасаться за цѣлость этого послѣдняго.

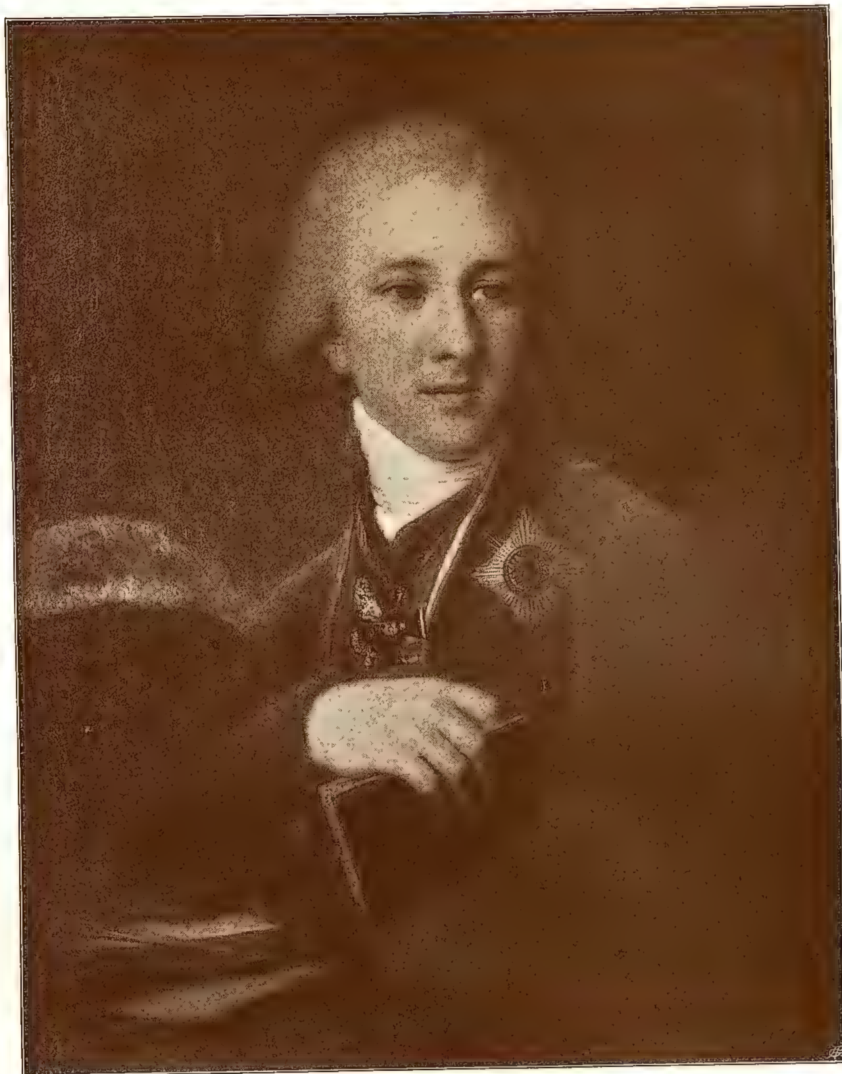
Конституціонные проекты Сперанскаго были мало кому извѣстны, а во всѣхъ подробностяхъ ихъ не зналъ почти никто. По примѣру первыхъ лѣтъ царствованія, грядущую политическую свободу Россія до поры до времени держала подъ покровомъ непроницаемой тайны. Зато на глазахъ у всѣхъ были нѣкоторые акты правительства, въ глазахъ императора и его секретаря, вѣроятно, не имѣвшіе принципіальнаго значенія, но страшно взволновавшіе и безъ того подозрительно настроенное дворянство. Во-первыхъ, массу толковъ въ обществѣ вызвали указы 3 апрѣля и 6 августа 1809 года. Первый изъ этихъ указовъ отнялъ служебныя преимущества у придворныхъ званій, камеръ-юнкера и камергера. До тѣхъ поръ эти званія давали право и на соотвѣтствующіе чины, а чинъ давалъ право и на соотвѣтствующую крупную должность. Теперь эти званія сохранили только почетное значеніе: чинъ, а вмѣстѣ съ нимъ и право на должность нужно было пріобрѣтать дѣйствительной службой. Разницу легко себѣ представить, если припомнить, что званіе камеръ-юнкера давалось сплошь и рядомъ нигдѣ не служившимъ 18-ти лѣтнимъ мальчикамъ. А чтобы получить чинъ V класса, нужно было долго служить и, кромѣ того, по указу 6 августа, или имѣть университетскій дипломъ или сдать соотвѣтствующій экзаменъ. Цѣль указа, по всей вѣроятности, состояла только въ томъ, чтобы поднять образовательный уровень высшаго чиновничества. Но на практикѣ эта мѣра почти исключала дворянство отъ высшихъ должностей на гражданской службѣ. Въ то время дворяне почти не шли въ университетъ, не по ненависти къ просвѣщенію, а въ силу тогдашняго обычая начинать службу въ 15—16 лѣтъ, когда университетскій курсъ только что начинался. Начавъ пятнадцати лѣтъ въ военной, къ 23—24 годамъ молодой дворянинъ добирался уже до штабъ-офицерскихъ чиновъ и, перейдя въ штатскую службу, сразу попадалъ опять-таки на высшія мѣста. Тѣ,

кто не имѣлъ возможности, по своимъ связямъ, дѣлать придворную карьеру, шли этимъ путемъ: теперь и онъ былъ закрытъ.

Другой мѣрой, взволновавшей дворянство, былъ налогъ на доходы съ помѣщичьихъ имѣній. Вѣроятно, и тутъ имѣлась въ виду ближайшая практическая цѣль — пополнить пустѣвшую казну, привлекши постепенно къ обложенію самый зажиточный классъ населенія. Сначала налогъ былъ введенъ въ видѣ опыта на одинъ годъ, потомъ продленъ и на слѣдующій. Чтобы ослабить впечатлѣніе, онъ былъ распространенъ и на имѣнія императорской фамиліи, удѣльныя; къ тому же доходъ, съ котораго брали извѣстную часть, предоставлялось добровольно объявлять помѣщикамъ, такъ что фактически они платили, сколько хотѣли. Но тутъ важенъ былъ принципъ: подати дворяне платили всегда, но за своихъ крестьянъ, теперь они должны были платить хотя ничтожную сумму, но за себя лично. Встревоженному воображенію это казалось началомъ конца дворянскихъ привилегій, и ненависть къ тому, кто былъ главнымъ представителемъ новой политики, доходила до безумія. „Близъ него мнѣ казалось“ пишетъ одинъ современникъ, „что я слышу сѣрный запахъ, и въ голубыхъ очахъ его вижу пламя подземнаго міра“. Когда Сперанскій палъ, то удивлялись не ссылкѣ человѣка, вины котораго никто не зналъ, а тому, что такого злодѣя не казнили.

Вторая попытка реформъ Александра I намѣтила ту группировку русскаго помѣстнаго дворянства, которая осталась характерной для всего XIX вѣка, — которая въ существенныхъ чертахъ держится и понынѣ. Налѣво стояла небольшая группа новаторовъ, — соціальный мостъ между умиравшей феодальной аристократіей и новорожденной буржуазіей. Это была группа прогрессивныхъ хозяевъ, „читавшихъ Адама Смита“, хотя и понимавшихъ его довольно своеобразно, и „любившихъ представительныя учрежденія“, какъ любилъ ихъ — по его словамъ — императоръ Александръ Павловичъ. Но, какъ и у Александра, любовь къ „народной свободѣ“ была у нихъ довольно платонической: они такъ мало были склонны къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ ради завоеванія этой свободы, что едва ли ихъ можно было бы назвать даже умѣренной оппозиціей. Только грубое торжество противоположнаго направленія могло превратить на время наиболѣе молодыхъ и горячихъ изъ нихъ въ политическихъ заговорщиковъ: но и тутъ они, въ сущности, не вышли за предѣлы дворцоваго заговора въ стилѣ XVIII вѣка; дѣло велось попрежнему только между „порядочными людьми“, и заговорщики вовсе не думали поднимать народныя массы на завоеваніе „народной свободы“. Притомъ, тотчасъ же послѣ пораженія они быстро раскаялись и начали выдавать другъ друга своему врагу съ поспѣшностью, которая теперь, при чтеніи ихъ показаній, вызываетъ странное чувство *). Дворянскіе либералы начала XIX вѣка еще не были увѣрены въ своей правотѣ: тѣмъ труднѣе имъ было бороться съ консервативной частью помѣщичьяго класса, далеко болѣе многочисленной. Эта группа и въ своемъ хозяйствѣ и въ своей поли-

*) См. ниже, главу о декабристахъ.

А. Ө. Лабзинъ.

6

Julius Sittenfeld, Berl

тической идеологіи твердо стояла на почвѣ традиціи. Приспособляясь къ новымъ условіямъ рынка, она не прочь была увеличить на два—на три дня въ недѣлю барщину своихъ крѣпостныхъ. Отстаивая свои мѣстные интересы, она не прочь была „дѣлать встрѣчу" петербургскому чиновничеству и „ставить на свое мѣсто" черезчуръ зазнавшагося губернатора. Но она инстинктивно чувствовала, что полицейскій произволъ есть лучшая гарантія крѣпостного хозяйства въ его традиціонной формѣ—и что всякія экономическія новшества въ концѣ концовъ должны ускорить разрушеніе этого хозяйства. Поэтому, какъ попытки выписывать машины изъ-за границы, такъ и попытки пересадить къ намъ, хотя бы на бумагѣ, заграничные образцы государственной жизни, одинаково вызывали въ ней къ себѣ самое скептическое отношеніе.

Александръ, какъ мы видѣли, угадывалъ эту психологію своего дворянства съ самаго начала—почему и воспротивился немедленному введенію сразу всей конституціи, сочиненной его секретаремъ. Записка Карамзина окончательно раскрыла ему глаза. Представитель личнаго управленія вовсе не былъ лично заинтересованъ въ замѣнѣ „персонъ" „мѣстами". Внѣшняя политика, все болѣе и болѣе привлекавшая къ себѣ его вниманіе, какъ разъ требовала концентраціи всѣхъ силъ страны въ рукахъ одного лица. Притомъ, элементарное благоразуміе диктовало этому лицу—не ссориться съ руководящими слоями населенія, а поддерживать къ нимъ добрыя отношенія. Если разговоры съ Карамзинымъ и Мордвиновымъ, и общеніе съ „молодыми друзьями" въ свое время могли ему внушить нѣкотораго рода „конституціонныя иллюзіи" насчетъ русскаго дворянства, то теперь отъ нихъ не осталось и слѣда.

Участь Сперанскаго и его плановъ была этимъ рѣшена безповоротно: его отставка и отказъ отъ его плановъ стали на очередь сами собою. Не такъ легко объяснить себѣ форму этой отставки—неожиданное превращеніе перваго министра въ политическаго ссыльнаго безъ всякой, повидимому, дѣйствительно „политической" причины. Самъ Александръ признавался одному изъ друзей своей молодости, Новосильцеву, что онъ не считаетъ Сперанскаго измѣнникомъ: „Въ дѣйствительности *онъ виноватъ только противъ одного меня,* виноватъ тѣмъ, что заплатилъ за мою довѣренность и дружбу самой черной, самой ужасной неблагодарностью", говорилъ императоръ всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ 17 марта 1812 г. Ключъ къ катастрофѣ приходится искать, такимъ образомъ, въ личныхъ отношеніяхъ Александра и его секретаря, и ссылка Сперанскаго была не столько опалой государственнаго человѣка, планы котораго рушились, сколько барской расправой съ недостаточно „преданнымъ" слугой...

Война 12-го года окончательно закрѣпила это политическое раздвоеніе дворянства. „Лѣвая" дворянская молодежь почти безъ исключенія была въ арміи; съ арміей она побывала за границей, прикоснулась непосредственно къ тѣмъ источникамъ, которые и раньше всегда питали русское общественное міросозерцаніе,—и вернулась еще „лѣвѣе", чѣмъ ушла въ

походъ. Но война въ то же время гораздо больше укрѣпила позицію правой группы, чѣмъ лѣвой. Вопреки увѣреніямъ шовинистовъ всѣхъ странъ насчетъ якобы „возвышающаго и укрѣпляющаго“ вліянія „борьбы за отечество“, всякая война, прежде всего другого, принижаетъ и развращаетъ, будя низшіе, отнюдь не высшіе, инстинкты и склонности. Прогрессивное значеніе войны заключается въ томъ, что она страшно ускоряетъ процессъ разложенія стараго и отжившаго: Россія уже четвертый разъ испытываетъ на себѣ дѣйствіе этого эмпирическаго закона. Въ первый разъ она столкнулась съ нимъ послѣ 12-го года—въ заговорѣ декабристовъ; второй разъ послѣ Крымской войны—въ реформахъ 60-хъ годовъ, третій разъ послѣ восточной войны 1877—78 гг.—въ революціи народовольцевъ, и, наконецъ, четвертый разъ теперь, послѣ русско-японской войны.

Въ широкомъ смыслѣ, и петровская реформа была результатомъ войнъ XVII вѣка. Въ частности, „отечественная“ война, вызванная жизненными потребностями нарождавшагося русскаго капитализма, не могшаго, въ концѣ концовъ, помириться съ континентальной блокадой, сама двинула впередъ дальнѣйшее развитіе этого капитализма. Колоссальные подряды, развитіе обрабатывающей промышленности на почвѣ обильныхъ казенныхъ заказовъ, наконецъ, прямо матеріальное разрушеніе массы помѣщичьихъ хозяйствъ, способствовавшее ихъ экономической реорганизаціи, какъ пожаръ „способствовалъ украшенію“ Москвы—все это были, конечно, прогрессивные толчки военныхъ событій. Но совсѣмъ не прогрессивнымъ было созданное ими настроеніе. Если мы возьмемъ записки людей, переживишихъ двѣнадцатый годъ, то мы найдемъ въ нихъ множество высокомѣрно-патріотическихъ фразъ: но дѣйствительнаго подъема даже національнаго чувства, — этой примитивнѣйшей формы общественной солидарности—мы почти не встрѣтимъ нигдѣ, кромѣ арміи. Поражаетъ, напротивъ, полное равнодушіе провинціи къ тому, что происходило на театрѣ войны: мѣстныя дворянскія общества, „пожертвовавъ“ въ ратники своихъ крестьянъ (съ зачетомъ ихъ въ рекруты, конечно), считали себя совершившими въ предѣлахъ земныхъ все земное и ограничивали свое участіе въ дѣлѣ чтеніемъ газетъ и разговорами о передававшихся послѣдними событіяхъ. Въ ополченскіе офицеры шла или очень зеленая молодежь, или люди, недавно оставившіе военную службу—а больше молодые люди изъ недворянскаго круга, мелкіе чиновники, напримѣръ, которымъ льстила возможность хотя короткое время пощеголять въ офицерскихъ эполетахъ. Дворяне посолиднѣе спѣшили пристроиться къ болѣе серьезнымъ мѣстамъ, въ комитетъ по сбору пожертвованій, напримѣръ. Кто становился во главѣ ополченскихъ дружинъ, тотъ старался сдѣлать и изъ этого серьезное дѣло. Вигель разсказываетъ въ своихъ запискахъ объ одномъ такомъ командирѣ, бывшемъ гвардейскомъ офицерѣ, котораго товарищи попросили оставить полкъ за слишкомъ счастливую игру въ карты. Этотъ господинъ пришелъ къ очень остроумной мысли — содержать своихъ ратниковъ насчетъ

тѣхъ деревень, гдѣ были они расквартированы, а деньги, отпускавшіяся на ихъ содержаніе казной, оставлять въ экономіи своего кармана. Подъ конецъ ратники съѣли все, что было у несчастныхъ крестьянъ, и стали „бунтовать“, т. е. просили ѣсть. Только такимъ путемъ и раскрылось это дѣло—бывшее, по увѣренію Вигеля, далеко не единичнымъ случаемъ. Но пензенское дворянство, какъ видно изъ тѣхъ же записокъ, не брезговало и другими средствами наживаться отъ общей бѣды. Съ помѣщиковъ центральныхъ губерній, которые искали въ Пензѣ убѣжища отъ французовъ, брали за квартиры такія деньги, что сами хозяева, называя цѣну, чувствовали нѣкоторую неловкость. Нужно впрочемъ прибавить—въ ихъ оправданіе—что бѣжавшіе отъ французовъ патріоты вовсе не особенно страдали. Особенно москвичи, всегда богатые помѣщики, жили на новыхъ мѣстахъ съ полнымъ комфортомъ, потому что у всѣхъ почти были деревни въ разныхъ углахъ Россіи, и доходы изъ мѣстностей, не занятыхъ непріятелемъ, поступали съ обычной исправностью. Между ними были даже семейства „увеселительныя“, какъ выражается нашъ авторъ, значительно оживившія пензенское общество. Правда, первое время трауръ по Москвѣ мѣшалъ веселиться слишкомъ открыто: баловъ не было. Извѣстіе объ отступленіи Наполеона сняло запретъ: по такому случаю нельзя было не потанцовать, и затѣмъ уже веселье не прекращалось. Вигель насчитываетъ по 4 бала въ недѣлю,— большихъ, не считая мелкихъ вечеринокъ. Никогда въ Пензѣ не танцовали такъ много и съ такимъ увлеченіемъ, какъ въ эту страшную зиму.

Двѣнадцатый годъ имѣлъ для русскаго помѣщичьяго общества тѣ же послѣдствія, что и всякое серьезное жизненное испытаніе.

Меньшинство закалилось: большинство стало болѣе „трезвымъ“,—дымка сантиментальности слетѣла и обнаружились тѣ хищническіе инстинкты, которые составляютъ жизненную сущность всякаго феодала. Это „отрезвленіе“, ликвидацію мечтаній юности и пробужденіе хищническаго эгоизма, мы можемъ всего детальнѣе изучить на первомъ помѣщикѣ Россіи,—императорѣ Александрѣ Павловичѣ. Либеральныя фразы, даже, если хотите, либеральныя теоріи остались. Но онѣ отодвинулись на задній планъ—на авансцену выступили заботы о ближайшемъ, о своей „собственности“, какъ называлъ теперь бывшій „гражданинъ своего отечества“ свою страну и подданныхъ. Мы слышимъ громкія фразы о возстановленіи завоеванной имъ Польши, о благѣ польскаго народа; но посмотрите, какъ безцеремонно кромсаетъ этихъ „возлюбленныхъ подданныхъ“ ихъ благодѣтель, набрасывая въ черновой запискѣ программу своего дипломатическаго похода. „Россіи—герцогство Варшавское.—Въ худшемъ случаѣ я согласенъ уступить только Познань до линіи, идущей отъ Торна до Пейзерна и оттуда вдоль Просны до силезской границы, и Кульмскій округъ до Древенца, за исключеніемъ района вокругъ Торна...“ „Вы располагаете всѣми средствами, чтобы удовлетворить пруссаковъ“, говоритъ ему Талейранъ. „Это какимъ образомъ?“ — „Удѣливъ имъ

что-нибудь побольше изъ Польши".— „Вы предлагаете мнѣ странный способъ: вы хотите, чтобы я пожертвовалъ собственностью и имъ отдалъ". Если этой „собственности" онъ далъ конституцію—то, вѣдь, не нужно забывать, что и просвѣщенные помѣщики XVIII в. не чуждались „конституціоннаго образа правленія" для своихъ вотчинъ. Причемъ, конечно, конституція давалась хотя и подданнымъ, но не *для* подданныхъ, а въ интересахъ ихъ владѣльца. „Вы постараетесь", писалъ Александръ Чарторыйскому передъ открытіемъ польскаго сейма,... „чтобы ходъ правительства и реформъ, которыя ему поручено произвести, были согласны съ моими воззрѣніями". А если конституція на практикѣ оказывалась неудобной для владѣльца, то никому не приходило въ голову особенно съ нею церемониться. Польскую конституцію Александръ „съ перваго же года самъ началъ нарушать и ограничивать", по словамъ фонъ-Визина *).

Такъ обращались съ Польшей, которая, въ качествѣ страны просвѣщенной и притомъ присоединенной вновь—ее еще нужно было къ себѣ привязать—пользовалась извѣстными привилегіями, возбуждавшими зависть коренныхъ подданныхъ императора. Съ самой Россіей церемонились еще менѣе. „Строгость" говорилъ Александръ, „причиною, что наша армія есть самая храбрая и прекрасная". „Во все время пребыванія нашего въ Парижѣ часто дѣлались парады", пишетъ одинъ современникъ, „такъ что въ Парижѣ солдату было болѣе трудовъ, чѣмъ въ походѣ". „Побѣдителей морили голодомъ и держали какъ бы подъ арестомъ въ казармахъ", прибавляетъ къ этимъ словамъ историкъ Александра I, Шильдеръ. „Но такое обращеніе съ солдатомъ вызвало весьма печальное явленіе: оно склонило ихъ къ побѣгамъ, такъ что при выступленіи нашемъ изъ Парижа множество изъ нихъ осталось во Франціи". То же повторилось и при второмъ французскомъ походѣ 1815 года. Во время вторичнаго вступленія въ Парижъ, „при церемоніальномъ маршѣ случилась бѣда: три полка сбились съ ноги, за что полковые командиры арестованы, къ общему огорченію русскихъ. Вообще, большія строгости въ арміи вызвали неудовольствіе и даже частые побѣги, подобно тому, какъ это имѣло уже мѣсто въ 1814 году; государь повелѣлъ тогда графу Нессельроде снестись съ французскимъ правительствомъ, чтобы „оно запретило укрывать бѣглецовъ и выдавало ихъ намъ". Полицейскій сыскъ былъ единственной мѣрой, которой отвѣтилъ Александръ на участившееся дезертирство: что касается основной причины этого явленія, она осталась неприкосновенной. По возвращеніи въ Петербургъ, „государь сдѣлался болѣе взыскательнымъ и строгимъ въ отношеніи къ военной дисциплинѣ; запрещено было офицерамъ носить гражданское платье и приказано обращать вниманіе на строжайшее соблюденіе установленной формы въ одеждѣ" (Шильдеръ).

Наиболѣе мрачнымъ памятникомъ этой „строгости" остались въ воспоминаніи русскаго общества военныя поселенія. Въ настоящее время не

*) „Общественныя движенія въ Россіи", стр. 179.

7

Архимандритъ Фотій.

(Историческій музей въ Москвѣ).

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

можетъ быть сомнѣнія, что ихъ совершенно напрасно приписывали творчеству Аракчеева. На самомъ дѣлѣ, творцомъ этой новой каторги былъ гуманный воспитанникъ Лагарпа. Объ этомъ догадывались уже современники,—вполнѣ правильно при этомъ истолковывая мотивы, руководившіе Александромъ. „Всего вѣроятнѣе", пишетъ фонъ-Визинъ, „что, желая первенствовать въ Европѣ, онъ (императоръ) самъ придумалъ ее (мысль о военныхъ поселеніяхъ), чтобы сколько возможно болѣе умножить свои военныя силы съ меньшими издержками для казны. Въ придуманномъ имъ планѣ военной колонизаціи волости цѣлыхъ уѣздовъ изъ государственныхъ крестьянъ поступали въ военное вѣдомство. Всѣ обыватели этихъ волостей, въ которые водворялись пѣхотные и конные полки, дѣлались солдатами: ихъ распредѣляли по ротамъ, баталіонамъ и эскадронамъ, которые должны были составлять резервы своихъ полковъ. Насильственно подвергали несчастныхъ поселянъ строгой военной дисциплинѣ, обучали военному строю, и они должны были отправлять военную службу и вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься сельскими полевыми работами, подъ надзоромъ военныхъ начальниковъ, для продовольствія своего и полковъ, въ ихъ волостяхъ водворенныхъ" *). Къ концу царствованія Александра *треть* всей русской арміи пропитывалась, такимъ способомъ, трудами рукъ своихъ. Было изъ-за чего хлопотать и не мудрено, если Александръ отвѣчалъ на доводы противъ военныхъ поселеній: „Они будутъ во что бы ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова".

„Первенствовать въ Европѣ" стало главною цѣлью „реальной политики" Александра послѣ 12-го года. По мѣткому выраженію одного современника, Александръ съ этого времени „пересталъ быть русскимъ царемъ". Россія была для него отнынѣ источникомъ денегъ и солдатъ, провіантскимъ магазиномъ и рекрутскимъ депо,—словомъ, объектомъ эксплуатаціи, а не управленія, въ родѣ того, чѣмъ бываетъ богатая колонія для хищной и жадной метрополіи. Онъ продолжалъ считать конституціонный режимъ болѣе приличнымъ и комфортабельнымъ, поручилъ даже однажды (въ 1818 году) другу своей молодости, Новосильцеву, сочинить и для Россіи конституцію, какъ для Польши, но жизненная логика неумолимо влекла его въ противоположномъ направленіи. Для той Россіи, какая была ему теперь нужна, требовались порядки не европейскаго государства, а крѣпостной русской вотчины. Спеціалистомъ по этимъ порядкамъ былъ Аракчеевъ—и онъ, какъ извѣстно, скоро сталъ единственнымъ министромъ Александра I. Даже доклады святѣйшаго синода шли черезъ него. А между тѣмъ, казалось, что религіозность оставалась единственнымъ индивидуальнымъ признакомъ, отличавшимъ Александра отъ другихъ „королей-капраловъ", какъ однажды назвалъ при Александрѣ всю эту разновидность наслѣдный принцъ Вюртембергскій, — кровно обидѣвъ этимъ русскаго императора. Но и эта религіозность получила теперь „реальный", дѣловой характеръ. Въ

*) Ibid. 184.

международной политикѣ она была красивой ширмой, за которой можно было очень уютно „первенствовать въ Европѣ“; Священный союзъ, въ договорѣ котораго такъ хорошо говорилось о „братской дружбѣ“, объ „охраненіи вѣры, правды и мира“, о „единомъ христіанскомъ народѣ“, на дѣлѣ, какъ догадывались уже современники, имѣлъ „главнымъ предметомъ“ „подавленіе возникшаго повсюду духа свободы и укрѣпленіе монархическихъ началъ“. А во внутренней политикѣ православіе было необходимымъ дополненіемъ—военной дисциплины. Парижъ былъ взятъ союзниками великимъ постомъ: Александръ распорядился, чтобы войска (занятыя, какъ мы видѣли, безпрерывными парадами) говѣли. Офицерамъ и солдатамъ запрещено было въ это время „посѣщеніе театровъ, шумныхъ народныхъ собраній и всякихъ публичныхъ увеселеній“.

Въ запискахъ князя Волконскаго (декабриста) есть одинъ маленькій эпизодъ, живо рисующій характеръ „религіозности“ Александра Павловича. Дѣло было въ Вильнѣ, передъ Отечественной войной. Волконскій со своимъ товарищемъ опоздали къ пасхальной заутренѣ, и, чтобы не обратить на себя вниманіе, рѣшили проникнуть въ церковь заднимъ ходомъ. Придворный лакей загородилъ имъ дорогу: „Нельзя, тамъ государь“.—Да что же онъ тамъ дѣлаетъ, вѣдь служба не началась?—На это онъ отвѣчалъ намъ: „Дѣлаетъ репетицію церковнаго служенія“*).

---

*) Волконскій „Записки“, изд. 2-е, стр. 154.

ГЛАВА III.

Декабристы.

(К. Н. Левина и М. Н. Покровскаго).

1.

Союзъ Спасенія. Союзъ Благоденствія. Южное и Сѣверное Общества. Планы возстанія.

Наполеоновскія войны 1813-1814 гг. имѣли весьма серьезныя послѣдствія для развитія политической и общественной мысли въ Россіи. Русскіе офицеры, среди которыхъ находилась лучшая, наиболѣе образованная и идеалистически настроенная часть дворянской молодежи, за время наполеоновскихъ войнъ близко познакомились съ западно-европейской культурой.

Прежде всего, ихъ поразило то, что въ З. Европѣ, вмѣсто разрушающагося феодальнаго строя, устанавливаются свободныя общественныя отношенія. Этотъ фактъ произвелъ на нихъ глубокое и неизгладимое впечатлѣніе.

Сравненіе западно-европейскихъ порядковъ съ русскими и знакомство съ нѣмецкими и французскими представителями либеральной буржуазіи заставили русскую военную молодежь „нечувствительно усвоить свободный образъ мыслей и стремленіе къ конституціоннымъ учрежденіямъ, стыдясь за Россію, такъ глубоко униженную самовластьемъ". Изъ похода она вернулась домой уже „съ новыми понятіями" и „съ политическими идеями, о которыхъ раньше и не слыхали въ Россіи".

Но что же увидѣла русская армія у себя на родинѣ по возвращеніи изъ-за границы? Рабство и нищету огромнаго большинства населенія и ничѣмъ не сдерживаемый произволъ властей. Воины, гордые своими побѣдами, славой которыхъ былъ наполненъ весь міръ, пришли въ негодованіе при видѣ этой картины. Среди арміи, совершившей тяжелый походъ и очутившейся въ прежнемъ униженномъ положеніи, негодованіе было всеобщее, начиная отъ генераловъ и кончая солдатами. „Мы проливали кровь,— говорили солдаты,—а насъ заставляютъ опять потѣть на барщинѣ. Мы избавили родину отъ тирана, а насъ опять тиранятъ господа". Глухой ропотъ, разнесенный арміей въ народѣ, въ послѣдніе годы царствованія Александра I перешелъ въ многочисленныя открытыя возмущенія крѣпостныхъ противъ господъ.

Вернувшіеся изъ похода молодые офицеры не могли оставаться спокойными зрителями бѣдствій, переживаемыхъ отечествомъ. Пошлая полковая жизнь ихъ не могла удовлетворить.

А фронтоманія, которою были одержимы Александръ I и его братья, имъ была противна, такъ какъ опытъ двухлѣтней тяжелой войны съ Наполеономъ наглядно показалъ, что побѣда зависитъ не отъ солдатской вытяжки, равненія носка и т. п. мелочей строевой мудрости, которой какъ разъ и посвящалось больше всего времени въ обученіи русской арміи военному дѣлу. Молодые офицеры гвардіи и генеральнаго штаба, одушевленные идеями политической свободы, стали организоваться въ кружки для совмѣстныхъ чтеній и бесѣдъ. Въ этихъ кружкахъ они „съ страстью учились и преимущественно читали сочиненія и журналы политическіе, также иностранныя газеты, въ которыхъ такъ драматически представляется борьба оппозиціи съ правительствомъ въ конституціонныхъ собраніяхъ". И политическую дѣйствительность З. Европы они желали видѣть въ своемъ отечествѣ. Однако—дальше разговоровъ о тяжеломъ положеніи Россіи они не шли, такъ какъ продолжали вѣрить въ то, что Александръ I дастъ странѣ конституцію, какъ онъ объ этомъ вскользь упомянулъ при открытіи сейма въ Варшавѣ. И пока въ оппозиціонной части русскаго общества вѣра въ либеральныя реформы не исчезла, либералы намѣревались всѣ свои силы приложить для совмѣстной съ правительствомъ работы надъ освобожденіемъ крестьянъ, реформой арміи, искорененіемъ произвола властей и т. д.

Но съ 1817 г. Александръ I окончательно подчинился вліянію Аракчеева и Меттерниха и навсегда отвернулся отъ идеаловъ своей молодости. Послѣдняя треть царствованія Александра I ознаменовалась пышнымъ расцвѣтомъ политики гнета и самовластія, творцами и вдохновителями которой явились тупые и злобные люди, въ родѣ Аракчеева, Фотія, Магницкаго и др. Реакціонныя мѣры правительства завершились насильственнымъ учрежденіемъ военныхъ поселеній, существованіе которыхъ поддерживалось исключительно лишь силой шпицрутеновъ и артиллеріи. Военныя поселенія нанесли послѣдній ударъ популярности императора среди либеральныхъ элементовъ общества, и еще недавнія чувства симпатіи къ нему смѣнились враждой. Среди прогрессивной части военныхъ стали раздаваться голоса: „Для того ли мы освободили Европу, чтобы наложить ея цѣпи на себя? Для того ли мы дали конституцію Франціи, чтобы не смѣть говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы насъ унижали дома?" Нависшія надъ Россіей тяжелыя тучи реакціи прежде всего придавили всякія проявленія свободной мысли. Военная молодежь, которая въ первое время послѣ возвращенія изъ похода свободно и открыто обмѣнивалась взглядами о необходимости преобразованія государственнаго строя Россіи, теперь, благодаря множеству шпіоновъ, должна была свои свободолюбивые разговоры вести скрыто.

Такимъ образомъ—политика правительства Александра I съ естественной необходимостью толкала оппозиціонные элементы общества къ устройству тайныхъ обществъ, что также подтверждается и показаніями самихъ участниковъ этихъ обществъ.

Наиболѣе замѣчательными изъ тай-

ныхъ обществъ первой четверти XIX в. являются Союзъ Спасенія, Союзъ Благоденствія и, какъ продолженіе послѣдняго — Сѣверное и Южное Общества.

Мысль объ устройствѣ тайнаго политическаго общества впервые возникла среди небольшой группы офицеровъ, вернувшихся изъ заграничнаго похода. Эта группа во главѣ съ Орловымъ намѣревалась въ 1814 г. составить въ Россіи, по образцу нѣмецкаго Tugend-Bund'a, общество „изъ самыхъ честныхъ людей для сопротивленія лихоимству и другимъ безпорядкамъ". Въ 1816 г. о необходимости основать тайное общество говорили между собою Новиковъ, Н. Муравьевъ, кн. С. Трубецкой, Ф. Глинка и П. И. Пестель, но окончательно сорганизовалось оно въ Петербургѣ въ началѣ января 1817 г. Въ него вошли главнымъ образомъ офицеры гвардіи и генеральнаго штаба. Первоначальное ядро общества составляли: кн. С. Трубецкой, кн. Лопухинъ, А. Муравьевъ, Н. Муравьевъ, С. Муравьевъ, М. Муравьевъ, кн. Долгоруковъ, кн. Шаховской, Ф. Глинка, Ив. Шиповъ, Новиковъ, Лунинъ и Пестель. Черезъ нѣкоторое время къ нимъ примкнули Бурцовъ и Мих. Муравьевъ*).

Возникшая организація была названа, по однимъ показаніямъ, обществомъ Истинныхъ и Вѣрныхъ сыновъ отечества, а по другимъ—Союзомъ Спасенія, или Истинныхъ и Вѣрныхъ сыновъ отечества.

*) Якушкинъ утверждаетъ, что общество было основано въ концѣ 1816 г. и что его учредителями были: А. и Н. Муравьевы, С. Трубецкой, М. и С. Муравьевы-Апостолы и Якушкинъ.

Вначалѣ среди членовъ Союза Спасенія шли разговоры о дарованіи свободы крѣпостнымъ крестьянамъ. Съ этой цѣлью предполагалось склонить дворянство къ подачѣ о томъ просьбы Александру I. Но скоро члены Союза пришли къ убѣжденію, что реакціонное дворянство къ этой мысли невозможно склонить. По свидѣтельству одного изъ самыхъ видныхъ учредителей Союза Спасенія— П. И. Пестеля— „настоящая цѣль перваго общества была введеніе монархическаго конституціоннаго правленія; а одно освобожденіе крестьянъ было цѣлью при самомъ первомъ началѣ и весьма короткое время".

Уставъ Союза Спасенія, написанный Пестелемъ, носилъ на себѣ слѣды вліянія масонскихъ ложъ. Въ немъ было „много клятвъ и формъ". По уставу члены Союза дѣлились на три степени: братья, мужи и бояре. Братьями назывались тѣ, которые при вступленіи въ Союзъ давали клятву хранить въ тайнѣ все, что имъ сообщатъ, но которымъ „тайна общества не была открыта"; имъ лишь „глухо говорилось о введеніи новаго порядка". Мужамъ открывалась „цѣль конституціи". Боярами считались учредители Союза. Лица, на которыхъ имѣлись виды въ смыслѣ возможнаго съ ихъ стороны содѣйствія Обществу или въ смыслѣ включенія ихъ въ будущемъ въ составъ Общества, назывались друзьями *). Для управленія Союзомъ изъ среды бояръ ежемѣсячно выбирались „старѣй-

*) С. Трубецкой утверждаетъ, что Союзъ дѣлился на 1) управляющихъ, 2) имѣющихъ голосъ при принятіи новыхъ членовъ и 3) новопринятыхъ.

шины", составлявшіе „верховный соборъ бояръ".

Вновь вступающіе въ Союзъ давали присягу—„стремиться къ цѣли Общества, хранить обязанность, покориться рѣшеніямъ верховнаго совѣта бояръ". Для принятія новаго члена, кромѣ присяги, необходимо было сообщить данныя о связяхъ и убѣжденіяхъ новичка. Вступающій въ Союзъ эти данныя давалъ самъ путемъ отвѣтовъ на предлагаемые ему вопросы.

Союзъ Спасенія оказался мертворожденной организаціей. Большинство членовъ его вскорѣ послѣ учрежденія Союза покинули Петербургъ, а оставшіеся здѣсь къ дѣламъ Союза относились холодно, т. к. въ предѣлахъ принятаго устава они считали невозможной работу. Въ сущности, вся дѣятельность Союза сводилась исключительно къ увеличенію количества членовъ его. Но пріемъ новыхъ членовъ до крайности затруднялся разными формальностями. Многіе отказывались вступать въ Союзъ только потому, что не хотѣли выполнять необходимыхъ клятвъ и формъ.

Союзъ Спасенія не представлялъ собой рѣшительно никакой политической силы и ничѣмъ не проявлялъ своей дѣятельности. Показанія декабристовъ о Союзѣ Спасенія подтверждаютъ это какъ нельзя лучше. Бывшіе члены Союза, при всемъ своемъ искреннемъ желаніи говорить въ показаніяхъ одну только правду, не могли точно установить ни состава первоначальнаго ядра Союза, ни его организаціи, ни даже его названія.

Изъ кратковременной жизни Союза можно отмѣтить лишь два—три эпизода, характеризующихъ настроеніе членовъ перваго тайнаго политическаго общества.

Въ 1816—17 гг. враждебное отношеніе членовъ Союза къ Александру I было уже настолько сильно, что среди нихъ, въ качествѣ первой мѣры для уничтоженія самодержавія, была признана необходимость цареубійства.

По показанію Пестеля, въ 1816 или въ 1817 г. Лунинъ настаивалъ на убійствѣ Александра I. „Когда настанетъ время приступить къ дѣйствію,—говорилъ онъ,—нужно убить государя на царскосельской дорогѣ при помощи особаго отряда съ масками на лицѣ *). А Пестель, по словамъ Матвѣя Муравьева, хотѣлъ составить изъ смѣлыхъ молодыхъ людей cohorte perdue (отрядъ изъ обреченныхъ на смерть), который подъ начальствомъ Лунина, долженъ былъ *всѣхъ изгубить* (pour faire main basse sur tout).

Въ концѣ 1817 г. въ Москвѣ, на квартирѣ А. Муравьева, въ присутствіи Н., М. и С. Муравьевыхъ, М. фонъ-Визина, кн. Шаховского и Якушкина, было прочитано полученное изъ С.-Петербурга письмо отъ кн. Трубецкого, въ которомъ передавались слухи о томъ, что царь влюбленъ въ Польшу, что онъ ненавидитъ Россію, намѣренъ отторгнуть нѣкоторыя земли отъ Россіи въ пользу Польши и, наконецъ, изъ презрѣнія къ Россіи, намѣренъ перенести столицу въ Варшаву. Послѣ преній А. Муравьевъ сказалъ, что „для отвращенія бѣдствій, угрожающихъ Россіи, необходимо прекратить царствованіе императора Александра",

*) Самъ Лунинъ—впрочемъ—эти слова относитъ къ 1818—1819 г.

съ чѣмъ совѣщаніе согласилось вполнѣ. Муравьевъ предложилъ бросить жребій, чтобы узнать, кому достанется нанести ударъ царю. Но Якушкинъ заявилъ, что они опоздали и что онъ рѣшился безъ всякаго жребія принести себя въ жертву и никому не уступить этой чести. Когда императоръ по пріѣздѣ въ Москву пойдетъ во дворецъ, Якушкинъ подойдетъ къ нему съ двумя пистолетами—изъ одного выстрѣлить въ царя, а изъ другого въ себя. Однако рѣшимость Якушкина не на шутку всполошила его товарищей, и они на другой день оказали на него давленіе, чтобы онъ совершенно бросилъ мысль объ убійствѣ императора, т. к. оно „не можетъ быть ни на какую пользу для государства“ и Якушкинъ своимъ упорствомъ только погубитъ тайное Общество безъ всякой пользы для Россіи. Якушкинъ уступилъ требованіямъ товарищей и вышелъ изъ Общества, хотя связей съ нимъ не прерывалъ.

При отсутствіи почти всякой положительной работы и какого-либо опредѣленнаго плана дѣйствій, Союзъ Спасенія все-таки имѣлъ нѣкоторое воспитательное значеніе для его молодыхъ членовъ, стремившихся найти въ жизни „прямую и высокую цѣль“. Пущинъ говоритъ, что эту высокую цѣль жизни онъ нашелъ съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ Союзъ: она „самою своею таинственностью и начертаніемъ новыхъ обязанностей рѣзко и глубоко проникла душу мою; я какъ-будто получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ: сталъ внимательно смотрѣть на жизнь во всѣхъ проявленіяхъ буйной молодости, наблюдать за собою, какъ за частицей, хотя ничего не значащею, но входящею въ составъ того цѣлаго, которое рано или поздно должно имѣть благотворное свое дѣйствіе“. Созданное Союзомъ настроеніе въ его членахъ не прошло для послѣднихъ безслѣдно. Въ тѣхъ гвардейскихъ казармахъ, гдѣ были члены Союза, среди жестокой и страшной атмосферы полнаго безправія повѣялъ духъ гуманности, свирѣпыя и унизительныя наказанія нижнихъ чиновъ стали исчезать и даже кое-гдѣ солдатъ стали обучать грамотѣ.

Въ виду того, что Союзъ Спасенія оказался непригоднымъ для осуществленія политическихъ цѣлей, въ 1818 г. рѣшено было его закрыть съ тѣмъ, чтобы вмѣсто него учредить новое общество, болѣе жизнедѣятельное и способное къ практической работѣ. Въ основу организаціи новаго общества былъ положенъ уставъ нѣмецкаго Tugend-Bund'а. Пока въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ Н. Муравьевъ, М. Муравьевъ и С. Трубецкой приспособляли уставъ нѣмецкаго общества къ русскимъ условіямъ, А. Муравьевъ успѣлъ основать военное общество, въ которое вступило довольно большое число членовъ. Но оно было распущено послѣ того, какъ открылось общество, которое должно было замѣнить собою Союзъ Спасенія. Новому обществу дали названіе „Союзъ Благоденствія“, а писанный уставъ его назвали, по цвѣту переплета, Зеленой Книгой.

Мнѣнія декабристовъ о цѣляхъ Союза Благоденствія расходятся. Такъ—видный дѣятель Сѣвернаго Общества Оболенскій говоритъ, что „цѣль была нравственное усовершенствованіе каждаго изъ членовъ, обо-

юдная помощь для достиженія цѣли, умственное образованіе, какъ орудіе для разумнаго пониманія всего, что являетъ общество въ гражданскомъ устройствѣ и нравственномъ направленіи"... И лишь „въ дали туманной, недосягаемой виднѣлась окончательная цѣль, — политическое преобразованіе отечества,—когда всѣ брошенныя сѣмена созрѣютъ и образованіе общее сдѣлается доступнымъ для массы народа". Такимъ образомъ — Оболенскій утверждаетъ, что на первомъ мѣстѣ стояла цѣль чисто культурная.

Въ то же время Якушкинъ указываетъ, что главной цѣлью Союза было вовсе не то, что значилось въ Зеленой Книгѣ. Странно было бы говорить о „споспѣшествованіи благимъ намѣреніямъ правительства" въ то время, когда никто изъ членовъ Союза „не вѣрилъ въ благія намѣренія правительства"; цѣль Союза была—установленіе въ Россіи представительнаго образа правленія.

Между тѣмъ Александръ Муравьевъ ближайшія цѣли Союза опредѣляетъ въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) уничтоженіе крѣпостного права; 2) равенство всѣхъ гражданъ предъ закономъ; 3) публичность государственныхъ дѣлъ; 4) гласность судопроизводства; 5) уничтоженіе винной монополіи; 6) уничтоженіе военныхъ поселеній; 7) улучшеніе судьбы защитниковъ отечества („Amélioration du sort des defenseurs de la patrie"); 8) сокращеніе срока военной службы; 9) улучшеніе положенія духовенства; 10) сокращеніе цифры арміи для мирнаго времени.

Въ то же время С. Трубецкой утверждаетъ, что цѣлью Союза было „общее благо", а средствами—„способствованіе правительству къ приведенію въ исполненіе всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ для блага государства; ибо правительство одно, безъ добровольнаго содѣйствія гражданъ, не можетъ довольно успѣшно проводить въ дѣйствіе мѣръ, имъ принимаемыхъ". Въ своей дѣятельности Союзъ имѣлъ четыре отрасли: правосудіе, просвѣщеніе, воспитаніе и государственное хозяйство. Каждый членъ Союза обязанъ былъ принадлежать къ одной изъ этихъ отраслей и пріобрѣтать необходимыя для работы въ ней знанія.

Но при всей этой разноголосицѣ въ показаніяхъ о цѣли Союза Благоденствія несомнѣннымъ является то, что главной своей задачей Союзъ ставилъ уничтоженіе въ Россіи самодержавія и установленія въ ней представительнаго правленія. Первымъ шагомъ въ реформѣ государственнаго строя страны Союзъ считалъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Чтобы организовать общественное мнѣніе въ желательномъ для Союза смыслѣ, его члены обязаны были вести при всѣхъ удобныхъ случаяхъ пропаганду освободительныхъ идей.

Форма организаціи Союза была взята изъ устава Tugend-Bund'а. Члены учредители получили названіе Кореннаго Союза (или Коренной Управы). Весь Союзъ дѣлился на управы, т. е. самостоятельные союзы, входившіе въ составъ Общества въ качествѣ автономныхъ организацій. Главная управа называлась думой. Каждая управа имѣла своего предсѣдателя, собиравшаго членовъ на собранія и назначавшаго имъ работу, каждому по его

Кондратій Өедоровичъ Рылѣевъ.

отрасли. Въ каждой управѣ былъ блюститель, который долженъ былъ наблюдать за нравственностью членовъ управы и за дѣятельностью послѣдней. Должности предсѣдателя и блюстителя были выборными. Главная дума выдѣляла изъ себя исполнительный органъ — Верховный Совѣтъ, имѣвшій своего предсѣдателя и блюстителя, предъ которыми давали отчетъ предсѣдатели и блюстители управъ. По уставу Верховный Совѣтъ долженъ былъ находиться въ С.-Петербургѣ.

При вступленіи въ Союзъ не выполнялось никакихъ обрядовъ. Новые члены принимались съ общаго согласія всей управы. Отъ новичковъ отбирались расписки въ томъ, что они даютъ честное слово никому не открывать, что имъ будетъ сказано и что не будутъ спрашивать о другихъ членахъ. О дѣлахъ Союза было запрещено писать по почтѣ и вообще вмѣнялось въ обязанность его членамъ соблюдать осторожность во всемъ, что касается Союза. Такъ—по уставу расписки вновь принятыхъ членовъ передавались въ центръ на храненіе блюстителю Верховнаго Совѣта; въ дѣйствительности же онѣ сжигались. Точно такъ же принято было не держать и списковъ членовъ Союза.

Никто въ Союзъ не принимался, пока его общественно-нравственное поведеніе не будетъ изслѣдовано. „Всѣ люди, преданные игрѣ, вину и женщинамъ, исключались безъ вопроса. Членъ долженъ былъ быть не запятнанъ ни однимъ подлымъ поступкомъ, дознаннаго безкорыстія, твердаго характера, если можно — храбръ (на войнѣ или на поединкѣ) и даже крѣпкаго здоровья“...

Союзъ Благоденствія съ первыхъ же дней своего возникновенія завоевалъ себѣ симпатіи передовыхъ элементовъ арміи. Онъ, по словамъ Н. Муравьева, привлекалъ къ себѣ тѣмъ, что основы, положенныя въ его уставъ, были построены „на правилахъ чистѣйшей нравственности и дѣятельной любви къ человѣчеству“. Многіе изъ членовъ Союза находили вполнѣ возможнымъ уставъ его представить на утвержденіе правительства. Впрочемъ—это мнѣніе высказывали только тѣ, кто изъ Зеленой Книги зналъ только первую часть, которая дѣйствительно была вполнѣ легальною, такъ какъ въ ней ничего противоправительственнаго не заключалось.

Союзъ Благоденствія стремился „какъ можно болѣе начальниковъ войскъ обратить къ своей цѣли“ и принять ихъ въ число членовъ Общества, „особенно полковыхъ командировъ, предоставляя каждому изъ нихъ дѣйствовать въ своемъ полку, какъ самъ наилучше найдетъ. Желали также и прочихъ начальниковъ въ Общество пріобрѣсти: генераловъ, штабсъ-офицеровъ, разныхъ командировъ“. Былъ также планъ завести связи по всей Россіи во всѣхъ привилегированныхъ слояхъ общества. Но изъ всѣхъ этихъ пожеланій осуществилась лишь мысль о привлеченіи къ тайному Обществу военныхъ въ довольно значительномъ количествѣ. Въ общемъ же и это тайное Общество было довольно слабой организаціей. С. Трубецкой утверждаетъ, что въ Союзѣ Благоденствія было всего 56 членовъ. Орловъ полагаетъ, что ихъ было отъ 70 до 80, изъ коихъ болѣе половины числились лишь номинально членами Общества.

По словамъ Орлова, „Общество сіе было самое слабое и ничего предпринять не могло“, и его дѣятельность сводилась къ увеличенію числа членовъ.

Показаніе Орлова вполнѣ совпадаетъ съ дѣйствительностью. Ни въ офиціальныхъ данныхъ по дѣлу декабристовъ, ни въ показаніяхъ и воспоминаніяхъ послѣднихъ не имѣется никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы члены тайнаго Общества вели пропаганду революціонныхъ идей въ арміи и знакомили солдатъ съ своей политической программой. Активныя дѣйствія членовъ сѣвернаго отдѣла Общества не шли дальше осужденія безобразій—правительства: они „при всѣхъ случаяхъ гремѣли противъ дикихъ учрежденій, каковы палка, крѣпостное состояніе“ и пр., дѣйствовали „посредствомъ слова истины“ и старались въ своихъ частяхъ вывести жестокое обращеніе съ солдатами. И это все, что извѣстно о дѣятельности сѣвернаго отдѣла Союза Благоденствія, если не считать интимныхъ разговоровъ и споровъ между членами Общества.

На югѣ во 2-й арміи, гдѣ была организована Пестелемъ тульчинская управа, дѣло обстояло не лучше. Тамъ просвѣтительная работа велась только среди части офицеровъ. Полковникъ Комаровъ въ своемъ показаніи говоритъ, что Пестель настаивалъ на томъ, чтобы офицеры изучали Беккарію, Филанжери, Макіавелли, Вольтера, Цея, Смита и др. философовъ и политико-экономистовъ. По настоянію Пестеля устраивались частыя вечернія собранія „для чтеній и сужденій“, для обмѣна мыслями. „Понемногу и исподволь начинались вводиться въ главной квартирѣ вечера чтенія, сужденій и разныхъ толковъ, прежде едва ли бы многимъ изъ насъ понятныхъ по названію, а не токмо по сущности своей“; свободное отъ занятій время офицеры стали употреблять на самообразованіе, а не на вино, карты и т. п...

Самъ Пестель чрезвычайно умѣло и тактично вербовалъ въ члены Общества. Новичковъ онъ осторожно и постепенно приводилъ къ необходимости уничтоженія самодержавія и установленія республики въ Россіи. Поджіо въ своемъ показаніи приводитъ содержаніе той бесѣды, въ которой Пестель. незамѣтно для своего собесѣдника, стремился превратить его въ республиканца. Пестель „началъ отъ Немрода, подробно, медленно переходилъ черезъ всѣ измѣненія правленій, понятій народовъ о нихъ; коснулся къ временамъ свободы Греціи, Рима, говоря — сколь мало она понятна была, не имѣя представительства своего; пронесся быстро мимо варварскихъ вѣковъ среднихъ временъ, поглотившихъ свободу и просвѣщеніе; пріостановился на революціи французской, не упуская изъ виду нерѣшимость оной цѣли, непрочность въ достиженіи ея и основаніи, и наконецъ палъ на Россію. Тутъ онъ направилъ на нее всѣ свои ядовитыя стрѣлы, сталъ говорить о монархическомъ правленіи, сколь оно несогласно съ представительнымъ, какъ сила одного разрушаетъ силу другого, сколь онѣ въ существѣ разнородны и несовмѣстны, сколь при такомъ родѣ правленія невозможно установленія прочной системы равновѣсія властей, противуборство однихъ съ другими, сколь наслѣдствіе пре-

стола по первородству противно цѣли всякаго благоустроеннаго государства: какъ предполагать тѣхъ нужныхъ свойствъ въ первородцѣ для управленія государства; коснулся къ избирательному на царствіе правленію, не упустивъ всѣхъ пагубныхъ послѣдствій его въ возрожденіи междоусобій и внутреннихъ раздоровъ и, наконецъ, ввелъ меня въ свою республику, имъ предположенную и основанную на народномъ представительствѣ. На все сіе спрашивалъ мое мнѣніе"...

Вербуя себѣ сторонниковъ, подобное испытаніе, своего рода экзаменъ, Пестель практиковалъ даже по отношенію къ такимъ членамъ Общества, какъ Рылѣевъ. Разъ въ бесѣдѣ съ послѣднимъ за 2 часа разговора онъ успѣлъ показать себя и „гражданиномъ С.-Американской республики, и наполеонистомъ, и террористомъ, то защитникомъ англійской конституціи, то поборникомъ испанской". Когда Рылѣевъ замѣтилъ Пестелю, что Россія еще не готова къ республиканскому строю, то Пестель сталъ восхвалять государственный строй Англіи, приписывая ему „богатство, славу и могущество сего государства". Но въ угоду Рылѣеву спустя нѣсколько времени онъ уже соглашался, что уставъ Англіи устарѣлъ, такъ какъ онъ служитъ больше лордамъ и купцамъ, а теперешнее просвѣщеніе народовъ требуетъ большей свободы и совершенства въ управленіи, англійская же конституція имѣетъ множество пороковъ и обольщаетъ только слѣпую чернь. Послѣ этого Пестель много говорилъ объ испанской конституціи и закончилъ похвалой Наполеону: „Вотъ истинно-великій человѣкъ! По моему мнѣнію, если ужъ имѣть надъ собой деспота, то имѣть Наполеона. Какъ онъ возвысилъ Францію! Сколько создалъ новыхъ фортунъ! Онъ отличалъ не знатность, а дарованія". А когда Рылѣевъ сталъ открещиваться отъ Наполеона, то Пестель немедленно же перемѣнилъ тонъ и сталъ увѣрять, что въ Россіи Наполеонъ невозможенъ. Послѣ этого разговора Пестель поставилъ Рылѣеву категорическій вопросъ: „Скажите же, какое вы предпочитаете правленіе для Россіи въ теперешнее время?" Рылѣевъ отвѣтилъ, что его симпатіи склоняются къ С.-Американской республикѣ, но при императорѣ и съ областнымъ правленіемъ. „Это счастливая мысль, — тотчасъ же заявилъ Пестель,—объ этомъ надо хорошенько подумать".

Но приведенные разговоры Пестеля съ Поджіо и Рылѣевымъ представляютъ собою скорѣе матеріалъ для характеристики вождя Южнаго Общества, чѣмъ для уясненія дѣятельности послѣдняго.

Въ показаніяхъ Пестеля, вообще чрезвычайно богатыхъ фактическимъ матеріаломъ по исторіи тайнаго Общества, нѣтъ никакихъ указаній на революціонную дѣятельность членовъ Союза Благоденствія среди арміи. Пестель говоритъ, что между членами Союза „происходили одни только разговоры и пренія безъ заключенія". Говорили больше о томъ, что „надо напередъ усилить Общество, а потомъ уже соображаться для дѣйствія съ обстоятельствами и будущимъ положеніемъ дѣла Союза". Этимъ Пестель—между прочимъ — объясняетъ сильную разноголосицу въ показаніяхъ декабристовъ: каждый показы-

валъ то, что слышалъ или самъ думалъ, выдавая это за планы Союза.

Такимъ образомъ—Союзъ Благоденствія оказался почти въ такой же мѣрѣ неспособнымъ къ выполненію своей основной задачи, какъ и Союзъ Спасенія. Къ тому же въ средѣ руководителей Союза возникли разногласія программнаго характера. Южный отдѣлъ подъ вліяніемъ Пестеля высказался за установленіе въ Россіи республики послѣ того, какъ Общество уничтожитъ самодержавіе. Сѣверный отдѣлъ оказался болѣе умѣреннымъ: въ немъ руководители стояли за конституціонную монархію. Эти разногласія являлись преградой къ единству въ дѣйствіяхъ Союза.

Чтобы положить конецъ возникшимъ разногласіямъ, рѣшено было въ началѣ 1820 г. устроить въ Петербургѣ собраніе коренной думы Союза Благоденствія, т. е. всѣхъ членовъ-учредителей, проживавшихъ въ СПБ. По уставу Зеленой Книги, коренная дума „имѣла законодательную власть Союза". Собраніе это состоялось. Пестель произнесъ на немъ горячую рѣчь о сравнительныхъ достоинствахъ монархіи и республики. Послѣ преній началось голосованіе, при которомъ каждый долженъ былъ говорить, кого онъ желаетъ—монарха или президента, причемъ необходимо было мотивировать свое желаніе. А когда при голосованіи очередь дошла до Н. И. Тургенева, то онъ сказалъ по-французски: „Le president sans phrases" (президентъ безъ дальнихъ толковъ). Результаты голосованія оказались неожиданными: всѣ высказались за республику. Рѣшеніе это было передано всѣмъ думамъ. И съ тѣхъ поръ, по словамъ Пестеля, республиканскія идеи взяли верхъ надъ монархическими.

Но достигнутое соглашеніе оказалось далеко не прочнымъ. Разногласія между южанами и сѣверянами попрежнему продолжались. Между тѣмъ дѣятельность Общества почти совсѣмъ прекратилась. Среди членовъ обоихъ отдѣловъ оказались люди, которые стремились даже къ совершенному уничтоженію Общества. Главари Союза Благоденствія понимали, что ихъ дѣтищу угрожаетъ участь Союза Спасенія. Нѣкоторымъ изъ нихъ казалось, что причины бездѣятельности Общества лежатъ въ его организаціи, недостатки которой будто бы стѣсняли работу. Чтобы оживить дѣятельность тайнаго Общества, рѣшено было въ началѣ 1821 г. созвать въ Москвѣ съѣздъ изъ представителей сѣвера и юга.

Когда южане получили приглашеніе на московскій съѣздъ, то Пестель выставилъ свою кандидатуру въ делегаты отъ Тульчина. Но ему указали, что его поѣздка въ Москву, гдѣ у него нѣтъ родныхъ, можетъ возбудить подозрѣніе начальства; между тѣмъ какъ офицеры Бурцовъ и Комаровъ должны быть въ Москвѣ по своимъ дѣламъ и ихъ поѣздка не возбудитъ никакихъ подозрѣній. Пестель уступилъ, и отъ Тульчина на московскій съѣздъ были выбраны Бурцовъ и Комаровъ—оба изъ числа ненадежныхъ членовъ.

Петербургъ прислалъ на съѣздъ Н. И. Тургенева и Ѳ. Н. Глинку, изъ Кіева явился ген. Орловъ и др. Кромѣ коренныхъ членовъ, имѣвшихъ права законодателей въ Союзѣ, на съѣздъ были приглашены съ совѣщательнымъ голосомъ всѣ члены тай-

наго Общества, жившіе въ то время въ Москвѣ.

Съѣздъ какъ нельзя лучше показалъ, что Союзъ является пестрой смѣсью представителей далеко не одинаковыхъ убѣжденій. Поэтому естественно, что съ первыхъ же засѣданій въ средѣ членовъ съѣзда возникли тренія. Ген. М. А. фонъ-Візинъ предложилъ реорганизовать Союзъ раздѣленіемъ его членовъ на три разряда:—1) „незнаемыхъ",—которые должны быть законодателями, 2) „исполнительныхъ", для проведенія въ жизнь рѣшеній „незнаемыхъ" и 3) „нововводимыхъ". Часть членовъ нашла это предложеніе пріемлемымъ, другая—протестовала. Ген. Орловъ предлагаемую организацію назвалъ даже заговоромъ въ заговорѣ. Южанинъ Комаровъ, который все время частнымъ образомъ среди членовъ съѣзда велъ агитацію за уничтоженіе тайнаго Общества, воспользовался словами Орлова и заявилъ, что онъ не можетъ состоять членомъ заговорщической организаціи. Якушкинъ при этомъ ему замѣтилъ, что онъ уже давно читаетъ на челѣ его противное благу Общества. „Да,—отвѣтилъ ему Комаровъ,—если оно не взойдетъ въ предѣлы первыхъ правилъ".—„Это невозможно",—сказалъ Якушкинъ. Послѣ недолгаго спора Комаровъ рѣшительно заявилъ, что онъ не можетъ принимать участіе въ обществѣ заговорщиковъ и желаетъ его закрытія.

Ген. Орловъ, тяготившійся своими связями съ тайнымъ Обществомъ, тоже рѣшилъ порвать съ нимъ.

Для поднятія жизнедѣятельности Общества Орловъ предложилъ съѣзду принять постановленіе объ устройствѣ тайной типографіи для печатанія антиправительственныхъ изданій и объ открытіи фабрики фальшивыхъ ассигнацій, выпускомъ которыхъ можно было бы нанести ударъ правительственному кредиту. Предложенія эти, разумѣется, не были приняты, и Орловъ, якобы недовольный слишкомъ мирнымъ направленіемъ Общества, вышелъ изъ него.

Возникшія разногласія въ средѣ членовъ съѣзда и полученныя отъ петербургской управы свѣдѣнія о томъ, что правительству извѣстны нѣкоторыя данныя не только объ Обществѣ, но и о происходящемъ съѣздѣ, заставили съѣздъ вопросъ о существованіи Союза Благоденствія поставить ребромъ. Рѣшено было распустить тайное Общество. Но это было простой уловкой, при помощи которой надѣялись ввести въ заблужденіе правительство и отдѣлаться навсегда отъ слабыхъ и ненадежныхъ членовъ.

Этотъ тактическій пріемъ до извѣстной степени имѣлъ значеніе для дальнѣйшей судьбы Общества. Бенкендорфъ въ свой запискѣ доносилъ, что Общество было закрыто. Въ дѣйствительности же наиболѣе активные члены Союза Благоденствія, послѣ мнимаго его закрытія, собрались и рѣшили продолжать дѣятельность тайнаго Общества въ прежнемъ направленіи, причемъ въ тактику Общества включили совершенно новый элементъ: „признавалось необходимымъ дѣйствовать на войска и приготовить ихъ на всякій случай".

Якушкинъ сообщаетъ, что положено было учредить 4 главныя думы: одну въ Петербургѣ подъ руководствомъ Н. Тургенева; другую въ Москвѣ,

которую поручали составить Ив. А. фонъ-Визину; третью въ Смоленской губ. долженъ былъ образовать Якушкинъ; четвертую въ Тульчинѣ брался привести въ порядокъ Бурцовъ.

Но всѣ эти постановленія дальше пожеланій не пошли. Тургеневъ, возвратившись въ Петербургъ, объявилъ сѣверянамъ постановленіе московскаго съѣзда о закрытіи Союза Благоденствія и поэтому новый уставъ Общества онъ сообщилъ одному только Никитѣ Муравьеву, но никакой управы онъ здѣсь не сорганизовалъ. Въ Москвѣ и въ Смоленской губ. также управы не были образованы. И только въ Тульчинѣ, подъ вліяніемъ Пестеля, организація Союза Благоденствія возродилась подъ названіемъ Южнаго Общества.

Съ московскаго съѣзда Комаровъ вернулся во 2-ю армію раньше Бурцова и новость о закрытіи Союза прежде всего сообщилъ Ивашеву и Басаргину. Тѣ приняли эту вѣсть „съ удовольствіемъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ". Пестель же, скрывая досаду, сказалъ, что съѣздъ былъ не въ правѣ уничтожать Общество. Поэтому Пестель рѣшилъ не подчиняться рѣшенію московскаго съѣзда и открыть на югѣ самостоятельное тайное общество. Закрытіе же Союза онъ призналъ необходимымъ использовать для того, чтобы отвязаться отъ слабыхъ и ненадежныхъ членовъ. По возвращеніи изъ Москвы Бурцова, была собрана дума. Бурцовъ объявилъ рѣшеніе съѣзда о закрытіи Союза и удалился изъ собранія, вслѣдъ за нимъ ушелъ и Комаровъ. Оставшіеся члены, подъ вліяніемъ горячей рѣчи Юшневскаго, отказались подчиниться рѣшенію московскаго съѣзда и признали Союзъ „существующимъ съ прежней цѣлью и въ прежнемъ значеніи". Присутствовавшіе на этомъ собраніи члены приняли названіе *бояръ Союза*, а самая организація съ этого момента стала называться Южнымъ Обществомъ. Предсѣдателями Союза они избрали Юшневскаго, Пестеля и Никиту Муравьева. Послѣдній былъ избранъ заочно въ надеждѣ на то, что онъ, подобно южанамъ, откажется признать закрытіе Союза.

При образованіи Южнаго Общества въ его составъ вошли 9 чел.*). Всѣ они подчинялись Пестелю безпрекословно и молчаливо признавали „и цѣль, и способы достиженія ея безъ изъятія, и безъ всякихъ оговорокъ и противорѣчій опредѣлили и подтвердили и то, и другое". Но только что возникшее Южное Общество (въ видѣ тульчинской управы) фактически немедленно же распалось. Управа два раза собралась, приняла всѣ программныя и тактическія предложенія Пестеля, и на этомъ вся ея дѣятельность и остановилась. Пестель, вообще склонный къ преувеличенію силы тайнаго Общества, про тульчинскую управу прямо заявляетъ въ своемъ показаніи, что она, „съ самаго 1821 г. впала въ бездѣйствіе": старые члены относились къ дѣлу холодно, нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ ушли изъ Общества, вновь принятые бездѣйствовали и о задачахъ организаціи больше догадывались, чѣмъ ихъ знали ясно и опредѣленно.

Въ 1823 г. Южное Общество немно-

*) Организація осталась безъ измѣненій: какъ и въ Союзѣ Благоденствія, члены дѣлились на три разряда: братій, мужей и бояръ.

го оживилось. Въ этомъ году открылись двѣ новыя управы. Давыдовъ и кн. Волконскій образовали каменскую управу (иначе—правую), а С. Муравьевъ - Апостолъ и Бестужевъ - Рюминъ — васильковскую управу (иначе—лѣвую). Тульчинская управа осталась при первоначальномъ составѣ. Всѣ три управы состояли въ вѣдѣніи Тульчинской Директоріи. По показанію Пестеля, „каменская управа дѣйствовала вяло". Одинъ лишь Поджіо проявлялъ нѣкоторую активность.

Наиболѣе дѣятельной оказалась васильковская управа. Послѣ ноябрьскаго съѣзда 1823 г. (въ Каменкѣ у Давыдова) учредители васильковской управы усердно повели пропаганду республиканскихъ идей и необходимость проведенія ихъ въ жизнь путемъ цареубійства и революціоннаго переворота. Есть даже нѣкоторыя указанія на то, что С. Муравьевъ велъ революціонную работу и среди солдатъ.

Незадолго до 14 декабря 1825 г. Пестель посылалъ Крюкова 2-го съ порученіями къ С. Муравьеву-Апостолу. По словамъ Крюкова, часть Муравьева тогда была совершенно готова къ возстанію, „хоть сейчасъ въ поле".

— У насъ ничего не бойтесь,— говорилъ ему Муравьевъ. Говорите все и при всѣхъ. Я вамъ это докажу.

Послѣ этихъ словъ онъ вывелъ впередъ какую-то роту и спросилъ ее:

— Ребята! Пойдете ли за мною— куда ни захочу?

— Куда угодно, ваше высокоблагородіе,—отвѣтили солдаты.

При этомъ Муравьевъ добавилъ, что онъ не дастся, если его и брать будутъ.

По увѣренію Крюкова, были и еще цѣлые батальоны въ томъ же состояніи, какъ и часть Муравьева. Но слѣдственные матеріалы не подтверждаютъ этого предположенія.

По мысли С. Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина было основано „Общество Соединенныхъ Славянъ", которое впослѣдствіи примкнуло къ васильковской управѣ. Тѣ же Муравьевъ и Бестужевъ впервые вступили въ сношенія съ тайнымъ польскимъ „Патріотическимъ Обществомъ". Однимъ словомъ — васильковская управа была наиболѣе активной въ Южномъ Обществѣ.

Пестель имѣлъ всѣ основанія опасаться того, что Муравьевъ фактически сдѣлается главой Южнаго Общества. И для того, чтобы уничтожить силу Муравьева въ качествѣ самостоятельнаго организатора и вождя васильковской управы, Пестель рѣшилъ подчинить его контролю коллегіи директоровъ Общества. Съ этой цѣлью въ ноябрѣ 1825 г. Муравьевъ былъ признанъ третьимъ директоромъ Южнаго Общества.

Фактъ основанія Южнаго Общества возымѣлъ дѣйствіе на бывшихъ членовъ Союза Благоденствія, проживавшихъ въ Петербургѣ и послѣ московскаго съѣзда не проявлявшихъ никакой активности. Въ концѣ 1822 г. и въ Петербургѣ Союзъ Благоденствія возродился, принявши названіе Сѣвернаго Общества. Послѣднее составили С. Трубецкой, Н. Муравьевъ, Оболенскій и Рылѣевъ да еще три— четыре офицера. Позднѣе въ него вошло весьма незначительное число

членовъ. Въ общемъ составъ Сѣвернаго Общества, по словамъ С. Трубецкого, не превышалъ 13 членовъ. Тѣмъ не менѣе Общество имѣло довольно сложную организацію.

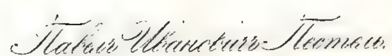
Составъ Общества дѣлился на „убѣжденныхъ" и „соединенныхъ" или „согласныхъ". „Убѣжденные" (иначе „верхній кругъ") это учредители Общества. Въ свою среду они принимали изъ „союза соединенныхъ" при условіи согласія всѣхъ „убѣжденныхъ", находившихся въ Петербургѣ. Общее согласіе всѣхъ „убѣжденныхъ" также требовалось для рѣшенія важныхъ вопросовъ. „Убѣжденные" выбирали членовъ думы или совѣта и управляющаго Обществомъ, разрѣшали вступленіе новыхъ членовъ, дума давала имъ отчетъ въ своей дѣятельности. Членъ Общества, состоящій въ разрядѣ „согласныхъ", имѣлъ право принять въ свою среду не болѣе двухъ новыхъ членовъ; при этомъ онъ у организаціи испрашивалъ согласіе черезъ того члена, который его принялъ въ составъ Общества. Этотъ послѣдній добивался согласія того члена, которымъ былъ введенъ въ Общество, если только не состоялъ въ числѣ „убѣжденныхъ" и т. д.—вплоть до думы. Такимъ же образомъ въ нисходящемъ порядкѣ шло согласіе отъ думы до того члена, который принималъ новичковъ. Вновь принятыхъ членовъ подвергали испытанію, потомъ послѣ испытанія начинали его готовить въ желательномъ для Общества направленіи. Если подготовка считалась достаточной, то послѣ этого новичку „открывали мало-по-малу цѣль тайнаго Общества". Но о средствахъ для достиженія этой цѣли и о времени выступленія зналъ только одинъ „верхній кругъ"—т. е. „убѣжденные".

Первое время предсѣдателемъ Сѣвернаго Общества считался капитанъ генер. штаба Никита Муравьевъ. Но черезъ годъ послѣ основанія Общества „для лучшаго успѣха" назначили трехъ предсѣдателей: того же Муравьева, полковн. л.-гв. преображ. полка кн. С. П. Трубецкого и поруч. финл. полка кн. Е. П. Оболенскаго; всѣ они были признаны безсмѣнными директорами Общества.

Въ чемъ же заключалась дѣятельность Сѣвернаго Общества?

Трубецкой, откровенный въ своихъ показаніяхъ до самыхъ ничтожныхъ мелочей, признаетъ, что послѣ 1821 г. на сѣверѣ „не охотно занимались дѣлами". Здѣсь не было даже той культурно-просвѣтительной работы, которую вели среди малосознательныхъ офицеровъ вожди Южнаго Общества. Каховскій, говоря о вліяніи Общества на его рядовыхъ членовъ, категорически заявляетъ: „Мы не составлялись въ Обществѣ, но совершенно готовые въ него лишь соединились". Слѣдственные же матеріалы по дѣлу декабристовъ не заключаютъ въ себѣ никакихъ данныхъ о положительной работѣ Сѣвернаго Общества для достиженія его цѣлей: вся дѣятельность членовъ Общества сводилась къ интимнымъ бесѣдамъ и разговорамъ между собою *).

*) Отсутствіе революціонной дѣятельности въ войскахъ подтверждается еще и тѣмъ фактомъ, что слѣдствіе по дѣлу декабристовъ совсѣмъ не обнаружило агитаціонно-революціонной литературы, которая бы распространялась въ арміи. До сихъ поръ изъ литературы декабристовъ извѣстны:

Павелъ Ивановичъ Пестель.

9

Julius Sittenfeld, Berlin W.

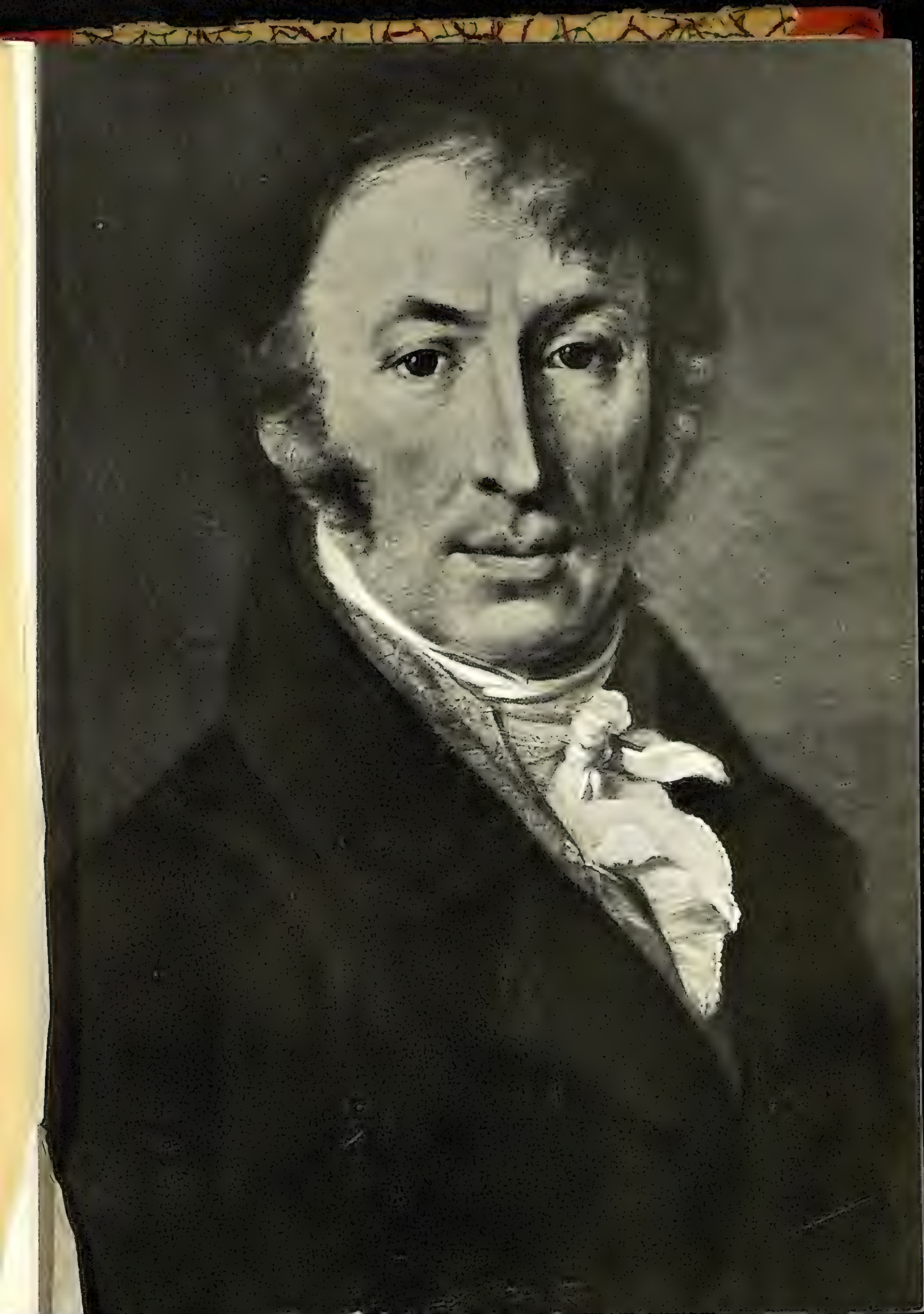
10.

Николай Михайловичъ Карамзинъ

Съ портрета, писаннаго В. А. Тропининымъ.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“

Въ 1824 г. С. Трубецкой выбылъ изъ Петербурга на югъ. Вмѣсто него въ составъ думы (иначе—директоріи) вошелъ поэтъ Рылѣевъ, который оказался наиболѣе дѣятельнымъ членомъ Общества. Но, въ виду плохихъ успѣховъ Общества, ему пришлось прибѣгать къ мистификаціи, чтобы вновь принятымъ членамъ показать силу думы, въ которой будто бы имѣлись весьма вліятельныя и высокопоставленныя особы.

Между Сѣвернымъ и Южнымъ Обществами почти за все время ихъ существованія происходили сношенія, хотя они никогда не были оживленными.

Пестель, въ надеждѣ на возможность координаціи въ дѣйствіяхъ сѣверянъ и южанъ, въ 1823 г. посылалъ въ Петербургъ Барятинскаго и Волконскаго для переговоровъ, которые успѣха не имѣли. Въ томъ же году Пестель въ письмѣ къ Никитѣ Муравьеву спрашивалъ объ успѣхахъ Сѣвернаго Общества, о числѣ членовъ и о готовности къ возстанію. Про южанъ онъ писалъ: „Les demi-mesures ne valent rien, ici nous voulons avoir maison nette“ (полумѣры ничего не стоятъ; здѣсь мы имѣемъ дѣйствовать во всю). „Какъ,—воскликнулъ Н. Муравьевъ,—они тамъ Богъ вѣсть что затѣяли: *хотятъ всѣхъ*“. Посланный Пестеля увезъ на югъ отвѣтъ Муравьева, гласившій, что у сѣверянъ рѣшено „commencer par la propagande“ (начать съ пропаганды).

Въ томъ же году члены Сѣвернаго Общества получили сообщеніе о томъ, что въ Петербургъ ѣдетъ Пестель. Это извѣстіе сѣверянъ смутило, такъ какъ ихъ организація къ этому времени ничего не сдѣлала. Чтобы не ударить передъ Пестелемъ лицомъ въ грязь, на скорую руку образовали „управу“ изъ трехъ членовъ и этимъ хотѣли показать, что Общество ихъ не бездѣйствуетъ. Въ началѣ 1824 г. Пестель пріѣхалъ въ Петербургъ. Сѣверянами онъ, конечно, остался недоволенъ. На совѣщаніяхъ видныхъ членовъ Пестель, для оживленія Сѣвернаго Общества, предложилъ соединить его съ Южнымъ. Но сѣверяне не подчинились вліянію Пестеля, предлагавшаго слишкомъ рѣшительныя мѣры для осуществленія политической свободы. „Пестель говорилъ, что надо прежде всего истребить всѣхъ членовъ императорской фамиліи, заставить сенатъ и синодъ объявить тайное Общество временнымъ правительствомъ съ неограниченной властью, принять присягу всей Россіи, раздать министерства, арміи, корпуса и прочія мѣста членамъ Общества, мало-по-малу въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ вводить новый порядокъ“. Это тактическое предложеніе произвело неблагопріятное впечатлѣніе на сѣверянъ. Противъ него особенно сильно возставалъ Н. Муравьевъ, который „доказывалъ, что совершенное соединеніе ихъ съ

„Русск. Правда“—Пестеля, „Конституція“—С. Трубецкого, 1-я часть „Устава Союза Благоденствія“, „Катихизисъ“—С.И. Муравьева-Апостола, „Любопытный разговоръ“—Н. Муравьева, нѣсколько неважныхъ писемъ и двѣ-три пѣсни. Изъ всей этой литературы въ широкія массы, кажется, пускались только пѣсни Рылѣева. Тексты конституцій были извѣстны весьма небольшому числу членовъ обоихъ Обществъ. Относительно „Катихизиса“ С. Муравьева извѣстно, что онъ былъ прочитанъ передъ семью ротами черниговскаго полка въ день его выступленія 31 декабря 1825 г.

Южнымъ Обществомъ невозможно по дальности разстоянія и по несходству во мнѣніяхъ". Слова Муравьева подѣйствовали, и соглашеніе не состоялось. Рѣшено было организаціи оставить безъ измѣненій, но съ тѣмъ, чтобы въ 1826 г. произвести сліяніе Обществъ. Съ тѣхъ поръ Пестель сталъ холодно относиться къ сѣверянамъ и прекратилъ съ ними всѣ сношенія.

Слабая связь между Сѣвернымъ и Южнымъ Обществами была причиной того, что обѣ эти организаціи совершенно добросовѣстно заблуждались относительно другъ друга. Сѣверяне были убѣждены, что только у нихъ дѣла въ плохомъ состояніи, а на югѣ Общество ведетъ широкую революціонную работу и въ нужный моментъ можетъ начать возстаніе. Въ 1825 г. Трубецкой, послѣ возвращенія своего изъ Кіева, объявилъ Рылѣеву и Оболенскому, что „дѣло Южнаго Общества въ самомъ хорошемъ положеніи, что корпусъ кн. Щербатова и дивизія генерала Рота совершенно готовы, не исключая нижнихъ чиновъ, на которыхъ найдено прекрасное средство дѣйствовать чрезъ солдатъ стараго семеновскаго полка". Сравнивая это сообщеніе Трубецкого съ показаніемъ Пестеля, можно сказать только одно: или Трубецкого мистифицировали въ Кіевѣ насчетъ готовности Южнаго Общества къ возстанію, или онъ самъ преднамѣренно извратилъ полученныя имъ свѣдѣнія о положеніи южанъ. Пестель въ своемъ показаніи утверждаетъ, что Южное Общество лишь „надѣялось" на 3-й корпусъ, такъ какъ въ немъ среди офицеровъ были члены Общества и „въ немъ же были и семеновскіе солдаты, недовольные своимъ положеніемъ". Но между надеждой на возстаніе недовольныхъ семеновцевъ, среди которыхъ не велось никакой революціонной работы, и „совершенной готовностью" къ возстанію—общаго немного.

На сѣверѣ же въ это время, по свидѣтельству Рылѣева, были „дѣла въ плохомъ положеніи": Сѣверное Общество „ни на какое рѣшительное дѣйствіе не готово было по своей слабости". Между тѣмъ Пестель еще въ 1824 г. получилъ отъ Оболенскаго письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ его, что на сѣверѣ „дѣла идутъ хорошо, что дѣйствуютъ на нижнихъ чиновъ—особенно унтеръ-офицеровъ". Такимъ образомъ, оба Общества взаимно другъ друга мистифицировали.

Недостатки организаціи Обществъ сильнѣйшимъ образомъ отражались на выработкѣ способовъ, при помощи которыхъ можно было бы произвести революціонный переворотъ. Въ планахъ возстанія обоихъ Обществъ чувствуется полная растерянность и неувѣренность: руководители Сѣвернаго и Южнаго Обществъ усердно занимались прожектерствомъ въ области тактическихъ средствъ, но ясной, опредѣленно формулированной общей тактики такъ и не могли создать.

Поставивши своей цѣлью уничтоженіе самодержавія, Общества естественно столкнулись съ вопросомъ: какъ поступить съ царской фамиліей, если она воспротивится установленію конституціоннаго строя? Разъ послѣ обсужденія вопроса о созывѣ Великаго Собора Рылѣевъ спросилъ товарищей:

— А что дѣлать съ императоромъ,

если онъ откажется утвердить уставъ представителей народныхъ?

— Это въ самомъ дѣлѣ задача,— сказалъ Пущинъ.

— Не вывезти ли за границу?— сказалъ Рылѣевъ.

— Больше нечего дѣлать,—замѣтилъ Трубецкой.

И съ этимъ всѣ участники даннаго собранія согласились.

Положено было, что корабль, назначенный для вывоза изъ Россіи царской фамиліи, подойдетъ Невою къ Зимнему дворцу, возьметъ на бортъ всѣхъ особъ императорской фамиліи и отвезетъ ихъ въ чужіе края. Рылѣевъ ради этой цѣли завелъ сношенія съ флотомъ.

И какъ-то, при свиданіи съ морскимъ офицеромъ Торсономъ, Рылѣевъ спросилъ его: „Можно ли имѣть фрегатъ съ надежнымъ капитаномъ и офицерами"?—„Для чего это?"—„Чтобы отправить въ случаѣ надобности царствующую фамилію за границу". Торсонъ находилъ это опаснымъ и предложилъ царскую фамилію оставить во дворцѣ: „Тутъ она подъ надзоромъ". Но Рылѣевъ сказалъ на это: „Нѣтъ, въ Петербургѣ нельзя; развѣ въ Шлиссельбургѣ. Тамъ можно приготовить старый семеновскій полкъ, а въ случаѣ возмущенія—примѣръ Мировича".

Но мысль объ изгнаніи изъ Россіи царской фамиліи или о заточеніи ея въ тюрьму большимъ успѣхомъ не пользовалась среди членовъ тайныхъ Обществъ. Зато идея цареубійства и даже истребленія всей императорской фамиліи увлекала многихъ. Подъ конецъ эту идею раздѣлялъ и Рылѣевъ, долгое время возстававшій противъ нея. До какой степени много разговоровъ о цареубійствѣ было въ обоихъ Обществахъ, это видно изъ того факта, что въ приговорѣ по дѣлу декабристовъ изъ 121 обвиняемаго болѣе 50 чел. обвинены за „участіе въ умыслѣ на цареубійство". Вождямъ Сѣвернаго и Южнаго Обществъ въ интимныхъ разговорахъ съ друзьями истребленіе всей царской фамиліи представлялось дѣломъ государственной необходимости. Пестель находилъ, что для упроченія республики слѣдуетъ уничтожить всѣхъ претендентовъ на престолъ. Рылѣевъ считалъ, что „для прочнаго введенія новаго порядка" необходимо истребленіе всего царствующаго дома. „Я полагалъ,—показывалъ Рылѣевъ—что убіеніе одного императора не только не произведетъ никакой пользы, но напротивъ, можетъ быть пагубно для самой цѣли общества, что оно раздѣлитъ умы, составитъ партіи, взволнуетъ приверженцевъ августѣйшей фамиліи и что все это совокупно неминуемо породитъ междуусобіе и всѣ ужасы народной революціи. Съ истребленіемъ же всей императорской фамиліи я думалъ, что поневолѣ всѣ партіи должны будутъ соединиться или, по крайней мѣрѣ, ихъ легче можно будетъ успокоить"...

Но изъ показаній декабристовъ явствуетъ, что цареубійство и истребленіе царскаго дома никогда не являлось для заговорщиковъ дѣломъ безусловной необходимости. По словамъ Пестеля, „надобности въ истребленіи всей царской фамиліи не представлялось послѣ того, какъ выяснилось, что „гвардія вовсе не предана къ великимъ князьямъ"; поэтому удаленіе изъ Россіи членовъ царствующаго дома было бы въ инте-

ресахъ революціи, чтобы противъ нея не возстановлять общество. И всѣ приведенные выше проекты истребленія всего царскаго рода слѣдуетъ относить не къ серьезнымъ тактическимъ планамъ, а къ области революціонной фразеологіи, всегда появлявшейся на сценѣ во время интимныхъ разговоровъ. Это подтверждается и показаніями южанъ, изъ числа которыхъ даже ближайшіе друзья Пестеля утверждаютъ, что никто серьезнаго значенія рѣчамъ Пестеля о цареубійствѣ не придавалъ, „почитая все сіе пустыми словами" (Давыдовъ).

Относительно времени и средствъ для приведенія въ исполненіе замысловъ Общества существовало въ средѣ декабристовъ много разныхъ мнѣній, предложеній и разговоровъ. Моментъ революціи опредѣлялся различно. То находили, что революцію необходимо произвести немедленно же послѣ смерти Александра I; то признавали, что этотъ моментъ переворота можетъ опредѣлиться лишь состояніемъ силъ Общества и благопріятнымъ для заговора политическимъ положеніемъ, независимо отъ смерти Александра. Но всѣ признавали, что безъ полнаго взаимнаго согласія сѣвера съ югомъ къ революціоннымъ дѣйствіямъ не слѣдуетъ приступать.

Наибольшимъ успѣхомъ—однако—пользовались два проекта низверженія самодержавія и установленія представительнаго правленія. По первому проекту возстаніе должно было начаться въ Петербургѣ—центрѣ „всѣхъ правленій и властей": знамя возстанія поднимаютъ гвардія и флотъ; армія же и провинція ихъ поддерживаютъ; царская фамилія вывозится въ чужіе края; сенатъ принимаетъ мѣры къ обнародованію новаго образа правленія, а взамѣнъ царя и его министровъ сорганизованное заговорщиками „временное правленіе" созываетъ народныхъ представителей для принятія конституціи.

Второй проектъ сводился къ тому, чтобы возстаніе начать во время ожидавшагося высочайшаго смотра войскъ 3 корпуса въ 1826 г. Сначала убить императора Александра I. Потомъ издать двѣ прокламаціи: одну — къ войску, а другую—къ народу. Послѣ этого 3-й корпусъ долженъ двинуться на Кіевъ и Москву, причемъ по пути должны были присоединиться дружественныя, сочувствующія и недовольныя войска. Въ Москвѣ войска должны были потребовать отъ сената преобразованія государственнаго строя. Тѣмъ временемъ всѣ остальные члены обязаны были содѣйствовать начавшейся революціи. Остальная часть южнаго округа въ это время занимаетъ Кіевъ и въ немъ остается. Сѣверяне поднимаютъ гвардію и флотъ, отправляютъ заграницу царскую фамилію и предъявляютъ къ петербургскому сенату требованіе опубликовать реформу государственнаго строя.

Пестель въ своемъ показаніи приведенный планъ считаетъ невыполнимымъ и даже указываетъ на то, что на контрактахъ 1825 г. въ Кіевѣ его „опровергли" члены Южнаго Общества. Тѣмъ не менѣе во второй половинѣ 1825 г. этотъ планъ снова былъ выдвинутъ на сцену, но однако рѣшено было не приступать къ его выполненію до тѣхъ поръ, пока

не будутъ получены опредѣленныя извѣстія изъ Петербурга отъ Сѣвернаго Общества. Но заговоръ былъ открытъ раньше, чѣмъ южане успѣли снестись съ сѣверянами относительно координированія своихъ выступленій.

Изъ показаній членовъ Южнаго Общества видно, что лучшимъ временемъ для открытія дѣйствій Пестель считалъ мартъ мѣсяцъ, „ибо,— какъ онъ говорилъ, — весною несравненно способнѣе дѣлать кампанію. А если начнутся аресты, то немедленно же приступить“.

По словамъ Н. Муравьева, Пестель для успѣха революціи и полной побѣды Общества настаивалъ на выполненіи слѣдующаго плана: правленіе Общества должно сперва убить членовъ императорской фамиліи, заставить сенатъ и синодъ объявить правленіе Общества временнымъ правительствомъ, облеченнымъ неограниченной властью. Временному правительству должна присягнуть вся Россія. Послѣ этого оно раздастъ министерства, арміи, корпуса и др. отвѣтственныя должности членамъ Общества, послѣ чего въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ будутъ постепенно вводиться новые порядки. Тѣмъ временемъ Общество будетъ попрежнему принимать новыхъ членовъ, при чемъ никто не получитъ никакой должности—военной или гражданской—если не будетъ состоять членомъ Общества. Диктатура временнаго правительства, по мнѣнію Пестеля, должна была быть весьма длительной. Когда Поджіо высказалъ мысль, что временное правительство будетъ дѣйствовать не болѣе года—двухъ, то Пестель на это заявилъ: „О, нѣтъ, не менѣе десяти лѣтъ,—раздѣленіе земель одно возьметъ много времени“.

Изложенные планы возстанія имѣютъ въ своей основѣ революціонную тактику. Но справедливость требуетъ сказать, что огромное большинство членовъ не только Сѣвернаго, но и Южнаго Обществъ придерживалось весьма умѣренныхъ взглядовъ. Петербуржцы были убѣжденными монархистами и „въ рѣшительномъ совѣщаніи никогда не полагали истребить императорскую фамилію и провозгласить республику“. Что касается южанъ, то они тоже были гораздо правѣе Пестеля, и если они придерживались революціонныхъ мыслей, то исключительно подъ вліяніемъ могучаго и неотразимаго авторитета Пестеля, спорить съ которымъ у нихъ не хватало духу.

Въ конечномъ счетѣ революціонность не только сѣверянъ, но и южанъ шла вовсе не такъ далеко, какъ это принято думать. Пестель, который въ показаніяхъ ничуть не скрываетъ своей революціонности, замѣчаетъ, что члены Общества часто говорили на тему о томъ, что „ежели самъ государь подаритъ отечество твердыми законами и постояннымъ порядкомъ дѣлъ, то мы будемъ его вѣрнѣйшими приверженцами и оберегателями; ибо намъ дѣло только до того, чтобы Россія пользовалась благоденствіемъ, откуда бы оное ни произошло, и въ такомъ случаѣ готовы совершенно забыть о республиканскихъ мысляхъ“.

Трудно сказать—что бы предприняли Общества и даже вообще предприняли ли бы что-нибудь, если бы послѣ смерти Александра не наступило междуцарствіе, которымъ члены Сѣвернаго Общества рѣшили

воспользоваться для переворота. Но не подлежитъ сомнѣнію, что если бы заговорщики въ большинствѣ своемъ были искренно преданы революціонной идеѣ и имѣли бы для осуществленія послѣдней соотвѣтствующую организацію, то могли бы увлечь за собой весьма значительное число войскъ. Сдѣлать это имъ было легко потому, что войска того времени представляли собою массу, въ которой царило глухое недовольство полковыми порядками: съ солдатами обращались до чудовищнаго жестоко, держали ихъ впроголодь, обкрадывали и т. д. Порой это недовольство выражалось въ открытыхъ массовыхъ протестахъ, лучшей иллюстраціей чему является такъ называемая Семеновская исторія *). Кн. Васильчиковъ, производившій дознаніе о происшествіи въ семеновскомъ полку, говоритъ, что всѣ полки „болѣе или менѣе подготовлены были къ 14 декабря неудовольствіемъ, возбужденнымъ излишнею взыскательностью фронтовой службы". Успѣху заговора въ значительной мѣрѣ могло содѣйствовать также и то положеніе, которое занимали въ арміи члены Обществъ. Пестель командовалъ полкомъ и, будучи въ то же время адъютантомъ у начальника Южной арміи, зналъ прекрасно всѣ тайны штаба, интендантства и пользовался во 2-й арміи громаднымъ вліяніемъ, такъ какъ черезъ его руки шла вся отчетность по полкамъ. Въ числѣ друзей Пестеля были ген.-инт. 2-й арміи Юшневскій и генералъ дѣйствующей арміи Волконскій. Кромѣ того—Пестель, въ случаѣ возстанія, могъ разсчитывать на нѣсколькихъ полковниковъ и подполковниковъ. Сѣверяне въ рядахъ Общества имѣли генерала, двухъ полковниковъ и значительное число командировъ отдѣльныхъ частей. Кромѣ того, у нихъ были связи среди высшаго правительства. Главари же заговора пользовались большимъ расположеніемъ въ петербургскомъ обществѣ.

Политическое положеніе, которое

*) Въ краткихъ чертахъ Семеновская исторія заключается въ слѣдующемъ. 16 окт. 1820 г. одна изъ ротъ л.-гв. семеновскаго полка, въ видѣ протеста противъ жестокой дисциплины, введенной въ полку командиромъ послѣдняго Шварцемъ, отказалась пойти въ караулъ и потребовала для объясненій ротнаго командира. Начальство приказало ротѣ разойтись. Но рота отказалась выполнить этотъ приказъ. Тогда она была окружена 2 ротами павловскаго полка, арестована и отправлена въ Петропавловскую крѣпость. Послѣ этого бунтъ распространился и на остальныя роты полка; онѣ пытались заступиться за своихъ товарищей. Бунтъ удалось подавить лишь черезъ 4 сутокъ: весь полкъ былъ отправленъ подъ арестъ въ приморскія крѣпости Финляндіи. 2 ноября послѣдовало раскассированіе полка, а Шварцъ и поднявшая бунтъ рота были преданы военному суду, который Шварца отрѣшилъ отъ должности, а зачинщиковъ приговорилъ къ каторгѣ, предварительно подвергнувъ однихъ изъ нихъ наказанію кнутомъ, а другихъ—шпицрутенами.

Меттернихъ ловко использовалъ Семеновскую исторію, убѣдивши Александра I во вредѣ тайныхъ обществъ (Меттернихъ увѣрялъ Александра, что Семеновская исторія явилась результатомъ революціонной пропаганды тайныхъ обществъ въ арміи) и въ правильности принятой правительствомъ политики. Въ 1822 г. масонскія ложи и тайныя общества были строжайше воспрещены. Шильдеръ полагаетъ, что Семеновская исторія не обошлась безъ вліянія членовъ тайнаго Общества. Но это предположеніе ошибочно, такъ какъ будущіе декабристы принимали дѣятельное участіе въ успокоеніи семеновцевъ.

создалось послѣ смерти Александра I, и обнаруженіе правительствомъ заговора рѣшили участь заговорщиковъ раньше, чѣмъ они успѣли выработать какой-либо общій планъ дѣйствій.

Первый доносъ о существованіи на югѣ тайнаго общества Александръ I получилъ еще въ іюлѣ 1825 г. Сдѣланъ онъ былъ унтеръ-офицеромъ 3-го бугскаго уланскаго полка Шервудомъ. Въ сентябрѣ того же года Шервудъ въ новомъ доносѣ императору уже далъ подробныя указанія относительно тайнаго общества. Эти доносы скоро подтвердились доносами ген.-лейт. Витта и кап. вятскаго полка Майбороды (члена Южнаго Общества).

19 ноября 1825 г. умеръ Александръ I, не сдѣлавши никакихъ распоряженій по этимъ доносамъ. Послѣ его смерти наступило междуцарствіе, продолжавшееся до 14 декабря 1825 г.

2.

Мечты Александра I объ отреченіи отъ престола. Отказъ Константина отъ правъ на царство и актъ о престолонаслѣдіи. Смерть Александра I. Междуцарствіе. Приготовленія Сѣвернаго Общества къ возстанію.

Императоръ Александръ I еще съ юныхъ лѣтъ мечталъ объ отреченіи отъ престола. Въ началѣ своего царствованія эту мысль онъ выразилъ въ категорической формѣ въ письмѣ къ своему бывшему воспитателю Лагарпу. Позднѣе ту же мысль онъ развивалъ не разъ многимъ изъ близкихъ ему лицъ, въ томъ числѣ и своимъ братьямъ, не исключая и великаго князя Николая Павловича. Такъ, 13 іюля 1819 г. Александръ сообщилъ Николаю и его женѣ о своемъ отвращеніи къ престолу и намѣреніи сложить съ себя бремя управленія государствомъ. Къ этому онъ добавилъ, что и наслѣдникъ престола великій князь Константинъ Павловичъ рѣшительно отказывается отъ своихъ правъ на царство. Сообщеніе это онъ закончилъ обращеніемъ къ изумленной великокняжеской четѣ: „Итакъ, вы должны напередъ узнать, что призываетесь въ будущемъ къ императорскому сану".

Такимъ образомъ, Николай еще за шесть лѣтъ до 14 декабря 1825 г. былъ поставленъ въ извѣстность, что престолъ можетъ перейти къ нему послѣ смерти Александра.

Причины отказа Константина отъ правъ на царство лежатъ въ неудачно сложившейся его семейной жизни.

Первая жена его не могла съ нимъ ужиться и послѣ смерти Павла навсегда оставила Россію. Константинъ сталъ хлопотать о разводѣ, чтобы получить право на вступленіе въ новый бракъ. Дѣло съ разводомъ затянулось, такъ какъ противъ него была вдовствующая императрица.

И только 20 марта 1820 г. особымъ манифестомъ былъ расторгнутъ первый бракъ Константина, и послѣднему дано право вступить во вторичный бракъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ престола. Кромѣ того, въ манифестъ было внесено одно важное ограниченіе: „Лицо императорской фамиліи, вступившее въ бракъ съ лицомъ, не принадлежащимъ къ царствующему или владѣтельскому дому, не передаетъ другому правъ, принадлежащихъ членамъ императорской фамиліи, и дѣти отъ такого брака не имѣютъ права на наслѣдованіе престола". Въ томъ же 1820 году Константинъ женился на княгинѣ Ловичъ, урожденной графинѣ Грудзинской. Этомъ бракъ не только Константину, но и его дѣтямъ отрѣзалъ путь къ престолу. 14 января 1822 г. Константинъ свое вынужденное отреченіе отъ престола закрѣпилъ въ формѣ письма къ императору. Александръ въ томъ же году 22 февраля въ особомъ рескриптѣ отвѣтилъ согласіемъ на просьбу Константина. Все это почему-то было исполнено въ глубокой тайнѣ. Въ слѣдующемъ 1823 году рѣшено было приступить къ составленію формальнаго акта о престолонаслѣдіи. Но составленіе и этого акта, какъ и переписка между императоромъ и наслѣдникомъ, почему-то были окружены опять-таки непроницаемой таинственностью. Черезъ министра духовныхъ дѣлъ кн. Голицына Александръ I приказалъ московскому архіепископу Филарету изготовить текстъ манифеста о назначеніи наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича. Утвержденный императоромъ манифестъ съ приложеніемъ письма наслѣдника объ отреченіи отъ престола былъ переданъ Филарету съ надписью, сдѣланною рукою царя: „Хранить въ Успенскомъ Соборѣ съ государственными актами до востребованія Моего, а въ случаѣ Моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ Соборѣ прежде всякаго другого дѣйствія". Въ Москвѣ о содержаніи этого пакета никто, кромѣ Филарета, не зналъ. Копіи съ манифеста были отданы на храненіе въ государственный совѣтъ, сенатъ и синодъ. О томъ, что изготовленъ манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола великаго князя Николая, во всей Россіи знали очень немногія лица. Кромѣ царской семьи въ эту тайну посвящены были лишь арх. Филаретъ, гр. Аракчеевъ, кн. Голицынъ, супруги Карамзины и принцъ Вильгельмъ. Повидимому, о ней знали также и представители иностранныхъ державъ при россійскомъ дворѣ. По крайней мѣрѣ—въ прусскомъ придворномъ календарѣ на 1825 г. наслѣдникомъ русскаго престола былъ обозначенъ в. к. Николай, „по условію, заключенному при женитьбѣ Константина".

Лица, знавшія о существованіи акта о престолонаслѣдіи, ставили императору на видъ всю опасность, которая угрожаетъ Россіи отъ обнародованія этого документа. Но Александръ, возражая на это, находилъ, что нужно положиться въ этомъ на Бога: „Онъ устроитъ все лучше насъ смертныхъ".

19 ноября 1825 г. Александръ I неожиданно умеръ, не открывъ тайны о престолонаслѣдіи лицамъ, окру-

жавшимъ его въ моментъ кончины. Дибичъ, находившійся при императорѣ, немедленно же послалъ гонцовъ въ Варшаву и въ Петербургъ съ извѣстіемъ о смерти Александра I.

Въ Петербургѣ первымъ присягнулъ новому императору Константину вел. кн. Николай, но сдѣлалъ это онъ подъ давленіемъ петербургскаго генералъ-губернатора Милорадовича. Послѣдній отказался поручиться за спокойствіе столицы, если будетъ объявлена присяга Николаю. Милорадовичъ, мотивируя такимъ образомъ необходимость присяги Константину, прямо заявилъ Николаю: „Вы сами изволите знать, васъ не любятъ".

Въ тотъ же день (27 ноября) былъ собранъ государственный совѣтъ для принесенія присяги Константину. Кн. Голицынъ сообщилъ въ засѣданіи совѣта о завѣщаніи Александра I, заключенномъ въ таинственномъ пакетѣ, хранящемся въ государственномъ совѣтѣ. Поднялись споры о томъ, слѣдуетъ ли ознакомиться съ манифестомъ о престолонаслѣдіи. Министръ юстиціи Лобановъ-Ростовскій рѣшительно заявилъ: „Les morts n'ont point de volonté" (мертвые воли не имѣютъ). Послѣ долгихъ и горячихъ преній пакетъ все-таки былъ вскрытъ, и манифестъ прочитанъ. Но Милорадовичъ заявилъ, что говорить объ отреченіи отъ престола Константина и о вступленіи на царство Николая поздно, такъ какъ Николай уже отказался отъ правъ на престолъ, дарованныхъ ему манифестомъ. Для разрѣшенія недоразумѣнія Милорадовичъ предложилъ государственному совѣту отправиться къ вел. кн. Николаю.

Предложеніе это государственный совѣтъ принялъ и въ полномъ составѣ отправился въ Зимній дворецъ къ Николаю съ просьбой высказать свой взглядъ на дѣло. Николай категорически заявилъ, что онъ знакомъ съ содержаніемъ акта о престолонаслѣдіи еще съ 13 іюля 1819 г.

„Господа,—сказалъ онъ членамъ совѣта,—я васъ прошу, я васъ убѣждаю, для спокойствія государства, немедленно, по примѣру моему и войска, принять присягу на вѣрное подданство государю императору Константину Павловичу. Я никакого другого предложенія не приму и ничего другого и слушать не стану". Другого онъ, конечно, ничего не могъ сказать государственному совѣту въ виду того щекотливаго положенія, въ которомъ онъ очутился.

Послѣ этихъ объясненій Николая государственный совѣтъ принялъ присягу Константину. Копія съ постановленія государственнаго совѣта въ тотъ же день была отослана въ Варшаву къ новому императору. Сенатъ тѣмъ временемъ разослалъ по всей Россіи указъ о принятіи присяги Константину.

На другой день послѣ присяги на Невскомъ проспектѣ въ магазинахъ уже шла продажа портретовъ Константина I, императора и самодержца всероссійскаго. Публика, разсматривавшая портреты новаго императора, обращала болѣе всего вниманія на физіономію Константина, напоминавшую Павла I. „Между искренними не было недостатка въ сарказмахъ". Чтобы успокоить недоумѣвавшую публику, въ виду отсутствія новаго императора, выпускались особые бюллетени, въ которыхъ сообщалось, что его величество вскорѣ прибудетъ въ столицу, что великій

князь Михаилъ Павловичъ отправился навстрѣчу государю императору и т. п. Въ Зимнемъ дворцѣ чувствовали себя нехорошо въ виду полной неопредѣленности, которая создалась актомъ о престолонаслѣдіи. Почта, приходившая изъ Варшавы, вскрывалась: хотѣли хотя бы изъ частной переписки узнать о событіяхъ въ Варшавѣ. Солдаты никуда не выпускались изъ казармъ, и между ними не допускались никакіе разговоры. Полковымъ и баталіоннымъ командирамъ былъ отданъ приказъ приготовить солдатъ къ перемѣнѣ присяги, на случай отказа цесаревича отъ престола, причемъ обѣщаны были генералъ-адъютантство и флигель-адъютантство.

До 2 декабря въ Петербургѣ была полная тишина, и внѣшній порядокъ ни въ войскахъ, ни въ управленіи не нарушался. И уже стали поступать донесенія изъ провинціи о благополучномъ принесеніи присяги императору Константину. Въ Москвѣ съ присягой обошлось спокойно благодаря тому, что Филаретъ рѣшилъ игнорировать волю Александра I, отказавшись отъ вскрытія пакета впредь до высочайшаго распоряженія. Такимъ образомъ, въ Москвѣ въ день присяги Константину ни власти, ни народъ ничего не знали объ актѣ о престолонаслѣдіи.

Въ Варшавѣ всеподданнѣйшій рапортъ Дибича о смерти императора былъ полученъ 25 ноября. Сначала в. кн. Константинъ колебался и даже, говорятъ, ночь на 26-е ноября провелъ безъ сна, рѣшая вопросъ о томъ—быть или не быть ему царемъ. По другимъ свѣдѣніямъ, онъ, прочитавши рапортъ Дибича, твердо заявилъ своему брату Михаилу, что теперь его „воля отречься отъ престола болѣе, нежели когда-либо, непреложна".

Подчиненные Константина, узнавши о смерти Александра I, стали называть наслѣдника его величествомъ, противъ чего Константинъ протестовалъ, а потомъ и совсѣмъ запретилъ титуловать его по-царски. 26 ноября онъ отправилъ съ вел. кн. Михаиломъ въ Петербургъ къ матери и Николаю письма, въ которыхъ сообщалъ, что согласно рескрипту отъ 22 февраля 1822 г. уступаетъ свои права на царство Николаю. Недѣлю спустя Константинъ получилъ изъ Петербурга первое извѣстіе о томъ, что Петербургъ ему уже присягнулъ и что указъ о присягѣ новому императору разосланъ по всей Россіи.

Оказывается, что онъ совершенно свободно могъ сдѣлаться императоромъ. И то, что упущенъ такой удобный моментъ возстановить свои права на царство, Константина привело въ ярость. Подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія и досады, Константинъ отвѣтилъ Николаю и предсѣдателю государственнаго совѣта, что онъ отказывается отъ престола. Лопухину письмо было написано въ такихъ неприличныхъ выраженіяхъ, что впослѣдствіи его не могли даже опубликовать въ числѣ документовъ, разъясняющихъ вопросъ о престолонаслѣдіи. Въ Петербургѣ изъ устъ въ уста ходила фраза Константина: „Что они, дурачье..., вербовать что ли вздумали въ цари"..

3 декабря въ Петербургъ пріѣхалъ отъ Константина первый посланецъ—вел. кн. Михаилъ. Но его пріѣздъ Николая не вывелъ изъ затрудненія:

въ его рукахъ попрежнему не было формальнаго акта о томъ, что Константинъ отказывается отъ престола и послѣ принесенной ему присяги. Николай не зналъ—какъ отнесся наслѣдникъ къ принесенной на вѣрность ему присягѣ: согласился ли на царство или продолжаетъ настаивать на своемъ отреченіи отъ престола.

Вмѣсто того, чтобы рѣшиться на что-либо опредѣленное, въ Петербургѣ держались выжидательной политики, оставивши положеніе дѣлъ безъ измѣненій до тѣхъ поръ, пока не будетъ получено отъ Константина окончательнаго отвѣта. Въ Варшаву отправили новыхъ гонцовъ. А 9 декабря пріѣхалъ въ Петербургъ посланный отъ Константина, привезшій отвѣты Николаю и Лопухину на ихъ извѣщеніе о присягѣ новому императору. Но и эти письма Константина все-таки не разрѣшили окончательно вопроса о престолонаслѣдіи. Положеніе попрежнему оставалось крайне неопредѣленнымъ и тревожнымъ. На время въ Россіи создалось неслыханное „междуцарствіе при двухъ императорахъ“: Николай присягнулъ на вѣрность Константину, Константинъ отрекся отъ престола въ пользу Николая. Эта неопредѣленность тянулась вплоть до 14 декабря, когда положеніе окончательно выяснилось.

Благодаря тому, что новый императоръ не являлся въ Петербургъ, въ управленіи страной стали создаваться затрудненія. Гдѣ находился новый царь—никто не зналъ. Николаю ничего не оставалось другого сдѣлать, какъ превратиться во временно-исправляющаго должность императора: онъ получалъ и распечатывалъ всѣ бумаги, приходившія на имя царя, дѣлалъ по нимъ необходимыя распоряженія, но изъ дворца тѣмъ не менѣе изъ предосторожности не выѣзжалъ и на людяхъ вообще не показывался.

12-го декабря политическое положеніе совершенно неожиданно осложнилось и стало чрезвычайно грознымъ для самодержавія: Николай получилъ съ юга донесеніе о существованіи тайнаго общества, данныя о которомъ Дибичъ нашелъ при разборѣ бумагъ покойнаго императора. Александръ I первыя свѣдѣнія о тайномъ обществѣ получилъ въ 1820 году; въ 1821 г. послѣдовалъ извѣстный указъ, которымъ существованіе тайныхъ обществъ строжайше воспрещалось. Въ силу этого указа тайныя общества, кромѣ Союза Благоденствія, закрылись. Позднѣе Александръ I продолжалъ получать свѣдѣнія о тайномъ обществѣ, но получаемымъ доносамъ не давалъ никакого движенія. Не далъ онъ также никакого ходу и доносамъ Шервуда, Майбороды и Витта. И только Дибичъ, разбирая бумаги покойнаго императора, увидѣлъ, что существуетъ серьезный заговоръ противъ существующаго государственнаго строя, и поэтому онъ поспѣшилъ принять мѣры къ разрушенію замысловъ тайнаго общества. Съ этой цѣлью онъ отправилъ соотвѣтствующія распоряженія въ главный штабъ второй арміи и обширное донесеніе вел. кн. Николаю.

Въ тотъ же день подпоручикъ Я. Ростовцевъ, знавшій близко многихъ изъ членовъ Сѣвернаго Общества, написалъ Николаю письмо, которое самъ же доставилъ во дворецъ. Въ этомъ письмѣ Ростовцевъ, не называя фамилій, указалъ Николаю на

существованіе въ Петербургѣ тайнаго общества, которое намѣрено произвести революціонный переворотъ.

Поверхностный обзоръ полученныхъ отъ Дибича бумагъ и доносъ Ростовцева привели Николая, по словамъ придворнаго историка, „въ несказанный ужасъ“.

Того же 12-го декабря изъ Варшавы были получены отъ Константина новыя письма. Въ нихъ не было и рѣшительнаго отказа Константина отъ престола, но не было также и желанія его вступить на царство. Тѣмъ не менѣе—эти не вполнѣ опредѣленныя письма, въ связи съ доносами Дибича и Ростовцева, положили конецъ неопредѣленности политическаго положенія и заставили Николая приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Въ тотъ же день вечеромъ Николай въ своемъ отвѣтѣ Дибичу писалъ: „Рѣшительный курьеръ воротился, послѣзавтра по утру я—или государь или безъ дыханія. Я жертвую собою для брата, счастливъ, если, какъ подданный, исполню волю его. Но что будетъ въ Россіи? Что будетъ въ арміи? Генералъ Толь здѣсь, и я его пошлю въ Могилевъ съ симъ извѣстіемъ къ графу Сакену и ищу довѣреннаго для такого же назначенія въ Тульчинъ и къ Ермолову. Словомъ, надѣюсь быть достойнымъ своего званія не съ боязнью или недовѣрчивостью, но съ надеждою, что какъ я самъ исполнилъ свой долгъ, такъ и всѣ оный передо мною выполнятъ“.

12 декабря Сперанскій изготовилъ манифестъ о восшествіи Николая на престолъ. 13 декабря этотъ манифестъ былъ подписанъ, а обнародованіе его и присяга Николаю были назначены на 14-е декабря. День 13-го декабря весь ушелъ на печатаніе манифеста и на приготовленіе къ его обнародованію и на подготовку условій для благопріятнаго исхода присяги Николаю. Этотъ день петербуржцы провели въ тревогѣ. При встрѣчахъ вмѣсто привѣтствія обыватели говорили: „Ну, что будетъ завтра?“ Всѣхъ пугала неопредѣленность политическаго положенія. Многіе догадывались и даже знали, что 14 декабря не обойдется безъ возстанія. И дѣйствительно, члены Сѣвернаго Общества почти открыто устраивали многочисленныя собранія, на которыхъ рѣшено было день присяги 14-го декабря использовать для цѣлей Общества.

Собственно Сѣверное Общество оживилось послѣ первыхъ же извѣстій о болѣзни императора. Мечты о революціонномъ переворотѣ въ связи съ предстоящей смертью Александра I вдохнули жизнь въ замершую организацію сѣверянъ. Но дѣло дальше разговоровъ такъ и не пошло, и присяга Константину прошла совершенно спокойно. Объясняется это тѣмъ, что положеніе вещей въ Сѣверномъ Обществѣ было такое, что „никакихъ мѣръ не только невозможно было принять, но и сдѣлать о томъ совѣщанія“. Такимъ образомъ—о самостоятельномъ выступленіи здѣсь и рѣчи не было. Поэтому рѣшили приготовиться къ тому, чтобы оказать содѣйствіе южанамъ, если у тѣхъ окажутся силы и возможность поднять возстаніе.

Но вотъ разнеслась по Петербургу вѣсть объ отреченіи Константина отъ престола. Вѣсть эта повергла власти

въ уныніе; всѣ вѣрили, что „трудно будетъ увѣрить солдатъ въ отреченіи Константина отъ престола“, что „народъ не въ состояніи сего понять“ и т. д.

Въ обществѣ и въ гвардіи отношеніе къ Николаю было враждебное. Всѣ боялись, что на престолѣ окажется полковникъ, одержимый страстью къ фронту, грубый, непросвѣщенный и совершенно неподготовленный къ государственному управленію. Якубовичъ заявилъ Милорадовичу, что никому не присягнетъ, пока Константинъ Павловичъ самъ не пріѣдетъ въ Петербургъ отказаться отъ престола. Милорадовичъ взялъ Якубовича за руку и сказалъ: „Повѣрьте, вы не одни такъ думаете“.

Мнѣнія членовъ Сѣвернаго Общества о Николаѣ не расходились. „Императоръ съ его умомъ и суровостью будетъ деспотомъ тѣмъ опаснѣйшимъ,—показывалъ одинъ изъ декабристовъ, — что его проницательность грозитъ гоненіемъ всѣмъ умнымъ и благонамѣреннымъ людямъ; что онъ нанесетъ мѣткіе удары просвѣщенію, что участь наша рѣшена съ минуты его восшествія, а потому намъ все равно гибнуть сегодня или завтра“. Въ ожиданіи воцаренія Николая въ Петербургѣ говорили: „Вотъ въ какомъ мы положеніи, что и императора Александра жалѣть должны!“...

Подъ вліяніемъ слуховъ объ отреченіи Константина отъ престола кореннымъ образомъ измѣнилось положеніе дѣлъ въ Сѣверномъ Обществѣ. „Теперь или никогда!“—рѣшительно сказалъ Рылѣевъ, и отреченіе было рѣшено использовать для цѣлей возстанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, что если Константинъ останется царемъ, распустить Общество и за 2 года осторожныхъ и тактичныхъ дѣйствій заполнить важныя мѣста въ гвардіи лицами, сочувствующими народному представительству, чтобы въ будущемъ произвести революціонный переворотъ при помощи военной силы. Въ случаѣ же дѣйствительнаго отреченія Константина рѣшено было выработать планъ дѣйствій. Съ этого момента у сѣверянъ начались „рѣшительныя и каждодневныя совѣщанія“, а штабъ-квартирой была сдѣлана квартира Рылѣева, изъ которой исходили всѣ приготовленія и распоряженія къ возмущенію“.

Въ чемъ же состояли эти „приготовленія и распоряженія къ возмущенію“?

Въ сущности среди петербургскихъ заговорщиковъ царилъ полный разбродъ. Заговорщики много говорили, нервничали, волновались, но никто изъ нихъ не зналъ хорошо, какими силами располагаетъ Общество. Болѣе того—они, во время своихъ горячихъ дебатовъ, никакъ не могли выработать общей тактики, обязательной для всѣхъ членовъ Общества.

Трубецкой—будущій диктаторъ — предлагалъ слѣдующую тактику:

„Если полки откажутся отъ присяги, то собрать ихъ гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ и ожидать, какія будутъ приняты мѣры отъ правительства“. Трубецкой надѣялся, что если возставшія войска окажутся въ достаточномъ количествѣ, то силою не вздумаютъ ихъ принуждать къ повиновенію. А для того, чтобы войска втянуть въ возстаніе, „должно было тотъ полкъ, въ которомъ откажутся люди присягать, стараться вывести

къ другому ближнему полку, чтобы побудить и тотъ полкъ выйти, если онъ также отказывался дать присягу, или также отказаться отъ оной". Со словъ Рылѣева и Оболенскаго, Трубецкой полагалъ, что не присягнутъ полки: измайловскій, финляндскій, егерскій, лейбъ-гренадерскій московскій и морской экипажъ... Не присягнувшія войска не должны расходиться, пока не пріѣдетъ изъ Варшавы цесаревичъ. Если онъ появится въ Петербургѣ, то на этомъ все и кончается. Если же онъ не пріѣдетъ, то объявить солдатамъ, что существуетъ завѣщаніе императора о сокращеніи срока солдатской службы. Приэтомъ солдаты не должны расходиться, пока не удовлетворятъ требованій, выставленныхъ въ текстѣ конституціи. Впрочемъ — допускалось возможнымъ многое изъ конституціи уступить, кромѣ созыва депутатовъ отъ сословій. Всѣ скрытые конституціоналисты, какъ полагалъ Трубецкой, пойдутъ за возставшими, когда увидятъ, что на ихъ сторонѣ сила и что возставшія войска ведутъ себя безъ буйства. Армейскихъ полковъ не боялись, потому что не вѣрили въ то, что можно двинуть полки на полки. Опасались артиллеріи и поэтому рѣшили захватить ее съ собой. Возставшія войска предполагалось вывести изъ Петербурга, чтобы удержать солдатъ отъ нарушеній дисциплины, а въ городѣ сохранить полный порядокъ.

Никита Муравьевъ настаивалъ на осуществленіи его плана, который онъ изложилъ Слѣдственному Комитету въ четырехъ пунктахъ:

„1-е. Распространить между всѣми состояніями людей множество экземпляровъ моей конституціи, лишь только оная будетъ мною окончена.

2-е. Произвесть возмущеніе въ войскѣ и обнародовать оную.

3-е. По мѣрѣ успѣховъ военныхъ, во всѣхъ занятыхъ губерніяхъ и областяхъ приступить къ собранію избирателей, выбору тысяцкихъ, судей, мѣстныхъ управленій, учрежденію областныхъ палатъ, а въ случаѣ великихъ успѣховъ, и народнаго вѣча.

4-е. Еслибы и тогда императорская фамилія не приняла конституціи, то, какъ крайнее средство, я предлагалъ изгнаніе оной и предложеніе республиканскаго правленія".

Штейнгель высказывалъ мысль о возведеніи на престолъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, такъ какъ при ней легче всего будетъ добиться конституціи: съ одной стороны, и монархическія чувства въ простомъ народѣ не будутъ затронуты, а съ другой— можно надѣяться и на то, что впослѣдствіи она и совсѣмъ откажется отъ правленія, „особливо еслибы ей предоставлено было приличное содержаніе, воздвигнутъ монументъ и поднесенъ титулъ матери свободнаго отечества, ибо чего ей осталось болѣе желать, кромѣ славы".

Чтобы поднять солдатъ, Рылѣевъ— между прочимъ—предлагалъ „распустить слухъ, будто въ сенатѣ хранится духовное завѣщаніе покойнаго государя, въ коемъ срокъ службы нижнимъ чинамъ уменьшенъ десятью годами". Это предложеніе было принято единогласно.

Къ арміи заговорщики хотѣли обратиться съ приказомъ, проектъ котораго, написанный Штейнгелемъ, гласилъ:

„Храбрые воины! Императоръ Але-

ксандръ I скончался, оставя Россію въ бѣдственномъ положеніи. Въ завѣщаніи своемъ наслѣдіе престола онъ предоставилъ в. к. Николаю Павловичу; но великій князь отказался, объявивъ себя къ тому неготовымъ, и первый присягнулъ императору Константину. Нынѣ же получено извѣстіе, что и цесаревичъ рѣшительно отказывается. Итакъ, они не хотятъ, они не умѣютъ быть отцами народа: намъ осталась мать въ Елисаветѣ. Виватъ Елисавета Вторая и отечество!"

Якубовичъ*), Булатовъ, Батенковъ и др. предлагали каждый свою тактику.

Наибольшимъ успѣхомъ, повидимому, пользовалась тактика, исходившая отъ Рылѣева и сводившаяся къ слѣдующей схемѣ. Отказавшіяся присягать Николаю войска собрать на Сенатской площади. И какъ только вступитъ правительство съ ними въ переговоры, такъ потребовать завѣщанія и разсылки манифеста отъ имени сената. Въ этомъ манифестѣ объявляется: уничтоженіе самодержавія, учрежденіе временнаго правительства, свобода печати, освобожденіе крестьянъ, равенство всѣхъ передъ закономъ, свобода промышленности и ремеслъ, уничтоженіе подушной подати, монополій, рекрутства и военныхъ поселеній, сокращеніе срока военной службы и всеобщая воинская повинность, реорганизація мѣстнаго управленія, гласность судовъ, введеніе суда присяжныхъ.

*) Онъ предлагалъ разбить кабаки, позволить солдатамъ и черни грабежъ, потомъ вынести изъ какой-нибудь церкви хоругви и итти ко дворцу. Но это предложеніе было единодушно отвергнуто, что не помѣшало Николаю и его слѣдователямъ приписать тактику Якубовича всему Обществу.

Временное правительство еще до созыва выборныхъ отъ сословій должно было привести въ исполненіе: уравненіе всѣхъ сословій въ правахъ, реорганизовать областное, губернское, уѣздное и волостное управленія, образовать внутреннюю стражу и судъ присяжныхъ, ввести всеобщую воинскую повинность, уничтожить постоянную армію и организовать выборы въ палату народныхъ представителей, которая должна была принять конституцію.

Однако ни одно изъ этихъ тактическихъ предложеній не было принято окончательно и поэтому не считалось для членовъ Общества обязательнымъ.

Попутно съ этими планами возстанія настойчиво выдвигалось осуществленіе давнишней идеи цареубійства.

Каховскій говоритъ, что „положено было, если при взятіи дворца*) въ замѣшательствѣ не истребить царствующую фамилію, заключить ее въ крѣпость и потомъ, убивъ цесаревича въ Варшавѣ, будто освобождая царскую фамилію, умертвить ее. Все сіе говорилъ Рылѣевъ. Такъ было и положено". Николай Бестужевъ между прочимъ спросилъ Рылѣева: „Да кто же убьетъ цесаревича въ Варшавѣ?" Рылѣевъ ему отвѣтилъ: „Развѣ ты не знаешь, что наши тамъ есть?" Были и другія предложенія объ истребленіи царской фамиліи: перебить царствующую фамилію въ Москвѣ въ

*) Дворецъ занять брались Якубовичъ съ Арбузовымъ, на что изъявилъ свое согласіе диктаторъ Трубецкой. Послѣ ареста царской фамиліи предполагалось захватить Петропавловскую крѣпость, что долженъ былъ сдѣлать Трубецкой, сообразно съ ходомъ возстанія.

день коронаціи, захватить ее у всенощной, всѣми силами Общества ночью пойти ко дворцу... Рылѣевъ находилъ, что если цесаревичъ не откажется отъ короны, то слѣдуетъ „убить его всенародно, и тотъ, кто на сіе рѣшится и когда его схватятъ, чтобы закричалъ, что онъ наученъ къ сему Николаемъ Павловичемъ". И Рылѣевъ полагалъ, что это такъ подѣйствуетъ на народъ, что „разорвутъ великаго князя".

12-го декабря Каховскій говорилъ у Рылѣева: „Съ этими филантропами ничего не сдѣлаешь, тутъ просто надобно рѣзать да и только; иначе если не согласятся, то я первый пойду и самъ на себя объявлю".

Идею цареубійства выдвигали также Якубовичъ, Трубецкой, Оболенскій, Бестужевы.

Но и въ этомъ случаѣ, какъ и съ выработкой общаго плана возстанія, вопреки увѣренію Каховскаго, планы истребленія царской фамиліи дальше разговоровъ не пошли. Практическое осуществленіе этой идеи никто на себя не взялъ, однимъ словомъ—люди положились на случайность и предоставили этимъ заняться кому угодно. Правда, Рылѣевъ 13-го декабря, обращаясь къ Каховскому, говорилъ:

— „Любезный другъ, ты сиръ на сей землѣ; ты долженъ собою пожертвовать для общества: убей завтра императора".

При этомъ всѣ присутствовавшіе по очереди обняли и поцѣловали Каховскаго. Но и въ данномъ случаѣ опять-таки мы ничего не видимъ организованнаго. И тутъ полагались исключительно на случай, на личную иниціативу Каховскаго, хотя онъ, быть можетъ, и покончилъ бы съ Николаемъ Павловичемъ, если бы только онъ приблизился къ каре. Такъ, по крайней мѣрѣ, самъ Каховскій говоритъ объ этомъ въ своемъ показаніи.

Та же полнѣйшая неопредѣленость замѣчалась и въ выясненіи вопроса о военныхъ силахъ, которыя Общество можетъ двинуть для ниспроверженія самодержавія.

На многочисленныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ у Рылѣева между 8 и 14 декабря, вопросъ о силахъ Общества поднимался много разъ. Но каждый разъ на повѣрку оказывалось, что никто объ этомъ не имѣетъ точныхъ данныхъ. Глава Общества—Рылѣевъ—то увѣрялъ, что заговорщики располагаютъ въ достаточномъ количествѣ всѣми родами оружія, то, послѣ возраженій товарищей, ручался лишь за двѣ роты московскаго полка и баталіонъ лейбъ-гренадеровъ.

Слѣдственный матеріалъ даетъ множество иллюстрацій, обрисовывающихъ всю безнадежность заговора, задуманнаго безъ опредѣленнаго плана, при крайне недостаточной организаціи его, не имѣвшей даже точнаго понятія о своихъ силахъ.

8 декабря полковникъ Булатовъ спросилъ Рылѣева о силахъ Общества. Рылѣевъ ему съ спокойной увѣренностью заявилъ: „Комплотъ нашъ составленъ изъ благородныхъ и рѣшительныхъ людей... Мы довольно сильны: пѣхота, кавалерія и артиллерія—все есть".

Четыре дня послѣ этого Щепинъ-Ростовскій (офицеръ московскаго полка) и Якубовичъ высказали полную неувѣренность даже въ ротахъ московскаго полка, на которыя возлагались заговорщиками самыя оптимистическія

11

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Копія Н. Н. Ге съ оригинала О. А. Кипренскаго.

Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

надежды. Эту неувѣренность раздѣлялъ и А. А. Бестужевъ—офицеръ Московскаго полка.

Полковникъ Булатовъ, сильно сомнѣваясь въ правдивости сообщеній Рылѣева о силѣ Общества, предложилъ оказать сопротивленіе лишь въ томъ случаѣ, если на площадь выйдетъ достаточное число войскъ. Въ противномъ случаѣ—присягнуть послѣ перваго же увѣщанія правительства. Но его предложеніе не было принято.

Того же 12 декабря Булатовъ, возвращаясь съ Якубовичемъ отъ Рылѣева, велъ со своимъ спутникомъ слѣдующій арзговоръ:

— Давно ли вы въ Обществѣ?— спросилъ Булатовъ Якубовича.

— Нѣтъ, не давно,—отвѣтилъ Якубовичъ.

— Знаете ли вы по крайней мѣрѣ отечественную пользу сего заговора?

— Нѣтъ.

— Какъ велико число нашихъ солдатъ?

— И того нѣтъ.

Въ результатѣ этого разговора для Булатова и Якубовича стало ясно, что ихъ обманываютъ.

Къ этому же убѣжденію впослѣдствіи пришелъ и Каховскій, съ раздраженіемъ говорившій въ одномъ изъ своихъ показаній, что главари заговора скрывали истинное положеніе дѣлъ Общества отъ рядовыхъ членовъ и относились къ послѣднимъ, какъ къ баранамъ, которыхъ можно гнать—куда угодно.

Трубецкой, который, по мысли Рылѣева, долженъ былъ встать во главѣ возставшихъ войскъ въ качествѣ диктатора, въ заговорѣ игралъ весьма некрасивую роль.

Онъ, повидимому, ни минуты не вѣрившій въ успѣхъ заговора, однако дѣлалъ видъ, что побѣда Обществу обезпечена, дастся она такъ легко, что дѣло обойдется безъ огня. При этомъ Трубецкой находилъ, что для побѣдоноснаго возстанія нужно до 6 тысячъ солдатъ. А чтобы начать возстаніе, по его мнѣнію, достаточно было и одного полка, если въ другихъ полкахъ будетъ колебаніе. Рылѣевъ на это замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ Общество побѣдитъ, такъ какъ можно ручаться за три, а за два полка навѣрное. И тотъ же Трубецкой 13-го декабря вечеромъ у Рылѣева убѣждалъ Пущина, Бестужева, Сутгофа и Арбузова не поднимать солдатъ, такъ какъ отказъ отъ присяги цѣлыми полками имѣлъ бы значеніе для успѣха возстанія, отказъ же отдѣльныхъ ротъ будетъ гибельнымъ дня нихъ. Но Рылѣевъ и на этотъ разъ увѣрялъ, что Арбузовъ можетъ поднять до 400 человѣкъ изъ морского экипажа, а Сутгофъ—роту лейбъ-гренадеровъ; есть также надежды и на московскій полкъ. Къ этому сообщенію Рылѣевъ добавилъ; „Мы на смерть обречены, я становлюсь въ ряды въ роту Арбузова... Мы далеко зашли, можетъ быть, намъ уже и измѣнили, надобно спасать себя". Трубецкой продолжалъ настаивать на своемъ и говорилъ: „Это все пустое дѣло, изъ котораго не выйдетъ никакого толка, кромѣ погибели, а мы не имѣемъ права никого губить... Другіе-то полки стрѣлять не будутъ, но артиллерія-то будетъ палить".

И одновременно съ этимъ Трубецкой, неизвѣстно для чего, написалъ письмо въ Москву генералъ-майору Орлову, въ которомъ уговаривалъ

послѣдняго пріѣхать въ Петербургъ и взять на себя командованіе войсками въ томъ случаѣ, если они поднимутся. Письмо это, конечно, не имѣло никакого смысла, такъ какъ Орловъ могъ получить его только послѣ 14 декабря.

Позднимъ вечеромъ 13-го декабря къ Рылѣеву заѣхалъ полковникъ Булатовъ и сообщилъ, что онъ рѣшился на все и что уже навсегда простился съ своими дѣтьми. И слезы полились изъ его глазъ. Бестужевъ, поднявши глаза къ небу, сквозь слезы проговорилъ:

— Боже, неужели отечество не усыновитъ насъ!

— Ну, оставьте это,—остановилъ его Булатовъ.

Еще разъ подсчитали силы. Оказалось, что въ распоряженіи заговорщиковъ весь измайловскій полкъ, баталіонъ финляндскаго, 2 роты московскаго, 2 роты лейбъ-гренадеровъ, весь экипажъ, часть кавалеріи и артиллерія. Но и въ этомъ сообщеніи истина отсутствовала. Рылѣевъ, не желая упускать изъ своихъ рукъ полковника Булатова, не соглашавшагося выступить съ малыми силами, неизмѣнно мистифицировалъ его.

Собраніе отъ Рылѣева разошлось съ тѣмъ, чтобы завтра повести на Сенатскую площадь тѣ войска, которыя удастся склонить къ отказу отъ присяги Николаю. И это было все, на чемъ, повидимому, сошлись заговорщики.

3.

Идеологія декабристовъ.

Какими идеями вдохновлялись и къ чему стремились „тайныя общества“ первой четверти XIX вѣка? Долгое время объ этомъ можно было судить только по запискамъ и мемуарамъ выдающихся декабристовъ,—если не считать знаменитаго „Донесенія Слѣдственной Комиссіи“. Но это послѣднее отличается всѣми качествами полицейскаго доноса, составленнаго но „агентурнымъ свѣдѣніямъ“. Недурно передавая внѣшній ходъ дѣла, хотя и не безъ сгущенія красокъ тамъ, гдѣ это необходимо ради желательнаго для полиціи эффекта,—полицейскій документъ безнадежно тупъ и невѣжественъ во всемъ, что касается внутренняго смысла движенія, его идейной стороны. Достаточно одного примѣра: основную черту „Русской Правды“ Пестеля, якобинца и централиста до мозга костей, полицейскій историкъ декабристовъ видитъ въ стремленіи къ федерализму. „Раздѣленіе имперіи на большія области“—вотъ что находитъ нужнымъ отмѣтить „Донесеніе“ по поводу „Русской Правды“,

усматривая въ этомъ „едва вѣроятное и смѣшное невѣжество". Потомство не усмотритъ въ томъ, конечно, ничего другого, кромѣ „едва вѣроятнаго и смѣшного невѣжества" полицейскаго автора. Изъ „Донесенія", такимъ образомъ, мы немногое извлечемъ для идеологіи декабристовъ. Но было бы большой ошибкой думать, что мемуары самихъ декабристовъ представляютъ, въ этомъ случаѣ, много болѣе надежный источникъ. Написанные черезъ десятки лѣтъ послѣ событій, они, во-первыхъ, могли передавать дѣло лишь въ самыхъ общихъ чертахъ: подробности уже сгладились въ памяти самихъ участниковъ. „За давностью времени невозможно отчетливо и подробно изложить все о „Русской Правдѣ" и о положенныхъ послѣ переворота мѣрахъ образа управленія", говоритъ въ своихъ запискахъ кн. Волконскій. Тѣ, кто больше полагался на свою память, чѣмъ кн. Волконскій, только доказали справедливость его словъ. Припоминаніе не есть чисто механическій процессъ—возсозданіе прошлаго заключаетъ въ себѣ элементы творчества; мемуаристъ, какъ и всякій писатель, испытываетъ на себѣ вліяніе среды, и общественной, и своей личной. Большая часть декабристовъ писала свои воспоминанія подъ впечатлѣніемъ надвигавшейся крестьянской реформы: уже начиная съ сороковыхъ годовъ, реформа сознавалась обществомъ, какъ очередной вопросъ, о ней толковали „не одни профессора, но и помѣщики" (слова Заблоцкаго-Десятовскаго). Въ планы декабристовъ входило, между прочимъ, и освобожденіе крестьянъ. Какъ мы увидимъ, оно не занимало въ этихъ планахъ перваго и даже вообще выдающагося мѣста. За исключеніемъ проекта Пестеля, крестьянская программа декабристовъ была довольно далека не только отъ идеала, но и отъ той скромной дѣйствительности, которую осуществила реформа 19 февраля. Естественно однако, что декабристамъ, на склонѣ лѣтъ, реализація хотя части ихъ плана казалась уже весьма важнымъ успѣхомъ. Нельзя ставить имъ въ вину, если они хотѣли убѣдить себя, что это *ихъ* успѣхъ, что они боролись не даромъ,—не совсѣмъ даромъ, по крайней мѣрѣ. И вотъ, въ воспоминаніяхъ декабристовъ освобожденіе крестьянъ начинаетъ играть далеко не ту скромную роль — подсобнаго средства, какую оно исполняло въ планахъ „тайныхъ Обществъ". Складывается легенда, гласящая, что декабристы прежде всего были соціальными эмансипаторами: и легенда эта опирается на подлинныя слова самихъ декабристовъ. 14 декабря надолго остается въ исторической литературѣ далекимъ провозвѣстникомъ 19 февраля: между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ 19 февраля какъ разъ вырвало почву изъ-подъ ногъ у той политической идеи, которую пытались внѣдрить въ сознаніе русскаго общества дѣятели 14 декабря.

Но и эта политическая идея въ свою очередь стала жертвою ошибокъ старческой памяти. „Судьи" декабристовъ старались изобразить общество политическихъ романтиковъ шайкой разбойниковъ и убійцъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если уцѣлѣвшіе отъ кровавой расправы заговорщики старались снять съ себя и съ памяти

своихъ товарищей это позорное обвиненіе. И нисколько не болѣе удивительно, если въ этихъ стараніяхъ они иногда перегибали палку въ противоположную сторону. Николай изображалъ революціонеровъ злодѣями: „злодѣи“ пытались доказать, что они не были, по настоящему, даже и революціонерами. Вотъ отчего политическое общество, впервые поставившее въ Россіи на своемъ знамени лозунгъ вооруженнаго возстанія и учредительнаго собранія, въ воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ изъ его членовъ оказывается невиннымъ кружкомъ интеллигентовъ, время отъ времени бесѣдовавшихъ на политическія темы Политическая революція безсознательно подмѣнялась почти легальнымъ стремленіемъ къ нѣкоторымъ, весьма умѣреннымъ политическимъ реформамъ. Плачевная роль русскаго либерализма въ эпоху крестьянской эмансипаціи еще больше помогала этому приниженію сильной и яркой политической платформы декабристовъ въ пользу ихъ платформы соціальной,—въ дѣйствительности весьма блѣдной и слабой. Выходило такъ, что Пестель отлично могъ бы подать руку Николаю Милютину—а можетъ быть, даже и Я. И. Ростовцеву 1859 года. А между тѣмъ Ростовцевъ временъ Александра II едва ли много отличался по своимъ убѣжденіямъ отъ Ростовцева 1825 г., наканунѣ 14 декабря выдавшаго заговорщиковъ Николаю,—а если бы Милютинъ встрѣтился въ жизни съ Пестелемъ и его друзьями, онъ навѣрно отнесся бы къ нимъ такъ же сурово, какъ относился онъ къ революціонному польскому дворянству въ 1863 году.

„Легенда 14 декабря“ держалась прочно, пока новая русская революція не пришла на выручку своей отдаленной предшественницѣ. „Чрезвычайно секретныя“ данныя, которыхъ „никакъ нельзя“ было опубликовать,—взглянуть на которыя разрѣшалось только въ видѣ особой милости наиболѣе благонадежнымъ историкамъ, въ родѣ покойнаго генерала Дубровина,—эти данныя вдругъ оказались доступными для самой широкой массы. Ни въ какихъ догадкахъ, ни въ какихъ косвенныхъ наведеніяхъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстнымъ почти уже нѣтъ надобности. Въ нашихъ рукахъ, дѣйствительно, „источники первой руки“: и государственные архивы едва ли скрываютъ теперь хотя одну крупную тайну, касающуюся процесса декабристовъ. Легенда пала—героевъ романа нѣтъ больше, есть живые люди, со слабостями и недостатками, но и со всѣми привлекательными чертами живыхъ людей. И мы знаемъ теперь въ точности, къ чему стремились эти люди, какъ представляли они себѣ будущее Россіи и способы перехода къ этому будущему.

Освобожденные новѣйшей русской революціей документы распадаются на двѣ категоріи. Это, во-первыхъ, проекты декабристскихъ конституцій—Ник. Муравьева, Трубецкого, Пестеля—и остатки очень небогатой пропагандистской литературы декабристовъ,—среди нея на первомъ мѣстѣ знаменитый „Катихизисъ“ Муравьева-Апостола, который не разсчитывалъ видѣть въ печати еще Шильдеръ всего лѣтъ пять тому назадъ. Во-вторыхъ, это—слѣдственныя показанія декабристовъ, въ томъ числѣ и обо-

ихъ вождей заговора, Пестеля и Рылѣева.

Для возсозданія политической идеологіи членовъ тайныхъ Обществъ, казалось бы, всего прямѣе обратиться къ источникамъ первой категоріи и подвергнуть подробному анализу конституціонные проекты декабристовъ (какъ это и сдѣлалъ В. И. Семевскій въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX в.“). Но прямой путь не всегда самый короткій—и анализа проектовъ и программъ не всегда достаточно для того, чтобы понять истинныя задачи движенія, какъ ихъ представляли себѣ сами его участники; тѣмъ менѣе его достаточно для того, чтобы вскрыть исходныя точки движенія, очень часто самими участниками вовсе не сознаваемыя. Программы и проекты — это все-таки еще не жизнь, а литература. Притомъ, русская политическая литература начала XIX в., какъ и тогдашняя наша литература вообще, была мало оригинальна. „Конституція декабристовъ“— если не переводъ, то подражаніе общеизвѣстнымъ въ то время западно-европейскимъ образцамъ. Изучая ихъ, мы больше знакомимся съ тѣми идеями, которыя вліяли на теоретическую формулировку требованій и запросовъ передовой части русскаго общества—нежели съ тѣми жизненными потребностями, которыя создавали эти запросы. Къ тому же, это была формулировка, такъ сказать, праздничная, предназначавшаяся не для домашняго употребленія, а для болѣе или менѣе широкаго круга. Болѣе интимныхъ, будничныхъ партійныхъ директивъ и резолюцій, которыми такъ изобилуетъ теперешняя политическая жизнь—этихъ необходимыхъ комментаріевъ къ программамъ—отъ декабристовъ до насъ не дошло. При малолюдности тайныхъ обществъ директивы могли отдаваться изустно,—конспирація мѣшала ихъ заносить на бумагу. А безъ этихъ жизненныхъ дополненій легко изобразить декабристовъ какими-то кабинетными прожектерами, внѣ времени и пространства сочинявшими конституціи для какой-то отвлеченной страны: такими и хотѣло бы ихъ изобразить „Донесеніе Слѣдственной Коммисіи“ въ тѣ минуты, когда оно соглашалось видѣть въ декабристахъ не только разбойниковъ и убійцъ. На самомъ дѣлѣ, первые русскіе революціонеры были люди съ плотью и кровью, и даже съ очень горячей кровью, кабинетное творчество стояло для нихъ отнюдь не на первомъ планѣ—и одними проектами никакъ нельзя исчерпать ихъ идеологіи. Приходится искать источниковъ, гдѣ они являются передъ нами болѣе цѣльными и оригинальными и, за неимѣніемъ другихъ, такими могутъ служить только ихъ слѣдственныя показанія.

Какъ извѣстно, показанія декабристовъ весьма не похожи на то, что обыкновенно встрѣчается въ подобныхъ случаяхъ (см. объ этомъ ниже 4. „Процессъ декабристовъ“). Декабристы, дѣйствительно, раскрывали душу передъ своими слѣдователями — спѣша разсказать безъ утайки такія подробности, до которыхъ безъ ихъ помощи слѣдствіе, можетъ быть, никогда бы не добралось. Мы можемъ поэтому вполнѣ довѣрять искренности ихъ свидѣтель-

скихъ показаній, — по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ. Они дадутъ намъ фонъ, на которомъ вышивало узоры политическое творчество вождей тайныхъ Обществъ,— и только когда этотъ фонъ встанетъ передъ нами съ достаточной яркостью, намъ станутъ ясны всѣ подробности декабристскихъ проектовъ.

Въ послѣднее время довольно прочно утвердилась характеристика декабристской идеологіи, какъ *буржуазной*. Понимая это слово въ широкомъ смыслѣ, характеристика, конечно, вѣрна. Если „буржуазный" значитъ „не пролетарскій"—едва ли можно спорить, что декабристы являются типичными представителями буржуазнаго міросозерцанія. Достаточно вспомнить хотя бы такую, напр., тираду фонъ-Визина: „Пролетаріи—это жалкіе бездомки, по большей части безъ религіи, безъ правилъ нравственности, почти одичавшіе... ненавидящіе настоящій порядокъ общества, не обезпечивающій ни ихъ настоящее, ни будущее, только и жаждущіе ниспроверженія всего существующаго, надѣясь въ соціальномъ переворотѣ обрѣсти улучшеніе своей бѣдственной участи. Въ этомъ мнѣніи ихъ поддерживаютъ и руководствуютъ ими... демагоги... разумѣется изъ своекорыстныхъ видовъ"... („Обществ. движенія въ Россіи въ перв. полов. XIX в." т. I, стр. 74, примѣч.). Выразительность этой тирады нисколько не ослабляется тѣмъ, что она написана 20 лѣтъ спустя послѣ 14 декабря. Въ конституціонныхъ проектахъ декабристовъ лишеніе пролетаріата избирательныхъ правъ представляется, какъ само собою разумѣющееся—у одного Пестеля мы встрѣчаемъ всеобщее избирательное право, но его экономическая программа въ сущности клонитъ къ тому, чтобы предупредить самое образованіе безземельнаго рабочаго класса (см. объ этомъ ниже). Но мы очень ошиблись бы, если бы въ буржуазности увидѣли индивидуальную черту декабристовъ,—нѣчто характерное для нихъ, какъ для русскихъ революціонеровъ начала XIX вѣка. Совсѣмъ напротивъ—это наименѣе оригинальная ихъ черта. Въ то время „всѣ такъ думали"— отъ лавочника до крупнѣйшихъ политическихъ мыслителей включительно. „Замѣтьте", говоритъ Бенжаменъ Констанъ въ своемъ знаменитомъ „Курсѣ политики", „что необходимая цѣль несобственниковъ есть пріобрѣтеніе собственности—всѣ средства, которыя вы имъ дадите, они употребятъ для этой цѣли. Если къ свободѣ умственной и экономической, которую вы имъ должны дать, вы присоедините политическія права, *которыхъ вы имъ не должны*, эти права въ рукахъ массы послужатъ къ захвату собственности". Буржуазный духъ насквозь проникалъ всю европейскую политическую литературу того времени, и буржуазная идеологія была такъ же неизбѣжна для декабристовъ, какъ байронизмъ и романтизмъ были неизбѣжны для русской поэзіи ихъ времени. Но на русской почвѣ байронизмъ и романтизмъ пріобрѣтали особую окраску, дѣлавшую ихъ весьма непохожими на ихъ западно-европейскіе образцы. То же случилось и съ буржуазной идеологіей: приспособляясь къ туземной обстановкѣ, она приняла такой видъ, что Бенж. Констанъ едва ли согласился бы, напр., съ цензовой системой Никиты Муравьева, при

всемъ уваженіи Констана къ принципу собственности. Наоборотъ, эту систему, можетъ быть, скорѣе поняли бы враги французскаго буржуазнаго либерализма 20-хъ годовъ—духовные вожди феодальной реакціи.

Среди декабристовъ однимъ изъ наиболѣе цѣльныхъ революціонеровъ является П. Г. Каховскій. 14 декабря онъ, одинъ изъ немногихъ заговорщиковъ, дѣйствовалъ активно—въ то время, какъ большинство заняло выжидательное положеніе, если не вовсе пряталось вдали отъ мѣста дѣйствія, какъ „диктаторъ“ кн. Трубецкой. Его способность къ самопожертвованію была извѣстна въ кругу его друзей и раньше 14 декабря. Не къ кому другому, какъ къ Каховскому, обратился Рылѣевъ, когда нуженъ былъ человѣкъ, который бы пожертвовалъ собой, убивъ Николая Павловича. Сидя въ крѣпости, Каховскій, подобно почти всѣмъ своимъ товарищамъ, вступилъ въ объясненія со своими палачами — онъ писалъ письма сначала къ генералу Левашову, потомъ и къ самому императору Николаю. Въ письмѣ къ Левашову онъ пытается показать, какія причины вызвали возстаніе 14 декабря. Что же выставляетъ, какъ первую изъ такихъ причинъ, наиболѣе революціонный изъ декабристовъ? „Ничто столь сильно не оскорбляетъ и не раздражаетъ гражданъ, какъ нарушеніе правъ, данныхъ имъ ихъ монархами и освященныхъ временемъ“, пишетъ Каховскій. „Отсутствіе закона и справедливости всегда и вездѣ были причиной бѣдствій народовъ“. Быть можетъ, онъ имѣетъ въ виду главный источникъ произвола и беззаконія въ тогдашней Россіи, крѣпостное право? Онъ, правда, упоминаетъ о „насиліяхъ помѣщиковъ“,—но совсѣмъ въ другой связи, вскользь, въ концѣ письма. Въ общемъ, его взглядъ на крѣпостное право поражаетъ своимъ оптимизмомъ даже знающаго, какъ поверхностно относилось къ крестьянскому вопросу большинство декабристовъ. „Во внутреннихъ губерніяхъ государства имѣнія, принадлежащія богатымъ помѣщикамъ, пользуются довольною свободою, хотя и зависятъ совершенно отъ владѣльцевъ своихъ, но *образованное дворянство не гнететъ себѣ подобныхъ*, и земледѣльцы управляются мірскими сходками“. Дальше идетъ нѣсколько строкъ умиленія по поводу этихъ „маленькихъ республикъ,“—гражданъ которыхъ можно было сѣчь на конюшнѣ и продавать, какъ скотъ. Нѣтъ, если Каховскій шелъ на смерть 14 декабря за чьи-нибудь права, то едва ли это были человѣческія права, крестьянства,—едва ли, во всякомъ случаѣ, они были для него на первомъ планѣ. И онъ нисколько не скрывалъ этого: рисовка и позерство, игра въ „друга трудящихся массъ“, такъ привычная для позднѣйшихъ русскихъ либераловъ, была совершенно чужда этому искреннему и цѣльному человѣку. „Права, данныя монархами и освященныя временемъ“, для Каховскаго прежде всего—права дворянства: онъ сейчасъ же и начинаетъ о нихъ говорить. И какъ чувствителенъ онъ ко всякому нарушенію этихъ правъ! Нечего уже говорить, что произвольные аресты дворянъ губернаторами, ограниченія служебныхъ правъ дворянства, наконецъ, попытки правительства нарушить монополію помѣщика на крестьянскій

трудъ, возмущаютъ Каховскаго глубоко. Произвольный арестъ смоленскимъ генералъ-губернаторомъ одного содержателя почтовыхъ лошадей, дворянина Гринева, оказывается одною изъ первыхъ, по списку, причинъ народнаго неудовольствія, — вызвавшаго возстаніе 14 декабря. Лишеніе офицеровъ л.-гв. семеновскаго полка—послѣ его знаменитаго бунта—„правъ, данныхъ дворянской грамотой“ (ихъ не выпускали въ отставку), занимаетъ очень видное мѣсто въ послѣднемъ—самомъ искреннемъ и горячемъ—письмѣ Каховскаго къ Николаю. Даже жалуясь на дорожную повинность, разоряющую земледѣльцевъ, онъ не забываетъ, какъ невыгодна эта повинность и для помѣщика, хозяина труда этихъ „земледѣльцевъ“—и, какъ къ *помѣщику*, онъ взываетъ противъ дорожной повинности къ ген. Левашову. И наконецъ, чего мы никакъ не ожидали бы встрѣтить въ числѣ причинъ заговора 14 декабря: „За что отнято у дворянъ право куренія вина для собственнаго обихода?“ Этому „нарушенію права“ отводится мѣста не меньше, чѣмъ насильственному удержанію на службѣ семеновскихъ офицеровъ или произвольному аресту Гринева смоленскимъ губернаторомъ.

Обиженный самодержавіемъ дворянинъ: вотъ что чаще всего видимъ мы за негодующими и страстными изліяніями наиболѣе революціоннаго изъ декабристовъ. Каховскій былъ достаточно чуткій и развитой человѣкъ, чтобы понять революціонное настроеніе вообще: герой испанской революціи Ріэги для него „святой мученикъ“. Изъ-подъ его пера могли выйти такія горячія строки, которыя должны были тронуть даже Николая Павловича. „Милосердный Государь, займитесь внутреннимъ устройствомъ государства; отсутствіе закона — ужасный вредъ для насъ, вредъ физическій и моральный. Служба замѣнилась прислугою, общая польза забыта, своекорыстіе грызетъ сердца, и любовь къ отечеству уже для иныхъ стала смѣшнымъ чувствомъ“. Она, конечно, не была такой для Каховскаго: но конкретное отечество, которое онъ любилъ, это была дворянская Россія, съ дворянскими правами и привилегіями, и даже съ крѣпостнымъ правомъ, смягчаемымъ, правда, „образованностью“ дворянства. Конечно, Каховскій, не былъ крѣпостникомъ въ томъ смыслѣ, какъ его современникъ Муравьевъ - Вѣшатель. Но онъ не былъ и тѣмъ демократомъ-эмансипаторомъ, какимъ изображаются его декабристы по принятому трафарету. И если мы захотимъ найти параллель Каховскому въ западной Европѣ, то мы отыщемъ ее не въ якобинскомъ клубѣ, разумѣется,—а скорѣе среди рыцарей-гугенотовъ старой Франціи. Колиньи тоже, вѣдь, былъ, прежде всего, добрый помѣщикъ...

Но, можетъ быть, Каховскій былъ исключеніемъ изъ общаго правила? Можетъ быть, то былъ пережитокъ временъ давно минувшихъ среди его болѣе демократическихъ товарищей? Быть можетъ далѣе, Каховскій, рядовой солдатъ революціи 14 декабря, сильно отставалъ по своей сознательности отъ руководителей заговора? Но вотъ передъ нами два изъ числа самыхъ интеллигентныхъ декабристовъ—А. А. Бестужевъ (будущій Марлинскій), писатель и издатель

„Полярной Звѣзды“, и Г. С. Батенковъ—сотрудникъ Сперанскаго, очень имъ цѣнимый, человѣкъ политически зрѣлый настолько, что онъ могъ изложить свои политическіе взгляды въ формѣ цѣлаго конституціоннаго проекта. „Что касается собственно до меня“, пишетъ первый, „то, бывъ на словахъ ультра-либераломъ, дабы выиграть довѣріе товарищей, я внутренно склонялся къ монархіи, аристократіи умѣренной. Желая блага отечеству, признаюсь, не былъ я чуждъ честолюбія. И вотъ почему соглашался я на мнѣніе Батенкова, что хорошо было бы возвести на престолъ Александра Николаевича. Ль... мнѣ, Батенковъ говорилъ, что какъ историческій дворянинъ и человѣкъ, участвовавшій въ переворотѣ, я могу надѣяться попасть въ правительную аристократію, которая при малолѣтнемъ царѣ произведетъ постепенное освобожденіе Россіи. Но какъ мы оба видѣли препятствіе въ особѣ Вашего Величества—истребить же Васъ, Государь, по чести никогда не входило мнѣ въ голову, то въ рѣшительныя минуты обратился я мыслію къ Государю Цесаревичу, считая это легчайшимъ средствомъ къ примиренію всѣхъ партій и дѣломъ, болѣе ласкавшимъ мое самолюбіе, *ибо я считалъ себя конечно не хуже Орловыхъ временъ Екатерины*“. Какъ видимъ, внутренняя связь между попыткою 14 декабря и дворянскими революціями XVIII вѣка была не чужда сознанію и самихъ декабристовъ. И,—совершенно въ духѣ XVIII вѣка — Бестужевъ не могъ себѣ представить дѣла безъ „правительной аристократіи“. Не могъ безъ нея обойтись и его искуситель, Батенковъ. Какъ и Бестужевъ, большой радикалъ на словахъ, Батенковъ любилъ похвастать своимъ демократизмомъ—и однажды, напр., заявилъ, что не прочь бы былъ стать петербургскимъ „лордомъ-майоромъ“, т. е. городскимъ головой,—не прочь былъ бы унизиться до купеческой должности. Но и по его мнѣнію, „сильное вельможество намъ свойственно и необходимо“. „Народъ“ же „нашъ въ массѣ всегда довольствовался желаніемъ одной личной свободы и не искалъ политическаго вліянія“. И Батенковъ проектируетъ для Россіи двѣ палаты: палату вельможъ (верхнюю, поясняетъ онъ) изъ членовъ „большею частію наслѣдственныхъ“ и „низшую“—„по выборамъ отъ одного средняго сословія“. Вы радуетесь: вотъ, наконецъ, и буржуазія. Вовсе нѣтъ: въ „палату по выборамъ“ входятъ депутаты 1) отъ „извѣстныхъ“ (не отъ всѣхъ, стало быть) городовъ; 2) отъ губерній, *изъ сословія владѣльцевъ земель*; 3) отъ трехъ университетовъ и 4) отъ трехъ академій. Не трудно догадаться, какая категорія будетъ многочисленнѣе, и какой общественный элементъ будетъ среди нея преобладать. „Среднее сословіе“ Батенкова—это вовсе не то, что принято разумѣть подъ „буржуазіей“. Это, прежде всего, опять-таки, дворяне-помѣщики.

Только это откровенное изложеніе декабристами ихъ частныхъ и личныхъ мнѣній даетъ намъ ключъ къ официальному документу всего Сѣвернаго Общества—къ конституціоннымъ проектамъ Ник. Муравьева и Трубецкого. И тотъ, и другой представляютъ коллективный трудъ. Со-

ставленные однимъ изъ членовъ Общества по порученію всѣхъ, они перечитывались, исправлялись и дополнялись другими членами. Въ спискахъ они ходили по рукамъ, и выходили иногда даже за предѣлы Общества. Въ основу этой работы (какъ обстоятельно выяснилъ В. И. Семевскій) были положены наиболѣе популярные заграничные образцы: французская конституція 1791 года, конституція Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и испанская конституція 1812 года. Съ послѣдней буквально переведены двѣ первыя статьи конституціи Н. Муравьева. Онѣ гласятъ: „Русскій народъ свободный и независимый не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства". „Источникъ верховной власти есть народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя". Американская конституція навѣяла Муравьеву основную идею его проекта—федеративную организацію Россіи. Подражаніе идетъ такъ далеко, что даже количество штатовъ („державъ", по терминологіи Муравьева)—13 въ одной редакціи и 14 въ другой—очень близко подходитъ къ первоначальному числу штатовъ Сѣверо-Американской республики. Отсюда же заимствована и организація центральнаго народнаго представительства: „*Народное Вѣче* конституціи Н. Муравьева вообще соотвѣтствуетъ конгрессу конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ", говоритъ г. Семевскій. Наконецъ, по примѣру прототипа всѣхъ буржуазныхъ конституцій проектъ декабристовъ провозглашаетъ равенство всѣхъ передъ закономъ, отмѣну всякихъ сословныхъ раздѣленій, всѣхъ ограниченій личной свободы, экономическихъ и иныхъ (гильдій, цеховъ и т. д.), свободу совѣсти, устнаго и печатнаго слова — и неприкосновенность частной собственности, но только на вещи: крѣпостное право, какъ юридическій институтъ, отмѣняется, вмѣстѣ со всѣми другими остатками феодальнаго режима. Что касается крѣпостного хозяйства, то оно, впредь до его естественной смерти въ результатѣ дальнѣйшаго экономическаго развитія, достаточно гарантировалось тѣмъ, что освобождаемые крестьяне или не получали земли вовсе (первоначальный проектъ),—получивъ однако же усадьбу и дворъ, т. е. оставаясь прикрѣпленными къ своей деревнѣ,—или получали земли такъ мало (по 2 десятины на дворъ, по окончательной редакціи), что ихъ положеніе, какъ „батраковъ съ надѣломъ", становится отъ этой щедрости только еще характернѣе.

До сихъ поръ мы не выходили изъ рамокъ буржуазной свободы: не нужно забывать, что и французская буржуазія 1789 года, „въ принципѣ" освободивъ крестьянина отъ всякихъ феодальныхъ повинностей, на практикѣ такъ затрудняла ему ликвидацію этихъ повинностей, что французскому крестьянину пришлось устроить вторую революцію для своего дѣйствительнаго освобожденія. Можно даже сказать, что декабристы на сорокъ лѣтъ опередили свое время: потому что реформа 19 февраля, хотя и въ нѣсколько уже замаскированномъ видѣ, работала надъ созданіемъ того же типа — батрака съ надѣломъ.

Оригинальныя черты конституціи Н. Муравьева начинаются не здѣсь. Объявляя народъ „источникомъ всякой власти“ она—опять-таки по примѣру Запада—ставитъ понятіе „народа“ въ довольно тѣсныя рамки, обусловливая участіе гражданъ въ управленіи извѣстнымъ имущественнымъ *цензомъ*—довольно высокимъ, особенно принимая во вниманіе тогдашнія русскія условія. Само по себѣ и это также не было оригинально—и французская конституція 1791 года была цензовая (хотя тамъ цензъ былъ гораздо ниже). Но буржуазныя конституціи вводятъ обычно однообразный цензъ *только по имуществу*: цензъ Н. Муравьева фактически *имущественно-сословный*—н здѣсь уже мы не найдемъ никакого заграничнаго образца.

Для различныхъ категорій населенія предполагалось цѣлыхъ четыре ценза; минимальный для землевладѣльцевъ (имущество стоимостью не менѣе 500 руб., чтобы быть присяжнымъ и избирателемъ) и повышенный для владѣльцевъ движимаго имущества (1000 р. для тѣхъ же правъ). Но крестьяне, имѣющіе землю „въ общественномъ владѣніи“, т. е. крестьяне „экономическіе“ или государственные, удѣльные, вольные хлѣбопашцы и бывшіе военные поселяне не входили въ разрядъ землевладѣльцевъ: они не участвовали въ выборахъ народныхъ представителей непосредственно, а выбирали по одному „избирателю“ на 500 душъ мужского пола, который подавалъ голосъ наравнѣ съ цензовыми гражданами. Иными словами, самый мелкопомѣстный дворянинъ имѣлъ ровно въ пятьсотъ разъ больше правъ, чѣмъ крестьянинъ,—даже никогда не бывшій крѣпостнымъ. Для послѣднихъ условія еще суровѣе: бывшіе крѣпостные *вовсе* участія въ выборахъ не принимаютъ.

Читатель не безъ удивленія узнаетъ, такимъ образомъ, что столь излюбленная нашимъ теперешнимъ правительствомъ система *курій* — отдѣльныхъ выборовъ для каждаго отдѣльнаго разряда избирателей представляетъ собою счастливое изобрѣтеніе первыхъ русскихъ революціонеровъ. Едва ли нужно говорить, что, благодаря такой системѣ, сословія, уничтоженныя „въ принципѣ“, благополучно возстановлялись опять. Привилегіи для собственниковъ земли — наиболѣе обычнаго наслѣдственнаго достоянія, во всякомъ случаѣ для имущества менѣе текучаго, чѣмъ промышленный капиталъ, приводили къ тому, что въ обновленной Россіи декабристовъ классы общества располагались приблизительно такъ же, какъ они стояли и къ дореформенной, крѣпостной Россіи. Наверху полноправное дворянство, ниже полуправоспособное городское мѣщанство (у рѣдкаго, конечно, нашлось бы имущество на 1000 рублей—и ни у кого на 10000 р., какъ устанавливала вторая редакція проекта Н. Муравьева) и государственные крестьяне, — и совсѣмъ внизу политически безправное сословіе батраковъ съ надѣломъ. Повидимому, не одинъ Батенковъ былъ убѣжденъ, что „народъ нашъ въ массѣ всегда довольствовался желаніемъ одной личной свободы и не искалъ политическаго вліянія“.

Для дополненія сходства съ дореформенными порядками необходимо добавить нѣсколько чертъ. Дворянство и въ то время не составляло

сплошной, однообразной массы. Вокругъ трона группировались, преимущественно, представители самаго крупнаго землевладѣнія, изъ рядовъ которыхъ вышло и большинство вліятельныхъ декабристовъ. Нельзя было нарушить и это отношеніе: демократизмъ, хотя бы дворянскій, отнюдь не входилъ въ планъ Н. Муравьева и его друзей. Народное представительство поэтому было раздѣлено на два этажа: *палату народныхъ представителей* (цензъ для активнаго избирательнаго права, какъ мы видѣли, 500 и 1000 р. или, по второй—значитъ, исправленной—редакціи 250 и 500 фунтовъ серебра, что соотвѣтствуетъ пяти и десяти тысячамъ рублей. Для пассивнаго сначала былъ установленъ четверной цензъ—а потомъ ценза вовсе не установлено) и *верховную думу* (цензъ, какъ активный, такъ и пассивный, 30.000 рублей для недвижимаго и 60.000 для движимаго имущества).

Итакъ, крупнѣйшіе помѣщики вмѣстѣ съ—очень немногими, конечно—крупнѣйшими купцами составляли особое законодательное собраніе: и фактически верховную власть народа представляло именно оно. Ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ безъ утвержденія верховной думы (для принятія закона требуется согласіе обѣихъ палатъ), верховной думѣ принадлежитъ право суда надъ министрами, она „участвуетъ вмѣстѣ съ императоромъ въ заключеніи мира, въ назначеніи судей верховныхъ судебныхъ мѣстъ, главнокомандующихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, корпусныхъ командировъ, начальниковъ эскадръ и верховнаго блюстителя". Тотъ фактъ, что формально права верховной думы Н. Муравьева являются копіей съ сената Соединенныхъ Штатовъ — только подчеркиваетъ оригинальность русскаго проекта. Извѣстно, что, даже при отсутствіи имущественнаго ценза, американскій сенатъ строго блюдетъ интересы крупной собственности: насколько энергичнѣе дѣйствовала бы въ этомъ направленіи „верховная дума" декабристовъ!

Итакъ, ниспровергая въ корнѣ политическій строй крѣпостной Россіи, ставя на мѣсто грубѣйшаго политическаго рабства почти республиканскую (фактически, какъ увидимъ ниже, даже и вполнѣ республиканскую) свободу, въ соціальной области первые русскіе революціонеры старались сохранить все, что можно отъ стараго строя. Они жертвовали только тѣмъ, что было абсолютно не совмѣстимо съ какой бы то ни было политической свободой—рабствомъ въ его наиболѣе грубой формѣ. Прямо исключить изъ общества крѣпостного крестьянина, поставить его въ положеніе, аналогичное американскому негру—это было физически невозможно—это вызвало бы такую черносотенную пугачевщину, передъ которой не устояли бы никакія конституціи. Чтобы не имѣть народъ, по крайней мѣрѣ, противъ себя, нужно было хотя чѣмъ-нибудь заинтересовать и его въ переворотѣ. Что крѣпостное право осуждено на смерть экономическимъ развитіемъ Россіи—это понимали уже въ 20 гг. не одни декабристы. Жертвуя имъ—и жертвуя крайне осторожно—они лишь учитывали ближайшее будущее. Но *аристократическій строй общества они оставляли неприкосновеннымъ*: и никакія фразы, взятыя изъ

буржуазныхъ конституцій, не могутъ замаскировать того факта, что движеніе декабристовъ было, въ сущности, дворянскимъ движеніемъ.

Политическій либерализмъ русскаго дворянства XVIII вѣка — фактъ, давно отмѣченный въ нашей исторической литературѣ. Работы Корсакова, Загоскина, Милюкова о конституціонной попыткѣ 1730 года, Мякотина— о кн. Щербатовѣ давно освоили русскую публику съ тѣмъ, что понятія „крѣпостника“ и „реакціонера“— начинаютъ совпадать лишь послѣ 1861 года—и что раньше можно было мириться съ наличностью крѣпостного права и, тѣмъ не менѣе, быть прогрессистомъ въ политикѣ. Связь между политикой и крѣпостнымъ правомъ уже сознавалась въ эпоху Александра I (см. гл. II настоящей „Исторіи Россіи“)—и даже нѣсколько раньше. „Если бы государь, разбивъ цѣпи, приковывающія крѣпостныхъ къ ихъ помѣщикамъ, въ то же время ослабилъ кандалы, наложенные его деспотическою волей на дворянское сословіе, я первая подписала бы этотъ договоръ своей собственной кровью“, говорила кн. Дашкова Дидро еще въ 1770 году. Но вполнѣ естественно, что дворяне сильнѣе чувствовали „деспотическую волю“ сверху, нежели страданія, причиняемыя ихъ деспотической волей тѣмъ, кто стоялъ внизу. Изъ словъ самой Дашковой видно, что крестьяне, по ея мнѣнію, могли бы еще и потерпѣть: „Когда низшіе классы моихъ соотечественниковъ будутъ просвѣщены, тогда они сами захотятъ быть свободными“. Сами дворяне уже давно терпѣть не хотѣли. „Долго ли тому быть, что намъ головы сѣкутъ?“ спрашивалъ одинъ изъ „птенцовъ Петровыхъ“, ген.-прокуроръ П. И. Ягужинскій чуть не на другой день послѣ смерти преобразователя: „Теперь время самодержавствію не быть!“.

До сихъ поръ мы имѣли случай наблюдать только двѣ формы протеста русскаго дворянства противъ „самодержавствія“. Протестъ грубо личный, ограничивавшійся физическимъ устраненіемъ самодержца и замѣной его лицомъ, болѣе симпатичнымъ дворянству. Таковъ былъ конецъ Павла I (см. выше)—такова же была въ свое время и исторія Петра III. Затѣмъ, протестъ теоретическій, выразившійся въ тучѣ „монархическихъ“ проектовъ, —начиная съ Н. И. Панина и кончая Мордвиновымъ и др., проектовъ, пытавшихся поставить на пути „деспотической воли“ болѣе или менѣе искусственныя плотины и загородки. Но до принципіальнаго протеста противъ самаго существованія такой воли дворянскіе теоретики, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не доходили. Монархическій образъ правленія— притомъ съ монархомъ не только въ качествѣ декораціи, какъ въ Англіи— казался имъ закономъ природы для Россіи.

Стихійная, не освѣщенная свѣтомъ политическаго сознанія, борьба съ отдѣльными проявленіями деспотизма—или робкія, половинчатыя, не доведенныя до логическаго конца попытки обуздать деспотизмъ — вотъ чѣмъ исчерпывалась дворянская оппозиція XVIII — начала XIX вѣка до декабристовъ. Стоитъ отмѣтить, однако же, одно исключеніе: уже при Екатеринѣ II у одного публициста,

чисто дворянскаго по общему складу своего политическаго мышленія, мы встрѣчаемъ строки, полныя такого негодованія на злоупотребленія монархіи, отъ котораго не далеко уже и до принципіальнаго ея осужденія. „Я охуляю самый составъ нашего правительства", писалъ кн. Щербатовъ, глава русскихъ „монаршистовъ", за годъ до смерти — въ 1789 году, „называю его совершенно самовластнымъ и такимъ, гдѣ хотя есть писанные законы, но они власти государевой и силѣ вельможъ уступаютъ, гдѣ состояніе каждаго подданнаго основывается не на защищеніи законовъ, не отъ собственнаго его поведенія зависитъ, но отъ мановенія властнаго вельможи..." „Надлежало бы таперя говорить о правительствахъ; но какъ у насъ *по самому непомѣрному деспотичеству* не законы дѣйствуютъ въ правительствахъ, но преклоненіе двора и воля вельможъ, то прежде и должно о сихъ говорить".. Годъ спустя, то настроеніе, которое вырвало у стараго екатерининскаго „монаршиста" эти горькія слова, уже ключомъ бьетъ въ знаменитыхъ строфахъ Радищева:

„Чело надменное вознесши, схвативъ желѣзный скипетръ, царь, на громномъ тронѣ властно сѣвши, въ народѣ зритъ лишь подлу тварь. Животъ и смерть въ рукѣ имѣя: „по волѣ", рекъ, „щажу злодѣя, я властію могу дарить; гдѣ я смѣюсь, тамъ все смѣется; нахмурюсь грозно, все смятется. Живетъ тогда, велю коль жить"!... Возникнетъ рать повсюду бранна, надежда всѣхъ вооружитъ; въ крови мучителя вѣнчанна омыть свой стыдъ ужъ всякъ спѣшитъ. Мечъ остръ, я зрю, вездѣ сверкаетъ; въ различныхъ видахъ смерть летаетъ надъ гордою главой царя. Ликуйте, склепанны народы: се право мщенное природы на плаху возвело царя"..

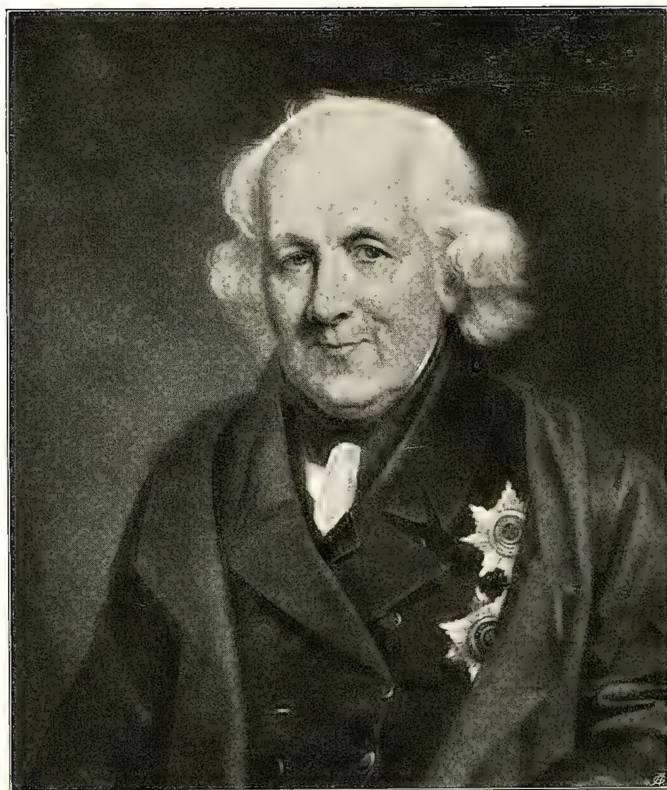
Въ одѣ Радищева уже всѣ декабристы со всѣмъ ихъ настроеніемъ. Первый революціонный писатель Россіи и въ этомъ—какъ и въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ — на двадцать лѣтъ опередилъ свое время. Въ нашей литературѣ, въ составѣ обычной „легенды декабристовъ", прочно установилась, между прочимъ, и та ихъ характеристика, согласно которой „Сѣверное Общество" было монархическимъ - конституціоннымъ, а „Южное"—республиканскимъ. Если подъ „республиканствомъ" разумѣть сознательную и послѣдовательную преданность демократическому идеалу, то пришлось бы признать республиканцемъ одного Пестеля, да и то не безъ оговорокъ. Но если понимать подъ этимъ жгучую ненависть къ монархіи и желаніе насильственнаго ея низверженія, то декабристы были *всѣ* республиканцы. Кѣмъ, какъ не республиканцемъ въ этомъ смыслѣ написанъ „Катихизисъ" Муравьева-Апостола, гдѣ мы читаемъ такое мѣсто: „*Вопросъ*. Какое правленіе сходно съ закономъ Божіимъ? *Отвѣтъ*. Такое, гдѣ нѣтъ царей. Богъ создалъ всѣхъ насъ равными и, сошедши на землю, избралъ Апостоловъ изъ простого народа, а не изъ знатныхъ и царей. *Вопросъ*. Стало быть, Богъ не любитъ царей? *Отвѣтъ*. Нѣтъ! Они прокляты суть отъ него, яко притѣснители народа"... Сергѣй Муравьевъ принадлежалъ къ Южному Обществу. Но уже въ 1820 году „коренная дума" Союза Благоденствія, по разсказу Пестеля—которому мы не имѣемъ

никакого основанія не довѣрять, — единогласно высказалась въ пользу республики. На собраніи были, кромѣ Сергѣя Муравьева и Пестеля, еще Тургеневъ Лунинъ, Глинка, Матвѣй и Никита Муравьевы — послѣдній впослѣдствіи авторъ извѣстной монархической конституціи. Тѣмъ не менѣе „во время преній одинъ Глинка говорилъ въ пользу монархическаго правленія, предлагая императрицу Екатерину Алексѣевну". Рылѣевъ увѣрялъ на слѣдствіи, будто онъ „всегда говорилъ, что вмѣсто президента Россіи нуженъ императоръ". Но уже самая форма показанія Рылѣева свидѣтельствуетъ, что вопросъ и въ Сѣверномъ Обществѣ былъ предметомъ споровъ. А затѣмъ, рядомъ съ этимъ, тотъ же Рылѣевъ признавалъ, что окончательное рѣшеніе вопроса должно было быть предоставлено „Великому Собору",— по теперешнему говоря, Учредительному Собранію. А сама возможность созвать подобный „Великій Соборъ" предполагаетъ предварительное низверженіе старой монархической власти. Значитъ, вопросъ о монархіи или республикѣ — спорный, какъ мы видѣли, и для Сѣвернаго Общества— относили, собственно, къ тому строю, который долженъ былъ установиться послѣ переворота. Но что путь къ этому строю лежалъ черезъ обломки трона Романовыхъ—объ этомъ среди вождей заговора никто не спорилъ.

Для французской политической литературы XVI вѣка—а на сравненіе съ этой эпохой напрашивается не одинъ Каховскій—установился терминъ, очень хорошо подходящій къ революціонному настроенію декабристовъ: монархомахія („борьба противъ монархіи"). Если не всѣ декабристы были республиканцами, то всѣ они были „монархомахами". Именно съ этой ихъ чертой связана идея цареубійства,—красною нитью проходящая черезъ весь заговоръ, и для Южнаго Общества ставшая своего рода лозунгомъ—принятіе или непринятіе котораго рѣшало вопросъ о вступленіи въ члены Общества, по словамъ Волконскаго. Отъ этой идеи—съ точки зрѣнія уголовнаго права самодержавной Россіи преступнѣйшей, какую только можно себѣ представить—декабристы изо всѣхъ силъ старались очиститься на слѣдствіи. Она ихъ мучила даже въ старости—и они старались ее свести на нѣтъ въ своихъ мемуарахъ. Волконскій, напримѣръ, признавъ ея наличность, спѣшитъ увѣрить своего читателя, что обѣтъ цареубійства— это только уловка, чтобы не пропустить въ Общество людей, слабыхъ духомъ и помѣшать дезертирству тѣхъ, кто уже въ него вступилъ. Но какъ ни старался Рылѣевъ откреститься отъ идеи тираноубійства передъ судомъ—ему пришлось признать, что вопросъ объ убійствѣ Николая ставился въ Сѣверномъ Обществѣ совершенно практически наканунѣ 14 декабря,—и ему оставалось только утверждать, что никогда не помышляли „истребить всю императорскую фамилію". „И провозгласить республику", прибавляетъ онъ тутъ же, но тремя строками ниже изъ того же показанія Рылѣева мы узнаемъ, что „положено было захватить императорскую фамилію и задержать оную до съѣзда Великаго Собора". Итакъ, въ этотъ промежуточный періодъ Россія должна была

быть империей безъ императора—для того, чтобы потомъ, по рѣшенію „Великаго Собора“, превратиться въ республику, увѣнчанную, для приличія, императорской короной: потому что императоръ, по конституціи Ник. Муравьева, имѣлъ власти ничуть не больше президента и не могъ предпринять ни одного важнаго шага безъ санкціи аристократической „верховной думы“.

Умѣренныя соціальныя реформы и полное, притомъ насильственное, низверженіе стараго политическаго строя—вотъ какъ вкратцѣ приходится опредѣлить программу декабристовъ. Но низвергнуть старый порядокъ могъ только народъ—только его могучій натискъ могъ низвергнуть „громный тронъ“, на которомъ „властно сидѣло“ самодержавіе. Кучка дворянъ не могла этого сдѣлать собственными усиліями: даже для гораздо болѣе скромной задачи—замѣны одного временнаго хозяина „громнаго трона“ другимъ — никогда недостаточно было одного гвардейскаго офицерства. И Елизаветѣ Петровнѣ, и Орловымъ, и позже сотрудникамъ Александра I въ переворотѣ 11 марта нужно было, хотя бы пассивное, содѣйствіе солдатъ. Не полная слаженность, въ этомъ отношеніи, заговора 11 марта едва не привела къ полной его неудачѣ. Декабристы не могли этого не понимать: но дальше того первобытнаго участія народа въ государственномъ переворотѣ, на которое опирались братья Орловы, они не сумѣли пойти. По показаніямъ Трубецкого ясно видно, *кого* въ первую голову старались привлечь на свою сторону заговорщики: это были командиры полковъ, если возможно, генералы, словомъ „густые эполеты“—отсутствію которыхъ на Сенатской площади 14 декабря многіе изъ декабристовъ готовы были приписывать всю неудачу этого дня. Эти показанія находятъ себѣ полное подтвержденіе въ откровенномъ заявленіи Пестеля. „Общество имѣло желаніе какъ можно больше начальниковъ въ войскахъ обратить къ своей цѣли и принять въ свой Союзъ“, говоритъ Пестель въ своихъ показаніяхъ, „особенно полковыхъ командировъ, предоставляя каждому изъ нихъ дѣйствовать въ своемъ полку, какъ самъ наилучше найдетъ; желало также и прочихъ начальниковъ въ Общество пріобрѣсти: генераловъ, штабъ-офицеровъ, ротныхъ командировъ“. Какъ дѣйствовали, каждый въ своемъ полку, отдѣльные командиры — мы это отчасти можемъ видѣть на примѣрѣ „Катихизиса“ и „Воззванія“ Сергѣя Муравьева-Апостола Но это было рѣдкое исключеніе — быть можетъ единичное. Какъ показываетъ намъ исторія дня 14 декабря, большинство опиралось на личныя симпатіи къ нимъ солдатъ, на свой личный авторитетъ — да на привычную дисциплину. Общественныхъ мотивовъ не умѣлъ вызвать почти никто. А между тѣмъ какъ легко было это сдѣлать! Накавунѣ возстанія ночью нѣкоторые изъ заговорщиковъ обходили Петербургъ и разговаривали, между прочимъ, съ часовыми солдатами. Они говорили имъ, что послѣ смерти Александра Павловича остался манифестъ, обѣщающій свободу крѣпостнымъ людямъ—но что манифестъ этотъ начальство скрываетъ. Гвардейскіе солдаты, при тогдашней, почти пожизненной, службѣ, были

Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ.

12

Julius Sittenfeld, Berlin W.

очень далеки отъ интересовъ крѣпостной деревни, откуда они ушли почти на вѣкъ. Тѣмъ не менѣе они слушали „съ жадностью". 14-го декабря около каре инсургентовъ было не мало простого народа—и не въ качествѣ пассивныхъ зрителей: градъ полѣньевъ, мѣтко пущенныхъ этими штатскими союзниками, заставилъ отступить конногвардейцевъ, которые пошли было атакою на каре. Волненія крѣпостныхъ крестьянъ, начавшіяся весною 1826 года, до такой степени явно на руку были бы политическому заговору, что начальство не замедлило поставить ихъ въ непосредственную связь. По поводу довольно серьезныхъ волненій въ одномъ изъ уѣздовъ Кіевской губерніи—въ апрѣлѣ 1826 года—волненій, вызванныхъ совершенно случайнымъ и пустяшнымъ поводомъ—ссорой одного отпускного солдата съ управляющимъ одного имѣнія—главнокомандующій Южной арміей писалъ своему начальнику штаба П. Д. Киселеву, донесшему ему о происшествіи: „По слѣдствію ожидать должно, что сіе произошло отъ людей злоумышленныхъ, а не имъ самимъ (солдатомъ) выдумано, ибо эта самая исторія происходила и во многихъ другихъ губерніяхъ, все въ томъ же смыслѣ... наиболѣе неповиновеній мужиковъ въ С.-Петербургской, въ Новгородской, въ Псковской, Рязанской и еще нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ... вотъ ясное доказательство, что сіе не должно быть выдумано самимъ рядовымъ, какъ онъ говорить въ своемъ показаніи".

Въ Петербургѣ ошибались на этотъ разъ—декабристы не умѣли воспользоваться тѣмъ пороховымъ погребомъ, который заложило крѣпостное право подъ самый фундаментъ „громнаго трона". Они не могли имъ воспользоваться—въ этомъ была трагедія ихъ положенія, какъ и положенія всякаго общественнаго класса, надѣющагося сохранить соціальные устои порядка, разбивъ его политическую форму. И самодержавіе должно было дать нѣсколько предметныхъ уроковъ русской либеральной буржуазіи, чтобы освоить ее,—хотя и не вполнѣ,—съ мыслью, что, только отвѣчая на завѣтныя желанія „трудящихся массъ", можно увлечь ихъ въ бой за собою. Свидѣтелями перваго урока могли быть еще сами декабристы: еще не успѣвъ казнить ихъ вождей, Николай уже издалъ (19 іюня) рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ забота объ огражденіи крестьянъ отъ насилій помѣщиковъ была выдвинута какъ задача первостепенной государственной важности Государь будетъ самъ наблюдать, говорилось въ рескриптѣ, чтобы помѣщики исполняли свой долгъ, какъ „христіанъ и вѣрноподданныхъ". Въ первый разъ былъ отмѣченъ въ офиціальной бумагѣ не отдѣльный случай помѣщичьяго произвола, а злоупотребленіе крѣпостнымъ правомъ вообще; а уже съ 6 декабря 1826 года сталъ работать комитетъ, одной изъ задачъ котораго было подготовить „измѣненіе быта крестьянъ". Самодержавная демагогія спѣшила вырвать изъ рукъ политической революціи ея самое грозное оружіе, которымъ та не сумѣла воспользоваться.

Только для одного изъ декабристовъ связь соціальной и политической проблемы была ясна—и именно поэтому его и приходится поставить

8

совершенно особнякомъ въ ряду его товарищей. То былъ П. И. Пестель. Его проекты даютъ высшее, до чего поднималось политическое творчество декабристовъ. Анализируя конституцію Н. Муравьева, мы можемъ узнать, дальше чего *не хотѣла* итти масса заговорщиковъ. „Русская Правда" Пестеля даетъ намъ ту границу, дальше которой *не могли бы* пойти декабристы въ случаѣ самаго полнаго успѣха.

Отзывы самыхъ разнообразныхъ людей сходятся на томъ, что Пестель былъ личностью, выдающеюся даже въ томъ отборномъ кругу, изъ котораго вербовались члены тайныхъ Обществъ. „Умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова... Одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которые я знаю", записалъ о немъ Пушкинъ. Главнокомандующій второй арміей, гдѣ служилъ Пестель, гр. Витгенштейнъ говорилъ, что Пестель вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ, и на посту министра, и въ командованіи арміей. Посѣщавшій декабристовъ въ крѣпости протоіерей Мысловскій находилъ, что Пестель „есть отличнѣйшій въ сонмѣ заговорщиковъ, какъ по данному ему воспитанію, такъ и по твердости духа". Пересматривая „Русскую Правду" („Наказъ временному верховному правленію")—главное (не вполнѣ оконченное) произведеніе Пестеля, мы, однако, тщетно стали бы искать тамъ что-нибудь глубоко-оригинальное, не повторявшееся въ политической литературѣ. Даже несомнѣнно далеко отходившая отъ тогдашняго политическаго шаблона мысль о національзаціи земли, по всей вѣроятности, заимствована Пестелемъ у одного французскаго публициста революціонной эпохи—аббата Cournand. Вообще, идея „аграрнаго закона" настолько постоянно присутствовала — съ отрицательнымъ или положительнымъ знакомъ въ сознаніи французскихъ якобинцевъ, что было бы странно не найти ея отзвуковъ у Пестеля. Ибо если что выдѣляло послѣдняго изъ рядовъ заговорщиковъ, такъ это то, что Пестель былъ типичнѣйшій *якобинецъ* по складу своего ума, по своему характеру и темпераменту.

Колоссальныя фигуры дѣятелей 1793 года очаровываютъ насъ—и вѣчно будутъ очаровывать всѣхъ—прежде всего, своей непоколебимой вѣрой въ силу человѣческаго ума, въ силу идей. Не задавая себѣ вопроса, откуда берутся идеи, они твердо вѣрили, что идеями можно покорить и пересоздать весь міръ, что нѣтъ силы, которая могла бы устоять передъ силою логики. И они безстрашно ломали своею логикой все—сложившіяся историческія условія, вѣками укоренившіеся предразсудки—и жизнь массы людей вмѣстѣ съ ними. Они считали свои идеи приложимыми всюду и всегда—и если реальныя условія не поддавались силѣ ихъ идей—виноваты были реальныя условія. „Истина политическая, будучи истиною нравственною или отвлеченною, вездѣ одна и та же". Въ этой фразѣ, подъ которой могъ бы подписаться Сенъ-Жюстъ—весь Пестель.

Отсюда, прежде всего, слѣдовало, что „*законы должны быть одинаковы на цѣломъ пространствѣ государства*. Государство должно въ политическомъ отношеніи *цѣлое* составлять"... Роль государства, прежде всего, въ

томъ, чтобы быть проводникомъ „единой политической истины“. „..Самые дѣйствительные наставники народовъ суть законы государственные: они образуютъ и, такъ сказать, воспитываютъ народы, и по нимъ нравы, обычаи, понятія, видъ свой и дѣятельность свою получаютъ“. Передъ этой задачей все должно преклониться— начиная съ самаго упорнаго историческаго предразсудка, національнаго чувства: „*всѣ племена должны быть слиты въ одинъ народъ*“. Національныя особенности должны быть стерты: прежде всего, языкъ. Необходимо, „чтобы, во 1-хъ, на цѣломъ пространствѣ россійскаго государства господствовалъ одинъ только языкъ россійскій“..Во-вторыхъ, должны быть „уничтожены“ даже самыя имена народовъ и племенъ, Россію населяющихъ. Въ-третихъ, одни и тѣ же законы, одинъ и тотъ же образъ правленія должны господствовать на всемъ пространствѣ Россіи. „Опыты всѣхъ вѣковъ и всѣхъ государствъ доказали, что народы вездѣ бываютъ таковыми, каковыми ихъ содѣлываютъ правленіе и законы, подъ коими они живутъ“.

Таковъ былъ тотъ Пестель, главный грѣхъ котораго „Донесеніе Слѣдственной Комиссіи“ видѣло въ федерализмѣ.

Но не только существованіе особыхъ народностей, съ особой культурной физіономіей, съ притязаніями на политическую автономію, противорѣчитъ идеѣ государственнаго единства. Наличность крупныхъ чисто-территоріальныхъ дѣленій, въ родѣ „державъ“ Н. Муравьева, также можетъ быть опасна для всемогущества единой центральной власти. Основныя единицы мѣстнаго самоуправленія должны быть возможно мельче,— чтобы онѣ ни въ какомъ случаѣ не могли явиться конкурентами центральнаго управленія. „При раздѣленіи земельнаго пространства государства на части, волость должна быть признана политическою единицею“. „Верховная власть управляетъ цѣлымъ пространствомъ государства, а народъ весьма естественнымъ образомъ распредѣляется по волостямъ, т. е. по различнымъ единицамъ государственнаго пространства“. Каждый гражданинъ долженъ быть приписанъ къ какой-нибудь волости — и только, какъ членъ волости, можетъ онъ осуществить свои политическія права. Собраніе всѣхъ полноправныхъ гражданъ волости,—„земское народное собраніе“— создаетъ всѣ власти государства, мѣстныя и центральныя, первыя прямо, вторыя посредственно. „Земское народное собраніе“ выбираетъ „намѣстныя“ собранія волости уѣзда и „округа“ (губерніи); а окружныя намѣстныя собранія выбираютъ членовъ „народнаго вѣча“,—верховной законодательной власти. Совокупность всѣхъ волостныхъ „земскихъ“ собраній всей страны и есть, такимъ образомъ, настоящій суверенъ—настоящій носитель верховной власти. Но онъ держитъ эту власть въ рукахъ лишь очень короткое время: „Каждое земское собраніе имѣетъ ежегодное засѣданіе, могущее продолжаться только шесть дней“; притомъ, оно занимается въ это время „единственно выборомъ гражданъ въ члены намѣстныхъ народныхъ собраній, руководствуясь однимъ ихъ довѣріемъ къ избираемымъ лицамъ“; и только уже эти „намѣстныя“ собранія зани-

маются „всѣми дѣлами, народному соучастію предоставленными". Образованіе прочныхъ партійныхъ организацій,—которыя поставили бы вопросъ о выборахъ на почву не одного только нравственнаго довѣрія, постоянное живое участіе народной массы въ политикѣ,—вовсе не входили въ планы Пестеля. Воплощенный разумъ—государство не должно было встрѣчать абсолютно никакихъ препятствій въ развитіи своей идеи. Пестель былъ убѣжденъ, что народная масса, сама по себѣ, и не интересуется слишкомъ государственными дѣлами. „Чернь производитъ безпорядки тогда, когда ее угнетаютъ, или когда богатые для своихъ видовъ ее подкупаютъ и волнуютъ, сама же пребываетъ она всегда въ спокойствіи". „Дворяне и богатые будутъ, вѣроятно, чаще другихъ гражданъ избираемы, если будутъ просвѣщеннѣе прочихъ".

Пестель былъ безусловнымъ сторонникомъ полнаго политическаго и гражданскаго равенства всѣхъ гражданъ. На „временное верховное правленіе" онъ возлагаетъ обязанность „всякую даже тѣнь аристократическаго порядка, хоть феодальнаго, хоть на богатствѣ основаннаго, совершенно устранить и навсегда удалить". Граждане его идеальнаго государства должны были быть математически равными единицами—и, подобно французскимъ якобинцамъ, онъ прекрасно понималъ неизбѣжность имущественнаго равенства, или, по крайней мѣрѣ, отсутствія сколько-нибудь рѣзкаго неравенства, какъ основы политической равноправности всѣхъ гражданъ. Къ этому, какъ сейчасъ увидимъ, клонился весь его аграрный проектъ. И, тѣмъ не менѣе, Пестель признаетъ, что „богатые всегда будутъ существовать—и это очень хорошо". И тѣмъ не менѣе онъ отдаетъ свое ультра-демократическое государство подъ опеку „дворянъ и богатыхъ". И тѣмъ не менѣе, намѣчая основныя черты крестьянской реформы, онъ ставитъ на первомъ мѣстѣ требованіе, гласящее, что „освобожденіе крестьянъ отъ рабства не должно лишить дворянъ дохода, ими отъ помѣстій своихъ получаемаго".

Какъ буржуа-якобинцы, сознавая всю необходимость экономическаго равенства для проведенія въ жизнь своей системы, никогда не имѣли духа коснуться „священной собственности" и въ послѣднюю минуту всегда въ ужасѣ отшатывались отъ зловѣщаго призрака „аграрнаго закона"—такъ и дворянинъ—Пестель не могъ себѣ представить Россіи не опекаемой просвѣщенными дворянами, не могъ себѣ представить Россіи, гдѣ огражденіе помѣщичьихъ интересовъ не стояло бы на первомъ планѣ. Неумолимая логика политической идеи все крушила на своемъ пути — кромѣ классоваго инстинкта. Передъ классовыми интересами она почтительно останавливалась.

Намъ остается разсмотрѣть экономическую программу „Русской Правды". Послѣ сейчасъ сказаннаго, она для насъ менѣе интересна, чѣмъ могла бы быть сама по себѣ. Коренной ломки сложившихся экономическихъ отношеній Пестель не могъ имѣть въ виду. „Богатые всегда будутъ существовать и это очень хорошо" — будетъ существовать и крупное землевладѣніе. Въ своемъ проектѣ освобожденія крестьянъ Пестель тщательно оберегаетъ помѣщичьи имѣнія размѣ-

рами до 5000 десятинъ. Поэтому, о „національзаціи земли" въ проектѣ Пестеля приходится говорить лишь въ очень переносномъ смыслѣ этого слова. Его образецъ, аббатъ Cournand, шелъ гораздо дальше. По его проекту, вся доступная обработкѣ площадь Франціи, за исключеніемъ $^1/_3$, сдававшейся въ аренду непосредственно отъ государства частнымъ предпринимателямъ, дѣлилась на *равные* участки по $4^1/_2$ арпана, по жребію распредѣлявшіеся между всѣми французскими гражданами. Никакую землю, ни относившуюся къ первой категоріи, ни входившую во вторую, нельзя было ни продавать и закладывать, ни передавать по наслѣдству. Ее можно было только сдавать и снимать въ аренду—если гражданинъ, которому по жребію достался данный участокъ, не могъ или не хотѣлъ лично вести хозяйство. Такимъ образомъ во французскомъ проектѣ рѣчь шла, дѣйствительно, о національзаціи земли. Его русская копія была гораздо скромнѣе. По проекту Пестеля, въ общественное распоряженіе поступала лишь *половина* всѣхъ угодій волости. Другая половина предназначается „для образованія частной собственности" и хозяева „обладаютъ ею съ полною свободою" и имѣютъ право „дѣлать изъ оной, что имъ угодно". Только по отношенію ко второй половинѣ земли имѣетъ мѣсто то, что Курнанъ предлагалъ относительно всей площади удобныхъ земель: сдача въ аренду отъ имени государства и жеребьевка надѣловъ. Притомъ вѣрный своей идеѣ о необходимости въ обществѣ „богатыхъ", Пестель не настаиваетъ, чтобы и эта земля была распредѣляема поровну: „каждый членъ волостного общества имѣетъ право столько требовать участковъ, сколько пожелаетъ" — и не только изъ числа не имѣющихъ собственной земли, но и изъ числа землевладѣльцевъ. Лишь въ случаѣ столкновенія требованія на землю со стороны безземельнаго и землевладѣльца преимущество отдается первому.

Пестель надѣялся, что, по осуществленіи его проекта, „каждый россіянинъ будетъ совершенно въ необходимомъ обезпеченъ и увѣренъ, что въ своей волости всегда клочокъ земли найти можетъ, который ему пропитаніе доставитъ". Ему не приходило въ голову, что *половины* земли можетъ, наконецъ, и не хватить—и что существованіе рядомъ двухъ правъ на землю, общественнаго и частнаго, должно вызвать острый антагонизмъ между владѣльцами имѣній въ тысячи десятинъ и тѣми, кому не хватаетъ на ихъ долю даже и минимальнаго тяглового участка; что этотъ антагонизмъ, по глубинѣ и силѣ, нисколько не уступитъ противорѣчію интересовъ, существующему между буржуазіей и пролетаріатомъ, — отъ появленія котораго Пестель такъ заботливо охранялъ Россію. Наоборотъ, ему казалось, что проектируемая имъ полу-національзація принесетъ съ собой неисчислимыя благодѣянія и явится могущественнымъ двигателемъ экономическаго прогресса Россіи. Предвосхищая современную намъ аргументацію, онъ доказываетъ, что переходъ земли въ общее достояніе и связанный съ нимъ подъемъ экономическаго уровня массы расширитъ внутренній рынокъ и тѣмъ дастъ мощный толчокъ развитію промышленности. „Народная промы-

шленность получитъ быстрѣйшій ходъ и сильнѣйшіе обороты потому, что всегда опираться будетъ на увѣренности въ необходимомъ и слѣдовательно само изобиліе твердѣйшее возымѣетъ основаніе". „Умноженіе населенія увеличитъ невозможность отдавать въ однѣ руки много участковъ изъ общественной земли, и тѣмъ самымъ получитъ пріобрѣтеніе земель въ частную собственность сильное поощреніе. — Оттого вздорожаютъ земли, а возвышеніе цѣны оныхъ послужитъ поощреніемъ къ направленію капиталовъ на устройство мануфактуръ, фабрикъ, заводовъ и всякаго рода издѣлій, на предпріятіе разныхъ коммерческихъ оборотовъ и торговыхъ дѣйствій". Вѣрный ученикъ Детю-де-Траси („сочиненіе Детю-де-Траси на французскомъ языкѣ очень сильно подѣйствовало на меня", пишетъ Пестель въ своемъ показаніи), столь достойно осмѣяннаго Марксомъ, позабылъ, что для развитія промышленности нуженъ не одинъ капиталъ...

Но какъ бы несовершенны ни были, съ нашей точки зрѣнія, экономическіе взгляды автора „Русской Правды", уже самая наличность у него извѣстныхъ экономическихъ предпосылокъ ставила Пестеля неизмѣримо выше „реальныхъ политиковъ" изъ среды его товарищей. Пестель прекрасно понималъ то, что съ трудомъ давалось даже самому образованному изъ праваго крыла декабристовъ—Н. И. Тургеневу: что соціальную проблему нельзя рѣшить мимоходомъ, давъ „что-нибудь" „трудящимся массамъ" въ награду за поддержку при переворотѣ. Тургеневъ смутно чувствовалъ, что съ крѣпостного права, собственно, нужно начинать: но когда идея эмансипаціи принимала передъ нимъ реальныя формы, онъ быстро становился на обще-декабристскую точку зрѣнія—т. е. на точку зрѣнія, обычную всѣмъ тогдашнимъ либеральнымъ помѣщикамъ. Дать крестьянину личную свободу, можетъ быть, еще усадьбу и дворъ, можетъ быть еще десятину - другую земли— и реформа готова. Охраненіе интересовъ помѣщика—котораго не совсѣмъ чуждъ былъ и Пестель—проявлялось здѣсь въ самомъ грубомъ видѣ. Увлекался идеей освобожденія крестьянъ, повидимому, одинъ Рылѣевъ, принадлежавшій,—что очень характерно,—не къ крупному, какъ большинство декабристовъ, а къ среднему дворянству. Но это было больше увлеченіе поэта, чѣмъ политика—и выразилось оно въ поэтическомъ произведеніи, въ извѣстной, такъ инкриминированной ему его слѣдователями, пѣснѣ („Ахъ тошно мнѣ, И въ родной сторонѣ"...). Одинъ Пестель ставилъ вопросъ такъ, какъ онъ ставится и понынѣ: одинъ онъ говорилъ о тѣсной связи земли и воли. По устному преданію, переданному Герценомъ, онъ сказалъ своимъ друзьямъ: „Мы можемъ, пожалуй, провозгласить республику, и все-таки будетъ мало толку, у насъ не будетъ всенароднаго возстанія, доколѣ мы не коснемся поземельной собственности дворянъ. Мужику нужна земля". На аграрномъ переворотѣ для Пестеля строилась вся русская революція.

Къ сожалѣнію, о томъ, какъ онъ представлялъ себѣ этотъ аграрный переворотъ, мы можемъ судить больше по намекамъ; плана крестьянской

реформы Пестеля у насъ нѣтъ. Только начало этого плана сохранилось въ черновомъ наброскѣ — да „Русская Правда“ даетъ нѣсколько, черезчуръ общихъ, положеній. Въ первомъ изъ этихъ положеній, которое мы уже знаемъ, Пестель заботится объ огражденіи интересовъ помѣщика. Второе трактуетъ о поддержаніи внѣшняго порядка во время самой реформы. Третье, порицаніе намѣренія даровать крестьянамъ „мнимую свободу“, косвенно наноситъ ударъ товарищамъ автора изъ „Сѣвернаго Общества“ и Н. И. Тургеневу—съ которымъ у Пестеля было не мало споровъ по вопросу о соціальной реформѣ. „Я употреблялъ всѣ усилія, чтобы опровергать ихъ аргументы„ писалъ впослѣдствіи Тургеневъ въ своемъ заграничномъ сочиненіи. „Наконецъ, я замѣтилъ, что Пестель и его друзья были очень недовольны моимъ несочувствіемъ ихъ соціальнымъ теоріямъ“.

Тургеневъ имѣлъ здѣсь въ виду ту полу-національзацію земли, о которой говорилось выше. Но и не заходя такъ далеко, уже пестелевскій планъ освобожденія крестьянъ, долженъ былъ вызвать весьма горячіе споры. Упомянутый выше набросокъ даетъ намъ частицу картины необычайно широкой, по сравненію съ проектомъ Муравьева или Тургенева. Владѣльцы крупныхъ и многоземельныхъ имѣній (не менѣе 1000 душъ и 10000 десятинъ земли) экспропріируются Пестелемъ на-половину безъ всякаго вознагражденія. Имѣнія отъ 5 до 10 тыс. десятинъ экспропріируются съ вознагражденіемъ, но лишь отчасти: помѣщикъ получаетъ лишь за 5000 тыс. дес., хотя бы у него отобрали и больше. Наконецъ владѣльцы менѣе 5000 дес. получаютъ вознагражденіе полностью за всю экспропріированную у нихъ землю: но цѣна земли при этомъ опредѣляется „показаніями волости или помѣщика“. Въ противность реформѣ 19 февраля, совершенной исключительно дворянскими руками, Пестель давалъ право голоса и крестьянству.

4.

14 декабря 1825 г. въ С.-Петербургѣ. Возстаніе на югѣ.

Въ роковой день 14 декабря 1825 г. въ Петербургѣ правительство и заговорщики съ ранняго утра приступили къ дѣйствіямъ. Начальники дивизій, командиры бригадъ отдѣльныхъ полковъ и баталіоновъ гвардіи еще до восхода солнца въ этотъ день были созваны въ Зимній дворецъ для ознакомленія съ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о престолонаслѣдіи. Объясненіе Николая вполнѣ удовлетворило командировъ, и они единогласно признали его законнымъ императоромъ. „Послѣ этого вы отвѣчаете

мнѣ головою за спокойствіе столицы!“—грозно крикнулъ на командировъ Николай, почувствовавшій увѣренность въ твердости занятой имъ позиціи. Изъ Зимняго дворца командиры отправились по своимъ частямъ приводить войска къ присягѣ. Вслѣдствіе доноса Ростовцева, постановлено было приводить полки къ присягѣ не одновременно, а по очереди, чтобы этимъ пріемомъ разбить планъ заговорщиковъ, имѣвшихъ въ виду воспользоваться моментомъ присяги для цѣлей возстанія.

До $11^1/_2$ час. утра со всѣхъ концовъ Петербурга летѣли въ Зимній дворецъ донесенія о спокойномъ ходѣ присяги. Къ этому времени уже успѣли присягнуть полки: конно-гвардейскій, кавалергардскій, преображенскій, семеновскій, павловскій, гренадерскій, гвардейскій-егерскій, финляндскій и саперный баталіонъ. Изъ остальныхъ полковъ еще не приходило донесеній, но при дворѣ полагали, что причиной запозданія въ донесеніяхъ являлись не одновременное приведеніе полковъ къ присягѣ и отдаленность казармъ отъ дворца. Наружно столица была спокойной, и при дворѣ ужасъ, который царилъ въ немъ за послѣдніе два дня, сталъ уже проходить. Но въ 12 час. дня Николаю доложили, что четыре офицера конной артиллеріи во время присяги оказали сопротивленіе и что ихъ пришлось взять подъ стражу. А въ исходѣ перваго часа Николаю донесли, что часть московскаго полка, провозгласивъ императоромъ Константина, идетъ съ распущенными знаменами по направленію къ Сенатской пл. Въ этомъ офиціальномъ сообщеніи вѣрно все, кромѣ хронологическихъ данныхъ. Оказывается, императоръ не зналъ о томъ, что значительная часть войскъ наотрѣзъ отказалась ему присягнуть и, въ видѣ протеста, окруженная густой толпой народа, съ 10 ч. утра уже стоитъ въ строю на Сенатской площади, оглашая воздухъ криками: „Ура! Константинъ!“..

Въ то время, какъ Николай и его правительство дѣятельно работали надъ приведеніемъ войскъ и высшихъ учрежденій къ присягѣ, значительная часть заговорщиковъ готовилась къ выступленію.

Нѣкоторые изъ членовъ тайнаго Общества всю ночь съ 13-го на 14-е декабря провели безъ сна, въ страшно приподнятомъ настроеніи, памятуя, что, по выраженію М. Бестужева, для нихъ завтра разрѣшится страшный вопросъ: „to be or not to be“ (быть или не быть). 14 декабря главари заговора были на ногахъ уже съ шести утра. Около семи у Рылѣева состоялось краткое совѣщаніе, на которомъ, по словамъ Оболенскаго, условились, какъ дѣйствовать сегодня. Каховскому — между прочимъ—поручили поѣхать къ лейбъ-гренадерамъ. На этомъ совѣщаніи, по разсказу Трубецкого, всѣ чувствовали себя нехорошо, разговоръ не клеился. Трубецкой—между прочимъ—сообщилъ, что собирается сенатъ. Штейнгель сказалъ: „Пойду дописывать манифестъ, который, кажется, останется въ карманѣ, онъ у меня въ головѣ почти совсѣмъ конченъ“. Рѣпинъ разсказалъ, что въ финляндскомъ полку уже началась присяга, и офицеровъ къ ней приводятъ отдѣльно отъ солдатъ.

Каховскій, повидимому, проявлялъ самую усиленную дѣятельность для

обезпеченія успѣха заговору. Раннимъ утромъ онъ успѣлъ побывать въ московскомъ полку и въ гвардейскомъ экипажѣ, чтобы узнать о положеніи дѣлъ. „Господа, не погубите лейбъ-гренадеровъ нерѣшительностью“,— говорилъ онъ М. Бестужеву. Въ гвардейскомъ экипажѣ онъ бросилъ фразу:

— Можно и отложить возстаніе до болѣе благопріятнаго времени.

—Нѣтъ,—воскликнулъ Бѣляевъ,— лучше не откладывать, если имѣются люди, могущіе вести временное правленіе: другого такого случая можетъ и не быть.

— Въ такомъ случаѣ—станемъ дѣйствовать, — отвѣтилъ ему Каховскій.

Неудачный исходъ заговора для нѣкоторыхъ изъ членовъ Общества представлялся въ этотъ день несомнѣннымъ задолго до выступленія войскъ на Сенатскую пл. Такъ— М. Бестужевъ послѣ безсонной ночи, проведенной у безумствовавшаго Щепина-Ростовскаго, пришелъ рано утромъ домой и спрашиваетъ своего брата:

— Гдѣ же Якубовичъ?

— Якубовичъ остался на своей квартирѣ обдумывать, какъ бы похрабрѣе измѣнить намъ. На всѣ мои убѣжденія ѣхать къ артиллеристамъ и измайловцамъ, онъ упорно повторялъ: „Вы затѣяли дѣло несбыточное- вы не знаете русскаго солдата, какъ знаю я“.

Въ Якубовичѣ, которому вчера было поручено поднять артиллерію и измайловскій полкъ, Рылѣевъ тоже сомнѣвался и поэтому рѣшилъ вмѣсто него самъ отправиться утромъ 14-го къ артиллеристамъ, измайловцамъ и егерямъ, по—неизвѣстно почему— этого не сдѣлалъ.

Въ 10-мъ часу утра Рылѣевъ съ Пущинымъ заѣхали къ Трубецкому. Трубецкой далъ имъ прочесть царскій манифестъ. Всѣ трое находили, что все идетъ въ желательномъ для Николая смыслѣ и что, должно быть, ничего не будетъ. Тѣмъ не менѣе Пущинъ сказалъ Трубецкому:

— Однако жъ, если что будетъ, то вы къ намъ придете?

— Ничего не можетъ быть. Что жъ можетъ быть, если выйдетъ какая рота или двѣ?—уклончиво отвѣтилъ Трубецкой.

—Мы на васъ надѣемся,—еще разъ уже уходя, сказалъ Пущинъ.

Этотъ разговоръ Трубецкого привелъ въ смущеніе. Для него было ясно, что какъ только войска появятся на Сенатской площади, такъ немедленно же за нимъ придутъ заговорщики и уведутъ его въ ряды возставшихъ, чтобы командовать ими. И „диктаторъ“, опасаясь этой перспективы, вышелъ изъ дома, сѣлъ на извозчика и поѣхалъ въ гл. штабъ къ присягѣ, разсчитывая на то, что эта поспѣшность въ исполненіи долга послѣ открытія заговора „во что-нибудь да вмѣнится“.

Такимъ образомъ поведеніе Якубовича, Рылѣева и Трубецкого служило дурнымъ признакомъ для успѣха возстанія. Но это, конечно, не могло остановить тѣхъ, кто безповоротно рѣшилъ начать возстаніе. Къ числу такихъ заговорщиковъ принадлежали бр. М. и А. Бестужевы и кн. Щепинъ-Ростовскій (не принадлежавшій къ Обществу, но увлеченный М. Бестужевымъ). Они раньше всѣхъ изъ заговорщиковъ подняли

солдатъ московскаго полка и рѣшили вывести ихъ на Сенатскую пл.

Передъ тѣмъ, какъ полку принять присягу, А. А. Бестужевъ произнесъ своей ротѣ сильную рѣчь, которую солдаты „слушали жадно". Бестужевъ говорилъ солдатамъ, что онъ— адъютантъ Константина, что его (Константина) задержали по дорогѣ въ Петербургъ и хотятъ гвардію заставить присягнуть Николаю и т. п. Послѣ его рѣчи солдаты кричали: „Не хотимъ Николая! Ура, Константинъ!" Изъ своей роты А. Бестужевъ отправился въ другія роты и повелъ тамъ ту же агитацію и съ тѣми же результатами. Тѣмъ временемъ М. Бестужевъ роздалъ своей ротѣ боевые патроны и выстроилъ ее, а затѣмъ послалъ надежныхъ людей въ остальныя роты полка, чтобы и тамъ взяли боевые патроны и приготовились къ выступленію. Почти весь полкъ былъ поднятъ Бестужевымъ и Щепинымъ - Ростовскимъ. Генералы Шеншинъ и Фредериксъ и полковникъ Хвощинскій пробовали уговаривать солдатъ, но разгоряченный Щепинъ-Ростовскій первыхъ двухъ зарубилъ саблей, а третій счастливо увернулся отъ его удара, отдѣлавшись однимъ испугомъ.

Бестужевы и Щепинъ-Ростовскій вѣрную имъ часть полка повели на Сенатскую пл. Проходя Гороховую, они встрѣтили Якубовича. Онъ пошелъ впереди войска съ обнаженной саблей въ рукѣ, восторженно крича: „Ура! Константинъ!" М. Бестужевъ ему сказалъ: „По праву храбраго кавказца, прими команду надъ войсками".—„Что за церемоніи?"—отвѣтилъ ему Якубовичъ, однако команду принялъ.

Сенатская пл., куда явились московцы, оказалась пустою.

— Что? Имѣю ли я теперь право повторить тебѣ, что вы затѣяли дѣло неудобоисполнимое. Видишь, не одинъ я такъ думалъ, — говорилъ Якубовичъ М. Бестужеву на площади.

— Ты бы не могъ сказать этого,— отвѣтилъ ему Бестужевъ,—если бы сдержалъ данное тобою слово и привелъ сюда прежде насъ или артиллерію, или измайловцевъ.

М. Бестужевъ и Щепинъ построили московцевъ въ каре и стали ждать прихода другихъ полковъ.

Оболенскій, назначенный начальникомъ штаба возставшихъ войскъ, прибылъ на Сенатскую пл. одновременно съ московскимъ полкомъ и уже нашелъ здѣсь Рылѣева, надѣвшаго на себя солдатскую суму и перевязь и готоваго стать „въ ряды солдатскіе". Но, по словамъ Оболенскаго, онъ будто бы вскорѣ отправился въ лейбъ-гренадерскій полкъ, чтобы ускорить его приходъ на площадь. Съ тѣхъ поръ Оболенскій болѣе ни разу не видѣлъ Рылѣева на Сенатской площади. Каховскій тоже оказался среди пришедшихъ на площадь. Онъ велъ агитацію среди солдатъ, все время находясь среди нихъ.

По разсказу М. Бестужева, московцы пришли на площадь около 7 час. утра и простояли на ней въ одиночествѣ, если не считать окружавшей ихъ толпы народа, до 9 часовъ. Но Бестужеву, передъ этимъ не спавшему три ночи и находившемуся въ нервно-приподнятомъ настроеніи, очевидно, минуты казались часами. Очевидцы и участники событія 14 декабря довольно согласно опредѣляютъ моментъ прихода московскаго полка на

площадь, именно — около 10 час. утра.

По словамъ Штейнгеля, едва успѣли московцы выстроиться въ каре, какъ показался скачущимъ изъ дворца петербургскій ген.-губ. Милорадовичъ. Не прошло и трехъ минутъ, какъ онъ очутился передъ каре и сталъ уговаривать солдатъ присягнуть Николаю.

„Вдругъ раздался выстрѣлъ, — разсказываетъ Штейнгель, — графъ заметался, шляпа слетѣла съ него, онъ припалъ къ лукѣ и въ такомъ положеніи лошадь унесла его“... „Увѣщая солдатъ съ самонадѣянностью стараго отца—командира, графъ говорилъ, что самъ охотно желалъ, чтобы Константинъ былъ императоромъ, но что же дѣлать, если онъ отказался; увѣрялъ ихъ, что онъ самъ видѣлъ новое отреченіе и уговаривалъ повѣрить ему. Одинъ изъ членовъ тайнаго Общества, кн. Оболенскій, видя, что такая рѣчь можетъ подѣйствовать, выйдя изъ каре, убѣждалъ графа отъѣхать прочь, иначе угрожалъ опасностью. Замѣтя, что графъ не обращаетъ на него вниманія, онъ нанесъ ему штыкомъ легкую рану въ бокъ. Въ это время графъ сдѣлалъ вольтъ-фасъ, а Каховскій пустилъ въ него изъ пистолета роковую пулю, наканунѣ вылитую“.

Послѣ выстрѣла въ Милорадовича лейбъ-гвардіи конный полкъ, присягнувшій Николаю, былъ немедленно же подъ командой ген. Орлова отправленъ на Сенатскую пл. Конная гвардія выстроилась передъ каре и осталась стоять въ бездѣйствіи.

Вскорѣ показался ѣдущимъ верхомъ на лошади императоръ Николай. По разсказу Каульбарса, шт.-ротм. конной гвардіи (не декабриста), Николай, о беззавѣтной храбрости котораго въ этотъ день ходятъ разныя легенды, ѣхалъ окруженный батальономъ преображенскаго полка съ ружьями на перевѣсъ. Къ каре императоръ ни разу не рискнулъ приблизиться, иначе—его постигла бы участь Милорадовича: Каховскій въ своемъ показаніи говоритъ, что онъ убилъ бы Николая, если бы онъ подъѣхалъ къ возставшимъ войскамъ.

Тѣмъ временемъ къ площади стягивались вѣрныя Николаю войска. Первыми послѣ конно-гвардейцевъ показались преображенцы съ артиллеріей впереди, замкнувшіе проходы къ Исаакіевскому мосту. Потомъ появились конно-піонеры, занявшіе выходъ съ Англійской наб. Послѣ нихъ появились павловцы, помѣстившіеся тыломъ къ д. Лобанова-Ростовскаго. Семеновцы встали вдоль конно-гвардейскаго манежа. Измайловскій полкъ остановился на улицѣ, образовавшейся послѣ постройки д. Лобанова. Остальные полки были расположены по главнымъ улицамъ, примыкающимъ къ площадямъ Дворцовой, Исаакіевской и Петровской.

Такимъ образомъ—мятежное каре было со всѣхъ сторонъ окружено войсками. И казалось—для него былъ одинъ изъ двухъ исходовъ: умереть или сдаться. Въ дѣйствительности же положеніе инсургентовъ вовсе не было безвыходнымъ. Дѣло въ томъ, что войска приходили не одновременно и въ суматохѣ. И трудно было сказать—могъ на нихъ положиться Николай или не могъ, хотя почти всѣ они ему и присягали. Такъ — солдаты преображенскаго и конно-гвардейскаго полковъ черезъ народъ передавали

инсургентамъ о своемъ желаніи присоединиться къ мятежу, если только каре проявитъ инціативу. Среди поставленныхъ противъ мятежниковъ войскъ находился также по какому-то недоразумѣнію и измайловскій полкъ, который отказался принести присягу Николаю; онъ до вечера простоялъ противъ каре безъ движенія.

Но возставшія войска не проявляли никакой инціативы, они стояли, не двигаясь съ мѣста, и совершенно не знали, для чего они здѣсь и что же наконецъ—они будутъ дѣлать. Диктаторъ Трубецкой къ нимъ не явился. Онъ въ это время метался по городу и не зналъ—„куда дѣваться". Въ то время, когда вниманіе всего Петербурга было приковано къ Сенатской пл., когда весь городъ съ трепетомъ ожидалъ конца завязавшейся драмы, Трубецкой, которому надлежало быть въ центрѣ происходящихъ событій, отсиживался въ курьерской гл. штаба „одинъ въ большомъ уныніи и страхѣ".

Ген. Шиповъ—командиръ семеновскаго полка и начальникъ бригады, въ составъ которой входилъ гвардейскій экипажъ,—считался человѣкомъ, преданнымъ Пестелю. Но и онъ въ критическую минуту измѣнилъ Обществу и даже дошелъ до того, что офицеровъ, отказывавшихся принимать присягу Николаю, усердно уговаривалъ выполнить долгъ.

Якубовичъ, утромъ взявшій на себя команду московцами, теперь, „по причинѣ страшной головной боли", удалился съ площади. А его другъ — полковникъ Булатовъ, вчера еще готовый на все и простившійся навсегда съ своими дѣтьми, теперь разгуливалъ около каре и „досадовалъ на заговорщиковъ, не имѣвшихъ понятія о военномъ дѣлѣ". Любопытно, что оба друга—Якубовичъ и Булатовъ—были вооружены заряженными пистолетами и даже кинжалами, но, при встрѣчахъ и разговорахъ съ Николаемъ, такъ и не привели въ исполненіе мысль о цареубійствѣ, съ которой они такъ носились прежде.

А среди находившихся въ каре членовъ Общества совсѣмъ не нашлось людей съ инціативой и достаточно авторитетныхъ, чтобы взять на себя распоряженіе силами возставшихъ.

Каре стояло неподвижно, оглашая воздухъ криками: „Ура! Константинъ!" Оно стояло и ждало неизбѣжной погибели.

Кромѣ Милорадовича, инсургентовъ пробовалъ увѣщевать престарѣлый митрополитъ Серафимъ. Онъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ подошелъ къ каре и, обратясь къ солдатамъ, произнесъ:

— Воины! успокойтесь... вы противъ Бога, церкви и отечества поступили: Константинъ Павловичъ письменно и словесно трикраты отрекся отъ россійской короны, и онъ ранѣе насъ присягнулъ на вѣрность брату своему Николаю Павловичу, который добровольно и законно восходитъ на престолъ... Синодъ, сенатъ и народъ присягнули; вы только одни дерзнули возстать противъ сего. Вотъ вамъ Богъ свидѣтель, что есть это истина, и что я, какъ первосвятитель церкви, умаливаю васъ оной, успокойтесь, присягните.

Митрополиту отвѣчали изъ каре:

— Несправедливо! Гдѣ Константинъ?

— Въ Варшавѣ,—отвѣтилъ Серафимъ.

— Нѣтъ, онъ не въ Варшавѣ,— кричали изъ каре,—а на послѣдней станціи въ оковахъ... Подайте его сюда!.. Ура, Константинъ!.. Какой ты митрополитъ, когда на двухъ недѣляхъ и двумъ императорамъ присягнулъ... Ты—измѣнникъ, ты—дезертиръ николаевскій, калугеръ, не вѣримъ вамъ, подите прочь! Это дѣло не ваше, мы знаемъ, что дѣлаемъ. Скажите своему государю, чтобы онъ послалъ къ намъ Михаила Павловича; мы съ нимъ хотимъ говорить; а ты, калугеръ, знай свою церковь.

Каховскій въ своемъ показаніи говоритъ, что на увѣщаніе митрополита не проливать крови отвѣтилъ ему: „Мы сами сего страшимся, но можемъ быть къ тому вынуждены“. Каховскій просилъ митрополита уговорить противную сторону не нападать и объяснилъ ему, что возставшіе объявили свои требованія сенату и никакъ не хотятъ и не съ тѣмъ сошлись, чтобы лить кровь, но лишь желаютъ законнаго порядка.

Митрополитъ удалился отъ мятежнаго каре, не достигнувъ никакихъ результатовъ.

Въ качествѣ парламентеровъ подъѣзжали къ каре в. к. Михаилъ Павловичъ и генералъ Войновъ, но Кюхельбекеръ заставилъ ихъ удалиться тѣмъ, что на перваго направилъ пистолетъ, а во второго произвелъ выстрѣлъ.

Послѣ этихъ попытокъ подѣйствовать на мятежниковъ мирными средствами, Николай рѣшилъ разбить каре атакой конной гвардіи, которой онъ скомандовалъ: „За Бога и царя—маршъ, маршъ!“ Конница подъ командой ген. Орлова бросилась на инсургентовъ, но народъ встрѣтилъ ее градомъ камней изъ мостовой и тучей полѣньевъ, взятыхъ отъ постройки Исаакіевскаго собора. Гвардейцы, вяло и неохотно пустившіеся въ атаку, немедленно же вернулись назадъ. Вторую и третью атаки инсургенты встрѣтили щетиной штыковъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Орловъ съ позоромъ и урономъ отступилъ, хотя это ни чуть ему не помѣшало позднѣе получить графскій титулъ за участіе въ подавленіи мятежа.

Послѣ третьей атаки конно-гвардейцы проскакали къ сенату и подъ ударами полѣньевъ, летѣвшихъ въ нихъ съ крыши сената, стали строиться, чтобы съ другой стороны ударить на каре. Московцы же прицѣлились въ нихъ и хотѣли дать залпъ, который—несомнѣнно—положилъ бы ихъ всѣхъ на мѣстѣ. Но М. Бестужевъ выбѣжалъ впередъ и скомандовалъ: „Отставь“. Солдаты повиновались, и лишь послѣдовали одиночные выстрѣлы, отъ которыхъ нѣсколько конно-гвардейцевъ упали съ своихъ лошадей. Сразу же послѣ этого конно-піонеры понеслись было мимо каре, но московцы ихъ встрѣтили бѣглымъ огнемъ и вернули назадъ.

Эту стрѣльбу услышали въ гвардейскихъ казармахъ. „Ребята! нашихъ бьютъ!“—закричалъ М. Кюхельбекеръ. И весь экипажъ подъ предводительствомъ Н. Бестужева двинулся на Сенатскую пл. Здѣсь онъ выстроился въ новое каре, направо отъ московскаго полка. За гвардейскимъ экипажемъ на площадь пришли: Кюхельбекеръ, Арбузовъ, Пущинъ, 2 Бѣляевыхъ, Бодиско, Дивовъ и Н. Бестужевъ—братъ А. и М. Бестужевыхъ.

Приблизительно въ это же время конно-артиллеристъ Коновницынъ, бѣжавшій изъ-подъ ареста, направлялся къ сенату и по дорогѣ встрѣтилъ Одоевскаго, который, смѣнившись съ караула, отправлялся къ лейбъ-гренадерамъ сообщить, что московцы уже давно стоятъ на площади. Коновницынъ поѣхалъ съ нимъ. Оказалось, что лейбъ-гренадеры уже присягнули Николаю и распущены на обѣдъ. Одоевскій и Коновницынъ стали упрекать Сутгофа. Но, какъ оказалось, тотъ ровно ничего не зналъ о дѣйствіяхъ московцевъ и никѣмъ не былъ объ этомъ извѣщенъ. Очевидно, у него не были ни Каховскій, ни Рылѣевъ. Тѣмъ не менѣе Сутгофъ пошелъ въ свою роту и приказалъ солдатамъ надѣть перевязи и портупеи и взять ружья. Солдаты повиновались и, захвативъ патроны, пошли къ сенату. Батальонный адъютантъ Пановъ увлекъ за собой остальныя семь ротъ полка. Онъ повелъ ихъ черезъ крѣпость (которую свободно могъ бы захватить) и, выйдя на Дворцовую набережную, завернулъ во дворъ Зимняго дворца. Здѣсь онъ увидѣлъ свою ошибку, вышелъ изъ двора и, миновавъ артиллерію, направился къ Сенатской пл. За лейбъ-гренадерами по пятамъ все время шелъ ихъ полковой командиръ Стюрлеръ и уговаривалъ ихъ вернуться. Но какъ только лейбъ-гренадеры поравнялись съ московцами, Каховскій смертельно ранилъ Стюрлера.

Сутгофъ спросилъ Каховскаго:

— Ты ли выстрѣлилъ?

— Теперь не время объ этомъ говорить, — отвѣтилъ ему Каховскій. Одинъ изъ лейбъ-гренадеровъ, обрадовавшись убійству ненавистнаго начальника, вышелъ изъ каре и расцѣловалъ Одоевскаго, полагая, что онъ убилъ Стюрлера. Каховскій же разъяснилъ ошибку и сказалъ, что онъ убилъ Стюрлера. Потомъ, обратясь къ Одоевскому, Каховскій заявилъ про себя, что „онъ имѣетъ на душѣ двухъ“ и что „ему гадко мясничать“. „Ужъ будетъ съ меня!“— и съ этими словами онъ бросилъ пистолетъ на землю. Впрочемъ—въ этотъ же день Каховскій ранилъ еще одного офицера.

Лейбъ-гренадеры построились налѣво отъ московцевъ, нѣсколько подавшись впередъ.

Къ этому моменту инсургентамъ подоспѣла совершенно неожиданная помощь. Кадеты морского и 1 кадетскаго корпусовъ прислали къ нимъ своихъ депутатовъ съ просьбой разрѣшить имъ сражаться въ рядахъ возставшихъ войскъ. Но М. Бестужевъ это предложеніе отклонилъ: „Благодарите своихъ товарищей за благородное намѣреніе и поберегите себя для будущихъ подвиговъ“.

Съ приходомъ на площадь гвардейскаго экипажа и лейбъ-гренадеровъ положеніе инсургентовъ не измѣнилось къ лучшему. Они стояли безъ движенія, окруженные со всѣхъ сторонъ войсками Николая. У нихъ попрежнему не было начальства, и они не знали, что имъ дѣлать. Безъ артиллеріи и кавалеріи, безъ авторитетнаго руководителя солдаты тѣмъ не менѣе „съ необычайной энергіей оставались непоколебимы и, дрожа отъ холода, стояли въ рядахъ, какъ на парадѣ“. „Для чего мы стоимъ на одномъ мѣстѣ,—говорилъ одинъ ефрейторъ, — посмотрите—солнце на

закатѣ, отерпли ноги отъ стоянки, руки закоченѣли отъ холода, а мы стоимъ".

Уже темнѣло. Мятежники терялись и не знали, чѣмъ кончится эта мучительная неопредѣленность.

Въ 2 часа пополудни пріѣхалъ изъ Варшавы генер. Толь. Изъ Зимняго дворца онъ направился на Сенатскую пл. и далъ Николаю вѣрный совѣтъ: „Ваше величество, одно средство покончить это дѣло—пустить картечью въ эту сволочь". Николай согласился съ нимъ, и артиллерія стала готовиться къ стрѣльбѣ. Кюхельбекеръ, Пущинъ и М. Бестужевъ уговаривали народъ разойтись, чтобы не было невинныхъ жертвъ. Но имъ изъ толпы отвѣчали: „Умремъ вмѣстѣ съ вами".

Генер. Сухозанетъ приблизился къ каре, чтобы передать ультиматумъ Николая: сложить оружіе—и тогда стрѣльбы не будетъ. „Отправляйтесь назадъ",—кричали ему изъ каре. „И пришлите кого-нибудь почище васъ,"—прибавилъ Пущинъ.

Такимъ образомъ—миссія Сухозанета оказалась тоже неудачной. Онъ, подъѣхавши къ царю, доложилъ, что мятежники не хотятъ складывать оружія. Николай скомандовалъ открыть пальбу изъ орудій.

Первый зарядъ попалъ въ зданіе сената и убилъ нѣсколько человѣкъ изъ сидѣвшихъ на крышѣ. Офицеры конницы страшно обрадовались этому и потребовали продолженія пальбы, крича: „фора, фора!". Мятежныя войска и толпы народа не дрогнули. Инсургенты на выстрѣлъ отвѣтили крикомъ: „Ура, Константинъ!" и хотѣли въ штыки броситься на артиллерію. Но вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй, третій, четвертый... Выстрѣлы попадали въ самую середину мятежниковъ, повалились раненые, убитые... Пало много невинныхъ. Инсургенты не выдержали страшной силы картечи и бросились врассыпную въ разныя стороны. Значительная часть ихъ метнулась къ Англійской наб. и своей стремительностью проломила фронтъ конно-піонеровъ. Преслѣдуемые конно-піонерами, мятежники бросались черезъ гранитныя перила Невы и разбѣгались по льду.

На Невѣ М. Бестужевъ пробовалъ выстроить остатки уцѣлѣвшихъ матежныхъ войскъ, чтобы пойти съ ними и занять Петропавловскую крѣпость. Но не успѣлъ онъ достроить третьяго взвода, какъ съ середины Исаакіевскаго моста вдоль по Невѣ поспасшимся инсургентамъ была открыта орудійная пальба. Несмотря на то, что солдаты въ строю Бестужева валились одинъ за другимъ, онъ продолжалъ изъ живыхъ строить колонну. Ужъ достраивался хвостъ колонны, какъ раздались ужасные крики: „Тонемъ!"... Оказалось, что отъ ударовъ ядеръ ледъ около колонны лопнулъ, образовалась огромная полынья, въ которой барахтались солдаты, одни — утопая, другіе — спасаясь. Тѣмъ временемъ артиллерія продолжала свою ужасную работу, отъ которой гибли бѣглецы. Ихъ остатки бросились во дворъ академіи художествъ и хотѣли оказать сопротивленіе настигавшимъ ихъ кавалергардамъ. Но это оказалось невозможнымъ, и они разсѣялись по всему Васильевскому острову. Въ тотъ моментъ, когда остатки инсургентовъ разбѣгались врассыпную по Острову,

Бестужевъ остановилъ знаменоносца и, показывая на скачущихъ кавалергардовъ, сказалъ: „Вручи знамя офицеру, который скачетъ впереди; этимъ ты оградишь себя отъ наказанія“. Но въ тотъ моментъ, когда знаменоносецъ отдавалъ знамя, офицеръ зарубилъ его палашомъ, что впрочемъ не помѣшало этому офицеру, повергшему къ ногамъ Николая „съ бою отбитое знамя“, получить орденъ Владимира съ бантомъ „за храбрость“.

Немедленно же послѣ кровавой расправы на Сенатской пл. и на Невѣ, по всему городу были посланы сильные дозоры для ловли разбѣжавшихся мятежниковъ. Выѣздъ изъ Петербурга былъ воспрещенъ, всѣ дороги изъ столицы были заняты войсками, войска, стоявшіе подъ Петербургомъ, были подвинуты къ столицѣ. Въ ночь съ 14-го на 15-е декабря Петербургъ походилъ на военный лагерь: Зимній дворецъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ войсками и артиллеріей; войска и пушки размѣщены были также на бивуакахъ во всѣхъ прилегающихъ ко дворцу мѣстностяхъ и на Вас. островѣ, и въ боевой готовности простояли всю ночь. Ночью дозоры захватили до 750 чел. нижнихъ чиновъ изъ числа разсѣявшихся мятежниковъ; виновнѣйшіе изъ офицеровъ также были арестованы и отвезены во дворецъ и въ крѣпость. Николай торжествовалъ полную побѣду...

Точное количество жертвъ 14 декабря осталось неизвѣстнымъ. Упомянутый выше шт.-ротм. Каульбарсъ утверждаетъ, что онъ, послѣ разстрѣла инсургентовъ на Сенатской пл., произвелъ точный подсчетъ убитымъ. Ихъ оказалось 56 чел. По его словамъ, вмѣстѣ съ убитыми по Крюкову кан. и по Галерной ул. (рикошетными ударами картечи) общее число жертвъ 14 декабря было не болѣе 70—80 чел., при чемъ онъ увѣряетъ, что стрѣльба по Невѣ не могла причинить вреда убѣгавшимъ, такъ какъ гранитныя перила, противъ которыхъ стояла артиллерія на углу Сената, мѣшали точному прицѣлу, и снаряды пролетали на Вас. о. Но въ бумагахъ т. с. М. М. Попова (чиновника III отд.), въ воспоминаніяхъ М. Бестужева, Штейнгеля и др. имѣются данныя объ убитыхъ и на Невѣ, благодаря пальбѣ съ Исаакіевскаго моста.

„Разсказывали, что Нева, набережная и улицы были покрыты трупами. При свѣтѣ костровъ всю ночь убирали раненыхъ и убитыхъ и обмывали кровь съ площади“. Приказъ Николая убрать трупы къ утру былъ выполненъ „самымъ безчеловѣчнымъ образомъ“. Исполнители царскаго приказа распорядились сдѣлать на Невѣ множество прорубей, въ которыя и были спущены не только трупы, но и тяжело раненые, не имѣвшіе силъ спастись бѣгствомъ отъ усердія царскихъ слугъ. Многіе изъ спасшихся раненыхъ боялись показать себя докторамъ и умерли безъ медицинской помощи. Полиція и рабочіе, занимавшіеся очисткой мѣстъ обстрѣла, произвели форменный грабежъ: снимали платье и отбирали вещи не только съ мертвыхъ и раненыхъ, которыхъ спускали въ проруби, но даже спасавшихся ловили и грабили. Позднѣе, когда началась рубка льда на Невѣ, ледоколы „многія льдины вытаскивали съ примерзшими къ нимъ

13

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Копія В. Г. Перова съ оригинала художника Заболоцкаго

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

рукой, ногой или цѣлымъ трупомъ. Тогда запретили рубку льда у берега Васильевскаго острова... Со вскрытіемъ рѣки трупы несчастныхъ жертвъ декабрьскаго мятежа унесены были въ море".

Недѣли двѣ спустя послѣ подавленія мятежа въ Петербургѣ, было поднято возстаніе въ Южной арміи. Оно явилось непосредственнымъ слѣдствіемъ доноса Майбороды — офицера вятскаго полка, которымъ командовалъ Пестель. Дибичъ и Чернышевъ, нашедшіе доносъ Майбороды въ бумагахъ Александра I, немедленно же сдѣлали распоряженіе объ арестѣ главарей Южнаго Общества. Въ ночь на 14 декабря 1825 г. былъ взятъ Пестель и др. важные члены тайнаго Общества. Члены Общества Соединенныхъ Славянъ, получивъ это страшное для нихъ извѣстіе, поспѣшили освободить изъ-подъ ареста своихъ товарищей по заговору, но Пестеля между ними не оказалось. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, очутившись на волѣ, рѣшилъ поднять черниговскій полкъ. 31-го декабря онъ назначилъ выступленіе въ походъ на Кіевъ, или на Бѣлую Церковь, или на Житомиръ, чтобы поднять солдатъ тѣхъ полковъ, въ которыхъ среди офицеровъ были члены Общества Соединенныхъ Славянъ. Передъ походомъ полковой священникъ за 200 руб. отслужилъ молебенъ и прочелъ солдатамъ „Православный Катихизисъ", составленный С. Муравьевымъ-Апостоломъ.

3 января 1826 г. Муравьевъ встрѣтился съ высланнымъ противъ него гусарскимъ отрядомъ генерала Гейсмара. Объ этой встрѣчѣ въ своемъ показаніи Муравьевъ говоритъ: „Я привелъ свои роты въ порядокъ, велѣлъ солдатамъ, не стрѣляя, итти прямо на пушки;... солдаты шли за мною, когда я упалъ безъ чувствъ, раненый картечью; очнувшись, увидѣлъ своихъ въ разстройствѣ, хотѣлъ собрать ихъ; но они, вмѣсто повиновенія, схватили меня и Бестужева и отдали начальнику эскадрона маріупольскаго полка". Такимъ образомъ, и на югѣ артиллерія разбила инсургентовъ, а кавалерія лишь окончательно ликвидировала мятежъ, причемъ до 700 солдатъ сдались въ плѣнъ.

Изъ мятежныхъ офицеровъ двое покончили съ собой самоубійствомъ— Кузьминъ и Ипполитъ Муравьевъ-Апостолъ (братъ С. И.); остальные были арестованы и частью преданы военному суду въ 1-й арміи, частью отвезены въ Петербургъ.

Такимъ образомъ, возстаніе было подавлено и на сѣверѣ и на югѣ съ легкостью, которой не ожидали ни Николай, ни его правительство.

5.

Слѣдствіе по дѣлу декабристовъ. Роль Николая I въ дознаніи. Приговоръ по дѣлу декабристовъ. Декабристы въ Сибири.

Слѣдствіе по дѣлу декабристовъ началось немедленно же послѣ трагическихъ событій на Сенатской пл. Николай, такъ дрожавшій за свою жизнь утромъ 14 декабря, вечеромъ того же дня принялся сводить счеты съ безсильнымъ и уже поверженнымъ врагомъ. Всю ночь на 15-е декабря онъ провелъ безъ сна, допрашивая первыхъ захваченныхъ заговорщиковъ и отдавая приказы о новыхъ арестахъ.

И вскорѣ со всѣхъ концовъ Россіи стали свозить членовъ тайнаго Общества и лицъ, находившихся съ ними въ связи. Новый императоръ всталъ въ центрѣ дознанія и занялъ въ немъ руководящую роль. Сыскъ оказался для него родной стихіей. Объ этой сторонѣ Николая историкъ говоритъ:

„Всю жизнь въ немъ крѣпко и прочно сидѣлъ—сыщикъ и слѣдователь, вѣчно подозрительный и выслѣживающій, вѣчно ищущій, кого бы предать суду и наказанію. Но въ первые мѣсяцы царствованія эта основная сущность его души раскрылась съ необычайной полнотой и зловѣщей яркостью. Въ это время въ Россіи не было царя-правителя: былъ лишь царь-сыщикъ, слѣдователь и тюремщикъ. Вырвать признанія, вывернуть душу, вызвать на оговоры и извѣты—вотъ священная задача слѣдователя; и эту задачу въ концѣ 1825 и въ 1826 годахъ исполнялъ русскій императоръ съ необыкновеннымъ рвеніемъ и искусствомъ. Ни одинъ изъ выбранныхъ имъ слѣдователей не могъ и сравниться съ нимъ“.

За немногими исключеніями всѣ декабристы побывали въ рукахъ вѣнценоснаго слѣдователя. Желая въ корнѣ уничтожить всякіе слѣды тайнаго Общества, Николай ничѣмъ не стѣснялся, лишь бы получить необходимыя данныя для изобличенія виновныхъ. И, кажется, никто не сумѣлъ уйти изъ его цѣпкихъ рукъ, не давши ему откровенныхъ признаній, исключая развѣ Лунина. Декабристъ Гангебловъ говоритъ, что Николай при производствѣ дознанія не пренебрегалъ ничѣмъ: „Не разбирая чиновъ, снисходилъ до личнаго, можно сказать, бесѣдованія съ арестованными, старался уловить истину въ самомъ выраженіи глазъ, въ самой интонаціи словъ отвѣтчика“. Для каждаго изъ декабристовъ у императора была особая тактика, сообразная съ индивидуальностью арестованнаго, его взглядами, семейнымъ положеніемъ и т. д. Принимая во вниманіе душевное состояніе декабристовъ, нѣтъ ничего удивитель-

наго въ томъ, что эта тактика дала блестящіе для Николая результаты. Въ общемъ получилась удручающая моральная картина дознанія: въ ней обѣ стороны—и обвинитель и обвиняемые—обрисовались въ крайне неприглядномъ свѣтѣ.

Уже въ ночь съ 14-го на 15-е декабря арестованные главари Сѣвернаго Общества дали откровеннѣйшія показанія Николаю. Такъ—Рылѣевъ сообщилъ, что онъ „долгомъ совѣсти и честнаго гражданина почитаетъ объявить, что около Кіева въ полкахъ существуетъ Общество. Трубецкой можетъ пояснить и назвать главныхъ. Надо взять мѣры, дабы тамъ не вспыхнуло возмущенія“.

Николай сразу же сообразилъ, что такой откровенный и освѣдомленный въ дѣлахъ Общества человѣкъ, какъ Рылѣевъ, будетъ для него весьма полезенъ въ дальнѣйшемъ ходѣ дознанія. И онъ постарался привлечь его на свою сторону, причемъ сдѣлалъ это до чрезвычайности просто. Николай купилъ Рылѣева за 2000 руб., которые онъ передалъ его семьѣ на содержаніе. Послѣ этого Рылѣевъ—нѣжный супругъ и любящій отецъ—весь былъ въ рукахъ Николая. Изъ крѣпости онъ уже писалъ своей женѣ, чтобы она молилась за императора и за весь царствующій домъ. Про себя же говорилъ: „Что бы со мной ни было, буду жить и умру для нихъ“, т. е. для царя и его родни. Нужно ли говорить о томъ, что Рылѣевъ послѣ этого далъ самыя откровенныя показанія.

У Оболенскаго былъ старикъ-отецъ, горячо имъ любимый. Николай разрѣшилъ передать письмо старика къ сыну и этимъ подкупилъ Оболенскаго.

Розена Николай обѣщалъ спасти, а Глинку просилъ быть спокойнымъ за свою участь.

Молодому и наивному Гангеблову Николай почти дружески и съ сожалѣніемъ говорилъ о его заблужденіяхъ и только далъ понять, что путемъ признаній онъ можетъ получить прощеніе.

Штейнгеля онъ старался успокоить, обѣщая усыновить его дѣтей, а на Якушкина, державшаго себя съ достоинствомъ, грубо кричалъ: „Если не хотите, чтобы съ вами обращались, какъ съ свиньей, то признавайтесь“. Но на этотъ разъ признаній не послѣдовало, и Николай приказалъ Якушкина заковать въ кандалы и посадить на хлѣбъ и на воду.

Въ бесѣдѣ съ Каховскимъ Николай проливалъ крокодиловы слезы о бѣдствіяхъ Россіи и этимъ поразилъ, растрогалъ фанатика и энтузіаста. Послѣ перваго же допроса царь принялъ содержаніе Каховскаго на свой счетъ и приказалъ дать ему хорошій столъ. И 17 декабря Каховскій уже писалъ Николаю изъ крѣпости: „Я полюбилъ васъ, какъ человѣка, и хочу любить, какъ монарха“. Но этими мѣрами до конца откровенныхъ признаній все-таки не удалось получить отъ Каховскаго. Оболенскій, Одоевскій и Кюхельбекеръ съ головой выдали его. Послѣ этого Каховскаго бросили въ сырую яму и посадили его на арестантскую пищу.

Когда кн. С. Трубецкого привели въ Зимній дворецъ, Николай уже все почти зналъ о немъ. Желая одновременно возбудить въ Трубецкомъ животный страхъ передъ смертью и

затронуть его гордость, Николай закричалъ на него, показывая ему на голову: „Что было въ этой головѣ, когда вы съ вашимъ именемъ, съ вашей фамиліей, вошли въ такое дѣло? Гвардіи полковникъ! Князь Трубецкой! какъ вамъ не стыдно быть вмѣстѣ съ такой дрянью? Ваша участь будетъ ужасная!" Трубецкой не выдержалъ, палъ на колѣни передъ Николаемъ и, покрывая ему руки поцѣлуями, со слезами молилъ о пощадѣ: „La vie, Syre, la vie!"—(пощадите, государь, пощадите!). Николай, дѣлая видъ, что недоволенъ первымъ показаніемъ Трубецкого, вышвырнулъ его изъ кабинета пинкомъ. Послѣ этого онъ разрѣшилъ ему написать своей женѣ письмо съ многозначительной припиской, продиктованной Николаемъ: здоровъ и буду здоровъ. И Трубецкой оказался въ рукахъ царя. Онъ далъ показанія самаго позорнаго и низкаго свойства.

Поручику кавалергардскаго полка Анненкову, не принимавшему участія въ возстаніи, но знавшему о заговорѣ, Николай говорилъ:

— Знаете ли вы, что заслуживаете?

— Смерть, государь! — отвѣчалъ Анненковъ.

— Вы думаете, что васъ разстрѣляютъ, что вы будете интересны, я васъ въ крѣпости сгною!

Этой угрозой муками заключенія, несомнѣнно, Николай хотѣлъ запугать Анненкова, спокойно смотрѣвшаго въ глаза смерти.

Полковникъ Булатовъ самъ явился во дворецъ и сознался во всемъ. Царь и в. кн. Михаилъ сдѣлали видъ, что простили полковника: хвалили, обнимали и цѣловали его и своими милостями привели его въ ужасъ. И Булатовъ, конечно, показалъ все, что могъ. Впрочемъ это не спасло его отъ трагической кончины.

Такимъ образомъ, на чувствительныхъ, впечатлительныхъ и слабонервныхъ Николай своей талантливой игрой произвелъ сильнѣйшее дѣйствіе. Они сразу же размякли душой и открыли Николаю свои сердца, Николай же въ ихъ глазахъ изъ деспота и фронтовика превратился не только въ великодушнаго монарха, но и въ гуманнаго человѣка. И многіе изъ декабристовъ (Каховскій, Якубовичъ, Штейнгель, А. А. Бестужевъ, Булатовъ и др.) изливали свою душу въ письмахъ на имя Николая и Михаила. Когда читаешь эти письма, то поражаешься той необыкновенной наивностью, которую проявили въ нихъ декабристы въ отношеніи Николая. Николай же ко всѣмъ этимъ крикамъ сердца и истерзанной души относился съ грубѣйшимъ цинизмомъ. На одномъ изъ откровеннѣйшихъ писемъ (полк. Батенкова) царь сдѣлалъ надпись: „Дозволить писать, лгать и врать по волѣ его".

Съ своей стороны члены Комитета многихъ увѣряли, что государь все проститъ и забудетъ, что Комитету все о тайномъ Обществѣ извѣстно; чистосердечныя же признанія требуются въ интересахъ самихъ подсудимыхъ, ради облегченія ихъ участи. А приставленный къ заключеннымъ священникъ Мысловскій, довольно хитрый человѣкъ, подсудимыхъ увѣрялъ: „Юный монархъ нашъ съ прискорбіемъ взираетъ на столь многія жертвы и не ищетъ обвиненія; онъ хочетъ только, чтобы чистосердеч-

нымъ раскаяніемъ вы дали ему случай къ милосердію и облегченію вашей участи".

Относительно наказаній, которые ожидаютъ заключенныхъ, въ обществѣ преднамѣренно распускались слухи, что „міръ поразится", когда узнаетъ о приговорѣ. А на кого не дѣйствовали льстивыя обѣщанія и „гуманное" обращеніе царя, тѣхъ заковывали въ желѣза по рукамъ и ногамъ, бросали въ „смрадные, нечистые „номера", наполненные всякаго рода насѣкомыми", сажали на хлѣбъ и на воду... И есть даже указаніе, что къ Пестелю примѣнялась пытка. Въ результатѣ одинъ изъ заключенныхъ (полк. Булатовъ) на смерть разбилъ себѣ голову о стѣны каземата; другой глоталъ битое стекло, чтобы покончить съ собой самоубійствомъ; третій лишился разсудка...

Вся совокупность „гуманныхъ" и звѣрскихъ мѣръ, примѣнявшихся къ заключеннымъ, дала Николаю желательные для него результаты. Покаянія и показанія со стороны декабристовъ лились рѣкой.

Изъ состава Сѣвернаго Общества въ числѣ первыхъ принесли раскаяніе и дали показанія главари заговора—Рылѣевъ, Трубецкой и Оболенскій. Особенно характерны слова Трубецкого, въ которыхъ онъ мотивируетъ свое поведеніе:

„Единственно отъ милосердія Бога и государя моего я могу ожидать спасенія; ложью же или неискренностью я не могу заслужить ни того, ни другого, но напротивъ—за оныя долженъ ожидать только большаго наказанія, какъ въ сей жизни, такъ и въ будущей, которая теперь можетъ быть единственнымъ предметомъ моего бытія".

Бобрищевъ-Пушкинъ I въ своемъ откровенномъ признаніи проситъ его показаніе принять „не какъ доносъ, а какъ простое извѣстіе" и въ заключеніе его „со слезами и рыданіями" проситъ о пощадѣ.

Комаровъ, давая обширнѣйшія и детальнѣйшія показанія, проситъ покровительства государя, такъ какъ боится, что его показанія сдѣлаются извѣстными въ обществѣ и „ожесточатъ родныхъ и знакомыхъ тѣхъ, противъ кого онъ сдѣлалъ показанія". А впрочемъ, онъ „готовъ запечатлѣть кровью своей неограниченную преданность къ священной особѣ, наслѣднику и всему царскому дому"...

Показанія же декабристовъ, по выраженію историка, были „подавляющи и всеобъемлющи".

Животный страхъ смерти многими изъ декабристовъ овладѣлъ до такой степени, что жизнь себѣ они стремились купить цѣной самыхъ откровенныхъ и детальныхъ показаній не только того, что они знали, но порой и того, о чемъ ихъ не спрашивали и о чемъ они совсѣмъ не имѣли никакихъ свѣдѣній (Трубецкой, Фаланбергъ и др.). Это была поголовная выдача всѣхъ членовъ тайнаго Общества безъ изъятія. Дѣло доходило до того, что порой они выдавали совершенно добровольно, точно они боялись, что кто-нибудь изъ ихъ товарищей останется на свободѣ и снова устроитъ попытку вооруженнаго возстанія. Выдавая всѣхъ поголовно, они совершенно не думали о тѣхъ наказаніяхъ, которыя грозятъ привлеченнымъ къ дѣлу объ Обществѣ. Особенно тяжелое впечатлѣніе произ-

водятъ тѣ мѣста показаній, въ которыхъ декабристы клеймятъ другъ друга обманщиками, низкими, подлыми, безчестными людьми... Въ обрисовкѣ вождей Общества декабристы не жалѣли красокъ и съ ядовитой злобой клеймили ихъ, какъ величайшихъ злодѣевъ, способныхъ на самыя гнусныя преступленія. Особенно доставалось Пестелю, „злѣйшему изъ людей“, для завлеченія въ Общество членовъ будто бы прибѣгавшему „къ обманамъ и угрозамъ ядомъ и кинжаломъ“. По показаніямъ нѣкоторыхъ выходитъ даже такъ, что никакого тайнаго Общества не было, но существовалъ Пестель и онъ „одинъ дѣйствовалъ“. Трубецкой и многіе другіе въ своихъ показаніяхъ утратили всякую мѣру нравственнаго чувства и показывали то, что свойственно лишь людямъ, страдающимъ полнымъ отсутствіемъ элементарной порядочности въ отношеніяхъ не только къ близкимъ, но и вообще къ людямъ. Въ своемъ показаніи Трубецкой говоритъ, что въ свое время онъ не донесъ на Пестеля только потому, что трудно было доказать справедливость доноса: разговоры между нимъ и Пестелемъ происходили съ глазу на глазъ. Къ тому же онъ видѣлъ, что у Пестеля не было ни силъ, ни средствъ для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ. Но если бы Трубецкой убѣдился въ противномъ, то онъ не преминулъ бы донести на Пестеля своевременно.

Однимъ словомъ—декабристы во время дознанія съ головой повыдавали другъ друга и проявили слишкомъ мало самой простой человѣчности и порядочности. Изъ всѣхъ показаній выдѣляются лишь отвѣты Пестеля. Пестель на первомъ допросѣ ничего не показалъ о тайномъ Обществѣ и не назвалъ ни одного члена. Но когда увидѣлъ, что слѣдователи уже все знаютъ, далъ обстоятельнѣйшія и драгоцѣнныя для исторіи тайнаго Общества показанія. Показанія Пестеля изложены въ спокойномъ, почти эпическомъ тонѣ и полны достоинства и глубокаго сознанія своей правоты. Въ нихъ онъ не заискиваетъ, не раскаивается, старается по возможности всѣхъ членовъ Общества оправдать. Такъ, напр., онъ утверждаетъ, что мысль о цареубійствѣ никогда не ставилась серьезно въ Обществѣ; говорили объ этомъ многіе, но желающихъ привести въ исполненіе идею цареубійства не находилось: каждый думалъ, что найдется другой для этого. Въ Комиссіи Пестель „отвѣчалъ съ видимой гордостью и съ какимъ-то самомнѣніемъ“. Дольше всѣхъ крѣпился и не давалъ чистосердечныхъ показаній Каховскій. Ему слишкомъ было тяжело сознаваться въ двухъ убійствахъ и въ покушеніи на третье убійство. И только послѣ трехъ мѣсяцевъ крѣпостного режима и сильнѣйшихъ нравственныхъ пытокъ, послѣ того, какъ Комитетъ уже зналъ въ мельчайшихъ деталяхъ его виновность, онъ, нервно истерзанный, 14 марта заявилъ: „Ради Бога, дѣлайте со мной, что хотите, и не спрашивайте меня ни о чемъ. Я во всемъ виноватъ“... 3 мая на запросъ Комитета онъ снова отвѣчаетъ, что пусть съ нимъ дѣлаютъ, что заблагоразсудится, а онъ умереть умѣетъ. „Я рѣшился молчать и ни возражать, ни отвѣчать не буду“. 11 мая однако онъ, который былъ всегда „ниже мести“, не выдер-

жалъ и въ дополнительномъ показаніи назвалъ своихъ товарищей-предателей: „низкіе душой“. Изъ всѣхъ декабристовъ одинъ лишь Лунинъ за все время слѣдствія упорно молчалъ и не далъ никакихъ показаній, да славяне крайне неохотно и скупо дѣлали показанія.

Слѣдственный Комитетъ, производившій разслѣдованіе о тайныхъ обществахъ, по окончаніи своей работы дѣло декабристовъ передалъ Верховному Уголовному Суду, составленному 1 іюня 1826 г. изъ членовъ госуд. совѣта, св. синода, сенаторовъ и сановныхъ особъ. Но судъ былъ пустой формальностью, такъ какъ Николай со Сперанскимъ впередъ опредѣлили участь декабристовъ. Образованныя судомъ комиссіи — ревизіонная и разрядная — не имѣли никакого значенія въ рѣшеніи судьбы подсудимыхъ. Первая заставила декабристовъ подтвердить ихъ показанія, а вторая распредѣлила виновныхъ по разрядамъ. Въ процессѣ, конечно, не было ни гласности, ни законности, ни независимости суда. О защитѣ подсудимые и помышлять не могли. Подсудимые даже вплоть до объявленія имъ приговора не знали, что надъ ними учрежденъ судъ.

Верховный Уголовный Судъ подъ давленіемъ Николая еще до окончанія процесса рѣшилъ, что всѣ подсудимые по закону должны быть казнены. „Смягченія могутъ быть, но не для всѣхъ“. О главаряхъ заговора Судъ доложилъ царю, что и „самому милосердію они должны быть недоступны“. Члены св. синода, присутствовавшіе въ Верховномъ Судѣ, подали голосъ за смертную казнь для всѣхъ подсудимыхъ. А въ обществѣ нашлось слишкомъ много кровожадныхъ холоповъ, желавшихъ подслужиться новому царю: однихъ только генераловъ 15 чел. просили царя о казни декабристовъ.

Изъ 121 чел.*) подсудимыхъ приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда были осуждены: пять человѣкъ, поставленныхъ внѣ разрядовъ,—къ смертной казни четвертованіемъ; 31 чел., по первому разряду,—къ смертной казни отсѣченіемъ головы; 17 чел., по второму разряду,—къ политической смерти со ссылкой вѣчно въ каторжную работу; остальные 85 чел.—къ каторгѣ безъ срока и на срокъ, на поселеніе, въ ссылку и къ написанію въ солдаты безъ выслуги и съ выслугой.

Суровый приговоръ Суда далъ возможность Николаю проявить свое монаршее милосердіе. Указомъ отъ 10 іюля 1826 г. осужденнымъ по первому разряду смертная казнь была замѣнена каторгой, остальнымъ 85 подсудимымъ наказаніе тоже было понижено. Исключеніе было сдѣлано для поставленныхъ внѣ разрядовъ: ихъ судьбу долженъ былъ рѣшить Верховный Уголовный Судъ. Относительно стоящихъ внѣ разрядовъ Николай въ указѣ говоритъ, что участь этихъ преступниковъ онъ предаетъ рѣшенію Верховнаго Уголовнаго Суда и „тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится“. Частнымъ образомъ Суду дано было знать, что царь желаетъ, чтобы казнь этихъ преступниковъ состоялась „безъ пролитія крови“. Судъ въ точности выполнилъ поже-

*) Изъ нихъ—61 чел. сѣверянъ, 37 чел. южанъ и 23 чел. соединенныхъ славянъ.

ланіе Николая: полковнкъ Павелъ Пестель, подпоручикъ Кондратій Рылѣевъ, подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, подпоручикъ Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ и поручикъ Петръ Каховскій 11 іюля 1825 г. Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ вмѣсто четвертованія были приговорены къ повѣшенію. Этотъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе ночью съ 12 на 13-е іюля на валу кронверка Петропавловской крѣпости *).

Процессъ декабристовъ полонъ несообразностей. Прежде всего нужно отмѣтить, что многихъ „спасали по уваженіямъ фамильнымъ", участвовавшіе въ Обществѣ обдуманно оказались невинными и отпущенными безъ огласки—одни изъ дворца, другіе изъ штаба, третьи даже изъ крѣпости **). Такимъ образомъ—часть декабристовъ была освобождена отъ суда, но вмѣстѣ съ тѣмъ часть ихъ была осуждена за пустяки. Непонятнымъ является—почему Лунинъ, не дававшій показаній, попалъ въ третью рубрику окончательнаго приговора, а раскаявшіеся Н. Муравьевъ, Якушкинъ, Волконскій и др.—во вторую. Непонятно также—почему такой мирный человѣкъ, какъ Батенковъ, въ видѣ „особой милости" былъ оставленъ въ Петропавловской крѣпости и послѣ объявленія приговора просидѣлъ въ ней 20 лѣтъ, а цѣлый рядъ лицъ, принимавшихъ активное участіе въ возстаніи, посланы были на каторгу (Матвѣй Муравьевъ, А. Бестужевъ и др.); о такихъ невинныхъ жертвахъ, какъ Фаланбергъ, Дивовъ, Торсонъ и др. уже не говоримъ.

17-го іюля началась отправка на каторгу осужденныхъ по первому разряду. Въ этотъ день Трубецкой, Оболенскій, Арт. Муравьевъ, В. Давыдовъ, Якубовичъ, Волконскій и Борисовъ 1 и 2 были закованы въ желѣза и подъ усиленнымъ конвоемъ отосланы въ распоряжежіе иркутскаго губернатора, который долженъ былъ выполнить высочайшую волю: „Дабы сіи преступники были употребляемы, какъ слѣдуетъ, въ работу и поступлено было съ ними во всѣхъ отношеніяхъ по установленному на каторжныхъ положенію"...

Николай, посылая въ каторгу декабристовъ, хотѣлъ отрѣзать ихъ отъ всего міра и этимъ въ обществѣ изгладить самую память о нихъ. Но это ему не удалось. Нѣкоторыя жены осужденныхъ въ каторгу послѣдовали за своими мужьями. Такимъ образомъ, между каторжными декабристами и русскимъ обществомъ нашлось посредничество.

Благодаря манифестамъ, издававшимся Николаемъ по случаю разныхъ торжественныхъ событій, сроки наказаній для декабристовъ были сокращены. Въ 1839 г. окончилась и безсрочная каторга. По окончаніи каторги декабристовъ разселяли п

---

*) Кромѣ 121 чел., осужденныхъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, 46 чел. (преимущественно офицеровъ разныхъ полковъ) были подвергнуты „исправительнымъ мѣрамъ наказанія"—крѣпости, пониженію въ чинахъ и разжалованію.

**) Такъ, дѣти Раевскаго-героя 1812 г.—были освобождены отъ суда. Ген. кн. Лопухинъ, гр. Л. Витгенштейнъ, кн. Долгорукій и портупей-юнк. кн. Италійскій гр. Суворовъ-Рымникскій принадлежали къ Обществу, но этотъ фактъ былъ скрытъ. Впрочемъ у Раевскаго родного брата по матери и зятя не пощадили.

отдаленнымъ и глухимъ пунктамъ Сибири, чтобы они не могли имѣть между собою общенія.

Въ 1856 г. императоръ Александръ II, по случаю коронаціи, проживавшимъ въ Сибири декабристамъ возвратилъ права состоянія, кромѣ правъ на прежнее имущество, и разрѣшилъ имъ „возвратиться съ семействами изъ Сибири и жить, гдѣ пожелаютъ, въ предѣлахъ имперіи, за исключеніемъ только С.-Петербурга и Москвы". Этимъ манифестомъ воспользовались 29 чел. Остальные къ этому времени частью умерли, частью уже были возвращены въ Россію въ царствованіе Николая I.

ГЛАВА IV.

Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка.

(Н. А. Рожкова).

1.

Основнымъ явленіемъ хозяйственной исторіи Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка или—вѣрнѣе—до паденія крѣпостного права надо, несомнѣнно, признать гораздо болѣе быстрое и широкое, чѣмъ прежде, развитіе мѣнового или денежнаго хозяйства. Денежное хозяйство начало замѣтно развиваться въ Россіи еще съ половины XVI вѣка, но сначала этотъ процессъ совершался весьма медленно и захватывалъ сравнительно небольшія группы населенія. Только въ XIX вѣкѣ начинается переходъ денежнаго хозяйства во вторую стадію развитія, когда большая часть населенія втягивается въ торговый оборотъ, работаетъ для рынка, а для удовлетворенія собственныхъ потребностей закупаетъ продукты чужого труда, выносимые также на рынокъ въ видѣ товара.

Въ ряду фактовъ, характеризующихъ это основное хозяйственное явленіе эпохи, прежде всего обращаютъ на себя вниманіе тѣ, которые указываютъ на ростъ *внѣшней торговли*. Наканунѣ крестьянской реформы цѣнность русскаго вывоза, простиравшаяся въ началѣ XIX вѣка до 75 милліоновъ рублей, поднялась до 230 милліоновъ; въ то же время иностранныхъ товаровъ ввозилось уже на 200 милліоновъ рублей, тогда какъ въ началѣ столѣтія ввозъ не превышалъ 52 милліоновъ. Важнѣйшими предметами русскаго вывоза были хлѣбъ и вообще земледѣльческіе продукты, скотъ и продукты скотоводства, лѣсной товаръ и прочее сырье. Какъ росъ вывозъ хлѣба,—видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ періодъ времени между 1800 и 1845 г. хлѣбъ по цѣнности составлялъ 15—16% всего русскаго вывоза, въ 1846—1860 гг.—уже 30—35%; средній вывозъ хлѣба за 10 лѣтъ, предшествовавшихъ 1846 году, не превышалъ 28 милліоновъ пудовъ, а за слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе составлялъ уже 51 мил. пудовъ въ годъ, такъ что наблюдается громадное повыше-

ніе сравнительно съ предшествующимъ десятилѣтіемъ—на 88,2%. Это вполнѣ понятно: передовыя западно-европейскія страны чѣмъ ближе къ половинѣ XIX в., тѣмъ больше развивали у себя обрабатывающую промышленность и, слѣдовательно, тѣмъ острѣе ощущали нужду въ привозномъ русскомъ хлѣбѣ, главнымъ образомъ, въ пшеницѣ. Такъ какъ пшеница производилась по преимуществу на югѣ Россіи, то черноморскіе порты — Одесса и Таганрогъ — пріобрѣли первенствующее значеніе по вывозу земледѣльческихъ продуктовъ сравнительно съ портами балтійскими. Затѣмъ повышается экспортъ льняного сѣмени и хмеля. Въ 30—40-хъ годахъ даже съ Кавказа (т. е. изъ сѣверной части, принадлежавшей тогда Россіи) вывозились черезъ Таганрогъ значительныя количества льняного сѣмени. Цѣнность экспортируемыхъ заграницу лѣсныхъ товаровъ въ 1815 г. равнялась 1 милліону 320 тысячамъ рублей серебромъ, а въ 1850 г. дошла до 2 мил. 745 тыс. руб. сер. (повышеніе болѣе 100%). Скота и продуктовъ скотоводства (сала, щетины, кожъ) вывозилось въ 1825 г. на 15 мил. 885 тыс. руб., а въ 1850 г. уже на 17 мил. руб. сер. Соотвѣтственныя явленія наблюдаются и по отношенію къ предметамъ заграничнаго ввоза. Вотъ наиболѣе яркіе примѣры, характеризующіе какъ нельзя лучше движеніе въ направленіи къ росту денежнаго хозяйства: въ 1820 г. машинъ привозилось въ Россію всего на 10 тыс. руб. сер., а въ 1850 г.—на 2 милл. 221 тыс.; цѣнность ввозимыхъ въ страну заграничныхъ шерстяныхъ издѣлій повысилась съ $1^1/_2$ тыс. руб. сер. въ 1815 г. до 2 мил. 39 тыс. въ 1850 году.

Наряду съ этимъ и, даже можно сказать, быстрѣе этого росла *торговля внутренняя*. Прежде не только въ крестьянскомъ, но и въ дворянскомъ обиходѣ довольствовались для удовлетворенія своихъ потребностей продуктами исключительно-домашняго производства, не покупавшимися, а вырабатывавшимися трудомъ дворовыхъ; употребляли, напр., грубое домашнее сукно и домотканное полотно. Но мало-по-малу эти примитивныя ткани стали замѣняться въ потребленіи *покупнымъ* болѣе тонкимъ сукномъ, ситцемъ и миткалемъ. Правда, еще въ 1804 г. многіе помѣщики Московской губерніи имѣли фабрики, продукты которыхъ предназначались „для домашняго расходу“, „для своего употребленія“, но постепенно все болѣе умножались уже и тогда дворянскіе фабрики и заводы, работавшіе для рынка: таковы были, напр., въ той же Московской губерніи суконныя фабрики князей Хованскихъ и князя Голицына, шелковая и бумажная фабрики Бѣлавина, полотняныя фабрики князя Долгорукова и графа Протасова. Уже въ 1812 г. обороты внутренней торговли оцѣнивались приблизительно въ 260 мил. руб. сер. На нижегородской ярмаркѣ въ 1824 г. было продано товаровъ на $40^1/_2$ мил. руб., а въ 1838 г. уже—на 129 мил. 200 тыс. Быстро растутъ купеческіе капиталы: въ 1822 г. въ Московской губерніи общая сумма этихъ капиталовъ доходила до 27 милліоновъ рублей, а 11 лѣтъ спустя, въ 1833 г., она достигла уже 39 милліоновъ, что составляетъ около 45% повышенія

въ такой короткій срокъ, какъ одно десятилѣтіе. Улучшаются пути сообщенія: начинается желѣзнодорожное строительство, заводятся пароходства по Волгѣ, Днѣпру и другимъ рѣкамъ. Но главное, что бросается въ глаза и что особенно характерно для развитія денежнаго хозяйства, — это ростъ раздѣленія труда между отдѣльными частями территоріи государства, неизбѣжно ведущій къ обмѣну услугъ, къ торговому оживленію. Нечерноземная полоса Россіи—сѣверъ и центръ—стали нуждаться въ значительныхъ количествахъ привознаго хлѣба, такъ какъ своего не хватало уже для потребностей мѣстнаго населенія: по свидѣтельству путешествовавшаго по Россіи въ 40-хъ годахъ нѣмца барона Гакстгаузена, такой губерніи, какъ Ярославская, не хватало половины потребляемаго ея населеніемъ хлѣба; даже Калужская губернія еще въ 1822 году прикупала хлѣбъ въ губерніяхъ Орловской и Тульской. Кромѣ юга Россіи, хлѣбомъ торговалъ еще востокъ: такъ изъ той части тогдашней Оренбургской губ., которая теперь входитъ въ составъ губерніи Уфимской, въ 20-хъ годахъ и позднѣе сплавлялось много хлѣба по Камѣ и Волгѣ; отсюда же въ казанское и симбирское Поволжье сбывался скотъ, причемъ въ торговый оборотъ втянуто было не одно дворянство, а вся масса населенія: по словамъ современника, „каждый поселянинъ продавалъ ежегодно нѣсколько скотинъ, имъ выкормленныхъ". Торговыя сношенія связывали между собою весьма отдаленныя части страны: Харьковская, Полтавская, Екатеринославская и Херсонская губерніи снабжали лошадьми большую часть Россіи, Малороссія и Новороссія употребляли въ 1854 г. на 80 мил. руб. сер. великороссійскихъ товаровъ, привозимыхъ на многочисленныя малороссійскія ярмарки, которыхъ въ одной Харьковской губ. было 425 въ годъ, а въ Полтавской—372; товары доставлялись въ Малороссію изъ губерній Московской, Владимирской, Костромской, Ярославской, Рязанской, Тульской, Нижегородской, Орловской, Калужской, затѣмъ съ запада — изъ губерній Смоленской, Гродненской, Лифляндской, съ юга—изъ Бессарабіи, Крыма, Екатеринослава, и востока—съ Дона и изъ Воронежской губ. Въ 50-хъ годахъ XIX вѣка Павлово и Ворсма покупали необходимое для ихъ металлическаго производства желѣзо съ Урала черезъ посредство нижегородской ярмарки; въ селѣ Пестяки Владимирской губ. женщины вязали чулки и продавали ихъ въ Сибирь и другія мѣста на 120 тыс. руб. въ годъ, а матеріалъ для этого—шерсть въ количествѣ $12^1/_2$ тыс. пудовъ—закупали въ губерніяхъ Астраханской, Оренбургской, Саратовской и Землѣ Войска Донского. Словомъ, явственно обозначилось раздѣленіе Россіи на среднюю и сѣверную неземледѣльческую область и южную земледѣльческую и скотоводственную, причемъ та и другая подавали другъ другу руки въ хозяйственномъ отношеніи, не могли жить одна безъ другой, составили единое, связное экономическое цѣлое, столь необходимое для развитія денежнаго хозяйства.

Оставляя область торговли и переходя къ другимъ отраслямъ народ-

наго труда, мы и здѣсь должны констатировать поступательное движеніе, являющееся новымъ признакомъ развитія денежнаго хозяйства въ странѣ.

Въ 1838 г. издатель журнала „Русскій Земледѣлецъ" печатно заявилъ, что тогда какъ земледѣліе въ Россіи „стоитъ почти неподвижно", обрабатывающая промышленность „достигла изумительнаго развитія". Безъ сомнѣнія, эти слова служатъ хорошимъ отголоскомъ тѣхъ впечатлѣній, которыя отлагались въ сознаніи современниковъ, наблюдавшихъ за хозяйственнымъ развитіемъ Россіи въ первой половинѣ XIX столѣтія. Но столь же несомнѣнно и то, что такія впечатлѣнія грѣшили противъ дѣйствительности въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, признаніе развитія русской обрабатывающей промышленности за это время „изумительнымъ" страдаетъ явнымъ преувеличеніемъ, съ другой—мнимой надо признать и „неподвижность" сельскаго хозяйства. На самомъ дѣлѣ обрабатывающая промышленность развивалась не изумительно, но довольно быстро, и въ этомъ, конечно, ничего нѣтъ удивительнаго: ея ростъ является необходимой предпосылкой развитія денежнаго хозяйства. Въ важнѣйшей изъ отраслей фабричной производительности—хлопчатобумажномъ производствѣ—количество перерабатываемаго хлопка возросло за 50 первыхъ лѣтъ вѣка въ 16 разъ; выплавка чугуна за то же время поднялась съ 8 до 16 милліоновъ пудовъ въ годъ; быстрое поступательное развитіе суконнаго производства засвидѣтельствовано тѣмъ фактомъ, что въ 1850 г. въ Россіи считалось уже 492 суконныхъ фабрики. Въ періодъ времени между 1820 и 1830 годами число фабрикъ въ Россіи увеличилось съ 3-хъ до 4-хъ тысячъ, а количество занятыхъ на нихъ рабочихъ возросло съ 170-ти до 240 тысячъ человѣкъ. Въ 40-хъ годахъ одно только село Иваново Шуйскаго уѣзда давало заработокъ 42 тысячамъ человѣкъ и вырабатывало хлопчатобумажныхъ издѣлій на 23 милліона 400 тысячъ рублей ассигнаціями. Первый русскій свеклосахарный заводъ былъ основанъ въ 1802 г.; въ 1845 г. считалось уже 206 сахарныхъ заводовъ съ производствомъ въ 484 тысячи пудовъ, а три года спустя, въ 1848 г., размѣры производства достигли 900 тысячъ пудовъ въ годъ, количество же заводовъ дошло до 340. По словамъ современника, уже во второе десятилѣтіе XIX в. „многія деревни приняли видъ городовъ, будучи заселены ремесленниками крестьянскими, которыхъ считалось тогда во всей странѣ до 700 тысячъ человѣкъ. Ростъ обрабатывающей промышленности сказывался даже на вывозной торговлѣ. Намъ уже приходилось указывать, что въ русскомъ вывозѣ по мѣрѣ приближенія къ 50-мъ и особенно 60-мъ годамъ все болѣе видную роль стали играть сельскохозяйственные продукты, по преимуществу зерновой хлѣбъ. И все-таки, несмотря на это, увеличивался и вывозъ произведеній обрабатывающей промышленности. Такъ, въ 1815 г. земледѣльческихъ произведеній было вывезено на 23 мил. 400 тыс. руб. сер., продуктовъ скотоводства—на 17 мил. 800 тыс., продуктовъ добывающей промышлен-

ности—на 7 мил. 200 тыс., а обрабатывающей—на 10 мил. 800 тысячъ; для 1850 года соотвѣтствующія цифры будутъ 44 мил. 700 тыс. руб. (земледѣліе), 23 мил. 500 тыс. (скотоводство), 7 мил. 300 тыс. (добывающая промышленность) и 11 мил. 300 тысячъ (промышленность обрабатывающая).

Но эти же приведенныя сейчасъ цифры вывозной торговли показываютъ, какъ ошибочно было бы считать неподвижнымъ русское земледѣліе и вообще сельское хозяйство изучаемаго времени. Не надо забывать, что Малороссія, Новороссія, Кавказъ, черноземная полоса къ югу отъ Оки и бо́льшая часть востока Европейской Россіи совершенно не знали тогда обрабатывающей промышленности. Бестужевъ въ своихъ „Опытныхъ замѣчаніяхъ о крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ въ низовомъ краѣ Россіи" свидѣтельствуетъ, напр., что по нижнему Поволжью не было не только фабрикъ, но и крестьянскихъ промысловъ. То же надо сказать почти безъ ограниченій о Малороссіи и Новороссіи, получавшихъ различныя издѣлія изъ центральныхъ областей. Распространеніе земледѣлія и его ростъ подтверждаются и фактомъ быстраго и сильнаго повышенія цѣнъ на землю въ тѣхъ частяхъ страны, гдѣ земледѣліе господствовало: такъ, напр., въ Курской, Воронежской, Екатеринославской, Оренбургской и Саратовской губерніяхъ десятина земли въ 30-хъ годахъ оцѣнивалась отъ 40 до 100 руб. асс., тогда какъ въ концѣ XVIII в. она стоила здѣсь отъ 2 до 5 руб. ассигнаціями. Въ 1810 г. годовая производительность земледѣлія оцѣнивалась въ 800 милліоновъ рублей. Что касается скотоводства, то съ 20-хъ годовъ особенно растетъ коневодство. Въ 1851 г. въ одной Московской губ. былъ 21 конскій заводъ. Въ Новороссіи привилось овцеводство: въ началѣ вѣка во всей Россіи считалось только 100 головъ мериносовъ, а 50 лѣтъ спустя ихъ было уже 8 милліоновъ 700 тысячъ.

Соотношеніемъ главныхъ отраслей хозяйства и главнымъ образомъ развитіемъ денежнаго хозяйства опредѣлились въ основныхъ чертахъ всѣ другія проявленія экономической жизни страны.

2.

Ростъ денежнаго хозяйства сильно сказался прежде всего въ *формахъ землевладѣнія*. Но здѣсь, какъ и въ другихъ сферахъ хозяйственной жизни, отражались очень ясно и традиціи старины, наслѣдіе прошлыхъ вѣковъ.

Эти традиціи поддерживали основное положеніе русскаго поземельнаго права первой половины XIX в., сводившееся, какъ и въ XVIII столѣтіи, къ идеѣ о томъ, что владѣніе землей населенной составляетъ сословную привилегію дворянства. Такая идея была не чѣмъ инымъ, какъ юридическимъ постулатомъ существованія крѣпостного права: разъ было признано, что одни только дворяне имѣютъ право владѣть крѣпостными крестьянами,—а такое признаніе окончательно установилось въ законодательствѣ второй половины XVIII в.,—логически необходимо было вывести отсюда заключеніе, что только дворяне могутъ владѣть на правѣ собственности

населенной крѣпостными землей. Такимъ образомъ, Россія до крестьянской реформы 1861 г. была страной *съ господствомъ сословной дворянской полусвободной земельной собственности*. Мы называемъ ее полусвободной именно по той причинѣ, что она была сословной, т. е. могла подвергаться свободному гражданскому обороту (куплѣ-продажѣ, залогу, даренію, мѣнѣ) только въ предѣлахъ дворянскаго сословія. Безъ сомнѣнія, такія юридическія отношенія лица къ землѣ вытекали изъ тѣхъ экономическихъ условій, въ какихъ находилась страна въ XVIII и началѣ XIX в., — т. е. главнымъ образомъ изъ слабости развитія денежнаго хозяйства при подавляющемъ въ то же время перевѣсѣ земледѣлія надъ другими отраслями производства: перевѣсъ земледѣлія дѣлалъ землевладѣльческое дворянство опредѣляющей, почти всецѣло господствующей общественной группой, замыкалъ его въ самомъ себѣ, заставлялъ пренебрежительно и свысока относиться къ инымъ экономическимъ и соціальнымъ явленіямъ; въ томъ же направленіи сословной замкнутости и привилегіи дѣйствовало и недостаточное развитіе денежнаго хозяйства: только развитое, сложившееся, широко и глубоко распространившееся денежное хозяйство требуетъ вполнѣ свободнаго гражданскаго оборота съ землей, постоянной и неограниченной возможности обратить землю въ деньги и найти приложеніе денежному капиталу въ землѣ.

Мы знаемъ однако, что русское земледѣльческое производство первой половины XIX вѣка постепенно все болѣе и болѣе стало работать для рынка, неудержимо превращалось въ товарное производство, втягивалось въ денежно-хозяйственныя отношенія. Отсюда произошелъ цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ и интересныхъ новыхъ явленій, проторявшихъ постепенно дорогу новымъ свободнымъ формамъ земельной собственности, уничтоженію дворянской привилегіи по владѣнію землей.

Самымъ важнымъ изъ этихъ новыхъ явленій надо, несомнѣнно, считать *ростъ недворянскаго (купеческаго, мѣщанскаго, крестьянскаго) землевладѣнія* въ изучаемое время. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ и прямо указывающихъ на этотъ процессъ цифръ, но, хотя и косвеннымъ, однако несомнѣннымъ подтвержденіемъ этого служитъ фактъ постепеннаго уменьшенія крѣпостного населенія не только относительнаго, но и абсолютнаго: съ 1812 года абсолютное количество крѣпостныхъ или не увеличивалось, или падало, а какъ шло на убыль ихъ относительное количество, — видно изъ того, что между 1747 и 1837 годами крѣпостные составляли 45% всего населенія Россіи, а въ концѣ 50-хъ годовъ процентъ этотъ понизился до $37^1/_2$. Недворянское землевладѣніе распространялось и въ областяхъ съ многочисленнымъ крѣпостнымъ населеніемъ, но особенно быстро и сильно оно росло тамъ, гдѣ крѣпостныхъ было мало: такъ было на югѣ, юго-востокѣ и западѣ Россіи. Ростъ недворянскаго землевладѣнія важенъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ сокращалъ количество дворянскихъ полусвободныхъ, сословныхъ земель, потому что нѣкоторые дворяне отпускали на волю или переводили въ другія имѣнія своихъ крѣпостныхъ и потомъ про-

давали землю недворянамъ: земля дѣлалась, такимъ образомъ, объектомъ свободнаго гражданскаго оборота; вовторыхъ, ростъ недворянской земельной собственности ярко подчеркивалъ тенденцію денежнаго капитала найти себѣ приложеніе въ землевладѣніи. Въ пріобрѣтеніи въ собственность дворянской земли принимали дѣятельное участіе и бывшіе крѣпостные, вышедшіе на волю по отдѣльнымъ отпускнымъ и по законамъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ 1803 г. и объ обязанныхъ крестьянахъ 1842 г. Правда, число освобождаемыхъ отдѣльно и по этимъ законамъ не было велико: въ свободные хлѣбопашцы было уволено всего немногимъ болѣе 112 тысячъ душъ мужского пола, а въ обязанные крестьяне—до 45 тысячъ душъ, но все-таки эти факты имѣютъ большое симптоматическое значеніе. Правда и то, что только свободные хлѣбопашцы получили землю въ полную собственность, обязанные же считались вѣчными арендаторами дворянской земли съ правомъ оставить ее и перейти въ другое общественное состояніе, но, во-первыхъ, и обязанные крестьяне нерѣдко пріобрѣтали землю въ собственность, помимо арендуемой, а затѣмъ имѣетъ нѣкоторое значеніе при изученіи распаденія дворянской *сословной* земельной собственности тотъ фактъ, что дворянинъ-землевладѣлецъ лишенъ былъ права по своему произволу согнать обязанныхъ крестьянъ съ земли: они, слѣдовательно, стали къ землѣ также въ извѣстныя юридическія отношенія, сильно стѣснявшія принципъ сословной привилегіи въ дворянскомъ землевладѣніи.

Вторымъ важнымъ признакомъ того, что общія экономическія условія времени начали перерастать принципъ полусвободной земельной собственности, является *сильная задолженность дворянскаго землевладѣнія:* въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ наканунѣ освобожденія крестьянъ числилось въ залогѣ дворянскихъ имѣній на громадную сумму въ 425½ милліоновъ рублей. Безъ сомнѣнія, это указываетъ на то, что дворяне-землевладѣльцы подъ вліяніемъ развитія денежнаго хозяйства почувствовали особенно острую нужду въ денежномъ капиталѣ, и, конечно, эта потребность не замедлила бы выразиться въ усиленной мобилизаціи дворянской земельной собственности въ руки не-дворянъ, обладавшихъ капиталами, если бы это не задерживалось стѣснительными нормами закона, поддерживавшаго принципъ сословности въ отношеніи къ землевладѣнію. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого служитъ быстрое сокращеніе площади дворянскихъ земель во второй половинѣ XIX в., когда, съ уничтоженіемъ сословности дворянскаго землевладѣнія, дворянство потеряло до 25 милліоновъ десятинъ.

Развивающееся денежное хозяйство отразилось—далѣе—и на распредѣленіи земли между самими дворянами; расширеніе рынка сельскохозяйственныхъ продуктовъ содѣйствовало капитализаціи сельскохозяйственныхъ предпріятій, создавало условія, благопріятныя для среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, и больно отражалось на мелкопомѣстныхъ дворянахъ, не выдерживавшихъ усилившейся конкуренціи болѣе значительныхъ хозяйствъ. Отсюда довольно ясно выразившаяся тенденція къ концен-

Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.

14

Julius Sittenfeld, Berlin

траціи дворянскаго землевладѣнія, особенно къ увеличенію абсолютнаго и относительнаго перевѣса среднихъ по размѣрамъ земельныхъ владѣній (отъ 101 до 1000 душъ мужского пола), что вполнѣ соотвѣтствуетъ степени расширенія рынка, иначе—той стадіи въ развитіи денежнаго хозяйства, какая переживалась страной. Слѣдующія цифры наглядно подтверждаютъ сказанное: по восьмой ревизіи считалось мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, имѣвшихъ не болѣе 20 душъ м. п., 58.457 чел., что составляло 53,5% всѣхъ дворянъ-землевладѣльцевъ (общее число которыхъ было 109.340); отъ 21 до 100 душъ имѣли тогда 30.417 чел. или 27,8%; 101—500 душами владѣли 16.740, т. е. 15,3%; имѣвшихъ 501—1000 душъ числилось 2.273 чел. — 2%; наконецъ, свыше 1000 душъ имѣли 1.453 чел. или 1,4%. По десятой ревизіи, когда всего дворянъ-землевладѣльцевъ считалось 100.247, соотвѣтствующія цифры по всѣмъ этимъ пяти разрядамъ были таковы: мелкопомѣстныхъ—41.016 или 40,9%, отъ 21 до 100 душъ—35.498 или 35,4%, отъ 101 до 500—19.930, т. е. 19,8%, отъ 501 до 1000—2.421 или 2,4%; наконецъ свыше 1000—1.382 чел. или 1,5%. Сокращеніе числа мелкопомѣстныхъ дворянъ дошло такимъ образомъ до 12,6%: 17.341 мелкопомѣстный дворянинъ исчезъ съ арены хозяйственной борьбы.

Вліяніе новыхъ хозяйственныхъ условій на формы землевладѣнія не ограничивалось всѣмъ этимъ: оно сказалось также въ тѣхъ отношеніяхъ къ землѣ, которыя стали слагаться въ средѣ крестьянъ—крѣпостныхъ, государственныхъ и удѣльныхъ. Но соотвѣтственно степени развитія денежнаго хозяйства, несравненно болѣе низкой въ крестьянской массѣ, чѣмъ среди дворянъ, здѣсь это вліяніе оказывается частичнымъ и сравнительно незначительнымъ, часто едва замѣтнымъ, между тѣмъ какъ землевладѣльческія традиціи, созданныя предшествовавшимъ временемъ, были чрезвычайно сильны. Хорошо извѣстно, въ чемъ именно заключались эти традиціи: и на государственной, и на удѣльной, и на владѣльческой землѣ появилась въ XVIII и началѣ XIX вѣка особая форма крестьянскаго землепользованія. Такъ какъ этотъ процессъ закончился только въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія, то мы должны на немъ ненадолго остановиться. Вся земля, удобная для полевого хозяйства, которою владѣло государство, отдавалась въ пользованіе государственнымъ крестьянамъ; то же дѣлалось и съ большей частью земель удѣльныхъ; наконецъ, и помѣщики обыкновенно отдавали въ пользованіе своимъ крѣпостнымъ за оброкъ или барщину извѣстную часть имѣнія,—въ разныхъ губерніяхъ отъ 45 до 80% всей земли эксплуатировалось крестьянами на себя. Пока крестьяне были свободны, каждый изъ нихъ садился на опредѣленный подворный участокъ и обрабатывалъ его внѣ непосредственной хозяйственной зависимости отъ своихъ односельчанъ. Такъ продолжалось и въ первое время послѣ установленія крѣпостного права: землевладѣлецъ—будь то дворянинъ или государство, все равно,—имѣлъ дѣло съ каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ въ отношеніи хозяйственнаго обезпеченія послѣдняго, снабженія его землей въ достаточномъ коли-

чествѣ. Но къ половинѣ XVIII вѣка въ центрѣ Россіи и къ началу XIX столѣтія на сѣверѣ плотность населенія настолько увеличилась, что многіе крестьяне стали ощущать недостатокъ земли, а у другихъ въ пользованіи оставались очень крупные участки. Такимъ образомъ начали выдѣляться два слоя среди крѣпостной крестьянской массы: во-первыхъ, крестьяне богатые, вполнѣ, иногда съ избыткомъ, обезпеченные землей; во-вторыхъ, малоземельные бѣдняки, крѣпостной пролетаріатъ. Само собою разумѣется, что это разслоеніе не обошлось безъ вліянія медленно, но неуклонно развивавшагося денежнаго хозяйства, создавшаго имущественное неравенство, принижавшаго однихъ и возвышавшаго другихъ. Малоземельное большинство, конечно, сильно страдало отъ недостатка земли, тѣмъ болѣе, что подушная подать, введенная Петромъ Великимъ и налагавшаяся въ равномъ размѣрѣ на все мужское населеніе безъ различія возраста и достатка, падала въ такой же мѣрѣ на бѣдныхъ крестьянъ, какъ и на богатыхъ. И вотъ бѣдняки сначала на владѣльческихъ земляхъ, а потомъ и на государственныхъ и удѣльныхъ начинаютъ всѣми силами добиваться „земельнаго поравненія", передѣла всей земли, находившейся въ крестьянскомъ пользованіи, по наличнымъ душамъ мужского пола. Интересы крѣпостного пролетаріата вполнѣ совпадали съ матеріальными выгодами землевладѣльцевъ и казны: и тѣ и другая зорко слѣдили за исправнымъ поступленіемъ оброковъ и подушнаго сбора, а для этого необходимо было, чтобы каждая крестьянская семья пользовалась такимъ количествомъ земли, которое приблизительно соотвѣтствовало бы размѣрамъ платежей, выпадавшихъ на ея долю. Такъ какъ развитіе крѣпостныхъ отношеній привело къ торжеству взгляда на всю землю, какъ полную и безусловную собственность помѣщика, то послѣдній пріобрѣлъ возможность личнымъ распоряженіемъ установить уравнительно-душевой передѣлъ земли между крестьянами. Это и было сдѣлано постепенно въ XVIII вѣкѣ на дворянскихъ земляхъ всей Великороссіи и къ 30-мъ годамъ XIX в. на государственныхъ земляхъ сѣвера. Установленный однажды, передѣлъ сталъ затѣмъ повторяться періодически, черезъ опредѣленные промежутки времени, по мѣрѣ измѣненія количества душъ мужского пола въ отдѣльныхъ семьяхъ и въ цѣломъ крестьянскомъ обществѣ—или мірѣ. Такъ положено было начало первому элементу земельной общины или мірского землепользованія—періодическимъ передѣламъ.

На этомъ дѣло не остановилось и не могло остановиться. Идея уравнительно-душевого передѣла включаетъ въ себѣ понятіе о томъ, что на каждую наличную крестьянскую душу мужского пола долженъ приходиться земельный участокъ, совершенно равный другимъ такимъ же участкамъ. Между тѣмъ никогда не бываетъ, чтобы вся земля, находящаяся въ пользованіи крестьянъ одной деревни, была одинаковаго качества: обыкновенно часть ея хороша, плодородна, другая часть средняго достоинства, бываетъ и земля совсѣмъ худая. Стремясь соблюсти

необходимое равенство между душевыми участками, мірской сходъ лишенъ поэтому возможности отводить всю землю на отдѣльную душу сплошь: приходится сначала раздѣлить землю на „коны“ или „ярусы“ по степени ея плодородія и затѣмъ на каждый душевой участокъ отдѣлить по равной съ другими полосѣ въ каждомъ кону или ярусѣ. Предположимъ, напр., что мы имѣемъ деревню въ 10 душъ мужского пола, и что земля этой деревни дѣлится по качеству почвы на три кона: первый конъ составляютъ 10 десятинъ хорошей, плодородной почвы, второй—20 десятинъ средней и третій —5 десятинъ худой земли. На каждую душу при такихъ условіяхъ придется отдѣлить въ первомъ кону 1 десятину, во-второмъ—2, и въ третьемъ —$^1/_2$ десятины. Такимъ образомъ, душевой участокъ въ $3^1/_2$ десятины въ нашемъ примѣрѣ распадается на три расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ полосы, перемежающіяся полосами, входящими въ составъ другихъ душевыхъ участковъ. Вотъ второй элементъ крѣпостной земельной общины,—черезполосица.

Третій важный ея элементъ—такъ называемый принудительный сѣвооборотъ, т. е. обязательность для каждаго крестьянина обычныхъ въ общинѣ пріемовъ хозяйства, одной общей съ другими крестьянами системы земледѣлія. Эта черта, помимо черезполосицы и періодическихъ передѣловъ, является непосредственнымъ результатомъ господства трехпольной системы полевого хозяйства; трехпольная система ведетъ къ уменьшенію размѣровъ выгонной земли и предполагаетъ необходимость пастьбы скота на поляхъ послѣ снятія жатвы; для этого, очевидно, необходимо закончить уборку хлѣба одновременно во всей деревнѣ, иначе скотъ будетъ портить неубранный хлѣбъ; а одновременное завершеніе полевыхъ работъ требуетъ одинаковой ихъ организаціи во всѣхъ однодеревенскихъ хозяйствахъ, т. е. обязательнаго сѣвооборота.

Крестьянская земельная община—это дѣтище крѣпостной эпохи—господствовала въ Великороссіи въ теченіе всего изучаемаго времени. Но любопытно, что уже тогда кое-гдѣ приходили къ сознанію необходимости поправокъ въ ней и даже ея полнаго уничтоженія. Въ 1822 году одинъ калужскій помѣщикъ находилъ въ хозяйственномъ отношеніи весьма полезной отмѣну передѣловъ въ интересахъ поднятія личной хозяйственной энергіи крестьянина. Профессоръ Московскаго университета Калиновскій старался сдѣлать передѣлы крестьянской земли въ своемъ имѣніи возможно болѣе рѣдкими. Денежно-хозяйственная система повышала спросъ на личную инціативу и личную энергію и впервые ставила на очередь жгучій впослѣдствіи вопросъ о крестьянской земельной общинѣ.

3.

Углубляясь далѣе въ изученіе процесса развитія явленій хозяйственной жизни Россіи въ первой половинѣ прошлаго вѣка, мы должны констатировать наличность отмѣченныхъ уже нами общихъ тенденцій и въ сферѣ взаимныхъ отношеній между капиталомъ и трудомъ или, что то же, въ формахъ хозяйства.

Такъ какъ земледѣліе продолжало оставаться главной отраслью народнаго труда, то первостепенное значеніе имѣютъ, конечно, формы земледѣльческаго производства. Здѣсь, какъ и вездѣ, традиціи прошлаго, хозяйственная рутина играли очень большую роль. Характерны въ этомъ отношеніи цифры, указывающія, съ одной стороны, на относительную величину земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, и земли, эксплуатировавшейся помѣщиками на себя, съ другой—на средніе размѣры крестьянскихъ надѣловъ. Что касается перваго, то свыше 70% всей земли (отъ 71,4 до 80-ти) было въ рукахъ крестьянъ губерній Нижегородской, Петербургской, Владимирской, Ярославской, Тверской, Калужской, Вологодской и Смоленской (всего 8 губерній), свыше 60% (отъ 65,6 до 68,2) считалось въ трехъ губерніяхъ—Псковской, Новгородской и Олонецкой; въ четырехъ губерніяхъ—Пензенской, Рязанской, Тульской и Костромской—крестьяне сосредоточивали въ своихъ рукахъ отъ 50 до 57,3% всей земли; наконецъ, въ ихъ пользованіи было менѣе половины (отъ 46 до 47,3%) земли также въ четырехъ губерніяхъ—Курской, Тамбовской, Орловской и Воронежской. Въ общемъ, слѣдовательно, надо признать, что въ черноземныхъ губерніяхъ барская земля преобладала надъ крестьянской, тогда какъ въ нечерноземныхъ отношеніе было обратное. Характерно однако то, что вообще во всей Россіи крестьяне сосредоточивали въ своихъ рукахъ больше земли, чѣмъ владѣльцы крѣпостныхъ душъ, и что даже въ той губерніи, гдѣ у крестьянъ былъ наименьшій процентъ земли—Воронежской—процентъ этотъ не понижался далѣе 46-ти, т. е. и здѣсь перевѣсъ размѣровъ барской запашки надъ крестьянской не былъ значителенъ. Тѣмъ не менѣе, если сравнивать съ XVIII вѣкомъ, придется признать фактъ расширенія размѣровъ барской пашни: въ XIX в. оброчные крестьяне владѣли $^4/_5$ всей удобной для земледѣлія земли, а барщинные менѣе, чѣмъ половиной, тогда какъ въ XVIII оброчные владѣли всей землей, а у барщинныхъ было $^2/_3$ ея. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго: мы знаемъ, что ростъ денежнаго хозяйства ускорился въ первой половинѣ XIX в. сравнительно съ предшествующимъ столѣтіемъ; отсюда произошло естественное расширеніе рынка сельскохозяйственныхъ продуктовъ, вызвавшее стремленіе помѣщиковъ увеличить размѣры собственной запашки. То обстоятельство, что размѣры эти, какъ мы сейчасъ видѣли, были все-таки не особенно велики, обязано своимъ существованіемъ отчасти неполнотѣ развитія денежнаго хозяйства, недостаточной широтѣ рынка, препятствовавшей полной, грандіозной капитализаціи сельскохозяйственнаго производства. Нельзя однако не признать здѣсь и еще одного вліянія: необходимости въ виду тѣхъ же условій денежнаго хозяйства перестроить формы эксплуатаціи самой барской пашни на новыя основанія. Эта задача отодвигала на второй планъ вопросъ о расширеніи размѣровъ барской запашки и ставила на очередь проблему освобожденія труда отъ крѣпостной опеки; но объ этомъ—ниже.

Что касается среднихъ размѣровъ удобной для сельскаго хозяйства

земли на одну рабочую душу мужского пола (тутъ считается, конечно, только земля, находившаяся въ пользованіи крестьянъ), то свыше 6 десятинъ (отъ 6,4 до 8,7) на душу приходилось въ губерніяхъ Вологодской, Новгородской, Олонецкой и Петербургской. отъ 4-хъ до 6-ти—въ Костромской, Смоленской, Псковской, Ярославской и Тверской губерніяхъ, отъ 3-хъ до 4-хъ—въ Нижегородской, Владимірской, Орловской, Калужской, Пензенской и Воронежской, и, наконецъ, ниже 3-хъ (но не меньше $2^1/_2$ дес.) считалось въ губерніяхъ Тульской, Тамбовской, Московской, Рязанской и Курской. Въ общемъ нельзя не признать, что крѣпостной земледѣлецъ немного своего хлѣба могъ предназначать для сбыта: ему большею частью хватало его только для собственнаго потребленія. Ставились, очевидно, на очередь къ концу изучаемаго періода вопросы, во-первыхъ, о обезземеленіи части населенія, во-вторыхъ, о расширеніи площади крестьянскаго землепользованія (напр., путемъ аренды) и, въ-третьихъ, о подъемѣ земледѣльческой техники, которая могла бы повысить урожайность и дать возможность удовлетвориться небольшимъ надѣломъ.

Такимъ образомъ, данныя объ относительной величинѣ барской и крестьянской запашки и о среднихъ размѣрахъ крестьянской земли на рабочую душу мужского пола рисуютъ передъ нашими глазами картину крѣпостного хозяйства въ послѣдней стадіи его развитія, когда на очередь ставятся уже задачи, разрушающія это хозяйство. Въ отдѣльныхъ случаяхъ хозяйство землевладѣльца-крѣпостника бывало однако еще болѣе рутиннымъ, чѣмъ сельское хозяйство во всей вообще Россіи. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ характерныхъ отдѣльныхъ случаевъ, относящіеся къ 40-мъ годамъ. Въ имѣніи г-жи Пр—ой Нижегородской губ. считалось 140 тяглъ (тягло-взрослый мужчина и взрослая женщина, оба способные къ работѣ); на каждое полагалось по $1^1/_2$ дес. земли въ каждомъ полѣ и по 1 дес. сѣнокоса, а на помѣщицу обрабатывали 205 дес. и косили 300 дес. лугу, т. е. крестьяне, обрабатывая на помѣщицу болѣе 900 дес., получали отъ нея лишь 740. Въ другомъ имѣніи Саратовской губ. помѣщичья пашня составляла $^2/_3$ всей земли, а для крестьянъ оставалась, слѣд., только треть. Барщина въ XIX в. отправлялась различными способами; большею частью существовалъ обычай работать братъ на брата или половину рабочаго времени семьи отдавать помѣщику. Однако наряду съ этимъ, по свидѣтельству современниковъ, „одинъ *поголовный* день въ недѣлю существовалъ почти во всѣхъ хорошо управляемыхъ имѣніяхъ". Часто однако дѣло шло дальше: такъ, въ Новосильскомъ уѣздѣ Тульской губ. былъ въ 40-хъ годахъ обычай, чтобы крестьяне, работая 3 дня на себя и 3 дня на помѣщика, воскресенье отдавали помѣщику цѣликомъ, работая на него въ этотъ праздничный день поголовно. Въ Новгородской и Костромской губерніяхъ, особенно за Волгой, крестьяне у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, работали на себя только по воскресеньямъ да иногда по субботамъ. Наконецъ, иногда помѣщики совершенно обезземеливали своихъ

крѣпостныхъ, заставляли ихъ все время работать на себя и выдавали имъ содержаніе натурой — „мѣсячину“, почему и такіе крестьяне назывались „мѣсячниками“.

Всѣ эти эксцессы въ эксплуатаціи крѣпостного труда—стремленія усилить барщину, уменьшить размѣры крестьянскаго надѣла, увеличить барскую запашку,—имѣли своимъ основаніемъ потребность сельскихъ хозяевъ 40-хъ годовъ XIX в. приспособиться къ мѣняющимся подъ вліяніемъ роста денежнаго хозяйства условіямъ внутренняго и внѣшняго рынковъ. Этими именно новыми условіями и объясняется отмѣчаемое многими изслѣдователями оживленіе крѣпостного, барщиннаго хозяйства въ 40-хъ годахъ. Оживленіе это оказалось однако временнымъ: попытка примѣниться къ новымъ обстоятельствамъ при сохраненіи крѣпостного строя путемъ напряженнаго развитія его основныхъ движущихъ началъ заранѣе была осуждена на неудачу, которая и не замедлила обнаружиться воочію. Дѣло въ томъ, что крѣпостная барщина отличалась крайне слабой производительностью въ силу несвободнаго своего характера, вслѣдствіе незаинтересованности крѣпостного рабочаго въ результатахъ его труда. Надзоръ за крѣпостными рабочими было организовать трудно, да и какъ бы онъ ни былъ организованъ, онъ мало помогалъ дѣлу. Помѣщики 40-хъ годовъ хотѣли замѣнить надзоръ управляющихъ, приказчиковъ и бурмистровъ собственнымъ хозяйскимъ глазомъ, чѣмъ и объясняется отмѣчаемое Гакстгаузеномъ и другими наблюдателями уменьшеніе землевладѣльческаго абсентеизма, осѣданіе дворянъ-помѣщиковъ въ ихъ имѣніяхъ, но и это, при несвободномъ трудѣ, мало приносило пользы. Необходимость освобожденія труда подчеркивалась всѣмъ общимъ складомъ денежно-хозяйственныхъ отношеній, вызывалась той потребностью въ ростѣ личной иниціативы, предпріимчивости, энергіи, которая составляетъ плоть отъ плоти и кость отъ кости слагающагося капиталистическаго строя.

Это обстоятельство всего ярче отразилось въ обнаружившейся съ очевидностью въ половинѣ XIX в. невыгодности крѣпостной крестьянской барщины или издѣлья—принудительнаго труда крѣпостныхъ рабочихъ на господской пашнѣ. О такой невыгодности свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ наблюденій. Въ Тульской губ. тягло, т. е. крѣпостные работникъ съ работницею, обходились въ годъ въ одномъ имѣніи въ 288 рублей; между тѣмъ наемный трудъ соотвѣтствующаго количества и качества, считая и пропитаніе работника и работницы, и содержаніе живого и мертваго сельскохозяйственнаго инвентаря, приводилъ къ расходу всего въ 170 руб. въ годъ. Въ одномъ имѣніи Орловской губ. крестьянское тягло обрабатывало на себя $7^5/_{12}$ дес. земли и столько же на помѣщика; оцѣнивая $7^5/_{12}$ дес. по мѣстной арендной платѣ того времени, получаемъ сумму въ 82 руб. асс., которая получалась съ помѣщика каждымъ тягломъ въ видѣ земли; съ $7^5/_{12}$ дес. барской пашни поступалъ помѣщику доходъ въ 122 руб. асс.; слѣдовательно, чистый доходъ помѣщика со всѣхъ $14^{10}/_{12}$ дес. составляли всего 40 руб.; а если бы вся эта земля была сдана въ аренду,

получилось бы 164 р. асс. чистаго дохода. Въ Московскомъ уѣздѣ одинъ помѣщикъ обрабатывалъ часть земли крѣпостной барщиной, а другую часть —вольнонаемнымъ трудомъ, и оказалось, что крѣпостное тягло ему стоило 21 четверть ржи и принесло доходу только $15^1/_2$ чет. ржи тогда, какъ вольнонаемные работникъ съ работцей обошлись въ $20^1/_2$ чет. ржи—дешевле крѣпостныхъ — и доставили доходу чуть не втрое больше—43 четверти ржи. Въ Рязанской губ. крѣпостное помѣщичье хозяйство давало въ годъ 8—10% чистаго дохода, а вольнонаемное купеческое приносило отъ 15 до 20 процентовъ. Въ Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерніяхъ въ случаяхъ примѣненія вольнонаемнаго труда чистый доходъ простирался иногда до 50-ти и болѣе процентовъ съ оборотнаго капитала: такъ, саратовскій купецъ Реккъ въ 1840 году получилъ 57% прибыли со своего имѣнія, гдѣ всѣ сельскохозяйственныя работы производились по найму.

Невыгодность крѣпостной барщины приводила мало-по-малу къ тому, что ея примѣненіе постепенно сокращалось, и крѣпостные крестьяне все чаще переводились на оброкъ. Это видно изъ сравненія соотвѣтствующихъ цифръ по большинству губерній, если предѣлами для сравненія взять, съ одной стороны, 60-е годы XVIII в., съ другой, половину XIX столѣтія, канунъ освобожденія. Въ XVIII в. процентъ барщинныхъ крестьянъ въ Владимирской губ. доходилъ до 50-ти, а въ XIX онъ понизился до 30-ти; въ Ярославской г. съ 22-хъ онъ упалъ до 12,6, въ Костромской—съ 15 до 12,5; соотвѣтствующія цифры для Олонецкой губ. будутъ 34 и 28, для Московской—64 и 32, для Вологодской—17 и 16, для Рязанской—81 и 62, для Псковской—79 и 77, для Тульской—92 и 75; наконецъ въ Курской губ. относительное число издѣльныхъ крестьянъ уменьшилось съ 92% (XVIII в.) до 75,5% (XIX ст.). Если такимъ образомъ въ десяти губерніяхъ пониженіе процента крѣпостныхъ, обязанныхъ барщиной, совершилось съ полной несомнѣнностью и иногда доходило до значительныхъ размѣровъ, то въ противоположность этому большее распространеніе барщины сравнительно съ оброкомъ наблюдается въ XIX в., если его сравнить съ XVIII в., только въ восьми губерніяхъ: въ Нижегородской, гдѣ процентъ издѣльныхъ крестьянъ повысился съ 18-ти до 32-хъ, Тверской, гдѣ повышеніе дошло до 59% въ XIX в. сравнительно съ 54% во XVIII, Новгородской, въ которой имѣемъ цифру въ 54,4% противъ болѣе ранней въ 51%, въ Калужской, съ повышеніемъ до 45% съ 42-хъ, Воронежской—съ 36 до 55, Смоленской—съ 70 до 73-хъ, Орловской—съ 66 до 72-хъ и, наконецъ, въ Пензенской губ., въ которой въ XVIII в. 48% сидѣло на барщинѣ, а въ XIX-мъ процентъ ихъ достигъ до 75. Ко всему этому надо прибавить, что въ Тамбовской губ. барщина все время распространена была одинаково; процентъ издѣльныхъ крестьянъ здѣсь и въ XVIII и въ XIX в. оставался равнымъ 78-ми.

Приведенныя сейчасъ цифры знаменательны сами по себѣ, какъ показатель начавшагося упадка крѣпостного хозяйства. Но онѣ еще болѣе важны въ этомъ смыслѣ, если наряду съ ними и въ видѣ дополненій и попра-

вокъ къ нимъ принять во вниманіе цѣлый рядъ другихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о постепенномъ переходѣ къ наемному труду. Мы увидимъ сейчасъ, что постепенно стали слагаться формы труда, переходныя отъ крѣпостныхъ къ вполнѣ свободнымъ, и что даже тамъ, гдѣ барщина по внѣшности оставалась неизмѣненной или росла, она уже переставала опредѣлять собою организацію сельскохозяйственнаго производства въ цѣломъ и на дѣлѣ ограничивалась и оттѣснялась на второй планъ примѣсью новыхъ хозяйственныхъ формъ.

Къ числу формъ производства, переходныхъ отъ крѣпостного труда къ вольнонаемному, надо отнести такую организацію сельскохозяйственныхъ предпріятій, при которой барщина не только не устраняется, но и не ограничивается въ размѣрахъ, не уменьшается или мало уменьшается — въ своей напряженности, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается количество земли, отдаваемой въ пользованіе крестьянъ, сокращается, слѣдовательно, площадь барской запашки, и крестьяне, получивъ поощреніе на лучшій трудъ посредствомъ именно этого дополнительнаго надѣла, работаютъ лучше на господской пашнѣ, поднимаютъ ея урожайность и, такимъ образомъ, не только уничтожаютъ возможные отъ уменьшенія запашки убытки помѣщика, но и повышаютъ своимъ болѣе интенсивнымъ трудомъ его доходъ. Оставаясь, слѣдовательно, по внѣшности своей крѣпостнымъ, барщиннымъ, хозяйство по существу воспринимаетъ въ себя нѣкоторыя черты вольнонаемной организаціи, потому что создаетъ квалифицированное, повышенное вознагражденіе за лучшій трудъ; такъ вносится въ процессъ производства тотъ принципъ поощренія и вознагражденія хозяйственной энергіи, котораго такъ недоставало крѣпостному хозяйству. Вотъ примѣръ такой организаціи дѣла, относящійся къ 30-мъ годамъ. Въ одномъ имѣніи Калужской губерніи числилось 1500 душъ муж. пола. Крѣпостные были раздѣлены въ немъ на 700 тяголъ, изъ которыхъ 400 были на оброкѣ, платившемся въ размѣрѣ 40 руб. съ тягла, а 300 сидѣли на барщинѣ. Владѣлецъ былъ недоволенъ слабой доходностью имѣнія и принялъ такія увѣнчавшіяся затѣмъ успѣхомъ мѣры къ ея повышенію: онъ распредѣлилъ крестьянъ заново на 710 тяголъ, изъ которыхъ 490 посажены были на оброкъ, а 220 обязаны были барщиной. На каждое тягло дано было больше, чѣмъ прежде, — по 6 десятинъ, для чего пришлось сократить землю, которою пользовался самъ баринъ, съ 750 дес. всего до 150. Но зато, во-первыхъ, оброчная сумма возросла, во-вторыхъ, барская пашня стала приносить болѣе обильный урожай при лучшей обработкѣ, въ-третьихъ, крестьяне стали болѣе обезпеченными.

Другой переходной къ вольнонаемному труду формой надо считать образованіе группы арендаторовъ барскихъ имѣній, заводившихъ способы веденія хозяйства, во многомъ напоминающіе тотъ, который только что описанъ. Такъ, въ концѣ 30-хъ годовъ ярославскій помѣщикъ Кушниковъ сдалъ въ аренду свое имѣніе деревню Перово Ростовскаго уѣзда своему же крѣпостному крестьянину Андрею Тимофеевичу за 7000 руб.

въ годъ. Арендаторъ поставилъ дѣло такъ: завелъ улучшенную систему хозяйства на собственной запашкѣ, но обезпечилъ крестьянъ хорошимъ надѣломъ, не напрягая чрезмѣрно барщины, и въ результатѣ получилась значительная выгода.

Третьей формой—еще болѣе близкой къ полному господству вольнаго найма—является наемъ барщинными крестьянами вмѣсто себя для отправленія издѣлья на господской пашнѣ постороннихъ работниковъ. Такъ, въ подмосковномъ имѣніи Жукова крестьяне въ 40-хъ годахъ обязаны были барщиной, но, такъ какъ они „надѣялись не на хлѣбопашество, а на шелковую фабрику“, то „для барщины и своихъ полевыхъ работъ нанимали работниковъ“.

Наконецъ, иногда помѣщики, имѣя въ виду малую производительность крѣпостного труда и недостаточность рабочихъ силъ барщинныхъ крестьянъ, принанимали дополнительныхъ рабочихъ. Такъ, напр., поступалъ въ 50-хъ годахъ Калиновскій въ своемъ имѣніи селѣ Конюховѣ Владимирской губерніи. Такой способъ веденія хозяйства особеннаго распространенія достигъ въ черноземной полосѣ Россіи. Въ этомъ отношеніи важное значеніе имѣетъ свидѣтельство одного хозяина-практика того времени,—князя А. В. Мещерскаго. Онъ уже въ 1873 году писалъ: „Хозяйственный переворотъ, произведенный освобожденіемъ крестьянъ, былъ несравненно менѣе чувствителенъ въ степныхъ, черноземныхъ помѣстьяхъ, гдѣ и *при крѣпостномъ правѣ требовался постоянно для своевременной быстрой уборки хлѣбовъ и травъ дополнительный вольнонаемный трудъ выходившихъ туда ежегодно на лѣтнія полевыя работы крестьянъ изъ густонаселенныхъ украинныхъ губерній*“. Значеніе этого важнаго свидѣтельства зависитъ отъ того, какъ мы будемъ понимать выраженіе „степныя, черноземныя“ губерніи. Въ литературѣ высказано предположеніе, что степными и черноземными князь Мещерскій называетъ Новороссійскія губерніи — Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую. Безъ сомнѣнія, эти губерніи входили въ число степныхъ-черноземныхъ. Однако сюда, несомнѣнно, относились не однѣ только онѣ, а также и другія губерніи, которыя отличаются степнымъ характеромъ и черноземной почвой,—именно расположенныя въ треугольникѣ, образуемомъ Окой, Волгой и Дономъ: это—губерніи къ югу отъ Оки, къ востоку отъ Дона и къ западу отъ Волги. Въ пользу такого толкованія говоритъ цѣлый рядъ соображеній: во-первыхъ, князь Мещерскій противополагаетъ двѣ полосы Россіи—черноземную и нечерноземную,—а извѣстно, что первая далеко не совпадаетъ съ предѣлами Новороссіи, но захватываетъ и весь юго-востокъ Европейской Россіи; во-вторыхъ, князь Мещерскій въ цитированномъ выше документѣ опредѣленно говоритъ о *тридцати* нечерноземныхъ губерніяхъ; нельзя же думать, что онъ противополагалъ имъ всего три новороссійскихъ губерніи; наконецъ, въ-третьихъ, онъ говоритъ о *дополнительномъ* къ крѣпостному вольнонаемномъ трудѣ, чего нельзя сказать о новороссійскихъ губерніяхъ, потому что тамъ вольнонаемный трудъ, за полнымъ отсутствіемъ крѣпостныхъ, былъ не до-

полнительнымъ, а исключительнымъ, единственнымъ реально-существовавшимъ.

Но если допустить, что свидѣтельство кн. Мещерскаго относится ко всѣмъ южнымъ и юго-восточнымъ губерніямъ, то получится чрезвычайно любопытное заключеніе: окажется, что, несмотря на широкое примѣненіе барщины на юго-востокѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ приведенныя выше цифры, касающіяся относительнаго количества издѣльныхъ крестьянъ въ разныхъ мѣстахъ,—здѣсь хозяйство уже въ очень значительной мѣрѣ перестало быть крѣпостнымъ, потому что рядомъ съ крѣпостнымъ трудомъ широко эксплуатировался вольнонаемный. Цифры, характеризующія распространеніе барщины на югѣ Россіи въ XIX вѣкѣ, получаютъ такимъ образомъ совершенно иной смыслъ. И у насъ есть несомнѣнныя данныя, которыя заставляютъ предполагать, что вольнонаемный трудъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ первой половины XIX в.—особенно 50-хъ годовъ—былъ вообще значительно распространенъ. Такъ, въ Нижегородской губерніи вольнонаемный трудъ эксплуатировался для земледѣльческихъ цѣлей въ имѣніи Чаадаева, въ Рязанской губ.—въ помѣстьѣ Александрова; по свидѣтельству князя В. И. Васильчикова, въ Тамбовской губерніи передъ крестьянской реформой существовалъ цѣлый рядъ помѣщичьихъ экономій, пользовавшихся для разработки помѣщичьей запашки вольнонаемнымъ трудомъ мѣстныхъ крестьянъ. Есть любопытныя наблюденія, касающіяся и Тульской губерніи: такъ, по „Журналу ежедневныхъ работъ“, по хуторамъ Богородицкаго Тульской губерніи имѣнія графа А. П. Бобринскаго въ 1859 и 1860 годахъ различались два вида работъ: 1) „работы хуторскими рабочими“, 2) „работы вольнонаемныя“. Но было бы ошибкой думать, что работы хуторскими рабочими производились не по найму: мы видимъ, что имъ выдавалась опредѣленная денежная заработная плата; такъ, вычислено, что въ теченіе годового періода съ 1 апрѣля 1859 г. по 1 апрѣля 1860 г. хуторскіе рабочіе были заняты воздѣлываніемъ земли $3276^1/_2$ рабочихъ дней, уборкой свекловицы—552 дня, молотьбой и вѣйкой—548 дней; каждый день цѣнился въ 23 коп., что въ общемъ составляло сумму заработка въ 1006 р. $59^1/_2$ коп. (753 р. $59^1/_2$ к. за воздѣлываніе земли, 126 р. 96 к. за уборку свекловицы и 126 р. 4 к. за молотьбу и вѣйку). Повидимому, хуторскими назывались крѣпостные графа Бобринскаго, а вольнонаемными чужіе крестьяне, можетъ быть, и пришлые со стороны, не мѣстные. Что касается вольнонаемныхъ работъ, то онѣ были въ отношеніи къ земледѣлію еще болѣе напряженными, чѣмъ работы хуторскихъ рабочихъ: нашъ документъ свидѣтельствуетъ, что на пахоту, бороньбу и возку хлѣба вольнонаемные рабочіе потратили 1848 конныхъ дней, $806^1/_2$ пѣшихъ и $266^1/_2$ женскихъ, всего на сумму 2061 р. 10 к., на уборку картофеля—108 женскихъ дней на 10 р. 80 к., на уборку свекловицы—478 конныхъ дней, $85^1/_2$ пѣшихъ, $17904^1/_2$ женскихъ на 2265 р. 13 к., на молотьбу и вѣйку хлѣба—$581^1/_2$ пѣшій день и 320 женскихъ на 176 р. 50 к. Словомъ, все хозяйство графа Бобринскаго было въ концѣ 50-хъ го-

довъ организовано исключительно на основѣ вольнонаемнаго труда.

Въ 50-хъ годахъ XIX в. въ Бѣлевскомъ уѣздѣ той же Тульской губ. дворянинъ П. М. Хрущовъ, владѣвшій селомъ Богородицкимъ-Жиморино тожъ, велъ хозяйство на старой, крѣпостной основѣ. Но въ 1857 и 1858 годахъ наблюдается перемѣна: покупаются молотильная машина въ 700 р., вѣялка въ 192 р. 50 к., сортировочная машина въ 105 р. Это введеніе машинъ въ земледѣльческую работу повело, повидимому, къ существеннымъ перемѣнамъ и въ способѣ эксплуатаціи труда. Правда, прямыхъ свидѣтельствъ объ этомъ мы не имѣемъ, потому что документы 1859 года и начала 60-хъ годовъ не сохранились, но уцѣлѣлъ договоръ Хрущова съ его управляющимъ, крестьяниномъ Барышниковымъ, составленный 15 ноября 1867 г. Тогда крестьяне были еще обязаны „производить хозяйственныя работы" на помѣщика „издѣльною повинностью по урочному положенію", т. е. хозяйственныя условія имѣнія еще очень мало измѣнились сравнительно съ концомъ 50-хъ годовъ, но, несмотря на это, помѣщикъ предписываетъ управляющему также „нанимать" рабочихъ на годъ, полгода или подесятинно „съ платою деньгами, но не хлѣбомъ". Можно догадываться, что такая практика установилась тотчасъ вслѣдъ за введеніемъ въ помѣщичье полевое хозяйство въ 1858 г. машинъ.

Вообще почти каждый разъ, какъ приходится разсматривать какой-либо документъ, относящійся въ помѣщичьему земледѣльческому хозяйству концa дореформенной эпохи, мы наталкиваемся на несомнѣнные слѣды вольнонаемнаго труда или на переходныя формы отъ крѣпостного къ вольному труду. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію господствовавшая въ первой половинѣ XIX вѣка подъ вліяніемъ развитія денежнаго хозяйства тенденція въ сторону все большаго примѣненія свободнаго труда въ сельскохозяйственномъ производствѣ.

Едва ли еще не въ большей мѣрѣ эта тенденція проявляется въ то же время въ обрабатывающей промышленности, гдѣ одновременно съ этимъ и подъ тѣмъ же вліяніемъ производство дѣлается все болѣе крупнымъ и капиталистическимъ.

Еще въ древней Россіи допетровскаго времени существовали различные виды обрабатывающей промышленности,—домашнее производство для собственнаго потребленія, мелкое кустарное производство съ соотвѣтствующимъ ему городскимъ ремесломъ, разсчитанныя на небольшой мѣстный рынокъ, товарно-кустарное производство, въ которомъ производство остается мелкимъ, а сбытъ организуется капиталистически, переходитъ въ руки скупщиковъ, наконецъ, даже фабрики, гдѣ капиталъ захватываетъ не только сферу обмѣна, но и область производства хозяйственныхъ благъ.

Съ теченіемъ времени тѣ изъ указанныхъ сейчасъ видовъ обрабатывающей промышленности, которыя отличались меньшей капитализаціей и концентраціей производства, отступали на второй планъ сравнительно съ болѣе капиталистическимъ, въ чемъ выражалось опять-таки, конечно,

развитіе денежнаго хозяйства. Вотъ почему домашнее производство, мелкое кустарничество и даже городское ремесло потеряли прежнее важное значеніе среди формъ обрабатывающей промышленности, и на первый планъ выдвинулись товарно-кустарное производство и фабрика, причемъ и эта послѣдняя становилась постепенно все болѣе крупной. Вотъ нѣсколько примѣровъ роста товарно-кустарнаго производства: въ XVIII еще вѣкѣ въ Московской губ. развились бумажное ткачество и шелко - ткацкая промышленность; въ началѣ XIX в. тамъ же появились патронная промышленность и шитье лайковыхъ перчатокъ. Въ 1812 г. кустарная набойка и кустарное ткачество бумажныхъ матерій распространяется изъ Москвы въ селѣ Ивановѣ Шуйскаго уѣзда Владимирской губ. Въ концѣ 40-хъ годовъ бумажное ткачество захватываетъ первое мѣсто среди другихъ крестьянскихъ промысловъ въ губерніяхъ Ярославской, Костромской, Рязанской, Калужской и другихъ. Въ царствованіе Николая I наиболѣе пышнаго расцвѣта достигаетъ въ сферѣ обрабатывающей промышленности именно товарно-кустарное производство: къ 40-мъ годамъ особенно выдѣляются въ этомъ отношеніи такіе центры, какъ Павлово, Ворсма, Кимры, Иваново-Вознесенскъ и т. д. Характерно при этомъ, что товарно-кустарное производство оказывалось до такой степени приспособленнымъ къ условіямъ той стадіи развитія денежнаго хозяйства, какую переживала тогда Россія, что одерживало сплошь и рядомъ побѣду въ борьбѣ съ фабрикой: такъ, изъ 141 тыс. человѣкъ, занятыхъ въ концѣ XIX в. товарно-кустарнымъ производствомъ въ Московской губ., не менѣе 82 тыс. (т. е. до 59%) заняты были въ производствахъ, образовавшихся путемъ разложенія фабрикъ, 16% сложилось путемъ выхода рабочихъ изъ крупныхъ мастерскихъ въ городахъ; изъ домашняго производства и мелкаго кустарничества вышли только 25%. Фабрики конца XVIII и начала XIX в. разлагались на кустарные промыслы по той причинѣ, что ихъ техническій уровень былъ низокъ: онѣ были мануфактурами, работа на нихъ производилась руками, такъ что не было у нихъ никакихъ преимуществъ передъ кустарной избой. Городскія мастерскія поставляли кустарей въ деревню отчасти подъ вліяніемъ помѣщиковъ, посылавшихъ туда учиться своихъ крѣпостныхъ.

Концентрація производства на фабрикахъ и заводахъ также засвидѣтельствована цѣлымъ рядомъ фактовъ. Такъ, въ 40-хъ годахъ наблюдается въ Россіи усиленный ростъ крупныхъ бумагопрядиленъ. Вообще до 40-хъ годовъ во всѣхъ почти отрасляхъ русскаго фабричнаго производства росли крупныя предпріятія, и только конкуренція расцвѣтшей въ это время кустарной промышленности на время задержала и ослабила этотъ процессъ. Не надо впрочемъ забывать, что и эта задержка была въ сущности мнимой: въ такихъ кустарныхъ центрахъ, какъ Павлово или Иваново, масса кустарей фактически находилась въ полной зависимости отъ фабрикантовъ.

Наконецъ, несомнѣнна и тенденція въ сторону освобожденія фабричнаго труда, выразившаяся притомъ чрез-

вычайно ярко. XVIII вѣкъ завѣщалъ XIX-му несвободную фабрику двухъ видовъ, — вотчинную-дворянскую и купеческую-поссесiонную. Вотчинной называлась фабрика, на которой вся работа производилась помѣщичьими крѣпостными. Поссесiонныя фабрики—такiя, на которыхъ работали такъ называемые поссесiонные крестьяне, т. е. крестьяне, прикрѣпленные къ фабрикамъ и заводамъ по закону Петра Великаго въ 1721 г.: ихъ нельзя было отчуждать безъ фабрикъ и заводовъ и употреблять на иныя работы, кромѣ фабричныхъ. Этими фабриками владѣли не дворяне, обыкновенно купцы, потому что обладанiе крѣпостными, прикрѣпленными къ личности владѣльца, составляло привилегiю дворянскаго сословiя. Къ числу поссесiонныхъ фабрикъ принадлежали еще такъ называемыя обязанныя фабрики, которыя должны были поставлять въ казну извѣстное количество своихъ издѣлiй. На нѣкоторыхъ вотчинныхъ фабрикахъ работа производилась такъ же, какъ и крѣпостная земледѣльческая барщина: работали братъ на брата, т. е. одновременно половина рабочихъ исполняла работу, а другая оставалась дома, чтобы затѣмъ смѣнить первую; платы не полагалось. Характерно однако, что уже въ началѣ XIX в. на большей части вотчинныхъ фабрикъ полагалось вознагражденiе натурой, иногда даже деньгами: это—первый признакъ перехода къ наемному фабричному труду. Поссесiонная фабрика была въ смыслѣ организацiи производства едва ли не болѣе несвободной, чѣмъ вотчинная: дѣло въ томъ, что владѣлецъ поссесiонной фабрики не могъ ни уменьшать, ни увеличивать ея размѣры, ни измѣнять характеръ производства, ни переводить рабочихъ на другую фабрику. И здѣсь изрѣдка встрѣчалась работа братъ на брата, безъ денегъ, но почти всегда существовала денежная заработная плата. Однако слабая производительность несвободнаго труда давала себя знать и ставила на очередь вопросъ о его отмѣнѣ. Это видно прежде всего изъ того, что постепенно уменьшалось число вотчинныхъ фабрикъ: въ 1825 г. крѣпостныхъ рабочихъ на этихъ фабрикахъ считалось еще 35% общаго числа фабричныхъ рабочихъ въ Россiи, но въ 30-хъ годахъ XIX вѣка дворянскiя фабрики составляли уже только 15% всѣхъ русскихъ фабрикъ, а въ 40-хъ годахъ процентъ ихъ понизился до 5-ти. Въ 1816 г. прекращено было дальнѣйшее увеличенiе числа поссесiонныхъ рабочихъ закономъ о запрещенiи покупать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ. Въ 1825 г. уже 54% всѣхъ фабричныхъ рабочихъ работали по вольному найму. Въ тридцатыхъ годахъ фабриканты громко жалуются министру финансовъ на невыгодность поссесiоннаго труда. Подъ влiянiемъ этого въ 1840 году былъ изданъ законъ, по которому фабриканты прiобрѣли право освобождать поссесiонныхъ рабочихъ, получая отъ казны по 36 руб. съ души мужского пола, если они были прiобрѣтены покупкой у частныхъ лицъ или за деньги приписаны изъ казны; въ противномъ случаѣ освобожденiе должно было быть безденежнымъ. Мало того: въ случаѣ приписки освобождаемыхъ къ государственнымъ крестьянамъ (что зависѣло отъ ихъ воли) бывшiй ихъ

владѣлецъ обязанъ былъ даже выдавать опредѣленное денежное пособіе. Такимъ образомъ увольненіе поссесіонныхъ крестьянъ по закону 1840 г. не сулило ихъ владѣльцамъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ и даже вовлекало ихъ въ расходы. Несмотря на это законъ настолько соотвѣтствовалъ вполнѣ назрѣвшей потребности, что имъ скоро воспользовались 103 фабрики: болѣе половины поссесіонныхъ фабрикъ перешли такимъ образомъ, по желанію владѣльцевъ, къ вольнонаемному труду. Параллельно росту вольнонаемнаго труда въ русской фабричной промышленности наблюдается въ первой половинѣ XIX вѣка еще одинъ важный процессъ,—процессъ перехода главной части фабрикъ въ руки крестьянъ, разбогатѣвшихъ и выкупившихся на волю. Еще въ концѣ XVIII в. многочисленные фабриканты села Иванова и Морозовы въ Зуевѣ вышли изъ числа крѣпостныхъ графа Шереметева. Въ 1831 г. въ селѣ Вачѣ Муромскаго уѣзда Владимирской губ. основалъ свой металлургическій заводъ Кондратовъ, бывшій крѣпостной кн. Голицына. Въ 1860 г. въ селѣ Апатьевѣ Коломенскаго уѣзда Московской губ. небольшая полотняная фабрика была устроена на основѣ вольнонаемнаго труда крестьяниномъ Калининымъ, вышедшимъ изъ числа крѣпостныхъ помѣщика Львова.

Но торжество вольнонаемнаго труда на фабрикѣ рѣзко подчеркивало необходимость освобожденія крестьянъ въ интересахъ фабричной промышленности. Отсутствіе гражданскихъ правъ свободной личности у вольнонаемнаго рабочаго изъ отпущенныхъ на оброкъ крѣпостныхъ, несомнѣнно, понижало его работоспособность, потому что ставило его въ зависимость отъ помѣщика и принуждало отдавать нерѣдко львиную долю своего заработка тому же помѣщику. Сверхъ того помѣщикъ могъ нарушить и интересы фабриканта, досрочно или даже въ срокъ отозвавъ съ фабрики своего крѣпостного. Наконецъ, и рабочіе могли не исполнять договоровъ, прикрываясь своей зависимостью отъ помѣщиковъ. Юридическое освобожденіе становилось, такимъ образомъ, неизбѣжнымъ. Оно подготовлялось въ данной сферѣ и законодательствомъ: 24 мая 1835 г. былъ изданъ законъ, по которому рабочій не имѣлъ права уходить до истеченія срока найма и требовать досрочной прибавки платы, а помѣщики-владѣльцы наемныхъ фабричныхъ рабочихъ лишились права отзывать съ фабрикъ своихъ крѣпостныхъ раньше истеченія срока отпускныхъ свидѣтельствъ.

Чтобы закончить изученіе формъ хозяйства, намъ остается сказать нѣсколько словъ о формахъ торговли. Въ этомъ отношеніи приходится отмѣтить попрежнему преобладаніе ярмарочно-караванной торговли, достаточно характеризованное уже приведенными выше, при изученіи относительнаго значенія разныхъ отраслей хозяйства, данными о ростѣ и распространеніи ярмарокъ. Развитіе товарно-кустарнаго производства, также уже отмѣченное выше, свидѣтельствуетъ еще объ одномъ важномъ явленіи въ области торговли,—о томъ, что фундаментомъ для крупной ярмарочно-караванной торговли служила дѣятельность скупщиковъ въ деревнѣ.

Къ этому можно прибавить, что такая дѣятельность захватывала не только кустарные промыслы, но и земледѣліе. Характерно въ этомъ отношеніи, напр., свидѣтельство Жукова, автора изданнаго въ 1848 г. „Руководства отчетливо, успѣшно и выгодно заниматься русскимъ сельскимъ хозяйствомъ": по его словамъ, моршанскіе купцы „разъѣзжали осенью для закупки хлѣба по помѣщикамъ окрестнымъ и сосѣдственныхъ губерній". Понятно, въ какой тѣсной связи всѣ эти явленія въ области формъ коммерческихъ предпріятій находились съ условіями той стадіи развитія денежнаго хозяйства, какую переживала Россія до 50-хъ и даже до 60-хъ годовъ XIX в. Только развитіе парового транспорта, едва зарождавшагося въ то время въ Россіи, могло поколебать тѣ старыя основы, на которыхъ покоилась тогда русская торговля.

4.

Первому періоду въ развитіи денежнаго хозяйства, сопровождающемуся преобладаніемъ земледѣлія, первоначальнымъ ростомъ обрабатывающей промышленности въ ея по преимуществу некапиталистическихъ формахъ, неширокимъ и неглубокимъ развитіемъ товарнаго обращенія, господствомъ несвободнаго, крѣпостного труда, соотвѣтствовалъ и опредѣленный уровень хозяйственной техники или системы народнаго производства.

Въ области обрабатывающей промышленности такой характерной для крѣпостного хозяйства чертой хозяйственной техники является ручной трудъ, не сопровождающійся сколько-нибудь широкимъ примѣненіемъ болѣе или менѣе сложныхъ орудій, тѣмъ болѣе машинъ. Извѣстно, что въ XVIII вѣкѣ ручной трудъ господствовалъ не только среди деревенскихъ кустарей и городскихъ ремесленниковъ, но и на фабрикахъ и заводахъ. Соотвѣтственно этому на невысокой ступени развитія стояла и система полевого хозяйства. Здѣсь незачѣмъ останавливать вниманіе читателя на крайне первобытныхъ, экстенсивныхъ системахъ земледѣлія на крайнемъ сѣверѣ Россіи, гдѣ по условіямъ почвеннымъ и климатическимъ подсѣчная, огневая или лядинная система, состоящая въ вырубкѣ лѣса, корчеваніи и выжиганіи пней и затѣмъ годичныхъ или двухгодичныхъ посѣвахъ безъ удобренія, находила еще себѣ довольно широкое примѣненіе. Надо однако замѣтить, что уже здѣсь наряду съ подсѣками нерѣдко встрѣчалось и переложное хозяйство, при которомъ залежь или перелогъ все еще безъ удобренія, путемъ простого отдыха возстанавливаютъ свои производительныя силы, потому что возвратъ къ обработкѣ первоначально-запаханнаго участка производится еще черезъ достаточно продолжительные промежутки времени. Болѣе того: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣвера — преимущественно по берегамъ Сѣверной Двины—встрѣчаемъ даже довольно рано переходъ къ трехполью въ разныхъ стадіяхъ его развитія. Уже тогда, когда только половина всей пахотной земли остается свободной отъ посѣва, она оказывается не въ силахъ безъ удобренія вернуть себѣ прежнюю производительность, является поэтому удобреніе, залежь превращается въ паръ,

и слагается паровое-зерновое хозяйство съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ, сопровождающееся дѣленіемъ пахотной площади на три поля: паровое, озимое и яровое. Пока паръ занимаетъ болѣе трети всей пахотной земли, до тѣхъ поръ мы наблюдаемъ недоразвитое, зачаточное трехполье. Въ законченномъ видѣ трехпольная система слагается тогда, когда только треть всей пахоты остается подъ паромъ. Дальнѣйшее уменьшеніе парового поля означаетъ уже переходъ къ болѣе интенсивной, чѣмъ трехполье, системѣ земледѣлія. Трехпольное хозяйство въ недоразвитой и въ законченной формахъ встрѣчалось на сѣверѣ, особенно по Двинѣ, не только въ XVIII в., но и раньше.

Въ общемъ можно сказать, что и въ остальной Россіи переложная и трехпольная системы преобладали въ XVIII в., причемъ первая была болѣе распространена по направленію къ югу и востоку. Это во всей полнотѣ можетъ быть повторено и о XIX столѣтіи, когда не только Новороссія, нижнее Поволжье, Оренбургская губернія были областями съ господствомъ переложнаго хозяйства, но даже въ такой центральной губерніи, какъ Калужская, въ началѣ 20-хъ годовъ только треть всей земли унаваживалась. Однако особенно типической для крѣпостного хозяйства системой земледѣлія является именно трехпольная, которую одинъ изъ теоретиковъ сельскаго хозяйства, Бажановъ, справедливо назвалъ въ 1860 г. „системою барщинскою".

Перемѣны, совершившіяся, какъ мы видѣли, въ первой половинѣ XIX в. во взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ отраслей хозяйства и въ формахъ хозяйственной дѣятельности, отразились и на хозяйственной техникѣ. Въ сферѣ земледѣльческаго производства подъ ихъ вліяніемъ сказывается несомнѣнная тенденція въ сторону интенсификаціи, перехода отъ переложнаго хозяйства къ недоразвитому трехполью, отъ недоразвитаго трехполья къ законченной трехпольной системѣ и, наконецъ, отъ этой послѣдней къ болѣе интенсивной хозяйственной техникѣ. Мы должны теперь прежде всего характеризовать фактами всѣ эти важныя новыя явленія.

Типическимъ примѣромъ перехода отъ переложнаго хозяйства къ недоразвитому трехполью можетъ служить хозяйство помѣщика Никольскаго въ селѣ Крутецъ Балашовскаго уѣзда Саратовской губ. во второй половинѣ 30-хъ годовъ XIX вѣка. Раньше здѣсь „землепашество было въ состояніи полудикомъ", но въ это время оно было усилено, заведено трехполье, и наряду съ употребленіемъ плуга, сохи и деревянной бороны введена была въ хозяйственный обиходъ даже молотильная машина. Въ сельцѣ Конюховѣ Владимирской губ. въ 40-хъ годахъ господствовало недоразвитое трехполье. „Обрабатываніе пашни по общепринятой здѣсь трехпольной зерновой системѣ производилось чрезвычайно небрежно. Почва бороздилась сохами на какой-нибудь вершокъ глубины и кое-какъ задѣлывалась самодѣльными, почти беззубыми боронами". Въ 50-хъ годахъ новый владѣлецъ имѣнія Калиновскій улучшилъ систему полевого хозяйства, превра-

Митрополитъ Филаретъ.

16

Николай Васильевичъ Гоголь.

Съ портрета, писаннаго А. А. Ивановымъ.

(Румянцевскій музей въ Москвѣ).

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

тилъ ее въ развитое законченное трехполье.

Безъ сомнѣнія, уже иллюстрированныя сейчасъ двумя типическими примѣрами перемѣны въ земледѣльческой техникѣ были знаменательны для своего времени. Но на этомъ дѣло не остановилось и не могло остановиться. Подобно тому, какъ въ области формъ хозяйства крѣпостныя отношенія все сильнѣе подтачивались проникавшими въ нихъ новообразованіями въ видѣ вольнонаемнаго труда и разныхъ переходныхъ къ нему формъ,—и въ сферѣ техники земледѣлія совершались весьма крупныя измѣненія, указывавшія на переходъ къ болѣе интенсивной системѣ, чѣмъ крѣпостное трехпольное хозяйство. Это выразилось и въ дѣятельности ученыхъ обществъ того времени, и въ агрономической литературѣ, и въ усиліяхъ правительства и, наконецъ, въ работѣ самихъ хозяевъ-практиковъ.

Изъ ученыхъ обществъ въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно было Императорское Вольное Экономическое Общество. Среди его членовъ, несомнѣнно, довольно рано зародилась и укрѣпилась идея о томъ, что необходимо подвинуть впередъ технику русскаго земледѣльческаго хозяйства, что нельзя удовлетворяться традиціоннымъ паровымъ зерновымъ хозяйствомъ съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ. И вотъ общество еще въ 1790 году обѣщаетъ денежную награду тому крестьянину, который посѣетъ больше „ското-кормовыхъ травъ“. Въ 1798 г. тѣмъ же Вольно-Экономическимъ Обществомъ издается трехтомное сочиненіе „Деревенское Зеркало“, имѣвшее въ виду также пропаганду среди крестьянъ системы посѣва кормовыхъ травъ. Въ 1804 г. Вольное Экономическое Общество обратилось ко всѣмъ губернаторамъ съ просьбой сообщить ему, нѣтъ ли въ управляемыхъ ими губерніяхъ дворянъ, которые „упражняются въ опытахъ, относящихся къ удобренію земледѣлія и садоводства“; имѣлось въ виду привлечь такихъ лицъ къ участію въ Обществѣ. Губернаторы черезъ предводителей дворянства обратились съ запросами къ дворянамъ. До какой степени однако дворяне того времени въ массѣ своей чужды были идеѣ усовершенствованія земледѣльческаго хозяйства, видно изъ того, что, напр., коломенскіе дворяне приняли запросъ Вольнаго Экономическаго Общества за правительственное предписаніе лучше вести хозяйство и расписались на немъ слѣдующимъ образомъ: „1804 г. марта 19 дня мы, нижеподписавшіеся, отношеніе о требованіи Императорскимъ Вольнымъ экономическимъ обществомъ о лутчемъ своемъ упражненіи, относящемся къ хозяйству, читали, и каждый о своемъ управленіи объясняетъ подъ симъ подпиской“, и далѣе слѣдуютъ самооправданія въ дурномъ веденіи хозяйства со ссылками на старость, на то, что „вновь изобрѣтеннымъ чѣмъ-либо успособить себя не успѣлъ“ и т. д.

Если, такимъ образомъ, въ концѣ XVIII в. и въ самомъ началѣ XIX призывы къ усовершенствованію хозяйства были рѣдки и большею частью безуспѣшны, то это не помѣшало дальнѣйшей дѣятельности Общества: то же Вольное Экономическое Общество много сдѣлало для практической разработки этого вопроса въ

своихъ „Трудахъ“ и другихъ изданіяхъ, и въ этомъ ему много содѣйствовало Московское Общество сельскаго хозяйства, издававшее „Земледѣльческій Журналъ“. Это вводитъ насъ уже въ работу спеціальной агрономической литературы, которая довольно рано выдвинула на очередь ту же задачу и все сильнѣе и сильнѣе ею занималась, что̀, несомнѣнно, указываетъ на извѣстный ростъ общественнаго настроенія въ опредѣленномъ смыслѣ, въ пользу техническихъ усовершенствованій. Мы не имѣемъ, конечно, здѣсь въ виду дать сколько-нибудь исчерпывающій перечень относящихся сюда трудовъ и укажемъ лишь для примѣра на нѣкоторые болѣе выдающіеся или характерные. Въ общемъ можно признать, что русская агрономическая литература первой половины XIX в. можетъ быть раздѣлена на два главныхъ направленія: одно болѣе крайнее, радикальное, стоявшее за приближеніе къ англійскому плодосмѣнному хозяйству, сопровождающемуся полнымъ уничтоженіемъ парового поля, смѣной корнеплодовъ зерновыми хлѣбами, искусственнымъ удобреніемъ, посѣвами кормовыхъ травъ (особенно утучняющаго почву клевера) и содержаніемъ скота въ стойлахъ; другое направленіе, умѣренное, имѣло въ виду не столь коренную перемѣну: не настаивало на полномъ уничтоженіи пара, не вводило слишкомъ развитого многополья, сохраняло выгонное содержаніе скота и требовало лишь введенія частичнаго плодосмѣна и посѣва кормовыхъ травъ. Типическими представителями перваго направленія были еще въ концѣ XVIII в. Рознотовскій, авторъ книги „Новое земледѣліе“, Захаровъ, составившій книжку подъ заглавіемъ „Усадьбы или новый способъ селить крестьянъ и собирать съ нихъ оброки“, гдѣ онъ настаивалъ не только на необходимости техническаго подъема въ области земледѣлія, но и на замѣнѣ крѣпостного барщиннаго труда вольнонаемнымъ на томъ основаніи, что барщинный крестьянинъ „всегда унылъ, лѣнивъ и недоброхотенъ“. Сюда же съ нѣкоторыми оговорками можно отнести и Н. Н. Муравьева, составителя примѣчаній къ появившемуся въ началѣ XIX в. переводу сочиненія по теоріи сельскаго хозяйства Тэера. Къ писателямъ второго направленія надо причислить прежде всего графа Ростопчина, автора брошюры „Плугъ и соха“, затѣмъ графа Клерманъ-Тоннера, издававшаго въ 1799 г. русско-французскій „Журналъ о земледѣліи“, и особенно Левшина, выпустившаго въ 1803 г. „Ручную книгу сельскаго хозяйства“. Позднимъ отголоскомъ тѣхъ же воззрѣній является напечатанная въ 1860 г. книжка Бажанова „Опыты земледѣлія вольнонаемнымъ трудомъ“.

Общее движеніе захватило и нѣкоторые органы правительственной власти, попытавшіеся примѣнить мѣры административнаго воздѣйствія къ дѣлу усовершенствованія русскаго сельскаго хозяйства. 20 февраля 1801 г., былъ изданъ законъ объ агрономической организаціи въ Россіи. По этому закону, заводились повсюду губернскія агрономы или „наставники“, губернскія опытныя поля и крестьянскія хозяйства въ удѣльныхъ деревняхъ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, на практикѣ значеніе этого закона свелось къ нулю: былъ

назначенъ всего одинъ „наставникъ“—въ Смоленскую губернію, да и ему администрація удѣльныхъ имѣній ставила непреодолимыя препятствія до тѣхъ поръ, пока въ 1803 г. самый институтъ „наставниковъ“ не былъ совершенно уничтоженъ. Послѣ этого правительство ограничивалось уже только рекомендаціей разныхъ руководствъ для улучшенія сельскаго хозяйства,—такъ, напр., въ 1835 г. было рекомендовано и разослано предводителямъ дворянства „Наставленіе о заведеніи четвертаго или овощнаго поля“,—и выдачей премій за разныя нововведенія: въ 1842 г. министръ государственныхъ имуществъ предоставилъ въ распоряженіе Московскаго Общества сельскаго хозяйства на 3 года 9 премій для крестьянъ за успѣшное разведеніе картофеля: четыре преміи по 15 руб. и пять—по 25 руб.

Но самымъ важнымъ новымъ явленіемъ въ области земледѣльческой техники, чрезвычайно ярко отражавшимъ въ себѣ вліяніе развивавшагося денежнаго хозяйства и распространявшихся новыхъ формъ хозяйственной дѣятельности, надо признать практическую прививку къ русскому сельскому хозяйству улучшенныхъ пріемовъ обработки земли, расширенія запашекъ, введенія улучшенныхъ сѣмянъ и усовершенствованныхъ орудій, переходъ во многихъ случаяхъ къ промышленному хозяйству, соединенному съ переработкой продуктовъ сельско-хозяйственной производительности въ другой видъ въ томъ же имѣніи, наконецъ, развитіе плодосмѣна и травосѣянія.

Мы уже приводили выше данныя, касающіяся роста русской свеклосахарной промышленности, русскаго сахароваренія въ первой половинѣ XIX столѣтія; эти данныя служатъ первымъ важнымъ признакомъ перехода во многихъ мѣстахъ къ хозяйству промышленному. Другимъ признакомъ того же общаго явленія надо признать ростъ винокуренія. Въ этомъ отношеніи особенно характернымъ являлось малороссійское сельское хозяйство: уже въ 30-хъ годахъ въ Малороссіи хлѣбопашество повсюду соединялось съ винокуреніемъ; не только весь хлѣбъ мѣстнаго производства перерабатывали на мѣстныхъ же винокуренныхъ заводахъ, но съ тою же цѣлью закупали хлѣбъ въ сосѣднихъ великороссійскихъ губерніяхъ, особенно въ Курской.

Переходъ къ травосѣянію, многополью и плодосмѣну со всѣми послѣдствіями его въ области примѣненія машинъ, улучшенныхъ орудій и сѣмянъ, восходитъ своими корнями еще къ XVIII вѣку, именно, къ концу его. Зародыши этихъ новыхъ явленій въ исторіи русской сельскохозяйственной техники можно наблюдать еще у Болотова, въ его каширскомъ имѣніи, а также въ посѣвахъ тимофеевки на подсѣкахъ Вологодской губерніи. Но для этого ранняго времени въ особенности замѣчательны попытки Самборскаго, Бакунина и Бланкеннагеля. Протоіерей Самборскій былъ въ 1797 г. назначенъ главнымъ руководителемъ практической школы земледѣлія при деревнѣ Тярлевой, близъ города Павловска. Здѣсь онъ сдѣлалъ первые опыты примѣненія семипольнаго хозяйства съ такимъ сѣвооборотомъ: 1-е поле—коренья и овощи, 2-е—конопля, 3-е—бобовыя растенія, 4-е—

яровой хлѣбъ съ подсѣвомъ клевера, 5-е и 6-е—клеверъ, 7-е—озимь. Бакунинъ, преемникъ Самборскаго, съ 1799 г. въ дѣлѣ руководительства школою, завелъ въ школѣ и у себя въ имѣніи въ Петербургской губ. пятиполье, упростивъ, такимъ образомъ, слишкомъ сложный сѣвооборотъ Самборскаго. Бланкеннагель устроилъ свое травопольное хозяйство въ сельцѣ Дядинковѣ Звенигородскаго уѣзда Московской губ. въ 1792 г.: въ это время онъ началъ сѣять клеверъ, завелъ шестипольный сѣвооборотъ, а на пріусадебной землѣ даже восьмипольный и велъ свое хозяйство въ такомъ видѣ до самой своей смерти въ 1805 году.

Въ началѣ XIX в. плодосмѣнное хозяйство англійскаго типа не было уже особенно - исключительною рѣдкостью въ помѣщичьихъ имѣніяхъ центральной Россіи: по указанію гр. Ростопчина въ его брошюрѣ „Плугъ и соха“ *многіе* русскіе помѣщики вводили у себя англійское земледѣліе; иностранцы—управляющіе крупными имѣніями большихъ русскихъ баръ, много содѣйствовали такимъ нововведеніямъ: таковъ, напр., былъ Роджерсъ въ подмосковномъ имѣніи гр. Румянцева Кагулъ въ 1800—1815 г.; огородники Царицынской и Нагатинской волостей заимствовали именно изъ этого имѣнія то интенсивное хозяйство, которое существуетъ у нихъ въ настоящее время.

Чѣмъ далѣе мы будемъ подвигаться къ половинѣ XIX в., тѣмъ чаще встрѣтятся намъ свидѣтельства о подъемѣ земледѣльческой техники. Въ 1807 году Левашевъ завелъ у своихъ крестьянъ четырехпольный сѣвооборотъ съ травосѣяніемъ. Въ 1819 г. ту же систему съ чрезвычайнымъ успѣхомъ примѣнилъ въ селѣ Ивановѣ Ярославскаго уѣзда И. И. Самаринъ, причемъ заведенные имъ порядки сохранились безъ перерыва до нашего времени. Еще болѣе смѣлыя попытки были произведены въ 20-хъ годахъ калужскимъ помѣщикомъ Полторацкимъ и тверскимъ Шелеховымъ, причемъ неудачей кончились только опыты Шелехова, Полторацкій же хорошо справился со своей сложной задачей, и примѣръ его создалъ цѣлый рядъ усердныхъ подражателей. Въ авчуринскомъ хозяйствѣ Полторацкаго заведено было четырехполье, котораго держались въ то же время и многіе другіе помѣщики, напр., Фрибе, Апраксинъ, Муравьевъ. Но нѣкоторые шли дальше: такъ, Давыдовъ завелъ очень сложный девятипольный сѣвооборотъ. Въ 30-хъ годахъ мы наблюдаемъ переходные отъ трехполья къ плодосмѣну техническіе пріемы въ имѣніяхъ Соковнина и Титова. Настоящій развитый плодосмѣнъ утвердился въ то же время въ дер. Перовѣ Ярославской губ., арендованной крестьяниномъ Андреемъ Тимофеевичемъ у помѣщика Кушникова, и въ имѣніи Миклашевскаго селѣ Бѣлый Колодезь Новозыбковскаго уѣзда Черниговской губ., гдѣ благодаря переходу отъ трехполья къ плодосмѣнной системѣ, съ примѣненіемъ машинъ, урожайность возросла на 37%. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, наконецъ, наблюдаются крупныя усовершенствованія въ хозяйствѣ петербургскаго помѣщика Де-Ла-Гарде, усвоившаго настоящій плодосмѣнъ, рязанскаго—Семенова, который завелъ систему болѣе интенсивную, чѣмъ простое трехполье,

тульскаго—Хрущева и тверского—Воробьева. Хрущевъ купилъ молотильную машину, вѣялку, сортировку и маслобойку. У Воробьева въ 1857 году было „убрано въ большой сарай“ 194 воза клевера и въ малый сарай 42 воза. Отъ 40-хъ годовъ сохранилось письмо къ нему отъ одного помѣщика съ просьбой продать ему 3 пуда клеверу. Въ 1854 г. помѣщикъ Сонинъ благодарилъ того же Воробьева за снабженіе его сѣменами ньюландской и пенсильванской ржи. По словамъ издателя журнала „Русскій Земледѣлецъ“ проф. Павлова, уже въ 30-хъ годахъ помѣщичьи круги были заняты вопросами земледѣльческой техники: прежде стыдились о нихъ говорить, теперь стыдятся *не* говорить.

Интенсификація системы производства стала проявляться и въ обрабатывающей промышленности, причемъ, разумѣется, главнымъ полемъ ея примѣненія оказалась не кустарная изба, а фабрика. Раньше всего примѣнены были машины въ области хлопчатобумажнаго производства, и въ 40-хъ годахъ техника русской хлопчатобумажной промышленности стояла уже высоко. Ниже стоялъ техническій уровень суконной промышленности, и совсѣмъ слабо развивалась въ смыслѣ пріемовъ обработки желѣзодѣлательная промышленность. Зато въ тѣхъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности, которыя тѣсно связаны съ земледѣліемъ, мы наблюдаемъ въ первой половинѣ XIX вѣка сильный подъемъ техники: это надо сказать особенно о сахароварeніи и винокуреніи, гдѣ паровая сила нашла себѣ раннее и широкое примѣненіе.

Такъ въ нѣдрахъ старой, дореформенной Россіи зарождались новые пріемы хозяйственной дѣятельности, тѣсно связанные съ условіями развивавшагося денежнаго хозяйства и со слагавшимися уже въ жизни свободными формами хозяйственной дѣятельности.

5.

Каждая изъ отмѣченныхъ въ предшествующемъ изложеніи особенностей хозяйственнаго развитія Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка и всѣ эти особенности въ ихъ совокупности повліяли, наконецъ, и на распредѣленіе народнаго дохода между отдѣльными группами населенія.

Развитіе денежнаго хозяйства, какъ мы видѣли, быстро двинуло впередъ обрабатывающую, особенно фабрично-заводскую промышленность, создало въ этой отрасли производства повышенную прибыль на капиталъ и вмѣстѣ, поставивъ на очередь вопросъ о расширеніи свободнаго, вольнонаемнаго труда въ связи съ улучшеніемъ техники народнаго производства, повысило расцѣнку труда, заработную плату фабричныхъ рабочихъ. Ростъ прибыли на капиталъ, занятый въ обрабатывающей промышленности, въ достаточной мѣрѣ характеризуется приведенными уже въ свое время данными о развитіи фабрики и увеличеніи торговаго и промышленнаго капитала въ странѣ. Не подлежитъ сомнѣнію и ростъ заработной платы въ фабричной промышленности. Въ началѣ вѣка эта плата была очень низка: такъ, ткачи на суконныхъ фабрикахъ Московской губерніи получали въ среднемъ въ 1803 г. по 4 р. 50 к.

въ мѣсяцъ (отъ 3 р. до 6 р. 60 к.), на шелковыхъ фабрикахъ отъ 3 р. 75 к. до 7 р. 80 к.; переводя эти цифры на деньги нашего времени, получаемъ въ среднемъ реальную заработную плату въ 6 р. 50 к. въ мѣсяцъ, что̀, несомнѣнно, весьма мало. Нѣсколько выше былъ заработокъ лишь на ситцевыхъ и хлопчатобумажныхъ фабрикахъ, гдѣ онъ доходилъ на наши деньги до 10—16 руб. въ мѣсяцъ. По мѣрѣ приближенія къ половинѣ вѣка наблюдаются два явленія: во-первыхъ, уровень платы во всѣхъ отрасляхъ фабричнаго производства становится одинаковымъ, во-вторыхъ, плата вообще растетъ. Первое изъ этихъ явленій объясняется тѣмъ, что повышенная плата въ хлопчатобумажной промышленности начала вѣка создавалась спеціальными выгодами этой отрасли производства, только что заводившейся въ то время въ Россіи и пользовавшейся особенно дешевымъ тогда матеріаломъ; позднѣе эти выгоды сгладились. Какъ повышалась вообще заработная плата русскихъ рабочихъ въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ, видно изъ исторіи суконныхъ и шелковыхъ фабрикъ: здѣсь нерѣдко заработокъ сталъ доходить до 20 и болѣе рублей въ мѣсяцъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, особенно тогда, когда фабрика была помѣщичьей, бывало, разумѣется, гораздо хуже, но характерно, что и здѣсь предприниматели въ 40-хъ годахъ и позднѣе вынуждались къ уступкамъ, необходимость которыхъ признавалась и мѣстной администраціей и выборными органами дворянскаго сословія. Любопытенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій, напр., фактъ. Въ 1841 г. въ селѣ Жданскомъ-Голушевѣ Бронницкаго уѣзда Московской губ., принадлежавшемъ помѣщику Окулову, была чулочная шелковая фабрика, сдававшаяся въ аренду Казакову. Четверо лучшихъ мастеровъ зарабатывали здѣсь до 20 р. въ мѣсяцъ, а прочіе получали плату отъ 7 до 15 руб., причемъ земледѣліемъ занимались лишь тѣ семьи, въ которыхъ были старики, всѣ же прочіе были исключительно фабричными рабочими. Въ результатѣ—жалобы рабочихъ на скудную плату, о которыхъ исправникъ сообщилъ мѣстному предводителю дворянства, и послѣдній уговорилъ Окулова и Казакова повысить плату.

Повышеніе заработной платы, хотя и гораздо меньшее, можно наблюдать въ изучаемое время и въ сельскомъ хозяйствѣ, поскольку въ немъ примѣнялся вольнонаемный трудъ. Такъ, въ 1805 г. заработная плата сельскохозяйственнаго рабочаго не поднималась выше 30 коп. въ день *на своихъ харчахъ*. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ 30—40 коп. и выше платилось *на харчахъ хозяйскихъ* и лишь своимъ крѣпостнымъ *при этомъ же условіи* помѣщики, какъ, напр., гр. Бобринскій, понижали плату до 23 коп. въ день.

Въ предшествующемъ изложеніи намъ неоднократно приходилось наблюдать, какъ дѣйствительность въ разныхъ сферахъ хозяйственныхъ отношеній перерастала старыя крѣпостныя отношенія, перестраивала, иногда прямо ломала ихъ, во всякомъ случаѣ выставляла на видъ постепенно съ все большей ясностью устарѣлость и нелѣпость крѣпостного права. Нигдѣ, однако, эта устарѣ-

лость и нелѣпость не выступала съ такой ясностью, какъ именно въ распредѣленіи хозяйственныхъ благъ. Конечно, повышеніе спроса на продукты сельскаго хозяйства на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкахъ само по себѣ увеличивало земледѣльческій доходъ, ренту, но помимо этого естественнаго роста мы наблюдаемъ, какъ рента вздувалась искусственно именно вслѣдствіе возможности почти неограниченно эксплуатировать крѣпостныя обязанныя отношенія. Естественный ростъ ренты проявляется въ повышеніи цѣнъ на землю, особенно грандіозномъ на плодородныхъ, недавно заселенныхъ окраинахъ: такъ, въ 70-хъ годахъ XVIII в. казна, раздавая для заселенія свободныя земли въ Курской, Воронежской и Екатеринославской губерніяхъ, получала не болѣе $1^1/_2$ рублей за десятину, а въ концѣ 30-хъ годовъ XIX в. цѣна повысилась здѣсь уже до 100 и болѣе рублей ассигнаціями. При Павлѣ и Александрѣ I въ Оренбургской и Саратовской губ. платили по 3 — 5 руб. за десятину, а спустя 30 — 40 лѣтъ цѣна десятины поднялась здѣсь уже до 30—40 руб.

Но въ повышеніи уровня помѣщичьяго оброка съ крѣпостныхъ крестьянъ нельзя уже видѣть вліяніе одного только повышенія земельной ренты: здѣсь съ большой силой сказалось вліяніе крѣпостного права, открывавшее просторъ для чрезмѣрной эксплуатаціи народной массы владѣльцами крѣпостныхъ душъ. Въ концѣ XVIII в. обычный средній размѣръ оброка былъ 5 руб. съ души, что при переводѣ на деньги 50-хъ годовъ XIX в. составляетъ 7 руб. 50 к. (рубль конца XVIII в.= $1^1/_2$ рублямъ половины XIX-го). Въ половинѣ XIX ст. размѣры оброковъ чрезвычайно сильно увеличились: въ пяти губерніяхъ оброкъ былъ выше 20 р. съ тягла (отъ 20 р. 3 к. до 27 р. 26 к.), въ шести—свыше 19 р., въ восьми—отъ 15 до 18 р., и только въ одной Олонецкой онъ равнялся 12 р. 51 к. Современники, напр., Гакстгаузенъ, свидѣтельствуютъ, что уплачивать такіе оброки крѣпостные крестьяне могли только благодаря подсобнымъ промысламъ и отходу на сторонніе заработки, крестьянское же земледѣліе не могло вынести подобную тяготу. По вычисленію одного хозяина-практика 40-хъ годовъ, въ лучшемъ случаѣ половина крестьянскаго дохода шла на оброки и подати, въ большинствѣ же дѣло обстояло гораздо хуже. Выше было уже указано, какъ эксплуатировали помѣщики трудъ крѣпостныхъ крестьянъ. Эта эксплуатація со стороны барина дополнялась дѣятельностью въ томъ же направленіи со стороны деревенскихъ кулаковъ изъ своей же братіи — крѣпостныхъ: по словамъ одного помѣщика 20-хъ годовъ, вездѣ богачи-кулаки „властвовали“ надъ крестьянами, среди которыхъ „рѣдко видимъ уравнительное и общее благосостояніе“. Правительство неоднократно убѣждалось, что помѣщичьи крестьяне не въ состояніи платить налоги въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ платили ихъ крестьяне государственные. Мало того: казнѣ приходилось постоянно дѣлать значительныя приплаты въ видѣ пособій на прокормленіе голодающаго крѣпостного населенія, а голодовки были тогда обычнымъ, нормальнымъ явленіемъ еще въ большей степени, чѣмъ

теперь. Правительство пыталось прійти на помощь населенію въ этой бѣдѣ и съ этою цѣлью прибѣгало къ разнымъ палліативамъ, неизмѣнно кончавшимся полнѣйшей неудачей и иногда чрезвычайно курьезнымъ. Одной изъ такихъ мѣръ было устройство сельскихъ запасныхъ магазиновъ, для засыпки которыхъ хлѣбомъ рекомендовалось завести общественныя запашки. Но послѣднія совершенно не привились. Такъ, въ Московской губ. въ 1852 г. ихъ совершенно не было въ двухъ уѣздахъ, было мало и находились онѣ въ плохомъ состояніи въ восьми уѣздахъ, и только въ трехъ дѣло было поставлено удовлетворительно. Обыкновенно общественныя запашки обрабатывались весьма плохо, и урожай на нихъ былъ весьма слабъ: большею частью едва собирали посѣянныя сѣмена, въ лучшемъ случаѣ урожай былъ самъдругъ. Къ числу печальныхъ курьезовъ относится стремленіе правительства распространить въ крестьянской средѣ различные сурогаты хлѣба въ качествѣ питательнаго матеріала. Такъ, въ 1822 г. министерство внутреннихъ дѣлъ разослало предводителямъ дворянства нѣсколько тысячъ экземпляровъ брошюръ съ описаніемъ изобрѣтенія аптекаремъ Бранденбургомъ „средства печь хлѣбъ съ примѣсью исландскаго моха“, причемъ въ циркулярѣ министра графа Кочубея было сказано, что „хлѣбъ таковой признанъ не только не вреднымъ, но и выгоднымъ къ пріуготовленію“ и потому долженъ разсматриваться какъ „вспомогательное средство къ прокормленію народа въ случаѣ неурожаевъ“. Другое такое же „вспомогательное средство“ рекомендовано было министерствомъ въ 1840 году: въ это время нѣкто Риттеръ, жившій въ Полтавской губ., нашелъ, что „выжатая на сахарномъ заводѣ свекловица и высушенная вкусомъ и видомъ ближе всего подходитъ къ ржаной мукѣ, а спеченный изъ нея хлѣбъ можетъ быть употребляемъ съ величайшею пользою“.

Понятно, что крѣпостное населеніе, пробавлявшееся за отсутствіемъ ржи исландскимъ мохомъ, выжатой сушеной свекловицей, лебедой и древесной корой, вымирало: извѣстно, что ростъ числа помѣщичьихъ крестьянъ совершенно прекратился въ послѣднее время существованія крѣпостного права; число это даже пошло на убыль.

Разсматривая хозяйственное положеніе Россіи въ 50-хъ годахъ XIX вѣка, мы можемъ такимъ образомъ сказать, что страна находилась въ это время на порогѣ новаго періода экономическаго развитія; намѣчались и всѣ основныя черты этого новаго періода; суммируя ихъ, можно выразить сущность слагавшейся перемѣны однимъ короткимъ, но многозначительнымъ словомъ: капитализмъ.

ГЛАВА V.

Внутренняя политика въ царствованіе Николая Павловича.

(А. А. Кизеветтера).

1.

Задачи и средства правительства императора Николая I.

Широко распространенъ тотъ взглядъ, что внутренняя политика правительства имп. Николая I была безусловно чужда какихъ-либо преобразовательныхъ начинаній, что это была политика застоя par excellence. Этотъ взглядъ не можетъ быть принятъ безъ существенныхъ оговорокъ. Особенность внутренней политики названнаго царствованія заключалась не въ недостаткѣ преобразовательныхъ попытокъ, а скорѣе наоборотъ: въ той самонадѣянности, съ которой правящая бюрократія бралась за разработку широкихъ и коренныхъ государственныхъ задачъ. И если, тѣмъ не менѣе, это царствованіе никогда и никѣмъ не будетъ названо эпохой реформъ, причина тому лежитъ въ своеобразіи пріемовъ и способовъ, посредствомъ которыхъ подготовлялись тогда задуманныя преобразованія и которыя заранѣе обрекали на полное безплодіе всѣ попытки правительства вступить на путь реформаціонной работы.—Врядъ ли кто рѣшится причислить импер. Николая Павловича къ разряду утопистовъ, а между тѣмъ политическая программа его царствованія отличалась чрезвычайной утопичностью. Двѣ несбыточныя идеи лежали въ ея основѣ: 1) мысль о возможности разрѣшенія крупныхъ государственныхъ проблемъ путемъ частичныхъ и нечувствительныхъ измѣненій въ мелкихъ подробностяхъ стараго порядка и 2) надежда провести въ жизнь реформу этого порядка при помощи тѣхъ органовъ, которые сами входили необходимымъ элементомъ въ его составъ. Задумывались реформы, которыя должны были всколыхнуть самыя глубины народной жизни, и при этомъ говорилось, что преобразованіе предстоитъ осуществлять такими мѣрами, которыя „отнюдь не имѣли бы вида какой-нибудь перемѣны". Готовились снимать съ народа цѣпи крѣпостной неволи и ждали разрѣшенія этой великой проблемы отъ сановныхъ бюрократовъ, которые сами выросли цѣликомъ на горбу порабощеннаго крестьянства, а въ то же время всѣ живыя побѣги прогрессивной общественной мысли взнуздывались всезахватывающей полицейской опекой. Нетрудно предугадать, что получалось въ результатѣ подготовки госу-

дарственныхъ преобразованій по такому своеобразному методу. Скрипѣли перья, исписывались горы бумаги, комиссіи и комитеты безпрерывно смѣняли другъ друга, и дѣятельность правящихъ сферъ носила всѣ видимыя черты интенсивной работы. Но эта бумажная работа не получала реальныхъ отраженій на жизненной практикѣ. Ея содержаніе сводилось къ изощренному словесному развитію нѣкоторыхъ предрѣшенныхъ положеній, въ которыхъ каждая сколько-нибудь жизнеспособная мысль всегда была обставлена коварными ограничительными оговорками, лишавшими ее всякаго практическаго значенія.—То былъ непрерывный бюрократическій „бѣгъ на мѣстѣ", подобный тому, который употребляется въ гимнастикѣ и при которомъ люди, дѣятельно двигаясь, никуда не подвигаются. Только привлеченіе къ государственной работѣ живыхъ общественныхъ силъ могло бы придать реальное значеніе преобразовательнымъ попыткамъ правительства, но такое привлеченіе какъ разъ и не входило въ политическую программу Николаевскаго царствованія: первымъ требованіемъ этой программы было отрицаніе всякаго рода общественной самодѣятельности и инициативы и уже затѣмъ вторымъ нумеромъ ставилась подготовка соціальныхъ преобразованій.

Исторія преобразовательныхъ попытокъ въ царствованіе имп. Николая Павловича представляетъ яркій образчикъ безпомощности всесильной на видъ бюрократіи, отгородившейся отъ всякаго общенія съ живыми силами страны.—Обѣ указанныя выше характеристическія черты этой политики—и сознаніе необходимости серьезныхъ преобразованій и боязнь участія общества въ ихъ разработкѣ—выросли изъ одного и того же зерна, глубоко запавшаго въ душу имп. Николая. То было — 14 декабря 1825 г.—Событіе, разыгравшееся въ этотъ знаменательный день на Сенатской площади Петербурга, не выходило изъ головы императора въ теченіе всей его жизни. Оно произвело на государя двойственное впечатлѣніе. Съ одной стороны, онъ былъ потрясенъ готовностью тайныхъ Обществъ прибѣгнуть къ чисто революціоннымъ средствамъ для достиженія своихъ цѣлей, и съ этого времени во всякомъ, хотя бы самомъ невинномъ, проявленіи общественной инициативы ему уже чудился призракъ кроваваго переворота. Отсюда развился тотъ невыносимый полицейскій гнетъ, который нависъ надъ русскимъ обществомъ на все 30-лѣтіе Николаевскаго царствованія. Но, съ другой стороны, декабрьское возмущеніе и вызванное имъ разслѣдованіе дѣятельности тайныхъ Обществъ не могло не обнажить передъ глазами правительства картины глубокихъ политическихъ недуговъ, подтачивавшихъ благосостояніе Россіи. Сами декабристы позаботились о томъ, чтобы общественное значеніе ихъ дѣла вскрылось какъ можно ярче на учиненномъ надъ ними судѣ. Для себя лично они уже не ожидали ни снисхожденія, ни справедливости отъ своихъ судей, въ гражданское мужество и безпристрастіе которыхъ они не имѣли основанія вѣрить. Но, чувствуя себя во власти этихъ судей, передъ лицомъ самой смерти они не переставали заботиться о Россіи.

Пусть—думали они—хотя бы косвенно, чрезъ фильтръ Слѣдственной Комиссіи дойдетъ до престола голосъ правды о вопіющихъ нуждахъ русской земли и, можетъ быть, кое-что изъ того, что не удалось осуществить путемъ переворота, выполнитъ впослѣдствіи сама самодержавная власть. Движимые этою мыслью, декабристы вставляли въ свои показанія на слѣдствіи обширныя разсужденія о причинахъ царящаго въ Россіи неустройства и о тѣхъ преобразованіяхъ, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, нуждалась страна. Много краснорѣчиваго было ими сказано—напр.—объ ужасахъ крѣпостного права и о чудовищныхъ злоупотребленіяхъ администраціи. На личномъ допросѣ у государя нѣкоторые изъ нихъ ловили всякую удобную минуту, чтобы сообщить царю какую-либо изъ своихъ завѣтныхъ идей. Наконецъ, нѣкоторые декабристы обращались къ государю изъ крѣпости съ письмами, въ которыхъ опять-таки говорилось о необходимыхъ преобразованіяхъ *). Внимательное и непредубѣжденное ознакомленіе со всѣми этими устными и письменными заявленіями декабристовъ должно было бы внушить правительству высокое представленіе о мужественномъ и безкорыстномъ патріотизмѣ ихъ авторовъ. И у насъ есть нѣкоторыя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что правительство склонно было признать въ заявленіяхъ декабристовъ голосъ политической мудрости. Дѣлопроизводителю Слѣдственной Комиссіи Боровкову поручено было составить изъ писемъ и записокъ декабристовъ о внутреннемъ положеніи Россіи систематическій сводъ для представленія государю. Эта работа дѣйствительно была выполнена. Государь оставилъ сводъ у себя въ кабинетѣ, одинъ списокъ съ него сообщилъ цесаревичу Константину, другой—предсѣдателю комитета министровъ кн. Кочубею. Впослѣдствіи Кочубей говорилъ Боровкову: „Государь часто просматриваетъ вашъ любопытный сводъ и черпаетъ изъ него много дѣльнаго, да и я часто къ нему прибѣгаю".—Этотъ сводъ былъ представленъ и комитету 6 декабря 1826 г., въ которомъ обсуждались проекты государственныхъ преобразованій, и о которомъ будетъ подробно разсказано въ своемъ мѣстѣ. Комитетъ, заслушавъ сводъ въ засѣданіи 27 марта 1827 г., въ своемъ „заключеніи" призналъ, что въ сводѣ „содержатся многія истины, на кои правительство отчасти обратило уже вниманіе", и положилъ „извлечь изъ сихъ свѣдѣній возможную пользу при будущихъ трудахъ своихъ", хотя и прибавилъ при этомъ, соблюдая бюрократическое приличіе, что въ показаніяхъ злоумышленниковъ существующее дѣйствительно зло весьма увеличено, чего и ожидать надлежало отъ людей, желавшихъ прикрыть свой умыселъ благовиднымъ предлогомъ"*).

Въ запискахъ Боровкова приведенъ полный текстъ этого свода, что

*) Статья В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII-го и первой половинѣ XIX в." въ сборникѣ „Крестьянскій строй", т. I, стр. 237—241.

*) Бумаги комитета 1826 г. въ Сборникѣ Историч. Общества, т. 74, стр. 94.

и даетъ намъ возможность составить понятіе о томъ, въ какой формѣ и въ какомъ объемѣ достигли престола думы, волновавшія декабристовъ и открывшія имъ путь частью на эшафотъ, частью—въ казематы Сибири.

Во введеніи къ своду *) очень кратко, но совершенно правильно указаны причины всеобщаго недовольства существующимъ порядкомъ. Либеральныя начинанія первыхъ лѣтъ Александровскаго царствованія развязали языки и возбудили надежды: „Всѣ свободно говорили, что думали, и по многому хорошему ждали еще лучшаго". Затѣмъ патріотическая борьба съ Наполеономъ пробудила народное самосознаніе и взрастила въ сердцахъ чувство самоуваженія и независимости. Народъ возропталъ усиленно противъ крѣпостной неволи: „Мы проливали кровь за спасеніе отечества—говорили возвратившіеся по домамъ ратники — а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ; мы избавили родину отъ тирана, а насъ опять тиранятъ господа"! — Образованное общество мечтало о водвореніи въ Россіи политической свободы. „Войска отъ генераловъ до солдатъ, пришедши въ отечество, только и толковали, какъ хорошо въ чужихъ краяхъ". Обѣщаніе дать Россіи конституцію, провозглашенное императоромъ при открытіи Варшавскаго сейма, было принято обществомъ, какъ лучъ сладкой надежды. И послѣ всего этого рѣзкій поворотъ правительственнаго курса смутилъ и ожесточилъ передовыхъ людей, а пущенная въ ходъ система усиленнаго шпіонства заставила ихъ разговаривать болѣе скрытно и тѣмъ тѣснѣе сближаться другъ съ другомъ. Репрессія сверху породила конспирацію снизу. Глубокое разстройство всѣхъ сторонъ государственной жизни питало общественное недовольство. Въ цѣломъ рядѣ пунктовъ свода перечисляются далѣе главнѣйшія изъ этихъ неустройствъ. *Законы*, полные противорѣчій, не приведены въ систему, отчего „сильные и ябедники торжествуютъ, а бѣдность и невинность страждутъ". *Судопроизводство* страдаетъ сложностью, многочисленностью инстанцій, волокитой и лихоимствомъ. *Система управленія* представляетъ полное искаженіе правильныхъ началъ; губернскія учрежденія Екатерины II извращены—губернаторы и генералъ-губернаторы хозяйничаютъ въ областяхъ, какъ настоящіе сатрапы; центральное управленіе утратило единство и представляетъ нестройную громаду; сенатъ, это хранилище законовъ, блюститель правосудія и благоустройства, обращенъ въ простую типографію, подчиненную каждому лицу, пользующемуся довѣренностью монарха; система министерствъ привела къ полному отсутствію гласности въ дѣлопроизводствѣ и къ постоянному прикрытію злоупотребленій формальной обрядностью; въ результатѣ—произволъ восторжествовалъ по всей линіи. *Жалованье чиновникамъ* распредѣляется крайне неравномѣрно, наряду съ огромными окладами замѣстителей разныхъ синекуръ громадная масса приказныхъ обречена работать съ утра до вечера за 30 или 40 р. ассигнаціями въ годъ. *Земскія повинности*, изнурительныя для населенія, взи-

*) Русская Старина, 1898 г., т. 96, стр. 353—362.

маются безъ всякихъ формъ, безъ всякой повѣрки, безъ всякаго учета. Наложеніе этихъ повинностей предоставляется всецѣло усмотрѣнію мѣстныхъ властей: „Стоило губернатору пожелать награды, и вся губернія, стеная, вынуждена была приносить величайшія пожертвованія". *Выбиваніе недоимокъ* приводитъ населеніе къ полному оскудѣнію и упадку духа.

Казенное хозяйство—лишено планомѣрности и исполнено хищеній; искусно составляемые отчеты не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ положеніемъ финансовъ; господство казенныхъ монополій подрываетъ промышленность, разоряетъ и развращаетъ народъ. *Торговля* разстроена неустойчивостью тарифной политики. *Состояніе флота* сводится къ отсутствію флота: „корабли ежегодно строились, отводились въ Кронштадтъ и нерѣдко гнили, не сдѣлавъ ни одной кампаніи. Итакъ, переводится послѣдній лѣсъ, тратятся деньги, а флота нѣтъ". *Дворяне-помѣщики и крѣпостные крестьяне* живутъ въ ужасныхъ условіяхъ. Помѣщики неистовствуютъ надъ своими крестьянами, „продавать въ розницу семьи, похищать невинность, развращать крестьянскихъ женъ считается ни во что, что и дѣлается явно, не говоря уже о тягостномъ обремененіи барщиною и оброками". *Духовенство* сельское предано пьянству и не имѣетъ никакого нравственнаго авторитета. *Купечество* находится въ угнетенномъ положеніи, оно страдаетъ и отъ торговопромышленнаго кризиса послѣ 1812 г., расшатавшаго многія состоянія, и отъ стѣснительныхъ узаконеній: права, облагораживающія гражданъ, присвоены закономъ не лицу, а капиталу, и потому добродѣтельный, но бѣдный купецъ остается въ низшемъ званіи, тогда какъ безчестный, но богатый, объявя капиталъ, получаетъ права, равняющія его съ знатнѣйшимъ дворянствомъ. *Казенные крестьяне*, отданные въ полную власть земской полиціи, уѣздныхъ судовъ и губернскихъ правленій, совершенно разоряются частыми набѣгами чиновниковъ. Никто о нихъ не печется, никто не отвѣтствуетъ за ихъ благосостояніе. Сводъ заканчивается знаменательнымъ заключеніемъ, въ которомъ указаны многочисленныя трудныя и сложныя задачи, предстоящія правительству: „надобно даровать ясные, положительные законы, водворить правосудіе учрежденіемъ кратчайшаго судопроизводства, возвысить нравственное образованіе духовенства, подкрѣпить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами въ кредитныхъ учрежденіяхъ, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвѣщеніе юношества сообразно каждому состоянію, улучшить положеніе земледѣльцевъ, уничтожить унизительную продажу людей, воскресить флотъ, поощрить частныхъ людей къ мореплаванію, словомъ — исправить *неисчисленные безпорядки и злоупотребленія*".

Такими чертами изображено было на основаніи показаній декабристовъ внутреннее состояніе Россіи. Даже и подъ перомъ благонамѣреннаго чиновника, какимъ былъ составитель свода, картина эта сохранила достаточную долю выразительности. Глубокія, коренныя реформы, об-

нимающія всѣ стороны государственнаго быта, — вотъ что выдвигалось на очередь жизненными потребностями Россіи. Сопоставленіе заключенія свода съ его введеніемъ должно было навести на мысль, что всѣ указанныя реформы могли быть осуществлены лишь при помощи благомыслящихъ передовыхъ представителей самаго общества. Но, какъ уже было сказано, правительство имп. Николая Павловича разъ навсегда отказалось отъ услугъ общественной самодѣятельности. Лучшіе люди земли были посланы на эшафотъ и за Уралъ, а выполненіе выставленной ими программы преобразованій было возложено на сановниковъ, или цѣликомъ вскормленныхъ бюрократической рутиной, или уже утратившихъ подъ ударами жизненныхъ превратностей былую смѣлость независимой мысли. Подъ покровомъ тайны, среди безгласнаго общества пошли черепашьимъ ходомъ правительственныя работы.

Устраняя общество отъ обсужденія государственныхъ вопросовъ и, тѣмъ болѣе, отъ всякаго участія въ нихъ разрѣшеніи, правительство Николая I переносило то же недовѣріе и мнительную подозрительность даже и на высшія государственныя учрежденія. Достаточно сказать, что самъ государственный совѣтъ тщательно былъ оберегаемъ отъ ознакомленія съ нѣкоторыми государственными тайнами. Внесеніе дѣла въ государственный совѣтъ почиталось уже опаснымъ шагомъ въ смыслѣ возможнаго разглашенія въ публикѣ офиціальныхъ „предначертаній“ и—напр.—для сокрытія истинныхъ размѣровъ государственнаго дефицита въ государственный совѣтъ на обсужденіе вносились завѣдомо подтасованныя бюджетныя росписи*). Правительство пряталось не только отъ общества, но и отъ своихъ собственныхъ органовъ. Для обсужденія плановъ государственныхъ нововведеній ради избѣжанія огласки примѣнялся особый аппаратъ такъ называемыхъ „*секретныхъ комитетовъ*“. Здѣсь претендовавшее на всемогущество *правительство прибѣгало къ пріемамъ настоящихъ* заговорщиковъ для сокрытія своихъ замысловъ. Иногда такимъ комитетамъ умышленно присваивалось названіе, совершенно несоотвѣтствовавшее настоящему предмету ихъ работъ. Такъ, когда въ 1839 г. былъ учрежденъ комитетъ по вопросу объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ, ему было присвоено „съ цѣлью отклоненія всѣхъ подозрѣній и догадокъ“ вымышленное названіе „комитета для уравненія земскихъ повинностей въ западныхъ губерніяхъ“!**). Тайна этихъ комитетовъ должна была соблюдаться даже для тѣснаго круга тѣхъ сановниковъ, которые сами участвовали въ подобныхъ работахъ, но почему-либо не были назначены въ данный комитетъ. Такъ, когда комитету 6 декабря,—о которомъ см. ниже—явилась надобность выслушать по нѣкоторымъ вопросамъ мнѣніе министра финансовъ Канкрина, не состоявшаго въ числѣ членовъ комитета, государь разрѣшилъ пригласить туда

---

*) Бліохъ—Финансы Россіи.

**) Такъ свидѣтельствуетъ участникъ работъ комитета баронъ Корфъ. Сборникъ Истор. Общества, т. 98, стр. 107.

названнаго министра на нѣсколько засѣданій, но „отнюдь не открывая ему о существованіи комитета 6-го декабря"*). И гр. Канкринъ дѣйствительно засѣдалъ въ комитетѣ, не зная или дѣлая видъ, что не знаетъ, гдѣ онъ находится. Ему было сказано, что онъ приглашенъ въ отдѣльное совѣщаніе, якобы созванное *только* по тому вопросу, по которому понадобилось его заключеніе. Могла ли итти дальше оригинальная конспирація въ практикѣ государственныхъ совѣщательныхъ собраній?!

Общій характеръ дѣятельности всѣхъ этихъ совѣщаній по разработкѣ государственныхъ преобразованій ярко обрисовывается въ слѣдующемъ разговорѣ двухъ членовъ такихъ собраній, переданномъ однимъ изъ участниковъ разговора, тѣмъ же бар. Корфомъ. При разъѣздѣ съ засѣданія одного изъ такихъ комитетовъ нѣкто сказалъ Корфу: „Въ томъ-то и бѣда наша: коснуться *одной* части считаютъ невозможнымъ, не потрясая цѣлаго, а коснуться *цѣлаго* отказываются потому, что, дескать, опасно тронуть 25 милліоновъ народу. Какъ же изъ этого вытти?"—„Очень просто—отвѣчалъ Корфъ — не трогать ни части, ни цѣлаго; такъ мы, можетъ быть, долѣе проживемъ!"**). По возможности ничего не трогать—таковъ и былъ въ дѣйствительности завѣтный лозунгъ сановныхъ реформаторовъ, засѣдавшихъ въ секретныхъ комитетахъ при Николаѣ Павловичѣ. Этотъ лозунгъ не былъ выставляемъ на видъ, но онъ неизмѣнно чувствуется во всѣхъ благожелательныхъ періодахъ канцелярской риторики, которыми наполнялись журналы засѣданій упомянутыхъ комитетовъ. Самъ императоръ охотно шелъ навстрѣчу всякому намеку на желательность ограниченія предполагаемыхъ преобразованій болѣе узкими предѣлами и легко становился на ту точку зрѣнія, что „обсужденіе" реформъ не должно завершаться ихъ „осуществленіемъ". Все это не могло, конечно, способствовать производительности преобразовательныхъ начинаній Николаевскаго правительства.

*) Сборн. Ист. Общ., т. 74, стр. 335, примѣч. 2.

**) Сборн. Истор. Общ., т. 98, стр. 237.

2.

Комитетъ 6 декабря.

Длинный рядъ секретныхъ комитетовъ, дѣйствовавшихъ въ царствованіе Николая Павловича, открылся такъ называемымъ комитетомъ 6 декабря. —Онъ былъ учрежденъ 6 декабря 1826 г. и проработалъ до 1832 г. По нѣкоторымъ соображеніямъ мы считаемъ необходимымъ остановиться съ извѣстной подробностью на работахъ этого комитета. Во-первыхъ, его работы очень полно освѣщены изданными въ печати журналами его засѣданій**).—Во-вторыхъ, въ этомъ первомъ по времени комитетѣ программа задуманныхъ преобразованій была поставлена всего шире и систематич-

**) Сборн. Ист. Общ., т.т. 74 и 90.

нѣе. Всѣ послѣдующіе комитеты разрабатывали лишь отдѣльныя части этой програмы, почти не сходя съ той почвы, на которую онѣ были поставлены въ комитетѣ 6 декабря. Отправныя точки зрѣнія и пріемы обсужденія государственныхъ вопросовъ, усвоенные названнымъ комитетомъ, послужили характеристическимъ образцомъ для всѣхъ совѣщательныхъ собраній Николаевскаго царствованія.

Комитетъ былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ гр. Кочубея, членами комитета были назначены— гр. Толстой, Васильчиковъ, кн. Голицынъ, бар. Дибичъ, Сперанскій и въ качествѣ дѣлопроизводителя — Блудовъ. Комитету было поручено 1) обозрѣть разныя предположенія, найденныя въ бумагахъ покойнаго императора, 2) по связи этихъ предположеній со всѣми почти важнѣйшими предметами управленія обозрѣть всѣ части управленія и намѣтить правила къ лучшему ихъ устройству. Разсмотрѣніе проектовъ, найденныхъ въ кабинетѣ покойнаго императора, заняло не много времени. Покончивъ довольно быстро съ этими проектами, комитетъ перешелъ къ чтенію существующихъ положеній о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ—государственномъ совѣтѣ, сенатѣ и министерствахъ, причемъ по мѣрѣ чтенія намѣчались желательныя измѣненія въ этихъ положеніяхъ. Далѣе комитетомъ былъ разсмотрѣнъ и съ нѣкоторыми измѣненіями принятъ проектъ новаго устройства мѣстнаго управленія, составленный Сперанскимъ. Наконецъ, комитетъ выработалъ проектъ „закона о состояніяхъ“, въ которомъ были намѣчены нѣкоторыя измѣненія въ юридическомъ положеніи различныхъ сословій. Главной рабочей силой комитета явился Сперанскій. Его перу принадлежали обширные записки и проекты, которые легли въ основаніе принятыхъ комитетомъ предположеній.—Ошибочно было бы принять имя Сперанскаго за ручательство глубины и широты преобразовательныхъ идей, восторжествовавшихъ въ комитетѣ. Самъ Сперанскій не былъ уже въ это время тѣмъ смѣлымъ реформаторомъ, какимъ онъ явился нѣкогда въ періодъ фавора при Александрѣ I. Все, выходящее изъ-подъ его пера, попрежнему было отмѣчено блескомъ удивительнаго техническаго мастерства въ формулированіи сложныхъ вопросовъ. Но былая смѣлость мысли въ его построеніяхъ смѣнилась теперь заботливымъ стремленіемъ къ охранѣ существующихъ отношеній. Онъ уже не предлагалъ коренныхъ реформъ, всѣ усилія его изобрѣтательности были направлены на сооруженіе отдѣльныхъ заплатъ для ветхаго рубища стараго государственнаго порядка. Вотъ почему участіе Сперанскаго въ комитетѣ 6 декабря ни въ чемъ не могло измѣнить общаго тона комитетскихъ работъ, неизмѣнно направлявшихся на то, чтобы свести на нѣтъ результаты предпринятаго пересмотра государственнаго устройства Россіи.—Въ журналѣ одного изъ засѣданій комитетъ ясно высказалъ ту мысль, что онъ ставитъ цѣлью своихъ трудовъ „не полное измѣненіе существующаго порядка управленія, но его усовершеніе посредствомъ нѣкоторыхъ частныхъ перемѣнъ и дополненій“ *).—Эта мысль послѣдова-

*) Сборн. Ист. Общ., т. 74, стр. 264.

но-

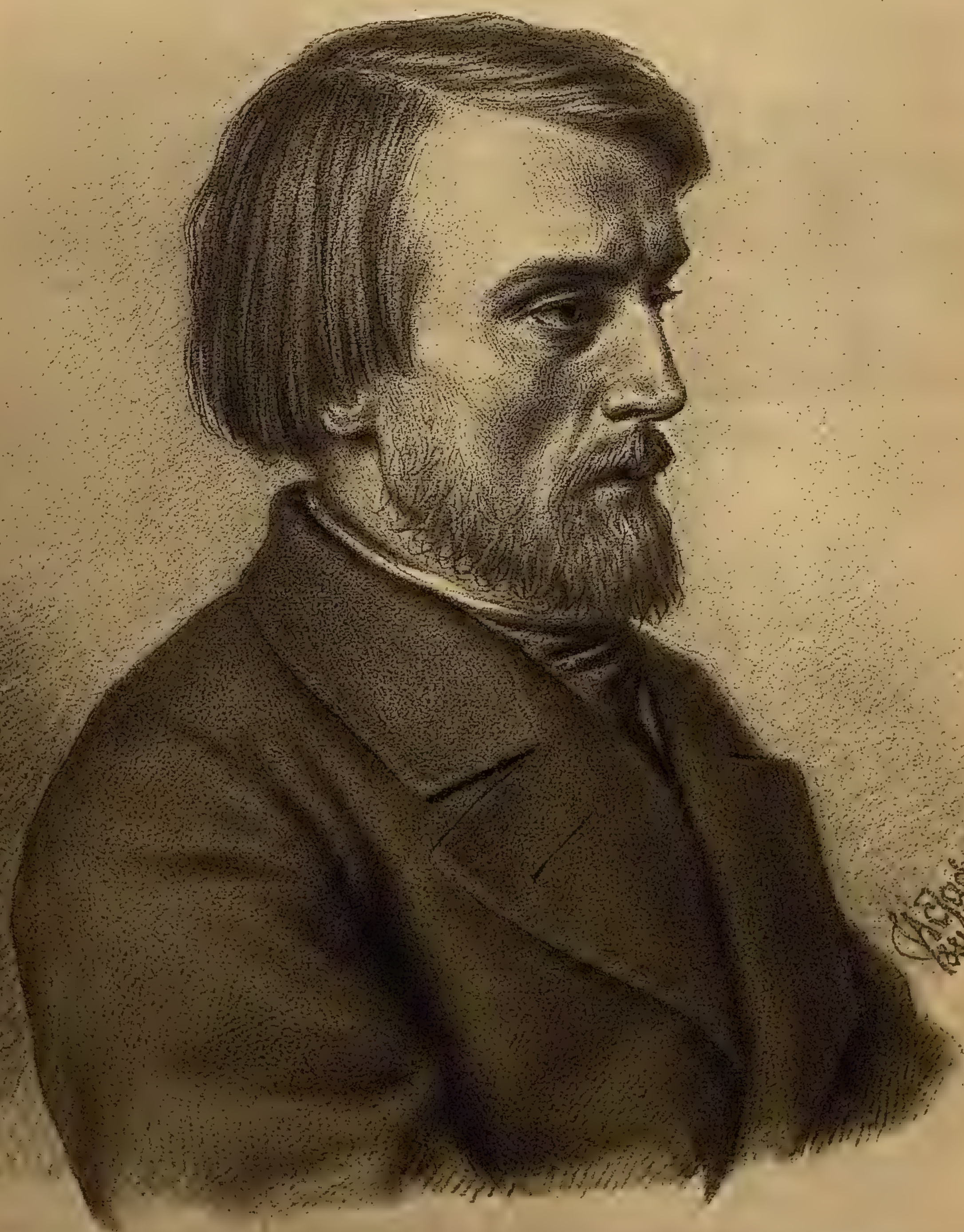
17

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

Съ рисунка И. А. Астафьева.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

тельно была проведена черезъ всѣ работы комитета, какъ по отношенію къ переустройству государственныхъ учрежденій, такъ и по отношенію къ пересмотру положенія о сословіяхъ.

Въ основаніе пересмотра „Положеній“ о государственныхъ учрежденіяхъ комитетъ поставилъ принципъ раздѣленія властей, принятый имъ, впрочемъ, въ весьма своеобразной формулировкѣ, по которой выходило, что осуществленіе этого принципа органически связано съ самодержавіемъ монарха. Необходимость разграниченія властей комитетъ объяснилъ себѣ тѣмъ, что „государь, будучи самодержавнымъ, не ввѣряетъ никому власти во всемъ пространствѣ ея, но употребляетъ отдѣльно удостоенныя довѣренности его мѣста и лица *или* для совѣщаній при составленіи новыхъ и пересмотрѣ прежде изданныхъ узаконеній, *или* для приведенія въ исполненіе обнародованныхъ законовъ, *или* для наблюденія за точностью и правильностью сего исполненія“ *). Комитетъ справедливо полагалъ, что строй государственныхъ учрежденій Россіи представляетъ собою картину полнаго смѣшенія властей—судныя дѣла нерѣдко поступали въ комитетъ министровъ и въ государственный совѣтъ, а, съ другой стороны, сенатъ помимо отправленія судебныхъ функцій входилъ и въ дѣла правительственныя **). Комитетъ поставилъ себѣ задачей привести точныя разграничительныя линіи между компетенціей различныхъ государственныхъ установленій. При этомъ предполагалось оставить государственному совѣту только законосовѣщательныя функціи.—Функціи верховнаго судилища сосредоточить въ судебномъ сенатѣ, а дѣла управленія, раздѣленныя между сенатомъ и комитетомъ министровъ, ввѣрить особому правительствующему сенату, составленному изъ главныхъ начальниковъ разныхъ частей управленія и другихъ лицъ, удостоенныхъ особой довѣренности монарха, причемъ комитетъ министровъ подлежалъ бы полному упраздненію *). Всѣ измѣненія, намѣченныя затѣмъ комитетомъ въ дѣйствующихъ положеніяхъ о высшихъ государственныхъ установленіяхъ, и сводились либо къ чисто техническимъ и редакціоннымъ поправкамъ, либо къ болѣе точному разграниченію вѣдомствъ на вышеуказанныхъ основаніяхъ. Комитетъ обнаружилъ при этомъ удивительное мастерство по части подмѣны принципіальныхъ нововведеній чисто формальными, наружными измѣненіями, въ существѣ дѣла ничего не измѣнявшими въ положеніи вещей. Нерѣдко самъ императоръ въ своихъ заключеніяхъ по журналамъ комитета дѣлалъ отмѣтки, выражавшія недоумѣніе передъ словесными фокусами, съ помощью которыхъ комитетъ подъ видомъ чего-то новаго узаконялъ старый порядокъ, только что имъ самимъ обстоятельно и убѣдительно раскритикованный.

Я не буду останавливаться на тѣхъ предложеніяхъ комитета, которыя носили характеръ чисто техническихъ или редакціонныхъ поправокъ къ тексту старыхъ законовъ. Я отмѣчу только тѣ предложенныя ко-

*) Ibid., стр. 7.
**) Ibid., стр. 9.

*) Ibid., стр. 9.

митетомъ перемѣны, которыя исходили изъ принципіальныхъ соображеній комитета. Мы увидимъ на этихъ примѣрахъ, къ чему сводилось „принципіальное“ преобразовательное творчество сановныхъ совѣтниковъ имп. Николая I.

Разсматривая учрежденіе государственнаго совѣта, комитетъ призналъ необходимымъ освободить это законосовѣщательное учрежденіе отъ всякихъ судебныхъ и правительственныхъ функцій. Для этой цѣли комитетъ постановилъ категоричнѣе и яснѣе выразить то правило, что „государственный совѣтъ никогда не судитъ дѣлъ частныхъ и всѣ свои заключенія представляетъ въ видѣ закона или учрежденія для разрѣшенія не въ одномъ случаѣ, а во всѣхъ однородныхъ“ *). Но одно дѣло—„установленіе правила“, другое дѣло—„*приложеніе онаго*“. Комитетъ 6 декабря строго различалъ эти два понятія, и если „правило объ отдѣленіи части судной отъ законодательной единогласно признано было въ комитетѣ неоспоримымъ“, то, съ другой стороны, „относительно къ приложенію онаго разсуждаемо было“, что это „неоспоримое правило“ полнаго осуществленія получить не можетъ. Какъ быть съ тѣми дѣлами, которыя раньше восходили изъ сената на разрѣшеніе государя чрезъ государственный совѣтъ? Направлять эти дѣла изъ сената прямо государю, минуя государственный совѣтъ? По мнѣнію комитета, это было бы рисковано „при нынѣшнемъ неустройствѣ части судной“ (несмотря на то, что и „судная часть“ должна была подвергнуться переустройству

*) Ibid., стр. 28.

въ томъ же самомъ комитетѣ). Попрежнему вносить такія дѣла на разсмотрѣніе государственнаго совѣта? Но это было бы нарушеніемъ только что провозглашеннаго начала разграниченія вѣдомствъ. И вотъ комитетъ придумываетъ слѣдующую комбинацію: разсмотрѣніе докладовъ, подносимыхъ государю отъ сената, не поручать впредь государственному совѣту, дабы устранить изъ него дѣла судныя, но учредить для этого особую комиссію изъ членовъ государственнаго же совѣта съ тѣмъ однако, чтобы она была внѣ совѣта!*)

Императоръ въ своей резолюціи на это предложеніе справедливо замѣтилъ, что порядокъ разсмотрѣнія не измѣнится отъ того, будетъ ли проектируемая комиссія значиться „въ совѣтѣ“ или „внѣ совѣта“. Съ своей стороны государь предложилъ учредить такую комиссію при совѣтѣ, но зато предписать ей такія правила, чтобы она не могла обратиться въ судебную инстанцію, а ограничивалась бы лишь составленіемъ заключеній по докладамъ сената **). Такъ, судебныя дѣла и не были окончательно вынесены изъ круга занятій государственнаго совѣта въ составленныхъ комитетомъ проектахъ.

Вопросъ объ отношеніи государственнаго совѣта къ дѣламъ текущаго *управленія* приводилъ комитетъ къ многократнымъ сужденіямъ о разграниченіи правъ совѣта, сената и министровъ. Принятое комитетомъ начало „раздѣленія вѣдомствъ“ требовало, съ одной стороны, полнаго исключенія изъ компетенціи совѣта дѣлъ, принадлежащихъ до „прави-

*) Ibid., стр. 20.
**) Ibid., стр. 22—23.

тельственной части", а съ другой стороны,—полнаго запрещенія измѣнять, дополнять и даже толковать законы кому бы то ни было помимо государственнаго совѣта. Однако послѣдовательное примѣненіе этого правила влекло за собой, по авторитетному указанію Сперанскаго, большія практическія неудобства. Пользуясь имъ, и министры, и сенатъ всякое малѣйшее сомнѣніе, встрѣченное при исполненіи закона, предпочитаютъ вносить въ совѣтъ, теченіе дѣлъ останавливается, и количество дѣлъ нерѣшенныхъ — иногда по самымъ маловажнымъ спорамъ — накопляется до чрезмѣрности. Комитетъ задался цѣлью изыскать такой способъ разграниченія функцій различныхъ учрежденій, который бы устранялъ указанныя неудобства и въ то же время предохранялъ отъ своевольнаго толкованія законовъ. Подъ диктовку изощреннаго въ юридическомъ мышленіи Сперанскаго комитетъ положилъ различить *законы* — какъ совокупность правилъ, опредѣляющихъ отношенія подданныхъ къ правительству и другъ къ другу, *учрежденія* — какъ правила, опредѣляющія цѣль и кругъ дѣйствія правительственныхъ мѣстъ, и *уставы* — правила, опредѣляющія формы и порядокъ сихъ дѣйствій. При такомъ различеніи было предположено—*дополненіе законовъ* предоставить исключительно государственному совѣту; *объясненіе законовъ* безъ всякихъ дополненій — сенату, какъ верховному судилищу. Министры, не имѣя права ни дополненія, ни объясненія *законовъ*, получили дозволеніе *какъ объяснять, такъ и дополнять учрежденія и уставы*, наблюдая только, чтобы дополненіе и объясненіе не было противно цѣли этихъ учрежденій и уставовъ. Наконецъ, сужденіе объ уничтоженіи или ограниченіи какъ законовъ, такъ и учрежденій и уставовъ, было предоставлено опять-таки исключительно государственному совѣту *). Впослѣдствіи комитетъ счелъ однако нужнымъ и дополненіе учрежденій и уставовъ обставить болѣе стѣснительными правилами. Министрамъ было оставлено право только *объяснять* учрежденія и уставы, *дополненіе* ихъ, но лишь для опредѣленнаго единичнаго случая безъ обращенія въ общее правило, предоставлено правительствующему сенату и наконецъ дополненія общаго и постояннаго характера— только государственному совѣту **).

Надо отдать справедливость и тонкости всѣхъ этихъ различеній и тому усердію, съ которымъ члены комитета готовы были витать въ области отвлеченныхъ юридическихъ построеній. Приходится добавить только, что при установленіи столь дробныхъ и тонкихъ подраздѣленій надлежало бы подумать и о соотвѣтствующихъ реальныхъ гарантіяхъ для точнаго соблюденія всѣхъ этихъ правилъ. Никакихъ намековъ на подобныя гарантіи мы не встрѣчаемъ въ разсужденіяхъ комитета. Въ журналахъ комитета нѣсколько разъ выражена та мысль, что во избѣжаніе нарушенія вышеизложенныхъ правилъ необходимо сколь возможно яснѣе опредѣлить и разграничить въ законѣ понятія *объясненія* и *дополненія* законодательныхъ постановле-

*) Ibid., стр. 25—26.
**) Ibid., стр. 64, 188.

ній, и комитетъ удѣлилъ не мало вниманія логическимъ и стилистическимъ упражненіямъ на эту тему. Но всякій разъ, когда разсужденія подходили къ вопросу о реальныхъ политическихъ гарантіяхъ независимости властей и охраненія силы закона, комитетъ либо снималъ вопросъ съ очереди, ссылаясь на опасность коренныхъ перемѣнъ въ прежнемъ порядкѣ, либо удовлетворялся мѣрами, не имѣвшими никакого практическаго значенія. Мы сейчасъ увидимъ примѣры и того и другого въ разсужденіяхъ комитета объ устройствѣ судебнаго и правительствующаго сенатовъ и министерствъ.

Въ сужденіяхъ комитета о сенатѣ судебномъ наибольшій интересъ представляютъ два пункта: о личномъ составѣ судебнаго сената и о независимости суда. По первому вопросу комитетъ прежде всего обратилъ вниманіе на крайне неудовлетворительный составъ сенаторовъ. „Сенатъ—сказано въ одномъ изъ журналовъ комитета — нерѣдко наполняется людьми, не имѣющими навыка въ дѣлахъ гражданскихъ, не знающими ни отечественныхъ законовъ, ни даже языка,—такими, кои никогда не готовили себя къ званію судіи и всю жизнь свою провели на иномъ поприщѣ“ и, „ставъ членами верховнаго судилища въ преклонныхъ лѣтахъ, часто должны невольно подчинять себя вліянію товарищей своихъ или канцеляріи“. Причину этого печальнаго явленія комитетъ видѣлъ въ томъ, что правительство было крайне стѣснено въ подборѣ способныхъ и достойныхъ сенаторовъ правиломъ объ опредѣленіи въ сенатъ однихъ только дѣйствительныхъ тайныхъ и просто тайныхъ совѣтниковъ. Какъ видно изъ даннаго примѣра, комитетъ могъ подчасъ весьма ярко очертить недостатки стараго строя и даже правильно указать причину этихъ недостатковъ. Оставалось отыскать средство къ устраненію зла. Тутъ-то и развертывалось во всемъ блескѣ глубокомысліе сужденій комитета. — Припомнивъ, что въ проектѣ Сперанскаго 1811 года предполагалось опредѣлять нѣкоторое число сенаторовъ по избранію дворянства, комитетъ безъ дальнихъ разсужденій и безъ всякихъ мотивовъ „отмѣнилъ сіе предположеніе“ и вмѣсто того остановился на другомъ способѣ: по мнѣнію комитета, всѣ указанные недостатки должны были исчезнуть, если назначать въ судебный сенатъ не только дѣйствительныхъ тайныхъ и тайныхъ, но также и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ! — Впрочемъ, опасаясь, чтобы столь рѣшительная мѣра не взволновала общество, комитетъ предложилъ далѣе не присваивать этимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ наименованія сенаторовъ, а именовать ихъ „присутствующими“, предоставляя имъ однако совершенное равенство съ сенаторами въ сужденіи дѣлъ и въ поданіи голосовъ, *)— одна изъ тѣхъ маленькихъ терминологическихъ хитростей, въ которыхъ вельможные мужи совѣта, окружавшіе тронъ Николая Павловича, склонны были видѣть высшую государственную мудрость. Замѣчательна резолюція, положенная государемъ на это опредѣленіе комитета. Государь находилъ, что предлагаемая

*) Ibid., стр. 92.

комитетомъ мѣра „не можетъ имѣть тѣхъ полезныхъ послѣдствій, коихъ комитетъ ожидаетъ“ въ виду того, что у государя „нѣтъ увѣренности найти въ чинѣ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ людей, болѣе свѣдущихъ и опытныхъ въ дѣлахъ гражданскихъ“ *).— Трудно сказать, что болѣе поразительно въ отмѣченномъ эпизодѣ—предложенный комитетомъ способъ исправленія полнаго разстройства сената или категорически выраженная государемъ увѣренность въ полной непригодности всѣхъ вообще высшихъ чиновниковъ къ государственной дѣятельности! Государь усматривалъ одинъ только возможный выходъ изъ представлявшагося затрудненія — замѣну іерархіи чиновъ іерархіей должностей, которая открыла бы доступъ къ высшимъ ступенямъ службы способнымъ людямъ независимо отъ чиновной выслуги. Ознакомившись на этомъ примѣрѣ съ тѣмъ, что разумѣлъ иногда комитетъ подъ „смѣлыми“ нововведеніями, мы уже не удивимся тому, какимъ образомъ комитетъ „покончилъ“ съ принципомъ независимости суда отъ администраціи по поводу предложенія о несмѣняемости сенаторовъ судебнаго сената. По обыкновенію комитетъ подробно очертилъ всю важность новаго принципа: „право не быть лишеннымъ мѣста своего противъ воли безъ судебнаго изслѣдованія и приговора — читаемъ въ журналѣ комитета — есть первое основаніе независимости судовъ, по справедливости столь цѣнимой въ образованнѣйшихъ государствахъ Европы“. Далѣе было сказано, что

*) Ibid., стр. 107.

правило о несмѣняемости судей „въ существѣ своемъ непреложно и неоспоримо“ и тотчасъ же вслѣдъ за этими словами при помощи услужливаго союза „однако“ комитетъ перешелъ къ оспариванію этого „неоспоримаго“ принципа, для чего ему показались достаточными слѣдующія два соображенія: 1) комитетъ призналъ, что „благонамѣренное правительство не должно лишать себя способа обуздывать людей, не совершенно твердыхъ въ правилахъ чести“, а между тѣмъ „иные члены и самыхъ высшихъ судовъ нашихъ“ удерживаются отъ нарушенія служебнаго долга единственно „страхомъ передъ справедливымъ гнѣвомъ государя“, который можетъ поразить ихъ и тогда, когда допущенныя ими злоупотребленія не будутъ доказаны судебнымъ порядкомъ; 2) комитетъ считалъ невозможнымъ усомниться въ томъ, что верховное правительство и помимо установленія несмѣняемости судебныхъ сенаторовъ само собою будетъ пользоваться правомъ смѣщать этихъ сенаторовъ съ достаточной осторожностью и разборчивостью *). На этомъ и поконченъ былъ вопросъ о „непреложномъ и неоспоримомъ“ принципѣ. Краснорѣчивый журналъ комитета былъ написанъ лишь для того, чтобы, воздавъ словесную хвалу хорошему принципу, оставить въ неприкосновенности противорѣчившій этому принципу старый порядокъ. На этотъ разъ и государь не счелъ нужнымъ что-либо возразить противъ журнальнаго постановленія комитета.

*) Ibid., стр. 243—244.

Вопросъ о раздѣленіи сената на два учрежденія—сенатъ судебный и сенатъ правительствующій — возникъ, какъ уже было сказано, въ цѣляхъ точнаго разграниченія суда и управленія. Въ связи съ установленіемъ особаго правительствующаго сената предполагалось совершенно упразднить комитетъ министровъ въ виду того, что это послѣднее учрежденіе, притягивая къ себѣ дѣла самаго разнороднаго характера, нарушало всякую систему и правильность въ разграниченіи компетенціи высшихъ государственныхъ установленій. И снова комитетъ 6 декабря остался вѣренъ своему излюбленному пути—либо опровергать самого себя, либо возстановлять подъ другимъ наименованіемъ учрежденіе, несостоятельность котораго только что имъ самимъ была краснорѣчиво доказана. Осудивъ комитетъ министровъ на полное упраздненіе, комитетъ 6 декабря тотчасъ же призналъ необходимымъ для объединенія дѣйствій отдѣльныхъ министерствъ учредить *внѣ сената* особое *совѣщаніе министровъ* *). Государь и на этотъ разъ не обошелъ своимъ недоумѣніемъ „терминологическую" реформу, рекомендованную комитетомъ. „Предполагаемое комитетомъ внѣ сената присутствіе или совѣщаніе министровъ—гласила резолюція государя—можетъ постепенно и нечувствительно присвоить себѣ особенное мѣсто въ управленіи *подобно нынѣшнему комитету министровъ*, который, какъ было уже и прежде замѣчено, привлекалъ къ себѣ мало-по-малу дѣла всякаго рода **).

*) Ibid., стр. 51.
**) Ibid., стр. 58.

Я исчерпалъ всѣ тѣ случаи, когда комитетъ 6 декабря при пересмотрѣ центральныхъ государственныхъ учрежденій останавливался на болѣе или менѣе общихъ и принципіальныхъ вопросахъ. Всѣ другія разсужденія и предложенія комитета имѣли уже исключительно одинъ техническій интересъ, какъ наприм., предположенія о новомъ распредѣленіи дѣлъ между министерствами, объ измѣненіи числа департаментовъ въ различныхъ учрежденіяхъ и т. п. Къ чему же сводились въ концѣ концовъ проекты комитета по реформѣ центральныхъ учрежденій? Можно смѣло высказать то положеніе, что, несмотря на горы исписанной бумаги, комитетъ предлагалъ въ сущности оставить въ полной силѣ тотъ самый порядокъ, который онъ былъ призванъ реформировать. Кое-какія колесики государственной машины предлагалось подвергнуть кое-какимъ частичнымъ починкамъ. Но напрасно безпокоилъ себя комитетъ возбужденіемъ различныхъ принципіальныхъ вопросовъ, въ родѣ вопроса о „раздѣленіи властей", о „несмѣняемости судей" или даже—о существенномъ улучшеніи личнаго состава высшихъ правительственныхъ мѣстъ. Подобные вопросы были слишкомъ не по плечу сановнымъ членамъ комитета и въ той легкости, съ которой они отъ такихъ вопросовъ отдѣлывались, обнаруживалась вся призрачность преобразовательныхъ начинаній Николаевскаго правительства. Да и на чемъ могло бы построить это правительство зданіе сколько-нибудь серьезныхъ реформъ управленія? Всякая—политическая или даже только администра-

тивная—реформа предполагаетъ наличность вѣры въ силы и мудрость тѣхъ или другихъ общественныхъ элементовъ. Сторонникъ народоправства довѣряетъ мудрости народа, просвѣщенный абсолютистъ вѣритъ въ исполнительность бюрократiи. Правительство Николая Павловича боялось народа, не вѣрило и въ бюрократiю. Мысль о привлеченiи общественныхъ избранниковъ къ участiю въ высшемъ управленiи „оставлялась безъ уваженiя“, безъ дальнихъ разсужденiй, но въ то же время и коронные агенты правительственной власти, какъ высшiе, такъ и низшiе чиновники, признавались съ высоты престола сплошь неспособными или недобросовѣстными людьми, отъ которыхъ нельзя ожидать плодотворной работы на пользу родины. Мы только что видѣли, какъ низко оцѣнивалъ имп. Николай Павловичъ въ резолюцiяхъ на журналы комитета качества носителей высшихъ гражданскихъ чиновъ въ государствѣ.

Скоро мы убѣдимся, что такое же отрицательное и недовѣрчивое отношенiе императоръ распространялъ и на всю остальную массу чиновничества. О какихъ же существенныхъ усовершенствованiяхъ управленiя можно было помышлять, отвергая самодѣятельность общества и не довѣряя завѣдомо негодной бюрократiи? Немудрено, что обсужденiе административныхъ реформъ ограничивалось топтанiемъ на мѣстѣ и всякая сколько-нибудь серьезная преобразовательная идея тотчасъ признавалась неосуществимой въ условiяхъ русской дѣйствительности. Комитетъ 6 декабря не могъ обойтись безъ пространныхъ сужденiй о высшихъ принципахъ управленiя, это было нужно для соблюденiя внѣшняго декорума, но всѣ такiя сужденiя сводились, въ концѣ концовъ, къ одному и тому же поученiю: высшiе принципы прекрасны, непреложны и неоспоримы, но „писаны не про насъ“, и о реализацiи ихъ въ Россiи мечтать не приходится. За симъ оставалось обратиться къ частичной технической чинкѣ существующаго государственнаго механизма. Однако и при этой скромной работѣ комитетъ 6 декабря ухитрился свести большую часть своихъ предложенiй къ чисто наружнымъ, призрачнымъ измѣненiямъ, порою доходя до того, что подъ видомъ новаго принципа вводился въ дѣйствующую систему не болѣе, какъ новый терминъ, прикрывавшiй прежнее нетронутое содержанiе. Самъ императоръ, отнюдь не бывшiй противникомъ умѣренности и осторожности въ нововведенiяхъ, не разъ приходилъ въ полное недоумѣнiе передъ этой игрой въ слова, которую комитетъ считалъ серьезнымъ обсужденiемъ реформъ.

Вслѣдъ за пересмотромъ высшихъ государственныхъ учрежденiй комитетъ обратился къ обзору необходимыхъ улучшенiй *въ мѣстномъ управленiи*. И здѣсь комитетъ поставилъ себѣ весьма почтенную, сложную и отвѣтственную задачу съ тѣмъ, чтобы выполнить ее „легко и просто“. Если въ основу реформы центральнаго управленiя комитетъ предполагалъ положить принципъ строгаго разграниченiя вѣдомствъ, то при усовершенствованiи мѣстнаго управленiя, помимо той же самой задачи, была поставлена еще и другая цѣль:

создать надъ дѣйствіями мѣстныхъ учрежденій правильный надзоръ, „не личный и самовластный, каковъ есть надзоръ генералъ-губернатора, не слабый и ничтожный, каковъ есть надзоръ прокурора, а коллегіальный, постоянный, на твердыхъ правилахъ установленный, имѣющій средства не только заявлять безпорядки и злоупотребленія, но прекращать ихъ, останавливать зло не черезъ мѣсяцы и годы, а въ самомъ началѣ его, держать чиновниковъ въ строгой дисциплинѣ и виновныхъ преслѣдовать судомъ" *). Какимъ же способомъ предполагалось выполнить эту важную задачу водворенія строгой законности въ сферѣ мѣстнаго управленія? Казалось бы, указанная задача могла быть осуществлена только путемъ коренного переустройства всей системы мѣстныхъ учрежденій. Но мы уже знаемъ, насколько способенъ былъ комитетъ 6-го декабря къ созданію плановъ широкихъ преобразованій. Комитетъ удовольствовался тѣмъ, что принялъ почти безъ измѣненій составленный Сперанскимъ „проектъ губернскаго учрежденія". Въ этомъ проектѣ весь составъ мѣстныхъ учрежденій былъ оставленъ въ прежнемъ его видѣ, а для обезпеченія правомѣрнаго контроля за дѣйствіями этихъ учрежденій предлагалось только установить общія присутствія всѣхъ административныхъ и отдѣльно всѣхъ судебныхъ мѣстъ въ губерніяхъ и уѣздахъ, давъ этимъ общимъ присутствіямъ особыхъ предсѣдателей: въ губернскомъ общемъ присутствіи предсѣдательство предлагалось поручить гражданскому губернатору, а въ судебномъ общемъ присутствіи—особому чиновнику съ наименованіемъ главнаго губернскаго судьи; предсѣдательство въ уѣздныхъ общихъ присутствіяхъ, если не въ видѣ общеобязательнаго правила, то въ видѣ весьма желательной мѣры, предлагалось возложить на уѣзднаго предводителя дворянства *). Легко видѣть, что удовольствоваться такими мѣрами для водворенія твердой законности въ мѣстномъ управленіи могъ только тотъ реформаторъ, который заранѣе рѣшилъ воздержаться отъ какой бы то ни было настоящей реформы. Государь одобрилъ сущность предложеній Сперанскаго, но высказалъ сильное сомнѣніе въ осуществимости даже и такого скромнаго нововведенія. Въ этихъ сомнѣніяхъ съ новою силою обнаружилось отсутствіе у государя увѣренности въ жизнеспособности того бюрократическаго строя, который имъ самимъ ставился во главу угла управленія Россіей. Государь недоумѣвалъ, кѣмъ удастся замѣстить должности предсѣдателей проектируемыхъ „общихъ присутствій". Найти для замѣщенія этихъ должностей около 500 надежныхъ чиновниковъ представлялось государю невозможнымъ. Предоставленіе названныхъ мѣстъ предводителямъ дворянства въ видѣ общаго правила вызвало бы большія затрудненія: многіе предводители стали бы тяготиться новыми обязанностями, а принужденіе къ принятію этихъ мѣстъ могло бы быть истолковано, какъ нарушеніе преимуществъ, дарованныхъ дворянскою грамотою. Наконецъ, занимая должности правителей уѣздовъ, предводи-

*) Ibid., стр. 379—380.

*) Ibid., стр. 379—383.

тели дворянства могли бы къ ущербу для дѣла увлекаться односторонней защитой интересовъ только одного своего сословія. Можно было бы предоставить губернаторамъ замѣщать эти должности по своему усмотрѣнію, но—спрашивалъ опять императоръ—„можно ли на губернаторовъ положиться"? Въ концѣ концовъ выходило, что при существующихъ порядкахъ ни въ чемъ ни на кого положиться невозможно, а между тѣмъ внести въ эти порядки сколько-нибудь основательныя передѣлки разъ навсегда было признано нежелательнымъ и опаснымъ. Получался по истинѣ безвыходный кругъ, въ виду котораго невольно шевелится вопросъ: зачѣмъ безпокоили себя люди созывомъ какихъ-то комитетовъ, составленіемъ какихъ-то протоколовъ и проектовъ, разъ твердо было рѣшено замкнуться въ такомъ кругѣ? Государь остановился въ концѣ концовъ на томъ, чтобы для замѣщенія названныхъ должностей извѣстное число кандидатовъ намѣчалось по выбору дворянства и такое же число—по предложенію губернскаго начальства съ предоставленіемъ окончательнаго выбора высшему правительству *). Иначе говоря, не довѣряя ни дворянамъ, ни чиновникамъ, государь предполагалъ возложить опредѣленіе кандидатовъ и на тѣхъ и на другихъ съ тѣмъ, чтобы можно было выборъ однихъ повѣрить выборомъ другихъ. Выходъ изъ затрудненія—весьма проблематичный и очевидно принятый лишь за полной невозможностью придумать что-либо иное при данныхъ условіяхъ.

*) Ibid., стр. 429—430.

Въ связи съ обсужденіемъ реформы мѣстнаго управленія комитетомъ 6 декабря былъ разсмотрѣнъ составленный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проектъ новаго положенія „о дворянскихъ выборахъ и другихъ дѣйствіяхъ собранія дворянства". Два пункта въ сужденіяхъ комитета по этому вопросу заслуживаютъ быть отмѣченными: 1) комитетъ предлагалъ отмѣнить трехлѣтній срокъ для службы по дворянскимъ выборамъ въ судебныхъ должностяхъ, сдѣлавъ эту службу безсрочной, и 2) комитетъ призналъ необходимымъ ограничить участіе въ дворянскихъ выборахъ мелкопомѣстныхъ дворянъ установленіемъ значительнаго имущественнаго ценза для дворянъ-избирателей, безъ распространенія, однако, этихъ цензовыхъ ограниченій на пользованіе пассивнымъ выборнымъ правомъ.

Второе важное дѣло комитета 6 декабря помимо обсужденія административныхъ преобразованій заключалось въ составленіи проекта „закона о состояніяхъ". Исторія составленія этого проекта богата чертами, весьма характерными для соціальной политики императорскаго правительства первой половины XIX вѣка и въ частности для преобразовательныхъ начинаній Николаевскаго царствованія. Дѣло началось съ того, что по одному частному поводу имп. Николай Павловичъ поручилъ комитету 6 декабря заняться вопросомъ о воспрещеніи продажи людей безъ земли *). Комитетъ, по обыкновенію отдавъ должное важности и даже необходимости предполагаемой новой законодательной мѣ-

*) Ibid., стр. 133—194.

ры, тотчасъ же выдвинулъ рядъ соображенiй о неудобствахъ и опасностяхъ ея осуществленiя. Запрещенiе продажи крѣпостныхъ безъ земли — разсуждалъ комитетъ — покажется стѣсненiемъ права собственности для многочисленнаго класса необразованныхъ и закоснѣлыхъ въ грубыхъ привычкахъ помѣщиковъ. Хотя комитетъ и замѣтилъ, что „подобные симъ предразсудки безъ сомнѣнiя *не должны* останавливать мудрое и твердое правительство въ дѣйствiяхъ, съ благомъ государства сообразныхъ", но сдѣлана была эта оговорка лишь для того, чтобы тотчасъ вслѣдъ за этимъ посовѣтовать „мудрому и твердому правительству" по возможности уважить указанные предразсудки. Комитетъ полагалъ необходимымъ обставить изданiе этого закона такими условiями, чтобы, съ одной стороны, помѣщики не огорчились стѣсненiемъ своихъ правъ, а съ другой стороны, и крестьяне „не возмечтали, что правительство только ими одними и занимается"*). Способъ къ тому былъ найденъ въ томъ, чтобы не издавать упомянутаго закона въ видѣ сепаратной мѣры, но включить его, какъ одну изъ статей, въ общiй законъ о состоянiяхъ, въ которомъ и для всѣхъ другихъ сословiй были бы предоставлены нѣкоторыя новыя льготы и преимущества. Такимъ-то путемъ комитетъ и пришелъ къ мысли приступить къ составленiю проекта „закона о состоянiяхъ", что и было затѣмъ ему поручено государемъ. Хотя, такимъ образомъ, новый законъ долженъ былъ явиться въ сущности совокупностью льготъ и преимуществъ для всѣхъ сословiй государства, но легко понять, что эти льготы и преимущества не могли быть сколько-нибудь широки, не могли вносить сколько-нибудь рѣшительныхъ перемѣнъ въ сословную организацiю Россiи, если все дѣло составленiя этого закона диктовалось двумя задними цѣлями: замаскировать въ глазахъ одного сословiя нѣкоторое стѣсненiе его правъ и не допустить въ сознанiи другого сословiя мысли о томъ, что его интересы могутъ составлять предметъ особенной заботливости правительства!

Прежде всего было установлено, что новый законъ о состоянiяхъ не долженъ давать населенiю никакихъ правъ политическихъ *). Затѣмъ, по отношенiю къ духовенству прямо былъ принятъ тотъ принципъ, что въ новый законъ не войдетъ никакихъ новыхъ правъ и преимуществъ, а будутъ лишь воспроизведены права, ранѣе признанныя за этимъ сословiемъ. Казалось бы, что въ подтвержденiи новымъ закономъ правилъ, уже признанныхъ въ прежнемъ законодательствѣ, не могло быть никакой надобности. Но комитетъ полагалъ, что законъ произведетъ болѣе благопрiятное впечатлѣнiе на общество, если въ немъ не будетъ обойдено ни одно сословiе. Иначе говоря, здѣсь предлагалось просто на просто политическая подтасовка: включенiе въ законъ о новыхъ льготахъ старыхъ, давно дѣйствующихъ правъ для вящшаго усиленiя эффекта отъ новаго закона. Правда, комитетъ имѣлъ сношенiя съ московскимъ митрополитомъ Фи-

*) Ibid., стр. 426

*) Ibid., стр. 194.

ларетомъ по вопросу о способахъ улучшить состояніе духовенства. Но указанныя митр. Филаретомъ желательныя нововведенія касались лишь нѣкоторыхъ частностей быта духовенства, не затрагивая общихъ правъ духовнаго сословія. Эти мѣры не вошли въ проектъ закона о состояніяхъ и получили дальнѣйшую законодательную разработку уже помимо комитета 6 декабря *). Любопытно однако отмѣтить, что даже въ предложеніяхъ московскаго митрополита комитетъ ухитрился отыскать кое-что страшное. Митрополитъ предлагалъ, между прочимъ, ввести въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ краснорѣчія и философіи, на русскомъ языкѣ вмѣсто латинскаго. Комитетъ замѣтилъ въ своемъ отзывѣ на это предложеніе, что преподаваніе на русскомъ языкѣ богословскихъ предметовъ повлечетъ за собой изданіе книгъ и руководствъ по догматическому богословію и герменевтикѣ на русскомъ языкѣ, что привлечетъ вниманіе непросвѣщенныхъ людей къ богословскимъ вопросамъ и можетъ „подать случай къ неосновательнымъ толкованіямъ и догадкамъ, нерѣдко ведущимъ за собою пагубныя заблужденія въ мнѣніяхъ о самыхъ важныхъ истинахъ религіи.“ **)

Покончивъ, такимъ образомъ, съ духовенствомъ, комитетъ занялся другими сословіями. Въ распространеніе правъ дворянства намѣчалось предоставить дворянамъ право вводить въ своихъ имѣніяхъ маіораты. Кромѣ того, въ угоду дворянству

*) 2-е П. Собр. Зак., № 3323.

**) Сборн. Ист. Общ., т. 74, стр. 223.

предложено было принять мѣры противъ непрестаннаго умноженія этого сословія, стѣснивъ доступъ въ него постороннимъ элементамъ, унижающій дворянское званіе, „столь необходимое въ составѣ монархическаго правленія“. Эта мѣра—полагалъ комитетъ—„будетъ принята кореннымъ дворянствомъ, какъ благодѣяніе, усилитъ въ немъ ревность къ службѣ государя и утвердитъ обоюдно необходимую связь его съ престоломъ“ *). Для этой цѣли предлагалось отмѣнить вовсе полученіе дворянскаго достоинства выслугою чиновъ, оставивъ лишь одинъ путь пріобщенія къ дворянскому сословію для стороннихъ элементовъ: высочайшее пожалованіе. Затѣмъ доступъ въ дворянство даже и этимъ путемъ открыть лишь для одного высшаго слоя гражданства. Эти предположенія сами собой приводили къ реформѣ сословной организаціи и „средняго рода людей“. Комитетъ намѣтилъ эту реформу въ слѣдующихъ чертахъ.

Въ составѣ людей „средняго состоянія“ образовывается особый высшій разрядъ „именитыхъ гражданъ“. Выслуга оберъ-офицерскаго чина или чина VIII-го класса по гражданской службѣ, ранѣе сопряженная съ полученіемъ *дворянскаго* достоинства, впредь открываетъ доступъ лишь въ разрядъ именитыхъ гражданъ. Именитые граждане могутъ получать затѣмъ званіе дворянина лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ и не иначе, какъ по непосредственному усмотрѣнію императора по особымъ высочайшимъ грамотамъ.

Именитые граждане получаютъ

*) Ibid., стр. 151.

право быть избираемыми по волѣ дворянства на мѣста, зависящія отъ дворянскихъ выборовъ, исключая, однако, званія предводителя и депутатовъ; имѣть родовой гербъ, но безъ короны, составляющей отличительный знакъ дворянскаго достоинства, и нѣкоторыя преимущества при вступленіи на службу, но меньшія противъ тѣхъ, кои присвоены дворянству. Они получаютъ право помѣщать своихъ дѣтей въ казенныя учебныя заведенія наравнѣ съ дѣтьми дворянъ за исключеніемъ пажескаго корпуса и царскосельскаго лицея. Прочія права дворянскаго званія на нихъ не распространяются. Затѣмъ остальное „гражданство", уже лишаемое вообще доступа къ дворянскому званію, подраздѣляется на гражданъ потомственныхъ и личныхъ. *Потомственные граждане*, въ составъ которыхъ входятъ тѣ, кто ранѣе долженъ былъ пользоваться личнымъ дворянствомъ, а также купцы 1 и 2-й гильдій, освобождаются *вмѣстѣ съ дѣтьми ихъ* отъ подушнаго оклада, рекрутскаго набора и тѣлеснаго наказанія. Наконецъ, *личные граждане* пользуются тѣми же преимуществами, но безъ распространенія ихъ на дѣтей этихъ лицъ *). Впослѣдствіи комитетъ нѣсколько разъ измѣнялъ наименованія означенныхъ разрядовъ гражданства, но основанія всей этой группировки не были измѣнены комитетомъ и получили одобреніе государя. Это „обновленіе" средняго рода людей, предпринятое собственно для удовольствія коренного дворянства и представлявшее въ сущности стѣсненіе правъ „гражданства" отнятіемъ у большинства гражданъ

*) Ibid., стр. 159—161.

права на достиженіе высшей ступени сословной лѣстницы,—представлено было комитетомъ, какъ новая льгота, даруемая гражданству „положеніемъ твердаго основанія среднему состоянію" *).

Послѣдній отдѣлъ „закона о состояніяхъ" посвящался положенію крестьянскаго сословія. При обсужденіи этой части проектируемаго закона впервые при Николаѣ Павловичѣ поставленъ былъ на разсмотрѣніе офиціальныхъ сферъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Постановка, приданная этому вопросу въ комитетѣ 6 декабря, оказала рѣшающее вліяніе на все дальнѣйшее движеніе въ теченіе этого царствованія. Не лишне поэтому остановиться со вниманіемъ на сужденіяхъ и предположеніяхъ комитета, сюда относящихся. Какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, руководящая роль въ работахъ комитета и на этотъ разъ выпала на долю Сперанскаго. Сперанскій составилъ для комитета обширную записку, въ которой была начертана цѣлая программа законодательной разработки крестьянскаго вопроса, программа, какъ разъ отвѣчавшая завѣтнымъ желаніямъ членовъ комитета отложить отмѣну крѣпостного права въ возможно болѣе отдаленное будущее. Первое положеніе этой записки заключалось въ томъ, что крѣпостное право на крестьянъ съ теченіемъ времени приняло искаженныя формы, совершенно отдалившись отъ своей первоначальной природы.

Первоначальное крѣпостное право состояло въ прикрѣпленіи крестьянина къ *землѣ* помѣщика, чѣмъ по-

*) Ibid., стр. 194.

лагалась граница помѣщичьей надъ крестьянами власти: помѣщикъ не могъ отдѣлять крестьянина отъ земли продажею или залогомъ. Впослѣдствіи крѣпостное право превратилось въ прикрѣпленіе крестьянина къ *лицу* помѣщика, крестьянинъ сдѣлался *движимымъ имуществомъ* своего господина, въ результатѣ чего появились сдѣлки по отчужденію земли безъ крестьянъ и крестьянъ безъ земли, и исчезло всякое различіе между крѣпостными крестьянами и тѣми дворовыми людьми, которые по примѣру прежнихъ холоповъ всегда составляли личную собственность помѣщика. Отсюда Сперанскій дѣлалъ выводъ, что первоначальныя мѣры по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ должны свестись къ возстановленію истиннаго крѣпостного права; къ такимъ мѣрамъ онъ причислялъ: запрещеніе отчуждать крестьянъ безъ земли и землю безъ поселенныхъ на ней крѣпостныхъ крестьянъ. Затѣмъ уже Сперанскій полагалъ возможнымъ приступить къ дальнѣйшему преобразованію крѣпостного права для установленія твердыхъ и правильныхъ основаній крестьянскаго быта. Эта цѣль должна быть выполнена не иначе, какъ путемъ постепенныхъ переходныхъ мѣръ, разсчитанныхъ на очень продолжительное время. Къ такимъ мѣрамъ Сперанскій относилъ: 1) измѣненіе порядка отпуска на волю отдѣльныхъ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ въ смыслѣ отмѣны различныхъ стѣснительныхъ правилъ, затрудняющихъ отпускъ на волю; 2) улучшеніе быта *казенныхъ* крестьянъ, находящихся въ весьма тягостныхъ условіяхъ, съ тѣмъ, чтобы устройство положенія казенныхъ крестьянъ на усовершенствованныхъ и облегчительныхъ для крестьянъ началахъ могло послужить образцомъ и для владѣльцевъ крѣпостныхъ крестьянъ въ ихъ заботахъ о подвластной имъ деревнѣ.

Лишь послѣ цѣлаго ряда постепенныхъ подготовительныхъ мѣръ въ указанномъ направленіи Сперанскій допускалъ возможность окончательнаго преобразованія крѣпостныхъ отношеній. Въ чемъ же должно было заключаться это окончательное преобразованіе по мысли Сперанскаго? Ни въ чемъ иномъ, какъ въ ограниченіи крѣпостныхъ работъ и повинностей на помѣщика опредѣленными условіями *по договору* между помѣщиками и крестьянами. Дальше этой мѣры не шли самыя отдаленныя предположенія Сперанскаго, и для осуществленія даже такой мѣры онъ указывалъ долгій путь подготовительныхъ палліативовъ *).

Не мудрено, что записка Сперанскаго встрѣтила самый радушный пріемъ въ комитетѣ 6 декабря, который всегда былъ готовъ ухватиться за предложенія, отодвигавшія вдаль ту или другую рѣшительную реформу. Отмѣна продажи крѣпостныхъ крестьянъ безъ земли въ сущности была уже предписана комитету государемъ, съ чего и началось все дѣло по составленію проекта „закона о состояніяхъ". Такимъ образомъ, мысль Сперанскаго о немедленномъ воспрещеніи отчужденія крестьянъ безъ земли была принята безъ всякихъ возраженій, и комитетъ

*) Ibid., стр. 133, 165, 171—175, 199—201 и др. Семевскій.—Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. II, стр. 1—9.

озаботился лишь о томъ, чтобы редакція закона была составлена въ такихъ выраженіяхъ, которыя „дали бы почувствовать, сколь священно и неотъемлемо передъ правительствомъ и закономъ право и самихъ помѣщиковъ на собственность владѣемой ими земли“. При этомъ комитетъ довелъ свою обычную осторожность до того, что потребовалъ выразить въ новомъ законѣ эту важную мысль „*положительно, но почти мимоходомъ*, какъ о правѣ, которое не можетъ быть подвержено сомнѣнію“ *). Выходило такъ, что комитетъ въ одно и то же время рѣшилъ и *подчеркнуть* въ законѣ эту мысль для большаго ея укрѣпленія въ сознаніи населенія и *не подчеркивать* ее, какъ нѣчто само по себѣ безусловное и неоспоримое! Впрочемъ проектъ постановленія о неотчужденіи крестьянъ безъ земли былъ выработанъ затѣмъ особымъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ Тутолмина и съ одобренія комитета 6 декабря былъ включенъ въ проектъ „закона о состояніяхъ“ **). Въ тотъ же проектъ вошли и постановленія о порядкѣ отпуска крестьянъ на волю, также рекомендованныя Сперанскимъ. Отпускъ крестьянъ на волю дозволялся какъ съ землею, такъ и безъ земли. При выдачѣ отпускной помѣщикъ могъ взыскать съ увольняемаго и единовременно внести за него въ казну подати за все предстоящее время до новой ревизіи; вольноотпущенный обязывался въ теченіе года приписаться къ какому-либо мѣщанскому или сельскому обществу или въ особый разрядъ „вольноотпущенныхъ земледѣльцевъ“, при этомъ мѣщанскія и сельскія общества не получали права отказывать такимъ лицамъ въ припискѣ, но не обязаны были надѣлять ихъ землей. Освобожденіе крестьянъ цѣлыми селеніями допускалось впредь или на основаніи указа 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ или по вновь составленнымъ правиламъ, которыя впрочемъ не содержали существенныхъ нововведеній. Нарушеніе вольноотпущенными договоровъ, заключенныхъ ими съ ихъ прежними господами, могло повлечь за собою въ случаѣ недостаточности другого рода взысканій и каръ—возвращеніе ихъ въ прежнее крѣпостное состояніе *).

Этимъ и ограничились „льготы и преимущества“, намѣченныя для крѣпостныхъ крестьянъ въ проектѣ „закона о состояніяхъ“. Затѣмъ комитетъ 6 декабря съ жаромъ ухватился за предложенную Сперанскимъ подмѣну вопроса о крѣпостномъ правѣ вопросомъ объ улучшеніи быта *казенныхъ* крестьянъ. Эта идея была какъ нельзя болѣе на руку сановнымъ крѣпостникамъ, окружавшимъ тронъ имп. Николая Павловича. Комитетъ 6 декабря нѣсколько разъ возвращался къ одобренію этой мысли, высказывая увѣренность, что для смягченія участи *крѣпостныхъ* крестьянъ лучше всего заняться усовершенствованіемъ быта крестьянъ *казенныхъ*: помѣщики, могущіе возроптать на принудительныя мѣры правительства по стѣсненію ихъ владѣльческихъ правъ, добровольно, безъ всякихъ потрясеній общественнаго порядка и не опасаясь крестьянскихъ волненій, послѣдуютъ исподволь бла-

*) Сб. Ист. Общ., т. 74, стр. 171—172.
**) Ibid., стр. 378, 403—404, 425—426.

*) Сб. Ист. Общ., т. 90, стр. 377—381.

гому примѣру казны *). Для подготовки преобразованія быта казенныхъ крестьянъ была учреждена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ кн. Куракина, и предположенія этой комиссіи были обсуждены затѣмъ въ комитетѣ 6 декабря **). Но такъ какъ намѣченныя при этомъ мѣры не вошли въ проектъ закона о состояніяхъ—гдѣ лишь возвѣщалось о намѣреніи правительства приступить къ преобразованію быта казенныхъ крестьянъ—и такъ какъ дальнѣйшее движеніе этой реформы получило вскорѣ иное направленіе въ твердыхъ рукахъ Киселева, то мы и не будемъ останавливаться на сужденіяхъ комитета 6 декабря по этому вопросу.

Въ видѣ особаго приложенія къ проекту „закона о состояніяхъ" было присоединено „Положеніе о крѣпостныхъ *дворовыхъ* людяхъ", составленное опять-таки на основаніи записки Сперанскаго.

Классъ дворовыхъ людей былъ признанъ особенно вреднымъ и нежелательнымъ продуктомъ крѣпостного права, и въ виду этого рѣшено было изыскать мѣры къ постепенному его сокращенію. Всѣ постановленія, вошедшія въ проектъ о дворовыхъ людяхъ, и были направлены къ этой главной цѣли. Эти постановленія сводились къ слѣдующему: дворовые люди при всѣхъ переписяхъ, начиная съ ближайшей ревизіи, и во всѣхъ крѣпостныхъ актахъ означаются отдѣльно отъ крестьянъ подъ особою рубрикою. Взиманіе подушной подати съ дворовыхъ людей производится отдѣльно отъ крестьянъ, а для отправленія рекрутской повинности изъ дворовыхъ составляются особые отъ крестьянъ рекрутскіе участки. Засимъ слѣдовалъ рядъ мѣръ, затрудняющихъ количественное увеличеніе этого класса или наоборотъ ускоряющихъ его сокращеніе. Запрещалось вмѣсто дворовыхъ людей ставить въ рекруты крестьянъ, но дозволялось вмѣсто крестьянъ ставить рекрутъ изъ дворовыхъ. Запрещалось переводить крестьянъ въ дворню, но дозволялось дворовыхъ людей переводить въ крестьяне съ обязательствомъ только не разлучать членовъ одного семейства и въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ такого перечисленія дѣйствительно водворять въ деревнѣ переведеннаго въ крестьяне двороваго человѣка подъ страхомъ уплаты особой пени *). Съ дворовыхъ людей помѣщикъ обязывался платить двойную подушную подать противъ той, которою обложены крестьяне **).—Помѣщики, не имѣющіе деревень, могутъ приписывать своихъ дворовыхъ въ городахъ къ служебнымъ цехамъ. Дворовые могутъ быть отпускаемы на волю или за единовременный выкупъ или подъ условіемъ уплаты договореннаго оброка пожизненно или въ теченіе какого-либо срока, но съ правомъ навсегда освободиться отъ оброка единовременнымъ взносомъ капитальной суммы. Вольноотпущенные дворовые люди

*) Сб. Ист. Общ., т. 74, стр. 173—174, 285, 336.

**) Ibid., стр. 346—352, 352—356, 364, 367—370, 373—37 .

*) Сперанскій первоначально предлагалъ объявлять дворовыхъ въ этомъ случаѣ свободными, комитетъ замѣнилъ это взысканіемъ пени съ помѣщика. Сборн. Ист. Общ., т. 74, стр. 165.

**) Сперанскій первоначально предлагалъ тройную.—Ibid., стр. 172.

обязаны въ теченіе года записаться въ служебный цехъ или избрать иной родъ жизни, и помѣщикъ обязанъ платить за нихъ подати не до ревизіи, но только до истеченія этого года; дворовые, не избравшіе рода жизни въ указанный срокъ, считаются бродягами и подлежатъ назначеннымъ для бродягъ взысканіямъ. Дворовыхъ людей, не приписанныхъ къ деревнямъ, запрещается принимать въ залогъ или подъ обезпеченіе какого-либо частнаго или казеннаго взысканія. Точно такъ же воспрещается продавать, закладывать, отдавать по завѣщанію въ другой родъ дворовыхъ людей отдѣльно отъ деревень, къ которымъ они приписаны. Передача личныхъ правъ на дворовыхъ людей въ предѣлахъ одного рода допускается лишь безъ раздробленія семействъ *).

Таковы были работы комитета 6 декабря. Результаты его дѣятельности выразились въ составленіи проектовъ: новаго учрежденія государственнаго совѣта, правительствующаго и судебнаго сенатовъ, коммиссіи прошеній, учрежденія для управленія губерніями и закона о состояніяхъ съ приложенными къ нему проектами положенія о дворовыхъ людяхъ и указа объ ограниченіи и раздробленіи недвижимыхъ населенныхъ имуществъ. Изъ всѣхъ этихъ проектовъ только проектъ „закона о состояніяхъ" поступилъ въ государственный совѣтъ, прошелъ тамъ съ нѣкоторыми измѣненіями и получилъ даже утвержденіе государя, но—какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, и этотъ законъ не былъ опубликованъ и не вошелъ въ силу.

*) Сборн. Ист. Общ., т. 90, стр. 386—390.

Тѣмъ не менѣе труды комитета 6 декабря, проработавшаго до 1830 г., не прошли совершенно безслѣдно. Многія заключенія, высказанныя имъ по различнымъ вопросамъ, были восприняты и взяты за основаніе послѣдующими совѣщаніями, которыя были созываемы имп. Николаемъ Павловичемъ для обсужденія преобразовательныхъ предположеній, а главное — труды комитета 6 декабря задали тонъ *общему направленію*, по которому пошла затѣмъ за самыми немногими исключеніями законодательная работа этого царствованія.

Кругъ вопросовъ, которыхъ коснулся комитетъ 6 декабря, былъ достаточно широкъ: все управленіе, и центральное, и мѣстное, вся сословная организація вошли въ программу его занятій. Но при обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ комитетъ обнаружилъ необычайную способность касаться всего, почти ничего не измѣняя, сводить къ немногочисленнымъ формальнымъ перемѣнамъ крупнѣйшія законодательныя проблемы и изыскивать благовидные предлоги для откладыванія въ долгій ящикъ разрѣшеніе давно назрѣвшихъ насущныхъ задачъ. Разнообразные хитроумные способы, использованные для всего этого комитетомъ, составили образецъ и вошли въ прочную традицію высшей бюрократіи въ дѣлѣ изготовленія преобразовательныхъ проектовъ.

Всѣ дальнѣйшія реформаціонныя начинанія этого царствованія представляли собой попытки выполненія отдѣльными частями тѣхъ вопросовъ, которые разсматривались въ комитетѣ 6 декабря въ видѣ единой связной программы.

18

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій
передъ смертью.

Съ картины, писанной А. А. Наумовымъ.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

3.

Центральныя учрежденія. Мѣстное управленіе. - Самоуправленіе дворянское и городское.

Мы посмотримъ теперь, какъ справлялось правительство Николаевскаго царствованія съ оставшимся послѣ комитета 6 декабря обширнымъ наслѣдствомъ намѣченныхъ, но не разрѣшенныхъ государственныхъ вопросовъ. Устройство *центральныхъ государственныхъ учрежденій* всего менѣе было затронуто преобразовательными предположеніями названнаго комитета. Послѣдующая четверть вѣка Николаевскаго царствованія (комитетъ 6 декабря закрылся въ 1830 г.) не принесли никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи. 15 апрѣля 1842 г. было издано новое положеніе о государственномъ совѣтѣ. Оно не заключало въ себѣ какихъ-либо значительныхъ нововшествъ сравнительно съ положеніемъ 1810 г. Основанія, на которыхъ было установлено тогда это высшее государственное законосовѣщательное учрежденіе, остались неприкосновенными. Зато на практикѣ авторитетъ государственнаго совѣта не разъ претерпѣвалъ въ царствованіе Николая Павловича чувствительные удары. Императоръ ограничивалъ его законосовѣщательную роль самыми тѣсными предѣлами. Правда, сильно развившаяся при Александрѣ I узурпація правъ государственнаго совѣта комитетомъ министровъ была значительно ослаблена при Николаѣ I *), но умаленіе роли совѣта шло съ другой стороны. Обсужденіе законопроектовъ все болѣе сосредоточивалось въ секретныхъ комитетахъ, и прохожденіе закона черезъ государственный совѣтъ сводилось почти къ формальности, судьба законопроекта уже предрѣшалась государемъ на основаніи сужденій, высказанныхъ комитетами. Когда въ 1844 г. спеціальный комитетъ выработалъ проектъ указа о дворовыхъ людяхъ, государь, одобривъ указъ, намѣревался тотчасъ подписать и опубликовать его. Предсѣдателю государственнаго совѣта кн. Васильчикову пришлось убѣждать государя не отступать отъ общаго порядка и внести проектъ указа въ совѣтъ. Николай Павловичъ положилъ, наконецъ, слѣдующую резолюцію: „Согласенъ въ надеждѣ, что не послѣдуетъ въ совѣтѣ *невыгода излишнихъ преній*" *). Въ этихъ словахъ со всей полнотой выразилось отношеніе Николая Павловича къ государственному совѣту, не какъ къ необходимому элементу политической жизни, а какъ къ какому-то излишнему привѣску къ государственному механизму, который приходится терпѣть только потому, что онъ уже существуетъ. Баронъ Корфъ —очевидецъ и участникъ того, что дѣлалось въ высшихъ бюрократическихъ кругахъ описываемаго времени—разсказываетъ въ своихъ интересныхъ мемуарахъ о другомъ ана-

*) С. М. Середонинъ.—Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. т. I и II.

*) В. И. Семевскій.—Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. II, стр. 131

логичномъ эпизодѣ, также разыгравшемся по вопросу о дворовыхъ людяхъ. Уже въ 1840 г. Блудовымъ были изготовлены предположенія о мѣрахъ къ уменьшенію двороваго класса. Государь повелѣлъ разсмотрѣть эти предположенія Блудову, Васильчикову и министру юстиціи и затѣмъ проектъ указа прямо поднести къ подписанію. И въ тотъ разъ Васильчиковъ поднялъ голосъ въ защиту достоинства государственнаго совѣта.—„Да неужели же,—возразилъ государь—когда самъ я признаю какую-нибудь вещь полезною или благодѣтельною, мнѣ непремѣнно надо спрашивать на нее сперва согласіе совѣта?“

—„Не согласіе,—отвѣчалъ Васильчиковъ,—но мнѣніе непремѣнно, потому что совѣтъ для этого и существуетъ, или надо его уничтожить или охранять тотъ законъ, который сами Вы для него издали“. Преніе по этому поводу между государемъ и Васильчиковымъ было длинное и окончилось тѣмъ, что обсужденіе указа было поручено комитету не изъ трехъ, а изъ 12 лицъ, которымъ и поручалось разсмотрѣть какъ самую сущность дѣла, такъ и вопросъ: вносить ли проектъ въ общее собраніе государственнаго совѣта. Хотя комитетъ рѣшилъ послѣдній вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, но дѣло вскорѣ совершенно заглохло вплоть до 1844 г., когда, какъ мы только что видѣли, государственный совѣтъ снова едва не остался въ сторонѣ и получилъ дозволеніе разсмотрѣть законопроектъ лишь подъ условіемъ принятія его безъ излишнихъ преній *). Изданіе новаго закона помимо государственнаго совѣта было еще не худшей формой умаленія совѣтскаго авторитета. Еще болѣе жалкая роль выпадала на долю совѣта въ тѣхъ случаяхъ, когда среди самой работы совѣтъ встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны сильнаго министра. Тотъ же Корфъ передаетъ въ своихъ мемуарахъ въ высшей степени характерный эпизодъ подобнаго рода. Въ 1839 г. въ государственномъ совѣтѣ разсматривался чрезвычайно важный вопросъ о мѣрахъ къ исправленію курса бумажныхъ денегъ. Проектъ министра финансовъ Канкрина былъ отвергнутъ въ совѣтѣ большинствомъ голосовъ. Канкринъ, не дожидаясь представленія государю мнѣній государственнаго совѣта, предложилъ государю свою комбинацію непосредственно отъ своего имени и успѣлъ получить благопріятную для себя высочайшую резолюцію на свой докладъ. Выходило такъ, что совѣтъ собирался, разсуждалъ и баллотировалъ совершенно напрасно: государь рѣшилъ дѣло, даже не поинтересовавшись состоявшимися въ совѣтѣ мнѣніями. Предсѣдатель совѣта Васильчиковъ былъ внѣ себя отъ гнѣва. „Пока *есть* совѣтъ, восклицалъ онъ, нельзя имъ такъ играть, министръ не вправѣ самовольно забѣгать къ государю съ своими предложеніями по дѣламъ, рѣшеннымъ въ совѣтѣ!“ По настоянію Васильчикова государь приказалъ „сдѣланное Канкринымъ предложеніе обратить къ разсмотрѣнію въ совѣтѣ“. Тогда въ свою очередь вознегодовалъ Канкринъ: „Это есть — говорилъ онъ — величайшее оскорбленіе самодержавной власти, совѣтъ—мѣсто совѣщательное, куда государь посылаетъ только то, что

*) Русская Старина, 1899 г., т. 99, стр. 280—282.

самому ему разсудится, а тутъ изъ совѣта хотятъ сдѣлать *камеры* и мѣсто *соцарствующее*". Въ самый день засѣданія совѣта Канкринъ получилъ аудіенцію у государя. Совѣтъ собрался, готовый къ *дальнѣйшему обсужденію* мысли Канкрина, но въ самый моментъ открытія засѣданія фельдъегерь привезъ собственноручную записку государя, гдѣ было написано: „Желательно мнѣ, чтобъ принято было...." и дальше излагалось предложеніе Канкрина. Совѣту оставалось только констатировать, что въ запискѣ выражена „прямая воля его величества, требующая одного безмолвнаго исполненія" *). Вопреки мнѣнію Васильчикова оказалось, что государственнымъ совѣтомъ можно играть, какъ угодно. Практика ограничивала сферу вліянія совѣта еще болѣе узкими предѣлами, чѣмъ это было намѣчено въ офиціальномъ о немъ положеніи.

Никакихъ перемѣнъ общаго характера не было произведено и въ строѣ министерствъ. Самымъ крупнымъ явленіемъ въ этой области было возникновеніе новаго министерства государственныхъ имуществъ.— И эта мѣра касалась только перераспредѣленія вѣдомствъ между нѣкоторыми министерствами. Самыя основанія министерскаго устройства не были затронуты законодательствомъ Николая I. Зато въ сферѣ высшаго управленія шелъ другой любопытный процессъ: многія отрасли администраціи извлекались изъ круга министерскаго вѣдѣнія и переходили въ непосредственное вѣдѣніе государя. Въ царствованіе Николая I необычайно разростается „Собственная Его Императорскаго Величества Канцелярія". *Первое* отдѣленіе этой канцеляріи сосредоточивало въ себѣ дѣла, подлежавшія личному разсмотрѣнію государя, а также наблюденіе за исполненіемъ высочайшихъ повелѣній. Съ 1846 г. сюда же были присоединены дѣла государственной службы гражданскаго вѣдомства. Въ 1826 г. было образовано *второе* отдѣленіе названной канцеляріи — кодификаціонное, замѣнившее собою упраздненную комиссію составленія законовъ. Въ томъ же году возникло знаменитое *третье* отдѣленіе подъ начальствомъ шефа корпуса жандармовъ, вѣдавшее высшую полицію. Видная и громкая печальной памяти роль выпала на долю этого учрежденія въ царствованіе Николая I. Въ 1828 году появляется *четвертое* отдѣленіе для завѣдыванія благотворительными и и учебными заведеніями, находившимися подъ покровительствомъ имп-цы Маріи Θеодоровны. Въ 1836 г. было открыто временное *пятое* отдѣленіе—для руководства преобразованіемъ управленія казенными крестьянами и наконецъ въ 1843 г.— также временное *шестое* отдѣленіе— для разработки правилъ по устройству Закавказскаго края. Въ этомъ послѣдовательномъ ростѣ собственной Канцеляріи Его Величества нельзя не видѣть проявленія той идеи, что только обыкновенныя или давно налаженныя отрасли администраціи могутъ быть ввѣряемы завѣдыванію министерствъ, но всякое крупное государственное начинаніе, выходящее изъ рамокъ текущей административной практики, должно быть ведено внѣ общаго по-

*) Ibid., стр. 19—21.

рядка, должно стать подъ болѣе непосредственный надзоръ и направляющее руководительство самого монарха. Конечно, это было чисто фиктивное разграниченіе, ибо что же представляли собою эти обширныя отдѣленія названной канцеляріи, какъ не тѣ же министерства, построенныя цѣликомъ на обычныхъ бюрократическихъ основаніяхъ?

Переходя теперь отъ центральныхъ государственныхъ учрежденій къ мѣстному управленію, мы встрѣтимъ тамъ другой любопытный процессъ. Конечно, и въ области мѣстнаго управленія правительство имп. Николая Павловича всецѣло стояло на почвѣ бюрократической системы. Чиновничество, „крапивное сѣмя", царило по всей линіи. „Общество" разсматривалось, какъ совокупность плательщиковъ государственныхъ повинностей или выполнителей разныхъ „службъ" — военныхъ или гражданскихъ. Мемуаристы того времени разсказываютъ намъ по истинѣ чудовищныя эпопеи произвола, хищничества, взяточничества, волокиты, бумагописанія, подъ гнетомъ которыхъ задыхалась страна и гибла всякая живая мысль, всякое честное намѣреніе. Читайте комедіи Сухово-Кобылина. Тамъ въ точности изображены типичные канцелярскіе порядки Николаевской эпохи, которые превращали правительственныя учрежденія въ настоящіе воровскіе и разбойничьи притоны, куда опасно было заглядывать беззащитному человѣку. Казалось бы, при господствѣ такихъ воззрѣній и такихъ порядковъ не могло быть мѣста никакому проявленію общественной самостоятельности въ сферахъ мѣстнаго управленія. Но жизнь пересиливала систему. Бюрократія мнила себя всесильной. Но на повѣрку она не могла справиться со своими задачами безъ услугъ земства. И вотъ въ царствованіе Николая Павловича въ самый разгаръ бюрократическаго всевластія начинаютъ возникать подъ давленіемъ необходимости зародыши мѣстнаго самоуправленія. Дворянскія и городскія общества, появившіяся еще при Екатеринѣ II, получаютъ болѣе точную и упорядоченную организацію. Выборные элементы проникаютъ и въ чисто бюрократическія мѣстныя учрежденія въ качествѣ необходимыхъ сотрудниковъ короннаго чиновничества. Конечно, всѣ эти зародыши земскаго самоуправленія были чахлы, господствующія условія времени обрекали ихъ на жалкое, приниженное существованіе; но уже самое ихъ появленіе въ составѣ мѣстныхъ административныхъ органовъ было знаменательно, оно указывало на то, что полное отстраненіе мѣстныхъ общественныхъ силъ отъ участія въ управленіи есть неосуществимая химера.

Въ 1837 г. была упразднена должность генералъ-губернатора, какъ постоянный и повсемѣстно дѣйствующій институтъ, который весьма трудно было согласовать съ властью министровъ. Это содѣйствовало усиленію централизаціи въ управленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ по наказу 1837 г. губернаторъ сдѣлался единственнымъ высшимъ начальникомъ губерніи, и его власть стала простираться на всѣ части управленія. Затѣмъ, по закону 1845 г. губернское правленіе получило болѣе опредѣленную компетенцію и, переставъ дѣй-

ствовать исключительно по предписаніямъ губернатора, пріобрѣло значеніе самостоятельнаго учрежденія. Законъ опредѣлилъ случаи, въ которыхъ губернскія правленія могли дѣйствовать самостоятельно безъ участія губернатора.

Важнѣе всѣхъ указанныхъ только что перемѣнъ были явленія другого рода. Въ мѣстномъ управленіи начинаютъ выдѣляться въ особыя вѣдомства отдѣльныя стороны мѣстнаго хозяйства и благоустройства. Часть санитарная, пути сообщенія, призрѣніе бѣдныхъ, цѣло народнаго продовольствія организуются мало по малу въ спеціальныя учрежденія.— Въ 1833 г. учреждаются *губернскія дорожныя комиссіи,* соединяющіяся въ 1848 г. съ *строительными комиссіями*, въ 1834 г. основаны *„общія губернскія комиссіи народнаго продовольствія“*, въ 1851 г. возникаютъ *„комитеты о земскихъ повинностяхъ“*.— Всѣ эти учрежденія получаютъ составъ наполовину коронный, наполовину выборный. Въ ихъ дѣятельности намѣчаются первыя отдаленныя очертанія будущей дѣятельности земскихъ учрежденій пореформенной Россіи. Я уже указалъ выше на то, въ какихъ неблагопріятныхъ для своего развитія условіяхъ, въ какомъ приниженномъ и придавленномъ положеніи влачили тогда свое существованіе эти зародыши земской самодѣятельности. Поясню эту мысль примѣромъ „комитетовъ о земскихъ повинностяхъ“. Въ нихъ участвовали—губернаторъ, въ качествѣ предсѣдателя, начальники палатъ казенной и государственныхъ имуществъ, начальникъ удѣльной конторы и затѣмъ—предводители и депутаты дворянства, городскіе головы губернскихъ городовъ и депутаты отъ городовъ не-губернскихъ. Задачу комитетовъ составляло изготовленіе смѣтъ и раскладокъ земскихъ денежныхъ повинностей для каждой губерніи на три года. Выполненіе даже и этой скромной задачи было обставлено такими условіями, при которыхъ роль земскаго элемента дѣлалась совершенно призрачной. Помимо того, что въ составѣ комитетовъ мѣстные чиновные нотабли заслоняли представителей земли, самая работа комитетовъ была сведена къ подготовительнымъ, черновымъ дѣйствіямъ, не имѣвшимъ никакого рѣшающаго значенія. Въ сущности комитеты только давали матеріалъ, на основаніи котораго высшія государственныя учрежденія сами уже составляли смѣты. Изготовленные комитетами проекты смѣтъ отдавались на разсмотрѣніе министрамъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, удѣловъ и генералъ-губернаторамъ. На основаніи замѣчаній всѣхъ этихъ инстанцій министръ финансовъ составлялъ табель повинностямъ и общую роспись денежнымъ сборамъ и расходамъ на земскія повинности. Роспись и табели вносились въ департаментъ экономіи и затѣмъ—въ общее собраніе государственнаго совѣта и наконецъ утверждались императоромъ.

Самыя „земскія повинности“, о которыхъ шла рѣчь въ этомъ случаѣ, далеко не соотвѣтствовали по существу этому названію. На счетъ земскихъ повинностей относились то предметы частныхъ потребностей отдѣльныхъ сословій и обществъ, то предметы государственной необходи-

мости, которые удовлетворялись ранѣе изъ казенныхъ суммъ.

Если участіе общественныхъ представителей въ общихъ административныхъ учрежденіяхъ было столь минимальнымъ и эфемернымъ, то не восполнялся ли этотъ недостатокъ дѣятельностью сословныхъ самоуправляющихся обществъ—дворянскаго и городского, — которыя существовали еще со временъ Екатерины II? И дворянскія собранія и городскія думы были весьма далеки отъ процвѣтанія въ первой четверти XIX столѣтія. Дворянскіе выборы падали очень быстро послѣ первыхъ сравнительно болѣе удачныхъ опытовъ, городскія думы съ самаго начала превратились въ послушное орудіе коронной городской полиціи. Въ царствованіе Николая Павловича были сдѣланы нѣкоторые опыты оживленія и дворянскаго, и городского самоуправленія. Необходимо бросить взглядъ на содержаніе и результаты этихъ опытовъ. Въ 1831 г. было издано *новое положеніе о дворянскихъ обществахъ*. Въ основу этого закона легли двѣ руководящія цѣли: 1) точнѣе и опредѣлительнѣе выяснить подробности устройства этихъ обществъ, слишкомъ недостаточно намѣченныя въ екатерининскомъ законодательствѣ, и 2) улучшить личный составъ дворянскихъ собраній. Первою цѣлью были продиктованы статьи новаго положенія: 1) точнѣе опредѣляющія роды и виды дворянскихъ собраній съ ихъ раздѣленіемъ на губернскія и уѣздныя; обыкновенныя и чрезвычайныя съ обозначеніемъ порядка созыва и открытія каждаго изъ такихъ собраній, 2) точнѣе опредѣляющія порядокъ выборовъ должностныхъ лицъ на дворянскихъ собраніяхъ; 3) точнѣе обозначающія порядокъ направленія петицій, возбуждаемыхъ дворянскими собраніями; кромѣ того, положеніемъ 1831 г. право петицій существенно расширялось дозволеніемъ ходатайствовать въ нихъ не только о нуждахъ дворянскаго сословія, но и объ устраненіи всякаго рода мѣстныхъ злоупотребленій и неудобствъ, хотя бы и происходящихъ отъ какого - либо общаго постановленія; 4) статьи, впервые точно исчисляющія предметы занятій уѣздныхъ дворянскихъ собраній, вовсе не опредѣленные жалованной грамотой, и наконецъ 5) статьи, касающіяся замѣщенія разныхъ должностей по выбору отъ дворянства; здѣсь въ особенности надлежитъ отмѣтить полное уравненіе мѣстной службы дворянства на выборныхъ должностяхъ съ общею государственною службою въ наградахъ и выгодахъ и расширеніе круга должностей, замѣщаемыхъ дворянскими выборами; такъ, дворянству было предоставлено право выбирать не только членовъ, но и предсѣдателей судебныхъ палатъ. Кромѣ того, узаконенія 1831 г. подробно опредѣляли самый порядокъ замѣщенія дворянами выборныхъ должностей.

Вторая цѣль, поставленная законодателемъ,—улучшеніе личнаго состава дворянскихъ избирательныхъ собраній,—вызвала другой рядъ постановленій, въ которыхъ осуществлялась мысль, выдвинутая еще въ комитетѣ 6 декабря о необходимости сократить участіе въ дворянскихъ избирательныхъ собраніяхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ установленіемъ значительнаго избирательнаго ценза.

Положеніе 1831 г., развитое и дополненное нѣкоторыми постановленіями 1832 и 1836 гг., значительно повысило активный имущественный цензъ сравнительно съ жалованной грамотой 1785 года: къ непосредственному пользованію активнымъ избирательнымъ правомъ допускались теперь дворяне, имѣющіе не менѣе ста душъ крестьянъ мужского пола, а также не менѣе 3.000 десятинъ земли, хотя и незаселенной, но въ одной губерніи. Для дворянъ, пріобрѣвшихъ во время дѣйствительной службы, а не при отставкѣ чинъ полковника или дѣйствительнаго статскаго совѣтника цензъ понижался (по закону 1836 г.) до 5 душъ крестьянъ или 150 десятинъ незаселенной земли. Дворяне, не получившіе указанныхъ выше чиновъ, но обладающіе цензомъ не ниже 5 душъ или 150 десятинъ, получили право участвовать въ выборахъ *чрезъ уполномоченныхъ*. Нельзя отрицать того, что всѣ изложенныя постановленія были внушены желаніемъ оживить дѣятельность дворянскихъ собраній и поднять ихъ значеніе. Цѣль эта не была, однако, достигнута. И не мудрено: дѣятельность самоуправляющихся обществъ не можетъ получить оживленія отъ однихъ техническихъ усовершенствованій ихъ внутренняго распорядка, для этого необходима прежде всего наличность благопріятныхъ общихъ условій въ жизни всей страны, необходима наличность здоровой атмосферы истинной законности и правомѣрной свободы. Въ бюрократическо-крѣпостнической Россіи времени Николая Павловича самоуправляющіеся союзы могли представлять изъ себя не болѣе, какъ каррикатурныя пародіи на самоуправленіе, какъ бы подробно ни были разработаны регламенты ихъ устройства и ихъ дѣятельности. Дворянство чувствовало это — сознательно или безсознательно—и не дорожило своимъ сословнымъ самоуправленіемъ. Недаромъ въ тотъ же законъ 1831 г. пришлось включить рядъ постановленій, направленныхъ на побужденіе мѣстнаго дворянства къ дѣятельному участію въ дворянскихъ собраніяхъ. Въ этомъ законѣ участіе дворянъ въ собраніяхъ названо даже *обязанностью*, освобожденіе отъ которой можетъ быть допускаемо только по уважительнымъ причинамъ. За непосѣщеніе собраній безъ уважительныхъ причинъ собранію предоставлялось налагать на дворянина штрафы въ пользу дворянской казны въ размѣрѣ отъ 25 до 250 р. и даже временно исключать его изъ дворянскаго собранія. Но и эти постановленія не принесли желаемыхъ результатовъ. Уклоненіе дворянъ отъ участія въ собраніяхъ и выборахъ составляло хроническое явленіе и въ 30-хъ, и въ 40-хъ, и въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія, на что имѣются положительныя официальныя указанія.

Вопросъ о *городскомъ самоуправленіи* также не былъ обойденъ законодательствомъ этого царствованія. Выработка новаго Городового положенія для Петербурга (1846 г.) считалась даже въ свое время наиболѣе смѣлымъ шагомъ Николаевскаго правительства на пути преобразованій. Въ Городовомъ положеніи 1846 г. хотѣли видѣть—какъ бы въ исключеніе изъ общаго характера политики этого царствованія — официальное признаніе принципа обществен-

ной автономіи. Не даромъ одинъ изъ главныхъ участниковъ этой реформы, Николай Милютинъ, получилъ въ придворныхъ сферахъ Петербурга репутацію „краснаго", именно за свои работы по составленію названнаго положенія, репутацію, уже при новомъ государѣ едва не помѣшавшую ему принять участіе въ крестьянской реформѣ! Когда сообразишь возможность такого факта, когда припомнишь, что даже екатерининское Городовое положеніе 1785 г. въ глазахъ петербургскаго генералъ-губернатора въ 1861 г. казалось безвреднымъ въ политическомъ отношеніи только потому, что оставалось „мертвой буквой" *), — тогда конечно невольно отдаешь полную справедливость стараніямъ Милютина сдѣлать хотя что-нибудь для поддержанія началъ муниципальной автономіи въ періодъ расцвѣта полицейской государственности. Но, вглядываясь безотносительно въ содержаніе Городового положенія 1846 г., нельзя не признать, что злоключенія, испытанныя Милютинымъ, свидѣтельствуютъ не о радикализмѣ преобразовательныхъ идей, вложенныхъ въ этотъ законодательный актъ, а лишь о необычайной политической косности той среды, которая могла усматривать въ этомъ законѣ какую-то новаторскую смѣлость. На самомъ дѣлѣ и Городовое положеніе 1846 г., несмотря на всѣ благія побужденія и стремленія составителей, носило на себѣ глубокую печать своего времени или, если угодно, своего безвременья. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно являлось даже шагомъ назадъ, по сравненію съ Городовымъ положеніемъ 1785 г.

Екатерининское Городовое положеніе 1785 г. впервые провозглашало два новые въ исторіи нашего муниципальнаго управленія принципа: 1) объединеніе *всѣхъ* элементовъ городского населенія безъ различія ихъ сословнаго происхожденія въ одномъ всесословномъ „обществѣ градскомъ", 2) предоставленіе этому всесословному градскому обществу права самостоятельнаго завѣдыванія мѣстнымъ городскимъ хозяйствомъ не только въ цѣляхъ удовлетворенія фискальныхъ государственныхъ потребностей, но и въ цѣляхъ удовлетворенія нуждъ самого городского населенія. Надо замѣтить однако, что уже въ екатерининскомъ законодательствѣ эти начала, будучи только намѣчены, не были послѣдовательно развиты и проведены въ жизнь. Многочисленными отступленіями и ограниченіями законъ ослабилъ значеніе провозглашенныхъ имъ принциповъ и, можно сказать, отдалъ ихъ на жертву умерщвляющему вліянію жизненной рутины. Послѣдующія царствованія принесли съ собой много измѣненій въ строѣ городского управленія, еще болѣе исказившихъ начала жалованной грамоты 1785 г., и ко времени воцаренія Николая Павловича екатерининское Городовое положеніе, попрежнему офиціально признаваемое дѣйствующимъ закономъ, находилось на самомъ дѣлѣ въ состояніи полнаго разгрома. Планъ Екатерины II объединить всѣхъ городскихъ жителей безъ различія сословій въ общей дружной работѣ на почвѣ городского самоуправленія потерпѣлъ совершенное крушеніе.

*) Дитятинъ.—Устройство и управленіе городовъ въ Россіи, т. II, стр. 426.

Нельзя было звать сословія къ общей дѣятельности, оставляя въ силѣ и даже еще болѣе укрѣпляя сословныя перегородки, разобщившія различные элементы населенія. Дворяне гнушались совмѣстной работой съ купцами и мѣщанами, боясь запачкать свое „благородство". Купцы и мѣщане въ свою очередь сторонились отъ дворянъ, опасаясь, какъ бы послѣдніе, проникнувъ въ городскія учрежденія, не захватили въ свои руки все вліяніе на городскія дѣла. Въ результатѣ, несмотря на законъ 1785 г. и прямо вопреки его смыслу и его буквѣ, и „градское общество" и органы этого общества—городскія думы—стали фактически чисто сословными учрежденіями, въ которыхъ жившее въ городахъ дворянство не принимало участія. Это систематическое нарушеніе закона 1785 г. до такой степени укоренилось и вошло въ жизнь, что въ сознаніи общества утвердилась ложная мысль о томъ, что самъ законъ требуетъ такого порядка. Не даромъ въ 1845 г. Милютину пришлось составлять особую обширную записку въ доказательство того, что Городовое положеніе 1785 г. не только не противорѣчитъ участію дворянъ въ городскомъ самоуправленіи, но наоборотъ, прямо и положительно включаетъ живущихъ въ городахъ дворянъ въ составъ градскаго общества *).

Не въ меньшей степени подверглось крушенію и другое начало муниципальнаго строя, провозглашенное въ 1785 г.: самостоятельность выборныхъ городскихъ учрежденій въ завѣдываніи городскимъ хозяйствомъ.

*) Ibid., стр. 40.

Уже въ законодательствѣ Екатерины II этотъ вопросъ былъ поставленъ совершенно неудовлетворительно: городскимъ думамъ была предоставлена чисто призрачная самостоятельность. Коронная полиція получила полную власть во всѣхъ отрасляхъ городского хозяйства, ввѣренныхъ попеченію думъ, и не нужно особенной догадливости, чтобы понять, которое изъ этихъ двухъ конкурирующихъ вѣдомствъ заняло на дѣлѣ господствующее положеніе. Неравное соотношеніе силъ между коронными административными властями и муниципалитетами еще болѣе обострилось къ невыгодѣ послѣднихъ въ теченіе первой четверти XIX ст. И на практикѣ и по закону органы городского самоуправленія превратились въ безгласное и послушное орудіе короннаго начальства, и все „самоуправленіе" городовъ свелось въ концѣ концовъ къ обязательному доставленію денегъ по запросамъ казны изъ собираемыхъ съ горожанъ суммъ.

Жалкое состояніе, въ которомъ находились русскіе города въ первой четверти XIX ст., побудило правительство имп. Николая Павловича обратить вниманіе на реформу городского управленія. Посредствомъ пересмотра городового положенія надѣялись вывести русскій городъ на путь преуспѣянія, оживить городскую промышленность и поднять уровень городской культуры.

Вопросъ о томъ, возможно ли возрожденіе городской жизни путемъ одних административныхъ преобразованій безъ измѣненія всѣхъ соціальныхъ условій и отношеній, въ которыхъ пребывала тогдашняя Россія,

въ правительственныхъ сферахъ того времени, повидимому, не поднимался. Не задавалось правительство и другимъ вопросомъ—какимъ образомъ официальныя совѣщанія и комитеты изыщутъ способы усовершенствовать городское самоуправленіе при общемъ господствѣ полицейской опеки надъ всѣми отраслями народной дѣятельности.

Цѣлый рядъ инстанцій послѣдовательно трудился надъ составленіемъ новаго городового положенія, начиная съ самыхъ первыхъ лѣтъ Николаевскаго царствованія. Еще при Александрѣ I комиссія законовъ вырабатывала проектъ городового положенія. По закрытіи названной комиссіи составленный ею проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе главноуправляющему II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи Балугьянскому, который забраковалъ работу комиссіи и составилъ собственный проектъ, въ 1827 г. поступившій въ государственный совѣтъ. Государственный совѣтъ не придалъ значенія проекту Балугьянскаго и поручилъ министерству внутреннихъ дѣлъ заняться дальнѣйшей разработкой городской реформы. Министерство въ томъ же 1827 г. учредило для этой цѣли особый комитетъ, въ составъ котораго, кромѣ чиновниковъ министерства, вошли два чиновника, по назначенію генералъ-губернаторовъ Петербурга и Москвы. Комитетъ долженъ былъ составить городовое положеніе лишь для обѣихъ столицъ. Работа была закончена къ февралю 1828 года. Жестоко раскритикованный столичными генералъ-губернаторами и дворянскими и купеческими обществами обѣихъ столицъ, которымъ онъ былъ переданъ на заключеніе, этотъ проектъ былъ отвергнутъ государственнымъ совѣтомъ. Въ 1836 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ была организована новая комиссія для пересмотра этого неудачнаго проекта, но и ея труды не получили одобренія и утвержденія. Въ 1840 г. только что упомянутая комиссія была преобразована и съ новымъ составомъ и подъ новымъ наименованіемъ опять принялась за то же дѣло составленія проекта городового положенія. По отзыву министра, комиссія „въ занятіяхъ не подвигалась“ и потому черезъ два года была распущена. Наконецъ, въ 1842 г. при хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ открылось „временное отдѣленіе для устройства городского хозяйства“, въ работахъ котораго дѣятельное участіе принялъ Николай Милютинъ, только еще выступавшій на государственное поприще. Въ теченіе двухъ лѣтъ отдѣленіе составило проектъ городового положенія для Петербурга, которому предшествовали „главныя основанія для начертанія проекта объ общественномъ устройствѣ столичнаго города С.-Петербурга“. Обширныя подготовительныя работы были предприняты отдѣленіемъ въ связи съ составленіемъ этого проекта; помимо собиранія прежнихъ законовъ по городскому управленію, начиная съ Петра Великаго, во многіе города были посланы чиновники для обревизованія всѣхъ сторонъ городского управленія и составленія статистическихъ описаній осмотрѣнныхъ ими городовъ.

Въ апрѣлѣ 1844 г. составленныя

отдѣленіемъ „главныя основанія" были утверждены государственнымъ совѣтомъ, но самый проектъ былъ возвращенъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ для окончательной обработки. Въ 1845 г. министерство изготовило пересмотрѣнный текстъ проекта, который вторично былъ возвращенъ изъ государственнаго совѣта въ виду послѣдовавшихъ возраженій и замѣчаній. Проектъ вторично былъ переработанъ въ министерствѣ и наконецъ послѣ новой его передѣлки уже въ самомъ государственномъ совѣтѣ 13 февраля 1846 г. онъ получилъ высочайшее утвержденіе и сталъ закономъ.

Во всѣхъ этихъ многочисленныхъ проектахъ на первый планъ выдвигалась идея привлеченія къ дѣйствительному участію въ городскомъ самоуправленіи живущихъ въ городахъ дворянъ. Возстановить предначертанную въ екатерининскомъ положеніи всесословность городскихъ думъ, отнять у нихъ исключительный купеческо-мѣщанскій характеръ, какой онѣ приняли въ жизни вопреки замысламъ законодательницы, — вотъ въ чемъ видѣли главную задачу обновленія городского управленія составители всѣхъ упомянутыхъ выше проектовъ. Казалось бы, единственнымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли могло явиться устраненіе коренныхъ причинъ, препятствовавшихъ до тѣхъ поръ дружному сліянію сословій на почвѣ городского самоуправленія. Такихъ причинъ было двѣ: 1) рѣзкая обособленность сословій во всемъ складѣ русской жизни того времени: лишь глубокая демократизація общественнаго порядка, немыслимая безъ полной перестановки всѣхъ соціально-экономическихъ отношеній, могла бы потушить междусословный антагонизмъ, не дозволявшій дворянину вступать въ общее собраніе съ купцомъ и мѣщаниномъ; 2) безгласное подчиненіе органовъ городского самоуправленія коронному начальству: лишь настоящая независимость и самостоятельность муниципальныхъ учрежденій могла бы сдѣлать ихъ привлекательными для всѣхъ слоевъ населенія. Устранить первую причину крушенія екатерининскаго Городового положенія составители проектовъ новаго закона конечно не могли: не росчеркомъ пера, а медленной соціальной эволюціей совершается демократизація обществъ. Устранить вторую причину составители не хотѣли или не считали нужнымъ: стремясь привлечь дворянъ къ фактическому участію въ городскихъ учрежденіяхъ, они не только не ослабляли, но нерѣдко еще усиливали зависимость этихъ учрежденій отъ бюрократическаго надзора и властнаго руководительства кореннаго начальства. Они считали возможнымъ вдохнуть жизнь въ трупъ городского самоуправленія, приставляя къ нему тысячи кровососущихъ пьявицъ. Не трудно предугадать, насколько успѣшными должны были оказаться при этихъ условіяхъ попытки обновленія муниципальной жизни, хотя бы только въ одномъ Петербургѣ. Окончательнымъ результатомъ всѣхъ этихъ попытокъ явился, какъ уже сказано, законъ 1846 г., вводившій новое городовое положеніе для одного Петербурга. Какое же значеніе могъ получить этотъ законъ въ исторіи городского самоуправленія Россіи? Всего лучше на этотъ

вопросъ отвѣтитъ намъ сопоставленіе названнаго закона со старымъ [Городовымъ положеніемъ 1785 г.

Совершенно согласно съ общимъ духомъ законодательства Николаевской эпохи, разсматриваемый новый законъ былъ изданъ въ качествѣ „разработки" стараго положенія, которое въ своихъ основныхъ началахъ было признано подлежащимъ незыблемому сохраненію. Главнѣйшіе пункты, которыхъ коснулась „разработка", состояли въ слѣдующемъ.

Новое положеніе стремилось прежде всего яснѣе и опредѣленнѣе установить принадлежность къ градскому обществу всѣхъ слоевъ городского населенія, включая и живущихъ въ городахъ дворянъ. И потому вмѣсто простого установленія общаго имущественнаго ценза для участія въ городскомъ обществѣ, теперь поименно перечислялись всѣ разряды населенія, составляющіе городское общество. Но освящая всесословность городского общества, положеніе 1846 г. не дѣлаетъ его *без*сословнымъ. Наоборотъ, теперь еще сильнѣе подчеркивалась раздѣльность тѣхъ сословныхъ группъ, которыя должны были объединиться въ городскомъ управленіи, отнюдь не сливаясь, однако, въ однородную массу. Во-первыхъ, разныя сословія входятъ въ городское общество на различныхъ основаніяхъ: дворяне, почетные граждане и разночинцы—по владѣнію недвижимой собственностью въ чертѣ города, а купцы, мѣщане и цеховые ремесленники—просто въ силу принадлежности къ опредѣленному податному состоянію. Затѣмъ и въ составѣ этого самаго градскаго общества сословныя группы дѣйствуютъ раздѣльно. Для выборовъ гласныхъ въ думу каждое сословіе составляетъ особое избирательное собраніе; далѣе, каждая сословная группа избираетъ гласныхъ только изъ своей собственной среды. „Общая дума", такимъ образомъ составленная, является лишь механическимъ соединеніемъ представителей отдѣльныхъ сословій. Она и формально раздѣляется на 5 отдѣленій по числу городскихъ сословій *). У каждаго отдѣленія—свой сословный старшина.

Въ высшей степени рѣдко общая дума дѣйствуетъ въ полномъ составѣ, т. е. въ видѣ общаго собранія гласныхъ всѣхъ отдѣленій. Обыкновенно дума собирается *по отдѣленіямъ,* въ которыхъ гласные каждаго сословія разсматриваютъ особо дѣла, до него касающіяся. Этого мало: даже и такія дѣла, которыя касаются *нѣсколькихъ* сословій, разсматриваются въ каждомъ отдѣленіи думы *порознь,* причемъ приговоромъ думы считается рѣшеніе, за которое выскажется большинство по всѣмъ отдѣленіямъ. Такой же всесословный, но не безсословный составъ приданъ и „распорядительной думѣ"—органъ, соотвѣтствовавшій шестигласной думѣ по положенію 1785 г. Члены распорядительной думы избираются опять-таки по сословіямъ. То же начало было примѣнено и къ городскому депутатскому собранію. Это послѣднее учрежденіе даже по положенію 1785 г. имѣло безсословную организацію. Теперь

*) Отдѣленія: 1) потомственныхъ дворянъ, 2) дворянъ личныхъ и почетныхъ гражданъ, 3) купцовъ, 4) мѣщанъ и 5) ремесленниковъ.

здѣсь вводятся тѣ же выборы по сословнымъ группамъ и то же производство дѣлъ по обособленнымъ сословнымъ отдѣленіямъ, какъ и въ общей думѣ. Изложенныя постановленія имѣли цѣлью привлечь дворянъ къ фактическому участію въ городскомъ самоуправленіи, не пугая ихъ перспективой полнаго смѣшенія съ сѣрой купеческой и мѣщанской массой. Законодатель пошелъ еще дальше и постарался сосредоточить въ рукахъ высшихъ, или, по выраженію разсматриваемаго закона, *старшихъ*, сословій преимущественное руководящее вліяніе на ходъ городскихъ дѣлъ. Такъ, при разсмотрѣніи какого-либо вопроса въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ общей думы, первоначально должны были постановить свои рѣшенія отдѣленія двухъ „старшихъ" сословій, остальныя отдѣленія получаютъ эти уже готовыя рѣшенія и прямо приступаютъ къ ихъ баллотированію и только, если баллотировка не дастъ благопріятнаго для нихъ результата, младшія отдѣленія приступаютъ къ самостоятельному обсужденію вопроса. На практикѣ этотъ странный порядокъ сводился просто на просто къ тому, что младшія отдѣленія принимали къ подписанію готовыя резолюціи старшихъ, чѣмъ и ограничивалось ихъ участіе въ дѣлахъ думы. Въ думѣ „распорядительной" главенство „старшихъ" сословій выражалось уже въ крайне неравномѣрномъ распредѣленіи мѣстъ, занимавшихся представителями отдѣльныхъ сословій: изъ 12 выборныхъ членовъ распорядительной думы каждое изъ трехъ высшихъ сословій выбираетъ по 3 представителя (итого—9), тогда какъ два низшія сословія—мѣщане и ремесленники—оба вмѣстѣ представлены тремя гласными. Всѣ эти заботы по выдвиганію на первый планъ въ дѣятельности думъ представителей дворянства и почетнаго гражданства вытекали изъ увѣренности въ томъ, что одного привлеченія къ городскимъ дѣламъ высшихъ слоевъ городского населенія будетъ достаточно для возрожденія захудалаго городского самоуправленія. Посмотримъ же, какія рамки ставило положеніе 1846 г. для обновленныхъ по составу и призываемыхъ къ возрожденію городскихъ учрежденій.

Прежде всего достойно упоминанія, что положеніе 1846 г. значительно сократило количество избирателей при выборахъ въ думу, поднявъ установленный для того имущественный цензъ съ 15 р. серебромъ чистаго дохода до 100 р. с. Количество избираемыхъ въ общую думу гласныхъ опредѣлялось положеніемъ 1846 г. minimum по 100 и maximum по 150 человѣкъ отъ каждаго сословія, т. е. на всю общую думу minimum 500 и maximum—750 гласныхъ*). Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить что всѣ городскія сословія, независимо отъ ихъ численности, выбирали по одинаковому числу гласныхъ, это—новая привилегія для высшихъ сословій, значительно уступавшихъ количественно низшимъ слоямъ городского населенія. Гласные избираются на три года, какъ и по старому положенію. О раздѣленіи общей думы на секціи было сказано выше. Объединительнымъ органомъ всей думы служилъ городской голова. Въ порядкѣ замѣщенія этой важной дол-

*) Уже въ 1862 г. число гласныхъ общей думы было сокращено до 250 человѣкъ.

жности положеніе 1846 г. рѣзко отступаетъ отъ стараго положенія къ невыгодѣ для муниципальной автономіи. По законамъ Екатерины II городской голова избирался самимъ градскимъ обществомъ и лишь утверждался въ должности правительствомъ. Теперь дума (а не все градское общество) должна была выбирать изъ своей среды лишь двухъ кандидатовъ, одного изъ которыхъ утверждаетъ императоръ. Кандидаты могутъ быть намѣчаемы лишь изъ среды дворянства, почетнаго гражданства и первогильдейскаго купечества, притомъ не моложе 30 лѣтъ отъ роду и съ недвижимой собственностью не ниже 15 тысячъ рублей. Измѣненіемъ порядка при замѣщеніи должности городского головы не ограничились постановленія новаго закона, суживавшія примѣненіе выборнаго начала въ городскомъ управленіи. Такъ, весь составъ думской канцеляріи опредѣлялся правительствомъ.

Въ составъ „распорядительной думы“, замѣнившей собою прежнюю шестигласную, сверхъ 12 выборныхъ гласныхъ былъ введенъ еще тринадцатый „членъ отъ короны.“ Составители положенія 1846 г. не только не опасались бюрократизаціи муниципальныхъ учрежденій, но наоборотъ усматривали причину неудачи городской реформы 1785 г. какъ разъ въ томъ, что примѣненіе и развитіе началъ екатерининскаго положенія было предоставлено всецѣло „самимъ *обществамъ*, слишкомъ мало образованнымъ для этого“. И вотъ, членъ отъ короны, назначаемый самимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, долженъ былъ, по ихъ замыслу, оживотворить муниципальное управленіе, внося въ него съ своей стороны административный опытъ и просвѣщенное воззрѣніе на дѣла.

Предѣлы вѣдомства городскихъ думъ, кругъ предоставленныхъ имъ дѣлъ оставался тотъ же, что и по положенію 1785 г., но при этомъ не только не ослаблялось, но даже еще усиливалось вмѣшательство коронной администраціи въ дѣятельность городскихъ учрежденій. Опека и надзоръ со стороны коронной власти опутывали городское самоуправленіе по рукамъ и ногамъ. Не говоря уже о томъ, что всѣ наиболѣе важныя функціи отправлялись думою не иначе, какъ съ утвержденія „начальства“, слѣдуетъ замѣтить, что и внутренній распорядокъ городскихъ учрежденій, взаимныя отношенія отдѣльныхъ муниципальныхъ органовъ въ самой широкй мѣрѣ подчинялись усмотрѣнію различныхъ „начальствъ“. Такъ, распорядительная дума, по существу — исполнительный органъ общей думы, была поставлена въ непосредственное подчиненіе не общей думѣ, а коронной администраціи. Всякій приговоръ общей думы, съ которымъ распорядительная пума не согласится, послѣдняя могла представить начальнику губерніи, который съ своей стороны могъ внести спорное дѣло съ своимъ заключеніемъ на разрѣшеніе военнаго генералъ-губернатора. Легко видѣть, что изложенное правило въ сущности сводило къ нулю право общей думы принимать самостоятельныя рѣшенія по управленію городомъ. Но и распорядительная дума въ свою очередь была поставлена въ такое же положеніе по отношенію къ своему пред-

сѣдателю—городскому головѣ. Мѣстное „главное начальство“ получило право предписывать городскому головѣ принимать *лично*, безъ предварительнаго доклада распорядительной думѣ, неотложныя мѣры по дѣламъ общественнаго управленія. Усмотрѣніе короннаго начальства продвигалось между головой и распорядительной думой точно такъ же, какъ и между двумя думами — распорядительной и общей. Система автономныхъ муниципальныхъ учрежденій, воздвигнутая положеніемъ 1846 г., на повѣрку оказывалась чистой фикціей, и отдѣльныя части этой системы, въ сущности обособленныя другъ отъ друга, превращались просто на просто въ рядъ исполнительныхъ органовъ коронной власти. Все вообще городское управленіе было отдано по этому положенію „подъ главное наблюденіе и вѣдѣніе военнаго генералъ-губернатора“. Помимо распоряженія этого послѣдняго не могло быть созвано ни одно собраніе „градскаго общества“ и общей думы. Военный генералъ-губернаторъ разрѣшалъ несогласія, возникавшія между обѣими думами; онъ же по соглашенію съ министромъ внутрен. дѣлъ составлялъ инструкцію члену отъ короны, входившему въ составъ распорядительной думы; онъ же назначалъ одного изъ выбранныхъ общею думою кандидатовъ на должность городского секретаря, утверждалъ изъ выбранныхъ кандидатовъ сословныхъ старшинъ, утверждалъ въ должности членовъ распорядительной думы и торговой депутаціи. Наконецъ, рѣшенія распорядительной думы по нѣкоторымъ категоріямъ дѣлъ обязательно представлялись на его утвержденіе. Наряду съ военнымъ генералъ-губернаторомъ на городское самоуправленіе Петербурга распространялъ свое „непосредственное вѣдѣніе“ и гражданскій губернаторъ. Онъ обязательно предсѣдательствовалъ въ распорядительной думѣ при разсмотрѣніи ежегодной росписи и кромѣ того могъ занять тамъ предсѣдательское мѣсто всегда, когда находилъ это нужнымъ; онъ могъ предписать думѣ внести въ дополнительныя росписи расходъ на тѣ или другія нужды, признанныя имъ неотложными. Справедливо замѣчаетъ Дитятинъ *), что въ этихъ случаяхъ правительственная власть уже не ограничивается *надзоромъ* за городскимъ самоуправленіемъ, а переходитъ къ прямому вмѣшательству въ дѣятельность муниципальныхъ учрежденій. Сообразивъ совокупность всѣхъ этихъ постановленій объ отношеніяхъ городскихъ учрежденій къ „коронному начальству“, естественно глубоко усомниться въ томъ, чтобы въ этомъ „обновленномъ“ и „переработанномъ“ городскомъ самоуправленіи осталась еще хотя бы слабая тѣнь истинной муниципальной автономіи. Императоръ Николай Павловичъ, не склонный поощрять преобразовательную предпріимчивость, могъ спокойно дать этому положенію силу закона: оно ничего по существу не реформировало, а если и вводило какія-либо новости сравнительно съ положеніемъ 1785 г., то лишь ради вящшаго торжества той самой бюрократической опеки, которая полагалась во главу угла всей правительственной политики этого

*) Устройство и управленіе городовъ въ Россіи, т. II.

царствованія. Слѣдуетъ ли удивляться тому, что городское населеніе Петербурга не сочло для себя особенно заманчивымъ работу въ обновленномъ городскомъ самоуправленіи, и можно ли, — какъ это иногда дѣлается,—приписывать неуспѣхъ этой правительственной реформы косности общества? Городская реформа 1846 г. была чисто бумажной реформой. Она не опиралась на реальное соотношеніе наличныхъ общественныхъ силъ, она не провозглашала какого-либо животворнаго принципа. Ея практическія послѣдствія свелись къ коекакимъ техническимъ починкамъ старой екатерининской системы городскихъ учрежденій,—и только. Объединить общество на почвѣ городского самоуправленія, раздвинуть рамки муниципальной автономіи и вдохнуть въ ея формы жизненную энергію—такія починки, разумѣется, не могли и, если составители положенія 1846 г. ставили себѣ подобныя задачи, то совершенное ими дѣло приходится признать покушеніемъ съ негодными средствами.

4.

Сословныя реформы: дворянство, почетное гражданство, крестьянскій вопросъ.

Мы уже знаемъ, что къ 1830 г. такъ называемый комитетъ 6 декабря выработалъ проектъ „закона о состояніяхъ", въ которомъ содержались новыя постановленія о всѣхъ сословіяхъ. Намѣченныя въ проектѣ нововведенія были болѣе, чѣмъ скромны: для очистки совѣсти было сказано нѣсколько общихъ фразъ о духовенствѣ, отмѣнялось полученіе дворянскаго достоинства выслугою чиновъ и въ связи съ этимъ проектировалось новое сословіе именитыхъ гражданъ, и наконецъ робко затрагивался вопросъ о крѣпостныхъ крестьянахъ съ явнымъ желаніемъ ограничить разработку этого вопроса частными палліативами и подмѣнить задачу раскрѣпощенія владѣльческихъ крестьянъ задачей улучшенія быта крестьянъ казенныхъ. Какъ ни были осторожны и незначительны всѣ эти предположенія, основанный на нихъ проектъ „закона о состояніяхъ" все же не получилъ осуществленія. Судьба этого проекта очень характерна. Она живо рисуетъ безсиліе законодательной машины, направляемой всемогущей бюрократіей. По приказанію императора упомянутый проектъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Тамъ онъ былъ принятъ послѣ нѣкоторыхъ поправокъ. Императоръ дважды возвращалъ его въ совѣтъ для исправленій, и наконецъ въ іюнѣ 1830 г. проектъ въ окончательномъ видѣ получилъ утвержденіе государя. Казалось бы, дѣло было кончено, оставалось лишь обнародовать новый законъ установленнымъ порядкомъ. Но въ этотъ послѣдній моментъ со-

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

мнѣнія и колебанія овладѣли душою государя. Присущій ему страхъ передъ всякой, хотя бы невинной, реформой сказался со всей силой. Не приступая къ обнародованію закона, государь отправилъ его на предварительное разсмотрѣніе цесаревича Константина Павловича въ Варшаву. Это обстоятельство рѣшило все дѣло. Цесаревичъ представилъ пространный отзывъ, похожій на заклинаніе воздержаться отъ опасной ломки существующихъ порядковъ. По тону отзыва цесаревича можно было бы подумать, что дѣло шло о цѣломъ переворотѣ въ сословной организаціи Россіи. Надежнѣйшая ограда основныхъ государственныхъ законовъ и уставовъ есть ихъ древность; сохраненіе „древняго порядка главныхъ состояній" всего лучше обезпечиваетъ твердость государственнаго быта, и потому предположенныя существенныя перемѣны слѣдовало бы „отдать еще на судъ времени" и во всякомъ случаѣ не осуществлять „вдругъ во многихъ предметахъ", какъ это предлагается въ проектѣ.

Мысли, высказанныя цесаревичемъ, произвели глубокое впечатлѣніе на государя тѣмъ болѣе, что онѣ вполнѣ соотвѣтствовали его собственнымъ убѣжденіямъ. Хотя отзывъ цесаревича и былъ переданъ предсѣдателю государственнаго совѣта для отвѣтныхъ объясненій, которыя и были дѣйствительно составлены, но дѣло объ изданіи „закона о состояніяхъ" уже не получило дальнѣйшаго движенія *). На Западѣ поднялась революціонная гроза, въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе. Трудно было бы указать, какія точки соприкосновенія могли бы получиться между этими политическими сотрясеніями и обнародованіемъ невиннѣйшаго „закона о состояніяхъ", проектированнаго сановными членами комитета 6-го декабря. Но лозунгъ „не время дѣлать реформы" восторжествовалъ по всей линіи съ полученіемъ вѣстей о западныхъ событіяхъ. Чахлое дѣтище сановныхъ думъ вдругъ показалось страшнымъ призракомъ, и его поспѣшили похоронить въ архивной пыли, откуда оно выглянуло, наконецъ, на свѣтъ Божій не ранѣе 1894 г. въ не разъ уже цитированномъ мною Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества.

Посмотримъ теперь, какъ справлялось законодательство Николаевскаго царствованія съ наслѣдіемъ, оставленнымъ ему комитетомъ 6 декабря по вопросу объ устройствѣ общественныхъ состояній.

Вопросъ о реорганизаціи дворянскаго сословія совсѣмъ не ставился на очередь во всемъ его объемѣ. Предположенія, выдвинутыя комитетомъ 6 декабря, отразились на послѣдующемъ законодательствѣ лишь косвенно и частично. Доступъ въ ряды дворянства постороннимъ элементамъ путемъ выслуги чиновъ отмѣненъ не былъ, но зато были повышены условія для такого доступа въ цѣляхъ его ограниченія. Манифестомъ 1845 г. были повышены чины, какъ по военной, такъ и по гражданской службѣ, дававшіе права потомственнаго дворянства: теперь только первый *штабъ*-офицерскій чинъ долженъ былъ приносить потомственное дворянство, а первый

*) Сборн. Истор. Общ., т. 90, стр. 467—536.

оберъ-офицерскій чинъ—лишь личное дворянство, по гражданской же службѣ потомственное дворянство должно было пріобрѣтаться чиномъ 5 класса, а не 8-го, какъ было установлено табелью о рангахъ. Личное дворянство должно было пріобрѣтаться по гражданской службѣ чиномъ 9 класса тогда, какъ чины ниже 9 класса давали только личное почетное гражданство. Такимъ образомъ, предложенія комитета 6 декабря были осуществлены лишь наполовину: пріобрѣтеніе дворянства чиномъ не было уничтожено, но было затруднено. Въ то же время для дворянъ были установлены сокращенные сроки производства въ чины. Другая мѣра, намѣченная комитетомъ 6 декабря по отношенію къ дворянству,—ограниченіе дробимости дворянскихъ имѣній — была осуществлена закономъ 1845 г. о заповѣдныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ. Обширнаго примѣненія этотъ законъ получить не могъ въ виду весьма высокаго минимальнаго размѣра, установленнаго для имѣній, могущихъ быть обращенными въ заповѣдныя: 400 крестьянскихъ дворовъ или 10 тысячъ удобной земли съ доходомъ 12 тыс. р. с. въ годъ.

Наряду съ этими мѣрами, направленными къ поднятію и расширенію привилегій дворянскаго сословія, при Николаѣ Павловичѣ были однако изданы и другого рода узаконенія, которыя ограничивали права дворянства, освященныя еще екатерининской жалованной грамотой. Эти ограничительныя узаконенія были вызваны разнообразными мотивами. Во-первыхъ, и дворянству пришлось принести свои жертвы на алтарь политической реакціи, прочно воцарившейся у насъ при Николаѣ Павловичѣ. Императоръ усиленно старался объ установленіи политическаго карантина на нашей западной границѣ. Онъ усматривалъ страшный вредъ отъ поѣздокъ русскихъ людей въ Западную Европу, обуреваемую либеральными стремленіями, и для предотвращенія этого вреда не остановился передъ нарушеніемъ дворянскихъ правъ, утвержденныхъ грамотой 1785 г. Въ 1831 г. было воспрещено отправлять россійскихъ юношей моложе 18 лѣтъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ, въ 1834 г. срокъ дозволеннаго пребыванія въ чужихъ краяхъ съ узаконеннымъ паспортомъ ограничивался для дворянъ пятью годами (для прочихъ сословій—3-мя годами), въ 1851 г. эти сроки подверглись дальнѣйшему сокращенію: для дворянъ до 3 лѣтъ, для лицъ прочихъ сословій—до двухъ. Въ то же время была сильно повышена оплата заграничныхъ паспортовъ.

Другого рода ограниченія были вызваны желаніемъ привлечь дворянъ къ службѣ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Въ 1837, въ 1840 гг. вышли запрещенія принимать дворянъ на службу въ министерства, пока они не прослужатъ установленныхъ сроковъ въ мѣстахъ губернскихъ. Наконецъ, нѣкоторыя ограниченія дворянскихъ преимуществъ стояли въ связи съ попытками правительства по ослабленію крѣпостного права, которыя будутъ отмѣчены ниже при обзорѣ законодательства по крестьянскому вопросу. Сюда относятся: воспрещеніе пріобрѣтать крестьянъ безъ земли тѣмъ дворянамъ, которые не

владѣютъ населенными имѣніями (1841 г.); стѣсненіе въ правѣ владѣть населенными имѣніями для возведенныхъ въ дворянское достоинство изъ крестьянъ (1842 г.); запрещеніе продавать крестьянъ безъ земли съ публичнаго торга въ удовлетвореніе частныхъ долговъ, а также продавать крестьянъ съ раздробленіемъ семействъ (1833 г.); воспрещеніе отдавать крестьянъ въ работу на горные заводы (1827 г.); ограничительныя правила о правѣ помѣщиковъ ссылать крестьянъ въ Сибирь (1827 и 1828 гг.); регулированіе закономъ карательныхъ мѣръ, примѣняемыхъ къ крестьянамъ помѣщиками (1845—46 гг.); запрещеніе поручать управителямъ безъ вѣдома самого помѣщика удалять крестьянъ изъ имѣнія или отдавать ихъ въ рекруты (1854 г.); запрещеніе сдавать въ аренду имѣнія, населенныя крѣпостными крестьянами (1853 г.). Конечно, всѣ эти постановленія стѣсняли владѣльческія права дворянъ по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ и населеннымъ имѣніямъ. И многимъ дворянамъ уже чудился въ этихъ отрывочныхъ мѣрахъ правительства страшный для нихъ призракъ отмѣны самого крѣпостного права. Эти опасенія не были безосновательны, но для эпохи имп. Николая I они были еще преждевременны.

Ходатаи за незыблемое сохраненіе крестьянской неволи еще окружали тронъ плотной стѣной. Мы сейчасъ перейдемъ къ дѣятельности этихъ сановныхъ крѣпостниковъ, предварительно бросивъ взглядъ на то, что было сдѣлано законодательствомъ Николая Павловича по устройству „средняго состоянія".

Самой крупной мѣрой по отношенію „къ среднему состоянію" было учрежденіе въ 1832 г. *почетнаго гражданства*. То былъ косвенный отголосокъ тѣхъ предположеній, которыя возникали еще въ комитетѣ 6 декабря. Однако, тогда образованіе особаго привилегированнаго разряда лицъ средняго состоянія ставилось въ связь съ проектированной отмѣной полученія дворянскаго достоинства выслугою чиновъ. Какъ мы уже знаемъ, полученіе дворянства чиномъ осталось въ силѣ, а потому и реформа „средняго состоянія" получила иное направленіе. Установленіе почетнаго гражданства въ 1832 г. вызвано было желаніемъ предотвратить обращеніе почтенныхъ купеческихъ фамилій въ мѣщанство вслѣдствіе разстройства денежныхъ дѣлъ и невозможности объявить гильдейскій капиталъ. Съ этою цѣлью и былъ созданъ разрядъ „почетныхъ гражданъ", пребываніе въ которомъ не требовало непремѣннаго сохраненія за собою гильдейскаго капитала.

Соотвѣтственно съ этимъ почетнымъ гражданамъ уже не присвоялось той доли дворянскихъ привилегій, которую комитетъ 6 декабря предполагалъ предоставить „именитымъ гражданамъ". Права почетныхъ гражданъ по закону 1832 г. ограничивались свободою отъ рекрутской повинности, подушнаго оклада и тѣлеснаго наказанія. Тѣми же правами пользовалось и гильдейское купечество. Почетное гражданство дѣлилось на потомственное и личное.

Въ составъ перваго вступали— 1) дѣти личныхъ дворянъ и церковнослужителей съ опредѣленнымъ образовательнымъ цензомъ—*по рожденію*,

2) коммерцъ-и мануфактуръ-совѣтники, купцы, пробывшіе 20 лѣтъ сряду въ первой гильдіи, купцы, получившіе внѣ службы чинъ или орденъ, ученые и художники, имѣющіе ученыя степени и дипломы—*по ходатайству*. Въ составъ личнаго почетнаго гражданства вступали: 1) дѣти церковно-служителей, не обладающихъ установленнымъ образовательнымъ цензомъ—*по рожденію*, 2) лица, кончившія университеты, коммерческія училища и мн. др.—*по ходатайству* и 3) *по служебной выслугѣ*—лица, получившія тѣ чины, которые не давали дворянства.

Какъ видимъ, вопросы о сословной организаціи и дворянства и „средняго состоянія" не вызвали усиленнаго движенія въ законодательствѣ Николаевскаго царствованія. Зато вопросъ *крестьянскій* доставилъ наибольшее количество хлопотъ правительству Николая Павловича *). Императоръ живо сознавалъ всю неотложность разрѣшенія этого больного вопроса законодательнымъ порядкомъ.—Онъ прямо назвалъ крѣпостное право „зломъ, для всѣхъ ощутительнымъ и очевиднымъ". Въ бесѣдѣ со своимъ лучшимъ совѣтникомъ по крестьянскому дѣлу Киселевымъ онъ высказывалъ, что приготовляется начать „процессъ противъ рабства, когда наступитъ время освободить крестьянъ во всей имперіи", и горько жаловался при этомъ на недостатокъ помощниковъ, сочувствующихъ этой идеѣ и понимающихъ всю важность этого вопроса. Но сознаніе неизбѣжности реформы крѣпостныхъ отношеній соединялось у него съ чувствомъ страха передъ крупными соціальными преобразованіями, а желаніе найти надежныхъ помощниковъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ разбивалось объ отчужденіе трона отъ всѣхъ живыхъ, сознательныхъ и передовыхъ элементовъ общества. И попрежнему разработка крестьянскаго вопроса не выходила изъ рамокъ небольшихъ секретныхъ комитетовъ, большинство членовъ которыхъ было завѣдомо враждебно не только отмѣнѣ, но даже и простому смягченію крѣпостного права. Всѣ эти комитеты твердо держались завѣтовъ своего предшественника—комитета 6 декабря: раздроблять вопросъ на частности и второстепенные палліативы, отнюдь не ставя его во всемъ объемѣ. Отмѣна крѣпостного права, какъ общая мѣра, разъ навсегда была признана дѣломъ лишь отдаленнаго будущаго, пока же считалось возможнымъ обсуждать либо частичные способы смягченія крѣпостной зависимости, либо порядокъ отпуска на волю отдѣльныхъ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ. Впрочемъ и при такомъ обсужденіи сами собой намѣчались мало-по-малу общія основанія крестьянской реформы, и въ этомъ отношеніи въ теченіе царствованія Николая Павловича были достигнуты нѣкоторые *теоретическіе* результаты.

Начавъ съ идеи безземельнаго освобожденія, секретные комитеты пришли впослѣдствіи къ мысли о необходимости земельнаго обезпеченія освобождаемаго крестьянина, однако при условіи сохраненія и за помѣщиками права собственности на всѣ ихъ земли.

*) Семевскій—Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. II.

Впервые послѣ распущенія комитета 6 декабря крестьянскій вопросъ вновь былъ сдѣланъ предметомъ официальнаго обсужденія въ 1833—34 годахъ. Тогда въ государственномъ совѣтѣ разсматривался вопросъ о запрещеніи продажи крестьянъ безъ земли.

Послѣ долгихъ обсужденій вопросъ въ общей формѣ былъ похороненъ, и достигнутый законодательный результатъ ограничился воспрещеніемъ продавать крестьянъ безъ земли съ публичнаго торга, а также дробить семьи при продажѣ. Въ мартѣ 1835 г. былъ учрежденъ второй секретный комитетъ „для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій". Въ этомъ комитетѣ уже участвовалъ Киселевъ, дѣятельно занимавшійся крестьянскимъ вопросомъ, изучавшій ходъ крестьянскихъ реформъ въ западныхъ странахъ и самъ практически поработавшій надъ крестьянскимъ дѣломъ въ Молдавіи и Валахіи. Киселевъ имѣлъ свои оригинальныя воззрѣнія на возможныя формы разрѣшенія крестьянскаго вопроса, но въ комитетѣ 1835 г. онъ не игралъ замѣтной роли, уступая первенство старымъ дѣятелямъ—Сперанскому и Канкрину. Немудрено, что комитетъ 1835 г. пошелъ цѣликомъ по прежней дорожкѣ, повторяя общія мѣста изъ протоколовъ комитета 6 декабря. Единственно вѣрнымъ способомъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса былъ признанъ „осторожно размѣренный переходъ отъ одной степени крѣпостной зависимости къ другой, менѣе тяжелой и *нечувствительное* возведеніе крестьянъ отъ состоянія крѣпостного до состоянія свободы".

Старая пѣсня: дѣлать реформы такъ, чтобы никто ихъ не замѣтилъ и не почувствовалъ.

Три степени „состоянія крестьянъ" были намѣчены комитетомъ: 1) полная зависимость отъ помѣщика съ единственнымъ только ограниченіемъ барщинной работы тремя днями въ недѣлю по закону 1797 г.; 2) прикрѣпленіе къ землѣ съ обязательствомъ работать на господина лишь въ указанныхъ закономъ размѣрахъ пропорціонально количеству получаемой отъ помѣщика земли и 3) безземельное освобожденіе съ правомъ обрабатывать владѣльческія земли на основаніи заключаемыхъ съ помѣщиками договоровъ: порядокъ, установленный въ Остзейскомъ краѣ при Александрѣ I.

Приведеніе всѣхъ крестьянъ различныхъ наименованій на эту третью степень, т. е. на положеніе остзейскаго крестьянства, комитетъ и считалъ окончательной формой разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ Россіи. Иначе говоря, комитетъ допускалъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ не иначе, какъ безземельное освобожденіе крестьянъ. Но эта цѣль—совершенно согласно съ характеромъ сужденій и комитета 6 декабря—считалась достижимой лишь медленнымъ и долгимъ путемъ, такъ какъ переходъ отъ одного „состоянія" къ другому предполагался въ видѣ цѣлаго ряда отдѣльныхъ мѣръ и распоряженій, приводимыхъ въ дѣйствіе постепенно и „съ разстановкою" и притомъ составляющихъ такого рода *измѣненія* прежняго порядка, которыя „отнюдь не имѣли бы вида какой-либо *перемѣны*". Можно дѣлать нововведенія, но такъ,

чтобы все оставалось по старому! Формулированіемъ этихъ глубокихъ и смѣлыхъ идей относительно крестьянъ крѣпостныхъ, комитетъ и ограничилъ свои занятія крѣпостнымъ вопросомъ, поспѣшивъ затѣмъ перейти къ казеннымъ крестьянамъ. Министръ финансовъ гр. Канкринъ представилъ на обсужденіе комитета проектъ новаго управленія казенными имуществами и самъ же заявилъ при этомъ, что—по его мнѣнію—сочиненный имъ проектъ ни къ чему не приведетъ. Не мудрено, что дѣятельность комитета 1835 г. не ознаменовалась никакими практическими результатами. Сами его члены не вѣрили въ серьезное значеніе собственныхъ занятій, и комитету оставалось только одно—поскорѣе прекратить свое безцѣльное существованіе.

Въ началѣ 1836 г. онъ былъ распущенъ. Съ этого момента въ разработкѣ крестьянскаго вопроса выдвигается вліяніе Киселева. Кое въ чемъ даровитому и энергичному Киселеву удалось сдвинуть крестьянскій вопросъ съ мертвой точки, но достигнутые имъ послѣ упорныхъ усилій результаты, оказались уже предѣльной чертой тѣхъ успѣховъ, до которыхъ вообще способно было дойти Николаевское правительство. Тотчасъ по закрытіи комитета 1835 г. Киселевъ беретъ въ свои руки реформу быта казенныхъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы воплотить въ реальныя формы отвлеченныя разсужденія предшествующихъ комитетовъ о необходимости подать помѣщикамъ „примѣръ" улучшеніемъ устройства казенныхъ крестьянъ. Киселевъ становится во главѣ вновь образованнаго министерства государственныхъ имуществъ (1836), въ вѣдѣніе котораго переводятся казенные крестьяне, ранѣе состоявшіе въ вѣдомствѣ министерства финансовъ. Дѣятельности Киселева въ этомъ направленіи мы не будемъ касаться; ей посвящается въ настоящей книгѣ самостоятельный очеркъ. Скажемъ только, что, занимаясь казенными крестьянами, Киселевъ не упускалъ изъ виду связи этой ближайшей своей задачи съ крестьянскимъ вопросомъ во всемъ его объемѣ. И когда черезъ три года послѣ закрытія комитета 1836 г. былъ образованъ новый комитетъ по вопросу объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ, Киселевъ сыгралъ первенствующую роль въ его работахъ. Членами новаго комитета, открытаго подъ предсѣдательствомъ кн. Васильчикова, были назначены—кромѣ Киселева,—гр. Орловъ, мин. юстиціи гр. Панинъ, Блудовъ, Тучковъ, Танѣевъ и управ. мин. вн. дѣлъ гр. Строгановъ. Правителемъ дѣлъ при комитетѣ состоялъ Ханыковъ. Комитетъ 1839—1482 г. отличается отъ своихъ предшественниковъ уже тѣмъ, что его работы увѣнчались нѣкоторымъ опредѣленнымъ результатомъ: изданіемъ закона 1842 г. объ *обязанныхъ крестьянахъ*. Правда, этотъ законъ не получилъ—да какъ увидимъ, и не могъ получить сколько-нибудь замѣтнаго практическаго приложенія. Но онъ знаменовалъ собою немаловажный поступательный шагъ въ теоретической постановкѣ крестьянскаго вопроса. Съ этой именно стороны получаетъ особенный интересъ и исторія подготовки названнаго закона въ комитетѣ 1839—1842 гг.

При открытіи комитета ему повелѣно было заняться пересмотромъ закона 1802 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Комитетъ готовился приступить къ выполненію этой задачи на почвѣ тѣхъ же самыхъ воззрѣній, которыя господствовали въ предшествующихъ офиціальныхъ совѣщаніяхъ по крестьянскому вопросу.

Только три года тому назадъ совѣтники императора Николая провозгласили *беземельное* освобожденіе крестьянъ единственной формой, въ которой можетъ разрѣшиться въ отдаленномъ будущемъ крестьянскій вопросъ. И теперь большинство ихъ понимало задачу пересмотра закона 1802 г. именно въ смыслѣ приспособленія этого закона къ подготовкѣ *беземельнаго* освобожденія. Законъ 1802 г. какъ разъ не допускалъ беземельнаго освобожденія и съ этой-то стороны онъ и нуждался, по мнѣнію комитета, въ исправленіи и переработкѣ. Въ предварительной запискѣ, которая была доложена комитету при открытіи его засѣданій, прямо было сказано: „Правительство имѣетъ въ виду улучшить бытъ крестьянъ и постепенно выводить ихъ изъ крѣпостного состоянія, не ослабляя *значущности* достоянія дворянства, *единственно въ земляхъ состоящаго*“. Противъ этой-то программы *беземельнаго* освобожденія и выступилъ со всей энергіей Киселевъ. И ему удалось, наперекоръ господствующимъ воззрѣніямъ, выдвинуть и закрѣпить законодательнымъ порядкомъ совершенно противоположную мысль—*освобожденіе крестьянина должно неразрывно соединяться съ его земельнымъ обезпеченіемъ*.

Однако, по мысли Киселева земельное обезпеченіе освобождаемыхъ крестьянъ отнюдь не должно было производиться насчетъ сокращенія правъ собственности помѣщиковъ на принадлежащія имъ земли. Нужно дать землю крестьянину, не отнимая ее въ то же время и у дворянина. Разрѣшенію этой задачи Киселевъ посвятилъ обширную записку, внесенную имъ въ комитетъ и легшую затѣмъ въ основаніе закона объ обязанныхъ крестьянахъ. И беземельное освобожденіе, и передача крестьянамъ части помѣщичьей земли—говорилось въ запискѣ—одинаково опасно для правильнаго и спокойнаго развитія государственной жизни. Беземельное освобожденіе породитъ сельскій пролетаріатъ, который явится постояннымъ источникомъ революціонныхъ смутъ.

Передача крестьянамъ части помѣщичьей земли поколеблетъ институтъ частной собственности, ослабитъ высшее сословіе, составляющее важнѣйшую нравственную силу въ государствѣ, и наконецъ повлечетъ за собой участіе въ государственномъ управленіи по праву вотчинной собственности массы народа, которая „силою необузданнаго большинства ниспровергнетъ равновѣсіе въ частяхъ государственнаго организма“. Необходимо избѣжать всѣхъ этихъ опасностей. Какъ же сдѣлать это? Исходъ одинъ—избрать средній путь: крестьянамъ предоставляется личная свобода, вся земля попрежнему остается въ собственности помѣщиковъ. Но при этомъ помѣщики обязуются выдѣлить крестьянамъ въ *пользованіе* опредѣленные земельные надѣлы, которые крестьяне *обязаны* обрабатывать за извѣстное вознагражденіе помѣщикамъ. Помѣщикъ не можетъ согнать крестьянина съ его надѣла,

крестьянинъ не можетъ бросить этого надѣла. Личная свобода крестьянина сочетается съ земельнымъ прикрѣпленіемъ, а право собственности помѣщика на принадлежащія ему земли ограничивается обязанностью выдѣлить въ пользованіе крестьянина извѣстный надѣлъ. Остается вопросъ: кѣмъ и какъ должны быть опредѣлены размѣры этихъ надѣловъ и тѣхъ оброковъ или повинностей, которые пойдутъ съ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ за пользованіе надѣлами? Киселевъ высказался въ своей запискѣ за то, чтобы размѣры того и другого были нормированы закономъ, причемъ намѣтилъ и самыя нормы. Предложеніе Киселева вызвало въ комитетѣ оживленную оппозицію. Представителемъ сторонниковъ безземельнаго освобожденія крестьянъ на остзейскій манеръ выступилъ кн. Меньшиковъ, въ рядѣ записокъ отвергавшій проектъ Киселева въ самыхъ его основаніяхъ. Другіе члены комитета настаивали главнымъ образомъ на сокращеніи предложенныхъ Киселевымъ нормъ для земельныхъ надѣловъ и крестьянскихъ повинностей. Было ясно, что мысли Киселева не встрѣчали сочувствія; при всей своей умѣренности и консервативности онѣ оказывались слишкомъ смѣлыми для рядовой помѣщичьей массы, не желавшей поступаться ничѣмъ изъ своихъ землевладѣльческихъ привилегій. Но Киселевъ заранѣе обезпечилъ себѣ выгодную позицію въ противовѣсъ ожидаемымъ противодѣйствіямъ: еще до внесенія своей записки въ комитетъ онъ заручился для нея одобреніемъ государя. Послѣ этого не было уже возможности сомнѣваться въ томъ, что проектъ Киселева не будетъ отвергнутъ комитетомъ, какъ бы ни отнеслось къ нему большинство членовъ. Однако, не рѣшаясь похоронить проектъ Киселева, комитетъ сумѣлъ въ достаточной мѣрѣ извратить его. Въ запискахъ бар. Корфа, личнаго участника кампаніи, веденной въ это время противъ Киселева, мы находимъ любопытныя указанія на ходъ этого дѣла. Всѣ усилія членовъ комитета были направлены на то, чтобы по возможности свести на нѣтъ реальное значеніе обсуждаемой мѣры. Предсѣдатель кн. Васильчиковъ прямо сказалъ Корфу, „что по его мнѣнію весь смыслъ подготовляемаго закона состоитъ въ томъ, чтобы, въ виду разнесшихся въ публикѣ слуховъ о замышляемой будто бы отмѣнѣ крѣпостного права, сдѣлать *что-нибудь* въ доказательство; что *этимъ однимъ* и ограничиваются намѣренія правительства, а потомъ уже рѣшительно прекратить всякое занятіе симъ дѣломъ, чтобы не давать пищи напраснымъ толкамъ и волненіямъ“ *). Иначе говоря, хотѣли свести важную законодательную мѣру къ простой канцелярской отпискѣ по поводу общественныхъ толковъ и ожиданій. Проектъ обширнаго закона, предложенный Киселевымъ, былъ замѣненъ въ концѣ концовъ очень небольшимъ проектомъ указа, окончательная редакція котораго была поручена упомянутому бар. Корфу. Важнѣйшее отступленіе, сдѣланное при этомъ отъ первоначальныхъ идей Киселева, состояло въ томъ, что опредѣленіе размѣровъ надѣла и причитающихся за надѣлъ повинностей предоставлялось теперь

*) Сб. Ист. Общ., т. 98, стр. 110.

свободному соглашенію помѣщика съ крестьянами съ полнымъ устраненіемъ какихъ-либо общеобязательныхъ нормъ.

Въ такомъ видѣ проектъ указа поступилъ сперва въ соединенные департаменты, а потомъ и въ общее собраніе государственнаго совѣта. Въ послѣднемъ присутствовалъ и государь, произнесшій при этомъ обширную рѣчь. Рѣчь открывалась знаменитымъ заявленіемъ Николая Павловича: „Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его положеніи у насъ есть зло для всѣхъ ощутительное и очевидное, но прикасаться къ нему *теперь* было бы дѣломъ еще болѣе гибельнымъ". Какъ понятенъ былъ этотъ языкъ для совѣтниковъ императора Николая, этихъ реформаторовъ, боявшихся реформъ! При обсужденіи указа въ государственномъ совѣтѣ возникли оживленныя пренія, но въ сущности дѣло было уже предрѣшено волею государя. 2 апрѣля 1842 г. „указъ объ *обязанныхъ* крестьянахъ" получилъ силу закона. И подготовка, и обнародованіе этого указа были встрѣчены большимъ волненіемъ помѣстнаго дворянства, которое на первыхъ порахъ взглянуло на новую мѣру, какъ на опасный ударъ незыблемости крѣпостного права. Не менѣе тревожилось и правительство, ожидавшее общественныхъ смутъ и со стороны дворянства, недовольнаго указомъ, и со стороны крестьянской массы, которая могла всколыхнуться отъ одного намека на облегченіе своей участи.

Вслѣдъ за изданіемъ указа въ провинцію полетѣли и гласные и секретные циркуляры съ предписаніями предупреждать и пресѣкать всякія ложныя и распространительныя толкованія новаго закона и „учредить бдительное секретное наблюденіе за извѣстными въ губерніи вредными разглашателями". Скоро однако выяснилось, что и ропотъ дворянства и страхи правительства были совершенно напрасны. Новый законъ оказался чисто бумажной мѣрой. Подобно указу о свободныхъ хлѣбопашцахъ онъ не заключалъ въ себѣ никакой принудительной силы. Это были правила о порядкѣ освобожденія крестьянъ для тѣхъ помѣщиковъ, которые *пожелали бы* ими воспользоваться—и не болѣе. Во время преній въ государственномъ совѣтѣ кн. Голицынъ высказалъ правильную мысль, что при оставленіи договоровъ на добрую волю помѣщиковъ едва ли кто-нибудь приступитъ къ ихъ заключенію, и потому предлагалъ прямо ограничить власть помѣщичью обязательными инвентарями. Государь отвѣтилъ на это знаменательными словами: „Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь, какъ не рѣшусь и на то, чтобы *приказать* помѣщикамъ заключать договоры, это должно быть, опять повторю, дѣломъ ихъ доброй воли". Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ и явился своеобразнымъ закономъ, лишеннымъ принудительной силы. Помѣстное дворянство, не желавшее никакихъ ограниченій въ своихъ правахъ на землю и на крѣпостныхъ крестьянъ, просто на просто игнорировало этотъ указъ, оставшійся почти безъ примѣненія. Единичные случаи отпуска на волю крестьянъ на основаніи указа 1842 г. можно перечи-

слить по пальцамъ. Это была самая громкая мѣра, на которую отважилось правительство Николая Павловича по крестьянскому вопросу, но и она оказалась на повѣрку лишенной всякаго реальнаго жизненнаго содержанія. Не мудрено, что правительству вскорѣ опять пришлось столкнуться съ крестьянскимъ вопросомъ все въ той же формѣ, какъ это было и ранѣе. Въ 1846 г. въ четвертый разъ спеціальному комитету была поставлена задача—рѣшить, что дѣлать съ крѣпостнымъ правомъ? И въ четвертый разъ комитетомъ была разыграна, какъ по хорошо разученнымъ нотамъ, привычная пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ. Дѣйствіе первое: появленіе обширной записки, намѣчающей рядъ мѣръ для того, чтобы сдвинуть крестьянскій вопросъ съ мертвой точки; дѣйствіе второе: полное одобреніе этихъ мѣръ въ принципѣ, соединенное съ признаніемъ несвоевременности ихъ исполненія; дѣйствіе третье—закрытіе комитета на томъ основаніи, что всего спокойнѣе все оставить по старому.

На этотъ разъ первое дѣйствіе было выполнено мин. внутр. дѣлъ Перовскимъ. Въ составленной имъ запискѣ онъ въ сущности оставался на почвѣ идей Киселева:—не нужно ни безземельнаго освобожденія, ни передачи крестьянамъ части помѣщичьей земли, нужна личная свобода крестьянина съ правомъ на обработку извѣстной части помѣщичьей земли... Однако, дарованіе крестьянамъ полной личной свободы необходимо подготовить предварительными мѣрами. Главнѣйшія изъ этихъ мѣръ слѣдующія: 1) урегулированіе крестьянскихъ повинностей обязательными инвентарями, 2) огражденіе закономъ права крестьянъ на собственность недвижимую и движимую, 3) запрещеніе отчуждать крестьянъ безъ земли, 4) запрещеніе обращать крестьянъ въ дворовыхъ. Въ будущемъ—въ видѣ отдаленной конечной цѣли допускался свободный переходъ крестьянъ.

Для обсужденія записки Перовскаго былъ образованъ комитетъ изъ четырехъ лицъ: наслѣдника цесаревича, яраго крѣпостника гр. Орлова, мягкаго оппортуниста кн. Васильчикова, полагавшаго нужнымъ сдѣлать „что-нибудь“ только для успокоенія общественныхъ толковъ и наконецъ—самого Перовскаго.—Комитетъ въ одно засѣданіе слѣдующимъ образомъ „обсудилъ“ всѣ вопросы, возбужденные запиской Перовскаго: 1) составленіе инвентарей невозможно „по совершенной новости этого дѣла“; 2) огражденіе правъ крестьянской собственности необходимо, ибо „собственность есть главнѣйшее изъ благъ земныхъ послѣ жизни“, но гласное узаконеніе неприкосновенности крестьянскаго имущества опасно, это можетъ возбудить ропотъ и пререканія „тамъ, гдѣ ихъ теперь не существуетъ“. Посему надлежитъ приступить къ составленію проекта соотвѣтствующихъ правилъ, но не издавать ихъ въ видѣ особаго манифеста или указа, а просто поручить Второму Отдѣленію Собственной Е. В. Канцеляріи имѣть въ виду огражденіе крестьянскаго движимаго имущества отъ помѣщичьихъ посягательствъ при составленіи будущаго гражданскаго уложенія. Иначе говоря,—отложить весь этотъ вопросъ ad calendas graecas; 3) необходимо даровать

крестьянамъ право жалобъ на злоупотребленія помѣщичьей властью, но „очередь сей необходимой мѣры еще не настала“, раньше нужно опредѣлить и обезпечить закономъ права крестьянъ личныя и по имуществу, наконецъ 4) полная отмѣна крѣпостного права въ Россіи невозможна, ибо власть помѣщика надъ крѣпостными крестьянами есть первое орудіе и опора самодержавной власти россійскаго монарха.

Итакъ,—одни нововведенія невозможны по „новости дѣла“ (какъ-будто могутъ существовать не новыя нововведенія), другія—должны быть выполнены какъ можно малозамѣтнѣе и медлительнѣе, третьи—должны быть отсрочены впредь до выполненія вторыхъ, и наконецъ всѣ вообще нововведенія не должны поколебать того стараго порядка, на реформированіе котораго онѣ направлены. Составленіемъ этой глубокомысленной политической деклараціи комитетъ 1846 г. и ограничилъ свою дѣятельность.

Мы разсматривали до сихъ поръ такія дѣйствія Николаевскаго правительства, которыя обнаружили полное безсиліе сановной бюрократіи предпринять или подготовить какіе-либо положительные шаги въ развитіи крестьянскаго вопроса.

Намъ остается теперь отмѣтить явленія другого порядка, указывающія на то, какъ хорошо умѣла та же бюрократія обращать вспять движеніе этого вопроса, искажая и уничтожая уже достигнутые имъ успѣхи.

Вскорѣ послѣ закрытія комитета 1846 г. Киселевъ по одному частному поводу возбудилъ въ комитетѣ министровъ вопросъ о необходимости законодательнымъ порядкомъ обезпечить за крестьянами право собственности на пріобрѣтаемое ими на свои средства недвижимое имущество. По справедливому замѣчанію В. И. Семевскаго, этотъ эпизодъ въ исторіи нашего законодательства представляетъ своеобразный случай, гдѣ „дѣло, возбужденное для огражденія правъ крестьянъ, окончилось еще большимъ ухудшеніемъ ихъ положенія“. Послѣ продолжительныхъ обсужденій возбужденнаго Киселевымъ вопроса государственный совѣтъ составилъ проектъ закона въ такой своеобразной редакціи и съ такими оговорками, которыя, ничего въ сущности не прибавляя къ правамъ крестьянъ, въ то же время лишали ихъ одного весьма важнаго права, которымъ ранѣе они фактически пользовались. Новый законъ (онъ получилъ утвержденіе государя и вступилъ въ силу 3 марта 1848 г.) дозволялъ крѣпостнымъ крестьянамъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя имущества, кромѣ населенныхъ имѣній, *но не иначе, какъ съ согласія помѣщика.* Все реальное значеніе послѣдней оговорки понять не трудно. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ повелѣвалъ не принимать отъ крестьянъ никакихъ споровъ и не дѣлать никакихъ разысканій по дѣламъ о присвоеніи себѣ помѣщиками тѣхъ имуществъ, которыя ранѣе были пріобрѣтены крестьянами на имя своихъ господъ. Иначе говоря, помѣщикъ попрежнему могъ запретить крестьянамъ пріобрѣтеніе имуществъ, въ то же время онъ получилъ законную возможность безнаказанно отнять у крестьянъ все то, что ими было пріобрѣтено ранѣе съ его же дозволенія.

Такъ умѣла Николаевская бюрократія обрабатывать и редактировать законопроекты, предложенные сторонниками крестьянскихъ интересовъ. Зато въ тѣхъ случаяхъ, когда въ законодательство проникала дѣйствительно облегчительная для крестьянъ мѣра, правящія сферы не успокаивались до тѣхъ поръ, пока не достигали ея полнаго упраздненія. Такъ случилось съ закономъ о правѣ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ съ публичнаго торга дворянскихъ имѣній. Еще съ 1824 г. такое право было предоставлено грузинскимъ крѣпостнымъ крестьянамъ. Въ 1847 г. баронъ Корфъ, управлявшій тогда Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В-ва Канцеляріи, представилъ государю записку о распространеніи этого права на все крѣпостное населеніе имперіи. Государь одобрилъ предположеніе Корфа и поручилъ обсудить ихъ въ келейномъ комитетѣ (пятый секретный комитетъ) въ составѣ гр. Орлова, гр. Левашова, Киселева, Панина, мин. фин. Вронченко, мин. вн. д. Перовскаго и Корфа.

Такъ какъ уже имѣлось одобреніе государя задуманной мѣрѣ, комитетъ ограничился обсужденіемъ лишь нѣкоторыхъ частностей, и дѣло быстро перешло въ государственный совѣтъ. Здѣсь возникло даже предположеніе еще болѣе расширить эту мѣру, дозволивъ крестьянамъ выкупаться съ землей не только при продажѣ земли съ аукціона, но и при продажѣ земель между частными людьми. Любопытно, что горячимъ противникомъ этого предложенія выступилъ... иниціаторъ всего дѣла бар. Корфъ. Аргументы, которые были имъ при этомъ выставлены, заслуживаютъ упоминанія. Онъ доказывалъ, что продажи съ аукціона сравнительно рѣдки и потому предлагаемая имъ мѣра будетъ примѣняться лишь въ скромныхъ размѣрахъ, тогда какъ переходы имѣній по частнымъ сдѣлкамъ совершаются постоянно, и выкупъ крестьянъ на свободу при такихъ сдѣлкахъ можетъ получить массовый характеръ; „не откроетъ ли это крестьянамъ—спрашивалъ Корфъ—весьма важную и весьма опасную тайну, что они могутъ случайно и безъ воли помѣщика быть *иначе*, нежели *были*?“ Передъ нами опять знакомыя намъ черты политической философіи Николаевской эпохи: государственная мѣра хороша только тогда, если она почти не будетъ примѣняться; первой заботой реформатора должно быть стремленіе ограничить и затруднить развитіе и приложеніе реформы. Корфъ, самъ поднявшій вопросъ съ цѣлью обратить на себя вниманіе государя, лишь только дѣло пошло въ ходъ, хлопоталъ лишь о томъ, чтобы его не сочли „личнымъ возбудителемъ вредной и опасной новизны“. 8 ноября 1847 г. проектъ Корфа получилъ силу закона. Съ этого момента крѣпостники сосредоточиваютъ всѣ свои усилія на томъ, чтобы добиться уничтоженія этого ненавистнаго имъ закона. Уже въ январѣ 1848 г. Николай Павловичъ счелъ нужнымъ образовать новый (шестой) комитетъ, которому было поручено обсудить, не слѣдуетъ ли дополнить или измѣнить законъ 8 ноября въ виду возбуждаемаго имъ неудовольствія въ дворянской средѣ. На этотъ разъ благодаря усиліямъ Блудова и Киселева законъ былъ сохраненъ, и ко-

митетъ рѣшилъ, что правительству слѣдуетъ воздержаться отъ какихъ-либо мѣропріятій, ожидая дальнѣйшихъ послѣдствій. Но крѣпостники усугубили свою агитацію. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ государю была представлена записка тульскаго предводителя дворянства Норова, гдѣ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изображались пагубныя послѣдствія закона 8 ноября 1847 г.: разрушеніе дворянскаго кредита, разореніе самихъ крестьянъ, которые въ цѣляхъ выкупа распродаютъ за безцѣнокъ все, что имѣютъ, лишь бы скопить нужную для выкупа сумму—вотъ къ чему привелъ этотъ законъ. Норовъ еще не подымалъ вопроса объ уничтоженіи закона, но предлагалъ нѣкоторыя мѣры для измѣненія порядка его примѣненія.

Для разсмотрѣнія записки Норова образованъ былъ седьмой секретный комитетъ, открывшій засѣданія въ іюнѣ 1848 г. Мѣры, предложенныя Норовымъ, были весьма непрактичны, и Киселевъ безъ труда раскритиковалъ всю Норовскую записку. Комитетъ отвергъ предложенія Норова, однако, вполнѣ согласился съ тѣмъ, что законъ 1847 г. вызываетъ многочисленныя неудобства. Полная отмѣна этого закона была бы—по мнѣнію комитета — лучшимъ средствомъ избѣжать всѣхъ этихъ неудобствъ. Но секретные совѣтники Николая I боялись всякаго рѣшительнаго шага, хотя бы даже отвѣчающаго ихъ завѣтнымъ желаніямъ. Отмѣна недавно изданнаго закона обнаружила бы колебаніе и неустойчивость правительства, что могло бы повлечь „самыя опасныя послѣдствія“. Однимъ словомъ, комитетъ совершенно не зналъ, что предпринять, и остановился на довольно странномъ рѣшеніи: отложить окончательное рѣшеніе вопроса на полгода. Но уже черезъ два мѣсяца крѣпостническая партія двинула въ ходъ новое сильное средство, чтобы повліять въ желательномъ для себя смыслѣ на настроеніе государя. Государю была подана анонимная записка, озаглавленная: „О возмутительныхъ началахъ, развивающихся въ Россіи вслѣдствіе новаго распоряженія, предоставляющаго крестьянамъ право выкупа пріобрѣтеніемъ достоянія прежнихъ ихъ владѣльцевъ“. Записка мѣтила въ самое больное мѣсто въ чувствахъ государя. На Западѣ опять бушевала роволюціонная буря, и ничѣмъ нельзя было болѣе сильно испугать императора Николая Павловича, какъ указаніемъ на возможность революціонныхъ вспышекъ въ предѣлахъ его собственной имперіи. Авторъ записки съ паѳосомъ изображаетъ законъ 8 ноября источникомъ грозящихъ Россіи возмущеній: „Передъ глазами всѣхъ кровавый мятежъ, грозящій гибелью всей Европѣ; онъ возникъ тамъ, гдѣ давно уничтожена помѣстная власть дворянства, гдѣ раздроблена поземельная собственность.

Неужели Господь прогнѣвался на Россію и попуститъ врагамъ увлекать ее по тѣмъ же гибельнымъ стезямъ? Нѣтъ, великъ Богъ земли Русской! не совсѣмъ погибла надежда. Государь силенъ возстановить спокойствіе умовъ своего народа, взволнованнаго соблазномъ своеволія“ *).

---

*) Семевскій.—Исторія крестьянскаго вопроса, т. II, стр. 194.

Записка была передана на разсмотрѣніе прежняго комитета. Киселевъ доказалъ несостоятельность выставленныхъ въ запискѣ предложеній, но комитетъ, отвергнувъ эти предложенія, тѣмъ не менѣе призналъ справедливыми высказанныя въ запискѣ опасенія на счетъ политической вредности указа 8 ноября 1847 г. Участь этого указа была уже предрѣшена. Всѣ члены государственнаго совѣта, опрошенные государемъ, высказались за отмѣну указа. Но указъ отмѣненъ не былъ. Произошло нѣчто своеобразное. Не будучи формально отмѣненнымъ, законъ 1847 г. былъ фактически похищенъ у Россіи. Въ іюлѣ 1849 г. по повелѣнію государя было составлено новое обширное положеніе о порядкѣ продажи имѣній съ публичныхъ торговъ, и въ это-то положеніе были включены параграфы, въ сущности совершенно упразднявшіе значеніе упомянутаго закона: выкупъ крестьянъ на волю при публичной продажѣ имѣній ставился этими параграфами въ полную зависимость отъ согласія самого помѣщика, иначе говоря, превращался въ отпускъ крестьянъ на волю по желанію помѣщика.

Такъ дѣйствовала бюрократія той эпохи: если ей не удавалось уничтожить значеніе облегчительнаго для крестьянъ закона при самомъ его изданіи, она добивалась своей цѣли уже послѣ того, какъ законъ вступилъ въ силу. Она не любила шума и гласности и вмѣсто отмѣны непріятнаго закона установленнымъ порядкомъ предпочитала въ этомъ случаѣ просто на просто втихомолку исключить такой законъ при изданіи новыхъ правилъ по тому же предмету.

Разсказанный эпизодъ былъ послѣдней попыткой николаевскаго законодательства затронуть вопросъ о крѣпостныхъ крестьянахъ. Остается еще упомянуть, что въ 40-хъ годахъ дѣйствовали еще два секретныхъ комитета (итакъ, всего было 9 комитетовъ при Николаѣ I), работы которыхъ были посвящены спеціально вопросу о дворовыхъ людяхъ. Уже комитетъ 6 декабря, какъ мы видѣли выше, проектировалъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ постепенному сокращенію класса дворовыхъ людей. Изъ всѣхъ этихъ мѣръ въ 1833 г. было осуществлено только запрещеніе продавать дворовыхъ за долги и казенныя взысканія, а также отчуждать дворовыхъ съ раздробленіемъ семействъ.

Въ 1840 г. Блудовъ снова поднялъ вопросъ о дворовыхъ людяхъ, составивъ записку, въ которой повторялъ предложенія комитета 6 декабря. Обсужденіе этой записки было поручено особому комитету, имѣвшему три засѣданія. Военный министръ Чернышевъ настойчиво отрицалъ потребность въ какихъ бы то ни было измѣненіяхъ въ положеніи дворовыхъ. Комитетъ ограничился тѣмъ, что намѣтилъ нѣкоторыя *косвенныя* и *отдаленныя* мѣры, которыя могли бы подготовить сокращеніе числа дворовыхъ людей. Императоръ Николай не далъ хода предположеніямъ комитета, рѣшивъ „оставить сіе дѣло впредь до удобнаго времени“. Въ 1844 г. былъ образованъ новый комитетъ о дворовыхъ людяхъ. На этотъ разъ самъ императоръ принялъ дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ комитета. Снова были перебраны всѣ тѣ мѣры, которыя намѣ-

чались еще въ комитетѣ 6 декабря для сокращенія двороваго класса,— 1) облегчающія отпускъ на волю дворовыхъ людей, 2) стѣсняющія помѣщиковъ въ разныхъ отношеніяхъ при пользованіи услугами дворовыхъ и 3) затрудняющія переводъ во дворъ крѣпостныхъ крестьянъ. Николай Павловичъ, сочувствуя всѣмъ этимъ мѣрамъ, однако, рѣшительно высказался противъ прямого запрещенія помѣщикамъ переводить крестьянъ съ пашни во дворъ. Въ концѣ концовъ работы комитета разрѣшились изданіемъ лишь двухъ постановленій 12 іюня 1844 г.: 1) помѣщикамъ было предоставлено отпускать дворовыхъ людей на волю безъ земли по обоюднымъ договорамъ, причемъ предписывались подробныя правила о порядкѣ взиманія выкупной суммы и о мѣрахъ взысканія на случай несостоятельности отпущенныхъ, 2) дозволялось отпускать на волю дворовыхъ людей изъ имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, безъ испрошенія разрѣшенія этихъ учрежденій, а при отпускѣ не болѣе 10 душъ на каждыя 100 душъ, состоящихъ въ залогѣ,—и безъ взноса выкупныхъ денегъ. Оба эти постановленія не получили сколько-нибудь замѣтнаго практическаго значенія.

И по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ, и по отношенію къ крѣпостнымъ дворовымъ людямъ правительство Николая Павловича упорно избѣгало дѣйствительныхъ, осязательныхъ мѣропріятій. Самъ государь боязливо отказывался отъ такихъ мѣръ, какъ, напр., ограниченіе крестьянскихъ повинностей инвентарными нормами, или запрещеніе помѣщикамъ переводить крестьянъ въ дворовые.

Въ одномъ только случаѣ правительство Николая I проявило большую рѣшительность въ урегулированіи крѣпостныхъ отношеній. Я разумѣю введеніе инвентарей въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ. Здѣсь крестьянскій вопросъ развивался въ иной политической обстановкѣ, чѣмъ во внутренней Россіи, и это обстоятельство глубоко отразилось на всемъ поведеніи правительства въ направленіи крестьянскаго дѣла. У себя дома правительство боялось облегчительными для крестьянъ мѣрами вызвать ропотъ и неудовольствія дворянства. Тамъ, на западной окраинѣ дворянство, составлявшее польскій элементъ въ краѣ, и безъ того уже стояло въ открытой враждѣ съ русской правительственной властью. Правительству приходилось искать противъ него надежныхъ союзниковъ, и оно возложило надежды въ этомъ отношеніи на подвластное помѣщикамъ русское крестьянство. Ослабленіе крѣпостного права явилось здѣсь въ рукахъ правительства средствомъ національной политической борьбы съ мятежнымъ полонизмомъ. Насколько умѣло и успѣшно использовало оно это средство,—вопросъ особый, но спеціальныя задачи руссификаторской политики во всякомъ случаѣ придали здѣсь правительству такую рѣшительность въ крестьянскомъ дѣлѣ, какой оно ни разу не обнаружило въ царствованіе Николая Павловича примѣнительно къ коренной Россіи. Впрочемъ и здѣсь правительство отнюдь не помышляло объ отмѣнѣ крѣпостного права. Оно рѣшилось толь-

ко на ту самую мѣру, которую императоръ Николай Павловичъ категорически призналъ неосуществимой въ собственной Россіи: на урегулированіе крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ и повинностей обязательными инвентарями.

Осуществленіе этой мѣры выпало на долю Бибикова, назначеннаго въ 1839 г. генералъ-губернаторомъ Юго-западнаго края. Подъ вліяніемъ его представленій, подкрѣпленныхъ между прочимъ и авторитетнымъ голосомъ Киселева, въ 1844 г. въ губерніяхъ Юго-западнаго края были учреждены губернскіе комитеты изъ представителей мѣстной губернской администраціи и помѣщиковъ по выбору самихъ дворянъ (по 3 человѣка въ каждомъ комитетѣ). Комитеты должны были разсмотрѣть и составить инвентари по каждому помѣщичьему имѣнію. Однако по окончаніи этихъ работъ въ 1846 г. Бибиковъ заявилъ, что привести въ дѣйствіе составленные комитетомъ инвентари нѣтъ возможности, такъ какъ они основаны на слишкомъ недостаточныхъ и непровѣренныхъ статистическихъ матеріалахъ и отличаются крайней несогласованностью по отдѣльнымъ имѣніямъ. Бибиковъ предлагалъ въ замѣнъ этого ввести инвентари по составленной имъ единообразной формѣ, въ которой были обозначены лишь общія нормы. Эта мысль получила одобреніе особаго комитета, образованнаго для разсмотрѣнія предложенныхъ Бибиковымъ правилъ, и 26 мая 1847 г. вступили въ силу „Правила для управленія имѣніями по утвержденнымъ для оныхъ инвентарямъ въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ". Съ этими общеобязательными правилами должны были согласоваться инвентари по отдѣльнымъ имѣніямъ. Такое согласованіе было поручено тѣмъ же упомянутымъ выше губернскимъ комитетамъ, которые и выполнили означенную работу въ теченіе четырехъ лѣтъ. Разумѣется, эта инвентарная реформа изобиловала недостатками. Въ опредѣленіи инвентарныхъ нормъ было много произвольнаго, и многія постановленія „общихъ правилъ" оказались невыгодными для крестьянскихъ интересовъ. И все-таки инвентари наносили серьезный ударъ рабовладѣльческому произволу, ставя ему освященныя закономъ границы. Ничего подобнаго не было допущено при Николаѣ Павловичѣ для коренной Россіи.

Инвентарную реформу рѣшено было распространить и на губерніи Сѣверо-западнаго края. Но здѣсь былъ испробованъ другой путь. Общихъ, для всѣхъ одинаково обязательныхъ правилъ и нормъ установлено не было. Приступили прямо къ составленію и узаконенію инвентарей для каждаго отдѣльнаго имѣнія. Дѣло чрезвычайно затянулось; мѣстныя инвентарныя комиссіи дѣйствовали подъ вліяніемъ помѣщиковъ и мало принимали въ расчетъ интересы крестьянъ.

Въ 1852 г. по настоянію того же Бибикова, только что занявшаго постъ министравнутренн ихъ дѣлъ, на Сѣверо-западный край были распространены тѣ же общія инвентарныя правила, которыя были изданы и для Кіевскаго генералъ - губернаторства. Помѣщики встрѣтили эту мѣру упорнымъ противодѣйствіемъ и въ 1854 г.— передъ самымъ концомъ интересую-

Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ

20

Julius Sittenfeld, Berlin

щаго насъ царствованія—дѣло крестьянской реформы въ Сѣверо-западномъ краѣ рѣшено было подвергнуть новому пересмотру.

Мы исчерпали всѣ главнѣйшія преобразовательныя начинанія царствованія Николая Павловича. Всѣ они носили общую печать нерѣшительности и половинчатости. Всемогущая бюрократія робѣла передъ всякой серьезной жизненной задачей. Она боялась толковъ публики и потому чувствовала необходимость сдѣлать „что-нибудь", но она боялась и всякаго измѣненія существующихъ отношеній и потому прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы это „что-нибудь" превратилось на дѣлѣ въ „ничто".

Однако даже и такіе двусмысленные опыты преобразованій совершенно прекращаются съ 1849 г. Въ послѣднее пятилѣтіе Николаевскаго царствованія правительство уже вполнѣ отказывается отъ какой бы то ни было творческой работы. Послѣ революціонныхъ событій 1848—49 гг. на западѣ Европы правительственная дѣятельность цѣликомъ и безраздѣльно сосредоточивается на полицейской охранѣ „стараго порядка".

5.

Кодификація.

Дѣйствительно крупное дѣло было совершено въ царствованіе императора Николая Павловича лишь въ сферѣ кодификаціи русскихъ законовъ. Здѣсь не приходилось помышлять объ обновленіи жизненныхъ отношеній, все сводилось лишь къ систематизаціи наличнаго законодательнаго матеріала,и на такую работу оказалась способной и Николаевская эпоха.

Весь XVIII вѣкъ прошелъ въ безпрерывныхъ и всегда неудачныхъ попыткахъ привести въ систему русскіе законы, накопившіеся послѣ Уложенія 1649 года.

Петръ I, Петръ II, Анна, Елизавета, Екатерина II приступали къ этой задачѣ съ одинаковымъ неуспѣхомъ. Въ царствованіе Александра I надъ тѣмъ же дѣломъ трудилась особая „Комиссія для составленія законовъ". И ея дѣятельность не ознаменовалась практическими результатами. Въ 1826 г. Николай Павловичъ преобразовалъ эту комиссію во Второе Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, возложивъ на его обязанность кодификаціонныя работы. Во главѣ дѣла сталъ Сперанскій, и подъ его руководствомъ къ 1833 г. были изготовлены два грандіозные труда: „Полное собраніе законовъ" и „Сводъ законовъ Россійской имперіи".

Сперанскій различалъ три стадіи кодификаціонной работы: 1) составленіе *Полнаго собранія законовъ*, т. е. расположеніе всѣхъ актовъ законодательства въ хронологическомъ порядкѣ, 2) составленіе *Свода законовъ*, т. е. расположеніе всѣхъ дѣйствующихъ законовъ въ систематическомъ порядкѣ, но безъ всякихъ измѣненій въ существѣ, ихъ и 3) составленіе *Уложенія*, т. е. приведеніе въ систему дѣйствующихъ законовъ съ надлежащими дополненіями и исправленіями.

По волѣ императора работы II Отдѣленія были ограничены двумя первыми задачами. Мысль объ Уложеніи казалась Николаю Павловичу чѣмъ-то отвлеченнымъ и слишкомъ теоретичнымъ. Руководящій лозунгъ эпохи—держаться рамокъ существующаго—сказался и въ этой области. Изданіемъ Полнаго собранія законовъ была принесена громадная польза и для текущихъ потребностей суда и управленія, и для нуждъ русской исторической науки. Ранѣе существовали различные, какъ правительственные, такъ и частные сборники узаконеній, но всѣ они страдали неполнотой состава и неточностью помѣщенныхъ въ нихъ текстовъ. Воспользовавшись всѣми этими сборниками, Сперанскій предпринялъ кромѣ того обширныя архивныя разысканія, въ результатѣ которыхъ удалось включить въ Полное собраніе законовъ всего 35.993 акта. Изъ этого числа—30.920 актовъ пришлось на такъ называемое *первое* собраніе законовъ, въ которое вошли законы и указы отъ Уложенія 1649 г. и по 1825 г., и 5.073 акта на *второе* собраніе законовъ—съ 1825 г. по 1832 г. Первое собраніе составило 45 томовъ въ 48 частяхъ, второе—6 томовъ въ 8 частяхъ *).

Составленіе Полнаго собранія законовъ должно было служить по мысли Сперанскаго подготовительной работой для составленія Свода законовъ. Работа надъ Сводомъ состояла въ слѣдующемъ. Изъ Полнаго собранія составлены были спеціальные историческіе своды по отдѣльнымъ матеріямъ. Изъ этихъ историческихъ сводовъ было устранено затѣмъ все недѣйствующее, а законоположенія, сохранившія силу, окончательно сведены въ опредѣленную систему. Сперанскій принялъ при этомъ за образецъ Corpus juris Юстиніана, а за руководство—правила, преподанныя Бэкономъ: исключеніе всѣхъ повтореній; сокращеніе слишкомъ многословныхъ законовъ; изъ двухъ противорѣчащихъ другъ другу законовъ предпочтеніе позднѣйшаго; и — за выполненіемъ всѣхъ этихъ условій—внесеніе въ сводъ законовъ дословно въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ они были первоначально составлены *). Подъ каждою статьею Свода означались источники, изъ которыхъ она была почерпнута. Самая система Свода или планъ распредѣленія его частей состояла въ слѣдующемъ. Законы раздѣлялись на двѣ категоріи: 1) законы, опредѣляющіе союзъ государственный, и 2) законы, опредѣляющіе союзъ гражданскій. Законы первой категоріи опредѣляютъ:

а) порядокъ, коимъ верховная власть образуется и дѣйствуетъ въ законодательствѣ и управленіи,—основные законы;

б) органы дѣйствія этой власти—учрежденія—т.т. I—III Свода;

в) силы, предназначенныя для сего дѣйствія:

уставы о повинностяхъ — т. IV Свода;

*) Съ 1832 г. Собраніе послѣдовательно пополняется дальнѣйшими томами по мѣрѣ накопленія новаго матеріала.

*) Впрочемъ, есть данныя, указывающія на то, что Сперанскій все-таки выходилъ иногда изъ роли простого собирателя дѣйствующаго права и являлся, можетъ быть, невольно творцомъ новыхъ юридическихъ нормъ. Ср. А. Филипповъ—Сперанскій, какъ кодификаторъ. Русская Мысль, 1892, № 10.

уставы казеннаго управленія—т.т. V—VIII Свода;

г) участіе подданныхъ въ составѣ этихъ органовъ и силъ—законы о состояніяхъ—т. IX Свода.

Законы второй категоріи опредѣляютъ:

а) отношенія семейственныя и имущественныя:

законы гражданскіе и межевые;

законы о гражданскомъ и межевомъ судопроизводствѣ—т. X Свода;

б) порядокъ дѣйствія имущественныхъ правъ въ особомъ ихъ отношеніи къ государственному и частному кредиту, торговлѣ, промышленности—уставы государственнаго благоустройства (государственное хозяйство)—т.т. XI—XII Свода.

Наконецъ, Сводъ заключается законами, охраняющими силу какъ государственнаго, такъ и гражданскаго союзовъ и возникающихъ отъ нихъ правъ, мѣрами общаго государственнаго порядка:

а) уставы благочинія—т.т. XIII—XIV Свода;

б) уставы уголовные—т. XV Свода.

Огромная работа, которую пришлось совершить при составленіи Свода—въ соединеніи съ новизною предпринятаго дѣла—не могла обойтись безъ существенныхъ недостатковъ. Отдѣльныя узаконенія, вошедшія въ статьи Свода, возникшія въ разное время и при неодинаковыхъ обстоятельствахъ, сведены въ немъ безъ внутренней переработки, благодаря чему сводъ страдаетъ слабостью связи между отдѣльными статьями, разнородностью началъ и неравномѣрностью въ развитіи отдѣльныхъ частей законодательства. Частныя опредѣленія рѣшительно преобладаютъ въ Сводѣ надъ общими началами. Распредѣленіе матеріала недостаточно систематично, статьи, относящіяся къ одному предмету, нерѣдко разбросаны по различнымъ частямъ. Не мало оказалось въ Сводѣ статей, не имѣющихъ законодательнаго характера. Наконецъ, Сводъ далеко не былъ свободенъ отъ противорѣчій и пропусковъ *). Всѣ эти недостатки были естественны и, пожалуй, даже неизбѣжны въ столь громадномъ и новомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, въ послѣдующихъ изданіяхъ Свода (второе изданіе вышло еще при Николаѣ I—въ 1842 г.) указанные недостатки не только не были устранены, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе усилились. Согласно первоначальной мысли Сперанскаго, Сводъ долженъ былъ послужить лишь подготовительной основой для составленія Уложенія, подъ которымъ Сперанскій разумѣлъ совокупность дѣйствующихъ законовъ, исправленныхъ и дополненныхъ сообразно требованіямъ времени. Мы уже видѣли, что мысль о составленіи Уложенія не была одобрена государемъ и по изданіи Свода въ 1833 г. ему была придана сила закона. Однако, частичныя работы по Уложенію все же были начаты. Самъ Сперанскій трудился надъ Уголовнымъ Уложеніемъ, которое уже послѣ его смерти было закончено въ 1845 г.

---

*) Пахманъ.—Исторія кодификаціи гражданскаго права, т. II, стр. 19—20.

6.

Заключеніе.

Я уже сказалъ, что 1849 г. явился предѣльнымъ хронологическимъ пунктомъ реформаціонныхъ попытокъ въ царствованіе Николая Павловича. Испуганное западно-европейскими политическими событіями, русское правительство съ этого времени отказывается отъ надежды рѣшить квадратуру круга, т. е. произвести реформы, ничего не реформируя, и открыто и всецѣло сосредоточиваетъ всѣ свои заботы на томъ, чтобы остановить на точкѣ замерзанія всякое жизненное движеніе въ Россіи. Открывается эпоха настоящей вакханаліи полицейскаго и цензурнаго произвола. Гоненіе на мысль принимаетъ до нелѣпости уродливыя формы *). Знаменитый Бутурлинскій комитетъ объявилъ жестокую войну не только свободомыслію, но и просто здравому смыслу. Полицейскій гнетъ кошмаромъ нависъ надъ всѣмъ русскимъ обществомъ.

Послушаемъ одного изъ самыхъ искреннихъ русскихъ писателей, по личнымъ воспоминаніямъ изобразившаго психологію того общества, которому довелось пережить эту зловѣщую пору: „Не шевелиться, хотя и мечтать; не показать виду, что думаешь; не показать виду, что не боишься; показывать, напротивъ, что „боишься", трепещешь,—тогда какъ для этого и основаній-то никакихъ нѣтъ: вотъ что выработали эти годы въ русской толпѣ. Надо постоянно бояться—это корень жизненной правды, все остальное можетъ быть, а можетъ и не быть, да и не нужно всего этого остального, еще наживешь хлопотъ—вотъ что носилось тогда въ воздухѣ, угнетало толпу, отшибало у нея умъ и охоту думать... увѣренности, что человѣкъ имѣетъ право жить, не было ни у кого; напротивъ,—именно эта-то увѣренность и была умерщвлена въ толпѣ... атмосфера была полна страховъ; „пропадешь"! кричали небо и земля, воздухъ и вода, люди и звѣри. И все ежилось и бѣжало отъ бѣды въ первую попавшуюся нору" **).

Практическіе результаты такого положенія вещей были зловѣщи. Всѣ стороны государственной жизни приходили въ полное разстройство. Для характеристики этого разстройства мы умышленно воспользуемся не оппозиціонной обличительной литературой, а чисто официальнымъ документомъ, составленнымъ для самого государя. Я разумѣю докладную записку, поданную государю генералъ-адъютантомъ Кутузовымъ послѣ объѣзда имъ нѣсколькихъ губерній во второй половинѣ царствованія Николая Павловича ***). Записка открывается общей картиной

*) Мы не будемъ обременять изложенія фактическими иллюстраціями этого бѣлаго террора николаевской цензуры. Общій характеръ его достаточно общеизвѣстенъ. Интересующихся отсылаемъ къ новѣйшему труду по этому вопросу: „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики". М. Лемке, СПБ. 1904 г.

**) Сочиненія Глѣба Успенскаго. Изд. Павленкова. СПБ. 1889 г.—т. I, стр. 175—176.

***) Русская Старина, 1898 г. Сентябрь.

народной угнетенности: „При проѣздѣ моемъ—пишетъ Кутузовъ—по тремъ губерніямъ въ самое лучшее время года при уборкѣ сѣна и хлѣба не было слышно ни одного голоса радости, не было видно ни одного движенія, доказывающаго довольство народное. Печать унынія и скорби отражается на всѣхъ лицахъ, проглядываетъ во всѣхъ чувствахъ и дѣйствіяхъ.

„... Эта печать унынія была для меня поразительна тѣмъ болѣе, что благословеніе Божіе лежало на поляхъ губерній, мною проѣханныхъ, на нихъ красовались богатыя жатвы, обѣщавшія вознаградить труды земледѣльца болѣе, чѣмъ обыкновенно вознаграждаетъ ихъ сѣверное небо нашей родины. Отпечатокъ этихъ чувствъ скорби такъ общъ всѣмъ классамъ, слѣды бѣдности общественной такъ явны, неправда и угнетеніе вездѣ и во всемъ такъ губительны для государства, что невольно рождается вопросъ: неужели все это не доходитъ до престола Вашего Императорскаго Величества?“ Въ дальнѣйшемъ изложеніи записки находимъ столь же краснорѣчиво выраженное перечисленіе тѣхъ явленій, которыя авторъ считаетъ главными язвами общественнаго порядка. Это, во-первыхъ: всесиліе корыстной бюрократіи, не знающей надъ собой общественнаго контроля: „бѣдственное состояніе государства происходитъ отъ недостатка административнаго устройства, производящаго множество чиновниковъ, желающихъ обогащенія, а отъ сего нѣтъ правды въ судахъ, нѣтъ истины въ дѣлахъ, одна корысть и угнетеніе. У насъ каждый министръ для доказательства важности своего управленія старается объ учрежденіи множества департаментовъ, комиссій, канцелярій, наполненныхъ множествомъ чиновниковъ, отчего управленіе идетъ гораздо хуже по очень простой причинѣ—чѣмъ болѣе предметовъ окружаетъ движущееся тѣло, тѣмъ движеніе его медленнѣе и неправильнѣе“. Эта бюрократія, всесильная по отношенію къ управляемой массѣ, мало поддается и надзору свыше: „у престола Вашего Величества нѣсколько человѣкъ, окружая оный, составили ограду, чрезъ которую никакія злоупотребленія Вамъ не видны и голосъ угнетенія и страданія Вашего народа не слышны... Къ кому обратиться угнетенному? Къ министрамъ? Но они всегда отвѣчаютъ—не мое дѣло и, составляя между собою союзъ наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствій, не выдадутъ одинъ другого. Къ комиссіи прошеній? Но она по многимъ предметамъ не можетъ входить въ разсмотрѣніе, а по которымъ должна, не хочетъ, чтобы не вступить въ борьбу съ сильными. Она всегда плыла по вѣтру и держалась того берега, который грѣетъ солнце и изобиленъ земными благами: ей тепло и сытно, а народу и холодно и голодно“.

Результатомъ такого бюрократическаго режима авторъ считаетъ то обстоятельство, что вниманіе власти сосредоточивается на предметахъ, не имѣющихъ отношенія къ нуждамъ страны въ то время, какъ настоятельныя жизненныя задач первостепенной важности не находятъ разрѣшенія. Отрѣшенность правительственной политики отъ реальныхъ потребностей народа ярко выражает-

ся, по мнѣнію автора записки, въ господствѣ неразумнаго, ненужнаго и нецѣлесообразнаго развитія „военщины“, которая занимаетъ первое мѣсто въ ряду правительственныхъ заботъ: „войско блестяще“. Но это—наружный блескъ, тогда какъ въ существѣ своемъ оно носитъ сѣмена разрушенія нравственной и физической силы. Четвертая часть арміи исчезаетъ ежегодно отъ необыкновенной смертности... изъ отчета дѣйствующей арміи за 1835 г. видно, что по спискамъ состояло 231.099 чел., заболѣло 173.892 чел. Итакъ, почти вся армія была въ госпиталяхъ. Умерло 11.023 ч., т. е. двадцатый человѣкъ. При Суворовѣ на 500 человѣкъ здоровыхъ бывалъ одинъ больной, теперь на 500 чел. больныхъ одинъ здоровый. Метода обученія гибельна для жизни человѣческой. Солдата тянутъ вверхъ и внизъ въ одно и то же время, вверхъ для какой-то фигурной стойки, внизъ—для вытяжки ногъ и носковъ. Солдатъ долженъ медленно съ напряженіемъ всѣхъ мускуловъ и нервовъ вытянуть ногу въ половину человѣческаго роста и потомъ быстро опустить ее, подавшись на нее всѣмъ тѣломъ, отъ этого вся внутренность, растянутая и безпрестанно потрясаемая, производитъ чахотки и воспалительныя болѣзни. По отчету арміи за 1835 г. видно, что изъ 173.892 чел. больныхъ было одержимо воспалительными и изнурительными болѣзнями 130.000 чел. Явилась мысль пересоздать человѣка. Требуютъ, чтобы солдатъ шагалъ въ полтора аршина, когда Богъ ему создалъ ноги шагать въ аршинъ... послѣ всѣхъ вытяжекъ и растяжекъ солдатъ идетъ въ казармы, какъ разбитая на ноги лошадь. Присоединяя къ этому дурное лѣченіе и содержаніе солдатъ въ госпиталяхъ—изъ отчета арміи за 1837 г. видно, что въ госпиталяхъ умираетъ 15-ый человѣкъ, а въ лазаретѣ—28-й, надо удивляться, что не половина войска ежегодно уничтожается. Военная повинность, выбирая изъ семействъ лучшихъ людей, приводитъ въ бѣдность и семейства, и государство, теряющія производительныя силы безъ пользы и славы для себя. Огромнѣйшая армія есть выраженіе не силы, а безсилія государства. И для чего эта громадная армія, когда она исчезаетъ отъ болѣзней, когда она, можно сказать, съѣдаетъ благосостояніе государства безъ пользы и славы для имперіи“. Въ то время, какъ масса народныхъ силъ непроизводительно уходила на подобныя ненужныя затѣи, бюрократія относилась съ преступнымъ безучастіемъ къ насущнымъ нуждамъ народа: „Въ прошедшемъ году — пишетъ авторъ записки — нѣкоторыя губерніи поражены были голодомъ. Бѣдствіе было ужасное! Но развѣ голодъ вдругъ упалъ съ неба? Нѣтъ, еще въ ноябрѣ предшествующаго года въ тѣхъ губерніяхъ ѣли желуди, не было ни всходовъ, ни хлѣба, ни овощей, голодъ представлялся вездѣ и во всемъ, а въ Петербургѣ узнали объ этомъ лишь черезъ шесть мѣсяцевъ—въ маѣ, когда цѣлыя селенія заражены были повальными болѣзнями, когда уже младенцы умирали у грудей матерей, находя въ нихъ не жизнь, а заразу смерти. Причина столь предосудительной невнимательности заключается въ томъ,

что все вниманіе главныхъ начальниковъ обращено на очистку бумагъ для представленія въ отчетахъ блестящей дѣятельности, когда сущность управленія—въ самомъ жалкомъ положеніи".

Въ началѣ настоящаго очерка я привелъ докладную записку Боровкова, въ которой были сведены указанія декабристовъ на общественныя язвы Россіи. То было на порогѣ царствованія императора Николая Павловича. Теперь передъ нами—записка Кутузова отъ второй половины того же царствованія. Чѣмъ разнятся другъ отъ друга эти двѣ картины внутренняго состоянія Россіи? Не повторяетъ ли Кутузовъ все то же, на что указывали декабристы нѣсколько десятилѣтій тому назадъ? Во что же разрѣшилось, что принесла многолѣтняя работа секретныхъ комитетовъ и комиссій, претендовавшихъ на то, чтобы вязать и рѣшить судьбы страны? Жизнь выдвигала на очередь крупныя и сложныя задачи, но старый режимъ, въ которомъ цѣпенѣла Россія, не былъ способенъ ни разрѣшить, ни снять ихъ съ очереди. Ему оставался только одинъ исходъ: пасть жертвой собственнаго безсилія.

ГЛАВА VI.

Финансовая реформа Канкрина.

(Н. А. Рожкова).

Финансы въ Россіи первой половины XIX вѣка подвергались сильнѣйшему воздѣйствію со стороны общихъ экономическихъ условій и подчинялись также вліянію тѣхъ политическихъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась тогда страна. Развитіе денежнаго хозяйства—это основное явленіе экономической дѣйствительности того времени—вызывало необходимость болѣе энергичной финансовой политики, направленной на упорядоченіе денежнаго обращенія, потому что ростъ внѣшней торговли крайне затрудненъ при постоянныхъ колебаніяхъ курса основной денежной единицы: эти колебанія затрудняютъ кредитныя сдѣлки, совершенно необходимыя при международномъ обмѣнѣ, дѣлаютъ такія сдѣлки рискованными для той или другой изъ договаривающихся сторонъ, для того или другого контрагента. Въ самомъ дѣлѣ: допустимъ, что русскій купецъ купилъ у иностраннаго коммерсанта товару на 3.000 рублей серебромъ съ условіемъ заплатить эти деньги черезъ 6 мѣсяцевъ. Если во время заключенія сдѣлки ассигнаціонный рубль стоилъ, положимъ, 30 коп. серебромъ, а 6 мѣсяцевъ спустя стоимость его понизилась до 25, то вмѣсто 10.000 рублей ассигнаціями русскій купецъ долженъ

будетъ заплатить 12.000 руб., т. е. потерпитъ 2.000 руб. убытка исключительно вслѣдствіе колебанія курса денежной единицы. Понятно поэтому, какъ ненадежны были всѣ разсчеты при неустойчивости основной денежной единицы, при отсутствіи свободнаго размѣна ассигнацій на серебро, а это послѣднее какъ разъ и было завѣщано XVIII вѣкомъ XIX столѣтію. Сказанное о затрудненіяхъ внѣшней торговли примѣнимо и къ оптовой внутренней торговлѣ, также возможной въ сколько - нибудь широкихъ размѣрахъ лишь при помощи кредитныхъ сдѣлокъ.

Но если хозяйственная жизнь страны въ своемъ послѣдовательномъ развитіи повелительно диктовала необходимость упроченія основной денежной единицы, то политическія обстоятельства начала XIX в. находились въ непримиримомъ противорѣчіи съ этой потребностью: вмѣсто того, чтобы укрѣплять денежное обращеніе, они его расшатывали и лишали правительство средствъ, необходимыхъ для осуществленія финансовой реформы. Войны 1805—1809 годовъ потребовали отъ государства совершенно непосильныхъ для обычнаго государственнаго бюджета расходовъ. Дефициты, и безъ того довольно обычные въ русскомъ государственномъ хозяйствѣ конца XVIII и начала XIX в., возросли до чрезвычайныхъ размѣровъ. Заключать займы было невозможно вслѣдствіе угнетеннаго состоянія денежнаго рынка, а также и по той причинѣ, что капиталисты не вѣрили въ платежеспособность русскаго правительства и соглашались только на очень тяжелыя условія займа. Оставалось одно средство—выпускъ новыхъ ассигнацій. Выпуски и производились въ размѣрахъ очень большихъ. Результатомъ этого было чрезвычайное паденіе курса ассигнаціоннаго рубля, который въ 1810 г. стоилъ отъ 20 до 25 коп. серебромъ.

Правительство вынуждено было приступить къ радикальному лѣченію столь ясно обнаружившейся болѣзни. Необходимо было выработать стройный и цѣльный планъ финансовой реформы. Это дѣло принялъ на себя Сперанскій, который и представилъ слѣдующій проектъ: первой мѣрой, предотвращающей дальнѣйшее паденіе стоимости ассигнацій, онъ призналъ прекращеніе новыхъ ихъ выпусковъ; затѣмъ онъ высказался за сильное сокращеніе государственныхъ расходовъ, за необходимость введенія правильнаго и хорошо организованнаго финансоваго контроля и, наконецъ, за введеніе новыхъ налоговъ.

Всѣ эти предложенія Сперанскаго были приняты, и 2 февраля 1810 г. былъ изданъ манифестъ, который объявилъ, что „главною, непремѣняемою и законною мѣрою всѣхъ монетъ, обращающихся въ государствѣ, устанавливается серебряный рубль настоящаго достоинства, а именно вѣсомъ во сто рубляхъ 5 фунтовъ и 6 золотниковъ лигатурнаго серебра $83^1/_2$ пробы“.

Эта попытка упроченія денежнаго обращенія осталась, однако, безплодной, не привела ни къ какимъ результатамъ. Обстоятельства не благопріятствовали ея осуществленію: скоро началась война 1812 года, потребовавшая отъ правитель-

ства новыхъ усиленныхъ расходовъ, доведшая до крайняго напряженія всѣ экономическія силы страны и истощившая всѣ имѣвшіеся въ распоряженіи правительства финансовые рессурсы. Поэтому 9 апрѣля 1812 года былъ изданъ законъ, прямо противоположный по своему характеру манифесту 2 февраля 1810 года. По этому закону всѣ счеты и платежи между частными лицами и въ казну должны были производиться ассигнаціями, и былъ установленъ принудительный курсъ для ассигнацій. Выпуски ассигнацій продолжались, и въ періодъ времени между 1812 и 1817 годами курсъ ихъ былъ чрезвычайно низокъ. Къ этому присоединялись еще другія финансовыя затрудненія правительства: возвышеніе налоговъ повело не къ повышенію государственныхъ доходовъ, а только къ росту недоимочности; увеличивалось количество фальшивыхъ ассигнацій; тяжело отражались на бюджетѣ и платежи по внѣшнему голландскому займу 1773 года. Необходимо было опять возвратиться на путь болѣе или менѣе рѣшительныхъ финансовыхъ преобразованій.

Предсѣдатель департамента экономіи государственнаго совѣта Мордвиновъ указывалъ, какъ на главную необходимую мѣру, на сокращеніе количества находящихся въ обращеніи ассигнацій. Эта идея была всецѣло воспринята и даже доведена до крайности министромъ финансовъ графомъ Гурьевымъ, который сокращеніе числа ассигнацій призналъ *единственнымъ* средствомъ вывести казну изъ тяжелаго положенія. Дѣйствія правительства въ этомъ направленіи въ 1817-1818 годахъ повели къ нѣкоторому повышенію курса ассигнацій—на $2^1/_2{}^0/_0$,—но повышеніе это не окупалось принесенными жертвами, такъ какъ для его достиженія, для изъятія изъ обращенія избытка ассигнацій, пришлось заключить два внутреннихъ займа.

Такимъ образомъ, политика гр. Гурьева не облегчила тяжелаго финансоваго положенія государства. Въ 1823 г. мѣсто Гурьева занялъ Канкринъ.

Новый министръ финансовъ не сразу вступилъ на путь рѣшительныхъ финансовыхъ преобразованій, диктовавшихся жизнью. Сначала онъ попытался произвести частичныя перемѣны и поправки, не затрагивавшія существа дѣла. Онъ провелъ рядъ мѣръ къ расширенію обращенія металлическихъ денегъ и къ уничтоженію такъ называемаго „простонароднаго лажа". Уже раньше, до Канкрина, правительство вынуждено было въ нѣкоторыхъ случаяхъ допустить пріемъ металлическихъ денегъ вмѣсто ассигнацій. Такъ, виноторговцы при покупкѣ ими казеннаго вина могли платить звонкой монетой. Металлическими деньгами можно было вносить пошлины и платить за казенную соль (въ Вятской и Оренбургской губ.). Кромѣ того серебро по мѣстному курсу позволено было принимать казеннымъ палатамъ и почтовымъ учрежденіямъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., при взиманіи пошлинъ, правительство устанавливало само отношеніе между ассигнаціями и металлическими деньгами: серебряный рубль приравнивался при этомъ обыкновенно 3 руб. 60 коп. на ассигнаціи. Но большею частью курсъ

на ассигнаціи очень сильно колебался въ зависимости отъ условій каждой отдѣльной мѣстности. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: вѣдь Россія первой четверти XIX в. не была еще капиталистической страной, въ которой отдѣльныя области были бы тѣсно и всесторонне связаны между собой въ экономическомъ отношеніи. Такое колебаніе курса ассигнацій по отдѣльнымъ мѣстностямъ и носило названіе простонароднаго лажа. До какой степени доходило это колебаніе, показываютъ данныя, находившіяся въ рукахъ Канкрина: по его словамъ, колебаніе лажа доходило до 27%.

Продолжая мѣры къ расширенію металлическаго денежнаго обращенія, Канкринъ въ 1827 г. допустилъ пріемъ серебра при покупкѣ паспортовъ и гербовой бумаги, а позднѣе и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Благодаря отчасти этимъ мѣрамъ, а главнымъ образомъ общимъ условіямъ экономической жизни страны, курсъ на ассигнаціи сталъ улучшаться: въ 1830 г. ассигнаціонный рубль стоилъ $26^1/_3$ коп. серебромъ, а въ 1839 г. уже $33^1/_3$ к. Труднѣе было бороться при старой денежной системѣ съ простонароднымъ лажемъ. Запретительныя мѣры не приводили къ желательнымъ результатамъ. Въ концѣ концовъ это привело къ необходимости рѣшительной финансовой реформы въ смыслѣ возстановленія металлическаго денежнаго обращенія въ Россіи.

Эта реформа была осуществлена не сразу, а путемъ нѣсколькихъ законодательныхъ мѣръ. Вотъ главныя изъ этихъ мѣръ. Манифестомъ 1 іюля 1839 года основною государственной платежной единицей объявленъ былъ серебряный рубль, ассигнаціи же признаны лишь „вспомогательнымъ знакомъ цѣнности“, причемъ для нихъ установленъ неизмѣнный курсъ: серебряный рубль равнялся 3 р. 50 к. ассигнаціями. 1 января 1840 г. установлена была депозитная касса при государственномъ банкѣ съ цѣлью упроченія и распространенія металлическаго денежнаго обращенія: банкъ сталъ принимать серебро на храненіе и выдавать взамѣнъ его вкладчикамъ особыя депозитныя свидѣтельства, которымъ присвоено было свободное обращеніе наряду съ серебромъ и ассигнаціями. Теперь уже окончательно установился курсъ въ 3 руб. 50 к. ассигнаціями за 1 рубль серебромъ. Въ 1841 г. въ виду потребности въ увеличеніи числа денежныхъ знаковъ въ обращеніи былъ произведенъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на 30 мил. рублей, причемъ эти билеты размѣнивались свободно на серебро по номинальной цѣнѣ, для чего учрежденъ былъ особый металлическій размѣнный фондъ, равный $^1/_6$ части выпущенныхъ билетовъ. Наконецъ, манифестъ 1 іюля 1843 г. окончательно установилъ государственные кредитные билеты какъ основной денежный знакъ, свободно размѣниваемый на серебро и обезпеченный размѣннымъ фондомъ, состоящимъ изъ серебра и золота и равнымъ $^1/_6$ части всѣхъ выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ.

Таково было законодательное выраженіе финансовой реформы, предпринятой Канкринымъ. Сущность этой реформы сводится къ попыткѣ

возстановленія металлическаго денежнаго обращенія въ Россіи, а основнымъ пріемомъ для достиженія этой цѣли послужила девальвація. Это означало не что иное, какъ частичное банкротство государства: государство въ сущности уплатило часть своихъ долговъ, заключающуюся въ ассигнаціяхъ, не полностью, а лишь въ размѣрѣ 35% занятой суммы.

Безъ сомнѣнія, реформа Канкрина была не только неизбѣжна и необходима, но и полезна въ финансовомъ и экономическомъ отношеніяхъ: она шла навстрѣчу не только потребностямъ государственной казны, но и нуждамъ развивавшейся промышленности и торговли. Но она была не прочна, потому что и новые кредитные билеты вскорѣ стали неразмѣнными. Причины этого заключались не столько въ техническихъ недостаткахъ реформы и въ военныхъ обстоятельствахъ конца 40-хъ и 50-хъ годовъ,—хотя, конечно, и эти вліянія сказались,—сколько въ общихъ условіяхъ экономической жизни страны. Россія, какъ уже намъ извѣстно, переживала въ первой половинѣ XIX в. критическую, переходную эпоху въ хозяйственномъ отношеніи: старыя крѣпостныя формы хозяйства были почти совершенно изжиты и постепенно замѣнялись новыми, свободными формами, предвѣстниками наступающаго капитализма. На такомъ колеблющемся, непрочномъ, едва слагающемся экономическомъ базисѣ нельзя было построить прочное финансовое преобразованіе, укрѣпленіе металлической валюты. Это могло быть дано только періодомъ капиталистическаго развитія, причемъ выдвинулась на очередь подъ вліяніемъ міровыхъ хозяйственныхъ условій необходимость введенія *золотой* валюты.

ГЛАВА VII.

Государственные крестьяне при Николаѣ I.

(М. М. Богословскаго).

1.

Какъ извѣстно, императоръ Николай обнаружилъ съ первыхъ же дней царствованія большой интересъ къ крестьянскому вопросу. Зарожденіе этого интереса, отчасти, быть можетъ, слѣдуетъ искать въ лекціяхъ его преподавателя, знаменитаго политико-эконома академика Шторха, который указывалъ на ненормальность крѣпостного права и развивалъ передъ великими князьями проекты освобожденія крестьянъ съ землею и безъ земли. Въ царствованіе Александра I вопросъ о крѣпостныхъ крестьянахъ не сходилъ съ очереди, и какъ ни далеко держалъ себя тогда великій князь Николай отъ государственныхъ дѣлъ, онъ все же не могъ остаться совершенно въ сторонѣ отъ этого вопроса, такъ занимавшаго въ первые годы царствованія офиціальные круги, правительство, а въ послѣдніе годы возникшія и развившіяся въ то время тайныя общества. Процессъ декабристовъ далъ ему поводъ ознакомиться подробно съ ихъ идеями и намѣреніями и, разумѣется, съ ихъ воззрѣніями на крѣпостное право. Наконецъ, кромѣ такихъ отвлеченныхъ соприкосновеній съ крѣпостнымъ правомъ, оно напомнило ему о себѣ живыми фактами, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло на практикѣ: вступленіе на престолъ императора Николая сопровождалось, какъ и предыдущія перемѣны на престолѣ, значительными крестьянскими волненіями въ разныхъ мѣстахъ Россіи, поднятыми слухомъ объ освобожденіи. Для прекращенія этихъ волненій потребовалось издать весной 1826 г. особый манифестъ, говорившій, что крестьяне должны исполнять безпрекословно всѣ лежащія на нихъ повинности, и грозившій строгимъ наказаніемъ за непослушаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось напомнить и дворянству о христіанскомъ и сообразномъ съ законами обращеніи съ крѣпостными и также грозить за нарушеніе обязанностей христіанъ и вѣрноподданныхъ. Словомъ, крѣпостное право сильно тревожило и занимало императора Николая. „Я знаю, что могу разсчитывать на тебя“,—говорилъ въ 1834 г. государь П. Д. Киселеву,—„ибо мы оба имѣемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ (объ освобожденіи крестьянъ), котораго мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ. Видишь ли“, —сказалъ далѣе государь, указывая рукою на картоны, стоявшіе на полкахъ кабинета,—„здѣсь я со вступленія моего на престолъ собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ раб-

ства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи".

Однако порывы остались порывами, и борьба не увѣнчалась успѣхомъ. Широкая масса дворянства, разумѣется, была противъ какихъ-либо реформъ въ крѣпостномъ правѣ. Правда, среди дворянства эпохи Николая выдѣлялись просвѣщенные кружки, въ которыхъ сознавали необходимость освобожденія крестьянъ и горячо сочувствовали этой идеѣ. Среди этой дворянской интеллигенціи императоръ нашелъ бы несомнѣнно поддержку своимъ замысламъ. Но онъ относился къ этой интеллигенціи враждебно, видѣлъ въ ея представителяхъ людей политически-опасныхъ, тѣснилъ и гналъ ихъ. Боясь раздражать широкую массу дворянъ-крѣпостниковъ, отъ которой онъ всячески скрывалъ свои освободительные планы, а съ другой стороны, оттолкнувъ отъ себя сторонниковъ освобожденія, императоръ принужденъ былъ дѣйствовать черезъ немногихъ ближайшихъ сановниковъ, въ которыхъ не только не могъ встрѣтить одушевленія или хотя бы сочувствія дѣлу, а наоборотъ встрѣчалъ болѣе или менѣе прикрытое противодѣйствіе. „Крѣпостное право въ настоящемъ положеніи оставаться болѣе не можетъ", сказалъ онъ въ другой бесѣдѣ тому же Киселеву, „я говорилъ со многими изъ моихъ сотрудниковъ и ни въ одномъ не нашелъ прямого сочувствія; даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые (Константинъ и Михаилъ Павловичи) были совершенно противны. Несмотря на то, я учредилъ комитетъ изъ семи членовъ для разсмотрѣнія постановленій о крѣпостномъ правѣ. Я нашелъ противодѣйствіе". Одинъ за другимъ учреждались такіе секретные комитеты по крестьянскому дѣлу каждый разъ въ тѣсномъ составѣ нѣсколькихъ сановниковъ, и дѣятельность этихъ комитетовъ, протекавшая въ самой непроницаемой тайнѣ, кончалась ничѣмъ или почти ничѣмъ. Николай I не сумѣлъ подойти къ вопросу объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ съ той стороны, съ которой этотъ вопросъ только и поддавался рѣшенію, отталкивалъ отъ себя часть общества, одушевленную идеей освобожденія, пытался сладить съ дѣломъ, требовавшимъ общественнаго участія, исключительно посредствомъ канцелярій, и поэтому оказался совершенно одинокимъ.

Не сладивъ съ крестьянскимъ вопросомъ въ его цѣломъ, государь выдѣлилъ изъ него часть, гдѣ онъ не встрѣчалъ уже крѣпостническаго противодѣйствія. Онъ занялся спеціально устройствомъ той группы крестьянъ, которая принадлежала казнѣ и носила названіе государственныхъ. Еще въ первомъ изъ комитетовъ, гдѣ долженъ былъ обсуждаться крестьянскій вопросъ, въ комитетѣ 6 декабря 1826 г. Сперанскій предложилъ на первыхъ порахъ приступить къ реформамъ въ управленіи казенными крестьянами, видя въ улучшеніяхъ, которыя могли бы быть здѣсь проведены, хорошій примѣръ для помѣщиковъ. Комитетъ вполнѣ раздѣлилъ такой взглядъ и высказалъ надежду, что большинство помѣщиковъ постепенно послѣдуетъ примѣру правительства, а упорное и неразсудительное меньшинство легко

уже будетъ принудить къ улучшеніямъ, не прибѣгая ни къ какимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Эти разсужденія комитета привлекли къ себѣ все вниманіе государя. Реформы въ устройствѣ и управленіи казенныхъ крестьянъ не задѣвали ничьихъ интересовъ кромѣ ихъ собственныхъ, не могли волновать помѣщичьяго класса, не отличались такою сложностью, какъ вопросъ объ освобожденіи и поэтому гораздо болѣе поддавались проведенію чисто бюрократическимъ путемъ.

Обширный классъ государственныхъ крестьянъ составился изъ разнообразныхъ элементовъ, различавшихся по отдѣльнымъ мѣстностямъ. На сѣверѣ, въ старинныхъ „Поморскихъ уѣздахъ", т. е. въ мѣстностяхъ теперешнихъ Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерній, это были такъ называемые „черносошные" крестьяне. Этотъ край былъ всегда безопасенъ отъ внѣшняго нападенія, его не отъ кого было оборонять; служилые люди были здѣсь не нужны, какъ нужны были они по южной и западной границамъ, и поэтому здѣсь не развилось помѣщичьяго землевладѣнія и крѣпостного права. Черносошные крестьяне были всегда лично свободны. Они сидѣли на „черной", государственной землѣ и хотя совершали на свои участки всевозможныя сдѣлки, однако никогда не забывали того, что имъ принадлежитъ только право владѣнія, а не собственности на черную землю. Правительство еще съ XVII в. стремилось ограничивать это распоряженіе участками, наблюдая, чтобы государственная земля не переходила изъ рукъ черносошныхъ общинъ въ руки другихъ общественныхъ, не несшихъ тягла группъ, главнымъ же образомъ, чтобы она не попадала въ руки многочисленныхъ на сѣверѣ монастырей. Черносошные крестьяне жили небольшими поселками, вытягивавшимися по берегамъ рѣкъ и смыкавшимися въ волости, которыя нерѣдко были не только административными, но также и хозяйственными союзами. Иногда такія волости-общины владѣли и пользовались сообща различными угодьями.

Совершенно иного происхожденія были государственные крестьяне русскаго юга. Здѣсь въ составъ этого класса вошли прежніе военные элементы: „однодворцы", „старыхъ службъ служилые люди", изъ которыхъ въ XVII в. формировался контингентъ такъ называемыхъ полковъ иноземнаго строя, солдатскихъ, драгунскихъ, рейтарскихъ и т. д. Ихъ селили по южной границѣ цѣлыми группами, надѣляя небольшими участками пашни на помѣстномъ правѣ, и въ ихъ поселкахъ возникали порядки землепользованія, очень напоминающіе землепользованіе теперешнихъ крестьянскихъ общинъ, съ раздѣленіемъ всей земли такого служилаго поселка на три общія поля и съ черезполосностью участковъ отдѣльныхъ владѣльцевъ въ каждомъ полѣ. Съ учрежденіемъ регулярной арміи при Петрѣ эти микроскопическіе помѣщики перестали быть нужны какъ служилые люди, были обложены наравнѣ съ крестьянами подушной податью и причислены къ классу государственныхъ крестьянъ.

На востокѣ Россіи въ составъ этого класса вошли разнаго рода инородцы

и масса сибирскихъ крестьянъ, по положенію своему ничѣмъ не отличавшихся отъ черносошныхъ крестьянъ поморскихъ уѣздовъ. На западѣ и юго-западѣ съ присоединеніемъ Остзейскаго края, польскихъ областей и Бессарабіи въ классъ государственныхъ крестьянъ были включены различныя группы свободныхъ земледѣльцевъ, какъ, напр., „панцырные бояре“ въ Витебской губерніи, которые нѣкогда были поселянами, обязанными нести военную службу за земельный надѣлъ, напоминали собою, слѣдовательно, однодворцевъ русскаго юга; „старостинскіе крестьяне“, т. е. крестьяне „старостствъ“, государственныхъ имѣній Польши; далѣе, крестьяне имѣній, конфискованныхъ у польскихъ помѣщиковъ послѣ мятежа 1831 г. Съ присоединеніемъ Бессарабіи къ государственнымъ крестьянамъ отнесены были „царане“—особый видъ свободныхъ хлѣбопашцевъ. Къ государственнымъ же крестьянамъ были причислены вызывавшіеся правительствомъ иностранные колонисты. Обширной группой вошли въ классъ государственныхъ крестьянъ, замѣтно увеличивъ его составъ, крестьяне церковныхъ земель, отобранныхъ Екатериною у монастырей въ 1764 г. То были такъ называемые „экономическіе“ крестьяне. Наконецъ, къ этому же классу стали причисляться крестьяне, переходившіе по закону 1803 г. въ вольные хлѣбопашцы и по закону 1842 г.—въ „обязанные“. Такимъ образомъ, составъ класса государственныхъ крестьянъ отличался большою мозаичностью, образуя какъ бы резервуаръ, куда стекались всѣ тѣ земледѣльческіе элементы, которые либо совсѣмъ не были захвачены крѣпостнымъ правомъ, либо, бывъ имъ захвачены, впослѣдствіи отъ него высвобождались. Всего по VIII ревизіи (1833 г.) государственныхъ крестьянъ считалось 7.649.000 душъ муж. п., что равнялось $^1/_3$ всего сельскаго населенія Россіи.

Ихъ юридическое положеніе было противорѣчиво. Сводъ законовъ признавалъ ихъ „свободнымъ сельскимъ сословіемъ“. Они обладали гражданскими правами — личными и имущественными—и могли входить въ обязательства. Дѣти государственныхъ крестьянъ могли поступать въ высшія учебныя заведенія. Но въ то же время казна могла въ каждый данный моментъ распорядиться ихъ свободой. Въ XVIII в. государственные крестьяне представляли изъ себя фондъ, откуда дѣлались пожалованія частнымъ лицамъ, и при Екатеринѣ и Павлѣ значительное количество государственныхъ крестьянъ потеряло, такимъ образомъ, свободу, ставъ крѣпостными пожалованныхъ лицъ. Съ Александра I такая раздача прекратилась, но правительство не стѣсняясь обращало государственныхъ крестьянъ въ военные поселяне и перечисляло ихъ въ составъ удѣльныхъ крестьянъ, которые разсматривались какъ крѣпостные Императорскаго Дома. Очевидно, что взглядъ на государственныхъ крестьянъ не отличался единствомъ. На нихъ смотрѣли, какъ на свободныхъ людей, но въ то же время видѣли въ нихъ крѣпостныхъ государства, которое и могло ими распоряжаться по произволу. Екатерина II, а впослѣдствіи Александръ I намѣревались издать для свободнаго сельска-

го населенія такую же опредѣляющую его права и обязанности грамоту, какія были изданы въ 1785 г. для дворянства и городовъ, но намѣренія эти не осуществились, и юридическое положеніе государственныхъ крестьянъ ко времени Николая I оставалось неопредѣленнымъ.

Долгое время, до самаго конца XVIII вѣка, въ неопредѣленномъ положеніи находилась и ихъ администрація, сложившаяся чисто исторически, безъ всякаго воздѣйствія законодательства. Только въ 1760-хъ годахъ было издано нѣсколько указовъ, очень отрывочно опредѣлявшихъ порядокъ выбора сельскихъ старостъ и дѣятельность мірского схода въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ. По учрежденію о губерніяхъ 1775 г. завѣдываніе ими въ губерніи поручалось казенной палатѣ, а для судебныхъ дѣлъ учреждались специальные трибуналы: нижняя расправа въ уѣздѣ и верхняя расправа въ губернскомъ центрѣ. Эти судебные органы составлялись изъ предсѣдателей, назначаемыхъ короной, и членовъ, избираемыхъ самими государственными крестьянами, которые, такимъ образомъ, надѣлены были въ извѣстной степени и политическими правами, выражавшимися въ этомъ участіи ихъ въ составѣ правительственныхъ органовъ. Но казенныя палаты и расправы были верхнимъ этажомъ въ административномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ; ближайшее же ихъ мѣстное управленіе продолжало существовать въ томъ видѣ, какъ сложилось на практикѣ. Оно было регулировано только при Павлѣ закономъ о раздѣленіи казенныхъ селеній на волости и о порядкѣ внутренняго ихъ управленія. Это устройство по закону 7 авг. 1797 г. и сохранилось до реформъ императора Николая.

Селенія государственныхъ крестьянъ организовались въ волости съ тѣмъ расчетомъ, чтобы количество жителей волости не превышало 3.000 душъ. Очень блѣдно, только мимоходомъ обозначены въ законѣ 1797 г. два органа, дѣятельность которыхъ регулировалась всецѣло обычнымъ правомъ: сельскій (въ каждомъ селеніи) и волостной сходы. Самый составъ ихъ не опредѣлялся закономъ точно: „должны жители по одному съ каждаго двора *или сколько приказано будетъ при всякомъ случаѣ* немедленно на сходъ поспѣшать". Сходы производятъ выборы должностныхъ лицъ: волостныхъ и сельскихъ, провѣряютъ ихъ отчетность. Согласіе волостного схода требуется на продажу хлѣба изъ волостного хлѣбнаго магазина. На сельскомъ сходѣ производится раскладка податей между отдѣльными хозяйствами селенія. Въ общемъ роль того и другого сходовъ скорѣе пассивная, чѣмъ активная, судя по тому, что крестьянамъ, собравшимся на сходъ, предписывается быть тамъ „во всякой тишинѣ; что имъ приказано будетъ, внимать и въ точности исполнять подъ штрафомъ за неповиновеніе". Слѣдовательно, съ точки зрѣнія закона сходъ собирается болѣе для выслушиванія распоряженій свыше, чѣмъ для самостоятельныхъ дѣйствій.

Въ каждомъ селеніи на годъ избирается „выборный" и кромѣ того для наблюденія за порядкомъ „де-

21

Императоръ Павелъ I.

Оружеиная палата въ Москвѣ)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

сятскіе" по одному на каждые 10 дворовъ. Во главѣ волости стоитъ волостное правленіе, состоящее изъ избираемаго на два года „волостного головы", „выборнаго" того селенія, въ которомъ правленіе находится, и писаря. Не опредѣлено въ законѣ 1797 г. точно, въ какихъ именно случаяхъ выступаетъ волостное правленіе какъ коллегіальный органъ и когда волостной голова дѣйствуетъ единолично. Волостной голова наблюдаетъ за дѣятельностью сельскихъ выборныхъ. Затѣмъ, онъ является судебнымъ органомъ въ волости. Онъ производитъ разбирательства между поселянами въ маловажныхъ искахъ и ссорахъ. Однако это органъ только факультативный: стороны могутъ и не обращаться къ его суду, а начать дѣло прямо въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ, куда они обращаются также въ случаѣ недовольства рѣшеніемъ головы.

Въ самыхъ широкихъ и подробныхъ чертахъ опредѣлены полицейскія обязанности волостныхъ и сельскихъ властей, и можно только удивляться той детальности, съ которой онѣ перечислены. Это, очевидно, отраженіе въ микрокосмѣ волости всеобъемлющаго и всеопекающаго полицейскаго государства XVIII в. Волостная и сельская администрація должна наблюдать за безопасностью отъ пожаровъ, эпидемій и эпизоотій; она вѣдаетъ строительную полицію въ селахъ, пріучая жителей къ правильному и безопасному отъ пожарныхъ случаевъ построенію домовъ и организуетъ пожарныя команды, заботясь о снабженіи селъ необходимыми при тушеніи пожаровъ инструментами и расписывая жителей, кому съ какимъ инструментомъ выходить на пожаръ. На ея обязанности лежитъ также общественная гигіена: предупреждая болѣзни и скотскіе падежи, волостные головы и сельскіе выборные должны въ ряду другихъ мѣръ наблюдать, чтобы каждое селеніе было снабжено въ достаточномъ количествѣ хорошею водою для питья, и между прочимъ законъ 1797 г. рекомендуетъ не мочить конопли въ тѣхъ источникахъ, откуда берутъ такую воду, такъ какъ она отъ конопли портится. Но сельская администрація не должна ограничиваться въ своей дѣятельности только борьбою со всякаго рода зломъ, предупреждая и пресѣкая его. Она должна насаждать въ волости всякаго рода благо. Она должна принимать мѣры къ развитію сельскаго хозяйства. Выбирать волостныхъ головъ и сельскихъ выборныхъ велѣно было изъ людей „примѣрныхъ въ хозяйствѣ, а паче въ земледѣліи и скотоводствѣ искусныхъ, дабы собою подавали примѣръ" обывателямъ. Вступивъ въ должность тѣ и другіе обязаны были „пещись о всемъ сельскомъ хозяйствѣ вообще", а затѣмъ еще въ частности: поощрять обывателей къ лучшему земель обрабатыванію и къ размноженію скота лучшихъ породъ; пріучать ихъ, соображаясь съ климатомъ каждаго мѣста, сѣять по свойству земли сходственныя сѣмена и тѣ, кои удобнѣе и выгоднѣе продажею доставляютъ поселянину прибытокъ; поощрять къ садоводству и огородничеству, въ особенности къ посадкѣ вновь вводившагося тогда картофеля; пріучать каждаго имѣть въ запасѣ двойныя сѣмена на случай неурожая; на югѣ,

вмѣсто ивовыхъ деревьевъ, которыя сажаются поселянами между домовъ для безопасности отъ пожаровъ, предписывать сажать непремѣнно шелковичныя деревья, чтобы достичь двухъ цѣлей разомъ: и предохранить дома отъ огня и развить шелковое производство. Словомъ, подъ руководствомъ своихъ волостныхъ головъ и выборныхъ государственные крестьяне должны были практически усваивать очень обстоятельную агрономію. Особенному же надзору волостного головы поручались „лѣнивые и нерадивые о хозяйствѣ", и онъ обязанъ былъ ежемѣсячно лично осматривать во всѣхъ частяхъ ихъ хозяйство, наблюдая его „во всемъ, что поселянскую пользу составить можетъ". Кромѣ наставленій по сельскому хозяйству и надзора за нимъ, сельская администрація обязана „стараться о размноженіи всякаго рода рукодѣлій и фабрикъ, пріохочивая къ нимъ жителей". Но и этимъ дѣло не оканчивалось. Законъ 1797 г. представляетъ волостныхъ головъ и сельскихъ выборныхъ, не какъ простыхъ исполнителей предписываемаго, а какъ широкихъ администраторовъ, зорко слѣдящихъ за нуждами мѣстности и даже способныхъ развить въ значительной степени творческую дѣятельность, и обязываетъ ихъ составлять проекты дальнѣйшихъ улучшеній, „дѣлать по своимъ мѣстамъ примѣчанія, что къ общей пользѣ ихъ мѣстъ покажется нужнымъ, и представлять о томъ, куда слѣдуетъ". Идиллическая картина, которую не щадя красокъ рисуетъ положеніе объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ 1797 г., можетъ быть завершена перечисленіемъ тѣхъ предписаній, касавшихся полиціи нравовъ, которыя давались сельскимъ властямъ: „толковать, вразумлять и научать, что до добронравія и пользы поселянъ относится; вразумлять о благочиніи церковномъ, о хожденіи по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ службѣ Божіей, объ исповѣди и причастіи". Въ частности сельскимъ выборнымъ поручалось наблюдать, чтобы „всѣ поселяне съ сосѣдами ласково и дружески и съ проѣзжающими вѣжливо и гостепріимно обходились... и отъ малѣйшей грубости удалялись", причемъ и самимъ администраторамъ рекомендовалось обходиться съ поселянами „снисходительно и дружески". Только о школахъ законъ 1797 г. не говоритъ ни слова, и въ этомъ очевидно сказалось нерасположеніе, которое питалъ Павелъ къ грамотѣ и книгѣ.

Черты, съ которыми положеніе 1797 г. изображаетъ поселянъ, обучаемыхъ ихъ старостами добронравію, и даже самый языкъ, какимъ говорится въ немъ объ ихъ благоденствіи, невольно приводятъ на память изображенія тѣхъ же „добрыхъ поселянъ" въ сантиментальныхъ повѣстяхъ Карамзина. Въ дѣйствительности положеніе осталось не болѣе, какъ досужею законодательной фантазіей, которыми обиленъ былъ XVIII вѣкъ съ его неограниченной вѣрой въ чудодѣйственную силу законодательныхъ актовъ. Единственнымъ его результатомъ, оставившимъ слѣдъ на практикѣ, была организація волостей тамъ, гдѣ ихъ прежде не существовало. Но дѣятельность сельскихъ властей осталась и послѣ закона 1797 г. совершенно тою же, какою

она была и до него, исключительно фискальною, и только одинъ параграфъ въ его обширномъ текстѣ имѣлъ несомнѣнно реальное значеніе— тотъ, гдѣ говорилось о взысканіи сельской администраціей окладныхъ и неокладныхъ сборовъ. Если въ XIX в. и потерялъ уже силу одинъ изъ указовъ Екатерины, по которому отвѣтственность сельскихъ властей за податные сборы простиралась до того, что въ случаѣ неуплаты государственными крестьянами въ годовой срокъ подушной недоимки предписывалось „забирать въ города старостъ и выборныхъ, держать подъ карауломъ и употреблять въ тяжкія городовыя работы безъ платежа заработанныхъ денегъ, доколѣ вся недоимка заплачена не будетъ“ (19 мая 1769 г.), то все же волостные головы и сельскіе выборные остались на практикѣ только сборщиками разнаго рода податей и повинностей, только фискальными агентами. Государственные крестьяне разсматривались главнымъ образомъ какъ плательщики податей, и этотъ исключительный фискализмъ, которымъ былъ проникнутъ взглядъ на нихъ, былъ одною изъ главныхъ причинъ печальнаго состоянія, въ которомъ они оказались въ первой четверти XIX вѣка.

Другою причиною того же было отсутствіе въ административномъ механизмѣ такихъ учрежденій, на которыхъ лежало бы попеченіе о государственныхъ крестьянахъ, учрежденій настолько сильныхъ, что они могли бы защитить этихъ крестьянъ, прійти имъ на помощь въ случаѣ обидъ и утѣсненій, и настолко авторитетныхъ, чтобы быть въ состояніи доводить ихъ нужды до свѣдѣнія высшихъ правительственныхъ сферъ и поддерживать въ этихъ сферахъ ихъ интересы. Волость государственныхъ крестьянъ оказалась въ двоякомъ подчиненіи и въ обоихъ случаяхъ учрежденіямъ, для которыхъ она не была предметомъ прямого исключительнаго интереса и хотя бы малой заботы, потому что привходила въ кругъ ихъ вѣдомства какъ-то случайно, со стороны, была въ этомъ кругѣ не главною частью, а побочнымъ придаткомъ. Въ хозяйственномъ отношеніи волость была подчинена казенной палатѣ, именно ея хозяйственному отдѣленію. Но кромѣ того, что это была далекая губернская инстанція, хозяйственное отдѣленіе палаты, состоявшее притомъ всего изъ одного совѣтника, не было всецѣло занято государственными крестьянами; оно вѣдало также и другія разнаго рода дѣла, не имѣвшія съ государственными крестьянами ничего общаго. Да и по отношенію къ нимъ вся дѣятельность хозяйственнаго отдѣленія палаты ограничивалась разнаго рода чисто формальными разрѣшеніями. По полицейскимъ дѣламъ волость подчинялась нижнему земскому суду, въ дѣйствительности, конечно, уѣздному исправнику, инстанціи, правда, болѣе близкой по разстоянію, но едва ли не еще болѣе далекой по интересамъ. Нижній земскій судъ былъ дворянскимъ учрежденіемъ, земскій исправникъ избирался мѣстнымъ дворянствомъ, былъ агентомъ дворянства и при столкновеніяхъ, возникавшихъ между помѣщичьими и государственными крестьянами, не всегда могъ сохранить безпристрастіе и естественно былъ

склоненъ держать сторону своей же братіи, его избиравшей. Притомъ вообще дѣятельность земскихъ исправниковъ въ первой четверти XIX в. не была безупречной, а злоупотребленія ихъ среди государственныхъ крестьянъ были тѣмъ возможнѣе, что послѣднимъ труднѣе было найти защиту, какую оказывали своимъ крестьянамъ помѣщики. Высшей инстанціей, гдѣ сосредоточивалось управленіе государственными крестьянами, былъ департаментъ государственныхъ имуществъ въ министерствѣ финансовъ. Департаментъ не пользовался никакою самостоятельностью, а министерство финансовъ не простирало своихъ интересовъ къ казеннымъ крестьянамъ далѣе сбора съ нихъ податей. Мало того, департаментъ тоже не былъ безупреченъ. „Передъ окончаніемъ моей вятской жизни", вспоминаетъ Герценъ въ „Быломъ и Думахъ", „департаментъ воровалъ до такой наглости, что надъ нимъ назначили слѣдственную комиссію, которая разослала ревизоровъ по губерніямъ. Губернаторъ долженъ былъ назначить отъ себя двухъ чиновниковъ при ревизіи. Я былъ одинъ изъ назначенныхъ. Чего не пришлось мнѣ тутъ прочесть!—и печальнаго, и смѣшного, и гадкаго. Самые заголовки дѣлъ поражали меня удивленіемъ: „Дѣло о потерѣ неизвѣстно куда дома волостного правленія и о изгрызеніи плана онаго мышами"; „дѣло о потерѣ двадцати двухъ казенныхъ оброчныхъ статей", т. е. верстъ пятнадцати казенной земли и т. д. Недостатки администраціи казенныхъ крестьянъ хорошо сознавались государственными людьми того времени. „Неудобства нынѣшняго управленія казенными крестьянами", писалъ гр. Канкринъ въ 1825 г., „столь извѣстны, что не требуютъ дальнѣйшаго изъясненія. Недостатокъ ближайшаго надзора и защиты между прочимъ есть причиною, что благосостояніе крестьянъ падаетъ и число недоимокъ на нихъ лежащихъ умножается". Въ запискѣ, представленной въ комитетѣ 6 декабря 1826 г., Сперанскій замѣчалъ, что государственные крестьяне бѣднѣютъ и разоряются „не менѣе крестьянъ помѣщичьихъ. Работы и повинности ихъ также неопредѣлены и распредѣлены весьма неуравнительно. Земскіе исправники —тѣ же помѣщики съ тою только разницею, что они перемѣняются и что на нихъ есть возможность жаловаться; но за то эти трехлѣтніе владѣльцы не имѣютъ никакихъ побужденій беречь крестьянъ".

Въ обширномъ и обстоятельномъ докладѣ, который былъ представленъ государственному совѣту будущимъ реформаторомъ устройства казенныхъ крестьянъ гр. Киселевымъ, послѣ того какъ онъ хорошо познакомился съ ихъ положеніемъ путемъ ревизіи, были подробно обрисованы печальныя стороны ихъ администраціи и хозяйственнаго быта. Гр. Киселевъ указывалъ на разстройство естественныхъ связей, исторически слагавшихся въ сельскомъ обществѣ, соединеніемъ и дробленіемъ этихъ обществъ въ различные податные участки, спеціальные для каждаго рода подати или повинности. Селенія малолюдныя соединялись для взиманія подушной въ одинъ участокъ въ 300-500 душъ, селенія многолюдныя дробились; для рекрутскихъ наборовъ учреждались участки по 1000 душъ; для ссылки

хлѣба въ запасные магазины—особые участки, для исполненія дорожной повинности—особые и т. д., каждый со своими начальствами и сборщиками. Мірскіе сходы, на которые собирались всѣ домохозяева, были устроены и дѣйствовали крайне неудовлетворительно. Въ многолюдныхъ селеніяхъ сходилась громадная шумная толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ, совершенно неспособная обсуждать толково какое-нибудь дѣло. Сходомъ ворочали одинъ или нѣсколько міроѣдовъ, и дѣло рѣшалось обыкновенно выставленной водкой. Хозяйственное положеніе казенныхъ крестьянъ было еще хуже. Очень неравномѣрно они были снабжены землею: тогда какъ въ одномъ обществѣ приходилось на душу по 20 десят., въ другомъ едва доставалось по $^1/_2$ десятины. Во многихъ мѣстностяхъ ощущалось малоземелье. Болѣе 275 тысячъ душъ имѣли только по 2 десят. на душу; 212 тысячъ—по 1 десят.; 56.740 душъ—менѣе одной десятины и до 63 тысячъ не имѣли ни земли, ни обзаведенія. Нуждавшіеся въ землѣ въ разныхъ мѣстностяхъ арендовали у помѣщиковъ до 500 тысячъ десят. Такая неравномѣрность въ распредѣленіи земель неудивительна при томъ хаотическомъ состояніи, въ которомъ находились до Киселева государственныя имущества, когда казенныя земли не были приведены въ извѣстность и не было имъ сдѣлано ни плановъ, ни описаній, когда благодаря отсутствію всякаго учета эти земли подвергались расхищенію. Крестьяне нуждались въ лѣсѣ, а между тѣмъ казенные лѣса хищнически истреблялись. На сѣверѣ ихъ выжигали подъ пашни; въ западныхъ губерніяхъ помѣщики спускали въ эти лѣса воду, такъ что въ нихъ образовались болота. Лѣса давали дохода казнѣ ежегодно менѣе 600 тысячъ рублей, а ежегодная потеря лѣсовъ вслѣдствіе хищеній, порубокъ и пожаровъ исчислялась въ 30-хъ годахъ въ 4 милліона рублей. Въ Псковской губерніи департаментъ государственныхъ имуществъ не досчитывался *одиннадцати тысячъ* десятинъ казеннаго лѣса, неизвѣстно куда исчезнувшаго. Продовольственная организація была поставлена неудовлетворительно, хлѣбные запасные магазины не могли справляться съ неурожаями, слѣдовавшими черезъ каждые 4—5 лѣтъ съ неизмѣнной регулярностью, и казна каждый разъ должна была выступать въ такихъ случаяхъ съ пособіями. Страхованія отъ огня не было, и пожары разоряли государственныхъ крестьянъ до нищенства. Еще болѣе губительнымъ зломъ, чѣмъ пожары, было пьянство. Откупщики направляли свои усилія преимущественно въ казенныя селенія и въ нихъ открывали питейныя заведенія, потому что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ они встрѣчали въ этомъ значительное противодѣйствіе. Въ 1837 г. въ 15 губерніяхъ великорусскаго центра на 3.078.155 душъ государственныхъ крестьянъ приходилось 4.387 кабаковъ, т. е. по одному на 701 душу; а въ тѣхъ же губерніяхъ въ то же время на 4.882.051 душу помѣщичьихъ крестьянъ было всего 1.836 кабаковъ, т. е. по одному на 2.691 душу. Общимъ показателемъ разстройства благосостоянія государственныхъ крестьянъ къ концу 30-хъ годовъ можетъ служить громадная тяготѣв-

шая на нихъ недоимка. Съ 1826 по 1836 г. было съ нихъ сложено 66.980.537 руб. асс. и все-таки числилось на нихъ къ 1836 году разныхъ недоборовъ — 63.636.286 руб. асс.

Въ такомъ положеніи находились государственные крестьяне, когда управленіе ими было поручено гр. Киселеву.

2.

Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи. Онъ родился и получилъ домашнее образованіе въ Москвѣ, гдѣ его отецъ занималъ почетную должность главноприсутствующаго оружейной палаты. Семья Киселевыхъ принадлежала къ цвѣту московской интеллигенціи конца XVIII и начала XIX в. Съ отцомъ Павла Дмитріевича были близки Н. М. Карамзинъ и И. И. Дмитріевъ, а сверстниками и товарищами его самого были А. И. Тургеневъ и кн. П. А. Вяземскій. По обычаю того времени еще въ очень юныхъ годахъ Киселевъ былъ отданъ въ гвардію, въ кавалергардскій полкъ, гдѣ очутился въ кружкѣ наиболѣе блестящаго тогда офицерства, блестящаго не только именами, но и образованіемъ. Съ полкомъ онъ участвовалъ въ походѣ 1807 г. въ Пруссію. Въ 12-мъ году былъ въ битвѣ при Бородинѣ; затѣмъ, адъютантомъ при извѣстномъ своими либеральными воззрѣніями Милорадовичѣ, дѣлалъ кампанію 1813—14 гг., въ которой, какъ и многіе русскіе офицеры, могъ присмотрѣться къ заграничнымъ порядкамъ. Наконецъ, былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ государю и сблизился съ Александромъ I въ послѣдніе дни его либеральнаго настроенія. По окончаніи войны онъ занялъ очень важную должность начальника штаба расположенной въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ 2-ой арміи. Кромѣ разныхъ спеціально военныхъ преобразованій, которыя Киселевъ предпринялъ и провелъ, занимая этотъ постъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ постарался, насколько могъ, смягчить суровость нравовъ въ тогдашней военной средѣ и между прочимъ уменьшить жестокость тѣлесныхъ наказаній. Ко 2-ой арміи принадлежало много видныхъ декабристовъ; съ одними изъ нихъ Киселевъ былъ знакомъ по дѣламъ службы, съ другими связанъ дружескими чувствами. Онъ зналъ Трубецкого, Волконскаго и Басаргина; Бурцевъ былъ его личнымъ адъютантомъ и другомъ; часто встрѣчался и бесѣдовалъ Киселевъ и съ Пестелемъ, умъ и способности котораго очень цѣнилъ. О существованіи тайнаго общества онъ не зналъ, но предметы, занимавшіе декабристовъ, интересовали и Киселева и, несомнѣнно, обсуждались въ бесѣдахъ съ ними. Въ 1828—29 гг. Киселевъ вмѣстѣ съ арміей участвовалъ въ турецкомъ походѣ, а по заключеніи мира ему было поручено временное управленіе придунайскими княжествами: Молдавіей и Валахіей. Это управленіе княжествами, продолжавшееся пять лѣтъ до 1834 г., дало Киселеву возможность развернуть во всю широту блестящія способности реформатора и администратора, обратившія на него вниманіе императора Николая, который и рѣшилъ воспользоваться талантами Киселева для крестьянскаго

дѣла. Ему и было поручено устройство казенныхъ крестьянъ, задуманное государемъ.

Задолго до того Киселевъ сталъ интересоваться крестьянскимъ вопросомъ. Еще въ 1816 г. онъ подалъ императору Александру записку о постепенномъ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостного права. Впослѣдствіи знакомство и бесѣды съ декабристами могли, разумѣется, только способствовать поддержанію этого интереса. Возмущаясь неприглядными сторонами крѣпостного права и вполнѣ сознавая всю ненормальность рабства, Киселевъ не былъ, однако, сторонникомъ радикальнаго рѣшенія вопроса и находилъ невозможнымъ крутой и рѣзкій переломъ въ видѣ внезапнаго освобожденія крестьянъ. Внезапность была бы опасна, разсуждалъ онъ въ запискѣ 1816 г., потому что первый порывъ вольности—буйство, а внезапная потеря правъ дворянствомъ вызоветъ съ его стороны негодованіе. Крѣпостное право должно уничтожаться постепенно, путемъ уменьшенія числа крѣпостныхъ, путемъ постепеннаго распространенія гражданскихъ правъ на крѣпостныхъ и, съ другой стороны, постепеннаго ограниченія власти помѣщиковъ. Много позже (въ 1852 г.), окидывая взглядомъ свою дѣятельность по крестьянскому вопросу, самъ Киселевъ характеризовалъ ее такъ: „По тому, что было сдѣлано въ княжествахъ, и еще болѣе по разнымъ запискамъ, которыя я имѣлъ случай представлять въ качествѣ члена комитета, бывшаго подъ предсѣдательствомъ кн. Васильчикова, можно достаточно убѣдиться въ томъ, что никогда не было рѣчи объ абсолютномъ освобожденіи, а только единственно о регуляризаціи крѣпостного права съ цѣлью отнять у дурныхъ помѣщиковъ возможность злоупотреблять своими правами, случайно введенными въ сводъ нашихъ законовъ и несогласными съ справедливостью. Я могу сказать, что этого и до сихъ поръ желаю изъ страха, потому что чѣмъ болѣе я всматриваюсь, тѣмъ болѣе страшусь возстанія крестьянъ, грозящаго спокойствію Россіи и существованію дворянства. Предупредить зло было бы, конечно, разумнѣе, чѣмъ дать ему развиться и сложа руки ожидать его печальныхъ послѣдствій. Такъ думалъ нашъ великій и великодушный монархъ, но, къ несчастію, онъ встрѣтилъ такія затрудненія, какія было бы, можетъ быть, неосторожно не принять въ соображеніе“.

Кромѣ смягченія крѣпостного права путемъ регуляризаціи, Киселевъ видѣлъ средство для его постепеннаго уничтоженія въ открытіи выходовъ изъ крѣпостного состоянія на свободу, черезъ которые освободилась бы съ теченіемъ времени значительная масса крѣпостныхъ. Такъ, въ запискѣ 1816 г. онъ предлагаетъ позволить пріобрѣтать населенныя земли также и лицамъ недворянскаго званія, но съ тѣмъ, чтобы въ такихъ случаяхъ крестьяне переставали быть крѣпостными и чтобы отношенія ихъ къ новому помѣщику-недворянину были точно опредѣлены закономъ. Положеніе этихъ крестьянъ, какъ оно проектировалось Киселевымъ въ запискѣ, очень напоминаетъ положеніе позднѣйшихъ обязанныхъ крестьянъ по закону 1842 г. На такихъ

же условіяхъ должны быть освобождаемы отъ крѣпостного состоянія крестьяне тѣхъ имѣній, въ которыхъ помѣщики-дворяне будутъ устраивать фабрики и заводы. Въ двухъ другихъ случаяхъ записка 1816 г. открываетъ крѣпостнымъ переходъ въ вольные хлѣбопашцы, а именно при обращеніи дворянскихъ имѣній въ майораты и при переселеніи крестьянъ. Киселевъ предлагаетъ далѣе перемѣрить вновь всѣ земли и оставить въ каждомъ имѣніи лишь столько крестьянъ, сколько ихъ нужно для его обработки, остальныхъ же переселять на казенныя земли въ малонаселенныя губерніи, объявляя ихъ свободными хлѣбопашцами. Наконецъ, онъ предлагаетъ установить нормальные размѣры платы при выкупѣ крестьянъ на волю, выгодные для помѣщиковъ и возможные для крестьянъ, чтобы выкупъ сдѣлался также однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ для выхода крѣпостныхъ на свободу. Этихъ взглядовъ на способъ уничтоженія крѣпостного права постепеннымъ смягченіемъ неволи и уменьшеніемъ числа крѣпостныхъ черезъ открытіе имъ путей къ свободѣ, высказанныхъ въ запискѣ 1816 г., слѣдовательно, еще въ молодости, Киселевъ держался и потомъ, когда сталъ государственнымъ дѣятелемъ и получилъ возможность практически вліять на рѣшеніе вопроса о крестьянахъ. Законъ 1842 г. о выходѣ крестьянъ въ обязанные былъ предложенъ и поддержанъ Киселевымъ. Точно такъ же онъ горячо поддерживалъ и другія законодательныя мѣры, которыя должны были дѣйствовать въ томъ же направленіи, именно: законъ 8 ноября 1847 г. о правѣ крестьянъ выкупаться съ землею при продажѣ имѣнія съ торговъ и 3 марта 1848 г. о распространеніи на крѣпостныхъ людей права пріобрѣтать земли и другія недвижимыя имущества. „Наступило время", говорилъ Киселевъ при защитѣ этого послѣдняго закона, „отсѣкать все то, что въ крѣпостномъ состояніи болѣе отяготительно, а жить, работать и пріобрѣтать безъ права на собственность есть положеніе противоестественное". Великая крестьянская реформа, начавшаяся во второй половинѣ 50-хъ годовъ, застала Киселева уже слишкомъ старымъ, чтобы онъ могъ принять въ ней активное участіе, но онъ съ живѣйшимъ интересомъ за ней слѣдилъ, сочувственно откликался на каждый обращенный къ нему вопросъ и своимъ оптимистическимъ взглядомъ поддерживалъ бодрость въ работникахъ по крестьянскому дѣлу, когда на нихъ находили минуты унынія. „Отъ всей души желаю успѣшныхъ результатовъ предпринятому дѣлу", писалъ онъ въ 1858 г. Н. А. Милютину, приходившемуся ему племянникомъ и, можетъ быть, не мало обязанному вліянію дяди интересомъ къ крестьянской реформѣ. Великому князю Константину Николаевичу онъ совѣтовалъ призвать лицъ, одушевленныхъ святостію дѣла, и многіе работники реформы въ редакціонныхъ комиссіяхъ вышли изъ школы Киселева, служили въ его министерствѣ и были проникнуты его идеями. Не принадлежа къ плеядѣ славныхъ участниковъ великой реформы, Киселевъ можетъ быть названъ по справедливости однимъ изъ ихъ наиболѣе видныхъ предтечъ, и это было признано

ими. „Въ убѣжденіяхъ всей Россіи“, писалъ Самаринъ, „имя графа Киселева связано съ идеею, которой мы служимъ“.

Императоръ Николай не ошибся, слѣдовательно, въ выборѣ себѣ сотрудника по крестьянскому дѣлу, или „начальника штаба по крестьянской части“, какъ называлъ онъ Киселева по своей любимой привычкѣ переводить все на военный языкъ. Къ реформамъ устройства государственныхъ крестьянъ рѣшено было подходить осторожно и начать ихъ въ видѣ опыта съ преобразованій въ одной только Петербургской губерніи. Учреждено было новое V Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи спеціально для этого дѣла, порученное Киселеву. Но прежде, чѣмъ приступать къ измѣненіямъ старыхъ порядковъ, Киселевъ счелъ нужнымъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ и болѣе глубоко познакомиться на практикѣ съ бытомъ государственныхъ крестьянъ, съ устройствомъ и дѣйствіемъ администраціи государственныхъ имуществъ, для чего по его иниціативѣ предпринята была ревизія управленія этими имуществами въ четырехъ губерніяхъ, взятыхъ въ различныхъ полосахъ Россіи, именно: въ Псковской, Московской, Тамбовской и Курской. Ревизія произведена была спеціально командированными для этой цѣли чиновниками, а затѣмъ результаты ихъ работы были самолично провѣрены Киселевымъ, посѣтившимъ эти губерніи лѣтомъ 1836 г. и во время этой поѣздки близко присмотрѣвшимся къ жизни крестьянъ, заботы о которыхъ были на него возложены. Взгляды, вынесенные Киселевымъ изъ этого личнаго знакомства, были довольно безотрадны, и въ докладѣ о ревизіи, представленномъ государю, положеніе государственныхъ крестьянъ нарисовано въ мрачныхъ краскахъ. Корень зла и основную причину всѣхъ недостатковъ онъ видѣлъ въ отсутствіи правильно устроенной администраціи государственныхъ имуществъ. По его мнѣнію, не съ податной и вообще не съ хозяйственной стороны, какъ это имѣлось въ виду сдѣлать прежде, надо было начинать реформы въ положеніи государственныхъ крестьянъ; надо было прежде всего позаботиться объ устройствѣ правильнаго и хорошо дѣйствующаго административнаго аппарата, имѣющаго цѣлью попеченіе о крестьянахъ. Какъ только такой аппаратъ будетъ построенъ, съ его помощью можно будетъ справиться съ разными недостатками ихъ быта: съ малоземельемъ, пьянствомъ, невѣжествомъ, съ притѣсненіями посторонних властей, поднять ихъ благосостояніе и нравственный уровень. Можетъ быть, Киселевъ въ этомъ случаѣ слишкомъ былъ бюрократомъ, слишкомъ горячо вѣровалъ въ чудодѣйственную силу административныхъ учрежденій; можетъ быть, податные и хозяйственные вопросы имѣли для государственныхъ крестьянъ болѣе важное значеніе, чѣмъ вопросы административные. Однако нельзя не согласиться, что эти вопросы трудно было бы разрѣшить, и предположенныя хозяйственныя и податныя реформы трудно было бы провести въ жизнь при отсутствіи учрежденій, спеціально занятыхъ государственными крестьянами, такъ какъ въ министерствѣ

финансовъ и его органахъ эти крестьяне вызывали интересъ только второстепенный.

Воодушевленный мыслью о преобразованіяхъ, Киселевъ энергично принялся за составленіе проектовъ новой администраціи государственныхъ крестьянъ. Благодаря этой энергіи, работа двигалась необыкновенно быстро. Къ декабрю 1837 г. были составлены, проведены черезъ государственный совѣтъ и 27-го утверждены государемъ учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ и наказъ ему. 30 апрѣля слѣдующаго 1838 г. были утверждены учрежденіе объ управленіи государственныхъ имуществъ въ губерніяхъ, а также сельскій полицейскій и сельскій судебный уставы, которыми должны были руководствоваться государственные крестьяне. Трудъ былъ громаденъ по размѣрамъ. Учрежденіе объ управленіи государственными имуществами въ губерніяхъ заключаетъ въ себѣ 1.653 статьи, а вмѣстѣ съ уставами до 4.000 статей.

Въ основаніе административнаго устройства, проведеннаго Киселевымъ, была положена новая идея, ясно выраженная въ той задачѣ, которая ставилась вновь учреждаемой администраціи: попеченіе о государственныхъ крестьянахъ. До тѣхъ поръ, даже и послѣ изданія павловскаго положенія, государственные крестьяне не переставали разсматриваться исключительно съ фискальной точки зрѣнія, только какъ доходная статья для государственнаго казначейства. Теперь фискальная сторона отступала на задній планъ, и новая администрація должна была удовлетворять крестьянскіе интересы независимо отъ ихъ отношенія къ казначейству. Благосостояніе государственныхъ крестьянъ должно было стать самоцѣлью во взглядахъ и дѣятельности новой администраціи.—Самый планъ административнаго устройства отличался стройностью, напоминающей работы Сперанскаго. Государственныя имущества и государственные крестьяне составляютъ особое вѣдомство, для управленія которымъ создавалось особое авторитетное центральное учрежденіе — министерство государственныхъ имуществъ, чтобы такимъ образомъ интересы вѣдомства были представлены и поддержаны вліятельнымъ голосомъ въ правительственной средѣ, и попеченіе о нихъ было главной заботой лица, стоящаго во главѣ министерства. Министромъ и былъ тогда же, 27 декабря 1837 г., назначенъ Киселевъ. Министерству подчинены далѣе четыре инстанціи учрежденій, раздѣленныхъ въ нисходящемъ порядкѣ въ губерніи, округѣ, волости и селеніи. Въ каждой губерніи учреждалась особая палата государственныхъ имуществъ, которая должна была, находясь подъ общимъ надзоромъ губернатора, занимать мѣсто въ ряду другихъ губернскихъ палатъ, пользуясь одинаковымъ съ ними авторитетомъ. Губернія подраздѣлялась на округи, которые составлялись изъ нѣсколькихъ волостей, иногда, смотря по количеству государственныхъ крестьянъ, совпадали съ уѣздомъ, а иногда охватывали нѣсколько уѣздовъ. Во главѣ округа стоитъ окружный начальникъ съ двумя помощниками по лѣсной части и по завѣ-

дыванію государственными крестьянами. Палата и окружное управленіе—органы бюрократическіе, составляемые изъ коронныхъ чиновниковъ. Въ волости и селеніи дѣйствуетъ выборное начало. Волость составляется изъ сельскихъ обществъ съ такимъ расчетомъ, чтобы въ ней состояло до 6.000 ревизскихъ душъ мужского пола (на практикѣ нѣкоторыя волости при самомъ ихъ учрежденіи включали до 8.000 душъ), и чтобы селенія, входящія въ нее, не отстояли далѣе 40 верстъ отъ волостного центра. Такимъ образомъ, размѣры волости увеличивались вдвое по сравненію съ волостью 1797 г., и благодаря этому населенію было легче содержать волостную администрацію. Разъ въ каждые три года собирается волостной сходъ, для избранія волостного правленія и членовъ волостного суда (расправы). Этими выборами и ограничивается дѣятельность волостного схода. Волостное правленіе состоитъ изъ волостного головы и двухъ засѣдателей, одного по полицейской, другого по хозяйственной части, избираемыхъ на три года съ жалованьемъ изъ волостныхъ средствъ. Изъ тѣхъ же средствъ головѣ дѣлается ежегодно форменный кафтанъ. При волостномъ правленіи состоитъ писарь, который не входитъ однако въ составъ правленія, какъ это было по положенію 1797 г. Волостное правленіе созываетъ волостной сходъ, наблюдаетъ за порядкомъ на немъ и на сельскихъ сходахъ, утверждаетъ тѣ приговоры сельскихъ сходовъ, которые должны быть представлены ему на утвержденіе, наблюдаетъ за дѣятельностью сельскаго управленія, донося о непорядкахъ окружному начальнику, а за исправность представляя чиновъ сельскаго управленія къ наградѣ, и вообще служитъ передаточной инстанціей между сельскимъ управленіемъ и высшими инстанціями по тѣмъ дѣламъ, по которымъ государственные крестьяне этими высшими инстанціями вѣдаются. Въ частности на обязанность волостного головы возлагается слѣдить за сохраненіемъ въ волости установленнаго порядка, давать совѣты и дѣлать внушенія къ трудолюбивой и честной жизни, къ лучшему устройству хозяйства и принимать законныя мѣры въ отношеніи нерадивыхъ, лѣнивыхъ и распутныхъ, ходатайствовать объ оказаніи пособій крестьянамъ, потерпѣвшимъ отъ несчастныхъ случаевъ, защищать ихъ отъ притѣсненій и незаконныхъ поборовъ и представлять черезъ волостное правленіе окружному начальнику замѣчанія, клонящіяся къ улучшенію крестьянскаго быта. Для исполненія всѣхъ этихъ обязанностей волостному головѣ предписывается дважды въ годъ объѣзжать волость и при этомъ обозрѣвать положеніе и хозяйство крестьянъ и всѣ части сельскаго управленія, принимать просьбы и жалобы крестьянъ и ревизовать исправность письмоводства и счетоводства сельскаго управленія, денежныя суммы сборщиковъ, хлѣбные запасы и строенія сельскихъ запасныхъ магазиновъ, состояніе опекунскихъ управленій, исправность пожарныхъ инструментовъ, содержаніе въ порядкѣ путей сообщенія, мостовъ и перевозовъ, стражу общественныхъ лѣсныхъ дачъ, „словомъ“, какъ говоритъ законъ, волостной голова „обращаетъ вниманіе на всѣ

предметы сельскаго устройства и управленія".

Волость состоитъ изъ сельскихъ обществъ государственныхъ крестьянъ. Сельское общество учреждается въ каждомъ большомъ селеніи независимо отъ числа значащихся въ немъ ревизскихъ душъ, и какъ бы ни было селеніе велико, оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть раздроблено на части.

Небольшія селенія присоединяются въ одно общество къ сосѣднему большому, или изъ нѣсколькихъ маленькихъ селеній, отстоящихъ одно отъ другого не далѣе 15 верстъ, образуется сельское общество съ тѣмъ, чтобы въ немъ было не менѣе 1.500 душъ, такъ какъ только при такомъ количествѣ душъ сельское общество могло бы справиться съ издержками на содержаніе сельскаго управленія. Въ сельскомъ обществѣ дѣйствуетъ сельскій сходъ, который созывается въ обыкновенномъ и въ расширенномъ составѣ. Обыкновенный сходъ состоитъ изъ уполномоченныхъ, „выборныхъ" отъ домохозяевъ, избираемыхъ на трехлѣтіе по одному на каждые пять дворовъ. Въ двухъ случаяхъ созывается сходъ въ расширенномъ составѣ, и тогда на немъ участвуютъ *всѣ* домохозяева, причемъ отсутствующихъ домохозяевъ замѣняютъ совершеннолѣтніе крестьяне изъ ихъ семействъ: это—во-первыхъ, разъ въ три года для избранія самихъ „выборныхъ" на сельскій сходъ, а также выборныхъ на волостной сходъ. Послѣдніе избираются по одному на каждые 20 дворовъ. Во-вторыхъ—для рѣшенія вопроса о передѣлѣ общественныхъ полей. Въ обществахъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ селеній, могутъ происходить частные сходы по отдѣльнымъ селеніямъ для рѣшенія дѣлъ, касающихся лишь этихъ послѣднихъ. Обыкновенный сельскій сходъ собирается трижды въ теченіе года: въ январѣ, апрѣлѣ и сентябрѣ, и его вѣдѣнію подлежатъ: пріемъ лицъ, желающихъ вступить въ сельское общество, и увольненіе изъ него, раздѣлъ земель общества между его членами, назначеніе денежнаго сбора на мірскіе расходы, раскладка податей и мѣры для взысканія недоимокъ, распредѣленіе рекрутской повинности, разнаго рода хозяйственныя постановленія о пользованіи мірскими оброчными статьями, о расчисткѣ лѣсовъ подъ пашни и т. п., назначеніе опекуновъ къ малолѣтнимъ и контроль надъ ними, просьбы о пособіяхъ обществу въ несчастныхъ случаяхъ, выдача довѣренностей на хожденіе по дѣламъ общества. Наконецъ, на обыкновенномъ сельскомъ сходѣ избираются сельскія должностныя лица.

Во главѣ каждаго сельскаго общества стоитъ *сельскій старшина*, избираемый на 3 года съ содержаніемъ изъ мірскихъ средствъ. Старшина собираетъ и распускаетъ сельскій сходъ, предсѣдательствуетъ на немъ и исполняетъ его рѣшенія. Далѣе, исполняетъ распоряженія волостного правленія и высшаго начальства, наблюдаетъ за благоустройствомъ сельскаго общества и предотвращаетъ всякіе безпорядки. Въ помощь старшинѣ избираются *старосты*, въ обществѣ, въ которомъ не болѣе 100 дворовъ—по одному, а въ обществахъ съ двумя и тремя стами дворовъ по два и по три. На обязанности старостъ лежатъ какъ полицейскія дѣ-

ла: надзоръ за соблюденіемъ порядка, тишины и безопасности, побужденіе къ платежу недоимокъ и исполненію повинностей, такъ и хозяйственныя: надзоръ за хозяйствомъ крестьянъ и завѣдываніе мірскимъ имуществомъ, не вошедшимъ въ раздѣлъ между дворами. Кромѣ этихъ должностныхъ лицъ, сельскій сходъ избираетъ еще сборщика податей, смотрителя сельскаго запасного хлѣбнаго магазина, членовъ сельской расправы, полѣсовщиковъ къ общественнымъ и казеннымъ лѣснымъ дачамъ, пожарныхъ старостъ къ казеннымъ лѣсамъ и сотскихъ. Сотскіе избираются по одному на каждые 200 дворовъ, а въ обществахъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ малолюдныхъ селеній, по одному на 100 дворовъ. Сотскій— агентъ общей земской полиціи, которой, въ лицѣ становаго и исправника, онъ и подчиняется непосредственно, не завися отъ сельскаго, волостного и окружнаго начальства. Сельскія власти обязаны исполнять его требованія по дѣламъ общей полиціи и сами обращаются къ нему по этимъ дѣламъ. Общества государственныхъ крестьянъ не совсѣмъ были изъяты изъ вѣдѣнія органовъ общей полиціи, т. е. становаго пристава и уѣзднаго исправника. Послѣднимъ было запрещено вмѣшиваться въ дѣла по сельскому благоустройству и по исполненію казенными крестьянами разныхъ повинностей (въ этомъ послѣднемъ случаѣ вмѣшательство полиціи и было всегда особенно тяжело); но на нее возлагалось принятіе мѣръ къ огражденію безопасности, пресѣченіе преступленій, производство слѣдствія по преступленіямъ, подлежащимъ вѣдомству общихъ судебныхъ мѣстъ и исполненіе приговоровъ этихъ мѣстъ. Сельскія и волостныя власти обязаны были исполнять распоряженія общей полиціи въ случаѣ безпорядковъ и происшествій, требующихъ принятія неотложныхъ мѣръ, какъ-то: нарушенія тишины, неповиновенія властямъ, пожара, наводненія, эпидемій и скотскихъ падежей, внезапнаго прекращенія сообщеній отъ завала дорогъ и т. п. На каждые 10—20 дворовъ въ сельскомъ обществѣ назначаются по очереди на одинъ мѣсяцъ десятскіе, исполняющіе обязанности низшихъ служителей при сельскомъ начальствѣ и при сотскомъ. Очередь отбыванія дворами должности десятскаго опредѣляется сельскимъ старшиной съ утвержденія сельскаго схода.

Для государственныхъ крестьянъ по мелкимъ проступкамъ и по незначительнымъ тяжбамъ устанавливалась спеціальная юстиція изъ двухъ инстанцій, сельской и волостной. Въ сельскомъ обществѣ дѣйствуетъ „*сельская расправа*“, коллегіальное учрежденіе, состоящее изъ сельскаго старшины, какъ предсѣдателя, и двухъ избираемыхъ сельскимъ сходомъ „добросовѣстныхъ“. Сельская расправа помѣщается въ томъ же домѣ, гдѣ находится и управленіе сельскаго старшины и засѣдаетъ обыкновенно по субботамъ. Она можетъ приговаривать крестьянъ къ штрафу до 1 рубля, къ работѣ до 6 дней и къ тѣлесному наказанію до 20 ударовъ розгами. Недовольному ея приговоромъ дается право обжаловать его въ *волостную расправу*. Эта апелляціонная инстанція состоитъ изъ волостного головы и двухъ волостныхъ „добросовѣстныхъ“ и нахо-

дится при волостномъ правленіи. Приговоры волостной расправы по дѣламъ о проступкахъ считаются окончательными и не подлежатъ обжалованію. Равнымъ образомъ окончательными считаются и приговоры по тяжбамъ до 15 руб.

3.

Такое устройство дано было администраціи государственныхъ крестьянъ Киселевымъ. Сравнительно съ положеніемъ 1797 г. законы Киселева вводили значительныя усовершенствованія. Учреждались центральный для всей имперіи, затѣмъ губернскіе и окружные органы для спеціальнаго завѣдыванія государственными имуществами и крестьянами. Низшія инстанціи управленія: волостная и сельская, оставались тѣ же, но теперь они были полнѣе организованы, и точнѣе была опредѣлена ихъ дѣятельность. Въ прежнемъ законѣ мірскіе сходы выступали въ очень неясныхъ чертахъ, теперь же составъ и дѣятельность волостного и сельскаго сходовъ были опредѣлены отчетливо. Волостное управленіе было отграничено отъ сельскаго, съ которымъ сливалось прежде, когда „выборный“ того села, гдѣ находился волостной центръ, былъ также и членомъ волостного правленія. Сельское общество было организовано, какъ единое цѣлое, и не дробилось уже на пересѣкавшія одна другую части по разнымъ отраслямъ управленія, какъ это было прежде. И сельское общество, и волость 1838 г. были увеличены въ размѣрахъ, послѣдняя вдвое сравнительно съ волостью 1797 г., чѣмъ значительно облегчались для населенія расходы по содержанію сельскихъ и волостныхъ органовъ управленія. Былъ учрежденъ сельскій судъ, уже не факультативный, какъ прежде, а обязательный, близкій къ крестьянству и знакомый съ его обычаями.

Было уже указано выше, что и въ положеніи 1797 г. говорилось не мало хорошихъ словъ о благосостояніи крестьянъ; но эти слова только маскировали главную цѣль управленія—исключительно фискальную—и оставались словами, такъ какъ были совершенно неисполнимы и по широтѣ задачъ и по отсутствію органовъ для исполненія. Въ кругъ попеченія, о которомъ говорилъ законъ 1838 г., входили предметы болѣе простые, болѣе осуществимые въ жизни по условіямъ времени, и за восемнадцатилѣтнее управленіе Киселева министерствомъ государственныхъ имуществъ дѣятельность созданной имъ администраціи благодаря той энергіи, которою онъ ее одушевлялъ, принесла ощутительные результаты. Сопоставленіе этихъ предметовъ, какъ они изложены въ наказахъ, данныхъ самому министерству, палатамъ и окружнымъ начальникамъ, съ достигнутыми на практикѣ результатами, покажетъ намъ успѣхи Киселевской администраціи въ подъемѣ благосостоянія государственныхъ крестьянъ къ началу слѣдующаго царствованія.

Прежде всего въ наказахъ на учрежденія государственныхъ имуществъ возлагается обязанность „народоисчисленія“ казенныхъ крестьянъ, заключающаяся въ содѣйствіи общей администраціи при общихъ народныхъ переписяхъ и въ наблюденіи за составомъ крестьянъ, за правиль-

ностью приписки къ этому сословію другихъ общественныхъ элементовъ и выписки изъ сословія. Киселевъ всячески старался о расширеніи состава казенныхъ крестьянъ путемъ присоединенія къ нимъ крестьянъ несвободныхъ. Такъ, въ 1841 г. были выкуплены и причислены къ государственнымъ крестьяне однодворческіе, т. е. крѣпостные однодворцевъ въ количествѣ 7.886 душъ. Было поселено на казенныхъ земляхъ и сдѣлано государственными крестьянами 2.715 душъ такъ называемыхъ „половниковъ", и такимъ образомъ уничтоженъ этотъ старинный классъ безземельныхъ крестьянъ на Сѣверѣ, арендовавшихъ земельные участки у черносошныхъ крестьянъ же на тяжелыхъ условіяхъ, близкихъ къ условіямъ крестьянской аренды XVII в., и ставившихъ половника почти въ крѣпостныя отношенія къ хозяину. Кромѣ того было при Киселевѣ куплено въ казну 178 помѣщичьихъ имѣній съ 54.349 душами, которыя благодаря этому получили свободу, сдѣлавшись государственными крестьянами. Въ этой дѣятельности Киселевъ осуществлялъ свою идею, которой былъ вѣренъ съ молодости— уничтожать крѣпостное право посредствомъ перевода крѣпостныхъ въ другіе свободные разряды крестьянъ. Онъ ясно выражалъ взглядъ на государственныхъ крестьянъ, какъ на свободныхъ сельскихъ обывателей, живущихъ на казенной землѣ, а не какъ на крѣпостныхъ казны, и стремился утвердить этотъ взглядъ посредствомъ изданія особой жалованной грамоты, которая опредѣляла бы права этого сословія подобно тому, какъ жалованныя грамоты 1785 г. опредѣляли права дворянства и городскихъ жителей. Стремленіе это не привело къ цѣли вслѣдствіе оппозиціи, указывавшей на опасное впечатлѣніе, которое изданіе такой грамоты произведетъ на крѣпостныхъ крестьянъ; но на практикѣ Киселевъ твердо проводилъ свой взглядъ, прекративъ окончательно обмѣнъ удѣльныхъ имѣній на казенныя, такъ какъ удѣльные крестьяне разсматривались какъ крѣпостные императорской фамиліи.

Далѣе на палаты и на окружныхъ начальниковъ возлагались разнаго рода заботы полицейскаго характера. Они должны были принимать мѣры противъ пожаровъ, вѣдать строительную и санитарную полицію. Для борьбы съ несчастіемъ, причиняемымъ деревенскими пожарами, предписывалось палатамъ и округамъ заботиться объ отпускѣ потерпѣвшимъ отъ пожаровъ пособій лѣсомъ и деньгами. Выдача этихъ пособій и была организована въ широкихъ размѣрахъ. До 1853 г. взимался на это дѣло особый четырехкопеечный сборъ, и съ 1840 по 1853 г. выдавалось изъ суммъ сбора ежегодно въ среднемъ по 358 тыс. рублей погорѣвшимъ, причемъ сбора все-таки не хватало, и казнѣ приходилось приплачивать изъ своихъ рессурсовъ. Въ 1853 г. было введено въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ взаимное страхованіе; изъ средствъ, собиравшихся такимъ путемъ, стало выдаваться ежегодно въ среднемъ 561 тыс., и получался еще нѣкоторый остатокъ.

Для завѣдыванія строительной полиціей въ каждую палату государственныхъ имуществъ было назна-

чено по одному или по два гражданскихъ инженера. Были выработаны новые нормальные планы построекъ съ различіями по мѣстностямъ и даже составлены особые атласы фасадовъ и плановъ. Но примѣнялись новыя строительныя правила, какъ впрочемъ и говорилось въ наказахъ, только при отстройкѣ выгорѣвшихъ селеній и при устройствѣ новыхъ. Всего за 1838—1856 гг. было составлено 13.368 плановъ расположенія селеній, и всѣ эти селенія были обстроены по новымъ планамъ. Начальству предписывалось рекомендовать крестьянамъ возведеніе каменныхъ домовъ или, по крайней мѣрѣ, деревянныхъ на каменныхъ фундаментахъ или столбахъ, и это не осталось безъ результатовъ. За тотъ же періодъ времени было построено 7.535 каменныхъ домовъ, 90.610 домовъ на каменныхъ фундаментахъ, 55.292 — на каменныхъ столбахъ. Было учреждено 600 кирпичныхъ заводовъ для удовлетворенія этихъ строительныхъ нуждъ.

Въ области санитарной полиціи учрежденіемъ, вѣдавшимъ государственныхъ крестьянъ, не ставилось широкихъ задачъ при общемъ и большомъ недостаткѣ въ то время санитарныхъ средствъ. Все вниманіе ихъ сводилось на принятіе мѣръ противъ эпидемій и въ особенности на развитіе оспопрививанія. Власти должны были заботиться о подготовкѣ оспопрививателей изъ самой крестьянской среды. По отчетамъ въ среднемъ ежегодно прививалась оспа около 700 тыс. младенцевъ, что составляло $^9/_{10}$ младенцевъ государственныхъ крестьянъ. Заведено было обученіе крестьянокъ акушерскому искусству, и открыта фельдшерская школа на 150 человѣкъ. Для распространенія медицинскихъ свѣдѣній въ народѣ было введено по ходатайству Киселева обученіе элементарной медицинѣ въ духовныхъ семинаріяхъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи сельскіе священники являлись распространителями этихъ знаній.

Хозяйственное устройство государственныхъ крестьянъ вызывало особенно большія заботы со стороны Киселева. Наказы палатамъ и окружнымъ начальникамъ говорили о размежеваніи казенныхъ селеній съ сосѣдними селеніями иныхъ категорій, о надѣленіи селеній землями и уравненіи обществъ и селеній въ земляхъ, о поощреніи усовершенствованныхъ пріемовъ земледѣлія, и во всѣхъ этихъ областяхъ удалось достигнуть замѣтныхъ результатовъ. Значительно было двинуто межевое дѣло. Число межевыхъ чиновъ было во много разъ увеличено: до учрежденія министерства ихъ было всего 80. Къ 1856 г. состояло до 1419 землемѣровъ, межевщиковъ и межевыхъ учениковъ, и къ тому же году было снято на планъ земель до 53 милліоновъ десятинъ. Земельная нужда, ощущавшаяся во многихъ мѣстностяхъ государственными крестьянами, вызвала рядъ мѣръ къ ея утоленію. Изъ свободныхъ казенныхъ земель было отведено нуждавшимся казеннымъ крестьянамъ 2.444.790 десятинъ. Сверхъ того до 500 тыс. десятинъ было отмежевано для водворенія 56 тыс. человѣкъ, не имѣвшихъ прежде земли вовсе. Наряду съ надѣленіемъ крестьянъ землей было предпринято надѣленіе

22

Императоръ Николай I.

(Оружейная палата въ Москвѣ).

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

сельскихъ обществъ лѣсомъ съ расчетомъ по одной десятинѣ на душу. Всего такимъ образомъ было отведено въ пользованіе сельскимъ обществамъ 2.191.339 десятинъ казеннаго лѣса. Къ своему лѣсу крестьяне относились гораздо бережнѣе, чѣмъ къ казенному, старательнѣе охраняли его, и хотя эта мѣра сокращала лѣсную площадь, находившуюся въ непосредственномъ завѣдываніи казны (108.947.309 десят.), зато содѣйствовала въ значительной степени охранѣ казенныхъ лѣсовъ отъ хищническаго истребленія. Другой мѣрою борьбы съ малоземельемъ было организованное самимъ правительствомъ переселеніе изъ мѣстностей малоземельныхъ, а такими считались мѣстности, гдѣ приходилось менѣе 5 десятинъ на душу, въ мѣста съ свободнымъ запасомъ земли, гдѣ переселенцамъ отводилось 8—15 десятинъ на душу и даже болѣе. Такимъ образомъ, за разсматриваемый періодъ времени переселено было 169 тыс. душъ, которымъ въ мѣстахъ ихъ новыхъ поселеній было отведено $2^1/_2$ милліона десятинъ. Наконецъ, для развитія сельско-хозяйственной промышленности были устроены въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ мелкія кредитныя учрежденія, такъ называемыя „вспомогательныя кассы", и выдача ссудъ изъ этихъ сельскихъ банковъ простиралась въ среднемъ ежегодно до 1.600 тыс. руб. въ годъ. Кромѣ того было учреждено тогда же 515 сельскихъ сберегательныхъ кассъ. На случай неурожаевъ приняты были мѣры по обезпеченію крестьянъ продовольствіемъ. При Киселевѣ было выстроено 3.262 сельскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и сверхъ того —10 центральныхъ обширныхъ магазиновъ, являвшихся на помощь сельскимъ. Всего за 18 лѣтъ было выдано изъ тѣхъ и другихъ пособія хлѣбомъ 14.978.495 четвертей.

Значительныя реформы были проведены въ сферѣ податей и повинностей, платимыхъ и отбываемыхъ государственными крестьянами. Еще со времени Петра Великаго эти крестьяне сверхъ подушной подати платили еще за казенную землю, которою они пользовались, оброчную подать, соотвѣтствовавшую помѣщичьему доходу съ частновладѣльческихъ крестьянъ. И та, и другая подать отличались крайней неуравнительностью, падая въ одинаковой цифрѣ на крестьянскую душу по всей Россіи, независимо отъ различія въ хозяйственныхъ условіяхъ различныхъ мѣстностей. Киселевымъ сдѣланъ былъ шагъ къ большей уравнительности въ распредѣленіи податной тягости. Въ наказъ министру государственныхъ имуществъ было внесено предписаніе: „подати, съ государственныхъ крестьянъ собираемыя, привести въ соразмѣрность съ выгодами, какія получаются ими отъ земель и промысловъ". Предпринято было составленіе кадастра земель, занятыхъ государственными крестьянами, и къ 1855 году въ 18 губерніяхъ съ населеніемъ въ 3.843.285 душъ и съ пространствомъ земельнаго надѣла въ 15.984.378 десятинъ оброчная подать была переложена съ душъ на землю. Изъ повинностей подверглась коренному преобразованію рекрутская. Во-первыхъ, были измѣнены условія возраста при поставкѣ рекрутъ. Прежде

каждый крестьянинъ могъ подвергнуться отдачѣ въ рекруты въ теченіе 15 лѣтъ своей жизни съ 20 до 35-лѣтняго возраста, и понятно, какую тревогу приходилось не разъ испытывать крестьянину въ эти годы. При Киселевѣ установлено, что призывъ въ рекруты производится только однажды въ 20-лѣтнемъ возрастѣ; не отданный въ этотъ срокъ навсегда уже освобождается отъ рекрутчины. Во-вторыхъ, вмѣсто отдачи въ рекруты по усмотрѣнію сельскихъ обществъ введена была жеребьевая система.

Киселевымъ былъ введенъ институтъ опеки надъ малолѣтними сиротами изъ государственныхъ крестьянъ. Опекунами должны были назначаться родственники сиротъ, а въ случаѣ отсутствія послѣднихъ и чужія лица по избранію сельскаго схода. Всѣ инстанціи администраціи государственныхъ имуществъ: сельскія власти, волостныя правленія, окружныя начальства и губернскія палаты обязаны были принимать болѣе или менѣе близкое участіе въ осуществленіи института опеки. Ближайшія распоряженія по опекамъ возлагались, разумѣется, на сельскія власти подъ руководствомъ волостного правленія. Въ частности окружный начальникъ считался попечителемъ всѣхъ выходившихъ изъ подъ опеки сиротъ округа до достиженія ими 21 года. Къ 1856 году число опекъ дошло до 41.214, и въ вѣдѣніи ихъ находилось имущества на 5.200 тысячъ рублей.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить мѣры Киселева и въ той области, которая наименѣе поддается административному воздѣйствію, именно, мѣры для поднятія нравственности. Успѣхъ въ этой области объясняется чисто практическими задачами, которыя Киселевъ себѣ ставилъ. Администрація должна была оказывать содѣйствіе укрѣпленію религіознаго сознанія въ народѣ, но параграфъ наказовъ властямъ, озаглавленный: „Охраненіе благоустройства и благочинія по дѣламъ вѣры“ сводился къ удовлетворенію матеріальныхъ нуждъ церкви, что и было доступнымъ для администраціи. Онъ ограничивался предписаніемъ заботиться о постройкѣ достаточнаго числа церквей, о доставленіи духовенству всего необходимаго въ матеріальномъ смыслѣ и, съ другой стороны, предписывалъ администраціи защищать населеніе въ случаѣ чрезмѣрныхъ требованій со стороны духовенства. При наличности нѣкоторыхъ средствъ все это было безъ особаго труда исполнимо. За разсматриваемое время было построено въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ 90 новыхъ церквей и ремонтировано 228 пришедшихъ въ ветхость старыхъ. Пріобрѣтались дома для причтовъ, производился отводъ имъ земель и были назначаемы рабочіе дни для обработки священническихъ участковъ прихожанами. Тѣмъ членамъ духовенства, которые кромѣ исполненія прямыхъ обязанностей занимались еще преподаваніемъ въ сельскихъ школахъ, назначено было жалованье. Въ другомъ параграфѣ тѣхъ же наказовъ „Объ улучшеніи нравственности“ заключались предписанія властямъ побуждать священниковъ къ воздѣйствію на крестьянъ поученіями, учреждать опеки надъ крестьянами, ведущими неисправимо порочную жизнь, наблю-

дать за откупнымъ управленіемъ и противодѣйствовать ему въ развитіи пьянства, такъ какъ до того времени селенія государственныхъ крестьянъ служили главной добычей для откупщиковъ и, наконецъ, самое главное—заботиться объ учрежденіи для крестьянскихъ дѣтей приходскихъ училищъ. Въ распространеніи образованія среди крестьянъ Киселевъ видѣлъ главное средство къ поднятію нравственнаго уровня крестьянской среды, и по крайней мѣрѣ, показные, внѣшніе результаты его дѣятельности были довольно велики. Въ 1838 г. считалось у государственныхъ крестьянъ всего 60 училищъ при 1.800 учащихся, а когда Киселевъ покидалъ министерство въ 1856 г., число училищъ возросло до 2.551 съ 110.994 учащихся, среди которыхъ насчитывалось 18.459 учащихся дѣвочекъ. Чтобы увеличить такъ значительно число училищъ за 18 лѣтъ, надо было въ среднемъ открывать ежегодно около 140 новыхъ училищъ —лучшее указаніе на ту энергію, съ которой въ этой области дѣйствовало министерство государственныхъ имуществъ.

Таковы были задачи, которыя ставились администраціей государственныхъ крестьянъ закономъ 1838 года, и таковы были достигнутые этой администраціей практическіе результаты, поскольку они выражаются въ цифрахъ офиціальныхъ отчетовъ. Не все, конечно, въ нововведеніяхъ Киселева проходило гладко. Были кое-гдѣ въ малонаселенныхъ волостяхъ жалобы среди крестьянъ на обременительность увеличенія числа должностей, такъ какъ содержаніе всѣхъ мѣстныхъ учрежденій министерства государственныхъ имуществъ: палатъ, окружныхъ начальствъ, волостныхъ и сельскихъ управленій отнесено было на мірскія средства и не стоило государственному казначейству ни копейки. Киселевъ считалъ эти жалобы въ значительной мѣрѣ справедливыми; онъ находилъ волостную инстанцію совсѣмъ излишней, но сохранилъ ее въ виду вѣковой привычки къ ней крестьянъ. Въ однихъ мѣстностяхъ обнаружились злоупотребленія окружныхъ начальниковъ, въ другихъ—ихъ усердіе не по разуму. Результатомъ послѣдняго были волненія государственныхъ крестьянъ восточныхъ губерній: Пермской, Вятской, Казанской и Оренбургской въ 1841—43 гг., вызванныя предписаніемъ отводить особыя общественныя поля подъ обязательный посѣвъ картофеля. Въ нѣсколькихъ случаяхъ эти „картофельные бунты“ приходилось усмирять военной силой. Но въ общемъ благосостояніе государственныхъ крестьянъ за 18 лѣтъ управленія ими Киселева несомнѣнно поднялось. Этотъ подъемъ очень ярко отразился на ростѣ цифры поступавшихъ съ нихъ налоговъ и на уменьшеніи ихъ недоимочности. Основной мыслью Киселева въ его реформахъ было отодвинуть фискальное значеніе государственныхъ крестьянъ на второй планъ и сдѣлать главной задачей администраціи ихъ благосостояніе и благоустройство. Онъ былъ врагомъ повышенія налоговъ. „Умноженіе доходовъ“, писалъ онъ, „должно зависѣть не отъ внезапнаго и произвольнаго возвышенія налоговъ, но отъ средствъ, коими плательщики обладаютъ“. Размѣры подати при немъ не повышались, но она посту-

пала въ гораздо большихъ размѣрахъ и гораздо исправнѣе, чѣмъ прежде. За 19 лѣтъ, предшествовавшихъ открытію министерства государственныхъ имуществъ (1818 — 1837 г.г.), съ государственныхъ крестьянъ должно было поступить подати по окладу всего 424 милліона рублей, а поступило въ дѣйствительности только 391 милліонъ, такъ что недоимка равнялась 33 милл. (7,7%) оклада). А за 19 лѣтъ со времени учрежденія министерства должно было поступить по окладу 523 милліона рублей, поступило въ дѣйствительности 506 мил., такъ что недоимка составила всего лишь 17 милліоновъ (3,2%), т. е. сократилась болѣе, чѣмъ вдвое.

ГЛАВА VIII.

Польша въ первой половинѣ XIX вѣка.

(3. Ленскаго).

I.

Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.

1. Польша въ концѣ XVIII вѣка.

Начало XIX в. застаетъ уже Польшу раздѣленной между тремя государствами: Россіей, Пруссіей и Австріей. За пять лѣтъ до исхода восемнадцатаго столѣтія „Рѣчь Посполитая“ (республика Польская) прекратила свое существованіе. Однако дальнѣйшія судьбы Польши, т. е. исторія польскаго народа въ XIX в. настолько опредѣляются тѣми событіями, которыя предшествовали и сопутствовали утратѣ политической независимости, что для пониманія этихъ судебъ безусловно необходимо остановиться на послѣднемъ періодѣ исторіи Рѣчи Посполитой.

Во второй половинѣ XVIII в. Польша представляла въ семьѣ европейскихъ государствъ исключительное явленіе. Какъ извѣстно, то была эпоха просвѣщеннаго абсолютизма, эпоха усиленія монархической власти. Повсюду послѣ продолжительной борьбы между феодальнымъ дворянствомъ и королевской властью побѣда оказалась на сторонѣ послѣдней. Регулярная сильная армія и послушная бюрократія сдѣлались обязательными аттрибутами новаго государства. Средневѣковыя сословныя представительныя учрежденія (за исключеніемъ Англіи) потеряли свое значеніе, король пользовался абсолютной властью.

Польша, окруженная тремя государствами, развитіе которыхъ приняло только что очерченный характеръ, представляла полную противоположность съ ними. Въ то время, какъ Австрія, Пруссія и Россія являлись наслѣдственными и абсолютными монархіями, въ Польшѣ королевскій престолъ былъ избирательнымъ, король являлся лишь пожизненнымъ президентомъ республики. Власть короля была здѣсь ограничена

властью всесильнаго сейма, состоящаго изъ двухъ палатъ: палаты депутатовъ и сената. Мѣщане, т. е. жители городовъ, значеніе которыхъ въ теченіе XVII и первой половины XVIII вв. скорѣе падало, чѣмъ возрастало — не имѣли представительства въ сеймѣ. Тѣмъ болѣе, конечно, не было въ немъ мѣста крестьянскому сословію. Только шляхта (дворяне) на своихъ сеймикахъ, избирали каждые два года депутатовъ на сеймъ. Сенатъ же состоялъ изъ представителей высшей шляхты, т. е. крупныхъ дворянскихъ родовъ.

Такимъ образомъ Польша была *шляхетской* республикой. „Шляхетскій народъ" составлялъ въ немъ единственное политически активное, пользующееся всѣми правами и привилегіями сословіе. Это сословіе обнимало довольно значительную массу населенія. Дворянство было въ Польшѣ болѣе многочисленно, чѣмъ въ любомъ государствѣ, не только относительно, но и абсолютно: въ эпоху, предшествующую второму раздѣлу (1791), оно достигаетъ при общей цифрѣ населенія въ 9 милліоновъ—около 750 тысячъ душъ. При такой многочисленности среди шляхты замѣчалась весьма большая экономическая дифференціація. Были магнаты въ родѣ Радзивилловъ, Потоцкихъ, Чарторыйскихъ, Браницкихъ, Огинскихъ и другихъ, которые владѣли милліонами десятинъ земли и десятками тысячъ крѣпостныхъ, но была также громадная масса мелкой, часто безземельной шляхты, которая въ качествѣ ли арендаторовъ-чиншевиковъ, придворной „милиціи", „официалистовъ" (служащихъ)—находилась въ полной зависимости отъ своихъ болѣе сильныхъ собратьевъ по сословію. Среднее мѣсто между этими двумя категоріями занимала зажиточная шляхта: это были землевладѣльцы, собственники одной или нѣсколькихъ деревень, пользовавшіеся трудомъ своихъ крѣпостныхъ, это были „поссессоры", т. е. болѣе крупные арендаторы магнатскихъ и королевскихъ имѣній.

Экономическая дифференціація шляхетскаго сословія не мѣшала, однако, равенству политическихъ правъ и привилегій послѣдняго.

Вся шляхта пользовалась правомъ участія въ сеймикахъ для избранія депутатовъ на сеймъ. Вся она en masse могла участвовать въ выборѣ короля. Но это политическое равенство оставалось больше въ области государственно-правовыхъ ходячихъ воззрѣній, чѣмъ имѣло мѣсто на практикѣ. На практикѣ „демократически-шляхетская" республика превратилась въ республику олигархическую. При отсутствіи сильной центральной власти, при весьма еще живучихъ традиціяхъ федерализма, который проникалъ весь государственный строй Польши, послѣдней фактически правили нѣсколько крупнѣйшихъ аристократическихъ родовъ, среди которыхъ первое мѣсто занимали Потоцкіе, Чарторыйскіе, Радзивиллы. Они въ своихъ владѣніяхъ, обнимающихъ часто цѣлыя воеводства *), были почти абсолютными королями, болѣе независимыми, чѣмъ настоящій польскій король.

Польша не создала у себя ни централизованной бюрократіи, ни болѣе или менѣе значительной регулярной арміи. Армія въ моментъ всту-

*) губерніи.

пленія на польскій престолъ послѣдняго короля Станислава-Августа Понятовскаго была ничтожной какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Содержаніе регулярной арміи требуетъ денегъ, а денегъ не было въ государственной казнѣ Рѣчи Посполитой, такъ какъ шляхта и духовенство были свободны отъ уплаты налоговъ. Государственный бюджетъ поэтому былъ, напр., во много разъ ниже бюджета маленькой Пруссіи. А между тѣмъ старая шляхетская армія, т. наз. народное ополченіе, оказывалась во 2-ой половинѣ XVIII в. ужаснымъ анахронизмомъ. Шляхта перестала въ сущности быть военно-рыцарскимъ сословіемъ, а стала исключительно сословіемъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ.

Условія внутренняго развитія Польши не привели, слѣдовательно, къ созданію тамъ въ теченіе XVIII в. той государственной и правительственной организаціи, которая создалась въ окружавшихъ ее странахъ. Но династическіе и политическіе интересы сосѣднихъ государствъ всего болѣе выгадывали какъ разъ именно отъ сохраненія этой государственной слабости Рѣчи Посполитой, т. е. отъ сохраненія тѣхъ ея политическихъ формъ и учрежденій, которыя препятствовали возникновенію болѣе современнаго типа государства. Въ 1764 году между Фридрихомъ II и Екатериной Великой заключенъ былъ тайный договоръ, въ которомъ они взаимно обязываются ни подъ какимъ видомъ не допустить замѣны избирательности королевскаго польскаго престола наслѣдственностью, не останавливаясь въ случаѣ необходимости и передъ вмѣшательствомъ своихъ армій. Этотъ договоръ имѣлъ въ виду не только защиту „республиканскаго“ принципа избираемости короля, но и защиту всей вообще конституціи Рѣчи Посполитой, конституціи, въ которой пресловутое liberum veto являлось однимъ изъ основныхъ устоевъ. Liberum veto, какъ извѣстно, давало возможность всякому депутату, несогласному съ какимъ-либо рѣшеніемъ, срывать сеймъ. Только сеймы, созываемые „подъ узломъ конфедераціи“, такъ сказать, революціоннымъ путемъ, рѣшали дѣла большинствомъ голосовъ, и на нихъ не требовалось полнаго „единомыслія“.

Liberum veto являлось „зѣницей шляхетской свободы“ не только въ глазахъ польской шляхты, но и въ глазахъ петербургской дипломатіи временъ Екатерины. Для упроченія своего вліянія въ Польшѣ она поручила своему посланнику въ Варшавѣ, кн. Репнину навязать сейму 1767 г. новые основные законы для Рѣчи Посполитой, въ которыхъ рядомъ съ подтвержденіемъ всѣхъ старинныхъ республиканско-шляхетскихъ устоевъ, предоставляются также всѣ политическія права и привилегіи дворянамъ-диссидентамъ, т. е. греко-православнаго вѣроисповѣданія. Подъ предлогомъ защиты правъ диссидентовъ, населявшихъ восточную часть Рѣчи Посполитой (нынѣшнія Могилевскую и Витебскую губерніи) въ Польшу введены были русскія войска въ количествѣ 40 тысячъ человѣкъ, которымъ ничтожная 10-тысячная польская армія даже и не пыталась оказывать сопротивленія. Путемъ насилій, угрозъ и подкупа Репнину удалось вынудить у сейма

изданіе новыхъ основныхъ законовъ *подъ гарантіей* Екатерины, такъ что всякое ихъ измѣненіе считалось бы нарушеніемъ принятыхъ по отношенію къ русской императрицѣ обязательствъ.

Отвѣтомъ на насилія Репнина, на вторженіе русскихъ войскъ и фактическое устраненіе свободы и власти сейма явилось объявленіе Барской конфедераціи въ 1768 г. *). Конфедерація была формой шляхетскаго возстанія, признанной польскимъ государственнымъ правомъ; цѣлью ея являлось отраженіе грозящей отечеству внутренней или внѣшней опасности. Въ данномъ случаѣ лозунгомъ, вокругъ котораго „завязалась“ конфедерація, была защита національной свободы и католической религіи. Польскіе патріотическіе историки, даже изъ демократическаго лагеря, считаютъ Барскую конфедерацію первымъ революціоннымъ движеніемъ польскаго народа, возставшаго за свободу и независимость. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что въ основѣ своей это возстаніе было реакціонно, оно было не началомъ новой, а скорѣе—концомъ старой Польши.

Мы не можемъ останавливаться здѣсь на всѣхъ перипетіяхъ борьбы барскихъ конфедератовъ и примкнувшей къ нимъ части арміи Рѣчи Посполитой.

Эта борьба, носившая партизанскій характеръ, продолжалась цѣлыхъ четыре года (1768—1772), не приведши, однако, ни къ какимъ рѣшительнымъ результатамъ, ибо она не ставила себѣ въ сущности никакихъ опредѣленныхъ цѣлей. Однимъ результатомъ, правда, не имѣвшимся въ виду конфедератами—явился первый раздѣлъ Польши 1772 года. Партизанская война опустошила страну и привела къ полнѣйшему разстройству даже той жалкой арміи, которая еще имѣлась до начала конфедераціи.

Военная неподготовленность конфедератовъ, полное непониманіе ими требованій новѣйшей военной техники, отсутствіе пѣхоты и артиллеріи воочію показали Европѣ, что польская шляхта со своимъ „народнымъ ополченіемъ“ не въ состояніи защищать цѣлость и независимость Польши. Первый это подмѣтилъ Фридрихъ II, который уже въ 1769 г. присылаетъ въ Петербургъ планъ раздѣла Польши. Онъ понялъ, что если только Россія согласится, ему безъ труда удастся присоединить къ своимъ владѣніямъ тотъ клинъ Польскаго государства, который столь непріятно врѣзывался въ его монархію, отдѣляя ея западную часть отъ восточной; онъ понялъ, что его дисциплинированнымъ и хорошо обученнымъ полкамъ не смогутъ оказать сопротивленія какіе-нибудь десять тысячъ шляхетской кавалеріи, безпорядочно раскинувшейся на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ миль.

Россія согласилась искать въ Польшѣ вознагражденія за потери въ послѣдней Турецкой войнѣ. Австріи тоже нельзя было игнорировать. 25 іюля 1772 года между тремя державами заключенъ былъ договоръ о первомъ раздѣлѣ Польши. Этотъ раздѣлъ спустя годъ былъ утвержденъ польскимъ сеймомъ, собравшимся подъ давленіемъ стотысячной

*) Эта конфедерація называется Барской отъ имени мѣстечка Баръ въ Подоліи.

чужеземной арміи и проводившимъ свои рѣшенія подъ вліяніемъ чужеземнаго золота.

Первый раздѣлъ лишилъ Польшу территоріи пространствомъ въ 3.861 кв. милю, т. е. почти третьей части. Россія пріобрѣла нынѣшнія губерніи Витебскую и Могилевскую, Австрія—Галицію, Пруссія—клинъ, расположенный въ бассейнѣ рѣки Нотець пространствомъ въ 660 кв. миль.

Пруссія и Австрія, удовлетворенныя своими новыми пріобрѣтеніями, перестали вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши. Россія же, напротивъ, не хотѣла утерять своей преобладающей роли. Въ договорѣ, заключенномъ между нею и „Рѣчью Посполитой“ въ 1775 г., опять подтверждается безусловная избираемость польскаго короля, и ставятся подъ гарантію россійской императрицы всѣ основные законы, а также постановленія и акты послѣдняго сейма. Послушнымъ орудіемъ въ рукахъ русскаго посланника становится отнынѣ учрежденный въ силу договора 1775 г. Постоянный Совѣтъ, въ лицѣ котораго на время отсутствія сейма сосредоточивалась вся исполнительная власть. Постоянный Совѣтъ просуществовалъ вплоть до 1788 года, который представляетъ собою рѣшительную грань въ новѣйшей исторіи Рѣчи Посполитой.

Въ 1788 году „подъ узломъ конфедераціи“ созванъ былъ сеймъ, наиболѣе славный въ исторіи Польши, сеймъ, названный великимъ, или четырехлѣтнимъ, такъ какъ онъ продолжался съ небольшими перерывами до 1792 года. На этомъ сеймѣ впервые рѣзко и опредѣленно столкнулись старая и новая Польша, Польша олигарховъ-магнатовъ и Польша средней, но просвѣщенной шляхты. Эта послѣдняя и наложила свою печать на всю дѣятельность сейма. Выразительницей ея интересовъ и стремленій явилась въ сеймѣ партія реформы, или партія патріотическая.

Партія реформы прежде всего напирала на необходимость увеличенія регулярной арміи до ста тысячъ, а такъ какъ подобная реформа требовала денегъ, то вторымъ пунктомъ ея практической программы—было умноженіе налоговъ съ возложеніемъ части послѣднихъ на господствующее сословіе, на шляхту. Но наряду и въ связи съ этими требованіями внѣшняго усиленія государства, поднятія его военнаго могущества, партія реформы выставляла цѣлый планъ внутреннихъ реформъ, какъ политическаго, такъ и соціальнаго характера. Полнѣе и стройнѣе всего онѣ были развиты въ произведеніяхъ двухъ наиболѣе знаменитыхъ польскихъ публицистовъ XVIII в., Коллонтая и Сташица. Уничтоженіе избираемости короля и установленіе наслѣдственной монархіи, усиленіе власти короля, постоянный (а не созываемый лишь на 6 недѣль) сеймъ, какъ органъ законодательной власти, допущеніе въ сеймъ также представителей отъ мѣщанъ, лишеніе избирательныхъ правъ несобственниковъ—такова политическая программа Коллонтая. Въ области соціальной, т. е. по вопросу о крестьянской реформѣ Коллонтай—идеологъ средней шляхты—не шелъ дальше требованія регулировать контрактомъ барщину и другія повинности кресть-

янъ, причемъ за помѣщикомъ онъ оставляетъ прежнюю патримоніальную власть. Осуществленіе подобной программы было для Польши цѣлой революціей, и эту революцію совершилъ четырехлѣтній сеймъ.

Первымъ дѣломъ его было принятіе рѣшенія объ увеличеніи арміи до 100 тысячъ, вторымъ—уничтоженіе Постояннаго Совѣта, этого удобнаго орудія въ рукахъ Штакельберга. Уничтоженіе Постояннаго Совѣта означало собою первый актъ эмансипаціи изъ-подъ ига „гарантіи" Россіи. Въ связи съ вопросомъ объ увеличеніи арміи до ста тысячъ внесены были проекты увеличенія налоговъ. Необходимо было довести государственные доходы до двойного размѣра для того, чтобы возможно было содержаніе арміи такой численности. Но польскій дворянинъ не привыкъ платить налоговъ; польское духовенство вносило въ казну ничтожный налогъ, носившій названіе subsidium charitativum (добровольное пожертвованіе). Не безъ труда поэтому сеймъ рѣшился порвать съ этой исконной шляхетской привилегіей. По исчерпаніи всѣхъ возможныхъ средствъ, наконецъ, въ мартѣ 1789 г. единогласно принятъ былъ сеймомъ проектъ 10-процентнаго подоходнаго налога, получившаго слѣдующее характерное названіе: „Вѣчное пожертвованіе рыцарскаго сословія обоихъ народовъ *) на войско". Это былъ первый *постоянный* налогъ, установленный польскимъ сеймомъ для шляхты.

Оказалось, однако, что этотъ налогъ не далъ необходимыхъ для содержанія 100-тысячной арміи средствъ. Современная политическая литература упрекала шляхту просто въ сокрытіи своихъ доходовъ. Наиболѣе серьезный публицистъ того времени, Сташицъ, писалъ: „Польскій шляхтичъ лже присягалъ, лишь бы избавиться отъ налога". Пришлось отказаться отъ мысли о ста тысячахъ войска, и сеймъ рѣшилъ въ октябрѣ 1789 г. довести армію только до 65 тысячъ.

Къ тому времени Великая французская революція уже успѣла произвести огромный переворотъ въ общественныхъ отношеніяхъ Франціи. Знаменитая ночь 4-го августа, когда были уничтожены дворянскія привилегіи, не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія въ Польшѣ, въ особенности на умы польскаго мѣщанства. Города въ Польшѣ за послѣднія двадцать лѣтъ значительно выросли, столица Варшава стала крупнымъ городомъ со 100 тысячами населенія. Среди горожанъ появляется слой людей богатыхъ и просвѣщенныхъ. Варшава становится очагомъ умственнаго движенія, котораго не знала деревенская, шляхетская Польша.

А между тѣмъ въ правовомъ отношеніи мѣщанинъ считался неполнымъ гражданиномъ. Одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ защитниковъ равноправія мѣщанъ, близкій другъ Коллонтая, переводчикъ на польскій языкъ знаменитаго трактата аббата Сійэса: „Что такое третье сословіе?"—ксендзъ Езерскій писалъ о положеніи мѣщанъ въ Польшѣ въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ слѣдующее:

Вопросъ. Является ли мѣщанинъ человѣкомъ?

*) Польскаго и литовскаго.

Отвѣтъ. Мѣщанинъ—не полный человѣкъ, онъ среднее существо между человѣкомъ-шляхтичемъ и нечеловѣкомъ-крестьяниномъ. Мѣщанинъ, выражаясь богословскимъ языкомъ, представляетъ собою substantia incompleta.

В. Въ чемъ же мѣщанинъ сходенъ со шляхтичемъ?

О. Въ богатствѣ, комфортѣ, образованіи онъ нисколько не уступаетъ шляхтичу, и послѣдній отличается отъ мѣщанина только орденами, гербами и воеводскими мундирами; шляхтичъ даже кланяется ему, когда занимаетъ у мѣщанина деньги.

В. Чѣмъ же приближается мѣщанинъ по своему положенію къ крестьянину-нечеловѣку?

О. Тѣмъ, что мѣщанинъ не можетъ обладать никакой властью, украшающей естество человѣка.

В. Почему же это?

О. Потому, что законъ запрещаетъ ему достигать цѣлаго ряда степеней въ церковной іерархіи, ему нельзя сдѣлаться офицеромъ, онъ не можетъ быть сельскимъ хозяиномъ".

Вопросъ о политическомъ и правовомъ положеніи мѣщанъ возникъ на сеймѣ, когда дѣло коснулось городскихъ налоговъ. Усиленію интереса къ этому вопросу не мало содѣйствовалъ съѣздъ 269 делегатовъ отъ 141 королевскихъ городовъ *), собравшихся въ варшавской ратушѣ и подписавшихъ 24-го ноября 1789 г. „Актъ объединенія городовъ". Въ этомъ актѣ представители польскихъ мѣщанъ просятъ о возстановленіи тѣхъ старинныхъ правъ и почестей, которыя въ теченіе вѣковъ были отобраны и преданы забвенію со стороны шляхты. Польская буржуазія не обладала, да и не могла обладать тѣмъ гордымъ сознаніемъ своей исторической роли, той ненавистью къ дворянскимъ привилегіямъ, которыя мы видимъ у французской буржуазіи того времени. Защитники мѣщанства въ Польшѣ не выступили въ роли идеологовъ „третьяго сословія" въ цѣломъ, а лишь—въ роли ходатаевъ за исконныя права одного мѣщанства. Поэтому и въ средѣ шляхетскаго сейма не было рѣшительныхъ сторонниковъ полнаго равноправія мѣщанъ вплоть до уничтоженія особыхъ привилегій шляхты. Не уничтоженіе шляхетскихъ привилегій, а, наоборотъ, надѣленіе ими отдѣльныхъ лицъ изъ мѣщанскаго сословія казалось тогдашней передовой шляхтѣ особенно подходящимъ путемъ для удовлетворенія требованій богатой польской буржуазіи. Сеймъ оказался весьма щедрымъ въ раздачѣ дворянскаго званія, за которое, кстати сказать, взималось 500 червонцевъ.

Въ результатѣ этой агитаціи въ пользу эмансипаціи мѣщанства, города—впрочемъ только одни королевскіе—получили право по закону, принятому 30 іюня 1791 года, посылать въ сеймъ своихъ „повѣренныхъ". Два мѣсяца спустя по принятіи этого закона 22 уполномоченныхъ отъ городовъ заняли свои мѣста въ сеймѣ. Интересно, что мѣщане въ качествѣ своихъ представителей избирали въ большинствѣ случаевъ шляхту. Кромѣ мѣста въ сеймѣ представителямъ городовъ предоставлено участіе въ высшихъ административныхъ

*) Города въ Польшѣ подраздѣлялись на *королевскіе* и *вотчинные,* или частновладѣльческіе.

учрежденіяхъ, въ высшихъ апелляціонныхъ судахъ, гдѣ разбираются дѣла городовъ и мѣщанъ противъ дворянъ. Въ духовной и военной іерархіи мѣщанамъ предоставлено право достигать высшихъ степеней. Шляхтѣ законъ позволяетъ заниматься торговлей и ремеслами наравнѣ съ мѣщанами безъ лишенія за это шляхетскаго званія. Съ другой стороны, мѣщанамъ дано право пріобрѣтать дворянскія земли. Мѣщане, добившіеся нѣкоторыхъ рангов на военной или гражданской службѣ, получаютъ дворянское званіе. Кромѣ того, каждый сеймъ долженъ надѣлять этимъ званіемъ 30 мѣщанъ, заслуженныхъ на поприщѣ военномъ, промышленномъ или торговомъ *). Для того, чтобы рѣзче подчеркнуть свое сочувствіе эмансипаціи мѣщанъ—многіе дворяне изъ партіи реформъ, начиная съ предсѣдателя сейма Малаховскаго и кончая Коллонтаемъ, записались въ число варшавскихъ гражданъ.

Законодательство о мѣщанахъ все же пробило большую брешь въ сословной исключительности польской шляхты. Отъ него, конечно, вѣетъ духомъ чисто шляхетскаго реформаторства, оно не является продуктомъ упорной и непримиримой борьбы между буржуазіей и феодальнымъ дворянствомъ; оно, однимъ словомъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому незначительному удѣльному вѣсу, который имѣлъ городъ въ такой исключительно земледѣльческой странѣ, какой была Польша. Въ вопросѣ объ эмансипаціи мѣщанъ польское дворянство оказывалось въ общемъ довольно уступчивымъ, ибо она лишь въ слабой степени задѣвала его интересы,—тѣмъ болѣе, что упомянутое законодательство относилось только къ королевскимъ городамъ, не распространяясь ни на частно-владѣльческія, ни на духовныя городскія поселенія.

Вопросъ о крестьянахъ былъ для шляхты неизмѣримо болѣе существеннымъ. Въ то время, какъ въ своемъ сопротивленіи дать мѣщанамъ равныя права шляхта руководствовалась главнымъ образомъ традиціоннымъ высокомѣріемъ и презрѣніемъ къ „аршину и мѣрѣ"—то или иное измѣненіе положенія крестьянъ должно было отразиться на матеріальныхъ интересахъ огромной дворянской массы. Поэтому сеймъ удѣлялъ весьма мало вниманія крестьянамъ, и единственнымъ памятникомъ его заботливости о крестьянахъ остается статья 4-ая конституціи 3-го мая 1791 года, которая, какъ мы увидимъ ниже, оставляетъ въ прежнемъ положеніи всю почти 4-милліонную массу помѣщичьихъ крестьянъ *).

Конституція 3-го мая является весьма крупнымъ историческимъ ак-

*) Одинъ весьма талантливый писатель и публицистъ изъ демократическаго лагеря 30-хъ годовъ, Маврикій Мохнацкій, видитъ въ этомъ умноженіи шляхетскаго сословія, а не въ устраненіи шляхетскихъ прерогативъ, великую оригинальную идею четырехлѣтняго сейма, „которой французскій Конвентъ не въ состояніи былъ понять". Мохнацкій, очевидно, не зналъ, что „табель о рангахъ" Петра I предвосхитила эту идею.

*) Всего крестьянъ Корзонъ въ своей „Исторіи Польши временъ Станислава-Августа" насчитываетъ къ 1791 году—6.300.000: въ это число входятъ крестьяне королевскихъ экономій, государственныхъ имѣній, церковныхъ, помѣщичьихъ, а также крестьяне, не прикрѣпленные къ землѣ.

томъ. Противъ нея ополчилась магнатская реакція, она дала поводъ ко второму раздѣлу Польши, во имя ея поднялось возстаніе Костюшки. Конституція 3-го мая стала на многія дальнѣйшія десятилѣтія священнымъ знаменемъ польскаго патріотизма, предметомъ національной гордости, завѣщаніемъ независимой Польши, „которымъ народъ передъ своей смертью самъ себя реорганизовалъ". Мы видѣли, какъ авторы конституціи 3-го мая отнеслись къ мѣщанамъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ рѣшенію ими судьбы крестьянъ, мы отмѣтимъ одинъ пунктъ, который лучше всего характеризуетъ духъ этой конституціи.

Хотя 2-ая статья самымъ торжественнымъ образомъ обезпечиваетъ шляхетскому сословію „полнѣйшее равенство между всѣми членами его... въ смыслѣ равнаго пользованія привилегіями и прерогативами, дарованными рыцарскому сословію", конституція въ дальнѣйшемъ предоставляетъ права активнаго гражданина только дворянину, обладающему опредѣленнымъ цензомъ, т. е. землевладѣльцамъ. Въ то же время мѣщанинъ, становясь владѣльцемъ имѣнія, пріобрѣталъ шляхетскія права вмѣстѣ съ правами активнаго гражданина, участвующаго въ выборѣ депутатовъ на сеймъ. Такимъ образомъ конституція 3-го мая, отражавшая духъ и интересы средней шляхты, отвергла строго сословный принципъ шляхетскаго равенства въ пользу болѣе современнаго классоваго принципа, принявъ земельную собственность опредѣленнаго размѣра за факторъ, опредѣляющій участіе въ политическихъ правахъ. Въ силу этого громадная масса шляхетской „голоты", игравшей большую роль на сеймикахъ, теряла всякій политическій вѣсъ; между тѣмъ она-то и была орудіемъ всесилія магнатской олигархіи. Эта мелкая шляхта, составлявшая нѣкогда главные кадры народно-шляхетскаго ополченія, считавшая главнымъ своимъ ремесломъ—военное, съ возникновеніемъ регулярныхъ армій утеряла почву подъ ногами. Она стала вести паразитическое существованіе на счетъ крупныхъ магнатовъ-феодаловъ. Послѣдніе находили въ ней готовую всегда къ ихъ услугамъ массу. Многотысячныя милиціи, бывшія при „дворахъ"Радзивилловъ, Потоцкихъ, Чарторыйскихъ и т. п. состояли именно изъ такой мелкой, часто безземельной шляхты. Поэтому-то конфедерація Тарговицкая, эта магнатская контръ-революція противъ конституціи 3-го мая, возьметъ подъ свою защиту мелкую шляхту, требуя „равенства и свободы для всей шляхты".

О политическихъ правахъ крестьянъ конституція 3-го мая, конечно, и не обмолвилась. Она обѣщаетъ имъ только „защиту закона и государственной власти". Что касается отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, то упомянутая выше статья 4-ая постановляетъ слѣдующее: „Отнынѣ всѣ свободы, пожалованія и договоры, дѣйствительно заключенные между владѣльцами имѣній и крестьянами — безразлично, были ли эти свободы, пожалованія и договоры условлены съ цѣлыми сельскими обществами или съ каждымъ жителемъ деревни порознь—будутъ составлять общую и взаимную обязанность, ис-

полненіе коей гарантируется правительствомъ страны“.

Такимъ образомъ конституція 3-го мая въ сущности ничего не давала крестьянамъ. Обѣщаніе защиты со стороны закона и государственной власти могло относиться лишь къ тѣмъ весьма немногочисленнымъ крестьянамъ, которымъ со стороны помѣщиковъ пожалованы были добровольно и формально нѣкоторыя льготы. Въ крупныхъ владѣніяхъ нѣкоторыхъ магнатовъ еще задолго до конституціи 3-го мая повинности крестьянъ были болѣе или менѣе строго регулированы, а кое-гдѣ барщина была замѣнена оброкомъ. Эти нѣкогда добровольные акты получали отнынѣ обязательную силу для обѣихъ сторонъ. Но многомилліонная масса крестьянства, повинности которой не регулировались формальнымъ договоромъ, оставалась изъятой изъ-подъ защиты закона и государственной власти.

Впослѣдствіи демократы польскіе 30-ыхъ и 40-ыхъ годовъ горько упрекали шляхту за тотъ эгоизмъ, который она проявила въ 1791 году, за то, что она не отказалась отъ своего права на крестьянскую землю и барщинный трудъ. Они ставили при этомъ въ примѣръ французское дворянство, которое въ ночь 4-го августа въ порывѣ благородства отказалось отъ своихъ привилегій. Но польскіе демократы не замѣчали той огромной разницы, которая существовала въ экономическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ Польши и Франціи XVIII в.; они проглядѣли также, что порывъ 4-го августа былъ лишь отвѣтомъ на крестьянское возстаніе, охватившее французскія деревни. Въ Польшѣ барщинное хозяйство было господствующимъ типомъ хозяйства, польскіе крестьяне покорно, какъ нигдѣ, переносили гнетъ крѣпостной зависимости. Поэтому шляхетскій сеймъ въ своемъ реформаторствѣ по отношенію къ крестьянамъ не счелъ нужнымъ и не могъ итти дальше, чѣмъ онъ пошелъ въ конституціи 3-го мая.

Не статьей своей о крестьянахъ конституція 3-го мая возбуждала ненависть въ рядахъ старо-шляхетской, реакціонной партіи, во главѣ которой стали два магната: Феликсъ Потоцкій и Северынъ Ржевускій. „Варшавскій заговоръ“ (такъ они называли актъ конституціи 3-го мая) былъ имъ ненавистенъ главнымъ образомъ потому, что онъ устанавливалъ наслѣдственность престола и передавалъ верховное командованіе арміей королю, т. е. устранялъ власть гетмановъ. Они видѣли въ этихъ попыткахъ покушеніе на свободу Рѣчи Посполитой, „могилу свободы“. Партія реформы, напротивъ, доказывала, что уничтоженіе избираемости королей означаетъ собою лишь освобожденіе отъ ига магнатовъ и отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши чужеземныхъ державъ. Поэтому статья 8-ая конституціи предусматривала, что по смерти короля Станислава-Августа польскій престолъ перейдетъ къ курфюрсту саксонскому Фридриху-Августу, въ лицѣ котораго и должна была начаться династія будущихъ польскихъ королей. „Республиканцы“ Потоцкій и Ржевускій еще за годъ до конституціи 3-го мая предостерегали въ брошюрѣ „О наслѣдственности престола“ польскій народъ отъ тѣхъ

опасностей, которыя грозятъ Польшѣ отъ наслѣдственнаго короля. „Онъ возстановитъ крестьянъ противъ дворянъ для того, чтобы впослѣдствіи покорить и тѣхъ и другихъ; непомѣрными налогами онъ превратитъ гражданъ въ нищихъ; онъ перессоритъ между собою отдѣльныхъ высокопоставленныхъ лицъ и цѣлые могущественные роды для того, чтобы наиболѣе сильные не могли совмѣстно трудиться на пользу свободы" и т. д. Польскіе олигархи-магнаты охотно пользовались республиканской фразеологіей для защиты своихъ феодальныхъ привилегій.

Возможное усиленіе Польши, укрѣпленіе ея финансовъ и арміи, упорядоченіе ея административнаго строя, уничтоженіе избираемости короля и liberum veto—вызывали опасенія также въ дипломатіи сосѣднихъ державъ, въ особенности Россіи. Екатерина II, лично руководившая внѣшней политикой, выражала свое крайнее недовольство по поводу конституціи 3-го мая, которая, по ея мнѣнію, была нарушеніемъ ея правъ, какъ „гварантки"старинныхъ республиканскихъ устоевъ Рѣчи Посполитой. Она видѣла въ ней, кромѣ того, отраженіе духа ненавистной французской революціи, хотя между польской революціей и французской была такая же разница, какъ между тогдашней Польшей, съ одной стороны, и Франціей—съ другой. Несмотря на полную очевидность этой разницы, польская реакція и русская дипломатія отчасти искренно, отчасти притворно указывали на распространеніе въ Польшѣ французскато якобинизма и демократизма. Главнымъ источникомъ этихъ слуховъ былъ русскій посланникъ въ Варшавѣ, Булгаковъ, который видѣлъ въ польскомъ королѣ чуть ли не главу якобинизма; пищу слухамъ давали такія событія, какъ появленіе въ сеймѣ уполномоченныхъ отъ мѣщанъ, отдѣльные случаи крестьянскихъ волненій, петиція, поданная варшавскими лакеями на имя короля объ улучшеніи ихъ доли, организація въ Варшавѣ политическаго клуба подъ названіемъ „друзей конституціи 3-го мая", устраиваемые именитыми варшавскими гражданами банкеты, на которыхъ присутствовалъ король и т. п.

Особенно въ одномъ актѣ сейма поборники старины должны были видѣть отраженіе духа французской революціи, а именно, въ принятомъ въ декабрѣ 1791 г. законѣ о продажѣ „староствъ", т. е. государственныхъ имуществъ. Послѣднія за весьма сомнительныя заслуги раздавались въ пожизненное владѣніе по большей части крупной шляхтѣ. Среди участниковъ великаго сейма было не меньше 130-ти такихъ starostów. Вождь старошляхетской реакціи, гетманъ Ржевускій, былъ самъ владѣльцемъ „староства", дававшаго сто тысячъ годового дохода. Хотя, слѣдовательно, число депутатовъ въ сеймѣ, прямо заинтересованныхъ въ сохраненіи status quo, было весьма значительно, но тѣмъ не менѣе проектъ объ отобраніи государственныхъ имуществъ у ихъ теперешнихъ владѣльцевъ и продажѣ ихъ навѣчно съ публичнаго торга—прошелъ большинствомъ 105 голосовъ противъ 93. Это рѣшеніе безусловно подлило масла въ огонь магнатской реакціи. Ссылка на государственную необходимость, на отсутствіе другихъ финансовыхъ

источниковъ — не могла, конечно, быть убѣдительной для тѣхъ, кто лишался этого дарового источника дохода. Къ идеологическимъ моментамъ—къ защитѣ старопольскихъ республиканскихъ добродѣтелей—теперь присоединился моментъ матеріальный.

Екатерина, занятая войною съ Турціей, лишена была пока возможности принять мѣры противъ „польскихъ якобинцевъ". Но въ январѣ 1792 г. она заключаетъ миръ, ускоренный желаніемъ направить свои войска въ Польшу „для возстановленія Рѣчи Посполитой въ ея правахъ и привилегіяхъ". Вожди контръреволюціи,—Потоцкій, Ржевускій и Браницкій — прибываютъ вскорѣ въ Петербургъ для того, чтобы просить заступничества „великодушной императрицы". „Великая Государыня! — говорится въ челобитной, покрытой десяткомъ магнатскихъ подписей — ты осчастливила много народовъ, подчиненныхъ твоему скипетру, пусть и полякъ, твой сосѣдъ и союзникъ, будетъ обязанъ тебѣ своей свободой; пусть великое твое имя, которое перейдетъ въ самые отдаленные вѣка, возбуждаетъ въ будущихъ польскихъ поколѣніяхъ чувство безграничной благодарности". Согласно волѣ Екатерины польскіе паны „завязываютъ" конфедерацію, получившую въ исторіи названіе Тарговицкой (по имени города Тарговица въ Подоліи). Верховнымъ начальникомъ (маршаломъ) конфедераціи избранъ былъ Потоцкій, а вождями войскъ Рѣчи Посполитой—Браницкій и Ржевускій. Конфедерація нужна была Екатеринѣ, какъ надежный союзникъ и пособникъ для ея арміи, которая въ маѣ 1792 г. должна была вступить въ предѣлы Рѣчи Посполитой. Эта армія въ прокламаціяхъ и манифестахъ тарговицкихъ конфедератовъ называлась „союзнымъ войскомъ, которое великая душа императрицы давала во имя защиты и сохраненія Рѣчи Посполитой противъ тѣхъ, кто забылъ, что онъ родился свободнымъ шляхтичемъ".

Для сейма, возобновившаго послѣ нѣкотораго перерыва свои засѣданія въ мартѣ 1792 г., не были тайной намѣренія Екатерины и происки польскихъ магнатовъ. Надвигающаяся опасность войны заставила его прежде всего подумать объ арміи и приведеніи ея въ боевую готовность. Постановленіе, принятое сеймомъ чуть ли не въ первые дни его существованія, объ увеличеніи арміи до ста тысячъ—пока оставалось только на бумагѣ. Денегъ въ казнѣ тоже не было. Сеймъ сталъ спѣшно принимать новыя постановленія самаго рѣшительнаго характера, но... уже было поздно. 18-го мая русскій посланникъ вручаетъ польскимъ министрамъ декларацію съ объявленіемъ войны. Нѣсколько дней спустя русскія войска, сопутствуемыя эмиссарами Тарговицкой конфедераціи, вступили въ предѣлы Рѣчи Посполитой. Сеймъ, рѣшивъ прервать свои засѣданія, обратился съ горячимъ воззваніемъ къ народу: „Вы будете бороться—говорилось въ воззваніи—за алтари, за права, за свободу, за имущество ваше; будете бороться за родителей, за женъ, за дѣтей и все то, что дороже всего человѣческому сердцу". 30 мая въ 4 часа утра закончилось послѣднее засѣданіе знаменитаго польскаго сейма. „Перестанемъ писать законы, а пойдемъ ихъ защищать"—закончилъ свою рѣчь одинъ изъ депутатовъ.

2. Возстаніе Костюшки.

Но, къ сожалѣнію, защищать было не легко. Въ моментъ вступленія непріятельской арміи на польскую территорію, регулярныя войска Рѣчи Посполитой еле достигали 30 тысячъ, между тѣмъ въ арміяхъ Каховскаго и Кречетникова было около ста тысячъ солдатъ. Подъ прикрытіемъ и нерѣдко при прямомъ содѣйствіи русскихъ войскъ эмиссары конфедераціи Тарговицкой организуютъ въ Украйнѣ и Литвѣ мѣстныя „воеводскія", и „повятовыя" конфедераціи, къ которымъ вначалѣ болѣе зажиточная и вліятельная шляхта присоединяется весьма неохотно. Только по мѣрѣ наступательнаго движенія русскихъ войскъ и отступленія польскихъ „завязываются" новыя конфедераціи въ Волыни, Подоліи, въ Вильнѣ, Гроднѣ и т. д. Положеніе польской арміи было самое плачевное, ея боевая сила была ничтожна. Мало помогали дѣлу кое-гдѣ формировавшіеся отряды добровольцевъ изъ шляхты. Поэтому почти безъ боя совершалось движеніе русскихъ корпусовъ. Главный начальникъ польской арміи, сидѣвшій въ Варшавѣ король Станиславъ-Августъ и его военный совѣтъ больше возлагали надеждъ на переговоры съ Екатериной, чѣмъ на военныя побѣды. Но Екатерина требовала отъ короля безусловнаго присоединенія къ Тарговицкой конфедераціи, т. е. отказа отъ дѣла 3-го мая. Опасаясь за свою корону Станиславъ-Августъ 23-го іюля подписалъ свой „акцессъ" къ Тарговицкой конфедераціи и приказываетъ своей арміи прекратить всякія военныя дѣйствія противъ непріятеля.

Конфедерація, опираясь на силу русскихъ войскъ, получила теперь господство надъ Польшей; а тѣ, кто имѣлъ поводъ опасаться мести со стороны конфедератовъ, стали покидать страну. Эмигрировали генералы польской арміи Костюшко, Заіончекъ, дѣятели сейма и виновники конституціи 3-го мая: Малаховскій, Коллонтай, Нѣмцевичъ и другіе.

Тарговицкая конфедерація во главѣ съ Феликсомъ Потоцкимъ, захвативши власть въ свои руки, поставила своей задачей уничтожить все то, что сдѣлано было 4-лѣтнимъ сеймомъ, и прежде всего замѣстить своими сторонниками всѣ болѣе значительныя государственныя должности.

Ея творцы гордо смотрѣли на свое дѣло, воздавая благодарность Екатеринѣ за спасеніе Рѣчи Посполитой. Между тѣмъ императрица россійская уже сговаривалась съ Пруссіей относительно второго раздѣла Польши. Пруссія хотѣла вознаградить себя за свои неудачи въ войнѣ съ французской революціей, Россія—за издержки, вызванныя походомъ въ Польшу. Въ январѣ 1793 г. прусскія войска переступили польскую границу. Декларація, представленная по этому поводу отъ имени прусскаго короля польскому канцлеру въ Варшавѣ, выставляетъ какъ причину вторженія прусскихъ войскъ въ предѣлы Рѣчи Посполитой, распространеніе въ послѣдней... якобинизма.

„Духъ французскаго демократизма и принципы этой ужасной секты" распространяются, по мнѣнію прусскаго правительства, въ погранич-

Гр. Е. Ф. Канкринъ

ныхъ съ Пруссіей областяхъ Польши; а потому съ цѣлью охранить свои провинціи—обуздать мятежниковъ, подстрекающихъ къ волненіямъ и бунтамъ, съ цѣлью возстановить и сохранить порядокъ и общественное спокойствіе, а также—для оказанія защиты благонамѣреннымъ гражданамъ„Его Величество Король Прусскій повелѣлъ вступить значительной части своего войска въ предѣлы Рѣчи Посполитой и въ особенности въ нѣкоторые уѣзды Великопольши". Такія же обвиненія въ якобинизмѣ и демократизмѣ по адресу поляковъ высказывала декларація русскаго правительства отъ 9-го апрѣля 1793 г. Эта декларація заканчивается заявленіемъ, что императрица россійская и король прусскій, чтобы предупредить полное крушеніе Рѣчи Посполитой, рѣшили присоединить къ своимъ владѣніямъ тѣ провинціи польскія, которыя заняты ихъ войсками. Такимъ образомъ второй раздѣлъ Польши уже былъ дѣломъ рѣшеннымъ. Нужно ли говорить, что „якобинизмъ" являлся лишь простымъ дипломатическимъ предлогомъ?

Тарговицкая конфедерація, присягавшая на „цѣлость отчизны" и довѣрившая охраненіе послѣдней „великодушной императрицѣ", своими протестами и воззваніями не могла остановить ея рѣшенія. Вскорѣ по требованію русскаго чрезвычайнаго посланника Сиверса, при помощи насилія и подкупа, собранъ былъ сеймъ въ Гроднѣ для утвержденія второго раздѣла Польши, т. е. ради той же задачи, для которой онъ былъ созванъ 20 лѣтъ тому назадъ. Многіе депутаты предпочли бѣжать, нѣкоторые по распоряженію Сиверса были арестованы; инымъ онъ грозилъ конфискаціей имѣнія. При такихъ условіяхъ 22 іюля 1793 г. заключенъ былъ договоръ о раздѣлѣ между Рѣчью Посполитой и императрицей Екатериной. Такъ же Сиверсъ помогалъ союзнику Екатерины, королю прусскому, не имѣвшему своего войска въ Гроднѣ, вынудить у сейма его согласіе на захватъ Пруссіей нѣкоторыхъ польскихъ провинцій. Зданіе сейма было окружено русскими войсками, русскіе офицеры наполнили залу засѣданій; разыгралось знаменитое *нѣмое* засѣданіе—палата всю ночь провела въ полномъ молчаніи. Наконецъ, подъ утро 23-го сентября 1793 г. король и депутаты подписали актъ раздѣла. Въ настоящее время намъ трудно понять, для чего собственно правительствамъ прусскому и русскому понадобились эти вынужденныя насиліемъ и подкупомъ, арестами, угрозами и конфискаціями—подписи. Въ силу второго раздѣла Россіи достались губерніи Минская, Волынская, Кіевская, Подольская, а также часть Виленской и Ковенской, Пруссіи—все нынѣшнее княжество Познанское и западная часть нынѣшняго Царства Польскаго.

Оставшаяся „независимая" часть Рѣчи Посполитой и по территоріи и по количеству населенія была гораздо меньше, чѣмъ забранныя двумя державами провинціи.

Близился послѣдній актъ въ исторіи Рѣчи Посполитой: возстаніе Костюшки. Какъ извѣстно, еще осенью 1792 г. цѣлый рядъ политическихъ дѣятелей эмигрировалъ за границу, главнымъ образомъ въ Саксонію. Душой этой первой польской эми-

граціи былъ Коллонтай. Послѣдній вмѣстѣ съ другими вліятельными поляками носился тогда съ планомъ посадить на польскій престолъ великаго князя Константина, внука Екатерины—чтобы такимъ образомъ спасти цѣлость Рѣчи Посполитой. Но послѣ второго раздѣла объ этихъ планахъ уже не могло быть рѣчи. Патріоты все болѣе стали возлагать свои надежды на французскую революцію, одерживавшую одну побѣду за другой надъ коалиціей монархическихъ государствъ. Эти побѣды въ еще большей степени, чѣмъ польскихъ эмигрантовъ, электризовали поляковъ, оставшихся на родинѣ и въ особенности — остатки польской арміи. Эту армію гродненскій сеймъ постановилъ въ виду жалкаго состоянія государственныхъ финансовъ сократить до минимума; воскрешенный Постоянный Совѣтъ опредѣлилъ въ началѣ марта 1794 г. контингентъ польской арміи въ 15 тысячъ человѣкъ, — это было дѣло новаго русскаго посланника и командующаго русскими войсками въ Польшѣ, Игельстрема. Къ тому времени въ рядахъ польской арміи, т. е. среди офицеровъ ея, уже организовалась „вооруженная конфедерація", которая находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ эмиграціей, указывая ей на готовность двадцатитысячнаго польскаго войска къ возстанію и предлагая командованіе арміей Костюшкѣ.

По изданіи приказа о распущеніи почти половины польской арміи рѣшено было начать возстаніе. Бригадиръ Мадалинскій, одинъ изъ наиболѣе рьяныхъ членовъ военной революціонной организаціи, не желая подчиниться приказу Постояннаго Совѣта, двинулся 12-го марта 1794 г. со своей бригадой изъ Остроленки вдоль прусской границы по направленію къ Кракову. При вѣсти о приближеніи Мадалинскаго къ Кракову, находившійся тамъ россійскій военный отрядъ покинулъ городъ. Это послужило сигналомъ къ возстанію. Въ Краковъ съѣхалась изъ окрестностей шляхта, и 24-го марта на Краковскомъ рынкѣ въ присутствіи небольшого гарнизона и повстанцевъ былъ прочитанъ и скрѣпленъ присягой актъ „возстанія гражданъ и жителей Краковскаго воеводства". Въ силу этого акта „верховнымъ и единоличнымъ начальникомъ и руководителемъ всего вооруженнаго возстанія" былъ избранъ генералъ Костюшко.

Возстаніе Костюшки вспыхнуло подъ лозунгомъ конституціи 3-го мая. Это съ самаго начала наложило свою печать на весь характеръ возстанія. Оно пыталось опереться на широкія крестьянскія массы, между тѣмъ шляхетскіе руководители возстанія смотрѣли на эти массы, какъ на свою полную собственность, какъ на совершенно безличное орудіе своей воли. Призывъ къ возстанію обращался къ шляхтѣ, которой „коммиссіи гражданско-военныя" (мѣстные органы администраціи, созданные 4-лѣтнимъ сеймомъ) повелѣвали поставлять съ каждыхъ пяти крестьянскихъ дворовъ по одному солдату. О томъ, чтобы заинтересовать самихъ крестьянъ борьбою противъ внѣшняго непріятеля, въ самомъ началѣ возстанія даже не было рѣчи.

Тѣмъ не менѣе крестьяне приняли въ немъ участіе. Въ первой же

битвѣ, прославившей возстаніе Костюшки, битвѣ при Рацлавицахъ (4-го апрѣля), нѣсколько сотъ крестьянъ, вооруженныхъ косами, своимъ мужествомъ склонили вѣсы побѣды на сторону поляковъ. Битва при Рацлавицахъ, кончившаяся пораженіемъ русскаго 6-тысячнаго отряда въ то время, какъ силы Костюшки были почти вдвое слабѣе— произвела въ странѣ громадное впечатлѣніе.

Примѣру Кракова вскорѣ послѣдовали другіе города и воеводства. Первой возстала Варшава 17-го апрѣля. Варшавское возстаніе было дѣломъ 3-тысячнаго варшавскаго гарнизона и массы варшавскаго мѣщанства, во главѣ котораго стоялъ сапожникъ Килинскій. Въ первый разъ мелкое мѣщанство польское выступало въ качествѣ революціонно-патріотической силы. Мясники варшавскіе изъ своихъ цеховъ создали нѣчто въ родѣ политическихъ клубовъ, гдѣ обсуждались текущія дѣла. Въ то же время богатая шляхта и богатое мѣщанство не принимали участія въ двухдневной битвѣ, происходившей на улицахъ Варшавы.

Вслѣдъ за Варшавой возстало Вильно. И здѣсь также русскому гарнизону послѣ понесеннаго пораженія пришлось покинуть городъ. Вильно первое подало примѣръ революціоннаго суда возставшихъ массъ надъ аристократами-измѣнниками. Бывшіе творцы Тарговицкой конфедераціи и орудія Екатерины— гетманъ Коссаковскій и Швейковскій — были повѣшены. Такая же участь постигла ставленниковъ Игельстрема въ Варшавѣ, гдѣ толпа воздвигла висѣлицы для епископа Коссаковскаго, тарговицкихъ гетмановъ Забѣлло и Ожаровскаго, предсѣдателя гродненскаго сейма Анквича.

Мы видимъ, что въ возстаніи по мѣрѣ его распространенія стали обнаруживаться черты внутренней, гражданской войны. Призракъ гражданской войны больше всего пугалъ Костюшко и другихъ руководителей возстанія, и потому они всегда колебались между двумя стремленіями: съ одной стороны, они не хотѣли задѣвать интересовъ шляхты, съ другой — необходимость привлеченія къ возстанію широкихъ народныхъ массъ заставляла ихъ дѣлать койкакія обѣщанія и уступки крестьянамъ. Продуктомъ подобной нерѣшительности слѣдуетъ считать знаменитый „универсалъ поланецкій", манифестъ, изданный 7-го мая 1794 г. въ лагерѣ при Поланцѣ. Актомъ этимъ размѣръ барщины нѣсколько сокращается, но она не уничтожается даже для тѣхъ, кто борется въ рядахъ возстанія: по возвращеніи въ свою деревню повстанецъ-крестьянинъ вновь попадаетъ въ прежнее крѣпостное ярмо.

Между тѣмъ шляхта уже въ этихъ осторожныхъ мѣропріятіяхъ видѣла покушеніе на свои права и на свою собственность. Но эти мелкія, неосязательныя уступки не могли возбудить въ крестьянской массѣ патріотизма и заставить ихъ драться за цѣлость и независимость Польши, какъ за свое дѣло.

Гораздо болѣе горячее участіе принимало польское мѣщанство, которое, борясь во имя конституціи 3-го мая, боролось за свои права, за свою эмансипацію. Мы уже видѣли, какъ дѣйствовало это мѣщан-

ство въ Вильнѣ и Варшавѣ не только по отношенію къ русскимъ войскамъ, но и по отношенію къ тѣмъ магнатамъ, которые стояли во главѣ тарговицкой контръ-революціи. Рядъ пораженій, понесенныхъ польской арміей въ іюнѣ, капитуляція Кракова передъ пруссаками—снова направили гнѣвъ революціонно настроеннаго варшавскаго мѣщанства противъ тѣхъ, кого оно считало виновниками теперешнихъ несчастій, противъ внутреннихъ враговъ. Въ Варшавѣ повторились сцены, живо напоминавшія Парижъ. 28-го іюня громадная толпа народа собралась передъ тюрьмой, гдѣ былъ заключенъ цѣлый рядъ лицъ, обвинявшихся въ государственной измѣнѣ, выволокла ихъ на улицу и произвела самосудъ надъ ними. Были повѣшены кн. Четвертынскій, кн. Массальскій, Боскампъ и многіе другіе. Этотъ актъ народной мести устрашилъ короля, высшую шляхту, устрашилъ и Костюшку, изъ устъ котораго при вѣсти о варшавскихъ висѣлицахъ вырвались слова: „Я предпочелъ бы проиграть двѣ битвы, нежели узнать объ этихъ кровавыхъ ужасахъ". Костюшко велѣлъ самымъ суровымъ образомъ наказать виновниковъ этихъ волненій, и пятеро изъ нихъ были казнены.

Что варшавское мѣщанство представляетъ собою серьезную силу въ возстаніи, лучше всего показалъ періодъ осады Варшавы соединенными прусскими и русскими войсками. Корзонъ, весьма точный въ своихъ подсчетахъ, полагаетъ, что въ битвахъ и вылазкахъ во время осады принимало участіе 9 тысячъ мѣщанъ, что составляетъ весьма значительный процентъ тогдашняго взрослаго населенія Варшавы. Эти вылазки и битвы были настолько успѣшны, что два мѣсяца осады не въ состояніи были одолѣть Варшавы, и непріятель отступилъ.

Но это была непродолжительная радость. Спустя мѣсяцъ произошла рѣшительная битва при Мацѣевицахъ, въ которой погибло 6 тысячъ польскаго войска и взятъ былъ въ плѣнъ Костюшко. Суворовъ во главѣ сильной арміи приближался къ Варшавѣ. „Верховный національный совѣтъ"—центральная власть возстанія, въ которой Коллонтай игралъ первенствующую роль, — назначилъ на мѣсто Костюшки новаго военачальника, Вавржецкаго, одного изъ дѣятельныхъ патріотовъ 4-лѣтняго сейма, но мало знакомаго съ военнымъ дѣломъ.

Пораженіе при Мацѣевицахъ снова обострило въ Варшавѣ ту борьбу, которая все время происходила между т. наз. гугонистами [1]), или партіей революціонной, и придворно-аристократической партіей. Въ нѣдрахъ самого верховнаго совѣта столкнулись представители двухъ мнѣній. Революціонеры требовали ареста короля, именемъ котораго пользуются различные интриганы, они требовали, чтобы интересы шляхты принесены были въ жертву интересамъ народа, и совѣтовали не отступать передъ самыми крайними мѣрами, разъ только онѣ могутъ обезпечить побѣду надъ врагомъ и спасти независимость Польши.

Но руководители возстанія не рѣшались приносить въ жертву интересовъ шляхты. Для удовлетворенія

[1]) Гуго—было имя Коллонтая.

возбужденнаго общественнаго мнѣнія Костюшко назначилъ военно-революціонный трибуналъ, который вынесъ заочный смертный приговоръ одиннадцати вожакамъ „тарговицкаго бунта", между прочимъ также Феликсу Потоцкому и Браницкому, которые успѣли къ тому времени уже перейти на русскую службу; „тарговичане" были повѣшены... in effigie.

Возстаніе доживало свои послѣдніе дни. Послѣднимъ его тріумфомъ еще до битвы Мацѣевицкой были побѣды надъ пруссаками въ Великопольшѣ, гдѣ командующимъ повстанческой арміей явился прославившійся впослѣдствіи генералъ Домбровскій. Но уже 4-го ноября послѣдовалъ знаменитый штурмъ Праги, при которомъ войска Суворова безпощадно истребляли все, что встрѣчалось на ихъ пути, не жалѣя ни стариковъ, ни дѣтей. „Среди еще дымящихъ развалинъ Праги предстала передъ лицомъ побѣдоноснаго полководца, сидѣвшаго въ своей палаткѣ на бревнѣ, депутація отъ Варшавы, угрожаемой бомбардировкой. Столица капитулировала, но только отъ своего имени, а не отъ имени войска".

Остатки польской арміи вышли изъ Варшавы и, столкнувшись вблизи Кѣльцъ съ авангардомъ Ферзеновскаго корпуса, были окончательно разбиты. Тутъ же взятъ былъ въ плѣнъ преемникъ Костюшки, генералъ Вавржецкій.

Вскорѣ наступилъ третій и послѣдній раздѣлъ Польши, для котораго уже рѣшили обойтись безъ утвержденія со стороны сейма. Въ договорѣ, заключенномъ между Россіей и Австріей, говорится, что необходимо прибѣгнуть къ полному раздѣлу Рѣчи Посполитой между тремя сосѣдними державами, такъ какъ только прочное и сильное правительство сумѣетъ предупредить возобновленіе дальнѣйшихъ смутъ; а между тѣмъ опытъ прошлаго показываетъ, что Польская республика не способна создать подобнаго правительства. Въ то же время русскій канцлеръ, гр. Безбородко, въ письмѣ кн. Репнину отъ 24 ноября 1794 г. дѣлаетъ слѣдующее любопытное замѣчаніе: „Образъ мыслей поляковъ сдѣлался такого рода, что зараза легко и далѣе распространиться можетъ; вольность крестьянъ и тому подобное удобны раздразнить нашихъ поселянъ... Сіи разсужденія рѣшили на уничтоженіе Польши и на раздѣлъ ея земель".

Такимъ образомъ возстаніе Костюшки было не только предлогомъ для простого захвата новыхъ земель, оно являлось въ глазахъ монархическихъ правительствъ Европы перенесенной на польскую почву французской революціей, которую на ея родинѣ не удалось подавить коалиціи монарховъ. Окончательный раздѣлъ Польши былъ той мѣрой, которая должна была разъ навсегда уничтожить здѣсь революцію, „сѣмена которой, постоянно бродя въ умахъ глубоко пропитанныхъ самыми превратными принципами, рано или поздно не преминутъ возродиться, если этому не помѣшаетъ твердое и сильное правительство" [1]).

Въ возстаніи Костюшки по подсчету Корзона приняло въ общемъ участіе почти сто тысячъ человѣкъ. Но эта 100-тысячная армія формировалась

[1]) Слова австро-россійскаго договора о третьемъ раздѣлѣ Польши.

постепенно въ продолженіе всего возстанія, никогда и нигдѣ не достигая этой цифры. А что хуже всего, этой арміи не хватало оружія. Запасъ огнестрѣльнаго оружія былъ сравнительно небольшой, и половина войска, даже регулярнаго, была вооружена лишь пикой или косой. Эта плохо вооруженная и плохо обученная армія держалась все же семь мѣсяцевъ противъ непріятеля, превосходившаго ее и въ смыслѣ численности и въ смыслѣ вооруженія.

Генералъ Заіончекъ, участникъ этого возстанія, въ изданной имъ въ 1797 г. „Histoire de la révolution de la Pologne en 1794“ приписываетъ неудачу возстанія шляхтѣ, которая, по его словамъ, обнаруживала полнѣйшій индифферентизмъ въ дѣлѣ возстанія. „Вмѣсто активности Костюшко встрѣтилъ въ шляхтѣ нерадѣніе и вялость; краковская шляхта обнаружила больше энтузіазма, нежели шляхта другихъ частей Польши, но и тамъ все дѣлалось лѣниво, съ трудомъ шла поставка рекрутъ, неохотно снабжали войско продовольствіемъ и прочими припасами; шляхта устранялась отъ всякой контрибуціи; при всякой мѣркѣ доставляемаго ею хлѣба она кричала, что наступитъ голодъ; все ея поведеніе было проникнуто равнодушнымъ отношеніемъ къ дѣлу“. Корзонъ, лучшій изслѣдователь этой эпохи, но слишкомъ апологетически относящійся къ шляхтѣ, не довѣряетъ свидѣтельству Заіончка. Однако не одинъ только Заіончекъ, но и много другихъ современниковъ дѣлаютъ подобные же упреки шляхтѣ.

Другое, конечно, дѣло, насколько правъ Заіончекъ, когда онъ говоритъ, что „народное возстаніе, разумно подготовленное, не только спасло бы Польшу, но нанесло бы рѣшительный ударъ самой Россіи, такъ какъ пограничныя губерніи послѣдней примкнули бы къ возстанію польскаго народа, и этотъ моментъ былъ бы сигналомъ ко всеобщей революціи во всей Россіи“. Польскіе демократы 30-хъ годовъ въ своей оцѣнкѣ возстанія Костюшки стали вполнѣ на эту точку зрѣнія, и это заставило наиболѣе талантливаго писателя этого лагеря, Мохнацкаго, воскликнуть въ одной изъ своихъ статей: „Костюшко погубилъ Польшу!.. Чтобы развить максимумъ силъ, необходимыхъ для освобожденія народа отъ чужеземнаго ярма, отъ внѣшняго гнета, Костюшкѣ слѣдовало придать революціи направленіе соціально-революціонное. Костюшкѣ не разъ приходила въ голову эта мысль, но его всегда охватывалъ ужасъ при одномъ лишь воспоминаніи о соціальномъ потрясеніи“.

Историкъ не можетъ взваливать вину пораженія на Костюшку. При всей своей диктаторской власти Костюшко въ 1794 г. *фактически* не могъ освободить польскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Шляхта имѣла бы полную возможность воспротивиться такому акту, а самъ народъ, отупѣвшій подъ многовѣковымъ гнетомъ своихъ господъ, не обнаруживалъ серьезныхъ попытокъ освободиться изъ-подъ него. Тогдашняя Польша была слишкомъ отсталой какъ политически, такъ и соціально, чтобы побѣдоносно отразить коалицію трехъ монарховъ—она не могла изъ себя добыть той силы, которую развила революціонная Франція.

II.
Переходное время.

1. Легіоны.

Въ послѣднюю годину своей политической независимости Польша обратила свои взоры на Францію. Побѣдоносныя войны французской арміи, которая воевала также съ врагами Польши, не могли не возбуждать въ послѣдней нѣкоторыхъ надеждъ. Еще въ 1793 году первые польскіе эмигранты (Коллонтай, Малаховскій, Костюшко, Заіончекъ и др.), подготовляя въ своей главной военно-революціонной квартирѣ, въ Лейпцигѣ, народное возстаніе, рѣшили вступить въ болѣе близкія сношенія съ Конвентомъ и Комитетомъ общественнаго спасенія. Для этой миссіи былъ назначенъ Барсъ, одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ защитниковъ интересовъ мѣщанства, одинъ изъ тѣхъ, кто по своимъ соціально-политическимъ воззрѣніямъ шелъ дальше авторовъ конституціи 3-го мая.

Барсъ старался въ своихъ докладахъ, представленныхъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, доказать, что насущные интересы республиканской Франціи требуютъ самаго горячаго и дѣятельнаго сочувствія ея польскому возстанію. Но Комитетъ общественнаго спасенія съ Робеспьеромъ во главѣ не довѣрялъ силѣ возстанія, не довѣрялъ революціонной энергіи Костюшки. Послѣ паденія Робеспьера Барсъ и другіе представители польской эмиграціи были допущены передъ рѣшетку Конвента, но все ограничилось только ни къ чему не обязывающимъ отвѣтомъ Колло д'Эрбуа, предсѣдателя Конвента, на рѣчь Барса: „Французскій народъ искренно сочувствуетъ польскому народу въ его борьбѣ съ общими врагами".

Возстаніе Костюшки было разбито. Ряды польской эмиграціи возросли. Тѣ изъ участниковъ возстанія, которымъ удалось избѣжать захвата въ плѣнъ или заключенія въ крѣпость [1]), уходили изъ предѣловъ Польши,—кто во Францію, кто въ Италію, кто въ Турцію. Повсюду возникали очаги польской эмиграціи. Уже въ началѣ 1795 г. среди венеціанскихъ эмигрантовъ возникло нѣчто въ родѣ центральнаго комитета для направленія движенія въ Польшѣ. Изъ рядовъ этого комитета впервые вышелъ проектъ образованія польскихъ легіоновъ. „Настоящія обстоятельства,— говорится въ проектѣ венеціанскаго комитета, — не давая возможности гражданамъ-полякамъ, участвовавшимъ въ послѣднемъ возстаніи и затѣмъ покинувшимъ родину, служить собственной отчизнѣ и свободѣ, заставляютъ ихъ принять службу подъ побѣдоносными знаменами французской республики. Желаніе польскихъ воиновъ состоитъ въ томъ, чтобы французское правительство образовало при своихъ арміяхъ польскіе легіоны, зародышемъ которыхъ будутъ военноплѣнные послѣдней кампаніи. Поляки, предлагающіе этотъ

[1]) Въ русскія, австрійскія и прусскія крѣпости были заключены, между прочимъ, Костюшко, Нѣмцевичъ, Килинскій, Вавржецкій, Коллонтай, Заіончекъ, Мадалинскій и многіе другіе.

планъ, убѣждены, что французское правительство воспользуется имъ въ интересахъ несчастной Польши, въ судьбахъ которой оно принимаетъ столь великодушное участіе".

Мысль о польскихъ легіонахъ осуществилась только въ концѣ 1796 г. благодаря энергіи генерала Генрика Домбровскаго, прославившагося въ послѣднемъ возстаніи и пріобрѣвшаго громадную популярность. Домбровскій обратился съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ къ французской Директоріи. Послѣдняя рѣшила воспользоваться силами польскихъ солдатъ для войны, которую Французская республика вела тогда на Аппенинскомъ полуостровѣ противъ Австріи. Бонапартъ, главнокомандующій Итальянской арміи, разрѣшилъ новому временному правительству Ломбардіи—всецѣло, конечно, отъ него зависимому—заключить съ Домбровскимъ договоръ на слѣдующихъ условіяхъ.

Польскія войска, которыя будутъ сформированы въ Ломбардіи, получатъ названіе польскихъ легіоновъ, содѣйствующихъ Ломбардіи въ ея войнѣ за независимость; форма одежды, знаки отличія и внутренняя организація легіоновъ должны по возможности согласоваться съ соотвѣтствующими обычаями и привычками поляковъ; назначеніе офицеровъ и военныхъ чиновниковъ принадлежитъ генеральной администраціи Ломбардіи, дѣйствующей въ этомъ случаѣ по представленію генерала Домбровскаго; народъ ломбардскій будетъ считать поляковъ, борющихся за его свободу, не чужеземнымъ войскомъ, а братьями, имѣющими право гражданства въ Ломбардіи, при томъ, однако, условіи, что имъ всегда предоставлено право вернуться на родину.

Будучи по формѣ чужеземнымъ, наемнымъ войскомъ, играя—въ особенности въ глазахъ генерала Бонапарта—роль вспомогательныхъ отрядовъ по отношенію къ французской арміи, польскіе легіоны по идеѣ, заложенной въ нихъ, были чѣмъ-то гораздо бо̀льшимъ. Они были единственной „репрезентаціей" Рѣчи Посполитой, разорванной на три части. Въ то время, какъ во всѣхъ трехъ „заборахъ" всякая политическая активная жизнь прекратилась, въ то время, какъ тамъ ликвидировались послѣдніе остатки независимой Польши—она пыталась возрождаться на чужбинѣ, на далекомъ Западѣ. Подъ знамена польскихъ легіоновъ, какъ носителей идеи близкаго возрожденія отчизны, стекалось много патріотовъ, которые не могли и не хотѣли примириться съ мыслью утраты политической независимости. Изъ всѣхъ „заборовъ", хотя это было строго запрещено подъ страхомъ самаго суроваго наказанія, шляхетская молодежь спѣшила въ легіоны, туда дезертировали также польскіе солдаты изъ прусской и австрійской армій. Польскіе легіоны были яркимъ и единственнымъ воплощеніемъ близкой революціи, они были продолженіемъ Костюшковской арміи.

Не слѣдуетъ забывать, что то была эпоха по преимуществу военная. Европа превратилась въ какой-то военный лагерь. Военная служба стала единственнымъ поприщемъ не только личной карьеры и честолюбивыхъ стремленій; она была также единственной ареной геройскаго слу-

женія своему народу и своему отечеству. Наполеоновскіе походы, казалось, открыли собою эру войнъ за независимость и свободу. Польскіе легіоны поэтому давали, съ одной стороны, пріютъ тысячамъ лицъ, для которыхъ военное дѣло стало своего рода профессіей, но съ другой—они привлекли въ свои ряды всѣхъ тѣхъ, кто искренно хотѣлъ драться за независимость Польши.

Въ скоромъ времени подъ начальствомъ Домбровскаго и прибывшаго изъ Польши генерала Князевича организовалось свыше 7.000 польскаго войска. Но та цѣль, ради которой создавались легіоны, осталась въ области мечты. Домбровскій и его товарищи намѣревались использовать войну Франціи противъ Австріи для борьбы съ этой послѣдней, но не на Аппенинскомъ полуостровѣ, а на родной, польской землѣ. Они думали со своими легіонами прорваться въ Венгрію, а оттуда въ Галицію для поднятія народнаго возстанія. Но Бонапартъ обращалъ мало вниманія на эти предложенія Домбровскаго.

Организовавшись для борьбы за народную свободу и независимость, польскіе легіоны—по безпощадной ироніи судьбы—должны были главнымъ образомъ участвовать въ многочисленныхъ походахъ и битвахъ противъ возставшихъ италіанскихъ городовъ и цѣлыхъ провинцій. Какъ извѣстно, Италіанская война была весьма упорная и неудачная для французскаго оружія. Французской арміи приходилось здѣсь имѣть дѣло не только съ австрійскими и съ русскими войсками, но также съ партизанскими возстаніями италіанскаго населенія, въ глазахъ котораго Бонапартъ и его армія отнюдь не пользовались репутаціей освободителей и борцовъ за его независимость, а скорѣе—наоборотъ.

Въ битвахъ при Требіи и Нови „первая легія“ польская, во главѣ которой находился Домбровскій, почти была цѣликомъ уничтожена. „Вторая легія“ подъ командой Вельгорскаго при капитуляціи французской арміи въ Мантуѣ, была взята въ плѣнъ австрійцами.

Сдѣлавшись первымъ консуломъ, Наполеонъ поручилъ Домбровскому образовать въ Марсиліи новый легіонъ изъ остатковъ прежнихъ, а Князевичу — сформировать такъ называемую „дунайскую легію“. Вновь окрѣпли надежды на близкое осуществленіе тѣхъ задачъ, ради которыхъ создано было польское войско за границей. Но Люневилльскій миръ 1801 г. разбилъ эти надежды. Многіе польскіе офицеры, въ томъ числѣ и генералъ Князевичъ, стали бросать службу въ легіонахъ, ибо быть просто наемниками, воюющими ради чуждыхъ имъ цѣлей, они не хотѣли. Однако большинству польскихъ солдатъ волей неволей пришлось оставаться въ легіонахъ, такъ какъ военная служба являлась для нихъ единственнымъ источникомъ пропитанія на чужбинѣ. Часть легіоновъ была дана Наполеономъ въ подарокъ новоиспеченному королевству Этруріи, а другая часть была предназначена имъ для печальной роли усмирителей возстанія негровъ на островѣ С. Доминго, гдѣ многіе погибли не только въ борьбѣ съ неграми, но и отъ убійственнаго климата...

Такъ печально закончилась исторія польскихъ легіоновъ, о которыхъ и

до сихъ поръ еще поется въ польскихъ патріотическихъ пѣсняхъ. О нихъ забыли. Они вновь заставили о себѣ вспомнить и говорить поляковъ, когда послѣ нѣсколькихъ лѣтъ мира, началась въ Европѣ новая эпоха войнъ между коалиціей и императорской Франціей; въ той французской арміи, которая при Іенѣ и Ауэрштедтѣ разбила монархію Гогенцоллерновъ, были также остатки польскихъ легіоновъ съ генераломъ Домбровскимъ во главѣ.

2. Герцогство Варшавское.

Послѣ 3-го раздѣла Польши всѣ земли бывшей Рѣчи Посполитой оказались во власти трехъ государствъ: Россіи, Австріи и Пруссіи. Тогдашнее распредѣленіе частей раздѣленной Польши значительно отличалось отъ того, какое существуетъ въ настоящее время. Такъ, Россія пріобрѣла Литву и Украйну, т. е. нынѣшнія сѣверо- и юго-западныя губерніи. Австрія, не участвовавшая вовсе во второмъ раздѣлѣ, пріобрѣла въ силу 3-го раздѣла такъ назыв. Западную Галицію, въ составъ которой входили также нѣкоторыя губерніи нынѣшняго Царства Польскаго, а именно: Люблинская, Кѣлецкая, Радомская и Сѣдлецкая. Наконецъ, владѣнія Пруссіи простирались вплоть до Бѣлостока, обнимая—кромѣ провинцій, доставшихся ей при первомъ и второмъ раздѣлѣ—остальную часть Царства Польскаго, какъ-то: губерніи Варшавскую, Калишскую, Ломжинскую, Петроковскую, Плоцкую и Сувалкскую.

Войны и дипломатическіе договоры еще не разъ будутъ перекраивать карту Рѣчи Посполитой; но положеніе, созданное 3-мъ раздѣломъ, продолжало существовать вплоть до 1807 года, до знаменитой битвы при Іенѣ, гдѣ великая Наполеоновская армія однимъ ударомъ уничтожила кропотливо построенное зданіе Гогенцоллернской монархіи.

Въ теченіе, однако, тѣхъ 12—13 лѣтъ, которыя предшествовали этому поворотному моменту, правительства, увеличившія свои владѣнія на счетъ Рѣчи Посполитой, пытались стать твердой ногой въ захваченныхъ провинціяхъ. Каждое изъ нихъ пыталось устраиваться въ своихъ новыхъ владѣніяхъ навѣчно и связать ихъ по возможности тѣснѣе со всѣмъ остальнымъ государствомъ. Въ этомъ отношеніи наибольшую настойчивость и планомѣрность проявляла Пруссія, гдѣ аппаратъ бюрократической власти былъ уже къ тому времени доведенъ до высокой степени совершенства. Занявши новыя земли, прусское правительство сразу, ни съ чѣмъ не считаясь, стало заводить въ нихъ свои административные и судебные порядки. Новыя владѣнія, получившія названіе Ново-Восточной (Neu-Ost-Preussen) и Южной (Süd-Preussen) Пруссіи, были раздѣлены на департаменты, и во главѣ каждаго изъ нихъ стали коллегіальныя административныя учрежденія по прусскому образцу. Старыя польскія учрежденія были уничтожены, и край былъ наводненъ прусскими чиновниками. Съ 1797 года сдѣлалось обязательнымъ прусское право (Preussisches

Allgemeines Landrecht). Только низшіе патримоніальные суды, въ которыхъ помѣщикъ былъ судьей своего подданнаго-крестьянина, прусское правительство оставило въ нетронутомъ видѣ, какъ вообще оно не пыталось вносить никакихъ серьезныхъ измѣненій въ сферу отношеній между помѣщикомъ и крестьяниномъ.

Рядомъ съ этой политикой онѣмеченія въ области права, администраціи, суда, школы и т. д., пущены были въ ходъ и другіе способы. Такъ, всяческими путями старались переселять въ новыя провинціи нѣмецкихъ крестьянъ, чтобы создать изъ нихъ нѣмецкія колоніи. Переселенческое дѣло, хотя и стоило большихъ денегъ, подвигалось довольно туго и не дало почти никакихъ результатовъ. Гораздо успѣшнѣе колонизаціи нѣмецкихъ крестьянъ шла колонизація нѣмецкихъ дворянъ на вновь захваченныхъ земляхъ. Послѣднее возстаніе Костюшки дало прусскому правительству случай заняться усиленной конфискаціей шляхетскихъ имѣній. Кромѣ того были также конфискованы церковныя и монастырскія имѣнія. Весь этотъ громадный земельный фондъ перешелъ въ видѣ подарка въ руки прусскихъ юнкеровъ, заслуженныхъ чиновниковъ и военныхъ. Прежніе пожизненные арендаторы государственныхъ имуществъ, тѣ *starost*'ы, о которыхъ у насъ была рѣчь въ первой главѣ, были въ большинствѣ случаевъ лишены своихъ правъ, и на ихъ мѣсто были поставлены нѣмецкіе чиновники (*Amtmann*'ы).

Прусское правительство не оставило ни малѣйшаго подобія какого-нибудь національнаго представительства. Въ той части бывшей Рѣчи Посполитой, которая очутилась въ рукахъ пруссаковъ, части, составлявшей нѣкогда сердце шляхетской республики, политическая жизнь совершенно заглохла. Варшава, гдѣ еще такъ недавно сосредоточивалась вся духовная и политическая жизнь страны, стала только административно-бюрократическимъ центромъ, только резиденціей прусскаго губернатора.

Только уже наканунѣ войны съ Франціей, въ іюнѣ 1806 г., прусскій министръ Штейнъ предлагаетъ въ одной изъ своихъ докладныхъ записокъ измѣнить политику по отношенію къ польскимъ провинціямъ. „Польскій народъ—говорилъ баронъ Штейнъ—гордится своей національностью и съ болью видитъ, какъ гибнетъ его языкъ и имущество, онъ ненавидитъ прусское правительство, принимающее эти несправедливыя мѣры. Онъ будетъ удовлетворенъ и привяжется къ государству, если придать ему такое устройство, при которомъ сохранится его индивидуальность“. Штейнъ требуетъ назначенія намѣстника изъ поляковъ, а также установленія совѣта намѣстничества съ мѣстопребываніемъ въ Варшавѣ, далѣе, сословнаго представительнаго учрежденія, реорганизаціи мѣстной бюрократіи. „Эти мѣры,— замѣчаетъ Штейнъ, — возбудятъ въ польскомъ населеніи довѣріе къ правительству, онѣ заставятъ его цѣнить тѣ блага, которыя проистекаютъ для него благодаря соединенію съ Пруссіей“.

Зажиточная шляхта впрочемъ еще задолго до докладной записки Штейна сумѣла оцѣнить блага,

проистекающія изъ прусскаго господства. Непріятности новыхъ порядковъ вознаграждались въ ея глазахъ цѣлымъ рядомъ дѣйствительныхъ или только мнимыхъ матеріальныхъ выгодъ, выпавшихъ на долю помѣщиковъ. Хлѣбная торговля приняла весьма широкіе размѣры. Спросъ на сельскохозяйственные продукты и на лѣсъ сильно повысился въ Англіи, Голландіи и другихъ европейскихъ странахъ. Теперь, когда порты Балтійскаго моря, расположенные у прусскихъ береговъ, стояли открытыми для польскихъ провинцій, послѣднія стали главнымъ поставщикомъ этихъ продуктовъ. Высокія цѣны на экспортируемый хлѣбъ и лѣсъ заставляли многихъ забывать о недавнемъ прошломъ. Этому же содѣйствовало и золото, въ обиліи посыпавшееся изъ нѣмецкихъ банковъ въ видѣ гипотечнаго кредита подъ залогъ шляхетскихъ имѣній, цѣнность которыхъ сильно теперь поднялась. Прусскіе банкиры давали деньги подъ гораздо болѣе низкій процентъ, чѣмъ тотъ, который помѣщики польскіе привыкли платить во времена Рѣчи Посполитой. Благодаря новому гипотечному праву, введенному прусскимъ правительствомъ, кредитъ получилъ громадное распространеніе, и польскіе помѣщики поспѣшили имъ пользоваться возможно шире.

Когда гипотеки были обременены до послѣдней степени, послѣ того какъ польскіе помѣщики растратили занятыя деньги совершенно непроизводительно, прусское правительство повелѣло Берлинскому банку и другимъ кредитнымъ учрежденіямъ потребовать отъ польскихъ должниковъ возврата капиталовъ. Громадному числу землевладѣльцевъ грозила такимъ образомъ „экспропріація“, т. е. переходъ задолженныхъ имѣній въ руки прусскихъ кредиторовъ.

Но вотъ осенью 1806 года вспыхнула война между Франціей и Пруссіей, положившая внезапный конецъ начавшейся было продажѣ съ торга польскихъ имѣній. Совершенно неожиданно измѣнились самымъ кореннымъ образомъ политическія условія въ той части Польши, которая находилась подъ властью Пруссіи. Послѣ пораженія, понесеннаго прусской арміей при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, возникло на основаніи Тильзитскаго мирнаго договора (1807) новое государство, одно изъ тѣхъ государствъ, которыхъ такъ много было создано по волѣ Наполеона — Герцогство Варшавское (Le duché de Varsovie) *). Въ его составъ вошли „заборы“ прусскіе 2-го и 3-го раздѣловъ, кромѣ города Данцига, объявленнаго вольнымъ городомъ, и Бѣлостоцкаго округа, уступленнаго Наполеономъ Россіи. Это былъ *четвертый* раздѣлъ Польши. На развалинахъ Прусской монархіи возникало, слѣдовательно, новое, насчитывавшее свыше 2 милліоновъ населенія, формально независимое государство. Наполеонъ уступилъ это новое государство своему союзнику, саксонскому королю

*) Герцогство Варшавское есть плодъ дипломатическихъ переговоровъ между Наполеономъ и Александромъ I. Новѣйшій изслѣдователь этого періода, г. Loret доказываетъ на основаніи неопровержимыхъ документовъ, что истиннымъ создателемъ Герцогства Варшавскаго является собственно Александръ, а не Наполеонъ, который въ своемъ стремленіи создать болѣе крупное польское государство натолкнулся на сопротивленіе русскаго императора.

Фридриху - Августу, тому самому, котораго конституція 3-го мая намѣчала въ родоначальники новой династіи польскихъ королей.

Наполеона и его армію, въ числѣ которой были остатки польскихъ легіоновъ съ генераломъ Домбровскимъ во главѣ, польскія провинціи восторженно привѣтствовали. Въ прокламаціяхъ, обращенныхъ къ польскимъ гражданамъ отъ имени Домбровскаго и Выбицкаго (знаменитаго члена 4-лѣтняго сейма), они призывали своихъ соотечественниковъ вполнѣ довѣриться Наполеону и смотрѣть на него, какъ на воскресителя Польши. Шляхетская молодежь съ энтузіазмомъ шла подъ знамена его арміи. Освобожденіе изъ-подъ власти Пруссіи было настолько радостнымъ событіемъ, что вначалѣ даже и не замѣчали того новаго бремени, которое Наполеонъ взвалилъ на маленькую страну, требуя отъ нея непосильныхъ жертвъ въ деньгахъ, въ натурѣ и въ людяхъ.

Создавая это новое государство, Наполеонъ меньше всего преслѣдовалъ тѣ цѣли, которыя ему приписывало пылкое воображеніе польскихъ патріотовъ. Воскрешеніе Польши отнюдь не входило въ его реальные планы. Въ этомъ могли поляки убѣдиться хотя бы изъ уступки Бѣлостоцкаго округа Александру I. Но поддерживать подобныя иллюзіи было для него, конечно, чрезвычайно выгодно, ибо онѣ привлекали къ нему сердца поляковъ и въ другихъ частяхъ Польши, какъ въ Галиціи, такъ и въ западныхъ губерніяхъ Россіи.

Герцогство Варшавское должно было лишь играть роль постояннаго передового и сторожевого поста. Для Наполеона важно было на случай новой, неизбѣжной въ недалекомъ будущемъ войны съ Австріей или Россіей имѣть на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ отъ родины готовый резервуаръ припасовъ и человѣческаго матеріала, резервуаръ, изъ котораго можно было бы черпать щедрой рукой.

Но каковы бы ни были сокровенныя намѣренія Наполеона, какъ бы мало онъ ни интересовался вопросомъ о воскрешеніи Польши, сейчасъ при его содѣйствіи небольшая часть прежней Польши возрождалась къ самостоятельной государственной жизни.

Герцогство Варшавское получило конституцію изъ рукъ самого императора французовъ. Въ этой конституціи наиболѣе цѣнной была статья 83, устанавливавшая только за гражданами Герцогства право занимать въ немъ должности духовныя, гражданскія и судебныя: она вновь открывала путь, почти закрытый во времена прусскаго господства для поляковъ. Ст. 84 говорила, что „всѣ акты правительственные, законодательные, административные и судебные будутъ составляться на національномъ языкѣ“. Возстановлялась національная армія въ составѣ 30 тысячъ чел., состоявшая подъ начальствомъ польскихъ офицеровъ. Послѣ столькихъ лѣтъ отсутствія всякаго представительнаго учрежденія опять возстановлялся сеймъ, состоявшій, подобно сейму Рѣчи Посполитой, изъ сената и посольской палаты. Наряду съ этимъ центральнымъ представительнымъ учрежденіемъ конституція устанавливала общіе департаментскіе, уѣздные и муниципальные совѣты.

Уѣзднымъ сеймикамъ дано было право выбирать мировыхъ судей.

Однимъ словомъ, публичная жизнь, дѣятельность на поприщѣ общественномъ, военномъ и политическомъ, совершенно заглохшія было подъ режимомъ прусской бюрократіи, снова могли вступить въ свои права.

Не только въ области публичнаго права, но и въ области частнаго права совершились крупныя измѣненія. Гражданскія отношенія стали регулироваться гражданскимъ Кодексомъ Наполеона, дѣйствующимъ и понынѣ въ десяти губерніяхъ Царства Польскаго. Согласно духу этого Кодекса ст. 4-ая конституціи Герцогства опредѣляла: „Рабство уничтожается, всѣ граждане равны передъ закономъ; крестьяне ставятся подъ защиту судовъ". Декретъ короля саксонскаго отъ 21 декабря 1807 г., пытавшійся развить эту черезчуръ общую формулу конституціонной хартіи, предоставлялъ крестьянамъ право „покидать свое прежнее мѣстопребываніе и переселяться въ предѣлахъ Герцогства Варшавскаго, куда они пожелаютъ", *отдавъ* предварительно помѣщику свою землю, усадьбу, инвентарь, посѣвы и всю вообще недвижимость. Такимъ образомъ конституція формально уничтожала личную крѣпостную зависимость; но, оставивъ аграрныя отношенія въ прежнемъ ихъ видѣ, ст. 4-ая конституціи превратилась на дѣлѣ въ простую фикцію. Шляхта попрежнему продолжала пользоваться исключительно барщиннымъ трудомъ своихъ крестьянъ.

Если обратиться отъ этой писанной конституціи къ дѣйствительности, то необходимо отмѣтить, что въ Герцогствѣ по образцу Франціи введена была система административной централизаціи и что въ сущности какъ власть сейма, такъ тѣмъ болѣе власть такъ называемыхъ префектуральныхъ (департаментскихъ и уѣздныхъ) совѣтовъ была скорѣе призрачная, чѣмъ реальная. Сеймъ, хотя по составу своему болѣе демократическій, чѣмъ сеймъ Рѣчи Посполитой [1]), собирался разъ въ 2 года всего на 15 дней; онъ былъ лишенъ законодательной инипіативы; мало того, депутаты имѣли лишь право вотировать, но не обсуждать правительственные законопроекты.

Собственный король, сеймъ, польская администрація и польское войско должны были служить какъ бы наградой за тѣ матеріальныя тяготы, жертвой которыхъ сдѣлалось маленькое Герцогство Варшавское. Не говоря уже о податномъ бремени и военныхъ реквизиціяхъ, Герцогству Варшавскому пришлось испытать послѣдствія экономической политики Наполеона, направленной противъ Англіи, т. е. пресловутой континентальной системы. Благодаря этой послѣдней заморскій вывозъ хлѣба изъ Герцогства Варшавскаго прекратился: для него были закрыты порты Данцигъ, Эльбингъ и Кенигсбергъ. Вслѣдствіе этого цѣны на сельскохозяйственные продукты сильно упали, ставъ вдвое и даже втрое ниже, чѣмъ во времена пруссаковъ. Но „надежда, что Герцогство Варшавское станетъ колыбелью Польскаго Королевства, позволяла терпѣливо переносить всѣ тягости настоящей минуты".

[1]) Изъ 100 депутатовъ 60 избирались шляхтой на сеймикахъ и 40—городами, причемъ на одну Варшаву приходилось 8.

И дѣйствительно, въ промежуткѣ между первымъ (1809) и вторымъ (1811) сеймомъ произошло событіе, которое, казалось, вполнѣ оправдывало эту надежду. Новая война между Австріей и Франціей имѣла однимъ изъ своихъ результатовъ вторженіе арміи Герцогства Варшавскаго въ предѣлы Западной Галиціи и присоединеніе этой провинціи къ Герцогству. „Колыбель Польскаго Королевства" увеличилась такимъ образомъ почти вдвое какъ по числу населенія, такъ и по территоріи. Присоединенная область (нынѣшнія губерніи Кѣлецкая, Люблинская, Радомская и Сѣдлецкая) была органически объединена съ Герцогствомъ въ одно государственное цѣлое. Это былъ уже *пятый* по счету раздѣлъ Польши.

Но уже на европейскомъ горизонтѣ загоралась новая война между Франціей и Россіей. Эта война, получившая въ русской исторіи названіе Отечественной, въ воззваніи Наполеона къ войскамъ называется *второй польской войной*. По мнѣнію поляковъ, она должна была завершить объединеніе Польши, т. е. возстановленіе ея почти въ историческихъ границахъ. И развѣ декларація Наполеона, гдѣ онъ говоритъ—„для Польши пріуготовлена независимость и свобода" — не подтверждала этого мнѣнія? Символически это возстановленіе произошло 28 іюня 1812 г. на чрезвычайномъ сеймѣ, созванномъ по внушенію Наполеона; здѣсь согласно старому обычаю Рѣчи Посполитой провозглашенъ былъ актъ „конфедераціи генеральной", во 2-ой статьѣ котораго сказано: „Королевство Польское возстановлено, и польскій народъ вновь объединенъ въ одно цѣлое". Въ то же время Наполеонъ, занявши со своими войсками Вильно, немедленно поспѣшилъ образовать временное правительство Княжества Литовскаго изъ семи именитыхъ гражданъ, среди которыхъ первое мѣсто занялъ кн. Сапѣга. Это правительство вмѣстѣ съ гражданами Княжества Литовскаго тоже офиціально объявили о своемъ присоединеніи къ „генеральной конфедераціи".

Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, что польская шляхта литовскихъ губерній по отношенію къ Наполеону далеко не была одушевлена тѣмъ энтузіазмомъ, которымъ отличалось Герцогство Варшавское. Но если таковой и существовалъ, то онъ значительно охладѣлъ послѣ того, какъ Наполеонъ провозгласилъ свое: „L'esclavage est aboli", т. е. формальное освобожденіе крестьянъ. Для возстановленія довѣрія шляхты, Наполеону затѣмъ приходилось съ помощью оружія подавлять волненія крестьянъ, которые вздумали кое-гдѣ принять въ серьезъ провозглашеніе акта объ ихъ освобожденіи. Но „литовскіе помѣщики не могли простить ему даже такого освобожденія крестьянъ, столь противнаго ихъ интересамъ; крестьяне же, обманутые въ своихъ надеждахъ, подвергаясь притѣсненіямъ и грабежу со стороны проходящихъ войскъ, стали относиться къ французамъ даже враждебно.

Ходъ и исходъ войны 1812 г. общеизвѣстенъ. Катастрофа при переправѣ черезъ Березину означала вмѣстѣ съ тѣмъ гибель Герцогства Варшавскаго, какъ политической государственной единицы. Планы На-

полеона и „генеральной конфедераціи" рушились, и если возсоединеніе „разорванныхъ съ помощью самаго несправедливаго насилія частей отчизны" и произошло, то оно совершилось въ совершенно другомъ видѣ.

8 февраля 1813 г. столица Герцогства была занята русскими войсками, а въ мартѣ 1813 г. Александръ I образовалъ для Герцогства „верховный временный совѣтъ" подъ предсѣдательствомъ сенатора Ланского. Правительство и армія Герцогства Варшавскаго удалились въ Краковъ. Іосифъ Понятовскій, вождь польской арміи, остался вѣренъ Наполеону въ то время, какъ польскіе политики считали его дѣло проиграннымъ и возлагали свои надежды на грядущаго вершителя судебъ Европы—на Александра I.

Кратковременное, всего шестилѣтнее существованіе Герцогства Варшавскаго имѣло громадное значеніе для дальнѣйшаго развитія Польши. Оно обусловило собою не только территоріальныя границы Царства Польскаго, не только основныя черты его конституціи, оно наложило также свою печать на правовыя, экономическія и вообще культурныя отношенія въ Царствѣ Польскомъ.

Герцогство Варшавское своимъ Кодексомъ Наполеона, своей конституціей, своей бюрократіей и административной централизаціей осуществляло на польской почвѣ новыя начала буржуазнаго строя. Безпрерывныя войны, состояніе политической неустойчивости края мѣшали лишь развиваться этимъ началамъ. Въ современной публицистикѣ обнаруживается стремленіе при помощи административныхъ мѣропріятій создать въ краѣ промышленность, поднять города, торговлю, создать крѣпкое мѣщанство. Возникли учрежденія въ родѣ торговыхъ палатъ. Уничтоженіе личной крѣпостной зависимости направляло умы на вопросы объ аграрной реформѣ. Мысль о надѣленіи крестьянъ землею въ полную собственность находила ясный и опредѣленный откликъ въ произведеніяхъ наиболѣе выдающагося публициста того времени, Суровѣцкаго.

Герцогство Варшавское положило начало польской арміи, болѣе многочисленной и несравненно болѣе сильной, чѣмъ армія Рѣчи Посполитой. Въ ея среду проникли воззрѣнія и чувства, свойственныя Наполеоновской арміи, тотъ ésprit de corps, который былъ совершенно чуждъ шляхтичу-рыцарю прежнихъ временъ: духъ военнаго профессіонализма, военной обособленности, армейскихъ интересовъ получилъ распространеніе вслѣдъ за Франціей также и въ Польшѣ. Этотъ духъ продолжалъ развиваться и въ эпоху Царства Польскаго.

III.

Конституціонное Царство Польское (1815—1830).

Возникновеніе Царства Польскаго.

Къ моменту занятія русскими войсками столицы Герцогства Варшавскаго „заборъ" россійскій составляли нынѣшнія сѣверо- и юго-западныя губерніи, отошедшія къ Россіи въ силу трехъ раздѣловъ Рѣчи Поспо-

24

Князь Адамъ Чарторыйскій.

Съ портрета, писаннаго Ю. Олешкевичемъ.
(Румянцевскій музей въ Москвѣ).

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

литой. Въ этихъ губерніяхъ польскій элементъ составляла по преимуществу шляхта, достигавшая здѣсь громадной цифры — свыше $^1/_2$ милліона человѣкъ, т. е. $10^0/_0$ всего населенія. Среди этой шляхты, конечно, преобладала мелкая, часто безземельная, та шляхта, которая съ такимъ мастерствомъ и съ такой любовью изображена Мицкевичемъ въ его геніальной поэмѣ: „Панъ Тадеушъ".

Политика русскаго правительства по отношенію къ шляхтѣ литовскихъ и украинскихъ губерній отличалась отъ той политики, которой держались въ своихъ „заборахъ" Пруссія и Австрія. Въ то время, какъ въ послѣднихъ проводилась безпощадная бюрократическая германизація во всѣхъ областяхъ — права, администраціи, суда, просвѣщенія и т. д.— въ „западныхъ губерніяхъ" въ этомъ отношеніи все было въ сущности оставлено по старому.

Только послѣдній годъ царствованія Екатерины былъ годомъ жестокихъ репрессій за участіе въ „польскомъ бунтѣ", т. е. въ возстаніи Костюшки. Но уже Павелъ I, немедленно по вступленіи своемъ на престолъ, объявилъ амнистію всѣмъ „подвергшимся заключенію въ крѣпость и ссылкѣ за бывшія въ Польшѣ волненія". Тогда, между прочимъ, выпущенъ былъ изъ Петропавловской крѣпости Костюшко. На ряду съ амнистіей изданы были указы о допущеніи на русскую военную службу всѣхъ возвращающихся на родину поляковъ, о правѣ шляхты избирать своихъ предводителей и т. п. Было сохранено мѣстное право, т. е. Литовскій статутъ, и оставлены судьи по выбору. Первая половина царствованія Александра I была еще благопріятнѣе въ смыслѣ бережнаго отношенія къ привилегіямъ шляхты. Не даромъ Мохнацкій говоритъ, что „тамошній шляхтичъ получалъ отъ русскаго правительства такія свободы, которыя ему не давали особенно часто думать о нераздѣльной, независимой и, въ особенности, о свободной Польшѣ; ибо чего же больше онъ могъ ожидать? Развѣ онъ не былъ въ своей деревнѣ королемъ и притомъ гораздо болѣе неограниченнымъ, чѣмъ король конституціонный"? И въ самомъ дѣлѣ, дворянинъ былъ освобожденъ отъ платежа налоговъ, отъ обязательной военной службы; и то и другое дѣлалъ за него крестьянинъ, его подданный, надъ которымъ онъ, панъ, имѣлъ теперь, подъ царскимъ скипетромъ, еще бо́льшую власть, чѣмъ въ послѣднія времена независимой Рѣчи Посполитой.

Въ числѣ наиболѣе близкихъ къ императору Александру лицъ находился князь Адамъ Чарторыйскій, сынъ самаго крупнаго польскаго магната, „генерала подольскихъ земель", дѣятельнаго члена четырехлѣтняго сейма, присланный въ Петербургъ еще по требованію Екатерины II послѣ подавленія возстанія Костюшки. Молодой Чарторыйскій занималъ первое мѣсто въ томъ либеральномъ товарищескомъ кружкѣ, который создался около Александра. Когда были учреждены министерства, кн. Адамъ Чарторыйскій получилъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ и кромѣ того — попечителя Виленскаго университета. Виленскій университетъ игралъ при немъ не только роль высшей школы, но также—выс-

шаго учрежденія, завѣдующаго дѣломъ просвѣщенія въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Волынской, Подольской, Кіевской, а съ 1807 г. и Бѣлостоцкой. Главнымъ дѣятелемъ, ставившимъ дѣло образованія въ западныхъ губерніяхъ на новыхъ, европейскихъ началахъ, былъ Коллонтай, освобожденный благодаря вмѣшательству либеральнаго русскаго императора изъ австрійской крѣпости, гдѣ онъ томился нѣсколько лѣтъ. Въ то время какъ просвѣщеніе въ польскихъ провинціяхъ Пруссіи и Австріи находилось въ самомъ плачевномъ состояніи, а высшія школы Варшавы, Кракова и Познани являлись очагами германизаціи—Литва и Украйна могли похвалиться такими двумя разсадниками польскаго просвѣщенія, какъ Вильно и Кржемѣнецъ. Всѣ каѳедры Виленскаго университета и Кржемѣнецкаго лицея были заняты поляками. Изъ Виленскаго университета вышло впослѣдствіи цѣлое поколѣніе наиболѣе яркихъ польскихъ поэтовъ, изъ него также вышло много польскихъ писателей и ученыхъ.

Когда надежды, связанныя съ польскими легіонами, которые Домбровскій и другіе польскіе генералы организовали во Франціи, рушились; когда приходилось оставить мысль о возстановленіи Польши вооруженнымъ путемъ при содѣйствіи Франціи—политика Александра I, казалось, вселяла надежду, что именно онъ явится воскресителемъ Польши. Его министръ иностранныхъ дѣлъ лелѣялъ идею соединенія частей Рѣчи Посполитой подъ скипетромъ русскаго царя. Съ другой стороны, въ предстоявшей борьбѣ съ Наполеономъ необходимо было Россіи обезпечить себя со стороны поляковъ, необходима была ихъ дружба, болѣе того, ихъ помощь. Этими соображеніями *внѣшней* политики, а не только либерализмомъ, объясняется либеральная *внутренняя* политика Александра по отношенію къ польской шляхтѣ Литвы. Въ 1805 г., когда Александръ I гостилъ въ Пулавахъ *), въ резиденціи князей Чарторыйскихъ, нѣсколько сотъ польскихъ землевладѣльцевъ изъ Галиціи и польскихъ провинцій Пруссіи обратились къ нему съ просьбой „объединить ихъ съ братьями, находящимися подъ его скипетромъ“, и принять титулъ короля польскаго. Это было наканунѣ битвы при Аустерлицѣ, неудачный исходъ которой для коалиціи разрушилъ планы Чарторыйскаго и Александра.

Подобныя же попытки повторились въ 1807 г. передъ заключеніемъ Тильзитскаго мира, когда поляки, воодушевляемые пламенными прокламаціями Домбровскаго и Выбицкаго, возлагали свои надежды исключительно на Францію и ея императора. Въ то время Александръ пригласилъ въ свою главную квартиру въ Кенигсбергѣ бывшаго польскаго легіонера, генерала Князевича, жившаго въ Волынской губерніи, объявивъ ему, „что онъ рѣшилъ организовать польскую армію и поручить главное командованіе надъ нею ему“. Французы тогда уже были въ Варшавѣ, и Наполеонъ собирался создать независимое, хотя и миніатюрное, польское государство. Польскіе легіоны подъ начальствомъ Князевича дол-

*) Нынѣшняя Новая Александрія въ Люблинской губерніи.

жны были быть противопоставлены польскимъ легіонамъ подъ начальствомъ Домбровскаго. Тильзитскій миръ не далъ осуществиться этимъ намѣреніямъ.

Въ 1811 году, когда близилась война съ Наполеономъ, необходимость привлеченія на свою сторону или, по крайней мѣрѣ, нейтрализированія главнаго театра этой войны, Литвы,—заставила Александра дѣйствовать болѣе рѣшительно. Литовская крупная шляхта тоже пыталась использовать этотъ моментъ, чтобы добиться нѣкоторой политической автономіи для Литвы. Выразителемъ стремленій этой части шляхты „западныхъ губерній“ являлся одинъ изъ магнатовъ литовскихъ, Михаилъ Огинскій, который въ нѣсколькихъ запискахъ, представленныхъ Александру, призывалъ послѣдняго поспѣшить со слѣдующими „преобразованіями“: изъ восьми губерній (Гродненской, Виленской, Минской, Витебской, Могилевской, Кіевской, Подольской и Волынской) образуется Великое Княжество Литовское; туда назначается намѣстникъ императора; Литовскій статутъ продолжаетъ быть гражданскимъ кодексомъ Княжества, а польскій языкъ становится языкомъ офиціальнымъ; государственныя должности могутъ быть замѣщаемы только гражданами и собственниками Великаго Княжества.

Спустя нѣкоторое время послѣ этого, Огинскій предлагалъ Александру провозгласить себя королемъ польскимъ, т. е. создать Польское королевство изъ указанныхъ 8-ми губерній. „Въ этомъ случаѣ,—писалъ Огинскій,—Наполеонъ имѣлъ бы противъ себя восемь милліоновъ жителей, на которыхъ онъ вполнѣ разсчитывалъ“, а населеніе Герцогства Варшавскаго съ энтузіазмомъ привѣтствовало бы новаго польскаго короля. Александръ съ удовольствіемъ склонялся къ этимъ планамъ и поручилъ депутаціи изъ представителей литовской и украинской шляхты выработать проектъ организаціи Польскаго королевства изъ упомянутыхъ восьми губерній *).

Этими обстоятельствами, а также актомъ Наполеона объ освобожденіи крестьянъ объясняется, почему литовская шляхта не приняла вообще дѣятельнаго участія въ кампаніи 1812 года, почему она не раздѣляла энтузіазма Герцогства Варшавскаго по отношенію къ Наполеону. Въ Литвѣ и Украйнѣ больше, нежели въ другихъ частяхъ бывшей Рѣчи Посполитой, тонъ задавали паны, владѣвшіе тамъ громадными имѣніями и видѣвшіе въ соединеніи съ Россіей гораздо больше выгодъ, чѣмъ въ союзѣ съ Франціей.

Два года прошло съ момента занятія русскими войсками Герцогства Варшавскаго, прежде чѣмъ рѣшилась его судьба, а вмѣстѣ съ тѣмъ и судьба всей Польши. Послѣднее слово принадлежало Вѣнскому конгрессу, перекроившему и перераспредѣлившему Европу на новый, т. е. собственно на старый, дореволюціонный ладъ, вернувшему престолы „законнымъ“ государямъ. Вопросъ о Польшѣ былъ однимъ изъ наиболѣе центральныхъ вопросовъ на этомъ конгрессѣ. Мы не можемъ

*) Въ составъ этой комиссіи вошли самые крупные паны: Любецкій, Вавржецкій, Гечевичъ, Шадурскій, Плятеръ, Любомирскій, Чацкій, Ржевускій.

здѣсь вдаваться во всю игру и борьбу европейскихъ дипломатовъ по этому вопросу. Ясно лишь, что въ данномъ случаѣ русская дипломатія имѣла передъ другими то преимущество, что за нею стояла весьма реальная сила, именно: фактическое господство России надъ большей частью Польши. Кромѣ того руководящіе въ Герцогствѣ Варшавскомъ и Литвѣ элементы, т. е. польская аристократія, сумѣли вызвать, какъ раньше для Наполеона, такъ теперь для Александра I своего рода культъ. Теперь воскресителемъ Польши уже являлся Александръ. Польскіе публицисты усердно занимались распространеніемъ взгляда, что именно только въ союзѣ съ Россіей возможно возрожденіе Польши. Остатки польскаго войска, собравшагося изъ разныхъ мѣстъ Европы, отданы были подъ верховное начальство брату Александра, великому князю Константину Павловичу. Амнистія, объявленная всѣмъ литовскимъ жителямъ, участвовавшимъ въ войнѣ противъ Россіи, т. е. присоединившимся къ непріятельскимъ войскамъ, затѣмъ нѣкоторыя податныя льготы для Герцогства Варшавскаго, обмѣнъ письмами между Костюшкой и Александромъ I — все это создавало весьма сочувственную и полную довѣрія атмосферу по отношенію къ русскому императору.

Въ результатѣ дипломатическихъ переговоровъ и договоровъ на Вѣнскомъ конгрессѣ явилось конституціонное Царство Польское (Royaume de Pologne), составившееся изъ $^3/_4$ Герцогства Варшавскаго. Австрія сохранила Галицію и получила обратно соляныя копи Велички, половина которыхъ въ 1809 г. отошли было къ Герцогству Варшавскому. Пруссія получила Данцигъ, Торнъ и такъ называемое Великое Княжество Познанское. Такимъ образомъ Вѣнскій конгрессъ совершилъ *шестой* раздѣлъ Польши.

Присоединеніе части Герцогства Варшавскаго къ Россіи и образованіе изъ нея „Царства Польскаго“ съ особой конституціей не могло удовлетворить тѣхъ польскихъ дѣятелей, которые ожидали, что изъ Вѣнскаго конгресса выйдетъ Польша независимая, въ ея историческихъ границахъ или, по крайней мѣрѣ, что Литва и Герцогство Варшавское будутъ соединены въ Королевство Польское. Этому разочарованію по поводу исхода Вѣнскаго конгресса даетъ, между прочимъ, выраженіе Костюшко въ своемъ письмѣ кн. Чарторыйскому, въ которомъ онъ говоритъ объ этой маленькой частичкѣ территоріи, эмфатически украшенной именемъ „Королевства Польскаго“. Но и такой исходъ—т. е. отдѣльное существованіе части Герцогства Варшавскаго, соединеннаго съ Россійской имперіей посредствомъ конституціи — объясняется не желаніемъ Александра I „осуществить свою любимую мысль“, а соперничествомъ державъ, боявшихся чрезмѣрнаго усиленія Россіи и не желавшихъ „органическаго слиянія“ Герцогства Варшавскаго съ прочими владѣніями россійскаго императора.

2. Конституція и правительство Царства Польскаго.

Конституція Царства Польскаго была въ общемъ и цѣломъ подражаніемъ конституціи Герцогства Варшавскаго, причемъ, однако, первая отличалась большимъ либерализмомъ, нежели вторая. Обѣ конституціи гарантировали равенство всѣхъ передъ закономъ, независимость суда, употребленіе польскаго языка какъ офиціальнаго, замѣщеніе государственныхъ должностей только поляками. Личная неприкосновенность обезпечивалась цѣлымъ рядомъ статей, вытекавшихъ изъ основного принципа, формулированнаго въ ст. 18-ой конституціи—Neminem captivari permittimus nisi jure victum. Народное представительство въ обѣихъ конституціяхъ было организовано на одинаковыхъ началахъ, только сейму Царства Польскаго по буквѣ конституціи было предоставлено больше правъ; во-первыхъ, право не только вотировать, но также обсуждать законопроекты, затѣмъ право, хотя и не полное, законодательной инициативы, состоящее въ томъ, что проекты, составленные депутатами, передавались черезъ государственный совѣтъ на благоусмотрѣніе монарха, который могъ разрѣшить или не разрѣшить вносить ихъ для разсмотрѣнія въ сеймъ. Въ отличіе отъ сейма Герцогства сеймъ Царства созывался каждые 2 года на мѣсяцъ, а не на 2 недѣли.

Исполнительная власть принадлежала административному совѣту, состоявшему изъ пяти министровъ и другихъ лицъ, спеціально назначенныхъ королемъ. Предсѣдателемъ административнаго совѣта былъ королевскій намѣстникъ.

Наряду съ сеймомъ конституція Царства Польскаго создавала въ каждомъ изъ 8-ми воеводствъ [1]) воеводскій совѣтъ, члены котораго избирались на уѣздныхъ сеймикахъ и коммунальныхъ собраніяхъ. Воеводскій совѣтъ выбиралъ судей первыхъ двухъ инстанцій, составлялъ списки кандидатовъ на государственныя должности и дѣлалъ представленія о мѣстныхъ нуждахъ.

Конституціонная хартія Царства Польскаго была по тому времени весьма либеральная, либеральнѣе Наполеоновской конституціи, притомъ она болѣе бережно, чѣмъ послѣдняя, отнеслась къ польскимъ національнымъ наименованіямъ. Но 15-лѣтнее существованіе Царства Польскаго есть сплошное нарушеніе его конституціонной хартіи:

„Маленькая монархія, ограниченная конституціей, привѣшенная къ сосѣднему колоссу, не могла быть ни чѣмъ инымъ, какъ хрупкимъ глинянымъ сосудомъ, положеннымъ рядомъ съ желѣзнымъ кувшиномъ [2])“.

Намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ вопреки ожиданіямъ общества, связывавшаго этотъ постъ съ именемъ Чарторыйскаго, назначенъ былъ генералъ Заіончекъ; нѣкогда участникъ возстанія Костюшки, потомъ легіонеръ и энтузіастическій наполеонистъ, Заіончекъ сталъ совершенно безцвѣтнымъ и безхарактер-

[1]) Воеводство соотвѣтствуетъ губерніи.
[2]) Мохнацкій—стр. 108.

нымъ орудіемъ въ рукахъ истиннаго властелина Царства Польскаго, великаго князя Константина Павловича. Братъ императора, формально лишь главнокомандующій польской національной арміи, фактически былъ неограниченнымъ правителемъ въ Царствѣ, мало считавшимся съ конституціей. Помощникомъ его въ дѣлѣ нарушенія и ограниченія конституціи, въ дѣлѣ уничтоженія ея либеральныхъ началъ и насажденія абсолютизма былъ сенаторъ Новосильцевъ, королевскій комиссаръ при административномъ совѣтѣ. Правительству въ Царствѣ Польскомъ такимъ образомъ съ самаго начала присущи были двѣ черты: иллюзорный конституціонализмъ и фактическій абсолютизмъ.

Вначалѣ, впрочемъ, это противорѣчіе между абсолютизмомъ Александра въ Россіи и его конституціонализмомъ въ Царствѣ не чувствовалось рѣзко. Наоборотъ, официальныя заявленія императора, казалось, позволяли надѣяться на то, что это противорѣчіе будетъ устранено путемъ насажденія конституціонныхъ началъ въ самой Россіи.

При открытіи перваго сейма Царства Польскаго въ мартѣ 1818 года императоръ Александръ сказалъ:

„Организація, существовавшая въ вашемъ краѣ, дозволила мнѣ установить немедленно тотъ порядокъ, который я вамъ даровалъ, и осуществить на практикѣ принципы либеральныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій; спасительное дѣйствіе ихъ я надѣюсь при помощи Божіей распространить на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ вы мнѣ указали средства предоставить *моему отечеству* то, что я уже давно готовлю для него и что оно получитъ, какъ только начала столь важнаго дѣла достигнутъ необходимаго развитія“.

„Докажите вашимъ современникамъ, что либеральныя учрежденія, коихъ священныя начала вздумали смѣшивать съ разрушительными ученіями, угрожавшими въ наши дни соціальной системѣ ужасающей катастрофой—не суть опасныя мечты; но, напротивъ, будучи осуществлены съ доброй вѣрой и направлены съ чистыми намѣреніями къ охранительной и полезной для человѣчества цѣли, онѣ совершенно согласуются съ порядкомъ и создаютъ при общей гармоніи истинное благосостояніе народовъ“.

Эта рѣчь, произведшая, по свидѣтельствамъ современниковъ, столь сильное впечатлѣніе въ Россіи, была восторженно привѣтствована и комментирована поляками. Но, несмотря на чувства глубокаго довѣрія и преданности, неоднократно выражавшіяся сенаторами и послами во время сеймовыхъ преній, уже на этомъ первомъ сеймѣ обнаружилось, что между буквой конституціи и правительственной практикой существуетъ значительный разладъ.

Главнѣйшая функція сейма состояла въ разсмотрѣніи общаго доклада правительства о положеніи края и представленіи своихъ замѣчаній по поводу этого доклада. Въ своихъ замѣчаніяхъ сеймъ 1818 г. указалъ на цѣлый рядъ правительственныхъ постановленій, противныхъ конституціи, какъ, напр., установленіе безъ участія сейма монополіи табачной и

соляной, самовольное обложеніе шинкарей и т. д. Сеймъ требуетъ дополненія конституціи цѣлымъ рядомъ уставовъ, которые гарантировали бы неприкосновенность личности, свободу печати, право собственности, право замѣщать публичныя должности только поляками.

Уже эти первыя несмѣлыя попытки національнаго представительства использовать свое право критики возбудили неудовольствіе имп. Александра. По его распоряженію министръ статсъ-секретарь по польскимъ дѣламъ, графъ Грабовскій, постоянно находившійся при особѣ конституціоннаго короля, какъ посредникъ между послѣднимъ и Царствомъ Польскимъ—сообщилъ особымъ рескриптомъ сейму, что конституція не уполномачиваетъ сеймъ критиковать дѣйствія правительства и въ чемъ бы то ни было упрекать его; онъ можетъ лишь высказать свое мнѣніе по вопросамъ, переданнымъ правительствомъ на его разсмотрѣніе.

Въ періодъ между первымъ сеймомъ 1818 г. и вторымъ, созваннымъ въ 1820 г., оппозиціонное настроеніе въ обществѣ сильно поднялось. То было время возникновенія тайныхъ обществъ на Западѣ, всякаго рода масонскихъ ложъ и т. п. Революціи въ Испаніи и въ Италіи волновали умы учащейся молодежи. Студенческіе Burschenschaften, перенесенные изъ Германіи въ Варшаву, гдѣ въ 1817 г. основанъ былъ университетъ, по своему занимались конспираціей, въ которой было больше чудачества, чѣмъ серьезныхъ замысловъ. Эти событія вызывали опасенія въ европейскихъ правительствахъ, которымъ уже казалось, что Вѣнскій конгрессъ навсегда *реставрировалъ* Европу.

Эти же событія считаются поворотнымъ моментомъ въ воззрѣніяхъ Александра I, который отъ прекраснодушнаго либерализма сталъ все болѣе склоняться къ абсолютизму и клерикализму, окутанному дымкой христіанской мистики.

Но оппозиціонное настроеніе въ Царствѣ Польскомъ поддерживалось главнымъ образомъ дѣйствіями мѣстной администраціи, вдохновляемой Константиномъ Павловичемъ и Новосильцевымъ. Безъ предварительнаго слѣдствія, въ силу дискреціонной власти, великій князь заключалъ въ тюрьму по политическимъ преступленіямъ; нарушая ст. 16 конституціи, устанавливалъ правительственную цензуру для всѣхъ періодическихъ и неперіодическихъ изданій. Такимъ образомъ вскорѣ послѣ перваго сейма были фактически уничтожены двѣ кардинальныхъ основы конституціи: неприкосновенность личности и свобода печати.

Тяжелую руку Константина прежде всего почувствовало польское войско, находившееся подъ верховнымъ начальствомъ цесаревича.

Эта 30-тысячная національная армія—наиболѣе цѣнный въ глазахъ поляковъ залогъ независимости Царства Польскаго—сдѣлалась не только главнымъ предметомъ заботливости цесаревича, но и главной жертвой его дикаго самодурства. Мохнацкій называетъ его „палачомъ польскихъ солдатъ, которые лишались чести, свободы и жизни за пуговицу, пришитую не на своемъ мѣстѣ, за неудачную маршировку, за ранецъ, плохо прикрѣпленный, за ржавчину

на штыкѣ". Несмотря на обѣщаніе соблюсти прежній, французскій военный уставъ, Константинъ завелъ палочные удары, причемъ этотъ варварскій видъ тѣлеснаго наказанія практиковался столь часто, что военные госпитали были переполнены жертвами его жестокости. Не избавлены были отъ оскорбленій и высшіе чины арміи—генералы и офицеры, среди которыхъ нерѣдки были случаи самоубійства. Кто могъ, покидалъ военную службу, не будучи въ состояніи переносить своенравнаго характера великаго князя.

Неудивительно поэтому, что въ офицерской средѣ подобно тому, какъ это было въ Россіи, раньше всего стали организовываться тайныя общества. Уже въ 1819 г. возникло общество подъ названіемъ „Національное или военное франкъ-масонство". Въ національныхъ масонскихъ ложахъ, въ противоположность обычному, вполнѣ терпимому властями масонству, принципъ общечеловѣческаго братства замѣнялся принципомъ національнаго (польскаго) братства, а принятые обряды символизировали отчизну.

Несмотря на свой невинный и вполнѣ безвредный характеръ, національное масонство возбудило подозрительность варшавской полиціи, и Александръ I повелѣлъ закрыть всѣ масонскія ложи. Съ тѣхъ поръ тайныя общества, бывшія лишь по имени „тайными", такъ какъ правительство не запрещало масонскихъ ложъ, пріобрѣли дѣйствительно конспиративный характеръ. Въ 1821 г. былъ выработанъ планъ болѣе строгой организаціи, охватывавшей не только армію, но и шесть провинцій Польши, а именно: Царство Польское, Княжество Познанское, Галицію, Литву, Волынь и республику Краковскую. Новая организація, во главѣ которой былъ поставленъ центральный комитетъ, получила названіе „Національнаго Патріотическаго Общества".

Въ маѣ 1822 года главные организаторы Патріотическаго Общества, майоръ Лукасинскій, судья Махницкій, подполковникъ Доброгойскій, адвокатъ Шредеръ и др. были по приказу цесаревича Константина арестованы. Въ то же время полиція открыла въ Варшавѣ и арестовала одну изъ общинъ Патріотическаго Общества, въ числѣ членовъ которой былъ, между прочимъ, будущій историкъ возстанія 30-го года Мохнацкій. Послѣ двухъ лѣтъ предварительнаго заключенія Лукасинскій, Доброгойскій, Добржицкій, Кошуцкій, Махницкій и Шредеръ преданы были военному суду. Первые трое были приговорены къ каторжнымъ работамъ. Но, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, аресты главныхъ дѣятелей не помѣшали новому возрожденію и развитію Патріотическаго Общества.

Рядомъ съ этой тайной, нелегальной оппозиціей росла и легальная, сеймовая оппозиція. Во главѣ ея стояли два брата Нѣмоевскіе, депутаты на сеймъ отъ Калишскаго воеводства, проникнутые принципами французскаго конституціонализма и требовавшіе строгаго выполненія конституціонныхъ гарантій. „Конституція—это собственность народа," говорилъ на сеймѣ 1820 г. Викентій Нѣмоевскій, „король не имѣетъ права ни отнимать ее, ни измѣнять. Мы

уже лишились свободы печати, нѣтъ у насъ неприкосновенности личности; право собственности нарушается; наконецъ теперь хотятъ отнять у насъ отвѣтственность министровъ. Что же останется отъ всей конституціи? Stat magni nominis umbra... Лучше отказаться отъ этихъ обманчивыхъ гарантій: пусть не вовлекаютъ въ сѣти патріотовъ, которые довѣрились имъ въ чистотѣ сердечной!"

Для характеристики оппозиціоннаго настроенія сейма 1820 г. достаточно упомянуть, что два правительственныхъ законопроекта, которые имп. Александръ рекомендовалъ въ своей тронной рѣчи вниманію депутатовъ, были отвергнуты значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Этотъ оппозиціонный языкъ, отклоненіе правительственныхъ законопроектовъ, предложеніе В. Нѣмоевскаго привлечь къ отвѣтственности министра просвѣщенія за контрассигнированіе административныхъ распоряженій, устанавливавшихъ цензуру—все это вызвало сильное неудовольствіе имп. Александра, которое онъ вполнѣ опредѣленно высказалъ въ своей рѣчи при закрытіи сейма. „Спросите совѣсть вашу,—обратился онъ къ сейму,—и вы узнаете, оказали ли вы въ теченіе вашихъ дебатовъ Польшѣ всѣ тѣ услуги, какихъ она ждала отъ вашей мудрости, или, напротивъ того, увлекшись обольщеніями, столь распространенными въ наше время, и принесши въ жертву надежду, которую оправдала бы предусмотрительная довѣрчивость—вы не задержали дѣла возстановленія вашего отечества. Эта тяжелая отвѣтственность ляжетъ на васъ". Въ осторожныхъ и загадочныхъ словахъ императора сеймъ уже разслышалъ угрозу конституціи.

Сеймъ 1820 г. служитъ гранью въ исторіи конституціоннаго Царства Польскаго. Вмѣсто дальнѣйшаго укрѣпленія конституціонныхъ началъ, послѣднія все болѣе шли на убыль. Въ теченіе ближайшихъ пяти лѣтъ Александръ I вовсе не созывалъ сейма, такъ что правительство дѣйствовало совершенно независимо и абсолютно, руководствуясь только указаніями короля и волей цесаревича.

Наряду съ преслѣдованіемъ тайныхъ обществъ, репрессіями по отношенію къ членамъ легальной сеймовой оппозиціи, усиленіемъ шпіонства и т. п., въ ближайшіе годы рѣзко опредѣлился реакціонный характеръ правительства и въ области просвѣщенія. Принципы Священнаго союза, идеи „реставраціи" были перенесены также на польскую почву. Абсолютизмъ и правительственный произволъ и здѣсь, какъ и въ другихъ европейскихъ странахъ, пошли рука объ руку съ покровительствомъ аристократіи, съ усиленіемъ власти и значенія духовенства, съ преслѣдованіемъ свободной мысли. Католицизмъ, абсолютизмъ и аристократизмъ—эта „реставраціонная" троица — сдѣлались программой дѣйствія польскаго правительства.

Во главѣ похода противъ несуществующаго „якобинизма и матеріализма" шелъ императорскій комиссаръ, сенаторъ Новосильцевъ, который въ совѣтѣ министровъ имѣлъ почти рѣшающій голосъ, такъ какъ онъ пользовался полнымъ довѣріемъ императора и его брата. Новосильцевъ вмѣстѣ съ министромъ народнаго просвѣщенія Грабовскимъ и цен-

зоромъ Шанявскимъ пытались придать всему просвѣщенію, особенно университетскому, характеръ реакціонный и клерикальный. Съ этой цѣлью для наблюденія за образомъ мыслей учащейся молодежи и преподавателей установлено было особое полицейское учрежденіе, „училищная кураторія“. Цензорское рвеніе Шанявскаго, извѣстнаго польскаго ученаго и писателя, не знало границъ.

Католическое духовенство стало пользоваться особеннымъ покровительствомъ власти. Положеніе высшаго клира въ Польшѣ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи (въ смыслѣ вліянія на государственныя дѣла) было лучше, чѣмъ въ любой странѣ. Подъ вліяніемъ католическаго духовенства правительство вносило въ сеймъ проекты измѣненія „безбожнаго“ Кодекса Наполеона и возстановленія прежняго значенія духовенства въ дѣлахъ брака и развода. Но несмотря на то, что польскій сеймъ отнюдь не состоялъ изъ противниковъ католицизма, эти проекты отвергались сеймомъ: тутъ проявилась роль, которую сыграло 6-лѣтнее существованіе Герцогства Варшавскаго.

Оппозиціонное настроеніе помѣщичьяго класса и его представителей въ сеймѣ объясняется, однако, не только клерикальнымъ и антиконституціоннымъ характеромъ правительства Царства Польскаго, но главнымъ образомъ его экономической и финансовой политикой, руководителемъ которой съ 1821 г. сдѣлался кн. Друцкой-Любецкій. Экономическая политика въ Царствѣ Польскомъ характеризуется покровительствомъ промышленности, финансовая—крайнимъ фискализмомъ. Еще сеймъ 1820 г. упрекалъ правительство въ томъ, что оно совершенно безъ нужды тратитъ большія средства на искусственное насажденіе фабричной промышленности. Благодаря правительственному кредиту и всевозможнымъ льготамъ для переселявшихся въ Царство Польское иностранныхъ ремесленниковъ и фабрикантовъ, въ теченіе короткаго промежутка времени возникло множество фабрикъ сукна, ковровъ и другихъ шерстяныхъ тканей; быстро выросли цѣлые промышленные посады, какъ Лодзь, Згержъ, Константиновъ, Озорковъ, Томашовъ и т. д.

Такое сравнительно быстрое возникновеніе фабричной промышленности было возможно благодаря установленію запретительной таможенной системы, сильно понизившей торговый обмѣнъ съ Австріей и Пруссіей. Запретительная система, весьма выгодная для возникавшей фабричной промышленности, продукты которой находили сбытъ не только въ Польшѣ, но также въ Россіи и даже въ Китаѣ, была весьма не выгодна для помѣщиковъ. Повторилось то же самое, что во времена Герцогства Варшавскаго: цѣны на продукты сельскаго хозяйства упали, потому что вывозъ былъ сильно затрудненъ.

Это положеніе вызывало неудовольствіе со стороны помѣщиковъ и усиливало ихъ оппозицію по отношенію къ правительству. Вызывало неудовольствіе и финансовое, скорѣе фискальное хозяйство министра финансовъ кн. Друцкого - Любецкаго. Основное конституціонное право, бюджетное, совершенно игнорировалось польскими министрами. Бюд-

жетъ вопреки конституціи не представлялся сейму, и всѣ самыя серьезныя финансовыя мѣры предпринимались безъ утвержденія со стороны сейма. Почти $^2/_3$ государственнаго бюджета поглощали расходы на войско, которое существовало для парадовъ цесаревича Константина и для нуждъ Россіи на случай войны ея съ какимъ-нибудь другимъ государствомъ. Друцкой-Любецкій, энергичный и талантливый администраторъ, заботился лишь о томъ, чтобы всѣми мѣрами умножить доходы казны, и ради достиженія этой цѣли пускалъ въ ходъ весь административно-фискальный аппаратъ: вводилъ новыя пошлины, поднималъ акцизъ, заводилъ монополіи, авансомъ взыскивалъ подати, выколачивалъ давнишнія, покрытыя плѣсенью забвенія недоимки.

Чтобы привлечь на свою сторону помѣщиковъ-дворянъ, правительство внесло на сеймъ 1825 г. два законопроекта: объ устройствѣ общества земельнаго кредита и объ отмѣнѣ права крестьянъ выкупать уплачиваемый ими оброкъ. Первымъ изъ указанныхъ законопроектовъ имѣлось въ виду поднять положеніе землевладѣльцевъ путемъ предоставленія имъ долгосрочнаго кредита. Новое кредитное учрежденіе имѣло въ виду предоставлять кредитъ только болѣе крупнымъ землевладѣльцамъ, представители которыхъ и составляли большинство въ сеймѣ. Поэтому новый проектъ встрѣтилъ сочувствіе въ рядахъ послѣдняго и былъ единодушно принятъ. Также единодушно былъ принятъ другой законопроектъ, направленный противъ интересовъ крестьянъ. Имъ отмѣнялась 530 ст. гражданскаго Кодекса Наполеона, которая признавала, что всякій чиншъ (оброкъ) можетъ подлежать выкупу, т. е. платящій оброкъ можетъ превратиться въ собственника.

Сеймъ, представляющій интересы крѣпостниковъ - землевладѣльцевъ, давъ свое согласіе на отмѣну этой статьи, только подчеркивалъ, что онъ противъ превращенія крестьянъ когда бы то ни было въ полныхъ собственниковъ, что онъ стоитъ за удержаніе ихъ навсегда въ состояніи зависимости.

Сеймъ 1825 года, которымъ приняты были всѣ правительственные проекты, въ противоположность предшествующему, оппозиціонному, отличался духомъ подчиненія и примиренія. Это объясняется не только характеромъ внесенныхъ правительствомъ проектовъ, но и тѣми репрессіями, которыя предшествовали созыву сейма. Незадолго до созыва его императоръ снабдилъ конституціонную хартію Царства Польскаго *дополнительной статьей*, устранявшей публичность засѣданій сейма. „Видя,— говорится въ мотивахъ королевскаго декрета,—что публичность преній въ обѣихъ палатахъ даетъ лишь случай оратору пріобрѣсти преходящую популярность, а не посвящать свои заботы общему благу, что поэтому пренія выродились въ пустыя декламаціи, способныя только нарушить столь желательное единство и лишить ихъ того спокойствія и достоинства, которыя должны господствовать при всякомъ серьезномъ обсужденіи... мы постановили“ и т. д..

Передъ этимъ вожди оппозиціи, братья Нѣмоевскіе, были самымъ незаконнымъ образомъ отстранены отъ

сейма. Еще въ 1823 г. былъ совершенно кассированъ совѣтъ Калишскаго воеводства, депутатами отъ котораго были, между прочимъ, и братья Нѣмоевскіе. Въ 1824 г., какъ намъ извѣстно, вынесенъ былъ приговоръ военнаго суда надъ членами Патріотическаго Общества. За годъ до этого въ Вильнѣ открыто было полиціей тайное студенческое общество „филаретовъ", и слѣдствіе по этому дѣлу велъ лично сенаторъ Новосильцевъ, переѣхавшій съ этой цѣлью въ Вильно и назначенный въ награду за свое полицейское усердіе на постъ попечителя Виленскаго университета вмѣсто кн. Адама Чарторыйскаго. Среди арестованныхъ „филаретовъ" находился поэтъ Мицкевичъ. По указу императора Александра отъ 14 сентября 1824 г. отправлены были отчасти въ губерніи Европейской Россіи, отчасти въ Сибирь *двадцать* человѣкъ учащейся молодежи за то,—говорится въ указѣ,—„что они стремились къ распространенію въ западныхъ губерніяхъ *безразсудной польской народности*". Кромѣ того были уволены четыре профессора Виленскаго университета, между ними пользовавшійся необыкновенной любовью молодежи, знаменитый историкъ польскій, Іоахимъ Лелевель.

Всѣ эти и имъ подобные факты, воочію доказывая, что конституціонная хартія отнюдь не въ состояніи ограничить абсолютизма россійскаго императора по отношенію къ Царству Польскому, не позволяли проявляться легальной, сеймовой оппозиціи. Она молчала, думая, что покорностью снова удастся пріобрѣсти расположеніе Александра.

Но нелегальная оппозиція, въ видѣ тайнаго Патріотическаго Общества продолжала дѣйствовать и послѣ ареста Лукасинскаго и его товарищей. Во главѣ его стали подполковникъ Кржыжановскій, занимавшійся агитаціей среди военныхъ, Плихта, установившій связи съ чиновниками и молодежью, наконецъ, Гржимала, привлекшій въ ряды Общества представителей крупнаго дворянства, между прочимъ, кн. Яблоновскаго и Оссолинскаго. Въ виду усилившейся послѣ ареста Лукасинскаго подозрительности властей новый комитетъ Патріотическаго Общества счелъ нужнымъ не столько заботиться о дальнѣйшемъ расширеніи Общества, сколько о его сохраненіи.

Въ 1824 г. установились нѣкоторыя связи между польскимъ Патріотическимъ Обществомъ и Южнымъ тайнымъ Обществомъ, во главѣ котораго стоялъ Пестель. Первый разъ встрѣча между представителями обоихъ обществъ произошла въ Кіевѣ у гр. Ходкевича: со стороны поляковъ прибылъ Кржыжановскій, отъ имени русскаго общества прибыли для переговоровъ Бестужевъ-Рюминъ и Муравьевъ. Русскіе делегаты представили Кржыжановскому необходимость объединенія общихъ усилій и требовали отъ поляковъ обязательства воспрепятствовать великому князю Константину стать во главѣ литовскаго корпуса въ случаѣ взрыва революціи въ Россіи. Во время этой знаменитой встрѣчи рѣчь зашла также о границахъ и государственномъ строѣ будущей Польши, но Кржыжановскій, формально не уполномоченный къ веденію переговоровъ, ничего опре-

дѣленнаго по этимъ вопросамъ сказать не могъ.

Вторая конференція, также въ Кіевѣ, происходила въ началѣ 1825 г. между Пестелемъ и кн. Яблоновскимъ. Въ то время, какъ Пестеля занималъ главнымъ образомъ вопросъ о формѣ правительства въ будущей независимой Польшѣ, и онъ требовалъ на этотъ счетъ формальной декларации отъ поляковъ, делегатъ послѣднихъ кн. Яблоновскій настаивалъ прежде всего на вопросѣ о границахъ, въ которыхъ должна быть возстановлена Польша. Яблоновскій полагалъ, что конституціонная монархія была бы наиболѣе соотвѣтственной формой для независимой Польши.

Сношенія съ будущими декабристами не привели къ установленію какой-либо крѣпкой связи между ними и польскимъ Патріотическимъ Обществомъ, несмотря на многократныя усилія, которыя первые предпринимали въ этомъ отношеніи. Поэтому, когда въ Петербургѣ на Сенатской площади вспыхнуло возстаніе 14 декабря 1825 г., польскіе патріоты въ Варшавѣ ничѣмъ на него не отвѣтили. Но слѣдствіе надъ декабристами все же открыло ихъ сношенія съ поляками, и вступленіе на престолъ новаго польскаго короля Николая I ознаменовалось массовыми арестами членовъ Патріотическаго Общества. Въ январѣ и февралѣ 1826 года, разсказываетъ Мохнацкій, въ Варшавѣ свирѣпствовалъ самый ужасный терроръ. „Николай I выдавалъ своему брату carte blanche на головы и свободу всѣхъ поляковъ“.

Благодаря предательству Яблоновскаго весь комитетъ Общества въ составѣ семи человѣкъ и масса другихъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ Обществу, были арестованы. И здѣсь тоже, по примѣру Петербурга, назначена была слѣдственная комиссія съ предсѣдателемъ польскаго сената гр. Замойскимъ во главѣ, состоявшая изъ пяти поляковъ и пяти русскихъ; въ числѣ первыхъ находился министръ народнаго просвѣщенія Грабовскій, въ числѣ послѣднихъ—Новосильцевъ.

Этотъ первый крупный политическій процессъ произвелъ громадное впечатлѣніе на польское общество. Не слѣдуетъ забывать, что среди арестованныхъ находилось немало лицъ, принадлежавшихъ къ высшему дворянству, что среди нихъ были родственники сенаторовъ и воеводъ, и это обстоятельство, конечно, усиливало интересъ къ процессу и судьбѣ подсудимыхъ.

Слѣдственная комиссія выдѣлила восемь лицъ, обвиняемыхъ въ учиненіи „государственнаго преступленія“; Николай I вопреки желанію вел. кн. Константина, который хотѣлъ передать все дѣло на разсмотрѣніе военнаго суда, рѣшилъ дѣйствовать на этотъ разъ согласно конституціи Царства Польскаго, предписывавшей учрежденіе въ подобныхъ случаяхъ особаго сеймоваго суда изъ членовъ сената. Послѣ $1^1/_2$-годового тюремнаго заключенія обвиняемые предстали передъ судомъ, состоявшимъ изъ епископовъ, воеводъ и каштеляновъ. Этотъ судъ обнаружилъ свою независимость съ самаго начала тѣмъ, что совершенно отстранилъ весь слѣдственный матеріалъ, собранный упомянутой выше слѣдственной комис-

сіей, назначивъ изъ своей среды особую делегацію для производства новаго слѣдствія.

Константинъ Павловичъ, Новосильцевъ и императоръ Николай ждали самаго суроваго приговора отъ сеймоваго суда. Съ этой цѣлью Николай I предписалъ въ особомъ „органическомъ статутѣ" рядъ правилъ, которыхъ суду слѣдовало держаться при оцѣнкѣ вины подсудимыхъ. Ст. 73 этого статута говоритъ, что судьи „отнюдь не обязаны слѣдовать при оцѣнкѣ показаній предписаніямъ мѣстнаго уголовнаго судопроизводства, а, наоборотъ, обязаны въ собственной своей совѣсти почерпать убѣжденіе въ преступности или невиновности подсудимыхъ". Цѣлью этой статьи было въ сущности развязать руки сенаторамъ, которымъ, очевидно, рекомендовалось руководиться не буквой закона, а желаніемъ императора и его брата, требовавшихъ примѣрнаго наказанія для членовъ Патріотическаго Общества, т. е. смертной казни.

Однако, сеймовый судъ не оправдалъ довѣрія императора. Вмѣсто государственнаго преступленія, судъ усмотрѣлъ въ дѣйствіяхъ подсудимыхъ только вину „недонесенія о преступныхъ замыслахъ тайнаго сообщества россійскаго". Послѣ двухмѣсячнаго судебнаго процесса, сильно электризовавшаго населеніе Варшавы, вызвавшаго цѣлую памфлетную и сатирическую литературу, — сенаторы вынесли 10 іюня 1828 г. приговоръ, присудившій Крыжановскаго къ тремъ годамъ и тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, четырехъ его товарищей — къ тремъ мѣсяцамъ и троихъ совершенно оправдавшій. Этотъ приговоръ въ виду зачета обвиняемымъ предварительнаго заключенія имѣлъ въ сущности характеръ полнаго оправдательнаго вердикта.

Николай I былъ въ это время занятъ Турецкой войной и находился въ крѣпости Измаилѣ. Когда министръ статсъ-секретарь по польскимъ дѣламъ сообщилъ ему о приговорѣ польскаго сената, онъ сказалъ: „Ils ont sauvé les coupables, mais ils ont perdu le pays" [1]. Приговоръ оправдательный былъ настолько неожиданнымъ, что вел. кн. Константинъ приказалъ задержать его опубликованіе, и суду пришлось подчиниться этому приказанію, а оправданнымъ подсудимымъ — продолжать отбывать тюремное заключеніе.

Въ своемъ рапортѣ государю предсѣдатель сеймоваго суда, воевода Бѣлинскій, пытался доказать монарху, что обвиняемые не только не совершили государственнаго преступленія, но что основныя цѣли Патріотическаго Общества—сохраненіе національности и возстановленіе Польши—вполнѣ согласны какъ съ постановленіями Вѣнскаго конгресса, такъ и съ стремленіями и обѣщаніями покойнаго императора.

Этотъ рапортъ, снабженный критическими и ядовитыми комментаріями вел. кн. Константина, вызвалъ со стороны Николая I слѣдуюшее замѣчаніе, сдѣланное имъ въ письмѣ своему брату: „Я заключаю отсюда, что предсѣдатель сеймоваго суда этимъ рапортомъ погрѣшилъ противъ своего долга по отношенію къ монарху

[1]) Они спасли преступниковъ, но погубили край.

и отечеству, и что онъ самъ долженъ быть обвиненъ въ совершеніи государственнаго преступленія".

Для того, чтобы добиться обвиненія сеймоваго суда, „злоупотребившаго" довѣріемъ, оказаннымъ ему монархомъ, послѣдній поручилъ въ рескриптѣ на имя министра статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго запросить совѣтъ министровъ Польши: „Слѣдуетъ ли приговоръ сеймоваго суда приписать ошибочнымъ представленіямъ о существѣ государственнаго преступленія, или стремленію покровительствовать самымъ преступнымъ замысламъ".

Этотъ коварный вопросъ, заданный высшей исполнительной власти Царства Польскаго съ цѣлью добиться осужденія высшаго законодательнаго и судебнаго учрежденія—сената, вызвалъ громадный переполохъ въ совѣтѣ польскихъ министровъ. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ шла по этому поводу упорная и глухая борьба между двумя наиболѣе вліятельными и соперничающими за вліяніе членами этого совѣта, кн. Любецкимъ, съ одной стороны, и Новосильцевымъ, съ другой. Наконецъ, совѣтъ пришелъ къ заключенію, что приговоръ сеймоваго суда слѣдуетъ приписать не злой волѣ сенаторовъ, а недостаткамъ дѣйствующаго въ краѣ уголовнаго судопроизводства.

Но и послѣ этого оглашеніе приговора еще не было допущено, а сенаторы —члены суда, принуждены были оставаться въ столицѣ безвыѣздно до момента утвержденія приговора королемъ. Это утвержденіе было получено только въ мартѣ 1829 г. послѣ того, какъ двое изъ обвиняемыхъ успѣли умереть[1]), а двое другихъ лишили себя жизни[2]) въ тюрьмѣ. Остальные же, кромѣ двухъ выпущенныхъ на волю, были отвезены въ Петербургъ въ Петропавловскую крѣпость. Кромѣ упомянутыхъ нами лицъ, въ процессъ декабристовъ такъ или иначе замѣшано было, благодаря ихъ участію въ Патріотическомъ Обществѣ, довольно много поляковъ изъ литовскихъ и украинскихъ губерній; всѣ они были отправлены въ Сибирь, конечно, уже на общемъ съ русскими декабристами основаніи.

Въ этомъ конфликтѣ между самодержавіемъ русскаго царя и конституціонализмомъ польскаго короля польскіе сенаторы и министры пытались стоять на стражѣ конституціонныхъ гарантій, обнаруживъ достаточно мужества, чтобы не служить слѣпыми, послушными орудіями абсолютной власти.

Этотъ смѣлый и столь неожиданный для Николая I образъ дѣйствій объясняется, какъ мы уже отмѣчали, напоромъ общественнаго мнѣнія, все сочувствіе котораго было на сторонѣ „преступниковъ". Сеймовый судъ надъ Патріотическимъ Обществомъ, говоритъ справедливо Мохнацкій, былъ по своимъ послѣдствіямъ гораздо болѣе революціоннымъ, чѣмъ само Патріотическое Общество; продолжаясь почти два года, этотъ первый небывалый еще въ Польшѣ политическій процессъ все время являлся весьма сильнымъ факторомъ, содѣйствовавшимъ росту оппозиціоннаго и революціоннаго духа во всей странѣ и въ особенности въ Варшавѣ.

---

[1]) Дембекъ и Павликовскій.

[2]) Сабинскій и Тарновскій.

Въ атмосферѣ вызваннаго процессомъ революціоннаго броженія возникло въ концѣ 1828 года тайное общество среди учениковъ варшавской школы подпрапорщиковъ. Организаторомъ этого общества былъ подпоручикъ Высоцкій. Оно себѣ ставило вполнѣ опредѣленную задачу — начать вооруженное возстаніе, опираясь главнымъ образомъ на армію. Въ теченіе 1829 и первой половины 1830 г. къ Союзу подпрапорщиковъ примкнуло нѣсколько офицеровъ, публицистовъ, а также — депутатовъ сейма.

Сеймъ, созванный послѣ 5-лѣтняго промежутка въ маѣ 1830 г., не только не остановилъ дальнѣйшаго развитія Союза подпрапорщиковъ, но, напротивъ, скорѣе былъ толчкомъ къ дальнѣйшему его расширенію. Но самымъ сильнымъ стимуломъ въ этомъ отношеніи явилась Іюльская революція во Франціи. Среди войска, стоявшаго въ то время лагеремъ подъ Варшавой, вѣсть о парижскомъ возстаніи производила сильное впечатлѣніе. Все большее число лицъ примыкало къ Союзу, который получилъ болѣе опредѣленную организацію, связавшись почти со всѣми полками польской арміи. Въ октябрѣ 1830 г. въ Союзѣ состояло уже 77 офицеровъ варшавскаго гарнизона.

О заговорѣ въ арміи и о готовящемся возстаніи знали, какъ мы уже говорили, также лица изъ не военной среды. Организаторы будущаго военнаго возстанія желали заручиться сочувствіемъ и помощью сейма и отдѣльныхъ видныхъ политическихъ дѣятелей, въ особенности знаменитаго историка Лелевеля, который въ качествѣ депутата игралъ на сеймѣ 1830 г. роль главы оппозиціи. Союзъ подпрапорщиковъ готовъ былъ начать возстаніе, но онъ не давалъ себѣ яснаго отчета ни о цѣляхъ возстанія, ни объ организаціи его за предѣлами арміи, ни объ отношеніи его къ существующимъ властямъ и т. п. Общее мнѣніе въ Союзѣ было таково: „Наша обязанность начать, народъ примкнетъ къ революціи, сеймъ установитъ правительство“.

Въ началѣ ноября полиціи удалось напасть на слѣдъ заговора. Было арестовано нѣсколько студентовъ университета, одинъ изъ которыхъ далъ цѣлый рядъ компрометирующихъ показаній. Союзъ подпрапорщиковъ и его начинанія висѣли на волоскѣ. Грозящая опасность ускорила начало взрыва. Рѣшенію начинать поскорѣе немало содѣйствовали и слухи о томъ, что польская армія двинута будетъ во Францію для возстановленія престола Бурбоновъ. Манифестъ, выпущенный впослѣдствіи (20 декабря) сеймомъ и признавшій совершившуюся революцію дѣломъ всей націи, такъ описываетъ моментъ, предшествующій самому взрыву возстанія: „Вѣсть о войнѣ, предпринимаемой противъ свободы народовъ, подтверждалась, и одновременно съ этимъ появился приказъ поставить въ боевую готовность польскія войска, предназначенныя къ мобилизаціи; русскія войска должны были занять нашъ край. Велѣно было употребить на эту убійственную для свободы войну значительныя суммы, полученныя подъ залогъ или отъ продажи національныхъ имуществъ. Аресты

вновь начались. Нельзя было терять ни одной минуты. Вопросъ шелъ объ арміи, финансахъ, запасахъ, наконецъ, о чести народа, неспособнаго нести другимъ цѣпи, которыя въ немъ самомъ вызываютъ отвращеніе, и бороться противъ свободы и давнишнихъ товарищей по оружію. Это чувствовалъ всякій, но этимъ всеобщимъ чувствомъ народа наиболѣе сильно была проникнута дѣльная военная и академическая молодежь, этотъ очагъ воодушевленія, а также значительная часть храбраго гарнизона и гражданъ: они постановили дать сигналъ къ возстанію".

День 29-го ноября (н. ст.) 1830 г. назначенъ былъ для начала возстанія. Вечеромъ въ этотъ день отрядъ подпрапорщиковъ совершилъ нападеніе на Бельведерскій дворецъ, мѣстопребываніе цесаревича. Съ крикомъ: „Смерть тирану!" они ворвались во внутрь дворца, но захватить Константина имъ не удалось. Во время предупрежденный, онъ успѣлъ бѣжать въ сопровождени русскихъ и части польскихъ войскъ. Но тѣмъ не менѣе нападеніе на Бельведерскій дворецъ послужило сигналомъ къ возстанію варшавскаго населенія и выступленію всего варшавскаго гарнизона, среди котораго было также нѣсколько русскихъ полковъ. Вечеръ 29-го ноября ознаменовался кровавой стычкой между русскими и польскими солдатами, захватомъ арсенала и раздачей оружія населенію Варшавы, убійствомъ повстанцами нѣсколькихъ польскихъ генераловъ, пользовавшихся репутаціей преданныхъ цесаревичу лакеевъ. На просьбы повстанцевъ примкнуть къ движенію, стать во главѣ возставшаго войска, они отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ. Въ числѣ убитыхъ въ этотъ вечеръ генераловъ были: Гауке, Трембицкій, Блюмеръ, Мецишевскій, Потоцкій и Семіонтковскій.

Таковы были первые шаги возстанія. Еще трудно было въ этотъ первый моментъ предвидѣть, во что оно превратится, въ какія формы выльется, не кончится ли все дѣло простымъ *бунтомъ* безъ дальнѣйшихъ серьезныхъ послѣдствій. Дальнѣйшій ходъ возстанія въ сущности зависѣлъ отъ образа дѣйствій цесаревича Константина. Въ его рукахъ пока были три полка собственной кавалеріи, полкъ стрѣлковъ, артиллерія, нѣсколько полковъ пѣхоты, словомъ, онъ обладалъ арміей болѣе многочисленной, нежели та, которая перешла въ ночь съ 29 ноября на 30-ое на сторону возстанія. Но Константинъ, расположившись лагеремъ за городомъ со своими войсками, рѣшилъ не употреблять ихъ на подавленіе возстанія. „Я не вмѣшиваюсь во взаимныя отношенія поляковъ; это ихъ дѣло"—отвѣтилъ онъ своему адъютанту Замойскому, когда тотъ намекнулъ на возможность усмиренія начавшагося движенія силами кавалеріи.

Эта пассивная политика царскаго брата, командующаго войсками, но фактически игравшаго роль абсолютнаго монарха Царства Польскаго, заставила выступить на сцену законную власть въ лицѣ совѣта министровъ. Пригласивши въ свой составъ нѣсколько популярныхъ въ краѣ лицъ: Чарторыйскаго, Радзивилла, Кохановскаго, Паца, Нѣмцеви-

ча и генерала Хлопицкаго, совѣтъ министровъ съ кн. Любецкимъ во главѣ обратился со слѣдующимъ воззваніемъ къ населенію Варшавы: „Поляки! Равно печальныя, какъ и неожиданныя событія, происходившія вчера вечеромъ и ночью, склонили правительство пригласить въ составъ свой гражданъ, извѣстныхъ своими заслугами, и обратиться къ вамъ. Его Высочество, вел. князь цесаревичъ запретилъ русскимъ войскамъ какія бы то ни было враждебныя дѣйствія, такъ какъ только поляки сами должны примирить разрозненные умы поляковъ. Неужели полякъ будетъ пятнать свою руку братской кровью? Неужели вы захотите явить міру зрѣлище самаго ужаснаго для края несчастія, междоусобной войны? Единственно только собственной умѣренностью вы спасете себя отъ паденія въ пропасть, надъ которой вы стоите! Возстановите порядокъ и спокойствіе; пусть всѣ увлеченія исчезнутъ вмѣстѣ съ ночью, которая служила имъ покровомъ. Помните о будущемъ дорогой и разбитой столькими несчастіями отчизны; отстраните все, что могло бы подвергнуть опасности даже ея существованіе. Мы позаботимся объ исполненіи нашего долга относительно обезпеченія общественной безопасности, уваженія къ законамъ и конституціоннымъ свободамъ страны".

3. Возстаніе и война 1830—1831 года.

Междоусобная война, призракъ которой ужасалъ правительство, выпустившее приведенную прокламацію, не была реальной опасностью, ибо не было элементовъ для междоусобной войны въ тогдашнемъ Царствѣ Польскомъ. Но тѣмъ не менѣе этотъ призракъ игралъ громадную роль во всемъ ходѣ возстанія. Первой мыслью новаго польскаго правительства было поэтому—не дать разрастись народному движенію до широкихъ размѣровъ, а второю — использовать варшавскія событія какъ почву для переговоровъ съ монархомъ, для упроченія конституціонныхъ свободъ, гарантированныхъ Вѣнскимъ конгрессомъ.

Революціи боялись не только цесаревичъ, правительство и многочисленная польская бюрократія, создавшаяся за 15 лѣтъ конституціоннаго королевства, но также зажиточное, богатое мѣщанство, составлявшее вліятельную соціальную группу среди варшавскаго населенія. „Чиновникамъ ненавистны были элементы возстанія:—они думали объ окладахъ и вліяніи. Купцы, банкиры, фабриканты, даже болѣе зажиточные ремесленники, по большей части иностранцы, числомъ свыше 10 тысячъ человѣкъ, опасались—одни грабежа, другіе внезапнаго перерыва въ дѣлахъ". (Мохнацкій).

Но, несмотря на это, возстаніе развивалось дальше, правда, не въ смыслѣ вооруженной борьбы между населеніемъ и войскомъ—эта борьба 30-го ноября совершенно почти прекратилась—а въ смыслѣ крушенія старой власти и разрыва съ Россійской монархіей. Всѣ тѣ дѣйствія, которыя польское правительство предпринимало во имя подавленія революціи, во имя борьбы съ несуще-

ствующими элементами анархіи, превращались въ дѣйствія революціонныя съ точки зрѣнія прерогативъ Николая I. Но тѣмъ не менѣе при оцѣнкѣ этихъ дѣйствій не слѣдуетъ забывать объ ихъ истинномъ, т. е. контръ-революціонномъ характерѣ.

Хлопицкій, которому поручено было главное командованіе надъ польской арміей, принялъ его съ тѣмъ, чтобы „возстановить порядокъ, не допускать грабежей и удержать въ повиновеніи разнузданныхъ солдатъ“. Эти же принципы руководствовали правительствомъ, когда оно въ первый же моментъ организовало національную гвардію, которая во избѣжаніе напрашивающихся аналогій была скромно названа „стражей безопасности“. Назначенный начальникомъ ея Лубенскій въ своемъ воззваніи къ населенію Варшавы указывалъ на необходимость болѣе приличнаго вооруженія муниципальныхъ гвардейцевъ для „охраны частной собственности“. А вновь назначенный президентъ города Венгржецкій, занимавшій этотъ постъ еще въ эпоху Герцогства Варшавскаго, такъ обращался къ жителямъ столицы: „Къ вамъ, собственники, къ вамъ, стоящимъ во главѣ торговли, ремеслъ и фабрикъ, обращаюсь я съ просьбой торопиться съ записью въ ряды „стражи безопасности“, пусть жители не усумнятся при видѣ оружія въ вашихъ рукахъ въ неприкосновенности своей личности и своего имущества“.

Одновременно съ этимъ подъ натискомъ общественнаго мнѣнія, по настоянію депутаціи отъ бывшихъ тогда въ Варшавѣ членовъ сейма, произошла новая перемѣна въ составѣ административнаго совѣта, что являлось узурпаціей правъ монарха, которому одному только по конституціи 1815 г. принадлежало право назначенія министровъ. На мѣсто заслужившихъ себѣ всеобщее презрѣніе покорныхъ орудій Константина и Новосильцева въ составъ правительства вступили депутаты Лелевель, Островскій, Малаховскій и сенаторъ Дембовскій. Въ особенности имя Лелевеля, пользовавшагося славой революціонера и даже демократа, придавало новому правительству въ глазахъ народа отпечатокъ непримиримости.

Не малое вліяніе на дальнѣйшія судьбы польской революціи 1830—1831 гг. оказалъ вел. князь Константинъ Павловичъ. Въ то время, какъ польскимъ правительствомъ спѣшно принимались всѣ перечисленныя мѣры, цесаревичъ все еще находился за чертой города, у Мокотовской заставы, имѣя при себѣ часть польской арміи и нѣсколько русскихъ гвардейскихъ полковъ. Цесаревичъ, вчерашній неограниченный властелинъ, формально еще не переставшій быть командующимъ арміей *), фактически былъ лишенъ уже всякой власти. Тѣ польскія войска, которыя оставались въ его лагерѣ, тоже были весьма ненадежны, между тѣмъ армія революціи съ каждымъ днемъ могла усиливаться новыми полками, которые при первой вѣсти о движеніи въ Варшавѣ стали бы стекаться подъ національныя знамена. Но цесаревичъ былъ намѣстникомъ конституціоннаго короля Николая I. Лица,

*) Хлопицкій въ своемъ приказѣ войскамъ не рѣшился назвать себя главнокомандующимъ.

входившія въ составъ административнаго совѣта — какъ прежніе его члены, такъ и вновь приглашенные — пока не думали объ оторваніи Польши отъ Россіи, о независимомъ польскомъ государствѣ; они хотѣли лишь обезпечить тѣ конституціонныя вольности, которыя были обѣщаны Александромъ I. Ни Чарторыйскій, ни Любецкій, ни тѣмъ болѣе Хлопицкій дальше пока не шли. Считая революцію плодомъ многолѣтнихъ злоупотребленій и нарушеній конституціи, новый административный совѣтъ пытался выступить въ роли посредника между революціей и монархомъ, надѣясь примирить польскій народъ съ русскимъ монархомъ на почвѣ уступокъ, которыя сдѣлаетъ послѣдній.

Правительство поэтому все еще считалось съ необходимостью обращать свои взоры въ сторону вел. князя, какъ, съ другой стороны, цесаревичъ долженъ былъ считаться съ польскимъ правительствомъ, ожидая отъ него совѣта и помощи. 2-го декабря „революціонизированное“, по выраженію Любецкаго, правительство отправило къ вел. князю делегацію изъ четырехъ лицъ (Любецкаго, Чарторыйскаго, Лелевеля и Островскаго) для переговоровъ. Цесаревичъ со своимъ штабомъ и войскомъ находился въ загородной, дачной мѣстности Вержбно. Цѣлыхъ пять часовъ длилась бесѣда между нимъ и делегатами, и въ результатѣ ея была заключена между обѣими сторонами формальная конвенція, содержаніе которой цесаревичъ позволилъ огласить во всеобщее свѣдѣніе. Вечеромъ того же дня появилось слѣдующее извѣщеніе отъ имени административнаго совѣта:

„Поляки! Сегодня въ полдень мы извѣстили васъ, что депутація, избранная изъ нашей среды для веденія переговоровъ съ вел. княземъ Константиномъ, отправляется къ нему съ этой цѣлью. Теперь, немедленно по возвращеніи упомянутой депутаціи, мы спѣшимъ довести до свѣдѣнія народа о результатахъ происходившаго совѣщанія.

Депутація доложила вел. князю, что всеобщимъ желаніемъ является, чтобы конституція исполнялась не какъ до сихъ поръ, но цѣликомъ и въ полномъ объемѣ; далѣе, чтобы Его Величество изволилъ выполнить данное его предшественникомъ обѣщаніе насчетъ присоединенія къ Царству Польскому провинцій, нѣкогда захваченныхъ Россіей; наконецъ, просила гарантій, что литовскій корпусъ, находящійся подъ начальствомъ вел. князя, не вступитъ въ предѣлы Польши.

Въ отвѣтъ на эти представленія депутаціи сдѣланы были слѣдующія офиціальныя заявленія:

1. Его Высочество, вел. князь заявилъ, что онъ никогда не намѣренъ былъ атаковать Варшаву, о чемъ въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуютъ факты, что войско, оставшееся подъ его командованіемъ, не предпринимало враждебныхъ дѣйствій, кромѣ оборонительныхъ.

Если бы, однако, пришлось почему-либо перейти въ наступленіе, то Е. В. обѣщаетъ предупредить объ этомъ совѣтъ за 48 часовъ.

2. Е. В. обѣщаетъ ходатайствовать передъ государемъ, дабы онъ всемилостивѣйше изволилъ предать забвенію прошлое.

3. Е. В., вел. князь увѣрилъ, что

до сихъ поръ онъ не давалъ литовскому корпусу распоряженія направиться къ границамъ Царства Польскаго.

4. Депутація отъ совѣта обѣщала приложить всѣ усилія къ тому, чтобы всѣ русскіе, взятые въ плѣнъ и задержанные, были препровождены въ теченіе ближайшихъ часовъ въ лагерь войскъ Е. В-а при томъ, однако, условіи, что Е.В. прикажетъ немедленно освободить всѣхъ задержанныхъ поляковъ, равно штатскихъ, какъ и военныхъ.

Наконецъ, депутація повторила Е. В-у, что считаетъ долгомъ довести до его свѣдѣнія о горячемъ и открыто выраженномъ желаніи народа, чтобы всѣ части старой Польши, находящіяся нынѣ подъ управленіемъ Россіи, были присоединены къ Царству Польскому и пользовались одинаковыми съ нимъ конституціонными свободами".

Это воззваніе рисуетъ представленія о происходившей революціи и политику той части высшаго польскаго общества, выразителями стремленій которой были Любецкій и Чарторыйскій, той партіи, которая впослѣдствіи получила названіе аристократической. Ихъ тактика сводилась къ дипломатическимъ переговорамъ, ихъ отправной точной были вѣнскіе трактаты 1815 года. Наступательныхъ дѣйствій они предпринимать не желали, они вѣрили въ уступчивость Николая I.

Иначе смотрѣли на дѣло революціонно-патріотическіе элементы въ Польшѣ, та группа, которая рекрутировалась, главнымъ образомъ, изъ учащейся молодежи и интеллигенціи различныхъ либеральныхъ профессій, которая возлагала надежды на мелкій ремесленный людъ, для которой возстаніе Костюшки, а въ особенности варшавское возстаніе Килинскаго 1794 г. были образцами революціоннаго метода дѣйствій. Истиннымъ выразителемъ этого теченія въ ту эпоху, его талантливымъ публицистомъ былъ Маврикій Мохнацкій, молодой журналистъ и литературный критикъ, обладавшій громаднымъ писательскимъ темпераментомъ и политической дальновидностью, хотя черезчуръ литераторъ для того, чтобы быть политическимъ дѣятелемъ и борцомъ. Мохнацкій понималъ, что переговоры ни къ чему не приведутъ, что слишкомъ много ставится на карту для россійскаго самодержавія, чтобы оно могло въ этомъ дѣлѣ добровольно, безъ борьбы уступить. Поэтому готовиться, готовиться немедленно къ наступательной войнѣ — вотъ единственная національная политика. Переговоры лишь усыпляютъ, вводятъ въ заблужденіе народъ, всякая попытка вести переговоры равносильна измѣнѣ. „Новая Польша", органъ, главнымъ руководителемъ котораго былъ Мохнацкій, писалъ мѣсяцъ послѣ начала революціи: „Николай добровольно никогда не допуститъ и не долженъ допустить существованія конституціонной, независимой Польши. Вольная независимая Польша — это смерть для Россіи, упадокъ, уничтоженіе преобладающей роли петербургскаго кабинета. Таковъ истинный смыслъ нашей революціи, смыслъ, понятный для Европы, понятный также для самого Николая... Одно изъ двухъ: намъ и Европѣ свобода, а Николаю гибель, или гибель нашей и евро-

пейской свободы, но зато преобладаніе самодержавія, оплотомъ котораго является Николай. Иного выбора нѣтъ! Поэтому долой переговоры! поэтому необходимо дать открытое, смѣлое направленіе нашей революціи".

Группа, органомъ которой была „Новая Польша", участники которой собственно и начали возстаніе 29 ноября, видя, что возстанію грозитъ опасность, выступила, наконецъ, со своими требованіями, со своей программой дѣйствія. 1-го декабря состоялось въ ратушѣ предварительное собраніе, на которомъ единогласно принято было рѣшеніе создать въ столицѣ революціонный вооруженный клубъ для того, „чтобы ниспровергнуть правительство, продолжающее дѣйствовать отъ имени Николая, уничтожить глубокую и развѣтвленную интригу и просвѣтить общественное мнѣніе". Предсѣдателемъ этого клуба былъ избранъ одинъ изъ членовъ ненавистнаго правительства — Лелевель, который на собраніи не присутствовалъ. Лелевель, знаменитый историкъ, профессоръ Варшавскаго, а потомъ Виленскаго университета, пользовался большой любовью молодежи. Его считали призваннымъ вождемъ и идейнымъ руководителемъ революціонной партіи: вел. князь Константинъ во время своей бесѣды въ Вержбнѣ наивно спросилъ Лелевеля, не онъ ли вызвалъ всѣ эти волненія? Лелевель былъ окруженъ ореоломъ революціонера, какъ Хлопицкій — ореоломъ военнаго генія. Но въ сущности Лелевель былъ кабинетнымъ ученымъ, историкомъ и археологомъ, далекимъ отъ практической дѣятельности. Какъ политикъ, какъ членъ правительства, онъ оказался нерѣшительнымъ, колеблющимся, несамостоятельнымъ.

Поѣздка правительственной делегаціи въ Вержбно дала новый и сильный толчокъ революціонному настроенію. Вечеромъ 2-го декабря въ „редутовыхъ залахъ" собралось свыше тысячи человѣкъ всѣхъ званій и состояній; тутъ были и „члены сейма, адвокаты, мѣщане, профессора, ученики, депутаты отъ различныхъ частей арміи, ремесленники, подхорунжіе... присутствующіе были вооружены; сабли, ружья, пистолеты, казалось, свидѣтельствовали о томъ, что все, что здѣсь будетъ постановлено, то будетъ силой приведено въ исполненіе... Впервые передъ тысячной толпой, въ своемъ кругу, возстаніе громко высказало, чего оно хочетъ". Выразителемъ его затаенныхъ, еще не разгаданныхъ желаній явился Мохнацкій, который предложилъ собранію, чтобы оно сорганизовавшись признало себя постояннымъ представительствомъ населенія Варшавы. Предлагая этотъ — кстати сказать, весьма неосновательный— планъ, Мохнацкій хотѣлъ муниципальному совѣту, созданному по приказу правительства и состоявшему изъ болѣе крупныхъ собственниковъ, противопоставить поистинѣ „инсуррекціонную власть", по образцу парижской Коммуны Великой французской революціи. „У меня всегда были передъ глазами — признается Мохнацкій въ своей исторіи возстанія 1830/31 гг. — Петіонъ и парижская Коммуна, которая словно паровая машина приводила въ движеніе гигантскія колеса Конвента". Но

Варшава 1830 г. мало похожа была на Парижъ 1793 г., и еще меньшее сходство было между польской и французской революціей. Предложеніе Мохнацкаго осталось поэтому одной изъ тѣхъ многихъ фразъ, которыя брошены были въ пустое пространство.

Но зато въ результатѣ рѣчи Мохнацкаго собравшіеся рѣшили избрать изъ своей среды депутацію въ 12 человѣкъ, которая должна была представить правительству слѣдующія требованія: „Генералъ Хлопицкій, главнокомандующій польской арміей, немедленно получаетъ приказъ дѣйствовать съ цѣлью уничтоженія или разоруженія непріятеля; гражданамъ въ провинціи даются полномочія организовать возстанія на мѣстахъ; надъ министрами и ихъ замѣстителями учреждается наблюденіе національной стражи впредь до дальнѣйшаго о нихъ распоряженія; учреждается надзоръ за женами русскихъ офицеровъ и чиновниковъ, такъ какъ онѣ находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ и перепискѣ со своими мужьями; ни въ какіе переговоры съ цесаревичемъ Константиномъ не входить, держать его въ качествѣ заложника, а переговоры вести непосредственно съ Петербургомъ; директоръ почтъ смѣняется; тѣ начальники частей польской арміи, которые до сихъ поръ не присоединились къ народу и не изъявили даже соотвѣтственнаго желанія, провозглашаются измѣнниками отечества: слѣдуетъ имъ предоставить кратчайшій срокъ для исправленія своей ошибки. Къ осуществленію всѣхъ этихъ требованій должно быть приступлено немедленно, такъ какъ въ противномъ случаѣ административный совѣтъ будетъ принужденъ принять въ свой составъ нѣсколькихъ членовъ клуба, которыхъ клубъ самъ изберетъ".

Изъ всѣхъ этихъ требованій правительство согласилось исполнить послѣднее. Одинъ изъ членовъ его, Островскій, явился утромъ 3-го декабря въ собраніе клуба и сообщилъ постановленіе административнаго совѣта о приглашеніи Мохнацкаго и вице-предсѣдателя клуба Брониковскаго въ его составъ. Мохнацкій принялъ приглашеніе подъ условіемъ, что уйдетъ кн. Любецкій. Любецкій вмѣстѣ съ другимъ „до-революціоннымъ" членомъ совѣта, Мостовскимъ, немедленно подали въ отставку.

Такая уступчивость правительства объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что, по его мнѣнію, приглашеніе двухъ вліятельныхъ вождей клуба должно было успокоить страсти, уничтожить „якобинизмъ и демагогію," во-вторыхъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что возстаніе становилось все шире и шире. Утромъ 3-го декабря, не ожидая ничьихъ приказаній, прибылъ изъ провинціи генералъ Шембекъ со своимъ полкомъ для того, чтобы присоединиться къ возставшему народу. Армія, слѣдовательно, становилась на сторону революціи. Въ этотъ же день произошло рѣшающее событіе: присоединеніе къ возставшимъ уже войскамъ тѣхъ польскихъ полковъ, которые оставались еще въ лагерѣ Константина, и уходъ послѣдняго вмѣстѣ съ гвардіей изъ предѣловъ Царства Польскаго.

Цесаревичъ рѣшился на этотъ шагъ потому, что уже не было для него никакого исхода: или сдаться

или немедленно бѣжать—такую альернативу привезъ ему отъ имени административнаго совѣта его адъютантъ Замойскій. Въ то же время цѣлыя тысячи вооруженнаго народа въ сопровожденіи войска двигались къ городской Мокотовской заставѣ „для освобожденія—какъ говорилось—польскихъ солдатъ, которыхъ Константинъ насильно удерживаетъ".

Предупрежденный объ этомъ идущемъ на него народномъ потокѣ, принимая во вниманіе предложенную ему польскимъ правительствомъ альтернативу, Константинъ написалъ и передалъ Замойскому слѣдующій документъ: „Я разрѣшаю польскимъ войскамъ, оставшимся мнѣ вѣрными до послѣдняго момента, присоединиться къ *своимъ*. Вмѣстѣ съ императорскими войсками я удаляюсь отъ столицы въ надеждѣ на лойяльность поляковъ, на то, что эти войска не встрѣтятъ препятствій въ своемъ движеніи къ границамъ имперіи."

Но польскія войска не дожидались этого формальнаго разрѣшенія. Торжественная встрѣча двухъ частей арміи, бывшихъ за эти дни во враждебныхъ лагеряхъ, произошла на площади „Трехъ Крестовъ" раньше, чѣмъ Замойскому вручена была официальная бумага. Послѣдняя нѣсколько ускорила переходъ на сторону возстанія лишь тѣхъ войскъ, которыя были расположены за предѣлами Варшавы, въ другихъ городахъ и крѣпостяхъ. Немного было въ Польшѣ такихъ смѣлыхъ и независимыхъ генераловъ, какъ Шембекъ, который, не дожидаясь никакого разрѣшенія, подъ свою личную отвѣтственность, повелъ свой полкъ въ Варшаву въ помощь повстанцамъ.

Ожиданія цесаревича не обманули его. Польское „революціонное" правительство, вѣрное своей дипломатической тактикѣ, не только не думало о разоруженіи врага, но даже рекомендовало въ спеціальномъ воззваніи къ народу „облегчить Его Императорскому Высочеству" отступленіе тѣхъ гвардейскихъ полковъ, которымъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя пришлось сражаться съ польской арміей.

Съ удаленіемъ вел. князя и его войска, послѣ того какъ вся польская армія перешла подъ начальство польскаго генерала—исчезли тѣ раздражающіе моменты, которые до сихъ поръ поддерживали революціонный энтузіазмъ массъ. Революція очутилась въ тупикѣ, ея поступательное движеніе кончилось. Кончилась также роль патріотическаго клуба, агитація котораго привела къ событіямъ 3-го декабря. Два члена клуба, приглашенные въ составъ административнаго совѣта, который сталъ называться теперь „временнымъ правительствомъ Царства Польскаго," оставались въ немъ всего лишь нѣсколько дней, не получивъ никакого вліянія, тѣмъ болѣе, что они пользовались только правомъ совѣщательнаго голоса. Клубъ такъ же быстро исчезъ съ исторической сцены, какъ появился. Будучи неорганизованнымъ, случайнымъ сбродомъ, не имѣя никакой реальной, тѣсной связи съ массой населенія, не представляя ничьихъ соціальныхъ интересовъ, онъ скоро распался, оставивъ въ заправилахъ политической жизни и въ представителяхъ господствующаго класса чувство страха передъ краснымъ призракомъ. Въ своей шляхетско-филистерской наивности

они полагали, что варшавскій клубъ есть повтореніе парижскаго якобинскаго клуба и что Мохнацкій—это Робеспьеръ и Маратъ въ одномъ лицѣ.

Только этимъ можно объяснить возникновеніе своеобразнаго института—диктатуры, необходимость которой совершенно не вытекала изъ реальныхъ потребностей момента. Она имѣла смыслъ съ точки зрѣнія революціонныхъ патріотовъ, которые въ объединеніи военной и гражданской власти въ рукахъ одной сильной, энергичной личности видѣли залогъ рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій; но тѣ, къ кому окончательно перешло руководство дальнѣйшими судьбами возстанія, были пока весьма далеки отъ того, чтобы броситься въ погоню за Константиномъ, передвинуть границы возстанія за Бугъ и Нѣманъ и т. д.

Диктаторская власть была въ сущности узурпирована и потомъ только post factum утверждена правительствомъ. Диктатура генерала Хлопицкаго, однако, была восторженно привѣтствована арміей, молодежью, клубомъ и умѣренно-консервативными элементами общества.

Участникъ Костюшковскаго возстанія, впослѣдствіи легіонеръ и генералъ Наполеоновской арміи, Хлопицкій пользовался въ Царствѣ Польскомъ необычайной популярностью. Въ немъ видѣли геніальнаго полководца, героя, гордость родины. Тѣ молодые подхорунжіе, которые начали возстаніе, надѣялись и мечтали о томъ, что Хлопицкій станетъ во главѣ арміи. Поэтому съ перваго же момента его имя было у всѣхъ на устахъ. Это имя электризовало массы.

Въ глазахъ же консервативныхъ и умѣренныхъ элементовъ, въ глазахъ такихъ людей, какъ Любецкій, Чарторыйскій или Островскій—Хлопицкій былъ единственнымъ достаточно могучимъ человѣкомъ, который могъ справиться съ „анархіей“. Хлопицкій самъ шелъ на встрѣчу именно *этимъ* видамъ правительства, а не намѣреніямъ революціонеровъ. Товарищъ Костюшко и восторженный поклонникъ Наполеона былъ отъ всей души врагомъ народнаго движенія. Тутъ въ немъ говорилъ инстинктъ стараго служаки, преклоненіе передъ дисциплиной, ненависть ко всякаго рода нерегулярнымъ дѣйствіямъ нестройныхъ массъ, наконецъ, долгъ присяги. Хлопицкій былъ прежде всего профессіоналомъ-солдатомъ, а потомъ уже гражданиномъ; онъ былъ генераломъ-космополитомъ, а потомъ уже генераломъ, преданнымъ родинѣ. Какъ солдатъ, онъ желалъ свято чтить присягу, принесенную конституціонному королю Николаю.

Въ прокламаціи, выпущенной имъ 6-го декабря, онъ не скрываетъ своихъ взглядовъ. „Не было никого, кто, держа возжи государства сильной рукой, могъ бы придать жизнь и движеніе догорающему правительству... Къ этимъ неудобствамъ прибавились еще внутренніе раздоры; созданы были клубы, всякій предъявлялъ не только новыя просьбы, но приказанія. Въ этомъ хаосѣ попытокъ и усилій, вызываемыхъ многообразными страстями, думали о всемъ, только не о томъ, чтобы прекратить зло, угрожавшее странѣ гибелью“. Въ дальнѣйшемъ диктаторъ очерчиваетъ, такъ сказать, политическую программу, которая есть вмѣстѣ съ тѣмъ программа временнаго правительства.

Въ воззваніи дипломатически подчеркнуто, что поляки не думаютъ о нарушеніи спокойствія сосѣднихъ державъ (т. е. Австріи и Пруссіи), надѣясь съ своей стороны, что принципъ нейтральности будетъ соблюденъ и по отношенію къ нимъ такъ же, какъ онъ былъ соблюденъ по отношенію къ Франціи и Бельгіи. „Неужели намъ будетъ вмѣнено въ преступленіе то, что мы требуемъ соблюденія тѣхъ свободъ нашихъ, которыя были намъ торжественно гарантированы передъ лицомъ всего міра?"

Двѣ недѣли должна была продолжаться диктатура Хлопицкаго, впредь до созыва сейма, который диктаторъ предполагалъ собрать 18-го декабря. На что были употреблены эти двѣ недѣли? Генералу Хлопицкому не пришлось прибѣгать къ своей неограниченной власти для подавленія анархіи и якобинизма, такъ какъ наступило полное затишье. Но онъ, главнымъ образомъ, ради этого принялъ власть. Другая, военная, сторона диктатуры сводилась къ тому, чтобы быстро поставить страну въ боевую готовность, увеличить армію новыми дополнительными баталіонами пѣхоты и эскадронами конницы, организовать народное ополченіе, приготовить запасы продовольствія и аммуниціи и т. д. Но Хлопицкій вяло и нехотя занимался этимъ. Онъ не хотѣлъ войны, не вѣрилъ въ ея успѣхъ и больше возлагалъ надеждъ на мирные переговоры. Онъ всячески тормозилъ полное развитіе боевой энергіи страны, которая то тамъ, то сямъ стихійно проявлялась въ организаціи на мѣстахъ военныхъ отрядовъ, въ выставленіи на частныя средства баталіоновъ и т. п. Какъ ограниченный военный по профессіи, онъ питалъ величайшее презрѣніе къ нерегулярной, необученной, словомъ, непрофессіональной арміи, поэтому онъ не придавалъ никакого значенія народному ополченію.

Тактика переговоровъ продолжалась. 10-го декабря временное правительство отправило посольство въ Петербургъ въ составѣ кн. Друцкого-Любецкаго и члена сейма Езерскаго, которымъ поручено было изложить передъ монархомъ положеніе дѣла, исходатайствовать амнистію и конституціонныя гарантіи съ распространеніемъ оныхъ на западныя губерніи. Одновременно съ этимъ Хлопицкій черезъ спеціальнаго курьера, капитана Вылежинскаго, отправилъ на имя русскаго императора отъ себя лично конфиденціальное письмо, въ которомъ онъ излагаетъ желанія польскаго народа.

„Государь — пишетъ диктаторъ— вся нація желаетъ умѣренной свободы... она желаетъ конституціи, приспособленной къ практической жизни... Она далека, однако, отъ мысли порывать ту связь, которой она скрѣплена съ Вашей державной волей". Въ заключеніе Хлопицкій выражаетъ надежду, что „кровопролитіе не будетъ имѣть мѣста".

Итакъ, дальнѣйшая судьба революціи поставлена была въ зависимость отъ отношенія Николая I и его правительства къ варшавскимъ событіямъ и предложеніямъ временнаго правительства и Хлопицкаго.

Перенесемся въ Петербургъ. Русскій императоръ получилъ первую вѣсть о возстаніи отъ своего брата Константина Павловича 9-го декабря.

Это извѣстіе его поразило и возмутило до глубины души. Онъ счелъ варшавское возстаніе оскорбленіемъ, нанесеннымъ лично ему. Негодованіе царя передавалось, разумѣется, петербургскимъ военнымъ и чиновничьимъ кругамъ, вызвавъ прямо враждебное отношеніе къ полякамъ.

Въ прокламаціи къ полякамъ, составленной вскорѣ по полученіи первыхъ рапортовъ цесаревича о возстаніи, императоръ требуетъ безпрекословнаго подчиненія. Когда Николай подписывалъ эту прокламацію, онъ еще не зналъ о диктатурѣ Хлопицкаго, а о томъ лишь, что произошли перемѣны въ составѣ административнаго совѣта, поэтому онъ повелѣваетъ: чтобы административный совѣтъ въ своемъ первоначальномъ составѣ немедленно вернулся къ исполненію своихъ обязанностей; чтобы всѣ гражданскіе чины столицы и воеводствъ отказывались признать какую-либо власть, незаконно учрежденную; чтобы всякаго рода военныя организаціи, не имѣющія связи съ законно-существующей арміей, были распущены; чтобы, наконецъ, всѣ корпуса польскаго войска немедленно направились въ г. Плоцкъ, предназначенный, какъ мѣсто сосредоточенія всей польской арміи.

Только при соблюденіи этихъ условій онъ обѣщаетъ прощеніе.

Посланники польскаго правительства, Любецкій и Езерскій, а также курьеръ Хлопицкаго, прибывшіе уже послѣ опубликованія этой прокламаціи, не встрѣтили ласковаго пріема со стороны разгнѣваннаго самодержца. Въ отвѣтъ на просьбы и предложенія польскаго правительства и диктатора Николай I обратился съ манифестомъ къ русскому народу, призывая его къ войнѣ противъ тѣхъ, кто совершилъ эту „ужасную измѣну“.

Изложивъ вкратцѣ ходъ возстанія отъ перваго взрыва до передачи „верховной власти въ руки одного генерала“, манифестъ съ негодованіемъ говоритъ о той кучкѣ безумцевъ, которые „на одинъ моментъ осмѣливаются мечтать о побѣдѣ, осмѣливаются предлагать условія намъ, своему законному государю!..“

Спустя восемь дней (1 января н. с.) фельдмаршалъ Дибичъ-Забалканскій обратился къ полякамъ съ воззваніемъ, извѣщавшемъ ихъ о томъ, что его величество императоръ и король поручилъ ему командованіе надъ арміей, „предназначенной положить конецъ прискорбнымъ безпорядкамъ, охватившимъ Царство Польское“. Дибичъ призываетъ польскій народъ къ полному и безусловному подчиненію, къ сложенію оружія, къ возстановленію всѣхъ старыхъ властей и учрежденій. „Преступное упорство я сумѣю наказать съ непоколебимой строгостью“—этими словами заканчивается прокламація.

Сеймъ, собравшійся 18-го декабря, еще не могъ быть освѣдомленъ ни объ одномъ изъ приведенныхъ актовъ. Отношеніе Николая I и правительственныхъ сферъ къ польскому возстанію стало лишь въ общихъ чертахъ извѣстнымъ диктатору изъ бесѣды съ царскимъ адъютантомъ Гауке (братомъ убитаго 29 ноября генерала), пріѣхавшимъ въ Варшаву 16-го декабря. Поэтому наканунѣ перваго засѣданія сейма диктаторъ пригласилъ къ себѣ де-

путацію отъ членовъ сейма и обратился къ ней со слѣдующими словами: „Совѣсть заставляетъ меня предупредить васъ, господа, что у меня нѣтъ иныхъ намѣреній, какъ только сохранить въ цѣлости Царство, такъ какъ я убѣжденъ, что ничего другого нельзя сдѣлать. Малочисленная польская армія будетъ только выведена на убой. Я присягнулъ Николаю, какъ конституціонному королю, и остаюсь вѣрнымъ своей присягѣ. Пусть никто не думаетъ, что я беру на себя задачу вернуть польскія губерніи. Я обѣщаю только сохранить границы Царства, ничего больше. Я ручаюсь, что конституція будетъ сохранена, и что она будетъ обставлена такими гарантіями, что ея нельзя будетъ нарушать. Я даже добьюсь того, что никакое русское войско не вступитъ въ предѣлы Царства, но больше ни къ чему не обязываюсь, бóльшаго не обѣщаю".

Послѣднія слова Хлопицкаго можно толковать или какъ желаніе просто чѣмъ-нибудь обнадежить сеймъ, лишь бы отвлечь его отъ разрыва съ Россіей, отъ войны, или же какъ свидѣтельство личной вѣры Хлопицкаго въ успѣхъ переговоровъ съ Николаемъ. Но большинство сейма было другого мнѣнія. Сеймъ въ цѣломъ, состоявшій изъ представителей средней шляхты, былъ настроенъ гораздо болѣе революціонно въ смыслѣ патріотическаго радикализма, нежели такіе люди, какъ Чарторыйскій и Любецкій, въ глазахъ которыхъ Польша внѣ связи съ Россіей была немыслимой. Большинству сейма война представлялась неизбѣжной.

Но тѣмъ не менѣе этотъ сеймъ вновь подтвердилъ диктатуру Хлопицкаго, сдѣлавшаго столь опредѣленное заявленіе депутаціи сейма. Сеймъ торжественно вручилъ ген. Хлопицкому неограниченную власть, но не потому, что Хлопицкій не хотѣлъ войны, а потому что въ глазахъ большинства сейма только одинъ Хлопицкій служилъ гарантіей побѣдоносной войны. Кромѣ того, какъ увѣряетъ Мохнацкій, предсѣдатель сената Чарторыйскій и предсѣдатель палаты депутатовъ Островскій, два наиболѣе вліятельныхъ человѣка, представлявшихъ въ своемъ лицѣ конституціонно-консервативное и конституціонно-либеральное направленія въ обществѣ и въ сеймѣ,— при поддержкѣ въ сеймѣ диктатуры Хлопицкаго руководствовались не только военными перспективами. Они были убѣждены, что диктатура еще нужнѣе какъ средство противъ анархіи, нежели какъ средство противъ внѣшняго врага. Обоихъ, и Чарторыйскаго и Островскаго, сильно пугали мнимыя послѣдствія ограниченія власти Хлопицкаго. „Какъ при самомъ началѣ возстанія, такъ и теперь вниманіе правящей партіи было больше занято якобинизмомъ, междоусобной войной, для которой не существовало никакихъ данныхъ, чѣмъ неминуемой внѣшней войной съ Россіей". И Хлопицкій по этимъ причинамъ не колебался принять диктатуру изъ рукъ сейма, который въ своемъ „манифестѣ польскаго народа", принятомъ на засѣданіи 20-го декабря, признавалъ революцію 29-го ноября законной и національной и который заявлялъ:

„Польскій народъ возсталъ изъ со-

стоянія приниженности и зависимости съ мужественной рѣшимостью не надѣвать больше тѣхъ цѣпей, которыя онъ порвалъ, не слагать оружія предковъ раньше, чѣмъ не завоюетъ независимости и могущества, единственной гарантіи свободы, пока не обезпечитъ себѣ тѣхъ вольностей, требовать которыя онъ имѣетъ двоякое право—какъ почетное наслѣдіе предковъ и неотложную потребность въ настоящемъ, пока не соединится съ братьями, находящимися подъ игомъ петербургскаго двора, пока не освободитъ ихъ изъ-подъ него и не сдѣлаетъ ихъ участниками своихъ вольностей, своей свободы и независимости".

Война становилась неизбѣжной, но диктаторъ не принималъ рѣшительныхъ шаговъ для ея подготовленія. Онъ ждалъ еще результатовъ посольства и отвѣта на свое конфиденціальное письмо. 7-го января вернулся въ Варшаву Вылежинскій, а 13-го Езерскій, и дальнѣйшихъ сомнѣній относительно русскаго государя быть не могло.

Нужно было дѣйствовать быстро. Хлопицкій рѣшилъ вторично созвать сеймъ къ 17-му января „въ виду наступившей потребности высказаться народнымъ представителямъ насчетъ дальнѣйшихъ способовъ обезпеченія національнаго бытія и обсужденія соотвѣтствующихъ дѣйствій", какъ было выражено въ циркулярѣ диктатора. Какъ и мѣсяцъ тому назадъ, Хлопицкій собралъ наканунѣ открытія сейма депутацію отъ его членовъ, объявивъ ей, что въ виду скудости средствъ обороны для предстоящей борьбы съ могучимъ монархомъ, онъ, какъ человѣкъ опытный въ военныхъ дѣлахъ, не совѣтуетъ кончать возстанія войной, а только переговорами, прибѣгнувъ съ этой цѣлью къ посредничеству прусскаго двора. На основаніи данныхъ о состояніи польской арміи диктаторъ доказывалъ, что онъ не можетъ „драться съ москалями, такъ какъ у насъ всего 37 тысячъ, а у нихъ 150 тысячъ войска, притомъ и продовольствія хватитъ только на 12 дней".

При такомъ отношеніи къ предстоящей войнѣ Хлопицкій не могъ далѣе оставаться у власти. Онъ сложилъ съ себя диктаторскія полномочія и отказывался отъ командованія арміей. Сеймъ, собравшійся на первое засѣданіе 19-го января, превращается отнынѣ въ постоянно дѣйствующее верховное учредительное и законодательное собраніе, которое будетъ продолжать свои труды до самаго конца войны, вплоть до штурма Варшавы Паскевичемъ. Сейму предстояло два серьезныхъ дѣла: назначеніе главнокомандующаго вмѣсто Хлопицкаго и установленіе формы правительства. Главнокомандующимъ арміей былъ избранъ почти единогласно генералъ кн. Радзивиллъ, при избраніи котораго сеймъ руководствовался не столько военными дарованіями Радзивилла, сколько тѣмъ, что эту кандидатуру поддерживалъ Хлопицкій, обѣщая помогать главнокомандующему своими совѣтами, а затѣмъ—въ виду родственныхъ связей кн. Радзивилла съ прусскимъ королемъ. Сеймовая шляхта, питая уваженіе къ представителямъ крупныхъ аристократическихъ родовъ, въ то же время вѣрила, что высокія родственныя связи Радзивилла смогутъ въ будущемъ пригодиться.

Раньше установленія формы правительства, сеймъ совершилъ весьма крупный историческій актъ, послѣ котораго не было болѣе возврата къ прошлому, актъ детронизаціи Николая. Ускорили этотъ шагъ слухи о приближеніи русскихъ войскъ къ границамъ Царства Польскаго, и попавшіе въ Варшаву экземпляры тѣхъ вызывающихъ прокламацій, съ которыми фельдмаршалъ Дибичъ обращался къ польскому народу и къ польской арміи.

Еще 20-го января одинъ изъ депутатовъ Романъ Солтыкъ предложилъ снабдить манифестъ сейма отъ 20 декабря слѣдующимъ добавленіемъ:„ 1) Польскій народъ, провозглашая свою безусловную независимость, считаетъ династію Романовыхъ утратившей право на польскую корону, отрицаетъ ея верховныя права по отношенію къ польскому народу. 2) Польскій народъ беретъ назадъ свою присягу на вѣрность какъ вынужденную, какъ противную международному праву. 3) Наконецъ, польскій народъ заявляетъ, что источникъ всякой власти исходитъ только отъ народа, что народъ, вернувшій себѣ революціей 29-го ноября свою независимость и права, пріобрѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ неограниченную власть переустройства своихъ политическихъ отношеній, установленія такой формы правительства, какую онъ сочтетъ наилучшей.“

Основа этого предложенія, т. е, сверженіе съ польскаго престола Николая I и объявленіе его вакантнымъ, была принята сеймомъ въ засѣданіи 25 января 1831 года, однако, не въ той формулировкѣ, которую ему придалъ радикальный депутатъ Солтыкъ, а въ болѣе мягкой и, главное, болѣе дипломатичной. Актъ детронизаціи императора Николая, составленный секретаремъ сената, извѣстнымъ писателемъ и поэтомъ Нѣмцевичемъ и подписанный всѣми сенаторами и депутатами, гласилъ: „Наиболѣе торжественные и священные договоры лишь постольку ненарушимы, поскольку они одинаково строго соблюдаются обѣими сторонами. Наши долголѣтнія страданія извѣстны всему міру. Свободы, гарантированныя клятвой двухъ монарховъ и столько разъ нарушенныя, освобождаютъ и польскій народъ отъ долга вѣрности по отношенію къ нынѣ царствующему монарху. Слова, произнесенныя императоромъ Николаемъ, что первый пушечный выстрѣлъ съ нашей стороны будетъ сигналомъ къ полному уничтоженію, отнимаютъ у насъ всякую надежду на справедливость, оставляя намъ только благородное отчаяніе. Въ виду сего народъ польскій, представленный сеймомъ, провозглашаетъ свою независимость и право предоставить корону тому, кого онъ сочтетъ достойнымъ носить ее и кто представитъ самыя торжественныя и надежныя гарантіи въ томъ, что свято и нерушимо сохранитъ наши свободы“.

Солтыкъ исходилъ, такъ сказать, изъ началъ естественнаго права націи, сеймъ положилъ въ основу детронизаціи историческое право — договоръ монарховъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Европейской дипломатіи сеймъ этимъ хотѣлъ сказать, что Николай свергается съ престола не потому, что польскій народъ признаетъ себя независимымъ, а лишь потому, что Николай нарушилъ кон-

ституцію, гарантированную Вѣнскимъ конгрессомъ.

Для того, чтобы расположить въ свою пользу дипломатію европейскихъ государствъ и показать, что Польша далека отъ республиканскихъ принциповъ, 8-го февраля сеймомъ была принята резолюція, устанавливавшая въ Польшѣ монархически-конституціонный строй, причемъ престолъ ея былъ пока объявленъ вакантнымъ *).

Пока что функція королевской власти была поручена избранному на засѣданіи сейма 29-го января національному правительству (Rząd narodowy) изъ слѣдующихъ 5 лицъ: кн. Чарторыйскаго въ качествѣ предсѣдателя, Викентія Нѣмоевскаго, Моравскаго, Баржиковскаго и Лелевеля—въ качествѣ его членовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что по довольно запутанной теоріи сеймовыхъ государствовѣдовъ національное правительство было не исполнительной властью, а *правящей*. Исполнительная власть въ лицѣ отвѣтственныхъ министровъ назначается національнымъ правительствомъ; сейму же принадлежитъ контролирующая власть. „Новая Польша", органъ революціонной группы, признавала такую организацію власти, этотъ „квинтумвиратъ", не соотвѣтствующей моменту, который требуетъ сильной централизованной власти.

Актомъ избранія національнаго правительства заканчивается, такъ сказать, внутренняя исторія польской революціи, и начинается внѣшняя ея исторія — война двухъ армій. 6-го февраля фельдмаршалъ Дибичъ вступилъ въ предѣлы Царства Польскаго, и съ этого момента до штурма и капитуляціи Варшавы, слѣдовательно, въ теченіе 7-ми мѣсяцевъ страна находилась на военномъ положеніи. Несмотря на преобладающую численность русскихъ войскъ, несмотря на то, что Пруссія и Австрія при формальномъ нейтралитетѣ оказывали громадную поддержку русскимъ войскамъ, въ то же время тормозя и парализуя дѣйствія польской арміи, несмотря на неподготовленность Царства къ войнѣ, такъ какъ въ теченіе первыхъ 6-ти недѣль возстанія ничего почти не было сдѣлано для приведенія его арміи въ боевую готовность, несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія — окончательная побѣда надъ польской революціей досталась русскому императору съ величайшимъ трудомъ. Ни одна изъ воюющихъ сторонъ не ожидала, что война продлится столько времени. И Николай, и національное правительство полагали, что дѣло ограничится одной-двумя битвами; разница между ними была лишь та, что первый надѣялся на безусловное подчиненіе поляковъ, національное же польское правительство, — что тотъ или другой исходъ первыхъ же битвъ вызоветъ вмѣшательство европейской дипломатіи и начнутся переговоры, такъ

*) Резолюція сейма, принятая 8-го февраля 1831 г. гласила: „Ст. I. Сеймъ отъ имени народа объявляетъ, что признаетъ конституціонную представительную монархію съ правомъ наслѣдованія престола имѣющей быть избранной династіи, единственно соотвѣтствующей потребностямъ народа; что и во время настоящаго „безкоролевья" (т. е. междуцарствія) онъ будетъ строго соблюдать формы такой монархіи и никому безнаказанно не позволитъ ихъ нарушать".

сказать, 2-ой Вѣнскій конгрессъ, который возстановитъ Польшу въ ея правахъ.

Русская армія не встрѣчала никакихъ препятствій на своемъ пути во внутрь Царства Польскаго, почти безъ выстрѣла занявъ 4 воеводства на правомъ берегу Вислы. Планъ военной кампаніи, составленный Хлопицкимъ, принятый правительствомъ и одобренный сеймомъ, состоялъ въ томъ, чтобы не переносить театра военныхъ дѣйствій за предѣлы Царства, за Нѣманъ и Бугъ, т. е. въ Литву и Волынь. Напрасно Мохнацкій еще 14-го февраля писалъ въ „Новой Польшѣ“: „Если мы хотимъ побѣдить, мы должны дѣйствовать наступательно... Театромъ войны не можетъ служить нынѣшняя Польша, но Польша, находящаяся подъ властью Россіи“.

Поэтому первая крупная битва произошла недалеко отъ Варшавы, на правомъ берегу Вислы, почти на глазахъ варшавскаго населенія. Эта первая битва, въ которой фактическое командованіе надъ арміей принадлежало ген. Хлопицкому, хотя формально главнокомандующимъ числился кн. Радзивиллъ, была удачна и неудачна для польскаго оружія. Потери поляковъ на поляхъ Грохова были громадны, выразившись цифрой въ 14.000 убитыхъ и раненыхъ, что составляло одну треть всей польской арміи. Благодаря, однако, геройству польскихъ солдатъ позиціи были удержаны, и Дибичу на этотъ разъ не удалось взять Варшавы или принудить ее къ сдачѣ.

Но исходъ Гроховской битвы вызвалъ страшное смятеніе среди членовъ сейма и генераловъ польской арміи. Изъ почти 200 членовъ сейма осталось въ Варшавѣ меньше половины, остальные поспѣшили укрыться въ Галицію: въ виду этого было рѣшено считать постановленія сейма правомѣрными при наличности 33-хъ членовъ. Военный совѣтъ изъ генераловъ высказался за невозможность продолженія войны и за необходимость начать переговоры. Такимъ образомъ, первая же военная неудача произвела неописуемое замѣшательство въ рядахъ правящаго и господствующаго класса.

И если Гроховская битва не явилась послѣднимъ этапомъ русско-польской войны, такъ это благодаря возстанію, которое совершенно независимо, противъ воли и желанія національнаго правительства, поднялось въ западныхъ губерніяхъ, въ Литвѣ и Волыни. Театръ военныхъ дѣйствій волей-неволей пришлось расширить. Были отправлены, правда, незначительные, военные отряды за Нѣманъ и Бугъ. Политическимъ результатомъ этихъ партизанскихъ возстаній явилось приглашеніе представителей отъ этихъ провинцій въ сеймъ. Сеймъ пріобрѣлъ этимъ характеръ народнаго представительства не одного только Царства Польскаго, но всей Польши, находящейся подъ скипетромъ россійскаго императора. Однако, это не измѣнило общаго положенія и направленія военной кампаніи; возстанія были вскорѣ подавлены, а изъ посланныхъ имъ въ помощь военныхъ отрядовъ, 3.000-ный отрядъ подъ начальствомъ Дверницкаго, отступая за границу Галиціи, былъ разоруженъ австрійцами.

Новый главнокомандующій Скржи-

26

Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ.

Съ портрета, писаннаго А. В. Тырановымъ, 1837 г.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

ецкій, который въ мартѣ и апрѣлѣ одержалъ нѣсколько блестящихъ побѣдъ надъ непріятельской арміей (подъ Вавромъ и Сѣдлецомъ), предался послѣ этого полной бездѣятельности. Наконецъ, вынужденный требованіями сейма и натискомъ общественнаго мнѣнія, онъ рѣшился на наступленіе. Встрѣча между арміями произошла подъ г. Остроленкой, Ломжинской губерніи, 26-го мая. „Остроленцкая битва сломила нравственную силу возстанія, лишила популярности главнокомандующаго, уменьшила число стараго войска, лишила насъ самыхъ дѣльныхъ офицеровъ *)“.

Но и послѣ Остроленцкой катастрофы еще оставалось въ польской арміи 50.000 солдатъ, и съ такой силой безусловно можно было сдѣлать очень много, можно было во всякомъ случаѣ преградить русскимъ войскамъ переходъ черезъ Вислу на ея лѣвый берегъ, къ чему были направлены всѣ усилія Дибича съ самаго начала войны. Ему уже это не удалось сдѣлать: въ іюнѣ главнокомандующій Дибичъ и вел. князь Константинъ погибли отъ холеры, которая стала свирѣпствовать въ рядахъ русской арміи. Этотъ рѣшительный, поворотный шагъ во всей кампаніи совершилъ фельдмаршалъ Паскевичъ, замѣнившій Дибича. 19-го іюля 60.000-ная русская армія переправилась черезъ Вислу, а 4-го сентября (н. ст.) она обложила Варшаву. 7-го сентября начался генеральный штурмъ Варшавы, предшествуемый бомбардировкой. Новый глава польскаго правительства—Чарторыйскій и его товарищи вышли въ отставку еще три недѣли передъ этимъ, послѣ знаменитой ночи 15-го августа *). Генералъ Круковецкій, вынудивъ на то согласіе сейма, отправилъ Паскевичу письмо, которое было въ сущности актомъ капитуляціи. Русскія войска вступили въ Варшаву, послѣ того какъ польскія успѣли переправиться на правый берегъ Вислы. Остатки сейма и польское правительство сопровождали польскую армію.

Возстаніе было кончено. Въ исторіи Царства Польскаго началась новая, тяжелая эпоха...

Мы лишь въ самыхъ общихъ чертахъ изложили ходъ военной кампаніи, подробное описаніе которой есть дѣло военныхъ историковъ. Недостатокъ рѣшительности, отсутствіе талантливыхъ полководцевъ, малочисленность польской арміи были причиной конечнаго пораженія этой послѣдней. Недостатокъ рѣшительности, т. е. боязнь смѣлыхъ наступательныхъ дѣйствій, боязнь развернуть революцію вширь и вглубь, объясняется не только личными качествами членовъ національнаго правительства и его главы Чарторыйскаго, но всей природой правящаго сословія и его представителя, сейма.

На засѣданіи сейма 29-го января 1831 г., на которомъ было избрано

*) Maurycego Mochnackiego—Pisma rozmaite, стр. 149.

*) Ночью 15-го августа тысячная толпа народа, ворвавшись въ замокъ, гдѣ находились арестованные по подозрѣнію въ измѣнѣ польскіе офицеры, вытащила ихъ на улицу и повѣсила на фонарныхъ столбахъ; справившихъ такъ съ измѣнниками, толпа принялась за шпіоновъ, служившихъ еще при Константинѣ. Въ эту памятную ночь убито было такимъ образомъ свыше 30-ти человѣкъ.

національное правительство, князь Адамъ Чарторыйскій произнесъ, такъ сказать, программную рѣчь, гдѣ онъ высказываетъ свой взглядъ на характеръ и задачи польской революціи:

„Слѣдуетъ убѣдить Европу, что наша революція чисто польская, т. е. что цѣлью ея является существованіе и независимость нашей родины, а не измѣненіе всѣхъ общественныхъ основъ и усиленіе отвратительныхъ элементовъ анархіи, освободиться отъ которыхъ одинаково велятъ нравственность, политика и голосъ всей Европы.

„Въ оружіи, въ вооруженіи единственная наша надежда, только къ этой цѣли должны стремиться всѣ честные и преданные поляки. Не время теперь думать объ учрежденіяхъ, объ общественныхъ реформахъ, громъ оружія отнимаетъ возможность предаваться серьезному и долгому размышленію и заставляетъ дѣйствовать быстро. Даже свободой, этимъ наиболѣе цѣннымъ сокровищемъ приходится въ минуты опасности жертвовать на время—для сохраненія независимости. Спасти ее является самой высокой потребностью, самымъ верховнымъ правомъ; передъ этой жизненной потребностью должны отступать всѣ другія соображенія".

Согласно высказаннымъ здѣсь принципамъ, дипломатическимъ агентамъ польскаго правительства, разосланнымъ въ главнѣйшія европейскія столицы, было поручено особенно настаивать передъ иностранными кабинетами на томъ, что „польская революція отнюдь не есть простое отраженіе французской революціи, какъ нѣкоторымъ угодно предполагать; единственная ея цѣль—возстановленіе національности и независимости; демагогическія идеи не могутъ пустить корней въ странѣ, которая, борясь за свою независимость, отвергаетъ тѣ теоріи, которыя нарушаютъ мирное развитіе въ другихъ странахъ".

Подобными заявленіями и увѣреніями кн. Чарторыйскій и его правительство хотѣли вызвать сочувствіе къ Польшѣ правящей Европы. Въ этихъ наивныхъ надеждахъ на сочувствіе и вмѣшательство иностранныхъ державъ, составлявшихъ центръ тяжести всей политики Чарторыйскаго, пришлось въ концѣ концовъ разочароваться. Но это разочарованіе наступило тогда, когда уже было поздно, когда правительство увидѣло спасеніе „только въ нашемъ отчаяніи, въ ожиданіи божескаго чуда и въ нашей твердой рѣшимости погибнуть" *).

Боязнь „демагогическихъ идей" не была лишь показной, для привлеченія сочувствія Европы. Она, какъ мы могли убѣдиться изъ всего предыдущаго, красной нитью проходитъ черезъ всю исторію польской революціи. Какія же это „демагогическія идеи"?

„Не время теперь думать объ учрежденіяхъ и объ общественныхъ реформахъ", говорилъ кн. Чарторыйскій въ приведенной рѣчи. Подъ общественными реформами онъ разумѣлъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и надѣленіе ихъ землей въ полную собственность. Въ Польшѣ, несмотря на наличность гражданскаго Кодекса Наполеона, барщинный трудъ былъ господствую-

*) См. Douzième circulaire diplomatique du gouvernement national de Pologne.

щимъ, и помѣщикъ считался собственникомъ всей земли, включая и ту, которую крестьянинъ обрабатывалъ для себя. Мы знаемъ, что за 15 лѣтъ существованія Царства Польскаго вопросъ о крестьянахъ не поднимался, а тотъ единственный разъ, когда онъ былъ поднятъ въ сеймѣ, это было сдѣлано не для того, чтобы улучшить положеніе крестьянъ, но скорѣе для того, чтобы навсегда закрѣпить ихъ рабское, зависимое положеніе.

По этому вопросу въ сеймѣ не было, да и не могло быть крупныхъ разногласій, ибо преобладающее и даже исключительное мѣсто въ немъ занимали представители шляхты-помѣщиковъ.

Тотъ же сеймъ въ своемъ прежнемъ до-революціонномъ составѣ оставался народнымъ представительствомъ возставшей Польши. Слабость, соціально-политическое безсиліе польской революціи лучше всего характеризуется именно тѣмъ фактомъ, что она не создала другого, болѣе полно отражающаго интересы народа національнаго представительства. Напрасно пылкіе публицисты „Новой Польши“—Мохнацкій и Гуровскій, считая этотъ сеймъ повиннымъ во всѣхъ несчастьяхъ и пораженіяхъ, взывали къ членамъ его: „Сложите съ себя намѣстничью власть народа, вернитесь въ то состояніе ничтожества, изъ котораго васъ хотѣла вырвать революція“. Такіе совѣты вызывали лишь ненависть къ „якобинцамъ и демагогамъ“, но не могли создать новаго народнаго представительства. Не было даже никакихъ попытокъ въ этомъ направленіи. Городскіе классы польскаго общества (мѣщанство—крупное и мелкое) были политически безсильны и неактивны, они не успѣли еще въ себѣ развить чувства и сознанія политической независимости, охотно тащась въ хвостѣ „старшей братьи“—шляхты. Самый многочисленный классъ — крестьянство, совершенно стоялъ въ сторонѣ отъ событій.

Поэтому партій въ собственномъ, современномъ смыслѣ этого слова, не было ни въ сеймѣ, ни внѣ сейма, хотя были названія для обозначенія трехъ группъ: аристократическая партія, конституціонная (или калишская) и революціонная. Но въ основѣ этихъ группировокъ не лежало различіе крупныхъ, глубокихъ соціальныхъ интересовъ. „Партіи эти, не отражающія соціальныхъ интересовъ, не представляющія общественныхъ классовъ, не имѣя, стало-быть, *подъ* собою общественной почвы и не видя *передъ* собою общественныхъ перспективъ и радикальныхъ измѣненій, были отчасти представительствомъ, отраженіемъ минувшихъ эпохъ, отчасти являлись органомъ преходящихъ мнѣній и политическихъ системъ, или совсѣмъ новыхъ утопій“ (Мохнацкій).

Еще въ 1831 году, передъ штурмомъ Варшавы, Мохнацкій писалъ: „Изъ розсказней и пустыхъ басенъ у насъ возникли не партіи, а секты, не политическія группы, а котеріи... У насъ нѣтъ ни одной *партіи*, охватывающей большую массу, которая стремилась бы вытѣснить другую партію. Нѣтъ у насъ далеко заходящаго внутренняго раскола или столь крупнаго раздѣленія, чтобы оно дало возможность выдѣлиться рѣзко характернымъ, кореннымъ и основнымъ

чертамъ той или иной части народа, того или иного класса *въ ущербъ другому классу*."

Это вполнѣ вѣрно для того времени, но вѣрно не въ силу теоріи, созданной Мохнацкимъ и состоящей въ томъ, что Польша стремится не къ революціи, а къ реставраціи, не къ установленію того или другого соціальнаго порядка, а лишь къ тому, *чтобы быть*. Сущность польской революціи по этой теоріи *реставрація*. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію Мохнацкаго, между народомъ независимымъ и народомъ, возстающимъ за свою независимость—разница громадная. Страна возстающая стремится къ тому, чтобы стать независимой. До осуществленія этого она нуждается только въ дѣльномъ, абсолютномъ, военномъ правительствѣ. Весь общественный укладъ, всѣ функціи организованнаго, независимаго строя прекращаются въ такомъ положеніи. „Народъ возстающій не можетъ дѣлиться на партіи, ибо у него нѣтъ различныхъ противоположныхъ интересовъ матеріальныхъ, ибо у него есть одинъ только главный и верховный интересъ — *бытіе*, который *деспотически* властвуетъ надъ всѣми иными до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ разрѣшенъ. Въ Польшѣ возстающей какой, напр., интересъ матеріальный или моральный могъ бы итти въ сравненіе съ интересомъ *независимости?* Можетъ быть, свобода наиболѣе многочисленнаго класса? Эмансипація, надѣленіе землей, просвѣщеніе крестьянъ? Спору нѣтъ, это важный вопросъ, но все-таки второстепенный, ибо нужно не только, чтобы *мужикъ* былъ свободенъ и просвѣщенъ въ Польшѣ, чтобы у него былъ кусокъ земли, чтобы онъ сдѣлался гражданиномъ этого края, но нужно прежде всего, чтобы оба они, т. е. *мужикъ* и *шляхтичъ* не были подъ ярмомъ Россіи, Пруссіи, Австріи" *).

Мохнацкій, вождь *революціонной* партіи, говорилъ то же самое, что и Чарторыйскій, глава *аристократической* партіи. Такое согласіе двухъ съ перваго взгляда столь рѣзко противоположныхъ теченій объясняется очень просто. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, что въ инсуррекціи нѣтъ, не можетъ и не должно быть партій, а въ томъ, что всѣ существовавшія въ то время польскія партіи—и аристократическая, и конституціонная, и, наконецъ, революціонная—были выразителями стремленій и представителями интересовъ господствующаго помѣщичьяго класса, были въ той или другой степени тѣсно связаны съ этими послѣдними.

И если страхъ передъ „анархіей и демагогіей", страхъ, который былъ свойственъ какъ аристократамъ, такъ и конституціоналистамъ, былъ въ сущности боязнью шляхты передъ возможностью пробужденія и возстанія крестьянства, то лишь по недоразумѣнію можно было за этотъ страхъ дѣлать отвѣтственной такъ называемую революціонную партію.

Мы только что привели взгляды самаго радикальнаго и яркаго представителя этой группы. Революціонность ея, какъ мы видѣли, состояла не въ томъ, что она намѣчала новыя цѣли, а лишь въ томъ, что она требовала для осуществленія той же цѣли другихъ средствъ. Она требовала

*) Maurycy Mochnacki. Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831. T. II, str. 283.

смѣлаго, наступательнаго образа дѣйствій, добивалась, чтобы правительство развернуло maximum энергіи, таящейся въ польскомъ обществѣ, направивъ все къ одной, властной цѣли, къ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ. Эта группа *не боялась* революціи въ общественныхъ отношеніяхъ, напротивъ того, указывала, что только путемъ такой революціи можно будетъ привлечь широкія крестьянскія массы къ возстанію.

Мохнацкій еще до Гроховской битвы указывалъ въ своихъ статьяхъ, что нужна соціальная революція. Онъ задавалъ вопросъ: отчего массы не возстаютъ? И обращаясь къ сейму и правительству, онъ продолжаетъ: „Неужели вы думаете, что достаточно было писать пустыя прокламаціи и набивать непонятными фразами головы людямъ, не умѣющимъ читать? Тысячу разъ вы повторяли, что революція въ Польшѣ это—только инсуррекція. Мы, съ своей стороны, спросимъ васъ: что сдѣлано въ смыслѣ инсуррекціи? Какъ извѣстно, у насъ три съ половиной милліона жителей. Сколько же человѣкъ стало подъ ружье? Горсть регулярной арміи, съ десятокъ полковъ конницы и не больше! Здравый смыслъ наталкиваетъ на мысль, что только возстаніе массъ можетъ спасти этотъ край, что солдатъ только тогда оказывается непобѣдимымъ, когда его со всѣхъ сторонъ окружаютъ эти массы, когда его окружаютъ по собственной охотѣ, и съ такимъ оружіемъ въ рукахъ, какое въ нуждѣ всегда изобрѣталъ и создавалъ деревенскій умъ... Пришелъ послѣдній моментъ! Перестаньте же предаваться тому заблужденію, что одной лишь инсуррекціей вы спасете страну, необходима соціальная революція, необходимо употребить для спасенія погибающей отчизны тѣ средства, которыя даетъ въ руки соціальная революція. Необходимы коренныя средства, подобныя быстро дѣйствующимъ лѣкарствамъ въ минуты полнаго истощенія. Необходимо вамъ обратиться со своей рѣчью ко всему нашему народу, необходимо однимъ особымъ благороднымъ рѣшеніемъ пріобщить громадное большинство польскаго народа къ правамъ человѣка и гражданина, и всякому, кто взялся за оружіе, обезпечить немедленно, ему и его семьѣ, безопасность на вѣчныя времена“.

Послѣднее выраженіе очень туманно, но если понимать подъ нимъ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости и надѣленіе крестьянъ собственностью, то почему Мохнацкій говоритъ только о тѣхъ, кто взялся за оружіе? Очевидно, освобожденіе крестьянъ для Мохнацкаго не являлось самодовлѣющей цѣлью, а лишь подчиненной, служа средствомъ къ вовлеченію массъ въ возстаніе, играя роль награды для тѣхъ, кто будетъ участвовать въ возстаніи. Мохнацкій считаетъ это средство послѣднимъ, рѣшительнымъ средствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ, которое „сможетъ насъ вырвать изъ всѣхъ опасностей. Наконецъ, развѣ не лучше сдѣлать путемъ добровольной, патріотической уступки то, что будетъ потомъ насильно вырвано завоевателями“?

Громадное большинство сейма, однако, слишкомъ было привязано къ своимъ господскимъ привилегіямъ, чтобы рѣшиться на актъ „всеобщей спра-

ведливости". Но совершенно пройти молчаніемъ мимо этого вопроса сейму было невозможно. 28-го марта въ сеймъ былъ внесенъ проектъ, предлагавшій замѣнить барщину оброкомъ, но только въ національныхъ, т. е. казенныхъ имѣніяхъ, причемъ каждому такому „государственному" крестьянину, по проекту, предоставлялось право выкупа своего участка въ полную собственность при условіи или единовременной уплаты капитализированнаго оброка или въ разсрочку, но не менѣе 100 польскихъ злотыхъ въ годъ. Одинъ изъ членовъ сейма, Шанецкій, предложилъ распространить указанное въ проектѣ право и на частновладѣльческія земли, такъ какъ только надѣленіе крестьянъ земельной собственностью свяжетъ ихъ „частный интересъ съ общимъ дѣломъ, подниметъ всю массу народа на завоеваніе независимости".

Предложенія Шанецкаго сеймъ даже не хотѣлъ обсуждать, а изъ проекта о національныхъ земляхъ онъ выкинулъ ту часть его, въ которой предлагалось дѣлить „фольварки", т. е. экономическую землю, на маленькіе участки для раздачи въ аренду заслуженнымъ въ борьбѣ за независимость солдатамъ. Сеймъ „не хотѣлъ нанести ущерба казнѣ"; но это было лишь предлогомъ, подъ которымъ скрывался голый помѣщичій интересъ: помѣщики вѣдь были арендаторами государственныхъ имуществъ. Въ концѣ концовъ весь проектъ рѣшено было отложить до того времени, когда наступитъ „соединеніе Царства съ прежними заборами".

За стѣнами сейма крестьянскій вопросъ дебатировался въ Патріотическомъ Обществѣ, преемникѣ декабрьскаго революціоннаго клуба, но рѣшеніе, которое здѣсь давали этому вопросу, показываетъ всю немощь „революціонной" партіи въ соціальномъ отношеніи. Лелевель, предсѣдатель Патріотическаго Общества, говорилъ на засѣданіи его: „Что касается замѣны барщины оброкомъ, то я искренно желаю, чтобы ею могли воспользоваться не только государственные, но и помѣщичьи крестьяне; но я полагаю, что въ это дѣло никакой законъ не долженъ вмѣшиваться, оно должно быть всецѣло предоставлено собственному убѣжденію въ томъ, что это будетъ лучше, что этого требуетъ обоюдный интересъ господъ и крестьянъ".

Даже по вопросу о замѣнѣ барщины оброкомъ революціонеръ Лелевель не рѣшается итти противъ интересовъ шляхты. Неудивительно, что Патріотическое Общество не нашло болѣе подходящаго средства для разрѣшенія крестьянскаго вопроса, какъ основаніе жалкаго „Общества для надѣленія крестьянъ землей", ставившее своей задачей на добровольныя пожертвованія пріобрѣтать у шляхты землю для раздачи крестьянамъ. Широта плановъ этого Общества лучше всего рисуется въ слѣдующихъ словахъ его основателей: „Если бы обстоятельства оказались настолько неблагопріятны, что Общество своими средствами сможетъ въ теченіе года сдѣлать собственникомъ хотя бы одного только крестьянина, то и тогда цѣль будетъ достигнута".

Почему польская революція потерпѣла пораженіе? Въ конечномъ счетѣ причина кроется въ отсталости обще-

